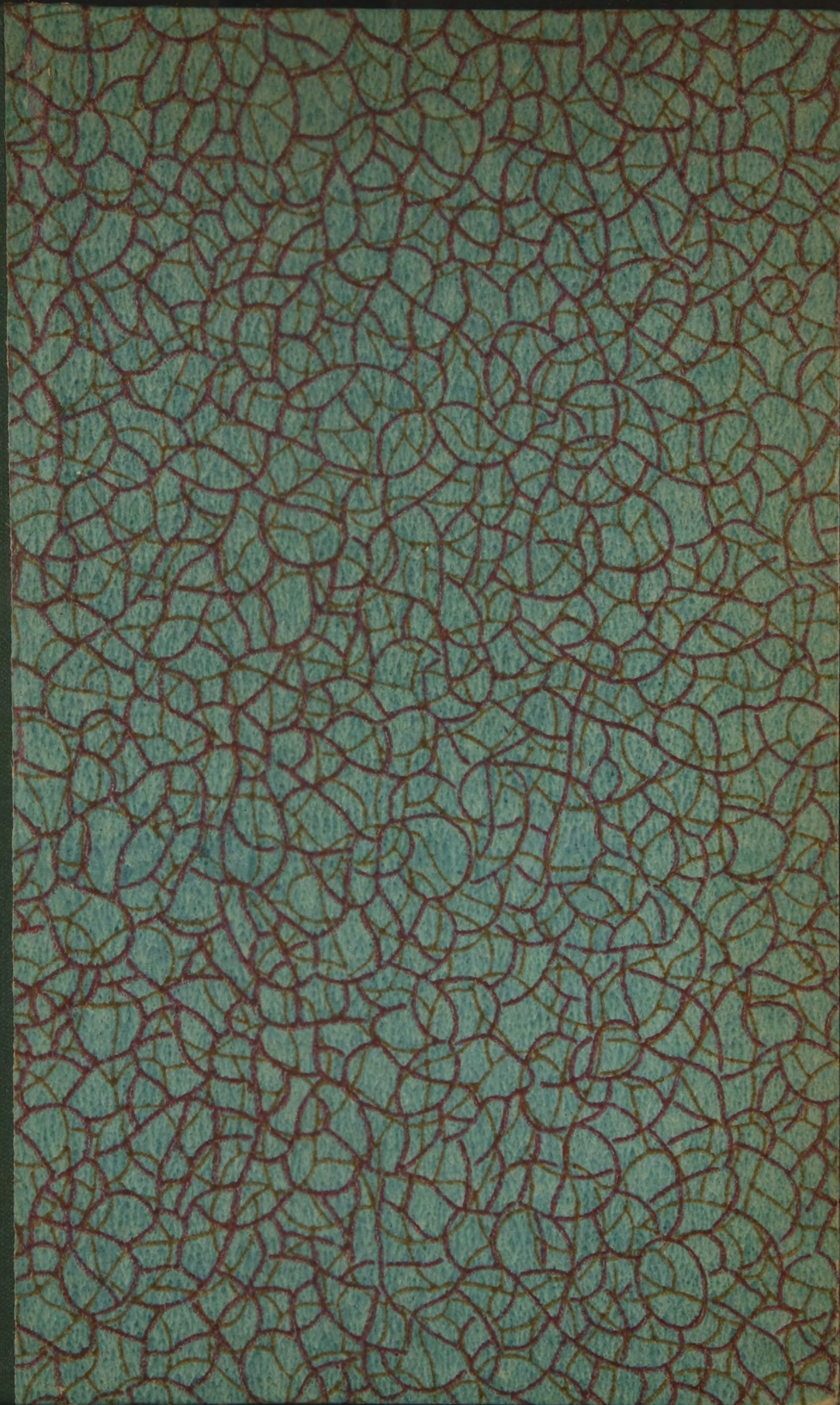

72/138
Ю. Делевскій.

СОЦІАЛЬНЫЕ АНТАГОНИЗМЫ

И

~~И~~
КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВЪ ИСТОРИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.

1910.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТОВ-ВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“.

Спб., Невскій, 40, кв. 43.

- Адлеръ. Авархизмъ. Ц. 20 к.
Адлеръ. О безработицѣ. Ц. 60 к. Изд. Гершунина.
Аксельродъ, П. Рабочій классъ и революціонное движеніе въ Россіи. Ц. 40 к. Изд. „Общ. Пользы“.
Арсеньевъ, К. Законодательство о печати. Ц. 1 р. 25 к. Изд. Гершунина.
Арсеньевъ, К. Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 50 к. Изд. „Общ. Пользы“.
Атлантукъ. Марксизмъ или теорія наивысшей производительности. Ц. 30 к. Изд. „Общ. Пользы“.
Бауэръ. Національный вопросъ и социаль-демокр. Ц. 3 р. Изд. „Общ. Пользы“.
Бернштейнъ, Э. Основныя условія хозяйственной жизни. Ц. 10 к. Стачка. Ц. 40 к. Изд. „Общ. Пользы“.
Бургенъ, М. Современныя социалистическія системы и экономическое развитіе. Перев. съ франц. подъ ред. Н. Кудрина. Ц. 2 р. 50 к.
Веббъ, С. и Коксъ, Х. 8-ми-часовой рабочій день. Пер. Д. Муратова. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к. Изд. „Общ. Пользы“.
Соціализмъ въ Англіи. Сборн. ст. англійск. социалистовъ, составл. С. Веббомъ. Ц. 1 р. Изд. „Общ. Пользы“.
Градовскій, К. О свободѣ русской печати. Ц. 1 р. 25 к.
Давидъ, Э. Завоеваніе политической власти. Пер. съ нѣм. Ц. 15 к. Изд. „Общ. Пользы“.
Законодательная охрана труда. Ц. 1 р. 60 к. Землевладѣніе и сельское хозяйство. 2-е изд. Ц. 1 р. 60 к. Исторія труда. Ц. 1 р. 50 к. Народонаселеніе. Ц. 1 р. 50 к. Очерки изъ экономической и социальной исторіи древняго міра и ср. вѣковъ. Ц. 1 р. 75 к. Промышленность. Ц. 1 р. 75 к. Изд. Водовозовой.
Зелигманъ, Э. Основы политической экономіи. Ц. 3 р.
Зомбартъ, В. Почему нѣтъ социализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Ц. 50 к.
Голлосъ, Г. Письма изъ Берлина. Ц. 2 р.
Горданскій, Н. Земскій либерализмъ. Ц. 20 к.
Каутскій, К. Очередныя проблемы международнаго социализма. Сборникъ статей. Спб., 906 г. Ц. 1 р.
Кауфманъ, А. Переселеніе и колонизація. Ц. 2 р.
Корниловъ, А. Крестьянская реформа. Ц. 1 р. 50 к.
Кузьминъ-Караваевъ, В. Земство и деревня (1898—1903 гг.). Ц. 2 р.
Курчинскій, М. Муниципальный социализмъ. Ц. 15 к.
Лангъ, О. Социализмъ въ Швейцаріи. Пер. подъ ред. и съ предисл. Г. В. Плеханова. Ц. 10 к.

28/38

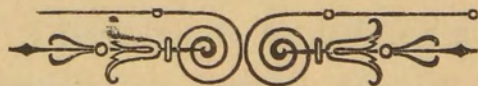
Ю. Делевскій.

СОЦІАЛЬНІЕ АНТАГОНИЗМЫ

И

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВЪ ИСТОРИИ.

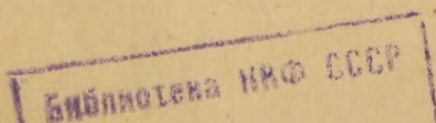
~~37773~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.

1910.

85098

Предлагаемая книга имѣетъ цѣлью дать теорію соціаль-
ныхъ антагонизмовъ въ возможно полномъ историческомъ
освѣщеніи и выяснить мѣсто, занимаемое классовыми антаго-
низмами и классовою борьбою въ общей системѣ антагониз-
мовъ и формъ борьбы. На первомъ планѣ въ книгѣ стоитъ
положительное изслѣдованіе; но не мало мѣста въ ней удѣ-
лено и критикѣ. Пришлось подвергнуть логической и истори-
ческой провѣркѣ нѣкоторыя воззрѣнія, расходящіяся съ изла-
гаемою теоріею,—какъ въ виду ихъ широкой распространен-
ности, такъ и для лучшаго выясненія собственной точки
зрѣнія.

Настоящая работа имѣетъ характеръ исключительно теоре-
тико-научный. Рѣшеніе какихъ-либо практическихъ вопросовъ
стоитъ внѣ ея задачи. Что касается дальнѣйшаго развитія
сдѣланныхъ здѣсь выводовъ и примѣненія ихъ къ вопросамъ
практической политики, то этому будетъ посвящена особая
книга „Классовая борьба и общественный идеалъ“, нынѣ под-
готавливаемая къ печати.

Второй вопрос, который возникает, это вопрос о том, как можно было бы использовать эти данные для того, чтобы лучше понять природу и происхождение жизни. В настоящее время мы знаем, что жизнь возникла на Земле, но мы не знаем, как именно это произошло. Мы знаем, что жизнь возникла из неживого вещества, но мы не знаем, как именно это произошло. Мы знаем, что жизнь возникла из неживого вещества, но мы не знаем, как именно это произошло.

Второй вопрос, который возникает, это вопрос о том, как можно было бы использовать эти данные для того, чтобы лучше понять природу и происхождение жизни. В настоящее время мы знаем, что жизнь возникла на Земле, но мы не знаем, как именно это произошло. Мы знаем, что жизнь возникла из неживого вещества, но мы не знаем, как именно это произошло. Мы знаем, что жизнь возникла из неживого вещества, но мы не знаем, как именно это произошло.

Оглавленіе.

	Стр.
Глава I. Антагонизмы и борьба въ природѣ	1
I. Опредѣленіе антагонизма и борьбы силъ. Условія проявленія борьбы. Относительный характеръ антагонизма силъ	1
II. Антагонизмы и борьба между матеріальными элементами въ природѣ. Причина антагонизмовъ: различные признаки и свойства тѣлъ. Сложная классификація тѣлъ по признакамъ. Относительные антагонизмы по признакамъ и способностямъ. Борьба за индивидуальность. Интересъ этой борьбы	4
III. Антагонизмы и борьба въ царствѣ организмовъ. Признаки, способности, интересы. Классификація признаковъ и способностей. Относительный характеръ антагонизма и солидарности интересовъ. Сложная система интересовъ. Классификація антагонизмовъ. Гнетъ, эксплуатація, порабощеніе. Паразитизмъ и симбіозъ. Возможность, характеръ и результатъ борьбы	10
Глава II. Соціальныя группы. Ихъ признаки, способности, интересы	19
I. Признаки, способности, интересы индивидуальныя и групповыя. Признаки біологическія и соціальныя. Классификація потребностей. Эгоистическія, симпатическія и смѣшанныя потребности. Религіозная потребность	19
II. Типы соціальныхъ группъ. Классификація ихъ по признакамъ біологическимъ, соціальнымъ и психологическимъ. Полъ, возрастъ, раса, нація. Политическія группы; государство. Экономическія группы. Классъ, Подтипы, подгруппы, подклассы. Каста, сословіе. Религіозное общество. Идеологическая группа	26
III. Способности соціальныхъ группъ. Сознанія. Силы. Физическая среда	41
Глава III. Антагонизмы и борьба въ общественной жизни	48
I. Антагонизмъ между индивидуальностью и міромъ. Антагонизмъ и борьба между человѣкомъ и животными. Антагонизмъ между человѣкомъ и обществомъ. Борьба идей. Антагонизмъ между интересами настоящаго и интересами будущаго	48
II. Сложная система соціальныхъ антагонизмовъ. Классификація ихъ. Классовые антагонизмы. Расовые и національные антагонизмы. Политическіе антагонизмы—внутренніе и внѣшніе. Религіозные антагонизмы. Антагонизмъ пола. Антагонизмъ возраста	53
III. Соперничество и его формы. Различные виды угнетенія. Соціальное неравенство	64
IV. Къ чему ведутъ антагонизмы. Исходъ борьбы въ случаяхъ условныхъ и безусловныхъ антагонизмовъ. Относительные антагонизмы. Относительная солидарность	72
Глава IV. Зависимость между характеристическими элементами соціальныхъ группъ. Теорія классовой борьбы Маркса	79
I. Возможныя уравненія между характеристическими моментами. Классификація соціологическихъ теорій сообразно характеру принимаемаго уравненія. Мѣсто теоріи классовой борьбы Маркса	79

	Стр.
II. Анализъ термина „классъ“ въ ученіи Маркса	83
III. Основныя положенія теоріи классовой борьбы Маркса	89
IV. Вопросы, относящіеся къ пониманію этой теоріи	105
Глава V. Мѣсто классовой борьбы въ ряду другихъ социальныхъ антагонизмовъ	108
I. Роль классовой борьбы въ системѣ антагонизмовъ расовыхъ, національныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ, антагонизма пола и антагонизма возраста	108
II. Классовая борьба и антагонизмы національные и національно-государственные. Национальные интересы, патриотизмъ и классовая борьба. Примѣры изъ древней и новой исторіи. Национальная точка зрѣнія въ міровоззрѣніи Маркса, Энгельса и Лассалля	122
III. Религіозные и классовые интересы. Антагонизмъ между религіозными и классовыми антагонизмами. Режимъ кастъ въ Индіи и браманизмъ. Добровольное перенесеніе гнета за религію. Невѣрныя въ магометанскихъ странахъ. Евреи. Христіане въ эпоху гоненія на нихъ. Религіозная вражда. Антисемитизмъ. Борьба христіанства съ язычествомъ и торжество христіанства. Борьба религіозныхъ сектъ. Крестовые походы. Реформація. Религіозныя войны. Отмѣна чантскаго эдикта. Англійскія революціи и религіозная борьба	135
Глава VI. Политика и экономія	168
I. Государственная власть и классовое господство. Демократическая республика. Олигархія. Деспотія. Царская власть въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ. Монархія и господствующій классъ	169
II. Цезаризмъ и классовое господство. Греческіе тиранны. Тиранніи въ средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ. Римская императорская власть. Диктатура Оливера Кромвелля. Бонапартизмъ	176
III. Послѣднѣе - феодальная монархія и борьба классовъ. Сравнительная эволюція политическаго строя въ Англіи, Франціи и Италіи. Абсолютная королевская власть и ограниченная монархія	203
IV. Политическое угнетеніе и классовое угнетеніе. Относительный антагонизмъ и относительная солидарность между государственною властью и различными классами общества. Формы и способы политическаго угнетенія. Политическая борьба. Великая французская революція. Англійскія революціи	217
V. Критика марксистскаго воззрѣнія на классовую природу государственной власти	231
VI. Теорія факторовъ общественнаго развитія и „синтетическая теорія“ общества. Параллель между изученіемъ міра физическихъ явленій и изученіемъ общества. Роль силы и насилія въ исторіи. Тройной источникъ гнета, эксплуатаціи и социального неравенства. Полемика Энгельса съ Дюрингомъ объ отношеніи силы и экономіи въ исторіи. Критика аргументаціи Энгельса. Роль силы въ установленіи формъ общественнаго подчиненія въ исторіи. Заключение	238
Глава VII. Соціальныя антагонизмы и развитіе производительныхъ силъ общества	257
I. Определенной фазѣ развитія производительныхъ силъ общества не соответствуетъ какая-либо конкретная форма классового и политическаго господства. Каннибализмъ, истребленіе плѣнниковъ, рабство, крѣпостничество, самостоятельный и зависимый свободный трудъ въ различныхъ экономическихъ стадіяхъ общественнаго производства и въ различныхъ политическихъ режимахъ	257
II. Интересы общества, интересы социальныхъ группъ, система социальныхъ антагонизмовъ и требованія экономическаго развитія общества. Случай несовмѣстимости	265
III. Антагонизмы, какъ причина то упадка, то застоя обществъ и ихъ производительныхъ силъ. Упадокъ Испаніи. Упадокъ древнихъ Аѳинъ. Упадокъ Римской имперіи. Нашествіе варваровъ и Средніе Вѣка	277
IV. Эволюція рабства и развитіе производительныхъ силъ. Критика взгляда на рабство, какъ на неизбѣжную фазу общественнаго развитія. Критика	

	Стр.
тика воззрѣнія о соціальной полезности рабства. Причины возникновенія и исчезновенія рабства	288
V. Возникновеніе феодальнаго строя и экономическое развитіе общества. Развитіе крѣпостничества. Развитіе феодальной іерархіи. Роль силы въ развитіи феодальнаго строя	313
Глава VIII. Смѣна господства классовъ и соціальныхъ группъ . . .	322
I. Исторія не подтверждаетъ взгляда о фатальномъ освобожденіи подчиненныхъ группъ помощью борьбы. Случаи антагонизма безъ сознанія, сознанный антагонизмъ борьбы, борьбы безъ успѣха. Значеніе состоянія силъ и сознаній для динамики соціальныхъ антагонизмовъ	322
II. Факторы эмансипаціи соціальныхъ группъ, достигаемой ими безъ борьбы	334
III. Условный характеръ закона эмансипаціи соціальныхъ группъ. Циклы освобожденія и порабощенія. Компромиссы. Прогнозъ эмансипаціи, какъ вѣроятность. Состояніе силъ и сознаній, какъ условіе, опредѣляющее траекторію эмансипаціи	338
Глава IX. Относительный характеръ соціальныхъ антагонизмовъ .	345
I. Объединеніе частными сферами интересовъ. Этажеобразная іерархія зависимостей. Полезныя функціи, выполняемыя господствующими группами. Объединеніе группъ частными и временными интересами въ противоположность интересамъ общимъ и постояннымъ	345
II. Духовное порабощеніе. Апологетизмъ. Телеологія. Преклоненіе передъ фактомъ. Пережитки мысли	356
III. Коэффициентъ отношенія относительнаго антагонизма и относительной солидарности. Divide et impera. Относительная солидарность между всѣми господствующими силами. Относительная солидарность между подчиненными группами разныхъ категорій. Относительная солидарность силъ и сознаній на двухъ противоположныхъ полюсахъ	360
Глава X. Условія сознательной эмансипаціи	364
I. Стихийный процессъ и сознательный процессъ. Сознательная инициатива. Роль ея въ подготовкѣ силъ и сознаній	364
II. Элементы силы: численность и организація. Эмансипація, требующая самодѣятельности массы. Случаи достиженія эмансипаціи борьбою посторонней силы. Случаи достиженія эмансипаціи борьбою меньшинства. Господство группъ, какъ господство организованной силы меньшинства. Эмансипація въ результатъ борьбы меньшинства съ меньшинствомъ. Значеніе централизаціи. Условія устойчивости эмансипаціи	367
III. Воспріимчивость группъ къ дѣлу эмансипаціи. Индивидуальная воспріимчивость. Воспріимчивость отдѣльныхъ категорій людей. Вліяніе степени и интенсивности гнета. Вліяніе относительнаго положенія группы. Вліяніе города и деревни. Воспріимчивость пола. Воспріимчивость возраста. Измѣненіе цѣнности интереса. Религіозныя потрясенія. Примѣръ и подражаніе. Общественная психологія въ эпохи подъема и упадка	372
IV. Сознательная инициатива и роль личности въ исторіи	385

Г Л А В А I.

Антагонизмы и борьба въ природѣ.

I.

Наблюдая измѣненія, происходящія въ мірѣ физическихъ явленій, въ царствѣ организмовъ, въ общественной жизни людей, мы часто замѣчаемъ существованіе антагонизмовъ и борьбы.

Подъ антагонизмомъ слѣдуетъ разумѣть состояніе двухъ силъ, изъ которыхъ каждая, при нѣкоторыхъ условіяхъ, стремится произвести дѣйствіе, въ нѣкоторомъ отношеніи противоположное тому, которое стремится произвести другая сила.

Подъ борьбою слѣдуетъ понимать такое состояніе двухъ антагонистическихъ силъ, при которомъ каждая въ дѣйствительности производитъ результатъ, въ нѣкоторомъ отношеніи противоположный тому, который производитъ другая.

Изъ этихъ опредѣленій слѣдуетъ, что антагонизмъ представляетъ собою состояніе болѣе общее, чѣмъ борьба. Антагонизмъ можетъ существовать, не проявляясь въ борьбѣ, но борьба не можетъ происходить безъ существованія антагонизма.

Для того, чтобы антагонизмъ породилъ борьбу, необходимо, чтобы были осуществлены нѣкоторыя предварительныя условія.

Остановимся сначала на явленіяхъ физической природы.

Представимъ себѣ желѣзный брусь, привѣшенный къ негибкой и нерастяжимой проволоцѣ, сверху котораго помѣщенъ достаточно сильный магнитъ. При данномъ положеніи бруса и магнита, земная тяжесть и магнитная сила дѣйствуютъ въ двухъ направленіяхъ діаметрально противоположныхъ: сила тяжести стремится опустить брусь внизъ, тогда какъ притяженіе магнита стремится поднять его вверхъ. Въ данной комбинаціи существуетъ, стало быть, антагонизмъ дѣйствій между двумя силами. Этотъ антагонизмъ не производитъ никакихъ дѣйствительныхъ измѣненій въ положеніи тѣлъ, вслѣдствіе сопротивленія проволоки, парализующаго дѣйствіе обѣихъ силъ.

Допустимъ теперь, что магнитъ помѣщенъ внизу подъ брусомъ. Въ этомъ положеніи земная тяжесть и магнитное притяженіе дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи: обѣ силы стремятся передвинуть

брусъ ниже его настоящаго положенія. При данныхъ новыхъ условіяхъ, стало быть, обѣ силы дѣйствуютъ не одна противъ другой, а одна вмѣстѣ съ другою. Вмѣсто антагонизма, здѣсь является солидарность дѣйствія двухъ силъ. Эта солидарность въ дѣйствіи двухъ силъ не приводитъ ни къ какимъ дѣйствительнымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе сопротивленія проволоки, къ которой прикрѣпленъ брусъ.

Итакъ, двѣ силы могутъ быть антагонистическими при одномъ положеніи и солидарными при другомъ положеніи матеріальныхъ элементовъ.

Что произойдетъ, если негибкая и нерастяжимая проволока будетъ замѣнена гибкою и растяжимою нитью?

Въ первомъ положеніи, сила тяжести произведетъ натяженіе нити и нѣкоторое опущеніе бруса ниже его первоначальной точки прикрѣпленія, въ случаѣ бруса достаточно тяжелаго, можетъ произойти разрывъ нити и паденіе бруса на землю. Напротивъ того, магнитъ будетъ производить сгибаніе нити и перемѣщеніе бруса вверхъ къ притягивающему его магниту. Результатъ будетъ зависѣть отъ соотношенія силъ земной тяжести и магнитнаго притяженія. Если сила магнита будетъ увеличиваться или уменьшаться (измѣняя, напр., силу тока, если это — электромагнитъ), то желѣзный брусъ, станетъ то подниматься, то опускаться, вслѣдствіе измѣненія отношенія между силами земного притяженія и магнитнаго притяженія. Произойдетъ борьба двухъ антагонистическихъ силъ. Эта борьба будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, покамѣстъ между величинами противодѣйствующихъ силъ не установится отношеніе, при которомъ вліяніе одной силы не будетъ совершенно парализовано вліяніемъ другой силы, болѣе значительной, которая и произведетъ соотвѣтственный результатъ. При достаточной напряженности, при томъ неизмѣнной, силы магнита, послѣдній притянетъ къ себѣ вверхъ магнитъ и будетъ удерживать его неподвижно на опредѣленной высотѣ. При достаточномъ постоянномъ ослабленіи силы магнита, нить испытаетъ натяженіе отъ силы земного притяженія, и брусъ опустится до нѣкакого опредѣленнаго уровня, если только не произойдетъ разрывъ нити и паденіе бруса на землю. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ борьба противодѣйствующихъ силъ прекращается, хотя антагонизмъ остается.

Во второмъ положеніи, т. е. когда магнитъ находится подъ брускомъ, обѣ силы дѣйствуютъ солидарно, произойдетъ усиленное натяженіе нити, вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія обѣихъ силъ, и брусъ опустится до болѣе низкой точки, если только разрывъ нити, послѣ достиженія высшаго предѣла ея упругости, не повлечетъ паденія бруса на магнитъ или на землю.

Изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ вытекаетъ, что, при существованіи антагонизма между двумя силами, борьба можетъ между ними наступить лишь въ томъ случаѣ, когда дѣйствіе одной силы, или другой, или обѣихъ

вмѣстѣ не парализовано никакими внѣшними препятствіями, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ вся явная энергія меньшей силы не парализована вполне дѣйствіемъ большей силы. Кромѣ того, силы, антагонистическія при одномъ положеніи матеріальныхъ элементовъ, могутъ оказаться солидарными при другомъ положеніи матеріальныхъ элементовъ.

Въ данной комбинаціи матеріальныхъ элементовъ двѣ силы находятся въ состояніи антагонизма по отношенію къ производимому каждою изъ нихъ результату. Значить ли это, что, для данной комбинаціи, это—двѣ силы антагонистическія во всѣхъ отношеніяхъ?

Вернемся къ предыдущему примѣру, который мы видоизмѣнимъ слѣдующимъ образомъ. Допустимъ, что притяженіе бруса производится электро-магнитомъ, токъ котораго замыкается самимъ брускомъ въ моментъ натяженія нити. Притяженіе бруса электро-магнитомъ является тогда причиною размыканія тока, потери электро-магнитомъ его притягательной силы, паденія бруса подъ вліяніемъ дѣйствія силы тяжести и новаго натяженія силы; происходитъ новое замыканіе тока, новое заряженіе электро-магнита, новое притяженіе вверхъ бруса, и т. д. Повинуясь чередующемуся дѣйствію то магнитной силы, то земного притяженія, брусь непрерывно поднимается и падаетъ. Допустимъ теперь еще, что токъ, которымъ питается электро-магнитъ, сообщается гальваническою цѣпью, замыканіе и размыканіе которой, въ свою очередь, производитъ въ нѣкоторомъ замкнутомъ проводникѣ индуктивные токи, которые, какъ извѣстно, возникаютъ безразлично въ зависимости отъ появленія или исчезанія токовъ индуктирующихъ. Въ данномъ случаѣ и магнитная сила, и земное притяженіе производятъ одинаковый результатъ: индуктивные токи. Антагонистическія другъ другу въ отношеніи дѣйствія на брусь, эти обѣ силы оказываются солидарными въ отношеніи индуктированія токовъ.

Возьмемъ еще другой примѣръ. Тепло и холодъ—двѣ противоположныя стихіи. Выражаясь болѣе точно, повышение и пониженіе температуры какой-нибудь среды составляютъ два противоположныхъ процесса, и силы, ихъ производящія, находятся въ состояніи рѣзкаго антагонизма. Химическая энергія охлаждающей смѣси, поглощающей тепло, понижаетъ температуру, напр., окружающаго газа, тогда какъ химическая энергія горящаго угля, освобождающаго теплоту, повышаетъ температуру того же газа. Въ этомъ отношеніи обѣ энергіи дѣйствуютъ, какъ двѣ силы антагонистическія. Но допустимъ, что тепловая энергія горящаго угля служитъ для питанія паровой машины, производящей, помощью давленія поршнемъ, сжиманіе того же газа. Такъ какъ охлаждающая смѣсь, понижая температуру газа, тоже производитъ его сжатіе, то въ этомъ отношеніи ея дѣйствіе солидарно съ дѣйствіемъ тепловой энергіи угля, несмотря на противодѣйствіе ихъ въ отношеніи температуры газа. Если же горѣніе угля служитъ для двигателя, функ-

ціонируючого въ холодильній машинѣ, то дѣйствіе охлаждающей смѣси и дѣйствіе тепловой энергіи угля оказываются не только солидарными, но и тождественными.

Отсюда слѣдуетъ, что антагонизмъ и борьба между силами могутъ имѣть характеръ относительный.

Когда между двумя силами существуетъ антагонизмъ, то это не непременно антагонизмъ абсолютный и безусловный. Напротивъ того, антагонизмъ въ одномъ отношеніи можетъ соединяться съ солидарностью въ другомъ отношеніи.

Точно такимъ же образомъ борьба между двумя силами по отношенію къ нѣкоторому результату можетъ сопровождаться коопераціею дѣйствій тѣхъ же силъ по отношенію къ другому результату.

II.

Природа представляетъ собою грандіозное зрѣлище борьбы всевозможныхъ стихій. Это—бесконечная лабораторія, въ которой дѣйствуютъ и противодѣйствуютъ то солидарныя, то антагонистическія силы.

Для того чтобы могли проявиться антагонизмъ и солидарность, борьба и кооперація силъ, необходимо, чтобы существовали матеріальные элементы—тѣла и агрегаты тѣлъ,—со всѣми ихъ признаками и свойствами, при которыхъ развиваются опредѣленныя силы, дѣйствующія въ томъ или другомъ направленіи. Когда говорятъ о дѣйствіи или борьбѣ силъ, то дѣло идетъ въ сущности о дѣйствіи и борьбѣ тѣлъ, надѣленныхъ опредѣленными свойствами. Подъ силами же разумѣются послѣднія причины нормъ, или законовъ дѣйствія тѣлъ и ихъ свойствъ на другія тѣла окружающей среды.

Такъ, въ предыдущемъ примѣрѣ на брусъ дѣйствовали въ одномъ направленіи земля, какъ агрегатъ земной матеріи, обладающей свойствомъ тяготѣнія, а въ противоположномъ направленіи—магнитъ, какъ агрегатъ магнитныхъ молекулъ, обладающихъ свойствомъ магнитнаго притяженія.

Атомы борются съ атомами. Клѣточки организма борются съ другими клѣточками того же организма. Химическіе элементы и соединенія находятся въ непрерывной борьбѣ, то поглощая другъ друга, то производя противоположныя реакціи. Море борется съ сушею. Небесныя тѣла борются между собою, то сообщая другъ другу или другимъ тѣламъ противоположныя двигательныя импульсы, то заимствуя матерію другъ у друга.

Но чѣмъ обусловливается борьба тѣлъ и ихъ комплексовъ въ природѣ?

Или тѣмъ, что тѣла, разнородны по своимъ признакамъ и свойствамъ и потому производятъ дѣйствія различныя, а во многихъ случаяхъ и противоположныя одно другому, или тѣмъ, что тѣла, хотя и однородны по признакамъ и свойствамъ, находятся въ различномъ положеніи и потому дѣйствуютъ въ различномъ, а часто и въ противоположномъ направленіи одно другому. Борьба вытекаетъ либо изъ антагонизма признаковъ и свойствъ, либо изъ антагонизма положенія тѣлъ.

Сѣрная кислота, растворяющая желѣзо, и растворъ амміака, возстановливающій это растворенное желѣзо, представляютъ примѣръ антагонизма и борьбы первой категоріи: сѣрная кислота и амміакъ различны по своему химическому составу, обладаютъ различными признаками и свойствами и потому производятъ различныя, а часто и противоположныя реакціи. Солнце и какая-нибудь большая планета (напр. Юпитеръ), оказывающія на небольшое свѣтило, находящееся между ними, притягательное дѣйствіе въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, представляютъ примѣръ антагонизма и борьбы второй категоріи: притягательныя массы Солнца и Юпитера однородны (хотя и неодинаковой величины), но онѣ помѣщены, въ смыслѣ своего дѣйствія, въ діаметрально противоположныхъ положеніяхъ относительно притягиваемаго свѣтила.

Съ другой стороны, однородность тѣлъ, равно какъ и разнородность ихъ, можетъ имѣть лишь относительный характеръ. Совершенно однородныхъ тѣлъ въ природѣ нѣтъ. Всѣ тѣла различаются другъ отъ друга по величинѣ, по формѣ, химическому составу, молекулярной структурѣ и всему разнообразію содержанія и строенія. Два тѣла, совершенно тождественныхъ по формѣ и величинѣ, равно какъ совершенно одинаковыхъ по физико-химическимъ свойствамъ, были бы уже разнородны оттого, что они окружены разнородною, зѣсемою или невѣсемою, средою—атмосферою или эфиромъ.

Но, даже предполагая существованіе двухъ вполне однородныхъ тѣлъ въ однородномъ пустомъ пространствѣ—если таковое мыслимо и дѣйствительно существуетъ,—возможность антагонизма и борьбы между ними вытекаетъ изъ различія, или, если угодно, разнородности положенія.

Большая или меньшая степень однородности тѣлъ позволяетъ классифицировать ихъ по признакамъ и свойствамъ въ группы и категоріи.

Если бы существовала постоянная зависимость между однимъ какимъ-либо признакомъ физическаго тѣла и всѣми его свойствами, такъ что знаніе одного признака было бы достаточно для опредѣленія всѣхъ свойствъ даннаго тѣла, то классифицированіе тѣлъ отличалось бы крайнею простотою, распредѣленіе тѣлъ по группамъ исходило бы изъ одного принципа, и каждое тѣло входило бы въ одинъ, и только одинъ классъ однородныхъ ему тѣлъ. Изъ одного какого-либо признака тѣла, напр., химическаго состава, вытекали бы всѣ его свойства оптическія, тепло-

выя, магнитныя, электрическія, кристаллографическія и пр. Тогда не было бы нужды въ особой классификаціи химической, особой кристаллографической, особой біологической. Установленіе одного признака тѣла было бы достаточно для правильнаго діагноза не только всѣхъ свойствъ этого тѣла, но и свойствъ всѣхъ тѣлъ того класса, къ которому данное тѣло принадлежитъ въ силу своего признака. Физика, химія, кристаллографія и минералогія слились бы для этого класса тѣлъ въ одну нераздѣльную научную дисциплину.

Въ дѣйствительности такое уравненіе между однимъ признакомъ тѣла и всѣми его свойствами не существуетъ. Часто бываетъ такъ, что между нѣкоторымъ признакомъ тѣла и нѣкоторымъ его состояніемъ или свойствомъ нѣтъ никакой связи. Такъ, всякое вещество можетъ переходить изъ кристаллическаго состоянія въ аморфное совершенно независимо отъ его химическаго состава. Въ другихъ случаяхъ связь между признакомъ и нѣкоторымъ свойствомъ тѣла необходима, но не достаточна. Такъ, тѣла, обладающія прозрачностью, теряютъ это свое свойство, когда ихъ толща превышаетъ извѣстный предѣлъ. Наконецъ, во многихъ случаяхъ связь между признакомъ и свойствомъ можетъ быть достаточна, но не необходима, т. е. данное свойство можетъ быть результатомъ не только даннаго признака, но и другихъ признаковъ, которые присущи другимъ тѣламъ, но которыхъ не имѣетъ данное тѣло. Такъ, магнитный желѣзнякъ обладаетъ магнитными свойствами, но ими обладаютъ также минералы никкеля; кристаллическій свинцовый блескъ имѣетъ форму куба, но эту кристаллическую форму имѣютъ также каменная соль и золото; исландскій шпатъ обладаетъ свойствомъ двойного лучепреломленія, но это же свойство принадлежитъ и многочисленнымъ категоріямъ кристалловъ, не входящихъ въ правильную (или кубическую) систему. Однимъ словомъ, между каждымъ признакомъ и каждымъ свойствомъ тѣла или существуетъ уравненіе, или вовсе не существуетъ такового, или существуетъ такое уравненіе, въ которое, сверхъ даннаго признака, входятъ и другіе признаки, отъ него независимые.

Отсюда слѣдуетъ, что, вообще говоря, изученіе физическаго тѣла со всѣми его свойствами и дѣйствіями на другія тѣла есть задача не простаго, а сложнаго діагноза. Этотъ сложный діагнозъ изслѣдуемаго тѣла заключается въ установленіи не одного, а нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга признаковъ, изъ которыхъ каждый неизмѣнно связанъ съ нѣкоторою суммою опредѣленныхъ свойствъ. Полное опредѣленіе тѣла дается не простою, а сложною классификаціею.

Подъ признакомъ разумѣется такое свойство предмета, которое, отличаясь постоянствомъ, обнаруживаетъ существованіе въ предметѣ ряда другихъ свойствъ, которое, стало быть, даетъ основаніе для діагноза. За признакъ, или основной признакъ, принимаютъ обыкновенно свойство, отличающееся особенною наглядностью для нашихъ внѣшнихъ чувствъ, или способностью поддаваться болѣе точному измѣренію, или же при-

годностью для тѣхъ или другихъ практическихъ или теоретическихъ цѣлей. Всѣ тѣла, имѣющія одинъ общій признакъ, принадлежать къ одной группѣ, или одному классу, характеризуемому этимъ признакомъ. Такъ какъ каждый предметъ опредѣляется не однимъ, а нѣсколькими независимыми другъ отъ друга признаками, то онъ одновременно принадлежитъ нѣсколькимъ группамъ, или классамъ, смотря по интересующему характеристическому признаку. Въ каждомъ предметѣ заключается какъ бы нѣсколько индивидуальностей. Впрочемъ, въ основѣ научныхъ классификацій часто лежатъ признаки не только независимые, но и зависящіе другъ отъ друга.

Возьмемъ для примѣра исландскій шпатъ. По своему химическому составу (первый признакъ), этотъ минераль входитъ, съ одной стороны, въ классъ известковыхъ соединений, съ другой стороны—въ классъ углекислыхъ солей, при чемъ въ оба эти класса входитъ множество разнообразныхъ другихъ тѣлъ какъ аморфныхъ, такъ и кристаллическихъ. По своей кристаллографической формѣ (второй признакъ), исландскій шпатъ принадлежитъ къ группѣ кристалловъ, образующихъ ромбоэдрическую систему, куда входитъ много кристаллическихъ формъ, различныхъ по химическому составу. По оптическимъ свойствамъ (третій признакъ), онъ входитъ въ категорію тѣлъ прозрачныхъ и двупреломляющихъ, въ которую входятъ не только кристаллы другихъ системъ, но даже и тѣла аморфныя, подвергшіяся, напр., механическому давленію.

Постольку, поскольку два тѣла принадлежатъ одному классу и, въ силу общаго для этого класса признака, проявляютъ одинаковыя свойства, дѣйствія этихъ двухъ тѣлъ однородны, и, въ отношеніи къ производимому результату, между ними существуетъ солидарность. Постольку, поскольку эти два тѣла, въ отношеніи другого признака, принадлежатъ къ двумъ различнымъ классамъ, свойства и дѣйствія ихъ могутъ быть противоположны, и между ними существуетъ антагонизмъ. Наконецъ, между тѣлами, принадлежащими по всѣмъ своимъ признакамъ къ одному и тому же классу, антагонизмъ можетъ существовать вслѣдствіе различія ихъ положенія. Таковъ источникъ относительнаго антагонизма и относительной солидарности дѣйствія тѣлъ.

Поскольку земля и окружающая ее атмосфера дѣйствуютъ на падающее тѣло, какъ массы притягивающей матеріи, онѣ принадлежатъ къ одному классу тѣлъ, и между ихъ дѣйствіями существуетъ солидарность; но поскольку атмосфера, какъ газовая масса, въ противность землѣ, развиваетъ сопротивленіе среды и замедляетъ паденіе тяжелаго предмета или даже подымаетъ его вверхъ своимъ гидростатическимъ давленіемъ, между нею и землею существуетъ антагонизмъ. Щелочь и кислота принадлежатъ къ двумъ различнымъ классамъ химическихъ соединений и антагонистичны по своимъ противоположнымъ реакціямъ; но, какъ элементы образующейся изъ нихъ соли, онѣ кооперируютъ въ одномъ общемъ процессѣ.

Солнце и Юпитеръ принадлежать къ одному классу тѣлъ, характеризующихся общимъ признакомъ притяженія матеріальныхъ массъ согласно закону всемірнаго тяготѣнія Ньютона; ихъ дѣйствія солидарны относительно третьяго тѣла, находящагося на одной линіи съ ними, но не между ними; если же это третье тѣло занимаетъ положеніе на той же линіи между Солнцемъ и Юпитеромъ, то дѣйствія этихъ двухъ свѣтилъ на третье тѣло противоположны, и между ними существуетъ антагонизмъ, проявляющійся въ нѣкоторой средней траекторіи тѣла, какъ результатъ борьбы. Двѣ одинаковыя проволоки, по которымъ проходятъ электрическіе токи въ одномъ и томъ же направленіи, солидарно дѣйствуютъ на магнитную стрѣлку, усиливая ея отклоненіе отъ нормальнаго положенія; но стоитъ измѣнить положеніе одного изъ токовъ, повернуть проволоку на 180 градусовъ, чтобы дѣйствіе его на стрѣлку стало противоположно дѣйствію втораго тока.

Условимся называть способностями всѣ свойства предмета, которыя вызываютъ опредѣленное дѣйствованіе его на другіе предметы, въ связи съ его признаками или въ связи съ его положеніемъ безразлично. Въ такомъ случаѣ можно сказать, что существованіе антагонизма и борьбы между даннымъ предметомъ (или данною группою предметовъ) и другими предметами (или группами предметовъ) будетъ зависѣть отъ групповыхъ признаковъ и способностей этихъ тѣлъ.

Среди измѣненій, производимыхъ въ природѣ борьбою тѣлъ или группъ тѣлъ, особенное значеніе имѣютъ измѣненія признаковъ самихъ борющихся тѣлъ.

Если бы матерія могла быть уничтожаема, то борьба въ природѣ могла бы приводить къ полному разрушенію борющихся элементовъ, до степени полного ихъ исчезновенія. Но такъ какъ сущность всѣхъ физико-химическихъ и біологическихъ процессовъ заключается лишь въ перемѣщеніи и преобразованіи комплексовъ матеріи, то результатомъ борьбы можетъ быть лишь разрушеніе того или другаго признака тѣла (или группы тѣлъ) или же измѣненіе интенсивности подобнаго признака.

Выше было замѣчено, что въ одномъ и томъ же предметѣ можетъ соединиться нѣсколько индивидуальностей, изъ которыхъ каждая характеризуется однимъ изъ основныхъ признаковъ предмета. Отсюда слѣдуетъ, что борьба, которая можетъ вести къ разрушенію основнаго признака предмета или къ измѣненію интенсивности подобнаго признака, является борьбою за индивидуальность, за сохраненіе или усиленіе индивидуальности.

Въ небесныхъ туманностяхъ образующіяся вокругъ ядеръ притяженія тѣла борются за сосредоточеніе разсѣянной матеріи; это—конкурренція изъ-за роста индивидуальности. Когда планета или комета, подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ антагонистическихъ силъ, распадается на отдѣльныя части или осколки (полагаютъ, что такіе случаи имѣли

мѣсто въ нашей солнечной системѣ), то мы имѣемъ дѣло съ потерей индивидуальности, какъ цѣлаго.

Передъ нами минераль, имѣющій опредѣленную кристаллическую форму. Это для насъ—одна индивидуальность, какъ кристаллъ, другая индивидуальность—какъ твердое тѣло, третья индивидуальность—какъ нѣкоторое химическое соединеніе. Растворимъ этотъ минераль въ нейтральной жидкости и подвергнемъ жидкость испаренію путемъ кипяченія, послѣ чего минераль получается какъ аморфный осадокъ: индивидуальность кристалла, какъ такового, со всѣми его кристаллографическими свойствами разрушена. Если мы оставимъ минераль въ растворенномъ видѣ, то исчезла также индивидуальность его, какъ твердаго тѣла. Если мы произведемъ въ растворѣ химическую реакцію, видоизмѣняющую вещество минерала, то исчезла индивидуальность минерала, какъ опредѣленнаго химическаго комплекса.

Подвергнемъ турмалинъ или кварцъ нагрѣванію, тогда минераль получаетъ электрическія свойства, онъ пріобрѣтаетъ пиро-электрическую индивидуальность. При охлажденіи минерала, эта индивидуальность теряется, хотя все остальное остается неизмѣннымъ.

Среди признаковъ, характеризующихъ ту или другую индивидуальность предмета, одинъ принимается обыкновенно за самый существенный, и, при разрушеніи этого признака, говорятъ—часто въ условномъ смыслѣ о разрушеніи предмета. Это можетъ быть признакъ, связанный съ наибольшимъ числомъ существенныхъ свойствъ, или признакъ цѣлостности, или признакъ, важный въ отношеніи примѣненія вещи на практикѣ. Выборъ подобнаго признака зависитъ до нѣкоторой степени отъ субъективнаго усмотрѣнія. Но, поскольку происходитъ борьба, результатомъ которой можетъ быть потеря интересующей индивидуальности предмета (или группы предметовъ), можно говорить объ интересѣ сохраненія предмета (или группы предметовъ) и его (или ихъ) индивидуальности, равно какъ и борьбѣ ради этого интереса.

Для міра организмовъ общимъ существеннымъ признакомъ является сумма данныхъ, характеризующихъ жизнь. Поэтому, когда разрушенъ этотъ признакъ, когда наступила смерть, то говорятъ о гибели организма. Мертвое тѣло можетъ сохраниться очень долго, но оно считается погибшимъ организмомъ. Здѣсь существенная индивидуальность сливается съ жизнью. И борьба за сохраненіе и развитіе жизни организма есть борьба за сохраненіе и развитіе самого организма. Интересъ же сохраненія и развитія организма здѣсь, помимо внѣшнихъ критеріумовъ, является для животныхъ организмовъ актомъ сознанія.

Антагонизмъ между организмомъ и другими тѣлами можетъ носить столь же относительный характеръ, какъ антагонизмъ между тѣлами вообще. Но, когда дѣйствіе тѣла несовмѣстимо съ самою жизнью организма, какъ напр., проникновеніе въ организмъ смертельнаго яда, тогда можно говорить объ абсолютномъ антагонизмѣ между дѣйствіями тѣла и жизненнымъ интересомъ организма.

Общій выводъ, вытекающій изъ всего предыдущаго,—тотъ, что характеръ антагонизмовъ и борьбы въ природѣ опредѣляется признаками, способностями и интересами дѣйствующихъ другъ на друга элементовъ и группъ элементовъ.

III.

Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на борьбѣ и антагонизмахъ, существующихъ въ мірѣ организмовъ, а главнымъ образомъ организмовъ живстныхъ.

Прежде всего, слѣдуетъ помнить приведенное нами въ самомъ началѣ опредѣленіе антагонизма и борьбы-антагонизма, какъ стремленія къ противоположнымъ дѣйствіямъ, и борьбы, какъ процесса осуществленія двумя предметами (или ихъ группами) двухъ взаимно противоположныхъ дѣйствій. Внѣ этого опредѣленія данныхъ терминовъ, пользование ими, если оно—не простая метафора, можетъ вести къ злоупотребленіямъ.

Съ точки зрѣнія нашего опредѣленія, законно, напримѣръ, говорить о борьбѣ организма съ природой, съ окружающими условіями, со всѣми препятствіями противъ жизни и развитія организма. Дарвинъ можетъ съ законнымъ основаніемъ говорить о борьбѣ растений противъ сухости, ибо дѣйствія сухости на растеніе противоположны тѣмъ, которыя испытываетъ растеніе, когда оно притягиваетъ къ себѣ воду.

Напротивъ того, совершенно неправильно говорить, что любовь есть не что иное, какъ борьба половъ ¹⁾, ибо отношенія, связанныя съ половою любовью, не только не приводятъ, какъ таковыя, къ противоположнымъ дѣйствіямъ со стороны субъекта одного и субъекта другого пола, но, мало того, служа какъ удовлетворенію полового чувства обоихъ, такъ и выполненію общей миссіи размноженія или сохраненія рода, они представляютъ типичный примѣръ солидарности.

Характеръ антагонизмовъ и борьбы между организмами обуславливается признаками, способностями и интересами самихъ организмовъ и группъ, къ которымъ они принадлежатъ.

Признаки могутъ быть біологическіе и соціальные.

Біологическіе признаки бываютъ либо индивидуальныя, либо групповыя. Послѣднія, въ свою очередь, представляютъ два главныхъ типа признаковъ—генетическій и половой. Генетическіе признаки связаны съ общностью происхожденія и передаются наслѣдственно потомству, они допускаютъ опредѣленную

¹⁾ Temps, 26 janvier, 1901. Цитировано у Bouglé, La démocratie devant la science. Paris 1904, стр. 189.

классификацію (роды, виды, семейства, расы). Половой признакъ, когда онъ дифференцированъ, лежитъ въ основѣ дѣленія животныхъ организмовъ на двѣ огромныя категоріи (самцы и самки).

Соціальный признакъ опредѣляетъ зависимость организмовъ отъ другихъ организмовъ, въ сферѣ дифференцированныхъ общественныхъ отношеній, независимо отъ общности или различія признаковъ біологическихъ. Таково различіе, въ одномъ и томъ же видѣ муравьевъ, между тѣми, которые принадлежатъ къ кастѣ производителей, и тѣми, которые входятъ въ касту военную. Таково различіе между дикими и домашними (т. е. прирученными человекомъ и находящимися въ зависимости отъ него) животными, все равно, принадлежатъ или не принадлежатъ они къ одному и тому же классу животныхъ.

Смотря потому, принимается ли во вниманіе тотъ или другой групповой признакъ—генетическій, половой или соціальный,—индивидуумъ можетъ быть отнесенъ къ группѣ того или другого типа. Такимъ образомъ каждый индивидуумъ является одновременно членомъ нѣсколькихъ группъ, біологическихъ или соціальныхъ, изъ которыхъ каждая характеризуется особымъ типическимъ признакомъ.

Что касается способностей организмовъ, то онѣ зависятъ отчасти отъ групповыхъ, отчасти же отъ индивидуальныхъ признаковъ. Вообще нѣкоторый групповой признакъ бываетъ связанъ съ цѣлымъ рядомъ способностей, т. е. свойствъ и качествъ, которыя устанавливаются въ зоологическихъ и ботаническихъ классификаціяхъ. Такъ, хищные звѣри обладаютъ не только органами, но и силою, ловкостью и пониманіемъ, необходимыми для преслѣдованія и поимки добычи, необходимой для ихъ питанія. Такъ, самцы обыкновенно, хотя и не всегда, бываютъ сильнѣе и крупнѣе самокъ. Такъ, наконецъ, муравьи-рабы проявляютъ способность безпрекословнаго подчиненія, благодаря воспитанію, которое они получаютъ съ самаго момента похищенія ихъ личинокъ. Но если между групповыми признаками и нѣкоторыми способностями существуетъ опредѣленная связь, то этого нельзя сказать о всѣхъ способностяхъ индивидуума или подгруппы индивидуумовъ. Кромѣ групповыхъ признаковъ, организмы могутъ обладать еще признаками индивидуальными, обязанными своимъ происхожденіемъ специфическимъ особенностямъ біографіи даннаго индивидуума либо особому характеру среды и особой исторіи данной подгруппы индивидуумовъ. Съ подобными индивидуальными признаками бываютъ связаны индивидуальныя способности, которыя не могутъ быть выведены ни изъ какого общаго групповаго уравненія. Такъ, въ огромныхъ мясныхъ складахъ, гдѣ мясо сохраняется въ искусственномъ холодѣ, производимомъ фригорифическими машинами, развилась особая порода крысъ, легко переносящихъ низкую температуру, губительную для обыкновенныхъ породъ грызуновъ. Не слѣдуетъ забывать, что, въ теоріи Дарвина, индивидуальные признаки и индивидуальныя способности играютъ огром-

ную роль въ процессѣ развитія, когда они благопріятствуютъ борьбѣ за существованіе.

Подъ интересами разумѣются тѣ или другія формы соотвѣтствія между опредѣленными дѣйствіями и задачами удовлетворенія потребностей организма. Для организмовъ, одаренныхъ сознаніемъ, внутренняя движущая сила интересовъ можетъ облекаться въ форму мотивовъ.

Если соотвѣтствіе опредѣленныхъ дѣйствій задачѣ удовлетворенія опредѣленной потребности индивидуума совпадаетъ съ соотвѣтствіемъ тѣхъ же дѣйствій задачѣ удовлетворенія нѣкоторой потребности другого индивидуума, то интересы этихъ двухъ индивидуумовъ въ извѣстномъ отношеніи совпадаютъ. Въ противномъ случаѣ, ихъ интересы въ извѣстномъ отношеніи не совпадаютъ. Наконецъ, если соотвѣтствіе, интересующее насъ, для одного индивидуума несовмѣстимо съ нѣкоторымъ соотвѣтствіемъ для другого индивидуума, то интересы этихъ двухъ индивидуумовъ въ извѣстномъ отношеніи противоположны. Такимъ образомъ социальная среда организмовъ создаетъ возможность солидарности, безразличія и антагонизма интересовъ.

Интересы каждого индивидуума тѣсно связаны съ его признаками и способностями. По этой причинѣ, параллельно признакамъ и способностямъ, и интересы могутъ имѣть характеръ групповой или индивидуальной.

Индивидуальные признаки и индивидуальныя способности порождаютъ индивидуальные интересы, безразличные въ отношеніи къ интересамъ другихъ индивидуумовъ или же имъ враждебные. По столько, по сколько для каждого организма его собственная жизнь представляетъ абсолютную цѣнность, онъ противопоставляетъ себя, какъ индивидуальность, всему міру остальныхъ организмовъ. Борьба за существованіе является продуктомъ антагонизма не только видовъ, различно приспособленныхъ къ внѣшнимъ условіямъ жизни, но и различно приспособленныхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одной группѣ организмовъ. Если какое-нибудь животное обладаетъ особенною силою или ловкостью, то оно можетъ использовать свои способности, въ своихъ индивидуальныхъ интересахъ, во вредъ не только животнымъ другой зоологической группы, но и своей собственной меньшей братьѣ.

Групповые признаки и групповыя способности порождаютъ групповые интересы. Между групповыми признаками, способностями и интересами существуетъ уравненіе.

Групповой интересъ индивидуумовъ какой-нибудь группы можетъ быть лишь одинаковымъ для отдѣльныхъ индивидуумовъ, составляющихъ группу, либо же общимъ для всей группы, какъ цѣлаго. Въ первомъ случаѣ общность признаковъ и способностей индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одной группѣ, порождаетъ одинаковыя задачи и одинаковую потребность ихъ удовлетворенія, при чемъ акты, направленные на инди-

видуальное удовлетвореніе, могутъ вести къ антагонизму и конкуренціи; во второмъ случаѣ общность интереса индивидуумовъ, входящихъ въ данную группу, связываетъ ихъ солидарностью, какъ членовъ одного цѣлаго. Такъ, напр., интересъ каждаго отдѣльнаго тигра заключается въ захватѣ возможно большаго количества добычи изъ живого инвентаря, представляемаго данною территоріею; но, при ограниченности этого инвентаря, подобный интересъ тигра идетъ въ разрѣзъ съ интересомъ другихъ тигровъ и всего вида. Напротивъ того, для всѣхъ тигровъ, взятыхъ какъ видъ, существуетъ общій интересъ, заключающійся въ томъ, чтобы количество дикихъ и домашнихъ животныхъ, служащихъ для ихъ питанія, какъ жирафъ, коровъ, барановъ и проч., было какъ можно больше въ той территоріи, гдѣ тигры водятся.

Каждой группѣ индивидуумовъ—біологической или соціальной—соотвѣтствуетъ нѣкоторый групповой интересъ, связывающій индивидуумовъ данной группы солидарностью въ извѣстномъ отношеніи. Солидарность эта можетъ вести къ опредѣленнымъ формамъ коопераціи: семья, муравейникъ, стая, стадо, табунъ.

Такъ какъ каждый индивидуумъ входитъ въ нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая характеризуется признакомъ особаго типа и соотвѣтственнымъ интересомъ, то положеніе его опредѣляется сложною системою интересовъ. Такъ, въ основѣ дѣятельности, развиваемой животнымъ, могутъ лежать интересы родовые, половые, соціальные и т. п. Доминирующій интересъ животного можетъ соотвѣтствовать не его родовому признаку, а, напр., соціальному. Муравьи изъ породы темно-пепельнаго цвѣта, дрессированные въ рабствѣ муравьями породы рыжеватыхъ амазонокъ, по своему родовому признаку, принадлежать къ темно-пепельнымъ муравьямъ, тогда какъ, по своему соціальному положенію или соціальному признаку, ходятъ въ общежитіе амазонокъ и связаны, слѣдовательно, солидарностью съ врагами своей породы ¹⁾. Но большею частью, для животныхъ генетическій признакъ является рѣшающимъ въ опредѣленіи главной формы солидарности.

Если интересы какой-нибудь группы индивидуумовъ опредѣленнаго типа противоположны интересамъ другой группы индивидуумовъ того же типа (напр., въ случаѣ двухъ біологическихъ группъ), то между этими двумя группами существуетъ извѣстное состояніе антагонизма. Такъ, напр., между волками и лисицами существуетъ нѣкоторый антагонизмъ, изъ-за соперничества ради добычи, между волками и зайцами существуетъ антагонизмъ, такъ какъ зайцы сами составляютъ добычу для волковъ.

Каждой группѣ, каждому групповому признаку присущъ опредѣленный интересъ. Но изъ существованія двухъ группъ съ различными признаками одного и того же типа не слѣдуетъ непременно, что между ними имѣется антагонизмъ. Такъ, существованіе двухъ половъ и поло-

¹⁾ Ch. Letourneau, L'évolution de l'esclavage, Paris, 1897, стр. 12—21.

вого интереса создаетъ не антагонизмъ между самцами и самками, но наоборотъ солидарность. Если въ извѣстныхъ случаяхъ и замѣчается частичный антагонизмъ между индивидуумами того и другого пола, то не въ силу различія полового признака и полового интереса, а вслѣдствіе различія нѣкоторыхъ способностей, связанныхъ съ поломъ, напр., физической силы. Напротивъ того, принадлежность къ одному полу является часто основаніемъ для проявленія новаго антагонизма, а именно соперничества изъ-за полового интереса и, напр., борьбы между самцами ради обладанія тою или другою самкой.

Такъ какъ организмъ можетъ принадлежать одновременно къ нѣсколькимъ группамъ съ признаками различнаго типа, и интересы его отмѣчаются сложностью, то антагонизмъ между индивидуумами двухъ группъ въ одномъ отношеніи можетъ соединяться съ солидарностью въ другомъ отношеніи. И антагонизмъ, и солидарность могутъ имѣть относительный характеръ. Что существуетъ антагонизмъ между человѣкомъ и тигромъ, это не требуетъ никакихъ поясненій; но, поскольку тигръ истребляетъ животныхъ, вредныхъ для земледѣлія, человѣкъ связанъ съ тигромъ извѣстною солидарностью. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи признали вредъ чрезмѣрной охоты за тиграми, послѣ того какъ обнаружилось пагубное размноженіе мелкихъ звѣрей, разоряющихъ поля и поѣдающихъ хлѣбныя растенія.

Антагонизмъ между индивидуумами и группами можетъ принимать формы болѣе или менѣе полныя, болѣе или менѣе острыя, болѣе или менѣе рѣшительныя.

Если антагонизмъ между двумя индивидуумами или двумя группами таковъ, что интересы одной, и только одной стороны во всякомъ случаѣ грозятъ интересамъ другой стороны, безъ существованія взаимности подобной угрозы, то это—антагонизмъ односторонній. Таковъ антагонизмъ между волками и овцами: первые постоянно грозятъ вторымъ, тогда какъ вторыя сами по себѣ не грозятъ интересамъ первыхъ, отъ которыхъ онѣ лишь бѣгутъ или защищаются въ случаѣ нападенія или опасности нападенія.

Если же антагонизмъ между двумя индивидуумами или двумя группами таковъ, что интересы каждой изъ двухъ сторонъ грозятъ интересамъ другой стороны, то подобный антагонизмъ мы будемъ называть двустороннимъ. Сюда относится, напр., антагонизмъ между человѣкомъ и волкомъ или соперничество ради добычи между лисицею и волкомъ.

Если интересы одного индивидуума требуютъ физическаго разрушенія другого индивидуума, то подобный антагонизмъ мы назовемъ безусловнымъ. Точно также если интересы одной группы требуютъ физическаго разрушенія всѣхъ индивидуумовъ другой группы и полного исчезновенія всей этой группы, то подобный антагонизмъ группъ мы тоже будемъ называть безусловнымъ. Такъ, интересъ овецъ заключается въ полной гибели всѣхъ волковъ, находящихся на данной тер-

риторіи, если только волки не могут уйти ни въ какое другое мѣсто; но этого нельзя сказать объ интересѣ волковъ по отношенію къ овцамъ. Такимъ же самымъ образомъ, если волки и лисицы живутъ вмѣстѣ на замкнутой и ограниченной территоріи, которая можетъ прокормить либо тѣхъ только, либо другихъ, то интересъ каждой группы звѣрей заключается въ полной гибели всѣхъ индивидуумовъ второй группы. Отсюда видно, что безусловность антагонизма можетъ существовать либо для одной только, либо для обѣихъ сторонъ.

Если интересъ какого-либо индивидуума требуетъ не гибели другого индивидуума, не измѣненія какого-либо его признака (конечно, изъ числа признаковъ, допускающихъ измѣненія, напр., соціальныхъ) и соотвѣствующихъ способностей, то между ними будетъ существовать антагонизмъ условный. Точно также если интересъ какой-нибудь группы индивидуумовъ требуетъ не физической гибели другой группы индивидуумовъ, но измѣненія одного изъ признаковъ (подвержимыхъ измѣненію) и соотвѣстныхъ способностей этой группы, то антагонизмъ между этими двумя группами будетъ условный. Такъ, интересъ данной группы можетъ заключаться въ томъ, чтобы другая группа покинула территорію первой, или чтобы она служила цѣлямъ первой, выполняя для нея опредѣленную соціальную функцію, или чтобы она способствовала поддержанію существованія первой цѣною жизни и нѣкоторыхъ собственныхъ индивидуумовъ. Интересъ соперничающихъ ради добычи львовъ и тигровъ, обитающихъ достаточно большую территорію, можетъ заключаться не непременно въ гибели того или другого вида животныхъ, а въ размежеваніи между обоими видами сферъ для ихъ охоты. Интересъ волковъ заключается не въ поголовномъ истребленіи всѣхъ имѣющихся въ данномъ районѣ овецъ—напротивъ того, тогда бы и волки умирали съ голоду,—а въ поддержаніи числа овецъ на такомъ уровнѣ, при которомъ часть ихъ шла бы на продовольствіе волковъ, съ обезпеченіемъ поддержанія ихъ рода въ интересахъ послѣднихъ (мы дѣлаемъ отвлеченіе отъ условій, связанныхъ съ положеніемъ овецъ, какъ домашнихъ животныхъ человека),—отсюда видно, что условность антагонизма можетъ существовать либо для одной только, либо для обѣихъ сторонъ, и что условность антагонизма по отношенію къ группѣ можетъ соединяться съ безусловностью его по отношенію къ отдѣльнымъ категоріямъ индивидуумовъ, входящихъ въ группу.

Если антагонизмъ, существующій между двумя индивидуумами или группами, имѣетъ характеръ безусловный и при томъ двухъ сторонній, то его можно называть антагонизмомъ абсолютнымъ. Въ этого крайняго случая, существуетъ лишь іерархія антагонизмовъ относительныхъ, съ которыми могутъ соединяться различныя степени солидарности.

Къ условнымъ антагонизмамъ относятся тѣ, которые связаны съ различными формами гнета и его разновидностей—эксплоатации и порабощенія.

Эксплоатаціей называется использование однимъ индивидуумомъ, въ своихъ интересахъ, силъ и способностей другого индивидуума, во вредъ интересамъ послѣдняго, или же использование одною группою, въ своихъ интересахъ, силъ и способностей другой группы, во вредъ интересамъ послѣдней.

Порабощеніемъ называется лишеніе независимости какого-либо индивидуума или какой-либо группы другимъ индивидуумомъ или группою, въ интересахъ послѣдняго или послѣдней. Порабощеніе чаще всего соединяется съ эксплуатаціей.

Если эксплуатація или порабощеніе имѣетъ характеръ совершенно односторонній, т. е. если польза, извлекаемая эксплуататоромъ или работодителемъ изъ своей жертвы, не возмѣщается даже и въ наималѣйшей степени нѣкоторою пользою, приносимой первымъ второй, то это—состояніе паразитизма. Строго говоря, паразитъ, вредя своей жертвѣ, но не разрушая ея, не оказываетъ ей въ то же время никакихъ услугъ. Примѣръ: глисты въ животномъ организмѣ. Другой примѣръ: австралійская хищная птица ку (кей), выклевывающая жиръ изъ хребта барановъ.

Если эксплуатація или порабощеніе имѣетъ характеръ до нѣкоторой степени двухсторонній, т. е. если существуетъ хоть нѣкоторый обмѣнъ услугъ между субъектомъ и объектомъ угнетенія, то подобныя отношенія принимаютъ форму симбіоза. Симбіозъ, слѣдовательно, предполагаетъ либо взаимную эксплуатацію, либо взаимность услугъ, при эксплуатированіи или порабощеніи индивидуума индивидуумомъ и группы группою.

Отношенія между человѣкомъ и его домашними животными входятъ въ категорію симбіоза: хотя лошадь и собака поработаны человекомъ и имъ эксплуатируются, но онѣ пользуются его уходомъ и отъ него же получаютъ пропитаніе. Въ эту же категорію входятъ отношенія между муравьями рыжеватого цвѣта и поработанными ими темнопепельными муравьями: отношенія эти отличаются извѣстною нѣжностью, и въ случаѣ внѣшняго нападенія, господа первымъ долгомъ спасаютъ своихъ рабовъ и изолируютъ ихъ въ безопасное мѣсто. Точно также, если паразитъ оказываетъ хоть малѣйшую услугу своей жертвѣ, то отношенія между ними отчасти принимаютъ уже форму симбіоза, таковы паразиты, оказывающіе помощь своимъ жертвамъ. Между паразитомъ—если понимать паразитизмъ въ строгомъ смыслѣ этого слова—и его жертвою существуетъ солидарность лишь постольку, поскольку паразитъ заинтересованъ въ сохраненіи жизни своей жертвы, ибо смерть послѣдней прекращаетъ возможность эксплуатированія ея паразитомъ. Такъ, трихины въ животномъ организмѣ окружаютъ себя достаточно солидною стѣнкою, въ образованіи которой участвуетъ, путемъ особыхъ выдѣленій, и сама жертва: это—одновременно и актъ защиты, и актъ покровительства со стороны паразита ¹⁾.

¹⁾ J. Massart et E. Vandervélde, Parasitisme organique et parasitisme

Въ состояніи же симбіоза, между обѣими сторонами существуетъ въ нѣкоторомъ отношеніи обоюдная солидарность, несмотря на наличность нѣкотораго—сознаваемаго или не сознаваемаго—антагонизма. Таковы отношенія между человѣкомъ и домашними животными, между муравьями поработителями и муравьями поработченными. По замѣчанію Вейсмана, есть такіе случаи общежитія на началахъ одновременно паразитизма и симбіоза, когда даже трудно сказать, какой организмъ является эксплуататоромъ и какой эксплуатируемымъ. Такова возможность сложнаго сдѣленія антагонизма и солидарности.

Антагонизмъ между индивидуумами и группами можетъ существовать, не вызывая никакой борьбы между ними; но тамъ, гдѣ происходитъ борьба, она возникаетъ на почвѣ какого-либо существующаго антагонизма.

Въ естественной исторіи подобной борьбы основными моментами являются возможность, характеръ и результатъ борьбы.

Рѣшающимъ факторомъ для этихъ моментовъ являются способности индивидуумовъ и группъ, находящихся въ состояніи антагонизма. Эти способности сводятся на сознанія, силы и физическую среду антагонистическихъ группъ и индивидуумовъ.

Для того, чтобы борьба двухъ враждебныхъ сторонъ была возможна, необходимо прежде всего, чтобы существовало сознаніе имѣющагося антагонизма, напр. эксплоатаціи и поработченія, а затѣмъ—чтобы вмѣстѣ съ сознаніемъ существовала хоть нѣкоторая сила, способная въ данной физической средѣ открыть враждебныя дѣйствія противъ другой стороны. Тамъ, гдѣ нѣтъ этого сознанія, вслѣдствіе ли воспитанія, или въ силу подавленія представленія объ антагонизмѣ сознаніемъ относительной солидарности обѣихъ сторонъ, или въ силу чисто біологическихъ причинъ, или тамъ, гдѣ передъ силами и способностями одной стороны другая оказывается совершенно беззащитною и неспособною къ сопротивленію,—тамъ борьба невозможна. Борьбы нѣтъ между домашними животными и человѣкомъ, борьбы нѣтъ между рабами и господами среди муравьевъ. Натуралистовъ часто поражаетъ неспособность пчелъ и осъ, вообще хорошо вооруженныхъ, бороться со своими паразитами и вообще оказывать имъ какое-нибудь сопротивленіе. Когда крабъ подвергается нападенію своего паразита, то онъ не только пассивно позволяетъ себя эксплуатировать, но даже испытываетъ измѣненіе, благопріятное для защиты самого паразита ¹⁾).

Далѣе, борьба, если она существуетъ, можетъ имѣть характеръ односторонній или двухсторонній. Двухсторонняя борьба происходитъ въ томъ случаѣ, если она активна для обѣихъ сторонъ, и если инициа-

social, Paris 1893, стр. 2 и 61.—См. Otto Effertz, Les antagonismes économiques, Paris 1905, стр. 254—257. Наша классификація антагонизмовъ значительно отличается отъ классификаціи, предложенной Отто Эффертцемъ, неполною и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, на нашъ взглядъ, неправильною.

¹⁾ Massart et Wanderweide l, c. стр. 56.

тива ея может исходить и изъ одной, и изъ другой стороны. Такова борьба между двумя крупными хищниками или двумя группами такихъ хищниковъ. Если же инициатива и активность борьбы принадлежать только одной сторонѣ, дѣйствія же другой стороны сводятся лишь на то, чтобы избѣгнуть встрѣчи или соприкосновенія съ другой стороною, то это будетъ борьба односторонняя. Такова борьба между львомъ и жирафою, между кошкою и мышью. Въ физико-динамическомъ смыслѣ это — борьба, ибо дѣйствія одной и другой стороны направлены на достиженіе результатовъ, противоположныхъ другъ другу. Но, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова — это даже не борьба, а лишь преслѣдованіе охотящимся индивидуумомъ или охотящейся группы индивидуумовъ своей жертвы, которая не въ состояніи сама причинять какой-либо вредъ не-пріятелю.

Что касается результата борьбы, то и онъ зависитъ отъ соотношенія способностей борющихся сторонъ, отъ ихъ сравнительной силы, ловкости, ума, соціальной организаціи и пр. Въ однихъ случаяхъ торжествуетъ то одна, то другая сторона, въ другихъ случаяхъ побѣда выпадаетъ на долю всегда только одной стороны. Такъ, рабовладѣльческіе муравьи рыжеватой породы всегда одерживаютъ верхъ въ войнѣ съ темно-пепельными муравьями, несмотря на умъ и трудолюбіе послѣднихъ, ибо первые физически ихъ сильнѣе.

Въ какой мѣрѣ вліяютъ антагонизмы и борьба на судьбы группъ въ цѣломъ, т. е. на судьбу біологической группы или соціального комплекса?

Это опять таки зависитъ какъ отъ характера антагонизмовъ — ихъ условности или безусловности, односторонности или двухсторонности, — такъ и отъ сравнительныхъ способностей двухъ сторонъ.

Тамъ, гдѣ борьба совершенно невозможна, извѣстныя отношенія эксплуатаціи и поработенія могутъ сохраняться постоянно, не претерпѣвая никакой эволюціи, до тѣхъ поръ, покамѣстъ продолжается существованіе обѣихъ группъ. Гибель каждой группы можетъ быть вызвана какими-либо внѣшними причинами. Можетъ случиться также, что чрезмерное угнетеніе доводитъ до гибели и полного исчезновенія угнетенную группу — тогда антагонизмъ для этой группы въ цѣломъ принимаетъ форму антагонизма безусловнаго, — и что это, въ свою очередь, отражается губительно на существованіи угнетающей группы, когда послѣдняя не можетъ жить безъ эксплуатаціи другихъ организмовъ. Такое положеніе создается для племени номадовъ, которое потребило весь свой скотъ.

Тамъ, гдѣ борьба возможна, и гдѣ она происходитъ, интересъ представляютъ два слѣдующихъ мыслимыхъ исхода эволюціи этой борьбы. Въ одномъ случаѣ борьба приводитъ къ нѣкоторому стаціонарному состоянію, къ такому равновѣсію между обѣими сторонами, которое останавливаетъ эволюцію на опредѣленномъ пунктѣ, пресѣкая возможность дальнѣйшихъ измѣненій въ судьбѣ группъ и ихъ отношеніяхъ. Такого

состояніе двухъ соперничающихъ группъ хищниковъ, для которыхъ, при сохраненіи нѣкоторой численной пропорціи, обезпечена, для обѣихъ, добыча на данной территоріи. Въ другомъ случаѣ борьба между двумя группами можетъ привести къ полной гибели одной изъ нихъ вслѣдствіе ли прямого истребленія другою группою, или же вслѣдствіе ожесточенной конкуренціи другой группы, монополизировавшей себѣ всю добычу и все продовольствіе на данной территоріи. Такимъ образомъ нѣкоторые виды звѣрей совершенно изведены человекомъ въ культурныхъ странахъ міра.

Простого и постоянного закона эволюціи антагонизмовъ въ органическомъ мірѣ біологія не знаетъ.

Г Л А В А II.

Соціальныя группы, ихъ признаки, способности, интересы.

I.

Приступая къ изученію антагонизмовъ, существующихъ въ соціальныхъ отношеніяхъ людей, мы прежде всего должны установить исходную точку и критеріумъ для классификаціи этихъ антагонизмовъ.

Антагонизмъ существуетъ либо между индивидуумами, либо между группами индивидуумовъ.

Антагонизмъ между отдѣльными людьми, какъ вообще между организмами-индивидуумами, обусловливается различными признаками, способностями и интересами этихъ индивидуумовъ.

Антагонизмъ между группами обусловливается различіемъ между признаками, способностями и интересами, общими индивидуумамъ, входящимъ въ одну группу, и признаками, способностями и интересами, общими индивидуумамъ, входящимъ въ другую группу.

Въ основѣ общественныхъ антагонизмовъ лежатъ, стало быть, различные признаки, интересы и способности индивидуумовъ.

Пониманіе индивидуума даетъ ключъ для пониманія группъ. Это вытекаетъ изъ того, что всякая соціальная группа существуетъ либо въ интересахъ цѣлаго, какъ совокупности всѣхъ входящихъ въ него индивидуумовъ, либо въ интересахъ нѣкоторой ея части, по отношенію къ которой можно произвести тотъ же анализъ. Въ конечномъ счетѣ, само существованіе соціальной группы, ея жизнь, дѣятельность и развиваемые ею антагонизмы объясняются тѣми или другими свойствами людей, входящихъ въ группу.

Вообще, свойства всякаго агрегата—физическаго или соціального объясняются свойствами его простѣйшихъ элементовъ. И, какъ въ физикохимическихъ изслѣдованіяхъ за подобный основной элементъ при-

нимается атомъ или молекула, а въ біологіи—кѣлочка, такъ и въ соціальной жизни послѣдняго причиною всего происходящаго является дѣятельность людей, вытекающая изъ ихъ свойствъ. Это положеніе должно быть аксіомою для научнаго обществовѣдѣнія¹⁾.

Итакъ, за основу классификаціи антагонизмовъ какъ между индивидуумами, такъ и между группами, должны быть приняты различные признаки индивидуумовъ, различные ихъ интересы, соотвѣтствующіе задачамъ удовлетворенія ихъ различныхъ потребностей, и различныя ихъ способности.

Какъ въ мірѣ организмовъ вообще, такъ и въ мірѣ человѣческихъ индивидуумовъ, признаки, интересы, способности могутъ быть индивидуальныя или групповыя.

Прежде всего, каждый человѣкъ представляетъ собою индивидуальность, съ особыми признаками и способностями, второй разъ въ мірѣ не повторяющимися, и съ самодовлѣющими интересами.

Съ другой стороны, особое значеніе могутъ получить индивидуальныя уклоненія личности отъ средняго групповаго типа, если они переходятъ за извѣстный предѣлъ, и если они, въ силу соціального положенія личности, могутъ вліять на судьбу группы. Уродство и совершенство, кретинизмъ и геній, крайняя безхарактерность и обладаніе желѣзною волею—эти атрибуты личности могутъ быть чреваты важными послѣдствіями, когда они, при данной обстановкѣ, создаютъ для личности историческую роль, или когда личность, ими обладающая, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, по своему положенію въ группѣ или обществѣ, могутъ играть нѣкоторую роль въ исторіи.

Что цѣлый рядъ римскихъ императоровъ проявлялъ черты безумія, которое нѣкоторые историки называютъ «цезаристскимъ безуміемъ», и что потомки Хлодвига, наслѣдовавшіе его тронъ, выродились умственно и морально, что Брутъ и Кассій были пламенные энтузіасты, что Константинъ отличался крайнимъ суевѣріемъ, что Магометъ страдалъ эпилепсіей, а Людовикъ XVI былъ человѣкъ крайне слабый и безхарактерный; что величайшая страсть Чингисъ-Хана заключалась для него въ томъ, чтобы побѣждать своихъ враговъ и причинять имъ возможно больше страданій, и что Наполеона, по его собственнымъ словамъ, мало трогала гибель хотя бы милліона людей, если это было необходимо для достиженія его цѣлей; что Кеплеръ соединялъ геній съ мистицизмомъ, и что у Ньютона и у Уатта на помощь къ генію приходило изумительное терпѣніе и величайшее трудолюбіе,—все это—индивидуальныя черты, соціальное значеніе которыхъ было весьма важно.

Что касается тѣхъ признаковъ и интересовъ индивидуума, которые имѣютъ групповой характеръ, то въ одной категоріи ихъ признаковъ

¹⁾ Schubert-Soldern. Das menschliche Glück und die soziale Frage, Tübingen 1896, стр. 230.—Зомбартъ, Современный капитализмъ, т. I, стр. 9.—Ср. Ю. Делевскій. Къ вопросу о возможности историческаго прогноза. Спб. 1906, стр. 22—23.

предшествуетъ интересу, въ другой категоріи интересъ предшествуетъ признаку. Первую категорію составляютъ признаки біологическіе, вторую признаки соціальныя. Способности же индивидуума, имѣющія групповой характеръ, находятся въ связи съ тѣми и другими признаками.

Признаки біологическіе органически связаны съ индивидуумомъ въ теченіе всей его жизни или нѣкоторой части жизни. Нѣкоторые изъ этихъ признаковъ переходятъ по наслѣдству изъ одного поколѣнія въ другое, какъ признаки расовые, національныя, племенные; другіе сообщаются вмѣстѣ съ рожденіемъ, какъ признакъ половой или происхожденіе отъ опредѣленныхъ родителей (органическая связь съ опредѣленною семьею); третьи характеризуютъ опредѣленную фазу органической жизни, какъ возрастъ.

Нѣтъ надобности останавливаться на томъ, что здѣсь вполне очевидно само собою: біологическіе признаки существуютъ раньше всякаго интереса и независимо отъ всякаго интереса, а, напротивъ того, существованіе этихъ признаковъ порождаетъ спеціально связанные съ ними интересы. Таковы интересы расовые, національныя, племенные. Таковъ интересъ половой. Таковъ интересъ семейный. Таковы, наконецъ, интересы, присущіе опредѣленному возрасту.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что каждому изъ указанныхъ признаковъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя способности: не одинаковы силы, дарованія, развитіе, психика лицъ разныхъ расъ, разнаго пола, разнаго возраста.

Къ соціальнымъ признакамъ относятся тѣ, которые связываютъ индивидуума съ другими индивидуумами въ одну группу, независимо отъ сходства или различія въ біологической природѣ ихъ, въ силу нѣ котораго интереса. Это можетъ быть интересъ всѣхъ, интересъ большинства, интересъ немногихъ или интересъ одного.

Всякій интересъ относится къ удовлетворенію нѣкоторой потребности или ряда потребностей. Миссія каждой соціальной группы и заключается въ разрѣшеніи задачи наилучшаго удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей индивидуумовъ.

Потребности эти дѣлятся на три категоріи: эгоистическія, симпатическія и смѣшанныя ¹⁾.

Эгоистическія потребности индивидуума развиваютъ мотивы, направленные на достиженіе лишь личнаго его блага. Съ эгоистическими потребностями индивидуума можетъ соединяться стремленіе къ благу и другихъ индивидуумовъ, но послѣднее въ данномъ случаѣ является

¹⁾ A d. W a g n e r, Grundlegung des politischen Oekonomie, Erster Theil, §§ 33—34. — М. Т у г а н ъ - Б а р а н о в с к і й, Теоретическія основы марксизма, Спб. 1905, гл. III, стр. 28—50.

средствомъ для удовлетворенія первыхъ или же вообще связано съ ними необходимою связью.

Въ категорію эгоистическихъ потребностей входятъ: сохраненіе жизни и обезпеченіе безопасности; поддержаніе жизни и возможно болѣе полное развитіе матеріальныхъ, или экономическихъ потребностей; половая потребность; потребность развлеченія, любознательности, игры, исканія красоты и вообще потребность въ цѣломъ рядѣ духовныхъ удовольствій; потребность свободы; потребность въ выдѣленіи или возвышеніи своей индивидуальности, направленная на то, чтобы быть выше другихъ, или не ниже другихъ. Въ эту послѣднюю подгруппу потребностей входятъ стремленіе къ господству надъ другими, честолюбіе, жажда славы, а съ другой стороны потребность освобожденія отъ власти силы и отъ гнета авторитета, потребность достиженія того же уровня матеріальнаго благосостоянія, какъ у другихъ, и потребность мести и воздаянія, въ случаѣ нанесенія ущерба другими ¹⁾. Когда Кинадона, организовавшаго въ Спартѣ заговоръ, имѣвшій цѣлью освобожденіе илотовъ, періэковъ и другіе поработанные классы отъ ига спартіатовъ, спросили о мотивахъ, побудившихъ его организовать возстаніе, онъ отвѣтилъ: «чтобы не быть ниже другихъ».

Эгоистическія потребности, которыя, вообще говоря, могутъ быть успѣшно удовлетворены лишь путемъ коопераціи въ широкомъ смыслѣ этого слова, лежатъ въ основѣ образованія общественныхъ союзовъ и агрегатовъ большихъ и малыхъ, добровольныхъ и принудительныхъ, временныхъ и постоянныхъ родовыхъ союзовъ, обществъ, государствъ, брачныхъ сожитій, партій, классовъ, ассоціацій, ученыхъ, литературныхъ и эстетическихъ обществъ. Эти союзы могутъ служить интересамъ цѣлаго или интересамъ части, интересамъ настоящаго или интересамъ будущаго, интересамъ дѣйствительнымъ или интересамъ воображаемымъ. Принадлежность индивидуума къ тому или другому общественному союзу опредѣляетъ нѣкоторый его социальный признакъ.

Симпатическія потребности индивидуума соотвѣтствуютъ чувству симпатіи, которую онъ питаетъ къ другимъ существамъ, болѣе или менѣе ему близкимъ, болѣе или менѣе ему подобнымъ. Эта симпатія можетъ быть направлена на біологическую группу, къ которой индивидуумъ принадлежитъ, какъ напр., на семью, на родъ, на націю, на расу, или на его социальную группу, какъ напр., на государство либо на классъ, или на все человѣчество, или на весь міръ живыхъ существъ. Въ этихъ случаяхъ симпатія принимаетъ форму то родительской привязанности, то національнаго чувства, то патріотизма, то гуманности и

¹⁾ E. Dühring, *Cursus der National und Socialökonomie*, 2-e Aufl., Leipzig 1876, стр. 264 и 288.—L. Gumplowicz, *Grundriss*, 2-e Aufl., Wien 1905, стр. 202—204.—C. Bouglé, *La démocratie devant la science*, стр. 235.—Paul Lafargue, *Recherches sur l'origine de l'idée de Justice*, въ *Revue Socialiste*, 1899, t. XXX, стр. 95.

любви къ человѣчеству, то альтруизма въ самомъ широкомъ смыслѣ и любви ко всякому живому существу. Симпатическія чувства побуждаютъ индивидуума безкорыстно работать въ пользу интересовъ той или другой соціальной группы. Когда мотивы, исходящіе изъ симпатическаго чувства индивидуума, направлены на сферу интересовъ достаточно широкую, въ смыслѣ объема группы, возбуждающей симпатію, или въ смыслѣ значительности интереса, распространяющагося на всю длительность безконечнаго будущаго,—тогда говорятъ, что индивидуумъ руководится идейнымъ интересомъ.

Когда Гелонъ выставилъ, въ видѣ одного изъ условій для заключенія міра съ карфагенянами, требованіе, чтобы они отказались отъ человѣческихъ жертвоприношеній; когда Брутъ и Кассій, вопреки интересамъ личной карьеры, приняли участіе въ заговорѣ протівъ Цезаря, для спасенія свободы и республики; когда Джіордано Бруно жертвовалъ своею жизнью въ интересахъ человѣчества, ради торжества того, что онъ считалъ истиной,—то всѣ эти историческія личности дѣйствовали подъ вліяніемъ интересовъ идейныхъ.

Определенный идейный интересъ, вытекающій изъ нѣкоторой симпатической потребности, можетъ объединять людей въ идейную группу, сообщающую своимъ членамъ извѣстный соціально-идейный признакъ.

Въ дѣйствительности человѣкъ, въ своемъ поведеніи, рѣдко руководствуется однимъ, и только однимъ простымъ мотивомъ. Чаше всего дѣйствуетъ сложная амальгама мотивовъ, сложная амальгама интересовъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ какъ эгоистическимъ, такъ и симпатическимъ; и тѣ и другія могутъ сочетаться въ неопределенныхъ пропорціяхъ. Возьмемъ, напр., потребности и интересы, связанные съ семейною жизнью. Здѣсь мы видимъ соединеніе эгоистической половой любви, симпатической супружеской любви, симпатической родительской любви и цѣлаго ряда интересовъ эгоистическихъ и симпатическихъ, заключающихся въ удовлетвореніи хозяйственныхъ и иныхъ потребностей членовъ семьи. Даже въ случаяхъ крайне рѣзкаго проявленія одного определеннаго мотива, ультра-эгоистическаго или ультра-симпатическаго, можетъ наблюдаться примѣсъ интереса противоположнаго свойства. Такъ, съ одной стороны, завоеватель, губящій сотни тысячъ человѣческихъ жизней ради честолюбія и жажды славы, можетъ утѣшать свою совѣсть тѣмъ, что его войны служатъ миссіи объединенія человѣчества, или, наоборотъ, что, изъ чувства гуманности, онъ останавливается передъ еще большими кровопролитіями ¹⁾. Такъ, съ другой стороны, врачъ, который, съ опасностью для своей жизни или своего

¹⁾ Такъ, Наполеонъ говорилъ на островѣ Св. Елены, что для того, чтобы имѣть успѣхъ въ качествѣ завоевателя, слѣдуетъ по необходимости быть жестокимъ, и что—и это весьма для насъ любопытно—„если бы онъ хотѣлъ быть жестокимъ, то онъ завоевалъ бы весь міръ“ (Las Cases, *Mémoires de Sainte-Hélène*, I, стр. 240).

здоровья, прививаетъ себѣ бациллу заразительной болѣзни, съ цѣлью открыть новые способы борьбы противъ страшной эпидеміи, исходить, конечно, изъ мотивовъ искренняго человѣколюбія, изъ мотивовъ, стало быть, глубоко симпатическихъ; но и здѣсь интересъ идейный можетъ соединяться съ стремленіемъ, по существу эгоистическимъ, заслужить одобреніе современниковъ и безсмертіе въ потомствѣ.

Тѣ потребности, которыми приводятся въ движеніе интересы и мотивы одновременно и эгоистическаго, и симпатическаго свойства, должны быть отнесены въ категорію смѣшанныхъ потребностей.

Одна изъ важнѣйшихъ потребностей, присущая историческому человѣку, которая входитъ въ эту послѣднюю категорію, есть потребность религіозная.

Всякая религія связана съ представленіемъ о существованіи высшей силы и съ признаніемъ необходимости для человѣка ей подчиняться. Постольку, поскольку подчиненіе этой высшей силѣ вызывается мыслью о неизбѣжномъ воздаяніи—наградѣ, въ этой или загробной жизни, за выполненіе божественной воли и наказаніи, въ этой или загробной жизни, за ослушаніе,—религіозные мотивы являются собственно одною изъ формъ эгоистическихъ мотивовъ. Страхъ передъ силою и надежда на силу—вотъ основа религіознаго разсчета.

По словамъ Оукидида, аѳиняне, приговорившіе плѣнныхъ жителей Эгины къ смерти, основывали оправданіе этого акта на правѣ силы, одинаковомъ для людей и для боговъ. «Если боги господствуютъ, говорили они, то это по природной необходимости, такъ какъ боги сильнѣе всѣхъ; та же норма существуетъ и для людей». Въ языческихъ религіяхъ Востока, въ браманизмѣ, въ религіяхъ античнаго міра, въ религіяхъ кельтовъ и германцевъ, въ іудаизмѣ, въ христіанствѣ, въ магометанствѣ вѣра въ воздаяніе—въ настоящей или грядущей жизни—играетъ существенную роль и часто принимаетъ грубо матеріалистическую форму. Такъ, по словамъ отцовъ церкви, большинство хиліастовъ вѣрило, что святые, по наступленіи ихъ царствія, будутъ проводить свое время въ физическихъ удовольствіяхъ, и что они будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи рабовъ для услуживанія имъ; и многіе христіане первыхъ вѣковъ, подобно евреямъ, полагали, что чужестранные народы будутъ обрабатывать для нихъ землю и будутъ доставлять имъ богатства со всѣхъ концовъ міра. Магометанинъ Аверроэсъ и христіанинъ Кантъ сурово критиковали утилитаристскіе элементы религіозной морали.

Эгоистическій характеръ религіозныхъ мотивовъ выступаетъ яснѣе всего въ тѣхъ вѣрованіяхъ, гдѣ наиболѣе рѣзко выраженъ религіозный дуализмъ, т. е. признаніе существованія и добрыхъ и злыхъ божествъ, обѣ группы которыхъ вступаютъ въ оборотъ съ человѣкомъ. Такъ, негры западнаго берега Африки представляютъ себѣ своихъ боговъ мрачными и злыми, находящими удозольствіе въ томъ, чтобы, раз-

личными способами мучить ихъ, тогда какъ бога европейцевъ они считаютъ очень добрымъ. «Когда Бертонъ старался внушить неграмъ восточной Аѳрики понятіе о божествѣ вообще, они живо спросили, гдѣ его можно отыскать, чтобы отомстить ему, такъ какъ, говорили они, «кто же, если не оно разоряетъ наши жилища, убиваетъ нашихъ женъ и скотъ?»¹⁾).

Съ другой стороны, еще въ настоящее время существуютъ въ Персіи почитатели дьявола (изеды), которые признаютъ существованіе добраго Бога, но предпочитаютъ ему Сатану, отъ котораго они ждутъ въ послѣдствіи награды за свою вѣрность²⁾).

Но если религіозные мотивы, основанные на преклоненіи передъ высшею силою, вытекаютъ изъ своеобразнаго эгоистическаго разсчета, то особая природа интересовъ, приводимыхъ ими въ движеніе, сближаетъ во многихъ отношеніяхъ религіозное чувство и религіозную потребность съ чувствами и потребностями, имѣющими характеръ симпатическій.

Если оставить въ сторонѣ случаи лицемѣрія, обмана и шарлатанства, то эгоистическая основа религіознаго чувства сводится на цѣли не реальныя, а воображаемыя. Не будучи реальными, эти цѣли прежде всего не могутъ быть отождествлены съ матеріальными и вообще дѣйствительными интересами даннаго человѣка. Какъ цѣли воображаемыя и при томъ такія, которыя, въ воображеніи вѣрующихъ, могутъ вообще быть реализованы—въ этой или загробной жизни—лишь въ неопредѣленномъ будущемъ, онѣ, сверхъ того, выводятъ человѣка изъ сферы узкой эмпіи и утилитарныхъ интересовъ даннаго момента. Такимъ образомъ религіозные мотивы становятся похожи на мотивы идейные. Такъ же, какъ мотивы идейные, и даже еще въ большей степени они способны разжигать могучій энтузіазмъ и пламенный фанатизмъ. Нужно ли приводить примѣры аскетическаго подвижничества, радостнаго перенесенія всевозможныхъ страданій и преслѣдованій за вѣру, восторженнаго исканія смерти ради воспріятія мученическаго вѣнца и блаженства райской жизни?

Съ другой стороны, религіозное чувство порождаетъ спеціальное чувство симпатіи по отношенію къ тѣмъ, которые одинаково вѣрують или одинаково проявляютъ свою вѣру, равно какъ чувство антипатіи по отношенію къ иначе вѣрующимъ. Это чувство симпатіи или антипатіи, часто диктуемое также волею высшаго существа, можетъ быть совершенно безкорыстно, въ смыслѣ свободы отъ какихъ-либо реальныхъ и въ частности матеріальныхъ мотивовъ.

Наконецъ, авторитетъ той же высшей силы можетъ быть источникомъ моральныхъ велѣній, внушающихъ то мотивы и интересы альтруистическаго свойства, то мотивы и интересы анти-гуманитарные.

¹⁾ Леббокъ, Начало цивилизаціи, стр. 161—162 и 292.

²⁾ R. de la Grasserie, Des religions comparées au point de vue sociologique, Paris, 1899, стр. 248.

Между развитіемъ религіознаго чувства и прогрессомъ моральныхъ идей въ исторіи наблюдается то соотвѣтствіе, то расхожденіе.

Религіозная потребность порождаетъ религіозный интересъ, который объединяетъ людей въ религіозныя группы, сообщающія входящимъ въ нихъ индивидуумамъ религіозный признакъ.

Таковы главные интересы, побуждающіе людей группироваться въ союзы, или соціальныя группы, изъ которыхъ каждая характеризуется особымъ соціальнымъ признакомъ.

Что же касается зависимости между способностями и соціальными признаками индивидуумовъ, то изученіе ея цѣлесообразнѣе отложить до изслѣдованія отношеній зависимости, существующей въ соціальныхъ группахъ вообще.

II.

Изъ сложности признаковъ и интересовъ человѣка вытекаетъ сложность и разнообразіе соціальныхъ силъ, дѣйствующихъ въ исторіи, сложность и разнообразіе соціальныхъ группъ.

Въ исторіи выступаютъ и дѣйствуютъ расы, націи, племена и семейные союзы; группы, объединенныя общностью пола и группы, объединенныя общностью возраста; общества, касты, сословія, классы: политическіе организмы государства, правящія корпораціи, династіи; религіозныя общества, церкви, секты; партіи, идейные союзы и многія другія соціальныя группы, постоянныя или временныя, возникающія и функціонирующія для осуществленія тѣхъ или другихъ матеріальныхъ либо идеологическихъ цѣлей ¹⁾).

Каждая соціальная группа опредѣляется нѣкоторымъ признакомъ, нѣкоторымъ интересомъ и нѣкоторыми способностями. Принципъ, интересъ и способности, опредѣляющіе нѣкоторую группу, мы будемъ называть характеристическими элементами этой группы. Полное и ясное представленіе о соціальной группѣ получается лишь тогда, когда даны всѣ три ея характеристическихъ элемента, въ этомъ случаѣ опредѣленіе группы будетъ совершенное, въ противномъ случаѣ оно—не совершенное. Если какая-нибудь соціальная группа лишена какого-либо ясно выраженного характеристическаго элемента, то она—лишь несовершенная соціальная группа. Такъ, совокупность индивидуумовъ, составляющихъ націю, должна

¹⁾ Vilfredo Pareto, *Les systèmes socialistes*, Paris, 1902, I, стр. 119.—L. Gumplowicz, *Grundriss der Sociologie*, стр. 235, 239, 240.—L. Gumplowicz, *Der Rassenkampf*, I, XXXVIII и XXXIX.—Ю. Делевскій, Къ вопросу о возможности историческаго прогноза, стр. 43, 45—46. А. Комовъ, Къ вопросу о теоретическихъ основахъ социалистической программы, Спб. 1907, стр. 32 и 36. М. Туганъ-Барановскій, *Теоретическія основы марксизма*, Спб. 1905, стр. 71.—Его же, *Основы политической экономіи*, Спб. 1909, стр. 518—519.

обладать однимъ общимъ достаточно ясно выраженнымъ національнымъ признакомъ, какъ-то нѣкоторою общностью происхожденія, общностью языка, общностью культуры, общностью традицій, затѣмъ общимъ національнымъ интересомъ и, наконецъ, извѣстными национальными способностями, какъ, напр., достаточно выраженнымъ національнымъ сознаниемъ, стремленіемъ поддерживать и защищать свою національную самостоятельность и пр. Ни французы, ни нѣмцы XI вѣка не проявляли достаточно выраженного національнаго интереса или національнаго сознанія, и потому можно утверждать, что въ ту эпоху не было французской націи или нѣмецкой націи въ тѣсномъ смыслѣ, или, если угодно, что въ ту эпоху существовали лишь несовершенныя національности—французская и нѣмецкая. Напротивъ того, въ нашу эпоху никто не станетъ отрицать существованія французской націи или нѣмецкой націи.

Каждый признакъ является особымъ критеріумомъ для распределенія всей совокупности индивидуумовъ на нѣсколько группъ, отличающихся другъ отъ друга въ отношеніи этого признака, но могущихъ быть сходными въ отношеніи другого признака. Соціальныя группы могутъ различаться по признакамъ одного типа и сходствовать въ отношеніи признаковъ другого типа. Такъ, напр., национальный признакъ, религіозный признакъ, классовый признакъ—это признаки разнаго типа; но каждый изъ этихъ типическихъ признаковъ даетъ критеріумъ для классифицированія индивидуумовъ въ различныя группы опредѣленнаго типа. Такъ, въ отношеніи національнаго признака или по національному типу, населеніе Европы дѣлится на рядъ націй: французскую, англійскую, нѣмецкую, русскую и т. д.; въ отношеніи религіознаго признака, или по религіозному типу, то же населеніе дѣлится на католиковъ, протестантовъ, православныхъ, іудеевъ, магометанъ и т. д.; въ отношеніи классового признака, или по классовому типу, оно состоитъ изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ, рабочихъ и т. д.

Отсюда видно, что всякая достаточно значительная совокупность индивидуумовъ можетъ быть разложена на одинъ рядъ сферъ по одному типическому признаку, другой рядъ сферъ по другому типическому признаку и т. д. ¹⁾ Эти сферы то лежатъ одна внѣ другой, то заключаются одна въ другой, то взаимно перекрещиваются. Одна и та же религія можетъ объединять нѣсколько націй. Одна и та же нація можетъ охватывать группы послѣдователей разныхъ религіозныхъ культовъ. Одно и то же государство можетъ объединять нѣсколько націй и нѣсколько культовъ. Каждое общество можетъ соединять въ себѣ нѣсколько классовъ, и въ каждый общественный классъ входятъ индивидуумы разнаго пола, разной вѣры, разной національности.

Индивидуумъ не можетъ принадлежать одновременно нѣсколькимъ

1) G. Tarde, Les transformations du pouvoir, Paris 1899, стр. 2.

соціальнымъ группамъ одного и того же типа; индивидуумъ не можетъ быть одновременно французомъ и нѣмцемъ, одновременно католикомъ и лютераниномъ, одновременно мужчиною и женщиной, одновременно капиталистомъ и пролетаріемъ. Но, въ виду разнообразія признаковъ и интересовъ, индивидуумъ можетъ входить и дѣйствительно входить одновременно въ нѣсколько соціальныхъ группъ разнаго типа ¹⁾. Такъ, тріестскій торговецъ можетъ быть по національности итальянецъ, по принадлежности къ государственному организму—австріецъ, по религіи—католикъ, по классовому положенію—буржуа, по идейнымъ симпатіямъ—соціалистъ.

Каждому типическому признаку соціальной группы соотвѣтствуетъ типическій интересъ, связывающій особою солидарностью индивидуумовъ группы даннаго типа. Такъ, расъ, націи, обществу, классу, государству, религіозному союзу, политической группѣ, династіи, идеологической группѣ соотвѣтствуютъ типическіе интересы расовые, національные, интересы общества въ цѣломъ, интересы экономически-классовые, интересы государственные, религіозные, политическіе, династическіе, идеологическіе. Каждая соціальная группа имѣетъ во всякомъ случаѣ нѣкоторый типическій интересъ; она можетъ имѣть интересы и другого типа, но эти послѣдніе въ данномъ случаѣ либо бывають подчинены интересамъ типическимъ, напр., какъ средство—цѣли, либо чужды связи, которая характеризовала бы данную соціальную группу, какъ спеціальную категорію другого типа. Такъ, религіозная община имѣетъ экономическій интересъ, заключающійся въ добываніи средствъ для отправленія функцій своего культа; классъ, т. е., экономическая группа, можетъ стремиться къ политическому господству, съ цѣлью обезпеченія и развитія своего экономического преобладанія; династія, т. е. политическая категорія, можетъ опираться на экономическіе ресурсы страны, на національное чувство народа, на религіозные интересы подданныхъ, чтобы дать волю своимъ экспансивнымъ планамъ и усилить свой блескъ и могущество. Англія имѣетъ не только опредѣленные политическіе, но и опредѣленные экономическіе интересы; но не эти экономическіе интересы отличаютъ Англію, какъ государство, отъ Германіи, какъ другого государства.

Если соціальная группа соединяетъ одновременно нѣсколько типическихъ признаковъ, то и типическіе интересы этой группы соединяются, какъ равноцѣнные. Таковъ, наримѣръ, случай, когда государство объединяетъ гражданъ одной націи и одной религіи. Тогда—какъ для соціальныхъ группъ, такъ и для индивидуумовъ имѣетъ мѣсто—либо

¹⁾ L. Gumplowicz, Sociologie et Politique, Paris 1898, стр. 147: „Соціальныхъ группъ можетъ быть столько, сколько имѣется различныхъ интересовъ, и, такъ какъ въ индивидуумѣ соединяется нѣсколько интересовъ, то онъ можетъ принадлежать нѣсколькимъ соціальнымъ группамъ, перефиріи которыхъ пересѣкаются различнымъ образомъ или могутъ заключаться одна въ другой“.

гармонія інтересовъ разнаго типа и амальгамированіе ихъ въ одинъ сложный и весьма интенсивный интересъ, либо конфликтъ между ними. Такъ, въ возстаніи Іудеи, повлекшемъ за собою разрушеніе Іерусалима римлянами, сказался крайній фанатизмъ политическаго, національнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ религіознаго чувства. Филиппъ II испанскій, несмотря на свой религіозный фанатизмъ, боролся съ папскимъ авторитетомъ, когда послѣдній грозилъ его монархическимъ интересамъ. Карлъ IX французскій, напротивъ того, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, приносилъ отчасти въ жертву свои интересы монарха, когда давалъ согласіе на Варооломеевскую рѣзню. А Людовикъ XVI, мучимый религіозными угрызеніями, послѣ санкціи, данной имъ закону о гражданской конституціи духовенства, вступаетъ съ враждебными Франціи правительствами въ сношенія, которыя повлекли за собою паденіе династіи и его личную гибель ¹⁾.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ той связи, которая характеризуетъ соціальную группу въ тѣсномъ смыслѣ, общность нѣкотораго признака порождаетъ чувство солидарности, болѣе или менѣе устойчивое, которое создаетъ общій интересъ или усиливаетъ общій интересъ, уже существующій. Такъ, Генрихъ II Плантагенетъ, во время своихъ злоключеній съ собственными сыновьями, съ которыми ему часто приходилось воевать, въ виду ихъ узурпацій, обратился съ просьбою о помощи къ тѣмъ монархамъ, которые имѣли также сыновей ²⁾. Въ этомъ же заключается источникъ солидарности между монархическими правительствами, равно какъ между республиканскими, тамъ, гдѣ между ними нѣтъ соперничества. Такъ, римляне часто вводили республиканскій строй на мѣсто побѣжденныхъ ими въ войнахъ монархій; напротивъ, триумвиръ Антоній, въ моментъ фактическаго пораженія республики въ Римѣ, возстановливалъ монархію въ тѣхъ странахъ—Іудеѣ и Понтѣ,—гдѣ Помпей организовалъ прежде республики ³⁾.

Между типическими признаками соціальныхъ группъ одни интимно связаны съ біологическою природою индивидуумовъ группы, другіе характеризуютъ извѣстныя соціальныя отношенія, третьи относятся къ психологіи индивидуумовъ группы.

Для натуралиста біологическіе признаки индивидуумовъ подчинены тѣмъ же законамъ эволюціи, какъ вообще весь органическій міръ; но, въ историческомъ изслѣдованіи, нѣкоторые изъ этихъ признаковъ должны считаться или совершенно неизмѣнными, или практически неизмѣнными для достаточно большихъ промежутковъ времени ⁴⁾.

¹⁾ A. Aulard; Histoire politique de la Révolution Française, Paris, 1901, стр. 84 и 116.

²⁾ Aug. Thierry, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, Paris, 1882, t. I, стр. 174.

³⁾ G. Ferrero, Grandeur et décadence de Rome, IV, Paris, 1906, стр. 49.

⁴⁾ Подобныя характеристическія данныя, принимаемыя какъ постоянныя въ данномъ изслѣдованіи, получаютъ въ математикѣ, минералогіи и вообще въ точныхъ наукахъ названіе параметровъ.

Совершенно неизмѣннымъ представляется половой признакъ, практически неизмѣнною представляется раса, въ меньшей степени—нація. Возрастъ для каждаго индивидуума мѣняется со временемъ, но для всей совокупности индивидуумовъ онъ является необходимымъ признакомъ по отношенію къ нѣкоторой части этой совокупности.

Какъ ужъ было замѣчено въ той части нашего изслѣдованія, гдѣ говорилось объ антагонизмахъ въ природѣ, біологическій признакъ индивидуума можетъ быть устраненъ лишь одновременно съ физическимъ разрушеніемъ самого индивидуума, по крайней мѣрѣ поскольку рѣчь идетъ о признакахъ существенныхъ. Отсюда слѣдуетъ, что соціальная группа, характеризуемая біологическимъ признакомъ, какъ типическимъ, можетъ исчезнуть лишь съ физическимъ исчезновеніемъ входящихъ въ нее индивидуумовъ.

Подъ расою слѣдуетъ разумѣть совокупность индивидуумовъ, обладающихъ общимъ антропологическимъ типомъ, наслѣдуемымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Можно спорить о томъ, существуютъ ли чистыя расы, много ли подобныхъ расъ, слѣдуетъ ли видѣть существенный признакъ расы не только въ цвѣтѣ кожи, но и въ долихоцефализмѣ или брахицефализмѣ, и т. п., но нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что существуютъ расы, отличныя другъ отъ друга. Подъ націею же разумѣется совокупность индивидуумовъ, обладающихъ общимъ происхожденіемъ, общею культурой и нѣкоторой общею психологіею ¹⁾. Какъ правильно замѣчаетъ Кіашелли, общность языка не можетъ одна служить постояннымъ и точнымъ признакомъ общности національной: англичане, шотландцы, ирландцы говорятъ всѣ на англійскомъ языкѣ ²⁾.

Существованіе общаго біологическаго признака у группы индивидуумовъ порождаетъ то чувство солидарности между ними и обособленія отъ другихъ индивидуумовъ, которое превращаетъ группу біологическую въ группу соціальную. Для большинства африканскихъ негровъ, женщина—родъ низшаго животнаго ³⁾, у многихъ дикарей считается совершенно нормальною убійство дряхлыхъ стариковъ и дѣтей. Отчужденіе бѣлыхъ отъ негровъ въ Сѣверной Америкѣ—весьма краснорѣчивый примѣръ расоваго обособленія. Наконецъ, значеніе національной розни видно изъ того, что для характеристики самыхъ рѣзкихъ классовыхъ антагонизмовъ часто прибѣгаютъ къ сравненію съ борьбою между двумя народами или націями ⁴⁾.

¹⁾ G. Vacher de Lapouge, *Sélections sociales* 1896, стр. 8—9. Его же *L'Aryen*, Paris 1899, стр. 366.

²⁾ A. Chiappelli, *Il Socialismo e il pensiero moderno*, Firenze 1897, стр. 14.—Ср. Cournot, *Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes*, Paris, 1872, t. II, стр. 289.

³⁾ Ch. Letourneau, *Condition de la femme*, Paris, 1903, стр. 61.

⁴⁾ „Такъ, историкъ Гизо, говоря объ антагонизмѣ между французскою феодальною аристократіею и угнетенными классами, приведшемъ къ Великой Революціи, сравниваетъ его съ борьбою двухъ враждебныхъ народовъ (Guizot, *Die gouvernement de la France depuis la restauration*, 1820, стр. 2—3).

Во вторую категорию типических признаков социальных групп входят признаки экономические, которым могут соответствовать определенные интересы экономические, и признаки политические, которым могут соответствовать определенные интересы политические. Это признаки существования некоторых социальных отношений и интересы сохранения или изменения этих социальных отношений. Возникновение, развитие и исчезновение социальных групп этой категории связано лишь с возникновением, развитием и исчезновением известных социальных отношений, и социальная группа подобного рода, как класс или политическая организация, может, например, распасться или умереть, при физическом сохранении и индивидуумов, в нее входящих ¹⁾.

Когда экономический признак имеет наиболее общее значение и служит для характеристики общества в целом, как обширной кооперации индивидуумов, сплоченных для удовлетворения экономических потребностей, то он тогда неразрывно связан с политическим признаком того же общества, заключающимся в системѣ нормъ, служащих интересамъ сохранения блага, сохранения членовъ общества и правовому упорядочению отношений, составляющих связь кооперация. Это дало повод Штаммлеру, в его известной книгѣ «*Wirtschaft und Recht*», обобщить связь между «экономіею» и «правомъ» общества во всѣхъ случаяхъ, какъ связь между «матеріею» и «формою», и сдѣлать изъ подобнаго обобщенія законъ для самыхъ даже дифференцированныхъ экономическихъ признаковъ и интересовъ съ одной стороны и политическихъ признаковъ и интересовъ съ другой стороны. Несмотря на то, что взглядъ Штаммлера основанъ въ значительной степени на недоразумѣніи и можетъ вести къ самымъ грубымъ ошибкамъ, онъ тѣмъ не менѣе оказалъ вліяніе на некоторыхъ представителей социалистической мысли на Западѣ и у насъ ²⁾.

Государство есть политическій организмъ, объединяющій

Подобную же параллель проводить его предшественникъ Монлозье.— Энгельсъ, говоря объ отчужденіи буржуазіи отъ пролетаріата въ Англіи въ 40-хъ годахъ 19-го вѣка, замѣчаетъ: „Это два различныхъ совершенно народа, различныхъ настолько, насколько это можетъ быть только продуктомъ различія расы“). F. Engels, *Die Lage der arbeitenden Klasse in England*, 2-e Aufl., Stuttgart 1892, стр. 127.

¹⁾ Конечно, для существованія социальной группы необходимо, чтобы существовали составляющіе ее индивидуумы; но это тривиальное положеніе не должно служить основаніемъ для схоластическихъ умозаключеній. Такова, напримеръ, дедукція одного изъ марксистовъ, г. Волгина: „если бы не было предпринимателей, то не было бы предпринимательской дѣятельности, не было бы и предпринимательскаго міросозерцанія“, и пр. (Обоснованіе народничества г. Воронцовымъ, стр. 9). Предпринимательскаго міросозерцанія не было бы и въ томъ случаѣ, если бы на землѣ вовсе не было рода человѣческаго. Къ этой же категоріи мудрствованій относятся частныя ссылки марксистовъ на экономическія причины событій „въ послѣднемъ счетѣ“. Экономистъ Парето предложилъ по этому поводу слѣдующій назидательный афоризмъ: жизнь безъ солнца невозможна, стало быть, въ послѣднемъ счетѣ, солнце—причина побѣдъ Александра Македонскаго? (V. Pareto, *Systèmes socialistes*, t. II, стр. 389).

²⁾ А. Комовъ, Къ вопросу о теоретическихъ основахъ социалистической программы, стр. 38—42. Впослѣдствіи мы еще вернемся къ этому вопросу.

индивидуумовъ подѣ дѣйствию общихъ юридическихъ нормъ и проявляющихъ власть по отношенію къ гражданамъ, находящимся въ предѣлахъ его территоріи или сферы вліянія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по отношенію къ другимъ политическимъ организмамъ. Принадлежность власти внутри государства единицамъ или корпораціямъ лежитъ въ основѣ раздѣленія общества на новыя политическія группы, характеризуемая признакомъ политической іерархіи и соотвѣтственными политическими интересами: съ одной стороны группы правящія, господствующія, обладающія политической властью, какъ-то династіи, олигархіи, политическія аристократіи, бюрократіи; съ другой стороны группы, управляемыя и политически подчиненныя.

Болѣе труднымъ и спорнымъ представляется опредѣленіе группъ съ типическимъ признакомъ экономическимъ, а въ особенности опредѣленіе социальнаго класса. Этотъ вопросъ оживленно дебатировался въ 1903 году въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Парижскаго Соціологическаго Общества ¹⁾. Этотъ же вопросъ послужилъ у насъ предметомъ полемики между марксистами чистыми и марксистами народническаго оттѣнка.

Что классъ есть совокупность индивидуумовъ, обладающихъ общимъ экономическимъ признакомъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Но каковъ долженъ быть этотъ признакъ? Будетъ ли это источникъ дохода, въ смыслѣ профессіи (торговцы, ремесленники, чиновники, лица свободныхъ профессій, мастера, чернорабочіе и т. п.)? Или источникъ дохода, въ смыслѣ особаго положенія въ производствѣ тѣхъ или другихъ социальныхъ группъ, создающаго нѣкоторую экономическую іерархію (землевладѣльцы, финансисты, предприниматели, пролетаріи?) или величина дохода (богатые, зажиточные, достаточные, бѣдные?) Или какой-нибудь другой экономическій признакъ либо совокупность нѣсколькихъ признаковъ?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, слѣдуетъ прежде всего выяснитъ себѣ цѣль искомаго опредѣленія.

Цѣль опредѣленія какого-либо термина можетъ быть либо лингвистическая (или филологическая), либо критическая, либо спеціально-научная.

Въ первомъ случаѣ выясняется смыслъ общеупотребительнаго термина, какъ его понимаетъ большинство говорящихъ. Фиксированіе значенія какого-либо слова въ текущей рѣчи преслѣдуетъ цѣль филологическую, но не соціологическую. Тѣмъ не менѣе въ дискуссіи Парижскаго Соціологическаго Общества наблюдалась порою тенденція передвинуть обсужденіе вопроса на эту плоскость.

Критическій разборъ нѣ котораго термина, употребляемаго какимъ-нибудь научнымъ изслѣдователемъ, имѣетъ цѣлью установить въ точности,

¹⁾ См. *Revue Internationale de Sociologie*, 1903 и *Cyr. Van Overbergh, La classe sociale*, Bruxelles 1905, chap. 1.

какъ понимается или понимался этотъ терминъ изслѣдователемъ, что необходимо для надлежащаго истолкованія его теорій. Но подобная критика можетъ вырождаться въ рабское служеніе авторитету, если точно установленное мнѣніе изслѣдователя является обязательнымъ для критика-ученика. *Magister dixit*. Отчасти такой характеръ имѣлъ у насъ споръ о правильномъ пониманіи природы общественнаго класса съ точки зрѣнія ученія Маркса.

Научное опредѣленіе заключается въ точномъ обозначеніи тѣхъ признаковъ опредѣляемаго терминомъ предмета или агрегата, которые представляютъ особый интересъ, какъ исходное начало возможныхъ плодотворныхъ изслѣдованій. При этомъ общеупотребительный смыслъ термина въ рѣчи не связываетъ изслѣдователя, и единственное требованіе, которое предъявляется къ нему, при установленіи термина, заключается въ томъ, чтобы не вводить прямо или косвенно въ опредѣленіе такихъ свойствъ и зависимостей, существованіе которыхъ требуется еще доказать. Такъ, напр., нельзя въ геометріи опредѣлить прямую линію, какъ линію пересѣченія двухъ плоскостей, если свойство пересѣченія двухъ плоскостей по прямой линіи само выводится изъ опредѣленія плоскости, вытекающаго изъ признанія свойствъ прямой линіи. Тамъ же, гдѣ связь или зависимость между признаками и свойствами доказана, можно дать изслѣдуемой вещи нѣсколько научныхъ опредѣленій, различающихся по исходной точкѣ, но на самомъ дѣлѣ выводимыхъ одно изъ другого. Такъ, въ геометріи же можно шаровую поверхность безразлично опредѣлять либо какъ такую, которой всѣ точки равно отстоятъ отъ центра, либо какъ такую, которая образуется вращеніемъ полу-окружности вокругъ діаметра. Въ физической теоріи абсолютныхъ единицъ, опредѣленіе тѣхъ или другихъ единицъ, служащихъ для измѣренія силъ, работъ, потенциаловъ и пр., подвергается самымъ удивительнымъ на внѣшній видъ превращеніемъ, въ зависимости отъ принятой основной системы единицъ.

Въ нашу задачу входитъ изученіе всѣхъ формъ соціальныхъ антагонизмовъ, вытекающихъ изъ различныхъ формъ соціальныхъ группировокъ. Намъ должны интересовать поэтому всѣ тѣ экономическіе признаки, которые способны создавать съ одной стороны проявленіе экономической солидарности между индивидуумами, входящими въ группу, характеризующую общимъ для всѣхъ ея членовъ экономическимъ признакомъ, а съ другой стороны—проявленіе антагонизма противъ другихъ группъ того же типа. Но солидарность и антагонизмъ вызываются опредѣленными интересами. Не всякій общій экономическій признакъ связанъ съ существованіемъ общаго экономическаго интереса, но было бы неправильно утверждать, что подобный общій интересъ существуетъ лишь въ силу только одного опредѣленнаго экономическаго признака, какъ напр., въ силу только одинаковаго уровня дохода и имущественнаго обезпеченія, или въ силу только общаго для всѣхъ источника дохода и положенія въ производствѣ, или въ силу только одинаковости профессій и т. д. Съ другой стороны, опредѣленіе класса въ чистомъ видѣ должно быть

чуждо примѣси не-экономическихъ признаковъ и интересовъ, ибо въ противномъ случаѣ получилось бы опредѣленіе смѣшанной формы соціальной группы.

Для насъ, стало быть, въ наиболѣе распространенномъ смыслѣ, классъ есть совокупность индивидуумовъ, объединенныхъ общимъ экономическимъ признакомъ и соответственнымъ общимъ экономическимъ интересомъ, независимо отъ существованія у нихъ другихъ признаковъ и интересовъ не-экономическихъ.

Изъ подобнаго опредѣленія слѣдуетъ прежде всего, что классовая квалификація можетъ быть примѣнена къ соціальной группѣ лишь въ томъ случаѣ, когда природа ея соединяетъ два характеристическихъ элемента экономического типа—и экономическій признакъ, и экономическій интересъ. Отсутствие хотя бы одного изъ этихъ элементовъ лишаетъ соціальную группу характера класса. Поэтому, если соціальная группа объединена не-экономическимъ признакомъ, хотя бы и преслѣдовала въ нѣкоторомъ отношеніи общіе экономическіе интересы, или если соціальная группа объединена нѣкоторымъ общимъ экономическимъ признакомъ, но не проявляетъ солидарности, состоящей въ общемъ экономическомъ интересѣ, либо проявляетъ солидарность въ интересѣ не-экономическомъ, то подобныя соціальныя группы—не классы.

Раса, нація, совокупность индивидуумовъ одного пола или совокупность индивидуумовъ одного возраста—не классы, ибо объединяющіе ихъ типическіе признаки имѣютъ характеръ біологическій, а не экономическій.

Общество не есть классъ, хотя и преслѣдуетъ экономическія цѣли: совокупность членовъ общества не объединяется исключительно ни однимъ и тѣмъ же экономическимъ признакомъ, ни однимъ и тѣмъ же экономическимъ интересомъ.

Населеніе одного государства не есть классъ, ибо характеристическій признакъ государства по типу—не экономическій, а политическій.

Политическія аристократіи, олигархіи, династіи, какъ чистыя политическія категоріи, не классы, ибо онѣ характеризуются признакомъ политическаго властвованія, т. е. признакомъ политическимъ.

Группы религіозныя и группы идеологическія—не классы: типическій ихъ признакъ, а по большей части и типическіе интересы—не экономическіе.

Интеллигенція, насколько этотъ терминъ часто употребляется для обозначенія класса людей, занимающихся умственнымъ трудомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, обладаетъ общимъ экономическимъ признакомъ; но, поскольку ее объединяютъ интересы не профессиональныя, а идейныя, это не классъ, а идеологическая группа ¹⁾.

¹⁾ Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что интеллигенція не можетъ играть существенной роли въ историческомъ развитіи остальныхъ отношеній, и въ частности

Напротивъ того, крупные землевладѣльцы, капиталисты, пролетаріи, крестьяне, имущіе и неимущіе, богатые и бѣдные, торговцы, промышленники, военные, чиновники, лица свободныхъ профессій,— все это—классы, какъ группы, имѣющія общій экономическій признакъ и соотвѣтственно ему общій экономическій интересъ.

Изъ нашего опредѣленія класса слѣдуетъ также, что экономическій признакъ, какъ общій типъ, допускаетъ разновидности, или подтипы, и что анализъ общественнаго цѣлаго, какъ совокупности экономическихъ группъ, или классовъ, даетъ различные результаты, въ зависимости отъ подтипическаго критеріума, принимаемаго за исходный пунктъ классификаціи, т. е. въ зависимости отъ того, принимается ли за основной признакъ дѣленія экономическій признакъ природы источника дохода, основаннаго на владѣніи собственностью въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ, или экономическій признакъ профессиональный, или экономическій признакъ размѣровъ дохода, или другой экономическій признакъ, или опредѣленная комбинація экономическихъ признаковъ. Важно только, чтобы, при анализѣ социальныхъ группъ, какъ классовъ одного порядка или классовъ другого порядка, не было смѣшенія критеріумовъ.

Отсюда видно, что, смотря по подтипическому признаку и соотвѣтственному интересу, индивидуумъ можетъ принадлежать одновременно къ нѣсколькимъ экономическимъ группамъ разныхъ подтиповъ, проявляя въ одномъ отношеніи солидарность интересовъ съ индивидуумами одной экономической группы, а въ другомъ отношеніи солидарность интересовъ съ индивидуумами другой экономической группы. Такъ, инженеръ, состоящій на жалованьи въ какой-нибудь компаніи, является, по своему положенію въ производствѣ и характеру дохода, квалифицированнымъ пролетаріемъ, по профессіи—представителемъ категоріи умственнаго труда, по размѣрамъ дохода—богатымъ, достаточнымъ или бѣднымъ человѣкомъ. Тогда понятно, почему можно, логически правильно, говорить о бѣдномъ предпринимателѣ и о богатомъ рабочемъ или пролетаріи (богатомъ, конечно, въ смыслѣ большого заработка, а не въ смыслѣ владѣнія собственностью или капиталомъ), что не мѣшаетъ большинству предпринимателей быть сравнительно богатыми, а большинству пролетаріевъ быть бѣдняками. Путемъ строгаго различенія и разграниченія критеріумовъ для установленія экономическихъ признаковъ социальныхъ группъ, становится легко ориентироваться въ «классовомъ» анализѣ такихъ комбинацій, какъ наемъ русскимъ безлошаднымъ крестьяниномъ другого крестьянина, владѣющаго живымъ инвентаремъ, чтобы «управить» поле перваго, или наемъ землевла-

въ классовой борьбѣ. Напротивъ того, съ нашей точки зрѣнія множественности интересовъ, множественности социальныхъ антагонизмовъ, множественности автономныхъ факторовъ социальной эволюціи, а въ частности факторовъ не-экономически-классовыхъ, роль интеллигенціи, какъ идеологической группы, можетъ быть огромна.

дѣльцемъ - помѣщикомъ, не имѣющимъ инвентаря, крестьянина, владеющаго таковымъ, для сельскихъ работъ,—комбинацій, не чуждыхъ парадоксальнаго характера, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ шаблонныхъ критериумовъ для анализа классового строя общества.

Наше опредѣленіе соціального класса основано на соединеніи двухъ характеристическихъ элементовъ — признака и интереса. Можно пойти еще дальше и, для квалификаціи класса въ болѣе спеціальному смыслѣ, требовать соединенія еще третьяго характеристическаго элемента, а именно способностей, или по крайней мѣрѣ нѣкоторой категоріи способностей, а именно сознанія классовой связи и классового интереса. Требованіе о внесеніи этого третьяго элемента въ опредѣленіе класса въ спеціальному смыслѣ и лежитъ въ основѣ различенія Марксомъ класса *an sich* и класса *für sich* или класса конституированнаго ¹⁾. Это осложненное опредѣленіе имѣетъ лишь значеніе терминологическое, если только съ нимъ не связано признаніе нѣкотораго уравниенія, или нѣкоторой зависимости, въполнѣ опредѣленной, между характеристическими элементами класса и его классовымъ сознаніемъ.

Если экономическій признакъ класса соединяется съ политико-юридическою нормою наслѣдственности экономического признака въ томъ или другомъ отношеніи, то получается смѣшанный признакъ соціальной группы, именуемый кастою или сословіемъ.

Каста есть соціальная группа, отличающаяся отъ обыкновеннаго класса наслѣдственностью профессіи и ранга, а также извѣстными формами юридическаго обособленія отъ другихъ кастъ (напр. запрещеніемъ вступать въ бракъ между лицами одной и лицами другой касты). Таковы касты индійскія, египетскія, африканскія (въ нѣкоторыхъ негритянскихъ государствахъ) и другія.

Сословіе есть соціальная группа, характеризующаяся наслѣдственною передачею нѣкоторыхъ привилегій, политическихъ и экономическихъ, какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго свойства. Впрочемъ, подъ сословіемъ разумѣютъ также соціальную группу, члены которой обладаютъ спеціальными привилегіями въ зависимости отъ отправляемой ими нѣкоторой общественной функціи, какъ, напр., духовенство.

Если допустить расширеніе сферы классовыхъ признаковъ и распространить ее на экономическіе признаки, осложненные спеціальными политико-юридическими зависимостями, то въ общее понятіе класса

¹⁾ См. опредѣленіе Ж. Сореля въ *Bulletin de la Société française de Philosophie*, 1902, стр. 94 и С. Н. Прокоповичъ, Къ критикѣ Маркса, Спб. 1901, стр. 166—169 и 213.—См. съ другой стороны, *Otto Effertz, Antagonismes économiques*, стр. 156 и 312, и Энр. Леона, *Синдикализмъ*, Москва 1907, стр. 121.—О различныхъ опредѣленіяхъ класса, предлагавшихся авторами немарксистскаго и марксистскаго направленія, см. *Syr. Van Overbegh, La classe sociale*, и М. И. Туганъ-Барановскій, Основы политической экономіи, Спб. 1909, стр. 501—521.

войдутъ и нѣкоторыя сословныя и классовыя группировки ¹⁾. Тогда можно говорить и о классѣ рабовъ ²⁾.

Въ третью категорію типическихъ признаковъ соціальныхъ группъ входятъ признакъ религіозный и признаки идеологическіе. Эти признаки вытекаютъ изъ особой психологіи индивидуумовъ и исчезаютъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ этой психологіи индивидуумовъ. Группы, объединяемыя этими признаками, возникаютъ, развиваются и прекращаютъ свое существованіе вмѣстѣ съ измѣненіемъ психологіи входящихъ въ эти группы индивидуумовъ.

Общій религіозный признакъ объединяетъ людей религіозною солидарностью и отправленіемъ одного общаго культа. Онъ лежитъ въ основѣ образованія религіозныхъ союзовъ, какъ коопераций, служащихъ къ удовлетворенію религіозныхъ интересовъ массы вѣрующихъ. Религіозные союзы могутъ быть вполне добровольные, какъ нынче въ наиболѣе культурныхъ странахъ міра; они могутъ имѣть принудительный характеръ, когда община, сильная своею организаціею или численнымъ превосходствомъ, подъ вліяніемъ фанатизма, навязываетъ свою религію невѣрнымъ или вовсе не терпитъ религіозныхъ вѣрованій того или другого рода (какъ напр. арабы-магометане въ отношеніи къ язычникамъ); они, наконецъ, могутъ имѣть характеръ полу-принудительный, когда исповѣдываніе всякой другой вѣры, кромѣ господствующей, влечетъ за собою потерю нѣкоторыхъ правъ (какъ напр. положеніе христіанъ и евреевъ въ мусульманскихъ государствахъ). Мы оставляемъ въ сторонѣ случаи, когда религія поощряется или преслѣдуется подъ вліяніемъ политическихъ мотивовъ, и когда организація религіознаго общества получаетъ смѣшанный классовый характеръ (касты жрецовъ, духовенство).

Къ идеологическимъ признакамъ относятся тѣ, которые основаны на какомъ-либо идеологическомъ интересѣ. Здѣсь признакъ и интересъ сливаются воедино. Таковы интересы научный, эстетическій, литературный, моральный, и подобные интересы могутъ объединять людей въ особыя группы и особые союзы, независимо отъ принадлежности ихъ къ соціальнымъ группамъ другихъ типовъ.

Среди интересовъ этого рода особенно важную роль играютъ интересы и мотивы идейныя, т. е. такіе, которые, соотвѣтственно данному выше опредѣленію, выходятъ за сферу непосредственныхъ интересовъ какъ данной группы, такъ и даннаго момента. Значительное

¹⁾ Gust. Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, I Theil, стр. 406.—Gaston Richard, Le socialisme et la science sociale, Paris 1897, стр. 157.

²⁾ E. Dühring, Cursus der National und Socialökonomie, 2-e Aufl., Leipzig 1876, стр. 4—5.—Строго говоря, рабы не составляютъ касты, несмотря на наслѣдственность ихъ состоянія (которая, впрочемъ, существовала не всюду: въ Мексикѣ, до завоеванія ея европейцами, рабское состояніе не распространялось на дѣтей), ибо рабъ получалъ свободу по волѣ своего господина.

мѣсто въ этой категоріи интересовъ занимаютъ широко-альтруистическіе идеалы индивидуумовъ, группъ, массъ. Что отдѣльныя личности и небольшія группы личностей проявляли въ исторіи подвиги безкорыстія и самоотверженности ради цѣли альтруистически-идейной, этого, конечно, никто не станетъ отрицать. Но цѣлый рядъ изслѣдователей — какъ соціалистическаго, такъ и внѣ-соціалистическаго лагеря—подчеркиваетъ выдающуюся роль, которую всегда играли въ исторіи альтруистическія чувства массъ. Такъ, сенъ-симонистъ Базаръ утверждаетъ, что «во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ, вліяніе на общество принадлежало людямъ, которые говорили сердцу»¹⁾. Интегральный соціалистъ Бенуа Малонъ говоритъ: «Никогда не удастся увлечь массы на путь героической борьбы ради общественной цѣли, если только имъ говорить о матеріальномъ интересѣ. Идеалы—единственные властители массъ»²⁾. Курно говоритъ, что чувство и страсть играетъ въ судьбахъ народовъ не меньшую роль, чѣмъ расчеты интереса»³⁾. Тардъ доказываетъ значеніе въ исторіи моральныхъ и альтруистическихъ мотивовъ для правящихъ классовъ⁴⁾. Наконецъ, Гюставъ Лебонъ усиленно настаиваетъ на томъ, что «толпа... всегда альтруистична», и что «глубокій альтруизмъ, альтруизмъ въ дѣйствіяхъ, а не въ словахъ, есть добродѣтель коллективная»⁵⁾.

Противники подобныхъ воззрѣній и, въ особенности, приверженцы экономического матеріализма могли бы на это возразить, что движущею силой въ исторіи является интересъ; что идея есть лишь отраженіе общаго матеріальнаго интереса; что идеаль есть не что иное, какъ выраженіе классовыхъ интересовъ, а внѣ этого они—голая иллюзія; что увлекаться чувствомъ могутъ лишь отдѣльныя личности, но никогда не цѣлые классы, которые никогда, какъ классы, не поступаются своими реальными интересами и никогда добровольно не отказываются отъ своихъ классовыхъ привилегій. Они могли бы, напр., сослаться вмѣстѣ съ Лоріа на то, что борьба между свѣтскою властью и папствомъ была лишь иллюзіею борьбы за идеаль, что это была въ дѣйствительности борьба между доходомъ церковнымъ и доходомъ свѣтскихъ феодаловъ, но что это была «иллюзія необходимая, ибо только высокій идеаль могъ толкать на смерть эту молодежь, которой улыбалась жизнь»⁶⁾. Они могли бы сослаться, вмѣстѣ съ Каутскимъ, на то, что «когда въ знаменитую августовскую ночь представители привилегированныхъ сословій въ національномъ собраніи, при всеобщемъ энтузіазмѣ, пожертвовали своими преимуществами, то они отказывались лишь отъ

¹⁾ Saint-Simon et Enfantin, Oeuvres, t. 41, Paris 1877, стр. 366.

²⁾ B. Malon, Le socialisme intégral, t. I, Paris 1891, стр. 40.

³⁾ Cournot, Traité de l'enchaînement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire, t. II, Paris 1861, стр. 224—228.

⁴⁾ G. Tarde, Les transformations du pouvoir, стр. 66—67.

⁵⁾ Gustave Le Bon, Psychologie du socialisme, Paris 1898, стр. 118—119.

⁶⁾ Ach. Loria. Le basi economiche della costituzione sociale. Torino. 1902, стр. 257—258.

того, чего они ужъ болѣе не имѣли, чтобы спасти то, что еще можно было спасти» ¹⁾).

Возможна и промежуточная позиція между точками зрѣнія идеалистическою и материалистическою. Такъ, напр., французскій историкъ Поль Гиро говоритъ: «Человѣкъ, во всѣ времена, руководится двумя мотивами-идеями и аппетитами, но, въ конечномъ итогѣ, онъ, повидимому, чаще повинуется второму мотиву, чѣмъ первому. Даже когда народъ уступаетъ побужденію, чуждому, повидимому, всякаго разсчета, даже когда онъ стремится къ славѣ или преслѣдуетъ цѣли справедливости, либо когда онъ увлекается какою-либо благородною химерою, почти всегда къ его чувствамъ и мыслямъ, иногда совершенно безсознательно, примѣшиваются мотивы порядка болѣе матеріальнаго» ²⁾).

Съ нашей точки зрѣнія, классовые интересы не исчерпываютъ еще дѣйствующихъ вообще въ исторіи экономическихъ интересовъ, ибо, сверхъ экономическихъ интересовъ классовъ, существуютъ и оказываютъ дѣйствіе экономическіе интересы социальныя группъ не-экономическаго типа, напр., экономическіе интересы обществъ, государствъ, націй, правительствъ и т. п. Съ нашей точки зрѣнія, далѣе, помимо потребностей экономическихъ, людьми руководятъ мотивы и потребности не-экономическіе, какъ чувство національное, чувство религіозное, жажда власти и жажда свободы и цѣлый рядъ интересовъ идеологическихъ. Претензія на монополію экономическихъ интересовъ, хотя бы и «въ послѣднемъ счетѣ», должна быть отвергнута, претензія на монополію классовыхъ интересовъ должна быть вдвойнѣ отвергнута. Съ другой стороны, каждый изъ типическихъ интересовъ получаетъ характеръ идейнаго интереса, если преслѣдуемая цѣль выходитъ за сферу непосредственныхъ интересовъ данной дѣйствующей группы (т. е. если часть дѣйствуетъ за цѣлое) и даннаго момента, въ особенности, когда проникнута альтруистическимъ духомъ. Такъ, Гарибальди, съ своею «тысячью», совершали подвиги ради національнаго и политическаго интереса освобожденія и объединенія Италіи; но выполненіе этой задачи было для Гарибальди и его сподвижниковъ дѣломъ идейнымъ. Или когда рабочіе одной страны совершенно безкорыстно, безъ всякаго ожиданія для себя взаимности, помогаютъ изъ своего скуднаго заработка стачечникамъ другой страны, то они повинуются голосу классовой солидарности, но для нихъ, для жертвователей, это—поступокъ идейный. Наконецъ, люди, принадлежащіе къ какой-нибудь социальной группѣ, могутъ руководиться въ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ интересами болѣе широкими, интересами другихъ социальныхъ группъ, интересами общества, интересами человѣчества, интересами истины и справедливости, интересомъ идейнымъ. Смягченіе положенія рабовъ въ древнемъ мірѣ

¹⁾ К. Kautsky, Die Klassengegensätze von 1789, [въ Neue Zeit, 1889, стр. 100. Ср. J. Jaurès, La Constituante, стр. 282—283, 286—287, а также стр. 7—32.

²⁾ Paul Guiraud, Etudes économiques sur l'antiquité, Paris 1905 стр. 25—26

подъ вліяніемъ философіи эпикурейской и стоической и роль гуманитарныхъ идей въ уничтоженіи новѣйшаго рабства, альтруистическія дѣйствія нѣкоторыхъ религіозныхъ ученій, идейное самоотреченіе и инициативное значеніе выходцевъ изъ привилегированныхъ группъ въ Римѣ, которые поднимали знамя реформъ и становились во главѣ соціального движенія, просвѣтительная филантропія 18-го вѣка и даже своеобразное народолубіе со стороны нѣкоторой части высшихъ классовъ во Франціи, когда еще не было никакой опасности и никакихъ симптомовъ приближающейся революціи, пропагандистско-освободительный энтузіазмъ великой французской революціи, неустанная пропаганда идейной части консервативной буржуазіи въ Англіи ради фабричнаго законодательства, огромная роль «интеллигенціи» въ радикальномъ общественномъ движеніи, происходившемъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій въ Россіи и имѣвшемъ въ виду народное благо,—вотъ примѣры соціальной работы подобныхъ идейныхъ интересовъ. Съ особенною силою вліяютъ они въ эпохи общественныхъ потрясеній¹⁾.

Значеніе дѣйствія идейныхъ интересовъ и идейныхъ группировокъ въ исторіи не подлежитъ, стало быть, сомнѣнію. Нужды нѣтъ, что общественный классъ, какъ цѣлое, никогда не отказывался добровольно отъ всѣхъ своихъ привилегій. Важно то, что меньшинство общественного класса могло отказываться добровольно отъ всѣхъ своихъ привилегій, а весь общественный классъ — отъ части своихъ привилегій, подъ вліяніемъ чувствъ альтруистическимъ²⁾. И отчасти правъ Киддъ, когда онъ говоритъ, что нынче высшіе классы, хотя и гораздо сильнѣе своего противника, все же берутъ сами инициативу уступокъ, побуждаемые чувствомъ справедливости³⁾.

Если какая-нибудь соціальная группа хотя бы и неидеологического типа въ извѣстный моментъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ побужденій идейныхъ, то въ данномъ случаѣ она дѣйствуетъ какъ группа идейная, и тогда въ ней соединяются два признака—постоянный, типическій, и временный, идейный.

Вообще одна и та же соціальная группа можетъ соединить въ себѣ нѣсколько признаковъ разнаго типа, какъ расовый или національный, религіозный, экономическій, политическій и т. п. Такъ, послѣ завоеванія Испаніи арабами, побѣдители стали господствующею политическою корпораціею и классомъ наиболѣе крупныхъ собственниковъ, отличавшимся и по расѣ, и по религіи отъ покореннаго населенія.

1) Louis Blanc, Histoire de dix ans 1842, t. I стр. 284.

2) Изъ писателей марксистскаго направленія, особенно сильно настаивавшихъ на самостоятельномъ значеніи идеологическаго фактора въ исторіи, а главнымъ образомъ на роли идей и моральныхъ стремленій, отмѣтимъ Л. Вольтмана (Ludw. Woltman, Der Historische Materialismus, Düsseldorf 1900, стр. 387—395).—Ср. М. Туганъ-Барановскій, Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи, стр. 148, и Теоретическія основы марксизма, стр. 50.—Замѣтимъ, что Эд. Бернштейнъ опредѣляетъ политическую партію, какъ единицу идеологическую (Socialistische Monats-Hefte, 1906).

3) Benj. Kidd, Social evolution, Londo 898, стр. 182 и 183—184, а также стр. 49, 171, 173, 311.

Въ подобныхъ случаяхъ, т. е. когда социальная группа соединяетъ въ себѣ нѣсколько типическихъ признаковъ и соответственныхъ интересовъ, обособленіе ея отъ другихъ группъ становится обыкновенно болѣе чувствительнымъ. Этимъ объясняется замѣчаніе Шмоллера, что «наиболѣе чисто классовое начало тамъ, гдѣ различіе классовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и различіе расъ»¹⁾. Повидимому, та же рѣзкая обособленность социальныхъ группъ, соединяющихъ въ себѣ нѣсколько типическихъ признаковъ, приводитъ Гумпловича къ странному утверждению, что онѣ стремятся стать «расами»²⁾. Для насъ подобныя группы, въ социологическомъ отношеніи, представляются не чистыми социальными группами, не чистыми, напимѣръ, классами, не чистыми политическими агрегатами, не чистыми религіозными обществами, а группами смѣшанными.

III.

Подъ способностями социальной группы мы разумѣемъ совокупность данныхъ, которыя позволяютъ социальной группѣ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ утверждать либо отрицать свой типическій признакъ, иначе говоря, свою групповую индивидуальность, и осуществлять свои стремленія и интересы. Способности социальной группы могутъ зависѣть отъ ея признака, отъ всей ея исторіи и отъ тѣхъ природныхъ условій, среди которыхъ группа развивалась и продолжаетъ жить. Какъ и въ мірѣ біологическомъ, способности заключаются въ сознаніи группы, ея силахъ и физической средѣ, ее окружающей.

Сознаніемъ мы называемъ сумму психологическихъ и моральныхъ свойствъ, принадлежащихъ индивидуумамъ, составляющимъ группу, и лежащихъ въ основѣ возможнаго пониманія групповой солидарности и возможнаго проявленія энергіи, служащей къ защитѣ групповыхъ интересовъ. Смотря по типическому признаку группы, сознаніе можетъ быть классовое, національное, религіозное, патріотическое, моральное или идейное и т. д.

Національное и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное сознаніе галла въ эпоху расцвѣта культа друидовъ стояло очень высоко, но это сознаніе почти исчезло черезъ полтора вѣка послѣ покоренія Галліи римскими легіонами въ періодъ полной романизации страны.

Отсутствіе у женщинъ сознанія ихъ безправнаго или подчиненнаго положенія — фактъ общеизвѣстный. Положеніе женщины-негритянки въ тропической Африкѣ—ужасное, но она и не думаетъ жаловаться и

¹⁾ Gust. Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschafts lehre, I Theil, стр. 392.

²⁾ L. Gumplowicz, Grundriss der Soziologie, 2-e Aufl., стр. 244.—Ср. Егोजе, Der Rassenkampf, I, 38 и 39.

считаетъ свое положеніе вполне естественнымъ: такова была судьба ея матери, такова будетъ участь ея дочери, таковъ долженъ быть удѣлъ всего пола ¹⁾).

Бebelъ замѣчаетъ: «Женскій полъ, въ результатъ постояннаго угнетенія и своеобразнаго воспитанія, до такой степени сжился съ идеями своего властелина, что подобное состояніе онъ считаетъ совершенно въ порядкѣ вещей» ²⁾).

Классовое сознаніе экономическихъ группъ чистаго или смѣшаннаго типа даетъ въ исторіи примѣры всѣхъ градацій—отъ крайняго его напряженія до полнаго его отсутствія. И можно рѣшительно утверждать, что никакой опредѣленный и постоянный законъ зависимости сознаний экономическихъ группъ и ихъ признаковъ и интересовъ не существуетъ.

Классовое сознаніе рабовъ въ древнемъ мірѣ было вообще довольно слабо. Въ варварскихъ странахъ, гдѣ рабство еще существуетъ или еще недавно существовало, сознаніе рабами своего угнетеннаго положенія совершенно отсутствуетъ.

Въ своемъ посмертномъ сочиненіи Прудонъ съ горечью жалуется на недостатокъ собственной идеи, собственного сознанія у народныхъ массъ въ теченіе всей исторіи до XIX вѣка: «Въ исторіи, быть можетъ, нѣтъ примѣра, чтобы народъ, именно какъ народъ, отличая себя отъ дворянства, отъ буржуазіи, отъ церкви, проявилъ хоть какимъ-нибудь актомъ свою собственную идею и собственную волю. Въ политикѣ народъ зналъ только одну вещь, кричать: да здравствуетъ императоръ! или да здравствуетъ король! да здравствуетъ монсеньоръ! или да здравствуетъ нашъ господинъ! — Римскій плебсъ, создавая имперію, не основалъ ничего, напротивъ того, онъ разрушилъ все... Этотъ римскій народъ дезорганизовалъ республику и замѣнилъ ее автократіею, ничѣмъ. Чѣмъ были во Франціи, начиная съ 89-го года, народные вотумы? Подражаніемъ или скорѣе дополненіемъ къ голосамъ буржуазнымъ. Народъ игралъ въ политику, какъ дѣти играютъ въ солдаты... Въ 1799, въ 1804, въ 1815-омъ году народъ голосовалъ за своего императора, никогда не за самого себя... Февральская республика возвращаетъ избирательное право: какъ же онъ имъ пользуется въ самомъ началѣ? Его избранники—всѣ буржуа, орлеанисты, легитимисты, бонапартисты и республиканцы въ пестрой смѣси... Въ Учредительномъ и Законодательномъ собраніи большинство—реакціонное. Потомъ народъ избираетъ и переизбираетъ, три раза подрядъ Людовика-Наполеона. Гдѣ во всемъ этомъ, спрашиваю я, суверенная, самостоятельная мысль?» ³⁾).

Нитти замѣчаетъ, что соціальные антагонизмы существовали въ

1) Abel Novelacque, Les nègres de l'Afrique sus-équatoriale, Paris 1889, стр. 299 и 324—325.

2) Aug. Bebel, Die Frau und der Sozialismus, Stuttgart 1895, стр. 76.

3) Proudhon, De la capacité politique des classes ouvrières, Paris 1865, стр. 19—20.

древности, какъ и нынѣ, но что, въ отличіе отъ того, что происходитъ въ настоящее время, въ массахъ тогда не было ни надежды, ни вѣры ¹⁾).

Характеризуя престижъ, которымъ пользовалась въ древнемъ Римѣ аристократія среди народа, Фюстель-де-Куланжъ говоритъ: «Законы этой римской республики были демократическіе, но Римъ управлялся обычаями, а не законами. А обычаи были аристократическіе. Народъ проявлялъ столько же уваженія по отношенію къ знати, сколько знать проявляла гордости по отношенію къ народу ²⁾).

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, въ отношеніи степени развитія и классового сознанія народныхъ массъ, различные фазисы римской исторіи представляются далеко не сходными. Была бурная эпоха борьбы между плебсомъ и патриціатомъ, была другая не менѣ бурная эпоха Гракховъ и борьбы между пролетаріатомъ и новою аристократіей. Но потомъ наступилъ періодъ деморализаціи римскаго пролетаріата, къ которому относится замѣчаніе знаменитаго современнаго писателя, а именно Цицерона, что «народъ самъ уже не народенъ» ³⁾. Произошло крушеніе республики, моральное вырожденіе столичнаго плебса и то паденіе общественной психологіи во всѣхъ слояхъ населенія, которое является отличительною чертою политическаго маразма нѣсколькихъ вѣковъ, пережитыхъ имперіею вплоть до ея паденія.

Что касается сознанія пролетаріата и вообще рабочихъ классовъ въ новѣйшее время, то, оставляя сейчасъ въ сторонѣ вопросъ о существованіи опредѣленнаго закона эволюціи этого сознанія, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что оно часто проявлялось и проявляется крайне слабо въ весьма важныхъ комбинаціяхъ, призванныхъ играть рѣшающую роль въ дальнѣйшей судьбѣ заинтересованныхъ общественныхъ классовъ. Судьба всеобщаго избирательнаго права даетъ не мало краснорѣчивыхъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о маломъ развитіи классового сознанія въ массахъ трудящагося народа. Такъ, конституція III года, отвергавшая всеобщее избирательное право и вводившая цензовую систему, была принята во Франціи, безъ всякаго сопротивленія, всенароднымъ голосованіемъ, проведеннымъ еще на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Не удивительно, что силы реакціи, учитывая малую сознательность массъ, иногда берутъ на себя инициативу проведенія всеобщаго избирательнаго права или легко дѣлаютъ въ этомъ отношеніи уступки, и что онѣ не всегда обманываются въ своихъ расчетахъ. Весьма возможно, что система выборовъ, допущенная правительствомъ Людовика XVI въ 1789 году для назначенія генеральныхъ штатовъ и сильно приближавшаяся ко всеобщему избирательному праву, вытекала изъ стремленія королевской власти «апеллировать ко всеоб-

¹⁾ Nitti, *Le socialisme catholique*, Paris 1894, стр. 35.

²⁾ Fustel de Coulanges, *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*, t. II, Paris 1891, стр. 157—158.

³⁾ „Populum ipsum iam non esse popularem“ (Cic., *Pro P. Sextio*).

щему избирательному праву противъ буржуазной оппозиціи, къ невѣжеству противъ просвѣщенія ¹⁾). На декретированіе въ 1848 году всеобщаго избирательнаго права буржуазнымъ собраніемъ ссылались, какъ на актъ идейнаго самоотреченія въ пользу рабочаго класса, и возможно, что это—вѣрно. Но революціонеръ Бланки смотрѣлъ на эту мѣру, какъ на актъ коварнаго разсчета, и впослѣдствіи писалъ объ этомъ слѣдующее: «Преждевременное апеллированіе къ всеобщему избирательному праву въ 1848 году было обдуманною измѣною. Было извѣстно, что, послѣ наложенія узды на печать со времени 18 Брюмера, провинція сдѣлалась жертвою духовенства, чиновничества и аристократіи. Спрашивать вотума у этихъ поработченныхъ массъ—это значило спрашивать его у ихъ господъ. Искренніе республиканцы требовали отсрочки выборовъ до полнаго освобожденія сознаний черезъ воздѣйствіе полемики, избавленной отъ помѣхъ... Одинъ годъ парижской диктатуры въ 48-мъ году спасъ бы Францію и исторію отъ истекающей четверти вѣка» ²⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что и Бисмаркъ, инициативѣ котораго принадлежитъ введеніе всеобщаго избирательнаго права въ Германіи, въ моментъ ея объединенія, руководился, въ своихъ реакціонно-династическихъ перспективахъ, опытомъ Бонапартовской Франціи. Наконецъ, отъ введенія всеобщаго избирательнаго права въ Бельгіи выиграли, какъ извѣстно, не только соціалисты, но и клерикалы.

Такъ какъ индивидуумъ можетъ соединить въ себѣ нѣсколько признаковъ и принадлежать одновременно къ нѣсколькимъ соціальнымъ группамъ разнаго типа, то и сознание его представляется сложнымъ соединеніемъ сознаний разнаго типа, какъ-то: сознания классоваго, сознания національнаго, сознания политическаго, сознания религіознаго и т. п. Эти различныя формы типическихъ сознаний либо консолидируютъ и усиливаютъ одна другую, либо, напротивъ того, однѣ, болѣе слабыя, подавляются другими, болѣе сильными. Религіозное чувство можетъ ослаблять или совершенно парализовать классовое сознание. Индусъ, принадлежащій къ одной изъ самыхъ низшихъ кастъ, безропотно переноситъ свою несчастную долю, глубоко вѣруя, что покорность року—его главная религіозная обязанность, соблюденіе или несоблюденіе которой повлечетъ за собою награду или кару въ грядущей жизни души, послѣ переселенія ея въ другой организмъ. И если вѣрно мнѣніе Фразера, что одна изъ причинъ исчезновенія антропофагіи заключается въ чувствѣ страха передъ загробною мстью съѣденныхъ людей, то мы здѣсь имѣемъ замѣчательный примѣръ подавленія вѣрою страшнаго инстинкта каннибализма и связанныхъ съ нимъ антагонизмовъ. Национальное чувство можетъ затушевываться государственнымъ патріотизмомъ, какъ въ Швейцаріи, странѣ трехъ національностей, или наоборотъ сознание связи съ государственнымъ цѣлымъ можетъ подрываться

¹⁾ A. Aulard, Histoire politique de la révolution française, стр. 30.

²⁾ Aug. Blanqui, Critique sociale, Paris 1885, t. I, Capital et travail, стр. 207 и 208.

сознанієм національнымъ, какъ напр. въ Австріи, странѣ десятка отдѣльныхъ національностей. Национальное сознаніе можетъ противоплагаться классовому, и, наоборотъ, классовое сознаніе можетъ противоплагаться національному. Такъ, одинъ изъ мотивовъ, побудившихъ австрійское правительство согласиться на распространеніе избирательнаго права и на рабочихъ, состоялъ въ признаніи принципа: *Soziale gegen Nationale*—соціалисты противъ націоналистов!

Силы общественной группы представляютъ ея кинетическую энергію, тогда какъ сознанія относятся къ ея энергіи потенциальной. Силы соціальной группы опредѣляютъ размѣръ и качество средствъ, которыми она можетъ располагать для осуществленія (задачъ, выдвигаемыхъ сознаніемъ общей связи, вытекающей изъ общаго признака, и сознаніемъ общаго для соціальной группы интереса. Силы эти могутъ быть физическія и интеллектуальныя, экономическія и политическія, сила численности, сила техники, сила организованности. У гориллъ господствующая роль въ обществѣ принадлежитъ физически сильнымъ самцамъ. Муравьи темно-пепельной расы физически слабѣе своихъ противниковъ, муравьевъ рыжеватой расы, и потому, какъ ужъ было замѣчено, всегда побѣждаются ими, несмотря на свое превосходство интеллектуальное. То же самое бываетъ и въ человѣческихъ обществахъ. Оставляя, напримѣръ, въ сторонѣ вопросъ о причинахъ, въ силу которыхъ организмъ женщины выработался, какъ физически болѣе слабый, чѣмъ организмъ мужчины, нельзя не видѣть связи между большею физическою слабостью женщины, и ея подчиненнымъ положеніемъ. Съ другой стороны, если и допустить, что физическая слабость женщины была результатомъ раздѣленія труда, или что подчиненіе женщины—результатъ не ея большей слабости, а раздѣленія труда¹⁾, то надо признать, что и самое раздѣленіе труда и его характеръ соотвѣтствовали не одинаковости силъ женщины и мужчины. Говорятъ, что разбойники въ Венгріи умственно стоятъ гораздо выше окрестныхъ крестьянъ, но интеллектуальное превосходство даетъ имъ оружіе лишь для паразитизма²⁾... Одна страна можетъ быть сильнѣе другой страны въ отношеніи численности населенія, но слабѣе въ отношеніи экономическихъ ресурсовъ. Илоты и періэки въ древней Лаконіи численно превышали во много разъ правящій классъ спартіатовъ, но они не имѣли ни политической, ни военной ихъ организаціи, и не отъ нихъ зависѣло ее имѣть, «ибо» для того чтобы низшій классъ организовался противъ высшаго, надо, чтобы онъ имѣлъ для этого силу³⁾. Испанскіе конквистадоры, завоевавшіе Но-

1) П. Л. Лавровъ, Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ, 1876, стр. 25. Энгельсъ, Происхожденіе семьи, гл. IX. К. Каутскы, *Parlementarisme et socialisme*, Paris 1900, стр. 7—9.

2) Massart et Vandervelde, *Parasitisme organique et parasitisme social*, стр. 17.

3) М. Halbwachs, *Problème sociologique des classes*, въ *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1905, стр. 902.

вый Свѣтъ, были сильны не численностью, а своею организаціею и военною техникою. Напротивъ того, варварскія орды, наводнившія въ эпоху великаго переселенія народовъ югъ и западъ Европы, были страшны именно, какъ огромныя массы.

Извѣстная категорія силъ, направленная на достиженіе опредѣленной цѣли, становится категоріей средствъ въ отношеніи къ этой цѣли. Категорій средствъ—столько же, сколько и категорій силъ: есть средства политическія, экономическія, техническія, организаціонныя и т. д.

Выше мы видѣли, что соціальная группа извѣстнаго типа имѣетъ опредѣленные типическіе интересы, но сверхъ того можетъ имѣть интересы и не-типическіе, т. е. интересы, соотвѣтствующіе другимъ признакамъ, а не тому, который характеризуетъ данную группу. Такъ, нація, государство, политическая корпорація могутъ преслѣдовать нѣкоторые интересы экономическіе, профессиональная группа можетъ преслѣдовать извѣстные интересы религіозные и т. п. Аналогичное отношеніе существуетъ и въ примѣненіи соціальными группами тѣхъ или другихъ категорій силъ и средствъ для достиженія ими своихъ разнообразныхъ цѣлей. Религіозное общество можетъ способствовать распространенію своей вѣры мирною пропагандою, или огнемъ и мечемъ, или путемъ воздѣйствія государственной власти. Политическія стремленія монарховъ и правительствъ могутъ быть осуществлены либо силою, либо помощью экономическихъ ресурсовъ; извѣстно, напр., какую роль въ дипломатическихъ сношеніяхъ Людовика XIV съ иностранными дворами игралъ подкупъ, возведенный тогда въ цѣлую экономическую систему. Интересы экономическихъ группъ могутъ быть обезпечены безъ всякаго политическаго вмѣшательства, путемъ, напримѣръ, одного экономического преобладанія одного класса надъ другимъ, или же путемъ особыхъ политико-юридическихъ нормъ, какъ, напр., воспрещеніемъ рабочихъ союзовъ и забастовокъ.

Въ анализѣ соціальныхъ отношеній крайне важно проводить строгое различіе между экономическимъ признакомъ, экономическимъ интересомъ, экономическими средствами и характеристическими элементами другихъ типовъ. Смѣшеніе этихъ категорій ведетъ часто, въ особенности въ марксистской литературѣ, къ недоразумѣніямъ и безплоднымъ спорамъ. Сюда относятся нѣкоторые эпизоды спора по знаменитому вопросу о роли силы и экономіи въ исторіи. Наполеонъ говорилъ: «съ помощью солдатъ, я добываю милліоны, съ помощью милліоновъ, я опять нахожу солдатъ». Извѣстно русское четырехстишіе: «все мое, сказало злато; все мое, сказалъ булатъ; все куплю, сказало злато; все возьму, сказалъ булатъ»... Конечно, для того чтобы существовали, какъ продукты, злато и булатъ, необходима предварительная хозяйственная дѣятельность человѣка. Но, въ возникновеніи соціальнаго неравенства, какому фактору принадлежитъ первенствующая роль—силѣ булата или экономіи злата? Дюрингъ утверждаетъ первое, Энгельсъ—второе. Теорія Дюринга страдаетъ

недостаточною ясностью и недостаточною систематичностью, теорія Энгельса—частымъ отступленіемъ отъ надлежащей постановки вопроса. Такъ, одно изъ главныхъ возраженій Энгельса противъ Дюринга заключается въ томъ, что сила, для своего проявленія, нуждается въ экономическихъ ресурсахъ, или экономическихъ средствахъ. Этотъ доводъ бьетъ мимо цѣли. Экономическій оборотъ всякаго общества возможенъ лишь при существованіи нѣкоторой организаціи политической власти и нѣкоторыхъ юридическихъ нормъ, ограждающихъ нормальное теченіе функцій экономического порядка; слѣдуетъ ли изъ этого, для Энгельса, что экономія подчинена политикѣ? Съ другой стороны, заимствованіе политической силою, разъ таковая возникла, опредѣленной суммы экономическихъ ресурсовъ изъ экономического фонда даннаго общества для осуществленія цѣли этой политической силы, чѣмъ и отличается отъ обычныхъ формъ экономического присвоенія, что оно совершается, какъ принудительный актъ силы ¹⁾.

Физическая среда, въ которой живетъ социальная группа, дѣйствуетъ на ея психологію, на ея сознаніе въ широкомъ смыслѣ этого слова, и заключаетъ въ себѣ условія и матеріалы, благопріятствующіе развитію нѣкоторыхъ категорій силъ, напр., силъ техническихъ, или, напротивъ того, являющіеся препятствіемъ на пути этого развитія; она составляетъ какъ бы одно цѣлое съ социальною группою и потому можетъ быть разсматриваема, какъ третья категорія ея способностей. Извѣстно, какая роль приписывается цѣлымъ рядомъ изслѣдователей вліянію природныхъ условій на характеръ, на религію, на интеллектъ первобытныхъ людей и первобытныхъ обществъ. Съ другой стороны, промышленность страны и ея техника зависятъ отъ свойствъ почвы, отъ климата, отъ природныхъ, отъ гидрографическихъ условій, отъ геологической формы ея поверхности. Такъ, несмотря на свое приморское положеніе, древній Египетъ, въ противоположность Финикіи, не развилъ ни мореплаванія, ни морской торговли; въ этомъ отношеніи вліяли не только религіозныя вѣрованія египтянъ, но и, вѣроятно, отсутствіе строевого лѣса для судовъ въ Нильской долиинѣ. Когда въ средніе вѣка стали примѣнять для техническихъ цѣлей силу падающей воды, то заводская жизнь и металлургическая промышленность Германіи сосредоточились главнымъ образомъ въ долинахъ горныхъ мѣстъ ²⁾. Горный характеръ Швейцаріи, обиліе въ ней водопадовъ и сравнительно влажный климатъ позволили ей одно время серьезно соперничать съ Манчестромъ. Своей промышленной гегемоніей въ IX-мъ вѣкѣ Англія обязана въ значительной степени своимъ минеральнымъ богатствамъ—углю

¹⁾ Здѣсь мы опять приходимъ въ соприкосновеніе съ вопросомъ о связи между политикою, какъ формою, и экономіею, какъ содержаніемъ общества. Впослѣдствіи мы еще вернемся какъ къ этому вопросу, такъ и къ спору между Энгельсомъ и Дюрингомъ.

²⁾ Ludwig Beck, Geschichte des Eisens, Braunschweig 1884—1903, B. I. стр. 952—956, B. II, стр. 12—13.

и желѣзу. Влажный климатъ Ланкашира и обиліе въ немъ водяной движущей силы сдѣлають изъ этой провинціи Англіи край, какъ бы специально созданный для обработки волокнистыхъ веществъ, шерсти, льна и хлопчатой бумаги ¹⁾. Излишне приводить другіе примѣры. Для насъ вполне ясно, что природныя условія вліяють различно на сознанія людей и соціальныхъ группъ и создаютъ для обществъ силы, различныя по количеству и по качеству. Это даетъ намъ логическое основаніе для отнесенія физической среды въ категорію способностей, которыя, въ свою очередь, вмѣстѣ съ интересами и признаками, составляютъ три характеристическихъ элемента каждой соціальной группы.

Г Л А В А III.

Антагонизмы и борьба въ общественной жизни.

I.

Существованіе сходства или различія между признаками, интересами, способностями индивидуумовъ и соціальныхъ группъ обуславливаетъ существованіе многочисленныхъ формъ солидарности и антагонизма.

Прежде всего человекъ, какъ самодовлѣющая индивидуальность, противопоставляетъ себя всему остальному міру. Личность противопоставляетъ свое «я», съ своими интересами и способностями, всѣмъ другимъ существамъ, дѣйствительнымъ или воображаемымъ, существамъ—въ его представленіи ему равнымъ, высшимъ и низшимъ. Человекъ противопоставляетъ себя другимъ людямъ, духамъ и животнымъ.

Начнемъ съ антагонизма, который можно было бы назвать трансцендентальнымъ. Человекъ вѣруетъ въ существованіе божествъ, духовъ и демоновъ, которые, по своимъ силамъ, безконечно выше его. Между ними и человекомъ существуетъ нѣкоторая связь солидарности, ибо, взаимныя молитвы и жертвоприношеній, они оказываютъ ему помощь и покровительство. Но эти же высшія существа способны вредить человеку, причинять ему горе, страданія, болѣзни, смерть. Въ подобныхъ случаяхъ у вѣрующаго является сознаніе того своеобразнаго антагонизма, который побуждаетъ дикаря, въ минуту гнѣва, швырять свой идолъ въ воду, а старуху-аравитянку, страдающую зубной болью, произносить слѣдующую молитву: «О, Аллахъ, пусть твои зубы болятъ такъ же, какъ мои. О, Аллахъ, пусть болятъ у тебя десны такъ же, какъ у меня». Съ другой стороны, ограниченіе человѣческой индивидуаль-

¹⁾ J. Thorold Rogers, *Interprétation économique de l'histoire*, Paris 1892, стр. 253.—Schulze-Gävernitz, *Der Grossbetrieb*, Kap. III.

ности принятиемъ его зависимости отъ нѣкотораго существа, хотя бы и высшаго, — признаваемого какъ фактъ или какъ продуктъ фантазіи, — порождаетъ чувство протеста. Господство подобнаго существа и самый фактъ обладанія высшими атрибутами отождествляется съ духовною эксплуатаціею ¹⁾. Въ трагедіяхъ Эсхила Прометей выказываетъ глубокую ненависть къ богамъ, онъ порочитъ ихъ подобоострастнаго лакея Гермеса и отказывается перемѣнить свою несчастную долю на его божественное рабство. Раціоналистическая мысль, начиная отъ Эпикура и Лукреція и кончая просвѣтителями 18-го и критическими изслѣдователями 19-го вѣка, борется съ рабствомъ духа, одна изъ болѣе основныхъ формъ котораго есть внутреннее порабощеніе человѣка религіозными фантазмами. Прудонъ говоритъ объ антагонизмѣ между человѣкомъ и божествомъ: «религія, со своими догмами, своими мистеріями, своими таинствами, своею дисциплиною, своими ужасами, своими общаніями подавляетъ достоинство человѣка... Человѣкъ — вассалъ божества» ²⁾. Аналогичнымъ образомъ и Ницше выражается о духовномъ сервилитѣ, какъ о продуктѣ христіанскихъ религіозныхъ вѣрованій ³⁾.

На противоположномъ полюсѣ іерархіи антагонизмовъ — не духовный, а грубо реальный антагонизмъ и борьба между человѣкомъ и животными. Поскольку и человѣкъ, и животныя принадлежатъ къ одному огромному классу живыхъ и чувствующихъ организмовъ и, слѣдовательно, характеризуются однимъ общимъ для всѣхъ подобныхъ существъ признакомъ, человѣка съ животными соединяетъ симпатическое чувство солидарности; но поскольку человѣкъ противопоставляетъ свой признакъ и природу человѣка признаку и природѣ животнаго, онъ видитъ въ животномъ, смотря по движущему интересу, либо врага — и тогда борьба съ нимъ беспощадна, — либо средство для удовлетворенія своихъ потребностей, и тогда онъ его эксплуатируетъ и подавляетъ, совершенно игнорируя его самостоятельную индивидуальность. Пинегоръ возставалъ противъ пролитія крови животныхъ съ такою же силой, какъ и противъ пролитія крови человѣческой. Одна изъ религіозныхъ обязанностей буддистовъ заключается въ проявленіи добраго отношенія къ животнымъ. Убить быка, сотрудника земледѣльца, считалось въ древнемъ Римѣ уголовнымъ преступленіемъ, и, по словамъ Плинія, одинъ гражданинъ былъ даже осужденъ за это на изгнаніе. Гуманитарныя чувства нашего времени морализовали чувство человѣка къ животнымъ, законъ культурныхъ странъ ограждаетъ животныхъ отъ чрезчуръ жестокаго съ ними обращенія. Вегетаріанцы словомъ и примѣромъ агитируютъ противъ употребленія въ пищу мяса, а социалисты

¹⁾ David Koigen, Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Socialismus in Deutschland, Bern 1901, стр. 5—6.

²⁾ Proudhon, De la Justice dans la Révolution et dans l'Eglise, въ Essais d'une philosophie populaire, № 2, Bruxelles 1860, стр. 21—22.

³⁾ Fr. Nietzsche, Das religiöse Leben, Werke, 1-е Abtheil., B. II, Leipzig 1895, стр. 127—128.

Фурье требует въ фаланстерѣ счастья для всѣхъ, даже для животныхъ. И такъ какъ животные не могутъ, путемъ объединенія и организаци, защищать свои «профессіональные интересы», подобно угнетеннымъ группамъ людей, то гуманизированіе отношенія человѣка къ нимъ не можетъ быть объяснено иначе, какъ вліяніемъ симпатіи и чувства состраданія ¹⁾. Но въ общемъ симпатическое чувство лишь смягчаетъ состояніе антагонизма—условнаго или безусловнаго—между животными и человѣкомъ. Нынче, какъ и много тысячелѣтій тому назадъ, когда война между доисторическимъ предкомъ человѣка и хищными звѣрями должна была рѣшить вопросъ о томъ, кому достанется міръ, нынче, когда эта борьба кончилась рѣшительнымъ торжествомъ человѣка надъ своими соперниками,—нынче человѣкъ считаетъ себя въ центрѣ мірозданій, и жизнь всѣхъ другихъ существъ оцѣнивается имъ лишь съ точки зрѣнія его интересовъ. Соціалистъ Прудонъ говоритъ о прерогативѣ охоты за животными, принадлежащей человѣку, а соціалистъ Бебель доказываетъ законность и необходимость употребленія человѣкомъ въ пищу мяса животныхъ ²⁾.

Отношеніе cadaго отдѣльнаго человѣка ко всѣмъ остальнымъ людямъ, ко всей той огромной соціальной группѣ, которая именуется человѣчествомъ, представляетъ ту двойственность солидарности и антагонизма, ту антиномію индивидуализма и общности, которая побуждаетъ человѣка смотрѣть на всякаго другого человѣка то какъ на своего брата и ближняго, то какъ на врага и соперника, и которая дѣлаетъ для личности изъ общества въ цѣломъ то мать, то мачиху. Эта антиномія вытекаетъ изъ соединенія въ человѣкѣ двухъ противоположныхъ признаковъ, соединенія въ немъ индивидуальности, имѣющей для себя абсолютную цѣнность и не терпящей въ собственномъ самоопредѣленіи никакихъ ограниченій извнѣ, и въ то же время природы члена общества, состоящихъ изъ подобныхъ ему людей съ подобными же интересами, общества, внѣ котораго онъ не можетъ существовать, но которое посягаетъ безпрестанно на его индивидуальность и стѣсняетъ свободу проявленія ея энергіи по отношенію къ внѣшнему міру. Когда два римскихъ поэта влагаютъ своимъ персонажамъ въ уста: одинъ—изреченіе: «Я человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо», а другой—изреченіе: «Человѣкъ человѣку волкъ», то они отражаютъ два противоположныхъ момента той же глубокой антиноміи ³⁾. Ту же антиномію формулируетъ Декартъ, когда онъ, въ письмѣ къ прин-

¹⁾ Ch. Gide, Une classe de travailleurs oubliés, въ Revue Socialiste, 1888, стр. 53. А н т. Менгеръ, Новое ученіе о нравственности, русс. пер. Спб. 1906, стр. 21.

²⁾ Proudhon, De la Justice, № 2, стр. 81.—Bebel, Die Frau und der Socialismus, стр. 420.

³⁾ Изреченіе „homo sum et humani nihil alienum a me puto“ принадлежит Теренцію, который, впрочемъ, лишь выразилъ по-латыни идею греческаго поэта Алексиса. Изреченіе „lupus est homo homini“, принадлежащее Цявту, стало особенно знаменитымъ со времени Гоббса.

цессъ Елизаветѣ отъ 15 іюня 1645 года, говорить и о солидарности, и объ антагонизмѣ между интересами личности и всѣмъ остальнымъ міромъ. Чтобы объяснить способъ, которымъ разрѣшается эта антиномія между личностью и обществомъ, Вико прибѣгаетъ къ вмѣшательству Провидѣнія ¹⁾. Аналогичнымъ образомъ и Кантъ видитъ въ разрѣшеніи исторіею антиноміи «противообщественной общественности» (*ungesellige Geselligkeit*) человѣка, антиноміи между общественностью и индивидуальностью, планъ мудраго существа ²⁾. Великая антиномія приводитъ такимъ образомъ обоимъ философамъ не только къ телеологіи, но и къ теологіи. Къ теоретическому выясненію и практическому рѣшенію той же антиноміи, въ сущности, стремится Н. К. Михайловскій своею теоріею борьбы за индивидуальность. Съ другой стороны, индивидуализмъ, какъ теченіе анархистической мысли, есть не что иное, по выраженію одного французскаго писателя, какъ «чувство глубокой, неустрашимой антиноміи между индивидуумомъ и обществомъ» ³⁾. Сознаніе той же антиноміи приводитъ Макса Штирнера къ полному отрицанію общественныхъ нормъ и къ апопееозу «Единственнаго», а Фридриху Ницше даетъ основаніе смѣяться надъ «свободнымъ обществомъ», какъ «железнымъ деревомъ». Отсюда же то отрицаніе тиранизирующихъ личность идеаловъ и идей, которое у лѣваго гегельянца Шеллинга выливается въ простую формулу, гласящую, что «критика больше не служитъ никакимъ идеаламъ», а послѣдователей индивидуалистическаго направленія побуждаетъ заявлять, что «всякій моральный законъ есть покушеніе на нашу свободу» ⁴⁾.

Отмѣченные нами сейчасъ антагонизмы не входятъ въ категорію антагонизмовъ соціальныхъ группъ въ собственномъ смыслѣ. Существуютъ еще другія формы антагонизма и борьбы въ общественной жизни, которыя не представляютъ собою антагонизма и борьбы интересовъ опредѣленныхъ соціальныхъ группъ. Такъ борьба идей есть не что иное, какъ борьба людей, раздѣляющихъ эти идеи, и когда торжество или пораженіе идей связано съ торжествомъ или пораженіемъ опредѣленныхъ интересовъ соціальныхъ группъ, конфликтъ идей есть лишь форма конфликта этихъ группъ; но, когда идейная борьба есть борьба за завоеваніе и признаніе человѣчествомъ истины, то это уже не конфликтъ антагонистическихъ интересовъ различныхъ частей общества или чело- вѣчества, а конфликтъ между различными формами пониманія истины, изъ которыхъ каждая стремится одержать верхъ надъ другими, въ интересахъ самой истины и въ виду великаго значенія ея вообще для че-

¹⁾ Vico, *Scienza nuova*, Lib. I, Cap. IV.

²⁾ Kant, *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*, въ *Sämmtliche Werke* (Rosenkranz u. Schubert), Leipzig 1838, Th. VII, стр. 321—323.

³⁾ G. Palante, *Anarchisme et individualisme*, въ *Revue Philosophique* 1907, t. 43, стр. 343.

⁴⁾ D. Koigen, *Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Socialismus in Deutschland*, стр. 79.—Вторая цитата заимствована изъ книги H. van Kol, *Socialisme et liberté*, Paris 1898, стр. 175.

ловѣчества. Таковы споры между научными школами, конфликты между научными теоріями. Гоббсъ, какъ извѣстно, высказалъ, что даже математическія истины вызывали бы споры, если бы признаніе ихъ могло вредить практическимъ интересамъ тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ. Но тогда одно изъ двухъ: отрицающіе математическія истины были бы искренни или неискренни. Въ первомъ случаѣ они ратовали бы за интересы истины; во второмъ случаѣ они старались бы исходить изъ однѣхъ общепризнанныхъ истинъ, чтобы, вопреки собственному чувству правды, изъ нихъ дѣлать неправильные выводы касательно другихъ истинъ; этимъ они показали бы, что, помимо интереса истины, у нихъ есть другіе интересы, не примиряющіеся съ истиною. Но, когда русскій математикъ Лобачевскій отрицалъ примѣнимость къ плоскости нѣкоторой аксіомы Эвклида, а итальянскій математикъ Бельтрами противопоставлялъ впослѣдствіи теоріямъ Лобачевского необходимость опредѣленія плоскости именно этою аксіомой (для возможнаго отличенія ея отъ псевдосферическихъ поверхностей), то оба они заботились, конечно, объ интересахъ только научной истины.

Есть еще одна форма антагонизма, которая не можетъ быть отнесена въ систему антагонизмовъ между опредѣленными дѣйствительно существующими социальными группами, это—антагонизмъ между интересами настоящаго и интересами будущаго—общества и чловѣчества, между интересами, напимѣръ, настоящаго поколѣнія и интересами будущихъ, еще не существующихъ поколѣній ¹⁾).

Хищническая эксплуатація почвы и хищническій способъ добычнн минеральныхъ богатствъ изъ нѣдръ земли могутъ соотвѣтствовать интересамъ нашего вѣка, но идутъ въ разрѣзъ съ интересами грядущихъ вѣковъ. Наоборотъ, когда наши современники переносятъ лишенія и страданія ради идеала, осуществленіе котораго принесетъ плоды только въ отдаленномъ будущемъ, то интересы настоящаго приносятся въ жертву интересамъ будущаго. Между тѣми и другими интересами можетъ, стало быть, существовать антагонизмъ. Такъ, Киддъ характеризуетъ социализмъ, какъ стремленіе аксплоатировать интересы будущихъ поколѣній въ пользу интересовъ поколѣнія живущаго ²⁾). Соціалисты, конечно, съ подобною характеристикой не согласятся и будутъ доказывать, что, напротивъ того, современная буржуазно-индивидуалистическая система хозяйства не только дѣйствуетъ губительно на производство, но и отражается зловредно на благополучіи живущихъ работниковъ и на судьбѣ будущихъ поколѣній ³⁾).

Послѣдняя форма антагонизма представляетъ намъ примѣръ антагонизма безъ возможности борьбы между непосредственно заинтересо-

1) Otto Effertz, *Antagonismes économiques*, стр. 27, 235 и 245—246.

2) Renj. Kidd, *Social evolution*, стр. 245.

3) Ad. Landry, *L'utilité sociale de la propriété individuelle*, Paris 1901, стр. 387—388.—Ср. Ad. Landry, *Un système nouveau de socialisme scientifique*, въ *Revue Socialiste*, 1906, t. 44, стр. 265.

ванными сторонами: одна изъ этихъ сторонъ еще не существуетъ. Когда подобный антагонизмъ вызываетъ борьбу, то это бываетъ лишь тогда, когда на защиту будущихъ поколѣній выступили интересы идеинные.

II.

Перейдемъ теперь къ антагонизмамъ между социальными группами въ собственномъ смыслѣ.

При анализѣ социальныхъ антагонизмовъ слѣдуетъ различать между природою антагонистическихъ группъ и причинами, или мотивами антагонизма. Природа социальной группы опредѣляется ея признакомъ, причина антагонизма заключается въ различіи или противоположности сталкивающихся интересовъ.

Всякая социальная группа, какъ таковая, противопоставляетъ себя, свою природу, свои интересы, свои способности, всѣмъ другимъ социальнымъ группамъ, существующимъ въ мірѣ. Всякая социальная группа опредѣленнаго типа противопоставляетъ себя всѣмъ другимъ социальнымъ группамъ того же типа. Всякій интересъ социальной группы противопоставляется становящемуся ему на пути интересу другой социальной группы. И въ то время всѣ социальныя группы соединены извѣстною солидарностью, какъ группы, которыя всѣ состоятъ изъ людей.

Отсюда слѣдуетъ, что, по характеру природы враждебныхъ группъ, антагонизмовъ можетъ быть столько, сколько существуетъ типическихъ и подтипическихъ признаковъ этихъ группъ, и что каждая группа опредѣленнаго типа можетъ имѣть столько враговъ, сколько существуетъ другихъ различныхъ группъ того же типа. Отсюда же слѣдуетъ, что, по интересу, антагонизмовъ можетъ быть столько, сколько существуетъ различныхъ интересовъ.

Если одна изъ антагонистическихъ группъ или обѣ обладаютъ достаточными способностями, то антагонизмъ между ними приводитъ къ борьбѣ, цѣль которой заключается либо въ устраненіи одной изъ группъ, какъ препятствія для другой, либо въ превращеніи одной группы въ средство для другой, либо въ ассимилированіи одной группы другою, либо въ воспрепятствованіи осуществленію этихъ трехъ цѣлей.

Социальныя антагонизмы и порождаемые ими конфликты, стало быть, весьма многочисленны и многосложны.

Исторія полна антагонизма и борьбы между племенами, націями и расами; между государствами, провинціями, династіями, олигархіями, группами управляющими и управляемыми; между классами, сословіями, кастами и различными экономическими группами; между религіозными обществами, религіозными организаціями, идеологическими группами; наконецъ, антагонизмы пола и антагонизмы возраста. Исторія полна антагонизма и борьбы социальныхъ группъ изъ-за интересовъ существованія,

интересовъ экономическихъ, интересовъ политическихъ, интересовъ національныхъ, интересовъ религіозныхъ, интересовъ идеологическихъ,— ради сохраненія жизни и безопасности, ради сохраненія и умноженія матеріальнаго благополучія, ради власти, силы, блеска или славы, ради страсти къ приключеніямъ и къ разнообразію военной жизни, ради удовлетворенія національнаго, патріотическаго или религіознаго чувства, ради свободы и независимости, ради стремленія занимать положеніе выше другихъ или не ниже другихъ, ради торжества интересовъ истины и справедливости ¹⁾).

Отсюда видно, что классовый антагонизмъ и классовая борьба, т. е. антагонизмъ и борьба между экономическими группами ради экономическихъ интересовъ составляютъ лишь одинъ изъ многихъ видовъ антагонизма и борьбы, какіе знаетъ исторія.

Что касается формы и средствъ борьбы, то они тоже весьма разнообразны и зависятъ какъ отъ характера антагонизма, такъ и отъ способностей враждующихъ сторонъ. Борьба принимаетъ форму то мирной пропаганды, то грубаго насилія, то воздѣйствія силою научной истины, то устрашенія заклинаніями и божественною карою, то схватки парламентскихъ партій, то примѣненія силы государственной власти. Наиболѣе рѣзкую форму борьба принимаетъ въ войнѣ и возстаніи.

Войны испещряютъ содержаніе всей исторіи. Войны велись ради грабежа и добычи, изъ-за захвата территорій для охоты и пастбищъ, для похищенія женщинъ, для добычи плѣнниковъ, предназначенныхъ для кухни, для добычи рабовъ, для удовлетворенія вкуса къ военной жизни и жажды приключеній, ради честолюбія монарховъ и завоевателей, для расширенія владѣній государства, для умноженія экономическихъ ресурсовъ правительствъ налогами на покоренныя страны, для порабощенія побѣжденныхъ завоевателями, для насажденія или сохраненія религіозной вѣры, ради національнаго объединенія, національной независимости и національнаго тщеславія, ради новыхъ должностей, для удовлетворенія амбицій и аппетитовъ военной касты, для открытія новыхъ рынковъ, для сохраненія политическаго равновѣсія, для разоренія соперниковъ ²⁾. Кровь лилась и изъ-за каприза деспота, и изъ-за интриги среди придворныхъ, и изъ-за прихоти фаворитки, и изъ-за жадности небольшой кучки вліятельныхъ людей. Источникомъ внѣшнихъ войнъ довольно часто — хотя

1) Принципъ множественности антагонизмовъ проведенъ съ достаточною силою уже въ школѣ Сень-Симона, напр. Bazard, *Doctrine Saint-Simonienne*, въ *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin*, vol. 41, стр. 186—187; vol. 42, стр. 160. См. также V. Pareto, *Systèmes socialistes*, t. I, стр. 118—119; Gust. Le Bon, *Psychologie du socialisme*, стр. 79; Otto Effertz, *Antagonismes économiques*, стр. 6 и 27; B. Jacob, *Le matérialisme historique*, въ *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1907, стр. 408—412.—Изъ социалистическихъ писателей, слѣдующихъ въ большей или меньшей степени исторической теоріи Маркса, укажемъ на особенности взглядовъ Бебеля (*Die Frau*, стр. 293), Энр. Ферри (*Коллективизмъ и позитивная наука*, Спб. 1905, стр. 22—23) и аргентинскаго соц. Хусто (*Juan B. Justo, Teoría y práctica de la historia*, Buenos Aires 1909, стр. 120 и 126).

²⁾ Ch. Letourneau, *La guerre dans les diverses races humaines*. Paris 1895, стр. 529—531.—G. Tarde, *L'opposition universelle*, Paris 1897, стр. 402—403.—Juan B. Justo, *Teoría y práctica de la historia*, стр. 126.

далеко не всегда, и при томъ рѣдко въ чистомъ видѣ—бывали экономическіе мотивы и интересы, но это были большею частью экономическіе мотивы и интересы не экономическихъ группъ, не классовъ, а племенъ, государствъ, династій, политическихъ союзовъ, и во всякомъ случаѣ внѣшнія войны, наиболѣе частая и наиболѣе острая форма социальной борьбы, меньше всего представляютъ собою какую-нибудь форму классовой борьбы.

Возстанія и гражданскія войны вытекали изъ антагонизмовъ классовыхъ, національныхъ, политическихъ, религіозныхъ, идеологическихъ въ чистомъ или смѣшанномъ видѣ.

Классовый антагонизмъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, есть антагонизмъ между двумя экономическими группами съ различными или противоположными экономическими интересами. Классовая борьба—это борьба классовъ, или группъ экономическихъ, т. е. такихъ, изъ которыхъ каждая характеризуется общимъ экономическимъ признакомъ и общимъ экономическимъ интересомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ борьба изъ-за экономического интереса, или изъ-за интереса, обуславливающего интересъ экономическій. Но если борьба происходитъ, хотя бы изъ-за экономического интереса между социальными группами неэкономического типа, напримѣръ между націями, расами, государствами, династіями, то она—не классовая борьба. Такъ, экономическая конкуренція Англіи и Германіи способствуетъ обостренію антагонизма между этими двумя странами и можетъ привести, вмѣстѣ съ другими причинами, къ вооруженной борьбѣ, но эта война, если она призоидетъ, будетъ война или борьба между двумя странами, или націями, но не классовая борьба.

Классовый антагонизмъ и классовая борьба возникаютъ или вслѣдствіе соперничества двухъ экономическихъ группъ, или вслѣдствіе подчиненія одною экономической группою другой экономической группы въ интересахъ первой и въ ущербъ интересамъ второй, или вслѣдствіе экономического неравенства двухъ экономическихъ группъ. Экономическое соперничество, экономическое угнетеніе и экономическое неравенство—вотъ основа классовыхъ и вообще экономическихъ антагонизмовъ въ исторіи человѣчества. Антагонизмъ классовъ, какъ группъ, опредѣляемыхъ по размѣрамъ собственности и положенію въ производствѣ, антагонизмъ классовъ, какъ группъ, опредѣляемыхъ величиною дохода, антагонизмъ классовъ, какъ группъ профессиональных, антагонизмъ кастъ, сословій, экономическихъ группировокъ постоянныхъ и временныхъ, сформировавшихся и безформенныхъ, неподвижныхъ и текучихъ—все это разновидности экономическихъ антагонизмовъ, изъ которыхъ самые главные и существенные являются классовыми антагонизмами въ болѣе широкомъ смыслѣ.

Исторія знаетъ антагонизмъ и борьбу между богатыми и бѣдными, между собственниками и неимущими, между патриціатомъ и плебсомъ, между рабовладѣльцами и рабами, между крѣпостными и феодалами,

между буржуазіей и дворянствомъ, между буржуазіей и пролетаріатомъ, между капиталистами и землевладѣльцами, между различными подклассами этихъ классовъ. Антагонизмъ существуетъ между различными цехами, различными экономическими корпораціями, различными профессіями. Антагонизмъ существуетъ между интересами земледѣлія и интересами промышленности, между горожаниномъ и деревенскимъ жителемъ, между производителемъ и потребителемъ, между продавцемъ и покупателемъ, въ частности между крестьяниномъ, продающимъ сельскіе продукты, и рабочимъ, ихъ покупающимъ. Антагонизмъ существуетъ между крупнымъ капиталомъ и мелкимъ, между крупною и мелкою буржуазіей, между капиталомъ одной отрасли производства и капиталомъ другой отрасли производства, между мелкими земельными собственниками и магнатами капитала и землевладѣнія. Антагонизмъ существуетъ между различными категоріями рабочихъ, между квалифицированными (skilled) и простыми (unskilled), между рабочими организованными и неорганизованными, между мѣстными и пришлыми, между рабочими, имѣющими работу, и рабочими безработными ¹⁾. И между перечисленными группами и классами весьма часто антагонизмъ въ одномъ отношеніи соединяется съ солидарностью въ другомъ отношеніи.

До извѣстной степени біологическій характеръ имѣютъ антагонизмы, проистекающіе изъ того отчужденія, которое создается различіемъ между расою и расою, націею и націею, племенемъ и племенемъ.

Расовые и національные антагонизмы могутъ быть безкорыстны въ томъ смыслѣ, что рознь и вражда между социальными группами этого типа могутъ быть основаны, какъ и между нѣкоторыми видами и породами животныхъ, на существованіи лишь различія въ типическихъ признакахъ, независимо отъ какихъ-либо утилитарныхъ мотивовъ. Общій антропологическій типъ, одинаковость языка, одинаковость культуры (часто и религіи), общія унаслѣдованныя традиціи связываютъ индивидуумовъ чувствомъ солидарности, которое развивается изъ поколѣнія въ поколѣніе и постепенно вырабатываетъ вѣру въ собственное превосходство надъ иноплеменниками, въ право гордиться своими и презирать чужихъ. Индусы считали себя самою благородною націею, египтяне презирали чужестранцевъ, какъ низшія существа, евреи смотрѣли на себя, какъ на избранный народъ, греки и римляне противопоставляли себя варварамъ, какъ низшей породѣ людей и даже какъ особому роду животныхъ. Для Аристотеля война, доставляющая рабовъ, есть своего рода охота на звѣрей. По мнѣнію римскаго писателя Либанія, варвары лишь немногимъ отличаются отъ хищныхъ звѣрей. Напротивъ того, уваженіе римлянъ къ греческой культурѣ и къ греческому генію было при-

¹⁾ Louis Blanc, Histoire de dix ans, Paris 1846, t. III, стр. 84—85.—Fr. Bastiat, Harmonies économiques, Paris 1850, стр. 4—5.—E. Dühring, Coursus der National-und Socialökonomie, стр. 339.—Sav. Merlino, Formes et essence du socialisme, Paris 1898, стр. 59—60.—K. Kautsky, Agrarfrage, Stuttgart 1899, стр. 308—309.—V. Pareto, Systèmes socialistes, t. I, стр. 119.

чиной той эллинофильской политики Рима, которая высказалась въ искреннемъ стремленіи римскаго генерала Фламинина освободить Грецію. Кстати, это—одинъ изъ примѣровъ и вліянія также и идеологическихъ мотивовъ во внѣшней политикѣ ¹⁾).

Національные и расовые антагонизмы нынче выдвигаются съ особенною силою въ ряду другихъ антагонизмовъ. Мы ихъ видимъ всюду: въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, между націями различныхъ странъ и между различными націями одной страны. Бѣлые противъ черныхъ въ Америкѣ, бѣлые противъ черныхъ въ Африкѣ, бѣлые противъ канаковъ въ Австраліи, бѣлые противъ монголовъ въ Америкѣ, Австраліи, Африкѣ. Французы противъ нѣмцевъ, нѣмцы противъ англичанъ, пруссаки противъ датчанъ, итальянцы противъ нѣмцевъ, антагонизмъ десятка національностей въ Австріи, антагонизмъ національностей на Балканскомъ полуостровѣ, антагонизмъ національностей въ Арменіи и на Кавказѣ. Національный патріотизмъ принимаетъ, въ своемъ крайнемъ развитіи, формы націонализма, шовинизма, джингоизма. Молодое поколѣніе воспитывается въ національныхъ чувствахъ, ему внушается «любовь къ отечеству и народная гордость». Національные антагонизмы ведутъ къ національнымъ конфликтамъ. Шла и идетъ борьба изъ-за національной независимости и національнаго самоопредѣленія, изъ-за національнаго равноправія, изъ-за свободы національнаго языка и національной школы, изъ-за національнаго объединенія, изъ-за стремленія господствующей національности подавить или ассимилировать національности угнетенныхъ: пруссаки противъ поляковъ, нѣмцы противъ чеховъ, венгры противъ словаковъ и румынъ. Кровь лилась изъ-за независимости Бельгіи, изъ-за независимости Венгріи, изъ-за независимости Италіи, изъ-за объединенія Германіи. Національная психологія, особенно чувство національной чести, часто эксплуатируется привилегированными группами, которыми оно разжигается до патологическихъ эксцессовъ, когда дѣло доходитъ до международныхъ столкновеній и войнъ, выгодныхъ правителямъ, бюрократамъ, военнымъ, биржевымъ спекуляторамъ, поставщикамъ и акціонернымъ компаніямъ.

Общность націи или племени часто опредѣляетъ сферы тѣхъ социальныхъ группъ, между которыми существуетъ не только антагонизмъ національный или расовой, но и антагонизмъ экономическій, политическій и т. п. Каннибалы могутъ пожирать плѣнниковъ другого племени. Въ рабство могутъ обращаться также плѣнники другого племени. Платонъ былъ противъ обращенія въ рабство грека, но не варвара. Аристотель совѣтовалъ Александру Македонскому съ греками обходиться, какъ съ людьми свободными, а съ варварами—какъ съ рабами. Особенно сильно можетъ обостряться и усложняться національный антагонизмъ, когда цѣлая нація объединяется въ одинъ государствен-

1) Th. Mommsen, Römische Geschichte, Buch II, Kap. VIII и XIII.

ный союзъ; тогда національный патріотизмъ сливается съ государственнымъ патріотизмомъ.

Государственный патріотизмъ основанъ на сознаніи солидарности индивидуума съ тѣмъ государственнымъ цѣлымъ, къ которому онъ принадлежитъ, и возможности антагонизма между интересами одного и другого государства. Если нація обхватывается однимъ государственнымъ союзомъ, то оба патріотизма—государственный и національный—совпадаютъ, и между ними не можетъ быть антиноміи. Если одно государство объединяетъ нѣсколько національностей, то антиноміи нѣтъ для господствующей національности; но національный патріотизмъ противопоставляется государственному патріотизму у національности угнетенной или у меньшинства, которое жаждетъ сліянія съ массою націй, объединившеюся въ отдѣльный государственный организмъ. Подобные антагонизмы существуютъ въ Австро-Венгріи для трансильванцевъ, для итальянцевъ, для сепаратистовъ-пангерманцевъ. Можетъ случиться, что одна и та же національность раздроблена между нѣсколькими государствами, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ главная масса населенія представлена именно этою національностью. Такова была древняя Греція. Таковы были Италія и Германія до ихъ объединенія. Древніе греки знали патріотизмы аѳинскій, спартанскій, коринѳскій и т. д. Итальянцы знали патріотизмъ неаполитанскій, сардинскій, тосканскій, а нѣмцы—патріотизмы прусскій, саксонскій, баварскій. И всѣ эти патріотизмы влекли за собою соотвѣтственные антагонизмы ¹⁾. Въ настоящее время населеніе большей части Южной Америки (кромѣ Бразиліи и европейскихъ колоній) принадлежитъ къ одной національности, говоритъ на одномъ и томъ же языкѣ (испанскомъ), исповѣдуетъ одну и ту же религію (католическую), обладаетъ одною и тою же культурой, но раздѣлено между нѣсколькими отдѣльными республиками. И что же? Мы тамъ наблюдаемъ существованіе патріотизма аргентинскаго, патріотизма чилійскаго, патріотизма уругвайскаго, патріотизма парагвайскаго и т. д. Аргентинецъ сильно любитъ свое аргентинское отечество и рѣзко противопоставляетъ себя своимъ сосѣдямъ—чилійцамъ, боливійцамъ, парагвайцамъ и т. д., его аргентинскій патріотизмъ—глубокій и неподдѣльный. То же самое слѣдуетъ сказать объ уругвайцѣ, чилійцѣ и т. д. И конфликты между южно-американскими республиками, изъ-за ничтожныхъ, но «патріотическихъ» поводовъ, въ родѣ классическаго спора о границахъ смежныхъ государствъ, часто ведутъ къ кровопролитнымъ войнамъ.

Государство—есть принудительный союзъ между всѣми социальными группами, населяющими или занимающими какую-нибудь территорію. Принужденіе, необходимое для осуществленія цѣлей государства, исходитъ отъ государственной власти, принадлежащей или всему населенію, или одной правящей социальной группѣ. Принудительная сила

¹⁾ Charles Richet, *Le passé dans la guerre et l'avenir de la paix*, Paris 1907, стр. 171.

государства служить какъ интересамъ государства, какъ цѣлаго, такъ и спеціальнымъ интересамъ правящей группы. Въ силу принудительнаго характера государства оно выступаетъ какъ вся страна, какъ весь народъ, какъ союзъ всѣхъ классовъ, всѣхъ національностей, всѣхъ религіозныхъ обществъ, всѣхъ политическихъ категорій, однимъ словомъ, всѣхъ соціальныхъ группъ, его составляющихъ, даже въ томъ случаѣ, когда государственная машина является лишь орудіемъ для осуществленія цѣлей одной правящей группы. Существованіе государства, и при томъ существованіе его въ ряду другихъ государствъ, является основою политическихъ антагонизмовъ троякаго рода: между государствомъ, какъ цѣлымъ, и другимъ государствомъ, какъ цѣлымъ; между правящею группою государства и другимъ государствомъ (или его правящею группою);— между правящею группою государства и всѣмъ народомъ (или большею частью народа).

Всѣ эти политическіе антагонизмы могутъ вытекать изъ столкновенія интересовъ политическихъ, экономическихъ, національныхъ, религіозныхъ между двумя странами, между правящими группами двухъ странъ, между правительствомъ страны и ея населеніемъ.

Отношенія между странами напоминаютъ отношенія между индивидуумами. Каждая страна можетъ смотрѣть на себя, какъ на самодовлѣющую единицу, и противопоставлять свои интересы интересамъ всѣхъ другихъ странъ и интересамъ всего остального міра. Этимъ объясняется возникновеніе теоріи «raison d'Etat», согласно которой мораль, обязательная между гражданами, совершенно непримѣнима къ отношеніямъ между государствами. Интересно, что пираты, своеобразное плавающее государство, одолѣть которое въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. стоило Риму немалыхъ усилій, такъ и смотрѣли на себя, какъ на государство, которое «находится въ войнѣ со всѣмъ остальнымъ міромъ». Въ исторически создавшихся условіяхъ, населеніе страны можетъ стремиться къ увеличенію ея политической силы и престижа, къ расширенію владѣній государства и сферы его вліянія, къ господству надъ другими странами, къ пріобрѣтенію территорій для избытка своего населенія, къ извлеченію выгодъ изъ другихъ территорій помощью налоговъ, установленіемъ привилегій для соотечественниковъ и стѣсненій какъ для населенія этихъ территорій, такъ и для чужестранцевъ; имперіалистская и колоніальная политика древнихъ и новыхъ народовъ—финикійцевъ и грековъ, Карфагена и Рима, Испаніи и Португаліи, Голландіи и Англіи—основана на подобныхъ мотивахъ, независимо отъ мотива грабежа. Населеніе страны имѣетъ интересъ въ развитіи своихъ экономическихъ ресурсовъ, своей промышленности, своихъ доходовъ; оно стремится занять наиболѣе выгодную позицію и одерживать возможно больше побѣдъ на международной аренѣ соперничества экономическихъ интересовъ; это значитъ, что государство стремится всѣми способами развитіемъ внутреннихъ путей сообщеній, споспѣшествованіемъ техники, таможенными тарифами, преміями, торговыми договорами, мѣропріятіями военными и дипломатиче-

скими—обеспечить наилучшее примѣненіе національнаго труда и національнаго капитала, ростъ прибыли своихъ капиталистовъ, умноженіе работы и заработной платы своихъ рабочихъ, сохраненіе и расширеніе рынка для сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ своихъ крестьянъ и своихъ помѣщиковъ,—и все это въ противоположность интересамъ другихъ странъ, экономическимъ интересамъ многочисленныхъ классовъ этихъ странъ—и чужеземныхъ рабочихъ, и чужеземныхъ капиталистовъ, и чужеземныхъ крестьянъ, и чужеземныхъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Экономическая политика страны не есть экономическая политика класса, хотя и можетъ быть принесена въ жертву послѣдней ¹⁾.

Населеніе страны можетъ быть заинтересовано въ сохраненіи государственнаго механизма, какъ орудія порядка и внѣшней защиты. Населеніе страны можетъ быть, наконецъ, заинтересовано въ томъ, чтобы сила государства была примѣнена въ случаяхъ столкновенія интересовъ национальныхъ, религіозныхъ и идеологическихъ—внутри страны или внѣ ея. Когда государственная власть принадлежитъ классу, господствующему экономически, она часто становится политическимъ орудіемъ классового господства, и тогда классовое сознаніе угнетенныхъ слоевъ населенія можетъ противопоставляться государственному патриотизму. Напротивъ того, въ странахъ демократическихъ государственная власть превращается для народныхъ массъ въ политическое орудіе борьбы съ экономическими господствующими классами, и тогда приверженность къ демократіи проникаетъ классовое сознаніе массъ.

Антагонизмъ интересовъ можетъ существовать не только между двумя странами, но и между провинціями одной страны или между провинціею и цѣлымъ. Антагонизмы локалистскіе могутъ вести и къ вооруженному конфликту, какъ напр., возстаніе Вандеи или конфликтъ между сѣверными и южными штатами въ Америкѣ, кончившійся гражданскою войною. Токвилъ рассказываетъ, что затрата Лангедокскими штатами въ до-революціонной Франціи многочисленныхъ суммъ на общественныя работы приводила въ ярость центральное правительство, которое опасалось, что истощенная провинція окажется не въ состояніи уплатить слѣдуемые съ нея государственные налоги ²⁾. Когда въ 1789-омъ году, въ началѣ Революціи, страшный неурожай хлѣба во Франціи грозилъ голодомъ, происходилъ буквально бой изъ-за запасовъ хлѣба между деревнями и городами ³⁾. Необходимость обезпечить городъ Парижъ продовольствіемъ вызвала рядъ мѣръ, которыя повліяли на весь ходъ революціонной политики вообще. Какъ извѣстно, соперничество между

1) Принципъ интересовъ страны фактически признается нѣмецкою социаль-демократіею, хотя и идетъ до извѣстной степени въ разрѣзъ съ офиціальнымъ пониманіемъ теоріи классовой борьбы. См., напр. Э. Мильо, Германская социаль-демократія, Москва 1906, стр. 129 (пропагандистскій листокъ № 7).

2) Токвилъ, Старый порядокъ и революція, Москва 1898, стр. 237.

3) Н. Таіне, La Révolution, t. I. Paris 1878, стр. 16 и 330.

Парижемъ и департаментами имѣло весьма значительное вліяніе на событія великой французской революціи. Въ настоящее время экономическій антагонизмъ часто обнаруживается между двумя провинціями, конкурирующими либо потому, что обѣ онѣ изготовляютъ одинаковый продуктъ, либо потому, что продуктъ одной провинціи способенъ замѣнять продуктъ другой или же можетъ способствовать фальсификаціи послѣдняго. Винодѣльческій кризисъ на югѣ Франціи и требованіе радикальныхъ мѣръ противъ фальсификаціи вина помощью сахара породили конфликтъ между сѣверными сахарозаводчиками и южными винодѣлами. Въ коллективныхъ договорахъ между предпринимателями и рабочими опредѣленнаго района часто встрѣчается обязательство для рабочихъ способствовать распространенію мѣстнаго продукта и борьбѣ съ конкуренціей продукта другихъ районовъ, а для капиталистовъ — давать работу рабочимъ только мѣстнаго района.

Другая форма политическаго антагонизма вытекаетъ изъ столкновенія интересовъ правящихъ группъ двухъ странъ или территорій. Стремленіе къ увеличенію своей силы и могущества, къ расширенію своихъ владѣній, къ накопленію сокровищъ, къ военной славѣ, къ упроченію своей династіи, къ униженію своихъ соперниковъ или противниковъ, къ достиженію ранга высшаго или по крайней мѣрѣ равнаго имъ — вотъ движущіе мотивы политики автократовъ, олигарховъ, феодаловъ прежнихъ и позднѣйшихъ эпохъ. Война — это естественная стихія политическихъ тираній всякаго рода: въ ней онѣ зарождаются, читаются и развиваются. И значительная часть, если не большая часть войнъ, наполняющихъ исторію варварскихъ и цивилизованныхъ странъ и которыя нѣкоторые изслѣдователи пытаются глубокомысленно объяснять скрытыми для насъ внутренними причинами, какъ бы стыдяся факта зависимости человѣчества и его судебъ отъ капризовъ единицъ или небольшихъ группъ, вызвана подобнаго рода интересами ¹⁾. Принудительная сила власти заставляетъ народы, томящіеся въ политической неволѣ, участвовать въ войнахъ, расточающихъ, безъ всякой для нихъ пользы, жизнь и достояніе людей. Ксерксъ удивлялся тому, что греки свободно шли въ бой для защиты своей свободы, тогда какъ его полчища приходилось гнать подъ бичомъ надсмотрщиковъ. Паскаль говорилъ, что споры между королями — это не споры между народами. Политическая мысль 18-го вѣка страстно развивала ту же идею и дѣлала изъ нея соотвѣтственные практическіе выводы. Но, послѣ Французской Революціи, Наполеонъ могъ еще цинично высказать, что онъ «плюетъ на жизнь милліона людей». Съ другой стороны, необходимо замѣтить, что привычки, воспитаніе и традиціи рабства вырабатываютъ часто въ массахъ привычку безропотно и добровольно исполнять велѣнія своихъ господъ.

Послѣдняя категорія политическихъ антагонизмовъ имѣетъ своимъ

1) J. Novicow, *Les luttes entre les sociétés humaines*, Paris 1893, стр. 503, 559, 636—637, 653, 668—673.

предметомъ обладаніе политической властью внутри страны. Это можетъ быть антагонизмъ между политическими категоріями, соперничающими изъ-за власти; но наиболѣе важный случай представляется здѣсь въ антагонизмѣ между народомъ, стремящимся къ свободѣ, и политической группою, монополизировавшею власть въ своихъ рукахъ и поставившею себя надъ народомъ и выше народа. Мотивы проявленія подобнаго антагонизма могутъ быть разнообразныя. Это могутъ быть мотивы экономическіе: обремененіе народа большими налогами для тратъ на дворъ, на армію и бюрократію, необходимую опору правящей касты, на внѣшнія предпріятія ¹⁾. Это могутъ быть мотивы не только экономического, но и классоваго порядка, когда господствующая политически группа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и господствующій классъ, т. е. господствующая экономически группа, и когда они эксплуатируютъ политическую власть для своихъ классовыхъ интересовъ. Это могутъ быть мотивы чисто политическіе: бѣдствія отъ административнаго произвола, политическая неспособность правящей касты. Это могутъ быть мотивы національныя или религіозныя: противорѣчіе между интересами или стремленіями правителей и національными или религіозными интересами населенія. Но самая существенная черта антагонизмовъ данной категоріи — это противоположность между стремленіемъ народа къ политической свободѣ и стремленіемъ правящей касты держать народъ въ состояніи политическаго подчиненія.

Религіозныя антагонизмы могутъ быть основаны либо на различіи религіи двухъ обществъ, либо на существованіи религіозной іерархіи внутри общества.

Общность религіи соединяетъ людей солидарностью, а различіе вѣры способствуетъ розни и обособленію, въ особенности, если религія проникнута либо характеромъ нетерпимаго прозелитизма, либо характеромъ замкнутости. Такъ, антисемитизмъ — чудовищный продуктъ религіозной и расовой ненависти, осложненной сознаніемъ частичной экономической розни, въ свою очередь явившейся въ результатъ религіозныхъ и національных преслѣдованій. Борьба религіи съ религіей (или иррелигіозностью) происходитъ или путемъ мирной пропаганды, или насажденіемъ новой религіи (либо сохраненіемъ старой), помощью силы, либо низведеніемъ послѣдователей враждебной вѣры на ступень соціальной группы подчиненной и неполноправной. Религіозныя войны и преслѣдованія — порожденіе религіознаго фанатизма массъ, или религіознаго фанатизма правителей, или политическаго разсчета правителей, опирающихся на религіозный фанатизмъ массъ. Религіозный и классовый — антагонизмъ могутъ осложнять одинъ другой или даже — въ нѣкоторыхъ случаяхъ — обуславливать другъ друга, но это — антагонизмы совершенно разнородныхъ типовъ.

¹⁾ Въ знаменитой „Parabole“ Сенъ-Симона отмѣченъ именно экономическій паразитизмъ политически правящихъ группъ.

Религіозна ієрархія являється вмістѣмъ съ видѣленіємъ изъ общества спеціальної групи, монополізуючої функції релігійного культу и протівополагающей себя всему остальному обществу въ качествѣ жрецовъ, браминовъ, друидовъ, левитовъ, священниковъ или фамилій, обладающихъ наслѣдственною прерогативою общенія съ богами, въ родѣ эвпатридовъ въ Атикѣ и патриціевъ въ Римѣ. Само духовенство испытываетъ разслоеніе на категоріи въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи: высшее и низшее, бѣлое и черное духовенство. Релігійныя прерогативы могутъ соединяться съ политическимъ господствомъ, въ теократіяхъ, или съ економіческими привилегіями, и тогда онѣ получаютъ классовую окраску. Антагонизмы даннаго типа ведутъ къ борьбѣ протівъ релігійной монополіи, протівъ авторитарнаго толкованія релігійныхъ догматовъ церковною організаціею, протівъ политическихъ и економіческихъ привилегій духовенства, или отдѣльныхъ его категорій (либо за пріобрѣтеніе или сохраненіе подобныхъ привилегій), протівъ зависимости національнаго духовенства отъ внѣ-національной организаціи церкви, протівъ вмѣшательства подобной организаціи во внутреннія дѣла страны. Исторія борьбы между папствомъ и свѣтскою властью, между галликанскою церковью и ультрамонтанами во Франціи, исторія реформаціи въ Германіи и въ Англіи, исторія борьбы между итальянскими патриотами и папствомъ, какъ политической монархіей, даетъ многочисленныя примѣры подобныхъ конфликтовъ, питаемыхъ смѣшанными интересами, врацующихся, однако, вокругъ одного центрального пункта—релігійной ієрархіи.

Антагонизмъ пола и антагонизмъ возраста вытекаютъ изъ различія способностей, соотвѣтствующаго различію біологическому. Подчиненіе женщины и подчиненіе дѣтей (а иногда и стариковъ) въ рамкахъ семьи имѣютъ въ виду не только интересы всего семейства, но часто и интересы преимущественно главы семейства, какъ, на примѣръ, въ древнемъ римскомъ правѣ¹⁾. Въ Суданѣ часто случалось, что негръ, нуждаясь въ деньгахъ, продавалъ своего отца, свою мать, свою жену, своихъ дѣтей²⁾.

По мнѣнію Аристотеля, природа дала человѣку двойное и необходимое дополненіе въ женщинѣ и въ рабѣ. Но положеніе раба могло иногда внушать зависть женщинѣ. Мужъ-каннибалъ могъ пожирать свою жену, на женщину взваливать самыя тяжелыя работы, съ нею обращались хуже, чѣмъ съ рабомъ, ее безжалостно третировали, какъ низшее существо, она видѣла презрѣніе къ себѣ не только въ мужѣ, но и въ собственныхъ дѣтяхъ мужского пола. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе женщинъ было болѣе сносно, въ варварскихъ странахъ, самымъ рѣзкимъ образомъ проявляется ихъ угнетенное положеніе, напо-

¹⁾ A. Sch. Loria, *Le basi economiche*, стр. 129—130.—Семейное право, аналогичное римскому, существуетъ и въ Камбоджѣ.

²⁾ Ch. Letourneau, *L'Evolution de l'Esclavage*, стр. 109, ср. стр. 39.

минающее угнетение классовое, хотя женщины, конечно, не классъ. О положеніи женщинъ въ Габонѣ Летурно рассказываетъ слѣдующее: «Для мужей, особенно когда они не короли, существенное право ограничивается наложеніемъ на жену обязанности кормить ихъ приличнымъ образомъ. Въ силу этого жены выдѣляютъ изъ продуктовъ земли, которую онѣ обрабатываютъ, часть, необходимую для того, чтобы возможно лучше питать своего господина. Разъ это сдѣлано, право мужчинъ считается исчерпаннымъ; тогда избытокъ урожая принадлежитъ женщинамъ, которыя его продаютъ и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ бусы и пр., чтобы себя украшать: мужей это больше ужъ не касается» ¹⁾. Въ культурныхъ странахъ, въ положеніи женщинъ произошелъ огромный прогрессъ, замѣчается даже, въ нѣкоторыхъ классахъ общества, противоположная крайность—экономическій паразитизмъ женщины. Но при всемъ томъ женщина остается и юридически и по духу нравовъ существомъ подчиненнымъ и неполноправнымъ. Несмотря на существованіе антагонизма между мужчиною и женщиной въ теченіе всего историческаго періода человѣчества, онъ не приводилъ къ борьбѣ между заинтересованными сторонами ради эмансипаціи женщины, и до послѣдняго времени улучшенію положенія женщины способствовали лишь стихійные факторы культурнаго порядка и вліянія моральнаго и идейнаго прогресса. Лишь со времени великой французской революціи женщины начинаютъ планомерно бороться за свое освобожденіе, и нынче говорятъ уже о борьбѣ одного пола съ другимъ ²⁾.

Антагонизмъ возраста возникаетъ изъ власти, примѣняемой взрослыми по отношенію къ дѣтямъ, а иногда также и къ старикамъ. И дѣтей, и стариковъ убивали, когда они составляли бремя для семьи или для племени. И дѣтей и стариковъ продавали въ рабство главы семьи. Дѣтей держали въ безправномъ подчиненіи, тираннили и эксплуатировали. Отцовская власть въ древнемъ Римѣ была безпредѣльна, до эпохи Адріана отецъ имѣлъ право жизни и смерти даже надъ взрослыми сыновьями. Страшная эксплуатация и мучительство дѣтей въ англійскихъ фабрикахъ отошли уже въ область исторіи, но эта эксплуатация и это мучительство продолжаютъ еще существовать въ другихъ мѣстахъ, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Само собою понятно, что такого рода антагонизмъ не можетъ быть разрѣшенъ борьбою дѣтей противъ взрослыхъ. Въ защиту дѣтей выступаютъ факторы культурнаго и гуманитарно-идейнаго свойства.

III.

Въ основѣ всѣхъ соціальныхъ антагонизмовъ лежатъ соперничество, угнетеніе и соціальное неравенство—уже существующія и могущія возникнуть. Индивидуумы и соціальныя группы

1) Ch. Letourneau, La condition de la femme, стр. 66.

2) A. D. Sertillanges, Nos luttes, Paris 1903, стр. 221—223.

борются ради соперничества, за и против угнетенія, за и против соціального неравенства.

Соперничество имѣетъ мѣсто между отдѣльными людьми, профессиональными группами, цѣлыми странами, провинціями одной и той же страны, націями, властителями и правящими группами, религіозными обществами, различными поколѣніями. Соперничество проявляется уже въ элементарной борьбѣ за существованіе. Оно происходитъ ради торжества тѣхъ или другихъ интересовъ экономическихъ, политическихъ, національныхъ, религіозныхъ, — ради завоеванія или сохраненія рынковъ, ради добыванія работы, въ особенности лучшей работы, ради политическаго вліянія, ради преобладанія языка, ради пропаганды религіи, ради того, чтобы выдвинуться надъ другими, ради того, чтобы не отставать отъ другихъ. Чтобы оправдать произволъ и беззаконія Іакова I, министры его говорили въ Палатѣ общинъ: «Англійскій король не долженъ быть въ худшемъ положеніи, чѣмъ короли, ему равные», т. е. короли французскій и испанскій. Стремленіе къ политическому равновѣсію «державъ» — главнымъ образомъ продуктъ соперничества монарховъ и ихъ амбицій.

Соперничество, какъ таковое, можетъ имѣть мѣсто между двумя соціальными группами не только одинаковаго типа, но и одинаковаго ранга, т. е. группами, не подчиненными одна другой, въ отношеніи предмета, вызывающаго соперничество, ни юридически, ни фактически. Карфагеняне экономически оставались соперниками Рима, послѣ второй пунической войны, хотя политически были тогда подчинены Риму. Борьба изъ-за соперничества направлена либо на полное вытѣсненіе соперника, либо на сохраненіе и укрѣпленіе своей позиціи на аренѣ борьбы; но она можетъ вести и къ угнетенію, и къ соціальному неравенству.

Въ экономическомъ оборотѣ соперничество принимаетъ форму экономической конкуренціи. Подобное экономическое соперничество существовало между цехами и ремесленными корпораціями. Экономическая конкуренція существуетъ между различными странами, областями и городами, между различными отраслями промышленности и различными предпріятіями въ одной и той же отрасли, между крупными и мелкими капиталистами, между большими магазинами и мелкими торговцами, между трестами и неорганизованнымъ капиталомъ, между рабочими, имѣющими работу и безработными, между организованными и неорганизованными, между квалифицированными и простыми рабочими.

Въ сферу антагонизмовъ, питаемыхъ соперничествомъ, входятъ и тѣ взаимно истребительныя войны между дикими и варварскими племенами, которыя ведутся изъ-за земель, территорій для охоты, пастбищъ и пр. Впрочемъ, здѣсь у каждой изъ сторонъ можетъ дѣйствовать стремленіе угнетать другую сторону—грабить, похищать женщинъ, захватывать плѣнниковъ для пожиранія или для превращенія въ рабство.

Соціальное угнетеніе имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда одна группа, пользуясь превосходствомъ своихъ способностей—силъ, организаціи, техники, интеллектуальныхъ способностей и пр.,—подчиняетъ себѣ и своимъ интересамъ другую группу или ея интересы, во вредъ послѣдней. Превосходство способностей можетъ, въ извѣстной обстановкѣ, заключаться и въ меньшей моральности, меньшемъ благородствѣ, меньшей совѣстливости и т. п.; такъ, говорятъ объ эксплуатированіи чьего-нибудь благородства, щепетильности, доброты и пр.

Главныя формы угнетенія—порабощеніе и эксплуатація. Обѣ эти формы угнетенія часто соединяются вмѣстѣ.

Угнетеніе принимаетъ разнообразный характеръ, въ зависимости отъ типа соціальныхъ группъ и природы поражаемыхъ интересовъ.

Исторія знаетъ угнетеніе экономическое, угнетеніе политическое, угнетеніе національное, угнетеніе религіозное, угнетеніе пола, угнетеніе возраста, равно какъ и сложныя комбинаціи всѣхъ этихъ формъ угнетенія. Исторія повѣствуетъ намъ о непрерывныхъ страданіяхъ, о непрерывной борьбѣ, которая велась между расами, народами, племенами, классами, политическими группами, религіозными обществами въ цѣляхъ угнетенія или освобожденія отъ гнета во всѣхъ его видахъ. Въ школѣ Сень-Симона, вся система угнетенія, какую только знала исторія, была названа «эксплуатаціей человѣка человѣкомъ».

Безконечны были страданія и бѣдствія, испытанныя человѣчествомъ отъ матеріальнаго порабощенія и матеріальной эксплуатаціи, но не мало зла было причинено также эксплуатаціей и порабощеніемъ духа.

Среди матеріальныхъ формъ угнетенія главное мѣсто занимаетъ угнетеніе экономическое—экономическое порабощеніе и экономическая эксплуатація.

Въ наиболѣе чистомъ видѣ экономическій гнетъ проявляется въ формѣ классоваго угнетенія.

Классовое угнетеніе существуетъ всюду, гдѣ общество организовано на началахъ классовой іерархіи, въ чистомъ или комбинированномъ видѣ.

Оно выражается въ полномъ или частичномъ паразитизмѣ высшихъ классовъ, въ полномъ или частичномъ захватѣ орудій производства, въ полномъ или частичномъ порабощеніи низшихъ классовъ, или же въ лишеніи ихъ экономической независимости, въ присвоеніи себѣ высшими классами изъ общественнаго продукта доли, не соотвѣтствующей какой-либо продуктивной роли ихъ въ процессѣ производства и въ отправленіи нормальныхъ функцій общественной жизни. Эксплуатація и порабощеніе кастою касты, сословіемъ сословія, классомъ класса, эксплуатація и порабощеніе спартіатами илотовъ, оессалійцами понетовъ, патриціатомъ плебса, аристократіями народныхъ массъ, рабовладѣльцами рабовъ, землевладѣльцами безземельныхъ и колоновъ, феода-

лами горожанъ и крѣпостныхъ, капиталистами пролетаріевъ — вотъ примѣры классоваго угнетенія.

Классовое угнетеніе, особенно въ осложненныхъ формахъ, можетъ проявляться не только въ области экономической, но и въ политической, національной, религіозной и т. д. Равнымъ образомъ формы угнетенія не классоваго типа, какъ политическое національное, религіозное и пр., могутъ затрогивать экономическіе интересы приведенныхъ въ соприкосновеніе соціальныхъ группъ.

Политическое угнетеніе можетъ быть внутреннее или внѣшнее. Внутреннее политическое угнетеніе заключается въ монополизированіи всей государственной власти или части ея одною группою и въ политическомъ поработаніи страны этою группою. Борьба за демократизацію государственнаго строя и политическія революціи XIX вѣка были направлены противъ внутренняго политическаго гнета. Болѣе крайняя мысль работаетъ въ направленіи освобожденія общества отъ всякой политической іерархіи. Внѣшнее политическое угнетеніе возникаетъ съ насильственнымъ подчиненіемъ одной страны другой странѣ или правящей группѣ другой страны, соединеннымъ съ эксплуатаціей или вообще съ принесеніемъ въ жертву интересовъ первой страны интересамъ страны, надъ нею господствующей, или ея правящей группы. Завоевательная политика Рима и великихъ монархій, колониальная политика Испаніи и Англіи приводили къ подобному угнетенію другихъ странъ.

Національное угнетеніе заключается въ лишеніи независимости націи, желающей быть или оставаться самостоятельною политическою единицею, въ лишеніи націи формъ національнаго самоопредѣленія, въ притѣсненіи или преслѣдованіи національнаго языка и національной культуры, въ неполноправномъ положеніи лицъ опредѣленной національности.

Религіозное угнетеніе выражается въ принудительномъ введеніи какого-нибудь религіознаго культа, къ воспрещеніи принадлежать къ какому-нибудь религіозному обществу или исповѣдовать какую-нибудь вѣру, въ преслѣдованіи, притѣсненіи или неполноправномъ положеніи послѣдователей извѣстной религіи, а также въ эксплуатаціи вѣрующихъ выдѣлившіеся изъ общества религіозною кастою или организаціею.

Угнетеніе національное и угнетеніе религіозное могутъ быть угнетеніемъ одной націи другой націею, одного религіознаго общества другимъ религіознымъ обществомъ, одной церкви другою церковью, но они могутъ также быть угнетеніемъ нѣкоторой національности, нѣкотораго религіознаго союза, нѣкоторой церкви политически правящею группою въ виду руководящихъ ею интересовъ религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и другихъ.

Угнетеніе пола, или угнетеніе женщинъ заключается въ ихъ эксплуатаціи мужчинами, въ ихъ подчиненномъ и неполно-

правномъ положеніи сравнительно съ мужчинами въ силу положительнаго права или въ силу господствующаго обычая и общественнаго мнѣнія.

Угнетеніе возраста заключается въ эксплуатаціи и порабощеніи дѣтей, а иногда и стариковъ взрослыми.

Экономическое порабощеніе и экономическая эксплуатація присущи не только классовому угнетенію, но и различнымъ видамъ угнетенія не классоваго типа — политическому, религіозному, угнетенію пола, угнетенію возраста. Всѣ эти виды угнетенія, хотя и соединенные съ экономическою эксплуатаціею и экономическимъ порабощеніемъ, не могутъ считаться классовыми по той причинѣ, что въ нихъ субъектъ и объектъ угнетенія — не классы, а социальныя группы съ признаками другихъ типовъ.

Соціальный паразитизмъ характеризуетъ не только отношенія класса эксплуататоровъ къ классу эксплуатируемыхъ. Съ законнымъ правомъ говорятъ о паразитизмѣ политической корпораціи, о паразитизмѣ религіозной касты, о паразитизмѣ военной націи, высасывающей всѣ соки изъ покоренныхъ странъ ¹⁾. Съ законнымъ правомъ говорятъ о паразитизмѣ черни древняго Рима, питавшейся на счетъ провинцій, какъ и паразитизмъ норманновъ, жившихъ военными набѣгами и организованнымъ грабежемъ. — Соціальный паразитизмъ отличается отъ біологическаго паразитизма въ томъ отношеніи, что первый проявляется въ отношеніяхъ социальныхъ группъ, принадлежащихъ къ одному и тому же органическому виду, тогда какъ въ царствѣ животныхъ паразитизмъ свойствененъ лишь одному виду въ отношеніи къ другому виду. «Люди — единственный видъ, который практикуетъ и испытываетъ паразитизмъ въ собственной средѣ» ²⁾.

Политическое порабощеніе страны правящею группою можетъ соединяться съ экономическою эксплуатаціею населенія путемъ налоговъ, административныхъ хищеній и всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя находятся въ распоряженіи политической власти. Извѣстно, до чего доходятъ размѣры внутреннихъ опустошеній, производимыхъ восточными деспотіями и ихъ агентами. Въ варварскихъ странахъ часто все населеніе со всѣмъ своимъ имуществомъ составляетъ собственность монарха. Но и судьба культурныхъ странъ можетъ зависѣть отъ большей или меньшей требовательности правителей. Извѣстно, до какого разоренія была доведена Римская имперія требованіями фиска, тратами на императорскій дворъ и междуусобицами претендентовъ. Извѣстно, до чего была доведена Романья хозяйничаньемъ папскаго правительства и nepотизмомъ папъ. Извѣстно, какія страданія испытывала Англія отъ расточительности Генриха VIII, а Франція — отъ расточительности Людовика XIV.

Борьба противъ политическаго гнета часто стимулировалась и даже

¹⁾ Saint-Simon et Enfantin, Oeuvres, t. 42, Paris 1877, Doctrine Saint-Simonienne, expos. par Bazard, 2-e partie, стр. 59.

²⁾ Juan B. Justo, Teoría y practica de la historia, стр. 32. — Cp. Massart et Vandervelde, Parasitisme organique et parasitisme social, стр. 12.

вызывалась экономическими мотивами, напимѣръ, возмущеніемъ противъ грабительства, эксплуатаціи и хищничества правителей. Но главное и существенное, къ чему люди сознательно стремились въ политической борьбѣ, это—свобода, какъ самостоятельная цѣнность, какъ основной атрибутъ человѣческаго достоинства.

„Я часто спрашивалъ себя, говоритъ Токвиль: гдѣ источникъ этой страсти къ политической свободѣ,—подъ вліяніемъ которой люди во всѣ времена совершали величайшія изъ дѣяній, выполненныхъ человѣчествомъ? въ какихъ чувствахъ она коренится и чѣмъ поддерживается?

„Я вижу, что народы, которыми плохо управляютъ, легко начинаютъ желать самоуправленія, но подобная любовь къ независимости, порождаемая лишь извѣстными частными и временными бѣдствіями, вызванными деспотизмомъ, никогда не бываетъ прочна: она проходитъ съ исчезновеніемъ того повода, который вызвалъ ее къ жизни; только казалось, что люди любятъ свободу; на самомъ дѣлѣ они лишь ненавидѣли своего господина. Народы, созданные для свободы, ненавидятъ какъ зло самую зависимость.

„Не думаю также, чтобы истинная любовь къ свободѣ порождалась однимъ лишь зрѣлищемъ доставляемыхъ ею матеріальныхъ благъ, потому что зрѣлище это нерѣдко затемняется. Несомнѣнно, что съ теченіемъ времени свобода умѣющимъ ее сохранить всегда даетъ довольство, благосостояніе, а часто и богатство; но бываютъ періоды, когда она временно нарушаетъ пользованіе этими благами, бываютъ и такіе моменты, когда одинъ деспотизмъ способенъ доставить мимолетное пользованіе ими. Люди, цѣнящіе въ ней только эти блага, никогда не могли удержать ее надолго.

„Что во всѣ времена такъ сильно привязывало къ ней сердца нѣкоторыхъ людей, это—ея непосредственныя преимущества, ея собственные прелести, независимо отъ приносимыхъ ею благодѣяній, это—наслажденіе, заключающееся въ правѣ говорить, дѣйствовать, дышать безъ стѣсненій, повинаясь только Богу и законамъ. Кто ищетъ въ свободѣ чего-либо другого, а не ея самой, тотъ созданъ для рабства“ ¹⁾).

Внѣшнее политическое угнетеніе, т. е. угнетеніе одной страны другою обыкновенно также соединяется съ экономическою эксплуатациею. Римъ, этотъ „народъ—царь“, былъ эксплуататоромъ всѣхъ странъ отъ Британіи до Эіопіи и отъ Атлантическаго океана до Тигра и Евфрата.

Возможно, что и при отсутствіи политической зависимости одной страны отъ другой, является экономическая эксплуатація первой страны второю, въ случаѣ природныхъ или политическихъ преимуществъ, позволяющихъ послѣдней развить свою промышленность и торговлю до такихъ размѣровъ, при которыхъ она подавляетъ или парализуетъ производительныя силы первой страны. Прудонъ говорилъ о возможномъ

¹⁾ Токвиль, Старый порядокъ и революція, стр. 188.

антагонизмъ между эксплуататорскою націею и всѣмъ родомъ человѣческимъ ¹⁾. Марксъ и Энгельсъ говорили объ экономической зависимости Италіи, Испаніи и Португаліи ²⁾. Марксистъ Отто Бауеръ доказываетъ возможность эксплуатаціи менѣ развитой страны другою страной, болѣе развитою, и въ непониманіи возможности этой эксплуатаціи видитъ существенный недостатокъ теоріи свободной торговли ³⁾. Во всякомъ случаѣ подобная эксплуатація одной страны другою не есть эксплуатація классовая.

Какъ политическое, такъ и національное, и религіозное угнетеніе могутъ соединяться съ угнетеніемъ экономическимъ, съ порабощеніемъ или неполноправнымъ положеніемъ опредѣленной національности или послѣдователей опредѣленной религіозной вѣры. Таково было положеніе евреевъ въ христіанскихъ, положеніе евреевъ и христіанъ—въ мусульманскихъ странахъ. Антипольская политика правительства въ прусской Польшѣ причиняетъ ущербъ не только національно-культурнымъ, но и экономическимъ интересамъ поляковъ въ Пруссіи. И если и представляется преувеличеннымъ мнѣніе Гумпловича, что „борьба за преобладаніе языка есть въ сущности борьба за господство“ ⁴⁾, то нельзя не признать, что преобладаніе въ странѣ языка господствующей національности приноситъ нѣкоторыя экономическія выгоды ей и нѣкоторый экономическій ущербъ другимъ національностямъ, болѣе или менѣ подчиненнымъ. Одною изъ причинъ броженія въ пользу отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи, броженія, приведшаго къ возстанію 1830 года, были законы 1819 и 1822 года, сдѣлавшіе голландскій языкъ официально обязательнымъ во всѣхъ бельгійскихъ провинціяхъ, кромѣ Валлоніи, и оттолкнувшіе отъ правительства бельгійскихъ адвокатовъ и журналистовъ. Но всѣ эти формы угнетенія и эксплуатаціи не носятъ классового характера.

Религіозная іерархія часто соединяется съ экономической эксплуатаціею, когда, на примѣръ, жрецы, совершенно не занимаясь никакимъ производительнымъ трудомъ, живутъ на счетъ вѣрующихъ; эксплуатація эта тѣмъ больше, чѣмъ больше доля, извлекаемая жрецами изъ общественнаго продукта. Но если міряне жертвуютъ для жрецовъ или для духовенства добровольно и безъ принужденія, повинаясь всецѣло чувству искренней вѣры, то эксплуатація даннаго рода—не классовая.

Угнетеніе пола и возраста также соединяется съ экономическимъ порабощеніемъ и экономической эксплуатаціею женщинъ и дѣтей. Въ дикихъ и полу-варварскихъ племенахъ женщины замѣняютъ

1) Proudhon, De la Justice, t. I, стр. 498.

2) F. Mehring, Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, I Th., Stuttgart 1867, стр. 428—429.

3) Otto Bauer, Die Arbeiterklasse und die Schutzzölle, въ Neue Zeit, 1904—1905, B. XXIII, стр. 537.

4) L. Gumpowicz, Grundriss der Soziologie, 2-e Aufl., стр. 261.

рабовъ. Отчасти въ силу зависимаго и неполноправнаго положенія женщины, заработная плата ея въ культурныхъ странахъ—въ полтора или два раза меньше заработной платы рабочаго—мужчины. Отвѣтственность за ужасную фабричную эксплуатацію дѣтей въ первой половинѣ XIX вѣка, въ Англіи лежитъ не только на предпринимателяхъ, но и на самихъ родителяхъ, которые, главнымъ образомъ, конечно, изъ-за нужды, но также и вслѣдствіе малокультурности, видѣли въ этой эксплуатаціи дѣтей нормальный источникъ увеличенія своего собственного заработка. По этой причинѣ значительная часть рабочихъ была въ 40-хъ годахъ противъ фабричнаго законодательства; но и послѣ принятія закона 1833 года, регулировавшаго дѣтскій трудъ на фабрикахъ, раздавались жалобы фабричныхъ инспекторовъ на многочисленные попытки родителей парализовать дѣйствіе закона путемъ скрытія возраста дѣтей ¹⁾. Такимъ же образомъ и углекопы Дургамы и Нортумберланда боролись до самаго послѣдняго времени противъ обязательнаго введенія въ Англіи 8-ми часового рабочаго дня, въ виду того, что эта мѣра сократила бы рабочій день подростковъ, работавшихъ въ шахтѣ, а это могло бы отозваться на продолжительности рабочаго дня, смѣнъ взрослыхъ углекоповъ, остававшихся въ шахтахъ менѣе 8-ми часовъ и потому лично въ законѣ не испытывавшихъ надобности. Подобная эксплуатація женщинъ и дѣтей, конечно,—не классовая, ибо женщины и дѣти не классы. Неудивительно, что марксистъ Бебель считаетъ необходимымъ проводить различіе между антагонизмами класса и класса, пола и пола, возраста и возраста ²⁾.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что экономическое угнетеніе есть лишь одинъ изъ многихъ видовъ угнетенія, и что классовое угнетеніе лишь одна изъ многихъ формъ экономическаго угнетенія.

Соперничество и угнетеніе ведутъ къ социальному неравенству,—которое слѣдуетъ отличать отъ неравенства фізіологическаго и неравенства способностей,—и къ борьбѣ противъ социальнаго неравенства. Но социальное неравенство возникаетъ не только изъ соперничества и угнетенія. Представимъ себѣ индивидуалистическое общество, чуждое не только капиталистическаго характера, но и социальнаго раздѣленія труда и мѣнового оборота, т. е. общество, состоящее изъ собственниковъ, ведущихъ натуральное хозяйство, въ одинаковыхъ приблизительно условіяхъ распредѣленія и владѣнія землею и инвентаремъ. Подобное общество не знаетъ ни конкуренціи, ни классовыхъ антагонизмовъ, но оно зиждется на индивидуалистической основѣ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ индивидуалистическаго строя этого общества явится экономическое неравенство его членовъ, вслѣдствіе различія индивидуальностей, ихъ способностей, ихъ

¹⁾ Н. von Nostitz, Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England, Jena 1900, стр. 432—435.

²⁾ Bebel, Die Frau, стр. 293.

здоровья, ихъ возраста, состава семей и вслѣдствіе всякаго рода случайностей, которыя, оказавшись въ нѣкоторый моментъ болѣе благоприятными для однихъ и менѣе благоприятными для другихъ, потомъ способствуютъ повышенію благосостоянія первыхъ и упадку и обѣднѣнію послѣднихъ. Соціальное неравенство, каковы бы ни были его источники, можетъ быть устранено лишь въ обществѣ, организованномъ не на индивидуалистической основѣ, а на началахъ гармоніи и солидарности.

4.

Къ чему же ведутъ, къ чему могутъ вести различныя формы борьбы между соціальными группами? Чѣмъ разрѣшаются въ дѣйствительности соціальныя антагонизмы?

Для всѣхъ формъ соціальныхъ антагонизмовъ логически мыслимъ исходъ, заключающійся въ физическомъ разрушеніи, въ полномъ истребленіи одной изъ двухъ антагонистическихъ соціальныхъ группъ. Но этотъ логическій исходъ во многихъ случаяхъ фактически невозможенъ, а въ большинствѣ случаевъ совершенно не соотвѣтствуетъ природѣ антагонизма. Можно ли, напримѣръ, говорить объ истребленіи цѣлаго пола или объ истребленіи всѣхъ лицъ опредѣленнаго возраста? Съ другой стороны, тамъ, гдѣ интересъ одной соціальной группы заключается въ порабощеніи или эксплуатаціи другой соціальной группы, этотъ интересъ требуетъ сохраненія другой группы и даже нѣкотораго уровня ея матеріальнаго благополучія. Когда нѣтъ объекта порабощенія, то некого порабощать; когда индивидуумъ такъ слабъ и бѣденъ, что изъ него нельзя ничего высосать, то эксплуатировать его невозможно. Поэтому угнетающая группа вообще не ставитъ себѣ цѣлью истребленія всей угнетаемой группы, и если она и совершаетъ частичныя избіенія, то лишь для опредѣленныхъ цѣлей, какъ-то: для удовлетворенія жажды мести, для устрашенія кровавыми репрессіями, для жертвоприношеній своимъ богамъ, для употребленія въ пищу мяса плѣнниковъ; въ подобныхъ случаяхъ истребляются отдѣльные индивидуумы, принадлежащіе къ соціальной группѣ, но не угнетаемая социальная группа.

Другое дѣло—соперничество между дикими или варварскими племенами, соперничество между фанатическими религіями и случаи возмущенія угнетаемыхъ противъ угнетенія и соціального неравенства. Въ подобныхъ конфликтахъ либо обѣ стороны могутъ стремиться къ взаимному истребленію, и либо одна сторона, напр., угнетаемая можетъ стремиться къ истребленію враждебной стороны, напр., угнетателей. Цѣлыя племена, цѣлыя общества, цѣлые народы гибли и исчезали съ исторической арены, вслѣдствіе подобныхъ кровопролитій. Нѣкоторыя еретическія секты были буквально истреблены господствующею церковью. Арабы-магометане безпощадно истребляли язычниковъ.

Тридцатилѣтняя война—имѣвшая, впрочемъ, не только религіозный, но и политическій характеръ—привела, какъ полагаютъ, къ сокращенію населенія Германіи на двѣ трети. Въ Греціи и греческихъ колоніяхъ классовыя революціи въ мелкихъ республикахъ часто сопровождались полнымъ избіеніемъ богатыхъ и раздѣленіемъ ихъ имущества, женъ и дѣтей между бѣдными (иногда и рабами), занимавшими ихъ мѣсто. Подобные антагонизмы должны быть отнесены въ категорію безусловныхъ, а если они при томъ двухсторонніе, то и абсолютныхъ антагонизмовъ.

Во всѣхъ другихъ антагонизмахъ, обусловленныхъ соперничествомъ, угнетеніемъ и социальнымъ неравенствомъ, преслѣдуется цѣль либо полного вытѣсненія одной изъ двухъ сторонъ, либо вообще измѣненія социальныхъ отношеній.

Одна изъ социальныхъ группъ можетъ стремиться изгнать другую группу изъ данной территоріи, какъ, напр., въ случаѣ изгнанія одного племени другимъ (ахейцевъ—дорянами, готовъ—гуннами, якутовъ—бурятами, индѣйцевъ—европейцами), или изгнанія аристократій народомъ въ греческихъ городахъ, или изгнанія изъ страны претендентовъ и членовъ низвергнутыхъ династій владѣтельныхъ фамилій (какъ напр. изгнанія главъ фамилій Бурбоновъ и Бонапартовъ изъ Франціи). Соціальная группа можетъ стремиться вытѣснить другія группы данной сферы дѣятельности и вліянія, какъ напр., въ воспрещеніи средневѣковыми итальянскими коммунами представителямъ аристократіи занимать общественныя должности, или измѣнить въ ней относительныя позиціи или стремиться къ тому и другому, какъ напр. въ случаѣ экономической конкуренціи, профессиональнаго соперничества, политическаго или религіознаго соперничества. Соціальная группа можетъ, наконецъ, стремиться поработить другую группу, сохранить или усилить поработченіе; противная группа можетъ бороться противъ опасности угнетенія или же за смягченіе либо полное упраздненіе гнета, который она уже испытываетъ. Одна группа можетъ стремиться къ сохраненію или обостренію социального неравенства, другая—къ его смягченію или полному упраздненію.

Вообще, антагонизмы, не имѣющіе безусловнаго характера, вытекаютъ изъ стремленія измѣнить признаки, интересы или способности социальныхъ группъ.

Когда рѣчь идетъ объ измѣненіи признаковъ, то слѣдуетъ различать между признаками біологическими и признаками социальными. Біологическій признакъ не можетъ быть измѣненъ: не во власти человѣка устроить такъ, чтобы не было расъ, чтобы не было мужчинъ или женщинъ, чтобы не было дѣтей, или стариковъ, или взрослыхъ. Измѣненъ можетъ быть лишь социальный признакъ для всѣхъ группъ вообще, а слѣдовательно, и для тѣхъ біологическихъ группъ—расъ, націй, пола, возраста,—для которыхъ біологическій признакъ (съ соотвѣтственными способностями) служитъ основаніемъ для

выдѣленія ихъ въ особую соціальную группу. Негръ не можетъ перестать быть негромъ, женщина не можетъ перестать быть женщиною, но негръ можетъ быть и не быть рабомъ, женщина—быть и не быть подчиненнымъ существомъ. Съ другой стороны, признакъ психологической категоріи, напр., признакъ религіозный, можетъ измѣняться; но онъ можетъ также оставаться безъ измѣненія, какъ признакъ психологическій, сопровождаясь измѣненіями соціальной зависимости, иначе говоря, соціального признака группы, объединенной общимъ религіознымъ признакомъ. Такъ, религіозная вѣра и религіозный культъ соціальной группы могутъ оставаться неизмѣнными, независимо отъ того, испытываетъ или не испытываетъ она религіозный гнетъ, преслѣдуетъ или не преслѣдуетъ она другія религіозныя общества.

Борьба между соціальными группами, находящимися въ состояніи условнаго антагонизма, можетъ привести къ полному исчезновенію соціальныхъ группъ (кромѣ біологическихъ), какъ группъ, характеризующихся опредѣленными формами соціальной зависимости; но это исчезновеніе группъ не сопровождается гибелью входящихъ въ нихъ индивидуумовъ, а лишь измѣненіемъ соціальныхъ отношеній между людьми или ихъ психологіи. Гибнутъ государства, падаютъ династіи и олигархіи, умираютъ религіи, сходятъ съ исторической сцены классы, сословія, касты, но не вслѣдствіе физической гибели людей, а вслѣдствіе соціальныхъ и интеллектуальныхъ переворотовъ.

Съ измѣненіемъ признаковъ соціальныхъ группъ, мѣняются и интересы. Но можетъ также случиться и обратное, именно что измѣненіе интереса вліяетъ на измѣненіе признака, и борьба можетъ быть направлена въ сторону психологіи индивидуумовъ, входящихъ въ соціальную группу. Таковы факторы идеологической категоріи. Интересъ моральный или интеллектуальный выдвигается противъ интереса матеріальнаго или религіознаго данной группы. Если успѣхи научной мысли, культуры, раціональнаго воспитанія подтачиваютъ религіозныя воззрѣнія членовъ нѣкоторой церкви, то эта церковь постепенно распадается.

Такъ какъ исходъ борьбы и даже самая ея возможность зависятъ отъ способностей антагонистическихъ группъ, то онѣ, само собою разумѣется, стремятся къ развитію своихъ и парализованію чужихъ способностей—сознаній, силъ, организованности, техники и всѣхъ вообще условій благоприятной борьбы.

Если условный антагонизмъ между двумя соціальными группами не сопровождается ни въ какомъ отношеніи взаимною между ними солидарностью, оставляя въ сторонѣ солидарность, существующую между людьми, какъ людьми, то подобнаго рода антагонизмъ—независимо отъ того, сознается онъ или нѣтъ,—можно опредѣлить, какъ антагонизмъ полный, или безотносительный.

Соціальный паразитизмъ порождаетъ состояніе полного антагонизма между жертвами и паразитами, когда послѣдніе живутъ

исключительно эксплуатаціею и не отправляютъ никакой полезной общественной функціи.

Но часто паразитизмъ поработителей и эксплуататоровъ соединяется съ нѣкоторою дѣятельностью, полезною для общества и для эксплуатируемыхъ. Въ подобныхъ случаяхъ антагонизмъ между заинтересованными сторонами въ одномъ отношеніи соединяется съ солидарностью въ другомъ отношеніи, это — случай соціальнаго симбіоза. Римъ высасывалъ всѣ соки изъ покоренныхъ провинцій, но онъ имъ гарантировалъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыя эпохи, сравнительный миръ и нѣкоторую защиту противъ внѣшнихъ нападеній. Феодалы ужасно эксплуатировали своихъ крѣпостныхъ, но они творили судъ и расправу въ своихъ территоріяхъ и распоряжались военною силою, которая должна была служить не только для веденія войнъ въ ихъ интересахъ, но и для защиты ихъ территорій и ихъ населенія.

Если условный антагонизмъ между двумя соціальными группами соединяется съ частичною солидарностью въ томъ или другомъ отношеніи, то онъ принадлежитъ къ разряду антагонизмовъ относительныхъ.

Возможность существованія относительныхъ антагонизмовъ въ соціальныхъ отношеніяхъ объясняется тѣмъ, что индивидуумъ можетъ одновременно принадлежать къ нѣсколькимъ соціальнымъ группамъ разныхъ типовъ и, смотря по типическому признаку и типическому интересу, быть съ другими индивидуумами, принадлежащими тоже къ этимъ группамъ, то въ отношеніи солидарности, то въ отношеніи антагонизма.

Между плебеемъ и патриціемъ древняго Рима существовалъ опредѣленный антагонизмъ, ибо они принадлежали къ различнымъ классамъ съ противоположными интересами. Но и плебей, и патрицій принадлежали къ одной націи и одному государству, и противъ внѣшняго непріятеля ихъ соединяла національная солидарность. Между этими двумя соціальными группами былъ антагонизмъ въ отношеніи классовомъ, солидарность — въ отношеніи національномъ.

Во время нашествія Ксеркса, олигархія Аѳинъ перешла на сторону персовъ. Въ эпоху борьбы греческихъ республикъ съ Римомъ за свою независимость, аристократіи по большей части тяготѣли къ Риму, и народъ по большей части становился подъ знамя патриотизма. Ясно, что національный антагонизмъ и классовый антагонизмъ могутъ то совпадать, то противоположаться одинъ другому.

Когда, послѣ кровопролитнаго сраженія, тевтоны были совершенно уничтожены римскимъ войскомъ, жены ихъ просили побѣдителя опредѣлить ихъ, какъ плѣнницъ, для службы при храмахъ и весталкахъ и, получивъ отказъ, дали себя убить или умертвили себя сами. Это — примѣръ того, какъ женщины, несмотря на національный антагонизмъ, искали покровительства и защиты въ солидарности между женщинами.

Христiанская религія соединила узами религіозной солидарности многочисленные народы и племена, равно какъ и классы, между которыми продолжали существовать антагонизмы національные, экономическіе, политическіе. Въ силу антагонизма, рабъ иногда становился христiаниномъ или оставался язычникомъ, когда его господинъ оставался язычникомъ или дѣлался христiаниномъ; но весьма часто господинъ и рабъ, оба христiанина, принадлежа къ двумъ противоположнымъ классамъ, чувствовали себя солидарными въ общей вѣрѣ.

Когда южные германцы приняли христiанство, то скандинавскія племена, несмотря на общность расы, стали относиться къ нимъ съ враждою и ненавистью, какъ къ отступникамъ отъ языческой религіи. Это—примѣръ того, какъ религіозный антагонизмъ подавляетъ расовую солидарность.

Между деспотическимъ правительствомъ какой-нибудь страны и народомъ можетъ существовать политическій антагонизмъ. Но, поскольку деспотическое правительство выполняетъ въ извѣстный моментъ функцію защиты дѣйствительныхъ или мнимыхъ національных интересовъ, при помощи государственной силы, находящейся въ его распоряженіи, между нимъ и націею предполагается существованіе нѣкоторой частичной солидарности.

Между капиталистами-предпринимателями и рабочими пролетаріями существуетъ опредѣленный классовый антагонизмъ. И этотъ антагонизмъ, соединенный съ солидарностью внутри каждого класса, существуетъ или мыслится въ предѣлахъ не только одной страны, но и всего капиталистическаго міра. Но, рядомъ съ этимъ экономическимъ антагонизмомъ классоваго характера существуетъ экономическая солидарность рабочихъ и предпринимателей по профессіи и общій интересъ въ успѣшномъ ходѣ промышленнаго предпріятія. Рабочихъ и предпринимателей данной страны связываетъ экономическая солидарность въ отношеніи развитія и процвѣтанія промышленности данной страны и общій экономическій интересъ въ успѣшной борьбѣ за сбытъ національнаго продукта на международномъ рынкѣ: въ послѣднемъ случаѣ національно-экономическій интересъ связываетъ капиталистовъ и рабочихъ одной страны солидарностью противъ капиталистовъ и рабочихъ другой страны, т. е. союзъ двухъ враждебныхъ классовъ противъ союза двухъ враждебныхъ классовъ. Далѣе, сверхъ общаго въ нѣкоторомъ отношеніи экономического интереса, рабочіе и капиталисты могутъ быть объединены также солидарностью общаго національнаго или политическаго интереса, напр., интереса патріотизма, интереса національной независимости, интереса политической свободы своей страны. Извѣстныя категоріи рабочихъ и предпринимателей могутъ объединяться общимъ интересомъ религіознымъ. Признаніе относительной солидарности между предпринимателями и рабочими лежитъ въ основѣ образованія желтыхъ синдикатовъ.

Особый источник солидарности между индивидуумами и между социальными группами заключается не въ принадлежности индивидуума къ узкой общественной сферѣ и не въ приверженности его узкимъ интересамъ ограниченаго социального круга, а въ томъ моральномъ и идейномъ сознаниі, которое, независимо отъ социального положенія человека, побуждаетъ его жертвовать интересами частными ради интересовъ общихъ, интересами момента ради интересовъ менѣе преходящихъ, интересами личными и групповыми ради интересовъ общества и человечества, интересами настоящаго ради интересовъ будущаго, интересами низшими ради интересовъ высшихъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Бельфортъ Баксъ противопоставляетъ классовый характеръ человека его социальному и человеческому характеру, а Бернштейнъ говоритъ о партіи, какъ о союзѣ, который идетъ далѣе, чѣмъ классъ ¹⁾.

Фактъ существованія относительной солидарности между социальными группами и идея возможности устраненія общественныхъ антагонизмовъ легли въ основу теорій солидарности людей, классовъ, обществъ, народовъ, всего человечества. Такова точка зрѣнія Фенелона, физиократовъ, де-ла-Ривьера и Кенэ, Кондорсе. Признаніе относительнаго характера антагонизмовъ и относительной солидарности, въ сущности, легло въ основу теоріи Бастіа и вообще теорій о гармоніи экономическихъ интересовъ, теорій государственнаго социализма и катедеръ-социализма, теорій христіанскаго социализма ²⁾.

Пониманіе относительнаго характера антагонизмовъ способствуетъ уясненію возможности относительнаго характера нѣкоторыхъ формъ порабощенія и эксплуатаціи—социальнаго паразитизма, угнетенія въ горизонтальномъ направленіи и угнетенія въ вертикальномъ направленіи.

Паразитизмъ въ чистомъ видѣ предполагаетъ отсутствіе какихъ-либо полезныхъ услугъ жертвѣ со стороны эксплуататора. Но, какъ мы видѣли, социальный паразитизмъ, какъ частичный симбіозъ, можетъ соединяться съ отравленіемъ нѣкоторыхъ функцій, полезныхъ для эксплуатируемой социальной группы, и тогда онъ имѣетъ относительный характеръ. Въ подобныхъ случаяхъ паразитическая природа социальныхъ отношений выражается въ отсутствіи должнаго эквивалента, качественного или количественнаго, между тѣмъ, что дается одною стороною, и тѣмъ, что берется отъ другой стороны. Необходимость должнаго эквивалента опредѣляется, въ послѣднемъ счетѣ, требованіями справедливости, т. е. принципомъ моральнымъ.

¹⁾ Belfort Bax, *The Ethics of Socialism*, London 1902, стр. 104—105.—Его же, *Menschentum und Klasseninstinkt*, въ *Neue Zeit* 1893 B. XI², стр. 527.—Ed. Bernstein, *Parteien und Klassen*, въ *Sozialistische Monatshefte*, 1902. November, стр. 853.

²⁾ Fr. Bastiat, *Harmonies économiques*, стр. 12, 149, 166.—Gust. Schmoller, *Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre*, Th. II, Leipzig 1904, стр. 542—543 и 546.—Gust. Schmoller *Lutte de classes et domination de classes*, въ *Revue Internationale de Sociologie*, 1905.—A. D. Sertillanges, *Socialisme et Christianisme*, Paris 1905, стр. 204—211.—Cp. Van Overbergh, *La classe sociale*, Bruxelles 1905, стр. 228—229.

Одна и та же социальная группа может быть угнетающею въ одномъ отношеніи, по признаку одного типа (или подтипа), и угнетаемою въ другомъ отношеніи, по признаку другого типа (или подтипа). Сферы угнетенія различныхъ типовъ перекрещиваются какъ бы въ горизонтальномъ направленіи, имѣя каждая, какъ одна изъ многихъ, относительный характеръ ¹⁾).

Римскій плебей испытывалъ классовое угнетеніе со стороны патриція, но, какъ членъ римскаго общества, самъ участвовалъ въ политическомъ угнетеніи подданныхъ Рима.

Въ эпоху имперіи, римскій аристократъ испытывалъ жестокое политическое угнетеніе со стороны Каллигулы и Нероновъ, но самъ онъ экономически эксплуатировалъ своихъ рабовъ, а впослѣдствіи и коленовъ.

Гугенотъ-дворянинъ во Франціи по своему классовому положенію эксплуатировалъ своихъ крестьянъ, страдая самъ отъ религіознаго гнета со стороны государства.

Женщина, принадлежащая къ высшимъ классамъ и пользующаяся своимъ привилегированнымъ положеніемъ, участвуетъ въ классовой эксплуатаціи, но какъ женщина она переноситъ гнетъ, составляющій удѣлъ ея пола. Соціалисты Бенуа Малонъ и Бебель говорятъ объ общемъ интересѣ для всѣхъ женщинъ, независимо отъ ихъ классоваго положенія, бороться противъ угнетенія пола ²⁾).

Другая форма относительнаго угнетенія имѣетъ мѣсто въ вертикально нисходящей іерархіи социальныхъ группъ одного и того же типа (политическаго, классоваго и пр.), построенной такимъ образомъ, что тяжесть угнетенія растетъ сверху внизъ, отъ одного этажа къ другому, переходя черезъ всѣ промежуточные слои, изъ которыхъ каждый угнетается тѣмъ, который выше его, и угнетаетъ тотъ, который ниже его.

Извѣстно, какія страданія испытывало населеніе Римской Имперіи, въ послѣдніе вѣка ея существованія, отъ требованій императорскаго фиска. Но между императорскою бюрократіею и налогоплательщиками находилась промежуточная корпорація декуріоновъ, которые отвѣчали, подъ страхомъ самыхъ суровыхъ репрессій (не исключая и смертной казни), за правильный сборъ податей, и которые, конечно, вымещали, когда могли, всѣ свои муки на несчастныхъ жителяхъ муниципій.

Организація Ліонской шелковой промышленности мало измѣнилась въ теченіе послѣдняго вѣка. Вотъ какъ Луи-Бланъ описываетъ ея состояніе въ 1831 году: «Шелковое производство занимало отъ 30 до 40 тысячъ обыкновенныхъ рабочихъ. Надъ этимъ классомъ находился, живя изо дня въ день, не имѣя капитала, ни кредита, ни постоянного мѣстожительства, классъ мастеровъ, число которыхъ возвышалось отъ 8 до 10

¹⁾ Sav. Merlino, *Formes et essence du socialisme*, стр. 41.

²⁾ B. Malon, *Le socialisme intégral*, t. I, стр. 348.—Bebe l, *Die Frau und der Sozialismus*, стр. 6 и 93.

тысячъ, и которые, владѣя каждый четырьмя или пятью станками, снабжали рабочихъ орудіями производства, удерживая за то въ свою пользу половину платы, получаемой отъ фабриканта. Фабриканты, въ числѣ около восьмисотъ, составляли третій классъ, заключенный между мастерами и тѣми, которые подъ названіемъ комиссіонеровъ, которые доставляли сырой матеріалъ, — паразитами и настоящими пиявками Ліонской промышленности. Такимъ образомъ, комиссіонеры давили фабрикантовъ, которые, въ свою очередь, притѣсняли мастеровъ, а эти послѣдніе были вынуждены взваливать на рабочихъ тяжесть того ига, которое давило ихъ самихъ. Отсюда безпрестанное притѣсненіе; отсюда, въ нѣдрахъ класса, подавленнаго бременемъ всѣхъ этихъ тиранній, поднимающихся одна надъ другою, эта глухая ненависть, которая бродитъ въ сердцахъ и разрѣшается въ концѣ-концовъ въ вырывающихся изъ нихъ крикахъ гнѣва» ¹⁾).

Сложный характеръ соціальныхъ антагонизмовъ, ихъ комбинаціи и переплетенія, ихъ относительныя формы, ихъ перекрещиванія и іерархическія зависимости сильно затрудняютъ уясненіе ихъ сознанію, что вліяетъ на способности борющихся между собою соціальныхъ группъ.

Соціализмъ ставитъ себѣ цѣлью полное упраздненіе соціальныхъ антагонизмовъ, порождающихъ гнетъ и соціальное неравенство, полное упраздненіе всѣхъ формъ эксплуатаціи, порабощенія и соціального неравенства, преобразование общества на началахъ, соединяющихъ высшую свободу, высшую солидарность и наиболѣе совершенную общественную технику, на началахъ, исключающихъ возможность появленія старыхъ или новыхъ формъ эксплуатаціи, порабощенія и соціального неравенства.

ГЛАВА IV.

Зависимость между характеристическими элементами соціальныхъ группъ. Теорія классовой борьбы Маркса.

I.

Между характеристическими элементами, т. е. между признаками, интересами и способностями соціальныхъ группъ могутъ существовать формы зависимости, выражаемая въ соціологическихъ законахъ или историческихъ обобщеніяхъ.

Зависимость предполагаетъ связь, по крайней мѣрѣ, между двумя элементами: что-нибудь одно должно зависѣть отъ чего-нибудь другого. Законъ, опредѣляющій подобную связь, представляетъ аналогію съ тѣмъ,

¹⁾ Lois Blanc, Histoire de dix ans, t. III, Paris 1846, стр. 46—47.

что въ математикѣ называется уравненіемъ. Этотъ законъ можетъ либо дать полную и конкретную форму связи между элементами, либо формулировать особое значеніе того или другого элемента въ жизни соціальной группы, либо ограничиваться указаніемъ существованія нѣкоторой зависимости.

Соціологическій законъ можетъ формулировать связь между нѣкоторымъ признакомъ и нѣкоторымъ интересомъ, между нѣкоторымъ признакомъ и нѣкоторою способностью, между нѣкоторымъ интересомъ и нѣкоторою способностью, между нѣкоторымъ признакомъ, нѣкоторымъ интересомъ и нѣкоторою способностью. Соціологическій законъ можетъ пытаться найти самую общую связь между всевозможными признаками, интересами и способностями соціальныхъ группъ.

Каждая соціальная группа характеризуется проявленіемъ солидарности внутри ея и антагонизма по отношенію къ другимъ группамъ того же типа. Каждая соціальная группа опредѣляется вполнѣ, какъ координатами, типическимъ признакомъ, типическимъ интересомъ и особыми способностями, заключающимися въ сознаніи, силахъ и окружающей физической средѣ. Всѣ эти элементы могутъ служить, каждый въ отдѣльности, исходнымъ пунктомъ для классификаціи соціологическихъ или историческихъ теорій, построенныхъ на признаніи основной, либо преобладающей роли того или другого начала.

Такъ, историческія теоріи могутъ быть прежде всего раздѣлены на двѣ категоріи, смотря по тому, приписывается ли въ нихъ преобладающая роль въ развитіи человѣчества, обществъ и вообще соціальныхъ группъ антагонизму и борьбѣ, или солидарности. Борьба, какъ существенное начало общественнаго развитія, лежитъ въ основѣ, наприкладъ, теоріи Вико, теоріи Канта, теоріи Маркса, теорій соціологовъ-дарвинистовъ. Напротивъ того, центръ тяжести теорій гармонистовъ и органицистовъ лежитъ въ солидарности индивидуумовъ и соціальныхъ группъ: у гармонистовъ подобная солидарность вытекаетъ изъ признаваемого ими принципа гармоніи интересовъ; у органицистовъ уподобленіе человѣчества, общества или вообще соціальной группы биологическому организму само собою ведетъ къ признанію существованія между индивидуумами и между группами солидарности подобной той, которая существуетъ между членами одного и того же организма. Отрицаніе борьбы, какъ основной движущей силы исторіи, не составляетъ, впрочемъ, непремѣнной монополіи школы гармонистовъ и школы органической. Такъ, по мнѣнію Тарда, творческая роль въ историческомъ процессѣ принадлежитъ не борьбѣ, а росту идей и симпатическимъ чувствамъ ¹⁾ Наконецъ, возможны теоріи, признающія значеніе обоихъ противоположныхъ началъ въ комбинированномъ видѣ.

¹⁾ G. Tarde, *L'opposition universelle*, стр. 367—372.—См. также *Annales de l'Institut International de Sociologie*, t. VIII, Paris 1902, стр. 285.

Историческія теоріи, выдвигающія борьбу, какъ основную причину общественнаго развитія, могутъ различаться одна отъ другой, смотря по формѣ борьбы, которой онѣ отводятъ центральное мѣсто: то это — соперничество между индивидуумами и социальными группами, какъ въ социальномъ дарвинизмѣ; то это — борьба ради угнетенія, или противъ угнетенія, какъ въ теоріи экономического матеріализма; то это — обѣ формы борьбы, какъ напримѣръ, въ теоріи борьбы расъ Гумпловича или въ теоріи отборныхъ группъ Парето.

Историческія и социологическія теоріи могутъ быть, далѣе, классифицированы соотвѣтственно тому основному типу социальной группы, т. е. тому признаку, или тому основному интересу, или той основной способности, однимъ словомъ, соотвѣтственно тому основному характеристическому элементу, который является исходнымъ пунктомъ теоріи.

Въ органическихъ теоріяхъ общества социальной группой, уподобляемою организму, по признаку, является то общество, то государство, то церковь, то все человѣчество. Въ теоріяхъ расовой борьбы и въ теоріяхъ антропосоциологическихъ (Гобино, Гумпловичъ, Лапужъ, Аммонъ) основными, по типическому признаку, группами выступаютъ племя и раса. Въ теоріяхъ классовой борьбы основнымъ признакомъ является признакъ классовой, какъ признакъ экономическихъ группъ, находящихся во взаимныхъ отношеніяхъ экономического антагонизма, вытекающаго изъ существованія іерархіи и соперничества. Въ другихъ теоріяхъ за основной типическій признакъ можетъ приниматься признакъ социального класса, какъ группы профессиональной ¹⁾.

Принять какой-нибудь типическій признакъ за основной, сдѣлать его исходнымъ пунктомъ общественнаго развитія, приписать ему значеніе опредѣляющаго фактора историческаго процесса — это значитъ признать, что именно социальныя группы, характеризуемыя этимъ типическимъ признакомъ, обладаютъ способностями, которыя, приводя въ движеніе дѣятельность группъ, направленную на достиженіе цѣлей, выдвигаемыхъ ихъ интересами, опредѣляютъ всецѣло ходъ историческаго развитія общества.

Возьмемъ, напримѣръ, теорію расовой борьбы и ученіе антропосоциологовъ. Для Гобино прогрессивная и регрессивная эволюція обществъ и странъ находитъ свое объясненіе въ эволюціи чистыхъ или смѣшанныхъ расъ. Для Гумпловича движущая сила исторіи заключается въ борьбѣ расъ за господство, законъ исторіи — вѣчная борьба расъ, и различіе классовъ сводится къ различію расъ. Для Коллинъона всѣ формы классовой борьбы по существу являются формами борьбы расъ. Для Лапужа измѣненіе этническаго и расоваго характера элементовъ, составляющихъ данное общество, объясняетъ всю историческую судьбу этого общества: способности индивидуумовъ и группъ зависятъ отъ формы и объема черепа, отъ чистоты антропологическаго

¹⁾ Arth. Bauer, Les classes sociales, Paris 1902, стр. 56.

типа; неодинаковость силы характера, интеллектуальных дарований, способности къ размноженію, восприимчивости къ цѣлесообразнымъ измѣненіямъ зависятъ отъ расы и, въ борьбѣ между антропологическими группами, заранее опредѣляетъ траекторію историческаго развитія. Для Аммона не соціологія выводится изъ политической экономіи, а наоборотъ политическая экономія выводится изъ соціологіи, которая для него, Аммона, есть не что иное, какъ антропосоціологія ¹⁾. Во всѣхъ этихъ теоріяхъ принадлежность къ расѣ соединяется съ соотвѣтственными расовыми способностями, которыя играютъ рѣшающую роль въ борьбѣ людей за ихъ интересы и тѣмъ обращаютъ историческій процессъ въ процессъ дѣятельности, борьбы, развитія или упадка расъ. Въ антропосоціологическихъ теоріяхъ «раса» играетъ роль, во многихъ отношеніяхъ аналогичную той, которую «классъ» играетъ въ теоріи экономического матеріализма.

Существуетъ другой разрядъ историческихъ и соціологическихъ системъ, въ которыхъ центральное мѣсто отводится нѣкоторому опредѣленному интересу. Это можетъ быть какой-нибудь опредѣленный интересъ, одинъ изъ тѣхъ, которые свойственны всѣмъ людямъ, или опредѣленный интересъ общества въ цѣломъ, или опредѣленный интересъ нѣкоторой соціальной группы. Такъ, въ ученіяхъ соціальнаго дарвинизма за исходный пунктъ общественнаго развитія принимается интересъ борьбы за существованіе, а также половой интересъ: борьба за эти интересы приводитъ къ выживанію наиболѣе приспособленныхъ, видоизмѣняя признаки и способности индивидуумовъ и группъ. Въ ученіяхъ провиденціалистовъ-теологовъ и нѣкоторыхъ провиденціалистовъ-метафизиковъ историческимъ процессомъ управляетъ интересъ религіозный, какъ интересъ трансцендентальной воли; но и въ теоріяхъ нѣкоторыхъ историковъ-раціоналистовъ, какъ у Фюстель-де-Куланжа по отношенію къ древней общинѣ, отчасти у Ог. Конта и Ренана, основнымъ факторомъ общественной жизни, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ періодовъ, являются религіозные интересы общества. Въ теоріи экономического матеріализма центральное мѣсто занимаютъ экономическіе интересы то общества въ цѣломъ, то отдѣльныхъ классовъ общества.

Къ третьему разряду принадлежатъ соціальныя или философско-историческія теоріи, въ которыхъ первенствующая роль отводится опредѣленной категоріи способностей общества—сознанію, силамъ или физической средѣ, въ которой живетъ общество. Въ подобныхъ

1) L. Gumplowicz, Der Rassenkampf.—Vucher de Lapouge, Les sélections sociales, стр. 69—72.—Его же, L'Aryen, стр. 387, 395—398, 405—408, 413, 433.—Otto Ammon, Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen, 2-е Aufl. Jena 1896, стр. 2.—C. Bouglé, La démocratie devant la science, стр. 39, 77 и 78.—Слѣдуетъ замѣтить, что широкое и даже расплывчатое опредѣленіе, которое Гумпловичъ въ послѣдствіи далъ „расѣ“, лишило его теорію того монистическаго характера, на который она претендовала. См. L. Gumplowicz, Grundriss der Soziologie, 2-а Aufl. Wien 1905, стр. 244.

теоріяхъ движущою силою историческаго процесса является то умственное развитіе общества, или ростъ интеллекта (Бокль, Дюрингъ, Тардъ), то климатъ и географическая среда общества (Монтескье, отчасти Бокль и Гелльвальдъ), то технико-экономическія, или производительныя силы общества (Марксъ и Энгельсъ). Вундтъ относитъ къ одному разряду «одностороннія», по основному принципу, теоріи «экономическаго матеріализма» и «натуралистическаго интеллектуализма» ¹⁾.

Система экономическаго матеріализма принадлежитъ одновременно ко всѣмъ тремъ разрядамъ соціально-философскихъ теорій: къ первому—по выдвигаемому ею основному значенію борьбы классовъ въ историческомъ процессѣ, ко второму—по взгляду на экономическіе интересы, какъ на первенствующіе въ образованіи и развитіи общественной жизни, къ третьему—по приписываемой производительнымъ силамъ роли движущей силы исторіи.

Три начала—борьба классовъ изъ-за антагонистическихъ интересовъ, требованіе удовлетворенія экономическихъ интересовъ общества и развитіе производительныхъ силъ общества—отнюдь не эквиваленты. Между тѣмъ всѣ эти три начала одинаково входятъ въ теорію экономическаго матеріализма, составляя сущность ея основныхъ принциповъ. Теорія экономическаго матеріализма есть не только теорія борьбы классовъ, но и теорія экономическихъ интересовъ общества, и теорія развитія производительныхъ силъ, какъ движущей силы исторіи. Отсюда слѣдуетъ, что зависимость между характеристическими элементами соціальныхъ группъ она связываетъ не однимъ, а нѣсколькими уравненіями; она формулируетъ не одинъ, а нѣсколько законовъ соціальной динамики.

II.

Для надлежащаго пониманія теоріи классовой борьбы въ схемѣ Маркса и Энгельса, слѣдуетъ прежде всего уяснить себѣ точный смыслъ, который они придавали въ своемъ ученіи термину «классъ».

Мы опредѣлили «классъ», какъ соціальную группу, обладающую общимъ для входящихъ въ нее индивидуумовъ экономическимъ признакомъ и общими экономическими интересами, способными стать въ отношенія антагонизма къ интересамъ другихъ группъ того же типа.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пониманіе «класса» въ теоріи Маркса и Энгельса не противорѣчитъ данному нами опредѣленію. Но не страдаетъ ли наше опредѣленіе черезъ чуръ большою общностью, когда оно примѣняется къ истолкованію воззрѣній Маркса и Энгельса? Не тре-

¹⁾ Wilhelm Wundt, Logik, B. II, Zweite Abtheilung, 2-e Aufl., Stuttgart 1895, стр. 324—326.

буютъ ли послѣднія болѣе конкретнаго опредѣленія экономическаго признака класса, а именно ограниченія этого признака нѣкоторою под-типическою его разновидностью.

Ни Марксъ, ни Энгельсъ не даютъ нигдѣ положительнаго опредѣленія термина «классъ», какъ они его понимаютъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они дѣлаютъ указанія относительно того, что не можетъ служить основаніемъ для характеристики класса.

Извѣстно, что третій томъ «Капитала» Маркса обрывается какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ должно было быть дано опредѣленіе общественнаго класса. Здѣсь, говоря о трехъ обширныхъ классахъ современнаго общества—землевладѣльцахъ, капиталистахъ и пролетаріяхъ,—Марксъ предостерегаетъ противъ признанія «тожества доходовъ и источниковъ доходовъ» за основной признакъ класса. «Съ этой точки зрѣнія, врачи, напимѣръ, или чиновники точно также образовали бы два класса, при чемъ доходы сочленовъ cadaго изъ нихъ получаются изъ одного и того же источника. То же самое относилось бы къ безконечнымъ раздробленіямъ интересовъ и положеній, на которыхъ, благодаря раздѣленію общественнаго труда, распадаются какъ рабочіе, такъ и капиталисты, и землевладѣльцы — послѣдніе, напр., какъ владѣльцы виноградниковъ, пахатной земли, лѣса, нѣдръ земли съ ископаемыми богатствами, рыбныхъ ловель» ¹⁾. Здѣсь, стало быть, Марксъ высказывается противъ отождествленія классовъ съ группами профессиональными.

Съ другой стороны, еще въ полемикѣ съ Гейнценомъ, Марксъ рѣзко высмѣялъ отождествленіе первымъ различія классового съ различіемъ въ «размѣрахъ кошелька»: «Объемъ кошелька—это чисто количественное различіе, которымъ два индивидуума одного и того же класса могутъ быть превосходно натравлены другъ противъ друга» ²⁾. Ясно, что для Маркса величина имущественнаго обезпеченія и дохода отнюдь не является критеріумомъ различія въ классовомъ положеніи.

Въ одномъ примѣчаніи къ нѣмецкому переводу «*Misère de la Philosophie*» Фридр. Энгельсъ говоритъ: «Буржуазная революція уничтожила сословія, вмѣстѣ съ ихъ привилегіями. Буржуазное общество знаетъ только классы» ³⁾. Здѣсь сословіе противопоставляется классу. За классъ принимается экономическая группа открытая, не осложненная политико-юридическими нормами или привилегіями.

Говоря о роли французскихъ крестьянъ въ событіяхъ, обусловившихъ государственный переворотъ, совершенный Луи-Наполеономъ, Марксъ говоритъ: «Поскольку мелкое крестьянство живетъ въ экономической обстановкѣ, которая накладываетъ общую печать на его об-

¹⁾ Марксъ, Капиталъ, т. III, Спб. 1896, стр. 734.

²⁾ K. Marx und F. Engels, Aus dem literarischen Nachlass, B. II, Stuttgart 1902, стр. 466—467.

³⁾ К. Марксъ, Нищета философіи, русскій перев. 1886 г., стр. 147.

разъ жизни, интересы и умственное развитіе и ставить его тѣмъ самымъ въ враждебное отношеніе къ другимъ классамъ,—оно образуетъ классъ. Поскольку между мелкими крестьянами существуетъ лишь связь по мѣсту жительства, поскольку тожество ихъ интересовъ не создаетъ между ними общей національной связи, общей политической организаціи, — они не образуютъ класса»¹⁾. Здѣсь въ понятіе класса Марксъ включаетъ требованіе нѣкоторой степени сознательности и организованности, — иначе говоря, здѣсь Марксъ связываетъ опредѣленіе классового признака съ нѣкоторою категоріею способностей.

Слѣдуетъ ли изъ приведенныхъ цитатъ, что Марксъ и Энгельсъ, формулируя основныя положенія своей теоріи классовой борьбы, всегда держались означенныхъ рамокъ и ограниченій, когда оперировали надъ терминомъ «классъ»? Нѣтъ, ибо другія мѣста изъ произведеній тѣхъ же изслѣдователей доказываютъ совершенно противоположное.

Въ «Нищетѣ философіи» Марксъ говоритъ: «Съ самаго начала цивилизаціи въ основаніе производства ложится антагонизмъ сословій, состояній, классовъ, наконецъ,—антагонизмъ накопленнаго труда и труда живого»²⁾. Знаменитое начало «Манифеста Коммунистической Партіи» гласитъ слѣдующее: «Вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ... Въ историческія эпохи, предшествующія нашей, мы находимъ почти повсюду полное расчлененіе общества на различныя сословія, цѣлую лѣстницу различныхъ общественныхъ положеній. Въ древнемъ Римѣ мы встрѣчаемъ патриціевъ, всадниковъ, плебеевъ и рабовъ. Въ Средніе вѣка появляются сюзерены, вассалы, цеховые мастера, подмастерья и крѣпостные. И въ каждомъ изъ этихъ классовъ существуютъ еще особые подраздѣленія. Выросшее на развалинахъ феодализма, современное буржуазное общество не уничтожило различія классовъ. Оно только поставило новые классы на мѣсто старыхъ, выработало новые способы угнетенія и новые виды борьбы». Для Маркса, слѣдовательно, патриціи, плебеи, рабы, крѣпостные—это также классы, хотя и классы замкнутые. Если бы Марксъ и Энгельсъ понимали подъ «классами» только открытыя экономическія группы, чуждыя политико-юридическихъ привилегій, однимъ словомъ, классы въ современномъ смыслѣ, то ихъ теорія классовой борьбы имѣла бы свое существенное примѣненіе только къ новой исторіи и не могла бы служить для истолкованія исторіи прежнихъ эпохъ. Въ одно и то же время Марксъ и Энгельсъ отличаютъ «классы» отъ «сословій», т. е. отъ закрытыхъ группъ, и кладутъ «антагонизмъ сословій, состояній, классовъ» въ основаніе производства съ самаго начала цивилизаціи. Отсюда слѣдуетъ, что Марксъ и Энгельсъ употребляютъ терминъ

¹⁾ К. Марксъ, Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта, пер. В. Н. Кричевскаго, Спб. 1906, стр. 90.

²⁾ Марксъ, Нищета философіи, стр. 36.

«классъ» въ двоякомъ смыслѣ: въ болѣе узкомъ, понимая подъ классомъ лишь открытыя экономическія группы, не ограничѣнные какими-либо привилегіями политико-юридическаго свойства какъ положительными, такъ и отрицательными, и въ болѣе широкомъ смыслѣ, включая въ понятіе класса и экономическія группы, осложненныя спеціальными правовыми нормами, какъ сословія и касты¹⁾. Въ примѣненіи своей теоріи классовой борьбы ко всей области исторіи Марксъ и Энгельсъ обыкновенно употребляютъ терминъ «классъ» въ болѣе широкомъ смыслѣ.

Но разъ понятіе класса охватываетъ, въ своемъ болѣе широкомъ значеніи, и сословія, и касты, то этимъ самымъ открывается дверь для включенія въ то же понятіе и нѣкоторыхъ категорій профессиональныхъ группъ. Ибо существованіе кастъ и сословій предполагаетъ не только наслѣдственность ранга, но и наслѣдственность нѣкоторыхъ профессій либо права на нѣкоторыя профессии. Но въ данномъ случаѣ классовой признакъ создается не столько особенностью профессіи, сколько ея привилегированнымъ — въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ — характеромъ, который является источникомъ устойчиваго антагонизма. Если опредѣленная профессія или категорія профессій объединяетъ людей въ спеціальную группу со спеціальными интересами, которые могутъ стать въ отношенія устойчиваго антагонизма къ другимъ общественнымъ группамъ, то подобная профессиональная группа получаетъ признаки особаго класса или особаго подкласса. Но отношенія антагонизма могутъ возникать не только изъ юридически привилегированнаго положенія профессіи, но и изъ другихъ причинъ и условій, находящихся въ связи съ характеромъ профессіи. Тогда понятно, что Марксъ, вопреки указанному мѣсту, на которомъ прерывается 3-й томъ «Капитала», ставитъ иногда на одинъ уровень съ классами въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и такія профессиональныя группы, которыя чужды кастовыхъ или сословныхъ ограниченій. Такъ, по поводу побѣды буржуазной республики надъ пролетаріатомъ, возставшимъ въ іюньскіе дни, Марксъ говоритъ: «На ея сторонѣ стояли финансовая аристократія, промышленная буржуазія, мелкій буржуа, армія, организованный въ летучую гвардію «пролетаріатъ паразитовъ» (*Lumpproletariat*), представители либеральныхъ профессій, попы и сельское населеніе»²⁾. Въ другомъ мѣстѣ той же книги Марксъ говоритъ: «Матеріальныя интересы французской буржуазіи тѣснѣйшимъ образомъ связаны какъ разъ съ сохраненіемъ этой огромной, развѣтвляющейся во всѣ стороны государственной машины. Здѣсь буржуазія пристраиваетъ свое излишнее населеніе и пополняетъ чиновническими окладами то, что не попадаетъ

¹⁾ Для Шмоллера существенной разницы нѣтъ между сословіемъ и кастою. — Итальянскій марксистъ (впрочемъ, не совсѣмъ чистый марксистъ) Энр. Ферри приводитъ примѣры кастовыхъ и сословныхъ различій, какъ разновидности различій классовыхъ (Коллектизмъ и позитивная наука, стр. 48).

²⁾ Ницета философіи, стр. 13.

въ ея карманъ въ формѣ прибыли, процентовъ, ренты и гонорара» ¹⁾. Такимъ образомъ, у Маркса, армія, духовенство и представители либеральныхъ профессій, т. е. группы профессиональныя, и при томъ такія профессиональныя группы, которыя не принимаютъ участія въ процессѣ матеріальнаго производства, входятъ отдѣльными членами въ тотъ самый союзъ, гдѣ въ качествѣ другихъ членовъ выступаютъ такіе классы, какъ финансовая аристократія, промышленная буржуазія и крестьянство; гонораръ, т. е. доходъ представителей либеральныхъ профессій, выступаетъ, какъ форма дохода, коррелятивная формамъ дохода трехъ главныхъ буржуазныхъ классовъ — промышленныхъ предпринимателей, финансистовъ и землевладѣльцевъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ Марксъ, стало быть, считаетъ цѣлесообразнымъ выдѣлять особыя профессиональныя группы, какъ отдѣльные классы или подклассы.

Въ марксистской литературѣ довольно часто обсуждался вопросъ, составляютъ ли группы, не принимающія участія въ процессѣ матеріальнаго производства, какъ армія, духовенство, бюрократія, интеллигенція, особыя классы, или же онѣ должны быть причислены къ классамъ, занимающимъ типическое положеніе въ производствѣ. Марксисты и истолкователи марксизма по большей части находили болѣе правильнымъ относить индивидуумовъ, входящихъ въ подобныя группы, либо къ буржуазіи, либо къ пролетаріату ²⁾. Но почему Марксъ признавалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимымъ отдѣлять ихъ особо отъ буржуазіи и пролетаріата? Каковъ экономическій признакъ группъ, не принимающихъ участія въ экономическомъ производствѣ? И какимъ экономическимъ признакомъ руководствуются марксисты, не признающіе подобныхъ группъ особыми классами, когда они относятъ ихъ то къ буржуазіи, то къ пролетаріату?

Основаніемъ выдѣленія нѣкоторыхъ профессиональныхъ группъ въ качествѣ особыхъ классовъ или подклассовъ является существованіе развиваемыхъ ими специальныхъ антагонизмовъ, обладающихъ характеромъ устойчивости. Но съ какимъ экономическимъ признакомъ связаны антагонизмы профессиональныхъ группъ, не участвующихъ въ экономическомъ производствѣ?

Такъ какъ экономическій признакъ подобныхъ группъ не можетъ вытекать изъ экономическаго производства, то онъ беретъ свое содержаніе изъ экономическаго распредѣленія: доходъ ихъ представляетъ нѣкоторую часть дохода общественнаго. Если оставить въ сторонѣ интересы не-экономическаго типа и между прочимъ

¹⁾ Л. с., стр. 42.—Интересно сопоставить съ приведенною цитатою слѣдующее мѣсто изъ 2-го тома „Капитала“: „Есть только двѣ исходныя точки: капиталистъ и рабочій. Всякія иныя лица должны получать деньги за услуги отъ этихъ двухъ классовъ, но поскольку они получаютъ ихъ безъ выполненія какихъ бы то ни было услугъ съ своей стороны, они оказываются совладѣльцами сверхстоимости въ видѣ ренты, процента и т. д. (Марксъ, Капиталъ, т. II, 1887, стр. 246).

²⁾ Письма къ Ф. А. Зорге, Спб. 1907, стр. 37.—С h. A n d l e r, Le Manifeste Communiste, Paris 1901, стр. 37.

интересы идейные, приходится, съ точки зрѣнія теоріи Маркса, признать, что положеніе подобныхъ группъ, какъ особыхъ классовъ или подклассовъ, опредѣляется свойствами ихъ дохода—его величиною или его зависимостью отъ доходовъ или самаго существованія другихъ классовъ. Величина дохода и характеръ зависимости его отъ другихъ типовъ дохода порождаютъ тѣ формы солидарности и антагонизма, которыя въ изслѣдованіяхъ классового состава общества — какъ въ марксистской, такъ и въ немарксистской литературѣ,—побуждаютъ проводить классификацію, беря за исходный критеріумъ то положеніе въ производствѣ, то профессиональный признакъ, то величину дохода ¹⁾).

Несмотря на утвержденія противоположнаго, Марксъ и его школа видятъ себя часто въ необходимости пользоваться признакомъ размѣровъ дохода и имущественнаго обезпеченія, какъ однимъ изъ классовыхъ критеріумовъ. Для тѣхъ, которые признаютъ, что «количественныя измѣненія переходятъ въ качественныя», это вполне понятно. Ибо иначе какъ можно было бы противопоставлять «мелкую буржуазію» съ ея спеціальною идеологіею другимъ буржуазнымъ классамъ? И Марксъ и Энгельсъ поэтому говорятъ иногда о классѣ бѣдныхъ и о классѣ богатыхъ, не связывая непременно съ этими терминами условія особаго положенія въ производствѣ того или другого класса, но связывая во всякомъ случаѣ съ ними условіе существованія нѣкотораго экономического антагонизма ²⁾).

Отсюда слѣдуетъ, что Марксъ и Энгельсъ, при опредѣленіи класса, руководствуются не только существованіемъ особой подтипической формы экономического признака, сколько тѣмъ, чтобы существующій экономическій признакъ, какова бы ни была его форма, лежалъ въ основѣ появленія какой-нибудь устойчивой формы экономического антагонизма.

На значеніи момента антагонизма для опредѣленія класса настаиваетъ особенно сильно и К. Каутскій ³⁾. Даже противоположность классовыхъ интересовъ между крестьянствомъ и пролетаріатомъ Каутскій, этотъ самый видный теоретикъ современной марксистской школы, видитъ въ антагонизмѣ, происходящемъ отъ того, что крестьяне являются продавцами тѣхъ самихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которыхъ покупателями являются рабочіе ⁴⁾. Замѣтимъ, что тотъ же самый Каутскій неоднократно высказывался противъ англійскихъ тредъ-юніонистовъ и ихъ идеологіи, не усматривающей между пролетаріемъ и капиталистомъ другой противоположности интересовъ, нежели

¹⁾ К. К а у т с к у, Klasseninteresse—Sonderinteresse—Gemeininteresse, въ *Neue Zeit*, XI, 1902—1903, стр. 241—242.—С h. M a l a t o, Les classes sociales au point de vue de l'évolution zoologique, Paris 1907, стр. 31—32.

²⁾ М а р к с ъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 5.—Ф р. Э н г е л ь с ъ, Происхождение семьи, собственности и государства, Спб. 1904, стр. 147, 149, 151—152, 158.

³⁾ К. К а у т с к у, Klasseninteresse, l. c., 241 и 242.

⁴⁾ К а у т с к у, Die Agrarfrage, Stuttgart, 1899, стр. 308.

та, которая существует между продавцом и покупателем, въ данномъ случаѣ между продавцом и покупателемъ рабочей силы.

Существованіе антагонизма между двумя классами можетъ сопровождаться достаточнымъ сознаніемъ этого антагонизма, присущимъ тому или другому изъ враждебныхъ классовъ; оно можетъ соединяться, но можетъ и не соединяться съ существованіемъ у того или другого класса силъ, достаточныхъ для того, чтобы поднять борьбу. Однимъ словомъ, не можетъ быть класса безъ опредѣленнаго экономического признака и безъ опредѣленнаго экономического интереса, создающаго состояніе антагонизма; но классъ можетъ обладать достаточными способностями, обуславливающими возможность борьбы, и тогда это классъ совершенный, или же классъ не обладаетъ подобными способностями, и тогда это—классъ несовершенный. Марксъ употребляетъ терминъ «классъ» то въ общемъ смыслѣ, примѣнимомъ къ классамъ и совершеннымъ, и несовершеннымъ, то въ частномъ смыслѣ, примѣнимомъ лишь къ классамъ совершеннымъ. Этимъ объясняется одновременное признаніе Марксомъ крестьянства за классъ и отрицаніе за крестьянствомъ характера класса. Этимъ объясняется то, что въ марксистской литературѣ опредѣленіе класса часто включаетъ въ себя требованіе спеціальнаго сознанія или спеціальной идеологіи ¹⁾. Но подобное ограниченіе понятія класса можетъ быть допущено въ школѣ Маркса лишь для спеціальныхъ случаевъ; оно не можетъ имѣть примѣненія въ философско-исторической теоріи классовой борьбы, такъ какъ оно не только противорѣчило бы многочисленнымъ утвержденіямъ и Маркса, и Энгельса, но оно или ограничивало бы область примѣненія этой теоріи, или вводило бы въ самое опредѣленіе класса данныя, нуждающіяся еще въ доказательствахъ.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что Марксъ и Энгельсъ употребляли терминъ «классъ» то въ болѣе широкомъ, то въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, и что они придавали этому термину то болѣе общее, то болѣе частное значеніе. Но, въ философско-исторической теоріи классовой борьбы, терминъ «классъ» обыкновенно понимался въ своемъ болѣе широкомъ и болѣе общемъ значеніи.

III.

Каковы же основныя положенія философско-исторической теоріи классовой борьбы?

¹⁾ Eug. Dietzgen, Sombarts Schrift, въ Neue Zeit, B. XXIV, 1905—1906, стр. 446.—С. Н. Прокоповичъ, Къ критикѣ Маркса, стр. 213.—А. Богдановъ, Эмпириомонизмъ, Книга III, Спб. 1906, стр. 89, 95—96, 98—99.—По мнѣнію этого послѣдняго автора, «рабамъ такъ и не удалось никогда возвыситься до степени класса» (стр. 96). Между тѣмъ Марксъ въ самомъ началѣ «Манифеста» приводитъ раба, какъ примѣръ борющагося класса, а Энгельсъ въ «Происхожденіи семьи» неоднократно говоритъ о «классѣ рабовъ» (напр. стр. 158). Все это объясняется употребленіемъ термина «классъ» то въ общемъ, то въ частномъ смыслѣ.

«Вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ».

Такъ гласить начало «Манифеста Коммунистической Партіи», впоследствии дополненное примѣчаніемъ, поясняющимъ, что здѣсь идетъ лишь рѣчь объ исторіи, «о которой существуютъ письменныя свѣдѣтельства».

«Всѣ донинѣ существовавшіе виды общественнаго устройства основывались... на противоположности угнетаемыхъ и угнетающихъ классовъ».

«Исторія всѣхъ донинѣ существовавшихъ обществъ основывалась на противоположности классовъ, принимавшей въ различныя эпохи различные виды».

«Несмотря на различіе въ своихъ формахъ, эксплуатація одной части общества другою является фактомъ, общимъ всѣмъ прошлымъ столѣтіямъ» ¹⁾.

Въ «Анти-Дюрингѣ» и въ «Развитіи научнаго социализма» Энгельсъ говоритъ о «всей прежней исторіи», что «вся она, за исключеніемъ первобытнаго состоянія, была исторіею борьбы классовъ» ²⁾.

Слѣдуетъ ли понимать цитированныя мѣста въ томъ смыслѣ, что все содержаніе исторіи наполнено только классовою борьбою?

Давать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ значило бы утверждать, что въ исторіи не было ничего другого сверхъ, во-первыхъ, борьбы и сверхъ, во-вторыхъ, классовой борьбы.

Но борьба человѣка съ человѣкомъ возможна лишь тогда, когда люди живутъ и трудятся, и это—борьба ради опредѣленныхъ жизненныхъ цѣлей и опредѣленныхъ результатовъ труда. Можно ли говорить о борьбѣ человѣка съ человѣкомъ тогда, когда нѣтъ борьбы человѣка съ природою? Мысль о томъ, что исторія состоитъ только изъ борьбы человѣка съ человѣкомъ, слишкомъ парадоксальна, чтобы ее можно было приписывать Марксу и Энгельсу.

Отсюда слѣдуетъ, что Марксъ и Энгельсъ не могли понимать своего «закона классовой борьбы» въ томъ смыслѣ, что классовая борьба наполняетъ исключительно все содержаніе исторіи. Они могли понимать его лишь въ томъ смыслѣ, что классовая борьба была общимъ явленіемъ, входившимъ въ содержаніе всей писаной исторіи: во всѣ эпохи и во всѣхъ обществахъ, существовавшихъ послѣ разложенія родового быта, существовали классы, и между ними всегда происходила классовая борьба.

Для Маркса и Энгельса, такимъ образомъ, классовая борьба—неизбѣжный элементъ всей прежней общественной исторіи.

Значитъ ли это, что для Маркса и Энгельса классовая борьба исчерпываетъ всѣ формы социальной борьбы въ исторіи?

¹⁾ М а н и ф е с т ъ (О коммунизмѣ), переводъ Г. Плеханова, Книгоиздательство „Буревѣстникъ“, Одесса, 1905, стр. 11 и 18.

²⁾ Engels, Anti-Dühring, Leipzig, 1877, стр. 9.

Если классовая борьба исчерпываетъ всѣ формы соціальной борьбы, то «законъ классовой борьбы» Маркса и Энгельса представляется, по отношенію ко всѣмъ видамъ соціальныхъ конфликтовъ, универсальнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ даетъ одну общую формулу и одно общее объясненіе для всѣхъ категорій антагонизмовъ и для всѣхъ типовъ соціальной борьбы, какіе только знала до сихъ поръ исторія. Въ противномъ случаѣ, тотъ же самый «законъ классовой борьбы», наоборотъ, лишень универсальнаго характера, дѣлающаго его примѣнимымъ для объясненія всѣхъ формъ антагонизмовъ и борьбы, которыя тогда не могутъ быть охвачены единою формулою, а допускаютъ научное истолкованіе, которое можетъ быть основано на принятіи не только «закона классовой борьбы», но и другихъ законовъ, не укладывающихся въ рамки чистаго классоваго принципа.

Въ марксистской школѣ существуетъ тенденція признавать «законъ классовой борьбы» универсальнымъ въ указанномъ смыслѣ. Впрочемъ, произведенія какъ Маркса и Энгельса, такъ и ихъ послѣдователей, даютъ матеріалы, допускающіе пониманіе этого закона то какъ принципа универсальнаго, то какъ принципа ограниченнаго. Вопросъ остается открытымъ. Впослѣдствіи мы убѣдимся, что одна изъ причинъ, въ силу которыхъ предѣлы компетенціи «закона классовой борьбы» остаются не выясненными, заключается въ игнорированіи различія характеристическихъ элементовъ соціальныхъ группъ, въ смѣшеніи признака съ интересомъ или со способностями.

Въ предисловіи къ третьему нѣмецкому изданію «Восемнадцатаго Брюмера» Энгельсъ говоритъ: «Никто иной, какъ Марксъ впервые открылъ великій законъ историческаго движенія,—законъ, по которому всякая историческая борьба,—совершается ли она въ политической, религіозной, философской или въ какой-либо другой идеологической области,—въ сущности является только болѣе или менѣе яснымъ выраженіемъ борьбы общественныхъ классовъ» ¹⁾).

Въ этихъ словахъ Энгельса заключается, повидимому, признаніе «закона классовой борьбы» за законъ универсальный, согласно которому всякая историческая борьба сводится на борьбу классовую.

Не слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ, на примѣръ, и международныя столкновенія считать за выраженіе классовой борьбы?

Извѣстно, что нѣмецкій экономистъ Вернеръ Зомбартъ высказалъ взглядъ о недостаточности принципа классовой борьбы и о необходимости дополнить его принципомъ борьбы націй ²⁾. Съ этой точки зрѣнія, принципъ классовой борьбы не можетъ быть принимаемъ за универсальное начало, ибо тогда является другое начало, съ нимъ конкурирующее, а именно начало борьбы между обществами и государствами.

¹⁾ Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 2.

²⁾ Werner Sombart, Sozialismus und soziale Bewegung im neunzehnten Jahrhundert, Jena, 1897, стр. 1—2.

Интересно, что г. Плехановъ, русскій комментаторъ Маркса, по существу соглашается съ Зомбартомъ и только упрекаетъ послѣдняго въ томъ, что онъ выдаетъ за поправку и дополненіе къ Марксу то, что составляетъ собственную мысль Маркса. «Когда авторы «Манифеста» говорятъ, что буржуазія каждой данной страны ведетъ непрерывную борьбу съ буржуазіею другихъ странъ, то они имѣютъ въ виду борьбу между государствами, международную или—по терминологіи г. Вернера Зомбарта—національную борьбу. А когда они говорятъ, что вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ, они подразумѣваютъ исторію гражданскаго общества или, иначе, внутреннюю исторію государства. Эта исторія была, по ихъ мнѣнію, исторіей борьбы классовъ» ¹⁾.

Впрочемъ, разъясненіе Маркса г. Плехановымъ само страдаетъ отсутствіемъ ясности. Одно изъ двухъ, въ основѣ исторіи лежатъ или два начала, или одно начало. Если въ основѣ исторіи лежатъ два начала—начало классовой борьбы и начало національной борьбы, то каковъ тотъ законъ, который формулируется вторымъ началомъ? И какъ съ этимъ согласить слова Энгельса, что «всякая (курсивъ нашъ) историческая борьба... въ сущности является только болѣе или менѣе яснымъ выраженіемъ борьбы общественныхъ классовъ?» И какъ тогда объяснить возраженіе самого г. Плеханова противъ указанія проф. Карѣва на значеніе расоваго начала, признаваемое Огюстеномъ Тьерри? ²⁾. Если же въ основѣ исторіи лежитъ въ концѣ концовъ только одно начало классовой борьбы, то какой смыслъ имѣетъ тогда различеніе борьбы внутри общества отъ борьбы между обществами и требованіе примѣненія начала классовой борьбы только ко «внутренней исторіи государствъ?» Или, быть можетъ, общества, государства, націи, расы тоже суть классы? Но тогда какой смыслъ имѣетъ возраженіе проф. Карѣву? И какой смыслъ вообще имѣетъ тогда теорія классовой борьбы? Что тогда—не классъ? Вѣдь тогда, какъ уже замѣтилъ Штаммлеръ, всякую социальную группу и внутри общества, объединенную какимъ угодно общимъ интересомъ, можно было бы называть классомъ, и тогда такая теорія классовой борьбы была бы, въ извѣстныхъ предѣлахъ, безошибочна, ибо—скажемъ мы—она была бы тогда простой тавтологіею ³⁾. Что же касается ссылки г. Плеханова на то, что «завоеваніе одной расы другою» совершается «ради положительныхъ (имущественныхъ) интересовъ» ⁴⁾, то оно свидѣлствуетъ о крайней путаницѣ идей у этого преданнаго Марксу комментатора, въ данномъ случаѣ смѣшиваю-

¹⁾ Манифестъ, Предисловіе Г. Плеханова, стр. XXVIII.

²⁾ Ibid, стр. XXXIII—XXXIII.

³⁾ Rud. Stammler, Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung, Leipzig, 1896, стр. 395.

⁴⁾ Г. Плехановъ въ подобномъ примѣненіи матеріалистическаго пониманія исторіи сходится до полнаго тождества съ небезызвѣстнымъ Лоріа. См. Loria, Le basi economiche della costituzione sociale, 3-е изд., стр. 428 (ссылка на Огюст. Тьерри и на экономическій интересъ завоеванія Англіи норманами).

шаго экономическій интересъ съ экономическимъ признакомъ. Можно экономически эксплуатировать, напимѣръ, женщинъ и дѣтей, но женщины и дѣти изъ-за этого не становятся социальными классами. Если борьба расъ и борьба націй есть борьба классовъ только потому, что антагонизмъ расъ и націй связанъ съ экономическими причинами или экономическими послѣдствіями, то почему бы не считать и войны между Франціею и Германіею 1870—1871 года борьбою классовъ, ибо она закончилась отнятіемъ у Франціи двухъ провинцій и пяти милліардовъ?

Но, быть можетъ, принципу классовой борьбы можно сообщить универсальный характеръ не въ томъ смыслѣ, что всѣ формы социальной борьбы составляютъ выраженіе классовой борьбы, а въ томъ смыслѣ, что всѣ формы социальной борьбы, которыя не носятъ характера классовой борьбы, составляетъ все же результатъ или продуктъ классовой борьбы, что послѣдняя является, такимъ образомъ, «движущею силою исторіи?» Каутскій, напимѣръ, формулируетъ слѣдующимъ образомъ принципъ классовой борьбы: «Тогда пришелъ Марксъ и понялъ, что исторія и дѣйствующіе въ ней идеи и идеалы людей, ихъ побѣды и пораженія, являются только результатомъ борьбы классовъ» ¹⁾.

Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о первенствѣ формулированія Марксомъ закона классовой борьбы. Критика доказала, что Марксъ почерпалъ нѣкоторыя свои главнѣйшія положенія у многочисленныхъ предшественниковъ какъ социалистическаго, такъ и буржуазнаго лагеря ²⁾. Такъ, въ книгѣ «истиннаго социалиста» Карла Грюна «Ueber wahre Bildung», появившейся въ 1844 году, т. е. на три или четыре года раньше выхода «Манифеста» Маркса и Энгельса, встрѣчается слѣдующее мѣсто: «Исторія была до сихъ поръ только безпрестанною войною, и по существу своему войною счастливыхъ, имущихъ, побѣдителей противъ несчастныхъ, неимущихъ, угнетенныхъ: въ Греціи послѣдніе назывались рабами и илотами, въ Римѣ—рабами, въ Средніе вѣка—крѣпостными, въ Россіи они называются крестьянами, въ Сѣверной Америкѣ—черными, въ цивилизованномъ мірѣ Англіи, Франціи и Германіи называются они пролетаріями... Исторія создана въ социальномъ рабствѣ, крѣпостничествѣ и въ зависимости отъ собственности» ³⁾. Даже марксисты начинаютъ нынѣ признавать, что заслуга Маркса заключается въ синтезѣ воззрѣній предшественниковъ ⁴⁾.

Остановимся на формулировкѣ Каутскаго. Она перекидываетъ мость отъ принципа классовой борьбы къ той доктринѣ экономического

¹⁾ К. Каутскій, Карлъ Марксъ и его историческое значеніе, Москва, 1908, стр. 8.

²⁾ А. Менгеръ, Право на полный продуктъ труда.—D. Koigen, Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Socialismus in Deutschland.—Ch. A n d l e r, Le Manifeste Communiste.—G. Sorel, Saggi di critica del marxismo.—В. Черкесовъ, Доктрины марксизма.

³⁾ D. Koigen, Zur Vorgeschichte, стр. 210 и 211.

⁴⁾ Paul Louis, Les étapes du socialisme, Paris, 1903, стр. 2—3 и 103—105.

матеріалізма, основныя положенія которой были даны Марксомъ въ знаменитомъ предисловіи къ «Zur Kritik».

Галеви и Ж. Сорель обратили вниманіе на то обстоятельство, что въ этомъ предисловіи къ «Zur Kritik» Марксъ вовсе не говоритъ о той борьбѣ классовъ, принципъ которой составляетъ сущность его историческаго ученія, какъ оно имъ формулировалось, начиная со среды 40-хъ годовъ XIX вѣка ¹⁾. Это объясняется тѣмъ, что только въ предисловіи «Zur Kritik» начала экономическаго матеріалізма изложены съ тою полнотою, которая стремится охватить весь процессъ общественной жизни, съ ея статикою и динамикою, съ ея многочисленными проявленіями, съ ея многосложною причинною связью, въ которой борьба, а слѣдовательно и классовая борьба, составляетъ лишь элементъ цѣлаго, въ которой не только классовая борьба, но и самые классы и ихъ возникновеніе являются результатами нѣкоторыхъ основныхъ причинъ.

Прежде всего слѣдуетъ устранить то толкованіе теоріи Маркса, согласно которому классовая борьба въ исторіи была борьбою только двухъ классовъ—угнетателей и угнетаемыхъ. Подобное пониманіе Маркса нѣкоторыми его послѣдователями, вытекавшее изъ того, что Марксъ констатируетъ существованіе соціальнаго угнетенія во всѣ эпохи исторіи, нынѣ отвергается наиболѣе компетентными представителями марксистской школы. «Если бы на самомъ дѣлѣ, говоритъ Каутскій, дѣло обстояло такъ, то писаніе исторіи было бы необыкновенно легкимъ дѣломъ. Но въ дѣйствительности отношенія не такъ просты» ²⁾. Ж. Сорель также высказался противъ теоріи «дихотомическаго дѣленія» на классы ³⁾. Основная мысль Маркса должна быть истолкована такимъ образомъ, что угнетеніе было присуще всѣмъ общественнымъ формаціямъ въ исторіи, но что въ каждый данный моментъ классовая борьба, разыгрывающаяся на исторической аренѣ, представляется сложнымъ явленіемъ, которое не можетъ быть сведено исключительно на борьбу двухъ только классовъ.

Одна изъ основныхъ идей Маркса, изложенныхъ имъ въ предисловіи «Zur Kritik», заключается въ томъ, что весь ходъ общественной жизни (а слѣд. и различныя формы общественныхъ антагонизмовъ) зависитъ отъ способа производства матеріальной жизни. «Люди, для созданія матеріальныхъ условій своей общественной жизни, вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, отъ ихъ воли независимыя отношенія, производственныя отношенія, соотвѣтствующія опредѣленной степени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность такихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую организацію общества, реальное основаніе, на которомъ высятся правовыя и поли-

¹⁾ Bulletin de la Société française de Philosophie, 2-e année, 1902, стр. 103.—G. Sorel, Saggi di critica del marxismo, стр. 230 и 240—241.

²⁾ Kautsky, Die Klassengegensätze von 1789, въ Neue Zeit, 1889, стр. 2.

³⁾ G. Sorel, Sur la théorie marxiste de la valeur, въ Journal des Économistes, 5-e série, t. XXIII, mai 1897, стр. 228—229.

тическія надстройки, и которымъ соотвѣтствуютъ опредѣленные общественныя формы сознанія. Вообще отъ способа производства матеріальной жизни находится въ полной зависимости ходъ общественной, политической и духовной жизни. Не сознаніе человѣка опредѣляетъ формы его бытія, а, наоборотъ, его общественное бытіе опредѣляетъ формы его сознанія».

Въ предисловіи къ нѣмецкому изданію «Манифеста» 1883 года Энгельсъ квалифицируетъ, какъ основную мысль «Манифеста», между прочимъ, то, «что въ каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбежно обусловливаемое имъ строеніе общества составляютъ основу политической и умственной исторіи; что соотвѣстно этому вся исторія, съ тѣхъ поръ какъ разложилось первобытное общинное землевладѣніе, была исторіей классовой борьбы, т. е. борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различныхъ ступеняхъ общественнаго производства».

Тотъ же Энгельсъ, въ предисловіи къ нѣмецкому изданію «Enthüllungen über den Kommunisten-Process zu Köln» 1885 года, говоритъ слѣдующее: «Будучи въ Манчестерѣ, я сразу отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что экономическіе факты, которымъ до сихъ поръ исторія не приписывала никакой роли или приписывала роль низшую, составляютъ, по крайней мѣрѣ въ новомъ мірѣ, рѣшающую историческую силу. Они образуютъ источникъ, откуда истекаютъ современные классовые антагонизмы... Стало быть, нужно было объяснить политику и исторію экономическими отношеніями, а не наоборотъ... Не государство обусловливаетъ и направляетъ гражданское общество, а гражданское общество обусловливаетъ и направляетъ государство».

Изъ цитированныхъ мѣстъ слѣдуетъ, что, согласно матеріалистическому основанію исторіи, система разностороннихъ интересовъ и группировокъ, характеризующихъ любое состояніе общества, вытекаетъ изъ опредѣленныхъ экономическихъ причинъ, которыя обусловливаютъ прежде всего разслоеніе общества на классы, какъ отдѣльныя экономическія группы съ отдѣльными экономическими интересами.

Отсюда естественно вытекаетъ логическій выводъ, что различныя формы соціальныхъ антагонизмовъ и соціальной борьбы являются результатомъ опредѣленныхъ экономическихъ причинъ, лежащихъ въ основѣ раздѣленія общества на классы, и потому, соотвѣтствуя классовой природѣ общества, могутъ быть объяснены характеромъ классовыхъ антагонизмовъ и классовой борьбы. Въ этомъ смыслѣ можно, съ марксистской точки зрѣнія, говорить о классовой борьбѣ, какъ о движущей силѣ исторіи.

Въ чемъ заключаются тѣ экономическія причины, которыя лежатъ въ основѣ раздѣленія общества на классы, а затѣмъ и въ основѣ всѣхъ общественныхъ антагонизмовъ?—Безъ сомнѣнія, въ опре-

дѣленныхъ экономическихъ интересахъ и экономическихъ способностяхъ.

Но будутъ ли это интересы и способности опредѣленныхъ классовъ, или же интересы и способности общества въ цѣломъ?

Безъ сомнѣнія, интересы и способности одного класса или нѣкоторыхъ классовъ могутъ служить, съ марксистской точки зрѣнія, исходнымъ пунктомъ для объясненія, въ извѣстныхъ предѣлахъ, статики и динамики классового общества, но они не могутъ, съ марксистской же точки зрѣнія, объяснить ни возникновенія общественныхъ классовъ, ни закона развитія интересовъ и способностей этихъ классовъ въ опредѣленномъ направленіи, ни закона неизбежнаго финала классовой борьбы и неизбежной смѣны одного господствующаго класса другимъ. Историческая теорія Маркса и Энгельса оперируетъ въ данномъ случаѣ надъ интересами и способностями общества.

Причину происхожденія классовъ Энгельсъ видитъ прежде всего въ обособленіи органовъ, отправляющихъ опредѣленные общественныя функціи, и въ естественномъ раздѣленіи труда. Въ первобытной общинѣ, говоритъ Энгельсъ, «существуютъ съ самаго начала извѣстные общіе интересы, охраненіе которыхъ должно быть ввѣрено отдѣльнымъ лицамъ, хотя и подъ надзоромъ всего общества... Они, само собою разумѣется, снабжаются извѣстными полномочіями и зачаточною государственною властью... Въ основаніе политическаго господства всюду легло отправленіе общественной должности; и политическое господство обладало устойчивостью лишь тогда, когда оно отправляло эту свою общественную функцію. Многочисленныя деспотіи подымались и падали въ Персіи и Индіи, но онѣ всѣ отлично понимали, что на нихъ, какъ на органѣ общества, лежитъ прежде всего обязанность заботиться объ орошеніи долинъ, безъ котораго невозможно тамъ никакое земледѣліе» ¹⁾. Далѣе Энгельсъ доказываетъ, что, покамѣстъ не возникла современная крупная промышленность, существованіе эксплуатаціи и угнетенія во всѣ періоды исторіи, со времени разложенія родового быта, было для общества необходимою и, стало быть, соотвѣтствовало его интересамъ: «Пока дѣйствительно трудящееся населеніе до такой степени поглощено своею необходимою работою, что у него не остается никакого досуга для заботы объ общественныхъ дѣлахъ—для руководства трудомъ, для государственныхъ дѣлъ, для отправленія правосудія, для искусства, науки и пр.,—до тѣхъ поръ долженъ былъ существовать особый классъ людей, освобожденный отъ настоящаго труда и занятій этими дѣлами» ²⁾.

Въ своемъ юношескомъ «Введеніи къ критикѣ философіи права Гегеля» Марксъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ общественное значеніе новаго класса, борющагося за достиженіе господства: «Въ чемъ состоитъ частная, только политическая революція? Въ томъ, что осво-

¹⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 152—153.

²⁾ Ibid., стр. 155.

бождается и достигает господства надъ цѣлымъ одна доля гражданскаго общества; въ томъ, что опредѣленный классъ, исходя изъ своего особеннаго положенія, предпринимаетъ эмансипацію всего общества... Ни одинъ классъ не можетъ сыграть этой роли, не вызвавъ на мгновеніе энтузіазма въ своей средѣ и въ массахъ; въ этотъ моментъ онъ братается съ обществомъ вообще и съ нимъ сливается; въ этотъ моментъ классъ смѣшиваются со всѣмъ обществомъ, его признаютъ и признаютъ всеобщимъ представителемъ; въ этотъ моментъ права и требованія класса суть дѣйствительно права и требованія самого общества; онъ дѣйствительно является и головой общества и его сердцемъ. Только во имя всеобщихъ правъ общества отдѣльный классъ можетъ требовать себѣ господства надъ всѣми».

Въ первой изъ статей, вошедшихъ въ послѣдствіи въ книгу «Революція и контръ-революція въ Германіи», Марксъ говоритъ: «Времена суевѣрія, приписывающаго революціи проискамъ немногихъ агитаторовъ, давно прошли. Теперь всякій знаетъ, что, гдѣ есть революціонныя судороги, тамъ должна быть за ними какая-нибудь общественная (курсивъ нашъ) потребность, удовлетворенію которой мѣшаютъ устарѣлыя учрежденія. Потребность эта можетъ ощущаться еще не такъ сильно, не такъ повсемѣстно, чтобы обезпечить непосредственный успѣхъ; но всякая попытка насильственнаго подавленія только будетъ дѣлать ее сильнѣе и сильнѣе, пока они не сокрушатъ своихъ оковъ».

Мы видимъ такимъ образомъ, что, въ исторической теоріи Маркса, возникновеніе общественныхъ учрежденій, а стало быть и возникновеніе классовъ, ихъ господство и паденіе вызывается общественною потребностью, иначе говоря общественными интересами.

Лучше всего это явствуется изъ теоріи развитія производительныхъ силъ общества, съ которою, у Маркса и Энгельса, связана теорія классовой борьбы. Въ теоріи развитія производительныхъ силъ общества сама классовая борьба является принципомъ производнымъ и подчиненнымъ.

Какъ говоритъ Каутскій, «только при опредѣленныхъ общественныхъ условіяхъ главнымъ двигателемъ исторіи является борьба классовъ, а въ послѣднемъ счетѣ борьба съ природой»¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, вернемся снова къ предисловію Маркса «Zur Kritik»:

«Матеріальныя производительныя силы общества, на извѣстной ступени своего развитія, вступаютъ въ противорѣчіе съ данными производственными, отношеніями или что есть лишь правовое выраженіе этого, съ отношеніями собственности, въ предѣлахъ которыхъ они до тѣхъ поръ вращались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ отношенія эти становятся тормозами ихъ. Тогда наступаетъ время общественнаго переворота. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ экономическаго основанія преобразуется болѣе или менѣе скоро также вся огромная надстройка».

¹⁾ Каутскій, Карлъ Марксъ и его историческое значеніе, стр. 9.

Для уясненія этой части предисловія къ «Zur Kritik» приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ другихъ произведеній Маркса:

«Общественныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами. Приобрѣтая новыя производительныя силы, люди измѣняютъ свои способы производства, а измѣняя свои способы производства, способы обезпеченія своей жизни,—они измѣняютъ всѣ свои общественныя отношенія. Ручная мельница даетъ вамъ общество съ сюзереномъ во главѣ, паровая мельница — промышленно-капиталистическое общество».

«Но если... мы спросимъ себя, наконецъ, почему же данный принципъ проявлялся въ XI или въ XVIII, а не въ какомъ-нибудь другомъ столѣтіи, то мы будемъ вынуждены тщательно изслѣдовать, каковы были люди въ XI вѣкѣ, каковы они были въ XVIII, каковы были въ каждомъ изъ этихъ столѣтій ихъ нужды, ихъ производительныя силы, способы и сырые матеріалы ихъ производства, каковы, наконецъ, были тѣ отношенія человѣка къ человѣку, которыя вытекали изъ всѣхъ этихъ условій существованія» ¹⁾.

...«Средства производства и сообщенія, которыя послужили основаніемъ для могущества буржуазіи, получили начало еще въ феодальномъ обществѣ. На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія условія, среди которыхъ совершались производство и обмѣнъ въ феодальномъ обществѣ, феодальная организація земледѣлія и промышленности, словомъ, феодальныя имущественныя отношенія оказались несоотвѣтствующими вызванному къ жизни производительнымъ силамъ. Эти отношенія стѣсняли производство, а не облегчали его. Они сдѣлались его цѣпами. Ихъ нужно было ниспровергнуть, и они были ниспровергнуты» ²⁾.

...«Общественныя отношенія производства измѣняются одновременно съ измѣненіемъ и развитіемъ матеріальныхъ средствъ производства, съ измѣненіемъ производительныхъ силъ. Совокупность отношеній производства образуетъ то, что называется общественными отношеніями, обществомъ, и образуетъ общества на опредѣленной исторической ступени развитія и съ опредѣленнымъ ему одному присущимъ характеромъ» ³⁾.

«Революціонный социализмъ — это непрерывность революціи, классовая диктатура пролетаріата, необходимая, какъ переходная ступень къ отмѣнѣ всякихъ классовыхъ различій, отмѣнѣ производственныхъ отношеній, на которыхъ покоятся эти различія, къ отмѣнѣ всѣхъ общественныхъ отношеній, соотвѣтствующихъ этимъ производственнымъ отношеніямъ, къ перевороту всѣхъ идей, вытекающихъ изъ этихъ общественныхъ отношеній» ⁴⁾.

Прочитируемъ еще нѣкоторыя мѣста изъ произведеній Энгельса.

...«Всякая экономическая структура общества образуетъ реальную почву, которую въ послѣднемъ счетѣ объясняется вся надстройка, обра-

¹⁾ Нищета философіи, стр. 84, 89—90.

²⁾ Манифестъ, стр. 5.

³⁾ Наемный трудъ и капиталъ, Одесса, 1905, стр. 17.

⁴⁾ Классовая борьба во Франціи, перев. О. К., стр. 96.

зуемая правовыми и политическими учреждениями, равно какъ религіозными, философскими и прочими воззрѣніями каждаго даннаго историческаго періода» ¹⁾).

По Энгельсу, обособленіе и самостоятельное развитіе общественныхъ органовъ, завѣдывающихъ первоначально зачаточными функциями государственной власти, является результатомъ постепеннаго развитія производительныхъ силъ, которое влечетъ за собою усложненіе общихъ интересовъ, равно какъ и столкновенія интересовъ внутри группъ и между группами, что вызываетъ «усиленную необходимость въ этихъ органахъ». Всѣ существовавшія до сихъ поръ формы угнетенія и въ частности рабство объясняются состояніемъ производительныхъ силъ общества, относительно неразвитою производительностью человѣческаго труда. «Это понятно: пока человѣческій трудъ былъ такъ мало производителенъ, что доставлялъ лишь небольшой излишекъ сверхъ необходимыхъ средствъ существованія, увеличеніе производительныхъ силъ, расширеніе обмѣна, развитіе государства и права, зарожденіе искусства и науки было возможно лишь подъ условіемъ усиленнаго раздѣленія труда, въ основу котораго должно было лечь великое раздѣленіе труда между массами, занятыми простою физическою работою, и немногими привилегированными, которые управляли трудомъ, занимались торговлею, вѣдали государственныя дѣла, а позже посвящали себя искусству и наукѣ» ²⁾).

Говоря о «законѣ историческаго движенія» Маркса, по которому «всякая историческая борьба... въ сущности является только болѣе или менѣе яснымъ выраженіемъ борьбы общественныхъ классовъ», Энгельсъ прибавляетъ: «Существованіе же этихъ классовъ и ихъ столкновенія между собою, въ свою очередь, обусловливаются степенью развитія ихъ экономическаго положенія, ихъ способомъ производства и опредѣляемымъ имъ способомъ обмѣна» ³⁾).

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что существованіе классовъ, классовыхъ антагонизмовъ и другихъ соціальныхъ группировокъ, характеръ классовой и групповой борьбы, возникновеніе и исчезновеніе классовъ, ихъ побѣды и пораженія, равно какъ всѣ преобразованія соціальныхъ отношеній, являются, согласно теоріи Маркса, результатомъ развитія производительныхъ силъ общества.

Съ другой стороны, и развитіе производительныхъ силъ обусловлено было, въ свою очередь, существованіемъ классовыхъ антагонизмовъ. «Безъ антагонизма нѣтъ прогресса: таковъ законъ, которому подчинялась цивилизація до нашихъ дней. До настоящаго времени производительныя силы развивались, благодаря господству антагонизма клас-

¹⁾ Anti-Dühring, стр. 10.

²⁾ Ibid., стр. 152—154.

³⁾ Восемнадцатое Брюмера, предисловіе Энгельса, стр. 2.

зовъ... Параллельно съ развитіемъ борьбы классовъ развивались производительныя силы» ¹⁾).

Общественныя производительныя силы — это производительныя силы общества, а не класса. Развитіе производительныхъ силъ въ каждый данный моментъ можетъ соотвѣтствовать либо интересамъ цѣлаго общества, либо только интересамъ нѣкоторыхъ классовъ общества въ данный моментъ. Но съ точки зрѣнія не временныхъ, частныхъ или случайныхъ, а постоянныхъ, цѣлостныхъ и существенныхъ интересовъ общества, требованіе развитія производительныхъ силъ является, согласно духу теоріи Маркса, не только выраженіемъ объективнаго закона развитія общества, но и требованіемъ, соотвѣтствующимъ истиннымъ нуждамъ и потребностямъ общества, его истинной пользѣ, требованіемъ, невыполненіе котораго грозитъ обществу застоємъ и смертью. Таковъ смыслъ властнаго закона классовой борьбы, «всегда кончавшейся революціоннымъ переустройствомъ всего общественного зданія или совмѣстною гибелью борющихся классовъ» ²⁾).

Нѣкоторые комментаторы Маркса съ особенною силою подчеркиваютъ значеніе закона развитія производительныхъ силъ, какъ закона удовлетворенія потребностей общества. Такъ г. Плехановъ-Бельтовъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ переходъ общественной формы собственности въ индивидуальную: «Общественная собственность на движимость и недвижимость возникаетъ вслѣдствіе того, что она удобна, больше того—необходима для процесса первобытнаго производства. Она поддерживаетъ существованіе первобытнаго общества, она содѣйствуетъ дальнѣйшему развитію его производительныхъ силъ, и люди держатся за нее, они считаютъ ее естественной и необходимой. Но вотъ, благодаря этимъ отношеніямъ собственности и внутри ихъ производительныя силы развились настолько, что открылось болѣе широкое поле для приложенія индивидуальныхъ усилий. Теперь общественная собственность становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ вредной для общества, она препятствуетъ дальнѣйшему развитію его производительныхъ силъ и потому она уступаетъ мѣсто личному присвоенію: въ правовыхъ учрежденіяхъ общества совершается болѣе или менѣе быстрый переворотъ... Психологія общества всегда цѣлесообразна по отношенію къ его экономіи, всегда соотвѣтствуетъ ей, всегда опредѣляется ею... Цѣлесообразная психологія также полезна для общества, какъ хорошо соотвѣтствующіе своей цѣли органы полезны для животныхъ» ³⁾. Однимъ словомъ, требованіе развитія производительныхъ силъ и классовая борьба видоизмѣняютъ общественныя отношенія сообразно интересамъ и пользѣ общества.

Съ этой точки зрѣнія всякій классовый строй имѣетъ опредѣленную

¹⁾ Ницета философін, стр. 36 и 97.

²⁾ Манифестъ, стр. 1.

³⁾ Н. Бельтовъ, Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, Спб. 1895, стр. 163, 171 и 172.

миссію—служить развитію производительныхъ силъ общества, и, поскольку эта миссія выполняется болѣе или менѣе успѣшно, классовая структура общества и существованіе порабощенія и эксплуатаціи, присущихъ этой классовой структурѣ, являются не только детерминистически необходимыми, но и единственно цѣлесообразными при данномъ состояніи производительныхъ силъ формами общественной жизни. Тогда понятно, что въ школѣ Маркса часто говорится о «миссіи» того или другого общественнаго строя либо того или другого класса — господствующаго или долженствующаго завоевать господство,—о миссіи капиталистическихъ формъ хозяйства, о миссіи капитализма, о миссіи буржуазіи, о миссіи пролетаріата. Каждый классъ имѣетъ свою роль и свою функцію. Но классовая борьба иногда сопровождается ненормальнымъ распредѣленіемъ ролей и функцій. «Во Франціи, писалъ Марксъ, мелкая буржуазія исполняетъ то, что при нормальныхъ условіяхъ было бы дѣломъ промышленной буржуазіи; рабочіе же берутъ на себя задачу, которая при нормальныхъ условіяхъ должна была бы выпасть на долю мелкой буржуазіи» ¹⁾. Но, въ общемъ, каждая общественная формація представляется нормальнымъ этапомъ въ ходѣ соціальнаго развитія. «Всѣ, однѣ за другими появляющіяся въ исторіи системы общественныхъ отношеній представляютъ собою лишь преходящія ступени безконечнаго развитія человѣческаго общества отъ низшаго къ высшему. Каждая ступень необходима въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ, которымъ она обязана своимъ происхожденіемъ. И въ этомъ заключается ея оправданіе» ²⁾.

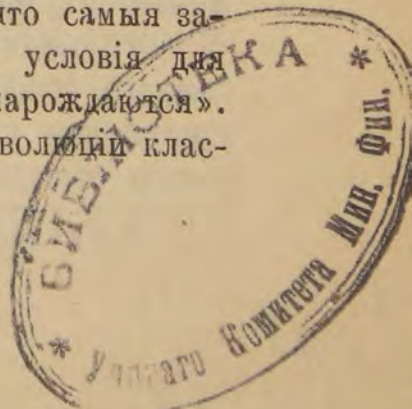
Тогда и только тогда, когда данная система общественныхъ отношеній и данная классовая структура перестаетъ служить миссіи развитія производительныхъ силъ, она приходитъ въ упадокъ, и до сихъ поръ господствовавшій классъ уступаетъ свое мѣсто другому классу, до того подчиненному. «Она лишается, говоритъ Энгельсъ, своего значенія и своего оправданія при новыхъ условіяхъ, постепенно развивающихся въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Она оказывается вынужденной уступить мѣсто высшей ступени, которая падаетъ и разрушается въ свою очередь».

«Ни одна изъ общественныхъ стадій развитія—читаемъ мы въ предисловіи «Zur Kritik»—не приходитъ въ упадокъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ свои производительныя силы, которымъ есть еще гдѣ развиваться, и новыя высшія производственныя отношенія никогда не замѣняютъ ея, прежде чѣмъ матеріальныя условія существованія ихъ не созрѣютъ въ самыхъ нѣдрахъ стараго общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи мы всегда найдемъ, что самыя задачи возникаютъ лишь тогда, когда имѣются матеріальныя условія для ихъ разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, когда уже они нарождаются».

Замѣтимъ, что формулированный Марксомъ законъ эволюцій клас-

¹⁾ Марксъ, Классовая борьба во Франціи, стр. 83.

²⁾ Engels, L. Feuerbach, перев. Плеханова, стр. 4.

совыхъ антагонизмовъ, связанной съ эволюціею матеріальныхъ условій существованія, во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ теорію общественнаго развитія, принятую еще въ періодъ такъ называемаго «утопическаго социализма», въ школѣ Сень-Симона. Для этой школы социальные антагонизмы и эксплуатація челоѣка челоѣкомъ составляютъ сущность историческаго процесса, постепенно ведущаго нынѣ къ прогрессу, отличительною чертою котораго является упадокъ антагонизма и ростъ духа ассоціаціи. «Послѣ того какъ было изложено, чѣмъ былъ антагонизмъ въ различныя стадіи челоѣческой ассоціаціи, теперь слѣдуетъ добавить, что никогда, въ первоначальномъ періодѣ общественной организаціи, онъ не былъ настолько силенъ, чтобы помѣшать ей удержаться и развиваться въ предѣлахъ, необходимыхъ для того, чтобы челоѣчество могло перейти къ организаціи болѣе совершенной; но что вмѣстѣ съ тѣмъ никогда также политическая организація не обладала энергіею, достаточною для того, чтобы помѣшать развитію элементовъ антагонизма, заключающихся въ ея нѣдрахъ, и приобрѣтенію ими силы, достаточной для того, чтобы ее низвергнуть и разрушить тогда, когда новыя потребности, народившіяся у людей, побуждали ихъ стремиться къ лучшей организаціи: можно, однако, сказать, что антагонизмъ, подготавливая матеріалы для болѣе широкой ассоціаціи, приближая день торжества всеобщей ассоціаціи, мало-по-малу пожиралъ самъ себя и проявлялъ стремленіе окончательно исчезнуть» ¹⁾).

Приведемъ нѣкоторыя другія мѣста изъ Маркса, поясняющія его законъ смѣны господства классовъ.

«Нужно показать, какъ создавалось богатство въ этой основанной на антагонизмѣ средѣ, какъ, параллельно съ развитіемъ борьбы классовъ, развивались производительныя силы, какъ одинъ изъ этихъ классовъ, — представляющій собою дурную, неудобную сторону общества, — постепенно росъ до тѣхъ поръ, пока не созрѣли, наконецъ, матеріальныя условія его освобожденія. Но, поступая такимъ образомъ, не признаете ли вы, что способы производства, равно какъ и тѣ отношенія, при которыхъ совершается развитіе производительныхъ силъ, вовсе не составляютъ вѣчныхъ законовъ, а соотвѣтствуетъ извѣстному развитію людей и ихъ производительныхъ силъ; не признаете ли вы также, что всякое измѣненіе въ области принадлежащихъ людямъ производительныхъ силъ необходимо ведетъ за собою измѣненіе въ отношеніяхъ производства? Такъ какъ необходимо прежде всего сохранить добытыя производительныя силы, — эти плоды цивилизаціи, — то приходится разбить традиціонныя формы, въ которыхъ онѣ были произведены. Вслѣдъ за этимъ моментомъ, прежній революціонный классъ становится консервативнымъ».

«Существованіе угнетеннаго класса составляетъ жизненное условіе каждаго общества, основаннаго на антагонизмѣ классовъ. Освобожденіе угнетеннаго класса необходимо подразумеваетъ, слѣдовательно, созданіе новаго общества. Возможность этого освобожденія является лишь на

¹⁾ Saint-Simon et Enfantin, Oeuvres, t. 41, стр. 188.

той ступени развитія, когда пріобрѣтенныя уже производительныя силы и существующія общественныя учрежденія не могутъ долѣе уживаться рядомъ» ¹⁾).

«Люди строятъ новый міръ... изъ историческихъ пріобрѣтеній ихъ погибающаго міра. Они должны, въ ходѣ развитія, сами прежде произвести матеріальныя условія новаго общества, и никакое напряженіе силы мысли или силы воли не можетъ ихъ избавить отъ этого рока» ²⁾).

Выясняя процессъ превращенія мелкаго производства въ капиталистическое, Марксъ говоритъ: «Этотъ способъ производства предполагаетъ раздробленіе земли и другихъ орудій производства. Такъ какъ онъ исключаетъ сосредоточеніе послѣднихъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ исключаетъ и кооперацію, раздѣленіе труда въ данномъ процессѣ производства, общественную власть надъ природою и производительное приложеніе силъ ея, словомъ, исключаетъ свободное развитіе общественной производительной силы. Онъ возможенъ только при узкихъ первобытныхъ условіяхъ производства и общественныхъ условіяхъ... На извѣстной степени развитія онъ самъ доставляетъ матеріальныя условія для своего разложенія. Съ этого момента начинаютъ развиваться внутри общества страсти и силы, которыя чувствуютъ себя скованными имъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ, и онъ уничтожается» ³⁾).

Существованіе въ нѣдрахъ капиталистическаго общества антагонизмовъ, создающихъ матеріальныя условія для разложенія стараго и наступленія новаго строя, даетъ Марксу основанія для примѣненія того же закона смѣны господства классовъ къ его знаменитому прогнозу эволюціи современнаго капитализма.

Во введеніи къ новому изданію «Классовой борьбы во Франціи» Энгельсъ говоритъ: «Всѣ революціи сводились до сихъ поръ къ тому, что одинъ классъ долженъ былъ уступить господство другому; при этомъ господствующій классъ всегда составлялъ лишь незначительное меньшинство въ сравненіи съ подчиненной народной массой... Экономическое развитіе каждый разъ дѣлало способнымъ къ господству и призывало къ нему новое меньшинство, и именно поэтому — и только поэтому — управляемое большинство либо принимало участіе въ революціи въ пользу даннаго меньшинства, либо же во всякомъ случаѣ спокойно покорялось ей» ⁴⁾).

Однимъ словомъ, согласно теоріи Маркса, господство всякаго класса и соотвѣтственнаго классоваго строя наступаетъ не раньше и не позже созданія необходимыхъ для того матеріальныхъ условій, измѣняющихся вмѣстѣ съ развитіемъ производительныхъ силъ общества.

Что произойдетъ, если, въ процессѣ классовой борьбы, событія

¹⁾ Марксъ, Ницета философіи, стр. 97 и 146.

²⁾ Марх, Die moralisierende Kritik und die kritische Moral, въ Aus dem literarischen Nachlass, B. II, стр. 456.

³⁾ Марксъ, Капиталъ, т. I, изд. 1898-го года, стр. 666.

⁴⁾ Классовая борьба во Франціи, стр. VIII.

поднять вверхъ классъ, для господства котораго не созрѣли еще матеріальныя условія?

Ясно, что такой классъ не сможетъ удержать своего господствующаго положенія, и, послѣ короткаго періода эфемернаго торжества, онъ долженъ будетъ уступить мѣсто другому классу, не выполнившему еще своей исторической миссіи. «Поэтому, говоритъ Марксъ, если пролетаріатъ сокрушитъ политическое господство буржуазіи, то его побѣда будетъ имѣть только преходящій характеръ, служа лишь одинъ моментъ самой буржуазной революціи, какъ въ 1794-омъ году, покамѣстъ въ теченіи исторіи, въ ея «движеніи» не созданы еще матеріальныя условія, которыя дѣлаютъ необходимымъ упраздненіе буржуазнаго способа производства, а потому также и окончательное паденіе политическаго господства буржуазіи... Точно также и паденіе абсолютной монархіи было бы только преходящимъ, если бы не созрѣли еще экономическія условія для господства буржуазнаго класса» ¹⁾).

Что произойдетъ, наоборотъ, если, въ процессѣ классовой борьбы, событія помѣшаютъ освобожденію и возвышенію класса, который долженъ выполнить миссію способствованія дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ?

Этотъ вопросъ остается открытымъ въ марксистской школѣ. Прежде всего, законенъ ли самый вопросъ? Вѣдь принципъ развитія производительныхъ силъ, въ теоріи Маркса, выдвигаетъ требованіе развитія этихъ самыхъ производительныхъ силъ, какъ высшее начало, подчиняющее себѣ всю динамику классовой и вообще соціальной борьбы; можно ли говорить и предполагать въ такомъ случаѣ, что исторія допускаетъ коллизію между этимъ началомъ и самою собою? Съ другой стороны вопросъ этотъ все же приходилось ставить прямо или косвенно, но опредѣленный и рѣшительный отвѣтъ на него не давался.

Въ началѣ «Манифеста» мы читаемъ: «Свободный и рабъ, патрицій и плебей, помѣщикъ и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье, короче, — угнетатель и угнетаемый находились въ вѣчной враждѣ другъ съ другомъ, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революціоннымъ переустройствомъ всего общественнаго зданія или совмѣстною гибелью борющихся классовъ».

Изъ этого пункта «Манифеста» можно, повидимому, вывести то заключеніе, что, согласно теоріи Маркса и Энгельса, если классовая борьба не завершается торжествомъ того класса и того общественнаго строя, для господства котораго уже созрѣли матеріальныя условія, подготовленныя процессомъ развитія производительныхъ силъ, то совмѣстно гибнутъ борющіеся классы, иначе говоря, общество тогда разрушается.

¹⁾ Aus dem literarischen Nachlass, стр. 455—456.

IV.

Прорезюмируемъ теперь основныя положенія теоріи классовой борьбы Маркса.

Вся исторія общества, со времени разложенія родового быта, была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ. Всѣ доннынѣ существовавшіе виды общественнаго устройства основывались на противоположности угнетаемыхъ и угнетающихъ классовъ.

Во всѣ эпохи и во всѣхъ обществахъ, послѣ разложенія родового быта, существовали гнетъ и эксплуатація, во всѣхъ этихъ обществахъ существовали классы, и между ними всегда происходила классовая борьба.

Классовая борьба есть движущая сила историческаго процесса.

Всякая историческая борьба—соціальная, политическая, религіозная, идеологическая—въ сущности является выраженіемъ борьбы общественныхъ классовъ.

Различныя формы соціальныхъ антагонизмовъ и соціальной борьбы представляются результатомъ опредѣленныхъ экономическихъ причинъ, лежащихъ въ основѣ раздѣленія общества на классы. Соотвѣтствуя классовой природѣ общества, онѣ могутъ быть объяснены характеромъ классовыхъ антагонизмовъ и классовой борьбы. Возникновеніе общественныхъ учреждений, а стало быть и возникновеніе классовъ, ихъ господство и паденіе вызывается интересами общества.

Существованіе классовъ, классовыхъ антагонизмовъ и другихъ соціальныхъ группировокъ, характеръ классовой и групповой борьбы, возникновеніе и исчезновеніе классовъ, ихъ побѣды и пораженія, равно какъ всѣ преобразованія соціальныхъ отношеній, являются результатомъ развитія производительныхъ силъ общества.

Господство всякаго класса и соотвѣтственнаго классоваго строя наступаетъ не раньше и не позже созданія необходимыхъ для того матеріальныхъ условій, подготовляемыхъ въ нѣдрахъ самого общества процессомъ развитія его производительныхъ силъ, и эта смѣна классоваго господства наступаетъ неизбежно, если только классовая борьба внутри общества не влечетъ за собою его гибели.

Таковы основныя положенія теоріи классовой борьбы Маркса, опредѣляющія динамику не только классовъ, но и общества въ цѣломъ, связывающія, стало быть, уравниемъ не только признаки, интересы и способности классовъ, но и характеристическіе элементы соціальныхъ группъ вообще.

Эти положенія изложены здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они даны Марксомъ и Энгельсомъ, либо въ формѣ, связанной несомнѣнною логическою связью съ выраженными ими принципами или же пополняющей имѣющіеся въ ней пробѣлы наиболѣе естественнымъ ло-

гическимъ способомъ. Это послѣднее необходимо для того, чтобы избѣгнуть противорѣчій, къ которымъ можетъ вести истолкованіе формулъ Маркса, въ виду ихъ характера неясности и недоговоренности.

Та же неясность и недоговоренность формулировокъ Маркса является причиною того, что нѣкоторые вопросы, относящіеся къ истолкованію ихъ, остаются открытыми.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

Является ли законъ классовой борьбы примѣнимымъ только къ внутренней исторіи обществъ, или же къ исторіи человѣчества вообще? Въ первомъ случаѣ, если принять законъ классовой борьбы за одинъ изъ частныхъ законовъ, управляющихъ динамикой общественнаго развитія, то существуетъ ли болѣе общій соціальный законъ, частнымъ примѣненіемъ котораго является только законъ классовой борьбы, и каковы тѣ законы, которые охватываютъ сферы общественныхъ явленій, остающихся внѣ компетенціи закона классовой борьбы? Во второмъ случаѣ, если законъ классовой борьбы является высшимъ и наиболѣе всеобщимъ закономъ развитія человѣчества и историческаго процесса въ цѣломъ, то какъ распространить этотъ законъ классовой борьбы на международныя столкновенія и на борьбу обществъ, націй, расъ и другихъ социальныхъ группъ съ не-классовыми признаками?

Далѣе, слѣдуетъ ли принимать законъ развитія производительныхъ силъ, какъ законъ условный, или же какъ законъ безусловный? Если это — законъ условный, т. е. если онъ гласитъ, что для того, чтобы производительныя силы могли развиваться, необходимо, чтобы каждому способу производства соответствовалъ опредѣленный классовый строй общества или что динамика социального развитія предопредѣляетъ единственно возможный результатъ классовой борьбы въ томъ случаѣ, если безпрепятственно развиваются производительныя силы этого общества, — то какимъ закономъ опредѣляется самое развитіе производительныхъ силъ? Если же законъ развитія производительныхъ силъ имѣетъ характеръ безусловный, т. е. если онъ имѣетъ тотъ смыслъ, что развитіе производительныхъ силъ общества есть процессъ, не ограниченный никакими условіями, который, стало быть, побѣждая всѣ встрѣчающіяся на его пути препятствія, диктуетъ опредѣленный ходъ социального развитія и опредѣленный исходъ классовой борьбы, сообразно требованію того же развитія производительныхъ силъ, то какъ объяснить возможность гибели борющихся классовъ, а, слѣдовательно, и того изъ этихъ классовъ, существованіе котораго, конечно, необходимо, для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ? ¹⁾

Далѣе, что слѣдуетъ разумѣть подъ тѣми «матеріальными условіями», которыя должны созрѣть для того, чтобы освобожденіе какого-

¹⁾ Ю. Делевскій, Историческій матеріализмъ въ его логической аргументации, Спб. 1906, стр. 17—18.

либо класса могло имѣть мѣсто? Слѣдуетъ ли разумѣть подъ ними только состояніе производительныхъ силъ общества, или уровень способностей угнетеннаго класса, или то и другое вмѣстѣ, или, наконецъ, это условіе надо понимать такимъ образомъ, что то самое состояніе производительныхъ силъ, которое обуславливаетъ возможность общественнаго переустройства и торжества до сихъ поръ угнетеннаго класса, обуславливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и такое состояніе способностей этого класса, которое необходимо для успѣшнаго выполненія его исторической миссіи?

Наконецъ, остается невыясненнымъ вопросъ, слѣдуетъ ли разсматривать положенія, составляющія содержаніе теоріи классовой борьбы Маркса, какъ точныя формулы, которыя, подобно законамъ природы, связываютъ факты исторической дѣйствительности желѣзною необходимостью, не допуская, подобно всякому закону въ строгомъ смыслѣ этого слова, ни малѣйшаго исключенія, или же, напротивъ того, какъ эмпирическія обобщенія, дающія лишь приближенныя схемы исторической дѣятельности и не могущія потому претендовать на всеобщую примѣнимость для всѣхъ странъ, всѣхъ эпохъ и всѣхъ обстоятельствъ. Извѣстно, что нѣкоторые критики—послѣдователи Маркса, какъ Б. Кроче и Ж. Сорель, предлагаютъ смотрѣть на положенія Маркса не какъ абсолютныя законы, а какъ на приближенныя формулы, имѣющія скорѣе характеръ «совѣтовъ благоразумія», важныхъ въ практической дѣятельности ¹⁾. Но насъ интересуеетъ взглядъ самихъ Маркса и Энгельса на ихъ собственное дѣтище. Если они смотрѣли на формулированныя ими положенія какъ на абсолютныя законы, столь же точныя и всеобщіе, какъ и «законы природы», то какъ объяснить то, что нѣкоторыя свои положенія они устанавливали, оперируя надъ черезчуръ ограниченнаго матеріаломъ, что они сами придавали имъ иногда ограничительное толкованіе, равно какъ и то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда предсказанія ихъ, основанныя на примѣненіи теоріи къ частнымъ комбинаціямъ, не оправдывались дѣйствительными событіями, они объясняли неудачу предсказаній новыми обстоятельствами, предвидѣть которыя заранѣе не было возможности, давая этимъ основаніе истолковывать ихъ принципы, какъ условныя и ограниченные? Если же допустить, что формулированныя Марксомъ и Энгельсомъ законы имѣли для нихъ значеніе относительныхъ, условныхъ и приближенныхъ обобщеній, то какъ объяснить, напримѣръ, параллель между значеніемъ закона классовой борьбы для исторіи и значеніемъ закона превращенія энергіи для естествознанія, или же Марксовъ прогнозъ крушенія капиталистическаго строя, подготавлиаемаго «съ неизбѣжною естественнаго процесса»?

Такимъ образомъ нѣкоторые вопросы, касающіеся способа пониманія тѣхъ или другихъ положеній Маркса, остаются открытыми. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ критикѣ приходится брать то одно изъ тол-

¹⁾ Benedetto Croce, *Matérialisme historique et économie marxiste*, Paris, 1901, стр. 15—18, 24, 75 и 128—129.—G. Sorel, *Saggi di critica del marxismo*, стр. 22—24, 47—48, 63, 66 и 72.

кованій, представляющеея наиболѣе правдоподобнымъ, то одновременно нѣсколько толкованій, рассматривая всѣ ихъ, какъ одинаково возможные и одинаково законные варианты нѣкотораго принципа.

Г Л А В А V.

Мѣсто классовой борьбы въ ряду другихъ соціальныхъ антагонизмовъ.

I.

Какое мѣсто занимаютъ классовые антагонизмы въ ряду другихъ соціальныхъ антагонизмовъ? Какое мѣсто занимаетъ классовое угнетеніе въ ряду другихъ формъ соціального угнетенія?

Для насъ, классовые антагонизмы являются весьма существеннымъ элементомъ сложной системы соціальныхъ антагонизмовъ, куда входятъ, вмѣстѣ съ антагонизмами классовъ, антагонизмы національные, политическіе, религіозные, антагонизмы пола и возраста, а классовое угнетеніе — одною изъ формъ соціального угнетенія, рядомъ съ формами угнетенія національнаго, политическаго, религіознаго, угнетенія пола и возраста.

Тѣ философско-историческія теоріи, которыя, подобно ученію Маркса, стремятся придать монистическій характеръ сложной системѣ дѣйствительныхъ соціальныхъ антагонизмовъ, не могутъ, конечно, отрицать факта множественности формъ соціальной борьбы. Монизмъ же этихъ теорій заключается въ томъ, что нѣкоторой частной формѣ антагонизма отводится особая роль.

Въ теоріи Маркса эта особая роль отводится классовымъ антагонизмамъ и классовой борьбѣ.

Въ чемъ можетъ заключаться особая роль классовой борьбы въ ряду другихъ соціальныхъ антагонизмовъ?

Въ томъ, что классовые антагонизмы присущи всѣмъ эпохамъ писанной исторіи.

Или въ томъ, что всѣ другія формы соціальныхъ антагонизмовъ являются лишь иными выраженіями классовыхъ же антагонизмовъ.

Или въ томъ, что всѣ другія формы соціальныхъ антагонизмовъ возникли генетически подъ вліяніемъ классовой борьбы либо экономическихъ причинъ.

Или въ томъ, что всѣ другія формы соціальной борьбы вызываются къ жизни лишь классовыми интересами либо экономическими причинами, и въ этомъ смыслѣ классовая борьба является движущею силою исторіи.

Или въ томъ, что всѣ другія формы соціальныхъ антагонизмовъ не имѣютъ существеннаго вліянія на ходъ общественнаго развитія, тогда какъ классовая борьба является истинною движущею силою исторіи.

Или, наконецъ, въ комбинаціи нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ основаній.

Прежде всего замѣтимъ, что признаніе постоянства какого-нибудь явленія не можетъ служить основаніемъ для признанія зависимости отъ него другихъ явленій, его сопровождающихъ, или, что одно и то же, имъ сопровождаемыхъ. Причинная связь между двумя рядами явленій существуетъ лишь въ томъ случаѣ, когда опредѣленнымъ измѣненіямъ въ одномъ ряду соотвѣтствуютъ опредѣленные измѣненія въ другомъ ряду.

Что классовые антагонизмы и классовое угнетеніе присущи всѣмъ эпохамъ исторіи—это есть формулировка нѣкотораго общаго факта. Но существованіе другихъ соціальныхъ антагонизмовъ и другихъ формъ соціального угнетенія составляетъ также общій фактъ: антагонизмъ между племенами и расами, антагонизмъ между обществами и политическими группами, антагонизмъ пола и соотвѣтственныя формы угнетенія прѣсущи всѣмъ эпохамъ исторіи. Нѣтъ основанія удѣлять антагонизму классовъ особое мѣсто въ ряду другихъ соціальныхъ антагонизмовъ, въ виду того, что первый—общій фактъ въ исторіи человѣчества, какъ нѣтъ основанія удѣлять особое мѣсто антагонизмамъ обществъ, расъ, политическихъ группъ, группъ индивидуумовъ того и другого пола, въ виду того, что эти формы антагонизма—столь же общій фактъ, какъ и антагонизмъ классовъ. Даже и въ томъ случаѣ, если бы классовой антагонизмъ и классовая борьба отличались характеромъ постоянства и устойчивости, а другіе соціальныя антагонизмы—характеромъ спорадичности и непостоянства, то, при отсутствіи другихъ разъясняющихъ данныхъ, это означало бы лишь то, что причины, вызвавшія антагонизмъ классовъ, обладаютъ большею энергіею и большимъ постоянствомъ дѣйствія, чѣмъ причины, порождающія антагонизмъ соціальныхъ группъ другого типа.

Комментаторы Маркса—особенно же часто г. Плехановъ—приводятъ въ качествѣ предшественниковъ Маркса историковъ періода реставраціи—Огюстена Тьерри, Гизо, Минье и другихъ, — выяснявшихъ въ своихъ работахъ значеніе борьбы классовъ для изслѣдуемыхъ ими періодовъ. Но тѣ же историки говорятъ объ антагонизмахъ политическихъ, національныхъ, религіозныхъ, династическихъ и объ относящихся къ нимъ формахъ угнетенія и борьбы не менѣе часто, чѣмъ объ антагонизмѣ классовъ, классовомъ угнетеніи и классовой борьбѣ. Съ такимъ же правомъ можно было бы причислить къ «предшественникамъ» Маркса многихъ историковъ древности и новаго времени, писавшихъ, между прочимъ, о классовыхъ антагонизмахъ, о классовой борьбѣ и не игнорировавшихъ значенія этого существеннаго элемента, входящаго въ содержаніе историческаго процесса. Они употребляли только другіе

термины. Если бы дѣло шло только о признаніи вообще значенія классовыхъ антагонизмовъ въ исторіи, то съ одинаковымъ правомъ можно было бы говорить о Марксѣ, какъ о послѣдователѣ предшествовавшихъ ему историковъ.

Далѣе, въ какомъ смыслѣ можно говорить, что всѣ соціальныя антагонизмы являются лишь выраженіями классового антагонизма?

Антагонизмъ классовъ есть антагонизмъ соціальныхъ группъ, изъ которыхъ каждая объединена общимъ экономическимъ признакомъ и общимъ экономическимъ интересомъ. Утверждать, что всякая форма соціального антагонизма есть лишь выраженіе антагонизма классового, значило бы утверждать, что всякій соціальный признакъ есть лишь выраженіе экономического признака, и всякій соціальный интересъ есть лишь выраженіе экономического интереса.

Въ отношеніи типическихъ соціальныхъ группъ біологической категоріи нелѣпость подобнаго утвержденія видна безъ всякихъ объясненій. Экономическій признакъ предполагаетъ уже существованіе людей, какъ біологическихъ существъ, и не мыслимъ внѣ людей съ ихъ біологическими признаками. Напротивъ того, біологическіе признаки расы, націи, пола, возраста даны съ индивидуумами независимо отъ ихъ экономическихъ отношеній. Попытка выдавать эти біологическіе признаки за нѣкоторое выраженіе признаковъ экономическихъ или классовыхъ была бы явно абсурдна.

Антагонизмъ расъ, націй, пола и возраста можетъ проявляться и въ сферѣ экономическихъ, и въ сферѣ не-экономическихъ интересовъ. Угнетеніе расъ, націй, пола и возраста можетъ имѣть вполне экономическій, отчасти экономическій и вовсе не экономическій характеръ. Но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ антагонизмъ и угнетеніе не могутъ считаться классовыми, ибо антагонизмъ и угнетеніе имѣютъ мѣсто не по отношенію къ классамъ, а по отношенію къ соціальнымъ группамъ біологическихъ типовъ. Только тогда, когда, напримѣръ, цѣлая раса или цѣлая нація насильственнымъ путемъ, какъ побѣдительница или побѣжденная, возвышается или опускается до нѣкотораго равнаго приблизительно для всѣхъ ея индивидуумовъ экономического уровня, соединеннаго съ признакомъ господства или подчиненія,—только тогда нація или раса превращается въ классъ (илоты въ Спартѣ противъ спартіатовъ, негры въ Америкѣ противъ бѣлыхъ рабовладѣльцевъ). Но въ подобныхъ случаяхъ не раса или нація является выраженіемъ признака класса, а напротивъ того классовой признакъ слился съ ранѣе существовавшимъ признакомъ расы или націи.

Марксъ и Энгельсъ часто говорятъ о расовыхъ и національных антагонизмахъ, равно какъ и объ антагонизмахъ пола и возраста, при чемъ они постоянно отдѣляютъ ихъ отъ антагонизмовъ классовыхъ.

Въ «Революціи и Контръ-революціи въ Германіи» Марксъ говоритъ о томъ, что «революція 1848 года сразу вызвала со стороны всѣхъ угнетенныхъ націй требованіе независимаго существованія и права са-

мимъ устраивать свои дѣла». Онъ описываетъ многосложные конфликты между расами и національностями, сыгравшими огромную роль въ событіяхъ 1848 и 1849 года,—нѣмцами, венграми, славянами и, среди славянъ, поляками, чехами, хорватами и другими. Онъ объясняетъ «характеръ борьбы между мадьярской и славянской расой». Онъ изображаетъ «попытки германскихъ славянъ вернуть себѣ независимое національное существованіе». Характеризуя славянскихъ энтузіастовъ Австрійской монархіи, онъ говоритъ, что «въ ихъ глазахъ кампанія была войной за возстановленіе славянства, войной истребленія противъ захватившихъ славянскую землю нѣмцевъ и мадьяръ» ¹⁾. Въ «Классовой борьбѣ во Франціи» Марксъ говоритъ, какъ объ одномъ изъ послѣдствій іюньскаго пораженія, что «это отдало во власть Россіи, Австріи и Пруссіи народы, начавшіе борьбу за свою національную независимость». Во введеніи къ той же книгѣ Энгельсъ говоритъ, что «въ Европѣ всѣ большія націи, за исключеніемъ Польши, добились самостоятельности и внутренняго объединенія» ²⁾. Въ «Восемнадцатомъ Брюмерѣ» Марксъ приводитъ, какъ одну изъ главныхъ причинъ вліянія официальной республиканской оппозиціи при монархіи Луи-Филиппа, «французскій націонализмъ», ненависти котораго къ вѣнскимъ договорамъ и къ союзу съ Англіей она никогда не давала остыть». Другую причину популярности этой партіи въ средѣ промышленной буржуазіи Марксъ усматривалъ въ защитѣ ея органомъ «National» «французской покровительственной системы,—одобряемой имъ, впрочемъ, больше изъ національныхъ, чѣмъ изъ политико-экономическихъ побужденій» ³⁾. Наконецъ, второе воззваніе Генеральнаго Совѣта Международнаго товарищества рабочихъ по поводу франко-германской войны предвидитъ, въ случаѣ присвоенія Германіею французскихъ областей, опасность и необходимость начать готовиться «къ войнѣ расовой, къ войнѣ противъ объединенныхъ славянскихъ и романскихъ расъ» ⁴⁾.

Энгельсъ неоднократно говоритъ о господствѣ мужчины надъ женщиною, объ угнетеніи ея мужемъ. «Мужъ захватилъ въ свои руки правленіе домою, унизилъ и поработилъ супругу, сдѣлавъ изъ нея простое орудіе для удовлетворенія своихъ страстей и дѣторожденія»... Современная индивидуальная семья основывается на ясномъ или скрытомъ домашнемъ рабствѣ жены и представляетъ изъ себя молекулу нашего общества. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, мужъ является у насъ кормильцемъ всей семьи... Въ семьѣ онъ играетъ роль буржуа, жена же является пролетаріемъ» ⁵⁾. Извѣстно то мѣсто «Капитала», гдѣ Марксъ характеризуетъ эксплоатацію женщинъ и дѣтей на фабрикахъ. «Прежде рабочій продавалъ свою собственную рабочую силу, которою

¹⁾ Марксъ, Революція и Контръ-революція въ Германіи, стр. 39, 51, 56.

²⁾ Марксъ, Классовая борьба во Франціи, стр. 38 и XI.

³⁾ Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 16.

⁴⁾ Марксъ, Гражданская война во Франціи, стр. 24.

⁵⁾ Энгельсъ, Происхожденіе семьи, собственности и государства, стр. 46, 47, 56, 62 и 146.

онъ располагалъ, какъ совершенно свободная личность. Теперь онъ продаетъ жену и дѣтей. Онъ становится торговцемъ рабовъ». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Марксъ отвѣчаетъ, на основаніи отчетовъ Children's Employment Commission» поистинѣ возмутительныя наклонности родителей-рабочихъ, которыя напоминаютъ торговцевъ невольниками» ¹⁾).

Главнѣйшими изъ соціальныхъ антагонизмовъ, не принадлежащихъ къ группировкамъ біологической категоріи, являются, помимо классовыхъ, политическіе и религіозные антагонизмы. Политическіе антагонизмы бываютъ двоякаго рода—внутренніе и внѣшніе (антагонизмы между странами, обществами, государствами). Наконецъ, внутренніе политическіе антагонизмы представляются либо въ формѣ антагонизма между политическими группами (управляющими и управляемыми), либо въ формѣ антагонизма между интересами общества, или государства, какъ цѣлаго, и интересами частными его отдѣльныхъ элементовъ.

Въ какомъ смыслѣ можно говорить, что политическіе антагонизмы и политическая борьба, направленная на достиженіе политическаго господства или на освобожденіе отъ внутренняго политическаго угнетенія, являются лишь выраженіемъ классового антагонизма и классовой борьбы? Конечно, въ томъ смыслѣ, что признакъ политической группы—господствующей или подчиненной—есть лишь выраженіе, въ сферѣ политическихъ отношеній, экономического признака класса—господствующаго или подчиненнаго, а политическіе интересы группы представляются лишь особымъ выраженіемъ экономическихъ интересовъ общественнаго класса.

Съ этой точки зрѣнія, либо политическая іерархія вполне соотвѣтствуетъ экономической іерархіи, либо происходитъ борьба, которая приводитъ къ установленію этого соотвѣтствія. «Государство есть не что иное, какъ орудіе угнетенія одного класса другимъ». И не только «каждая классовая борьба есть борьба политическая», но и каждая политическая борьба есть борьба классовая.

Вопросъ о соотношеніи между политикою и экономіею настолько важенъ и обширенъ, что мы посвятимъ ему всю слѣдующую главу.

Что касается антагонизма между интересами общества, или государства, какъ цѣлаго, и интересами частными, то онъ отнюдь не можетъ быть выраженіемъ антагонизма классового. Общество есть нѣкоторое цѣлое, отдѣльныя части этого цѣлаго—классы. Антагонизмъ между цѣлымъ и частями не можетъ быть выраженіемъ антагонизма между отдѣльными частями этого цѣлаго. Интересы общества не могутъ быть тождественны съ противоположными интересами составляющихъ его классовъ. Такъ, по поводу введенія фабричнаго законодательства въ Англіи, Марксъ говоритъ: «Не говоря уже о рабочемъ движеніи, принимавшемъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе грозныя размѣры, ограниченіе фабричнаго труда было предписано такою же необходи-

¹⁾ Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 346—347; ср. стр. 411.

мостью, которая разлила гуано по английским полям. Та же самая алчность, которая, в данном случае, истощила землю, в другом случае подрывала в самом корне жизненную силу нации. Периодическія эпидеміи свидѣтельствовали это съ такой же ясностью, какъ въ Германіи и во Франціи уменьшившійся ростъ солдатъ» ¹⁾). Но «жизненная сила нации» не есть жизненная сила того или другого отдѣльнаго класса. Вмѣшательство въ данномъ случаѣ общества, государства или нации не было выраженіемъ классового антагонизма, хотя и проявилось въ сферѣ отношеній, выработанныхъ классовымъ антагонизмомъ. Напомнимъ о воззрѣніяхъ нѣкоторыхъ комментаторовъ Маркса на природу формъ общественной психологіи и общественныхъ учреждений, возникающихъ и измѣняющихся сообразно требованіямъ общественной пользы. Вспомнимъ, что не только лассалеанцы, но и чистые марксисты говорили и говорятъ часто о «культурныхъ цѣляхъ и задачахъ государства», не отождествляя, конечно, таковыхъ съ интересами опредѣленнаго класса ²⁾).

Столь же очевидно, что антагонизмы между обществами и государствами ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться выраженіемъ классового антагонизма. Въ «Heilige Familie» Марксъ говоритъ объ «эгоизмѣ національностей» ³⁾). Но нация, общество, государства—не классы; напротивъ того, это сложные агрегаты классовъ, раздѣленныхъ между собою часто противоположными интересами. Если даже, какъ это бываетъ часто, хотя далеко не всегда, въ основѣ антагонизма между странами лежатъ интересы экономическіе, то это еще не достаточно для того, чтобы опредѣлять подобный антагонизмъ, какъ нѣкоторое выраженіе антагонизма классового. Возьмемъ, въ видѣ примѣра экономическое поработеніе и эксплуатацію одною страной многихъ другихъ странъ. Афинская рѣспублика, пользуясь господствующимъ положеніемъ, которое она заняла послѣ персидскихъ войнъ, эксплуатировала населеніе множества подвластныхъ ей греческихъ городовъ и острововъ ⁴⁾). Древній Римъ эксплуатировалъ весь извѣстный тогда культурный міръ. Объ Англіи Марксъ писалъ въ 1849-омъ году въ «Neue Rheinische Zeitung», какъ о «странѣ, превращающей въ своихъ пролетаріевъ цѣлые народы». Впослѣдствіи, въ «Капиталѣ», Марксъ о международной экономической роли той же Англіи выражается такъ: «Но вотъ является Сасу и обвиняетъ Англію, конечно, не безъ основанія, въ томъ, что она стремятся обратить всѣ другіе народы въ земледѣльческіе, а сама—сдѣлаться ихъ фабрикантомъ» ⁵⁾). Но слѣдуетъ ли изъ этого, что Афины, Римъ, Англія—

¹⁾ Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 190.—Ср. Mehring, Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, I, стр. 15—16, и Kampfmeier, Der Klassenkampf und der Kulturfortschritt, въ Sozialistische Monatshefte, 1903, № 9, стр. 672.

²⁾ См., напр. Bebel, Die Frau, стр. 291.

³⁾ Nachlass, II, стр. 226 и 230.

⁴⁾ Kautsky, Geschichte des Sozialismus, B. I, 1, 1, русскій перев., стр. 5—6.

⁵⁾ Марксъ, Капиталъ, I, стр. 655.

классы, и что эксплуатація этими странами другихъ странъ есть эксплуатація классовая?

Остается еще категорія антагонизмовъ религіозныхъ. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о нихъ, какъ о нѣкоторомъ выраженіи антагонизмовъ классовыхъ? Въ томъ смыслѣ, что религіозныя вѣрованія и религіозные интересы — лишь нѣкоторая форма сознательнаго или безсознательнаго проявленія классовыхъ интересовъ, а религіозный гнетъ — лишь особая форма классового гнета. Съ этой точки зрѣнія, всякая борьба религіозныхъ вѣрованій сводилась бы на борьбу классовъ. Но, во-первыхъ, и съ марксистской точки зрѣнія, не всякая классовая борьба принимаетъ религіозную форму; и, стало быть, если религіозный антагонизмъ только въ извѣстныхъ случаяхъ, только въ силу особыхъ обстоятельствъ возникаетъ какъ отраженіе существующаго уже антагонизма классового, то онъ — продуктъ не только классового антагонизма, но и этихъ особыхъ обстоятельствъ. Во-вторыхъ, антагонизмъ религіозный, подобно антагонизму между націями или государствами, часто объединяетъ группу классовъ, часто съ противоположными экономическими интересами, противъ другой группы параллельныхъ имъ классовъ, на почвѣ интереса религіознаго; но тамъ, гдѣ экономическій интересъ объединяетъ людей внутри одного класса и отчуждаетъ людей одного класса отъ людей другого класса, тогда какъ, напротивъ того, религіозный интересъ сближаетъ людей различныхъ классовъ и вноситъ разнь внутри одного и того же класса, не можетъ быть рѣчи о томъ, что религіозный антагонизмъ есть отраженіе классового. Въ-третьихъ, религіозное угнетеніе и религіозныя преслѣдованія обыкновенно продолжаются лишь до тѣхъ поръ, покамѣстъ угнетаемые отказываются, вопреки своимъ матеріальнымъ интересамъ, измѣнить своей вѣрѣ, тогда какъ прекращеніе классового угнетенія вообще не зависитъ отъ доброй воли индивидуумовъ эксплуатируемаго класса. Ясно, что между религіознымъ антагонизмомъ и классовымъ антагонизмомъ нѣтъ и не можетъ быть полнаго соотвѣтствія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда каста жрецовъ или корпорація духовенства, пользуясь своимъ религіознымъ авторитетомъ, эксплуатировала экономически народъ, преданный культу и добровольно приносившій ему жертвы, подобная эксплуатація невѣжества не можетъ считаться эксплуатаціею классовою, ибо она основана не на социальномъ порабощеніи какого-либо класса, а на суевѣрномъ преклоненіи всѣхъ слоевъ населенія передъ чудодѣйственною силою заклинаній и молитвъ, на страхѣ передъ муками ада, на ожиданіи награды въ загробной жизни, вообще на подчиненіи трансцендентальнымъ существамъ, а не реальнымъ силамъ ¹⁾. Ни религіозные антагонизмы, ни религіозное угнетеніе, ни добровольная эксплуатація вѣрующихъ служителями культа вообще не могутъ, стало быть, считаться выраженіемъ или отраженіемъ классового антагонизма и классовой эксплуатаціи.

¹⁾ Van Kol, Socialisme et liberté, стр. 63.

Далѣе, не слѣдуетъ ли видѣть въ классовомъ составѣ общества и въ классовой борьбѣ ту первоначальную форму социальнаго антагонизма, изъ которой проистекли потомъ всѣ другіе социальные антагонизмы?

Прежде всего напомнимъ о томъ, что «экономическое происхожденіе извѣстныхъ отношеній и понятій отнюдь не исключаетъ возможности ихъ самостоятельнаго и независимаго отъ ихъ экономическаго источника развитія въ дальнѣйшей ихъ исторіи» ¹⁾. Если бы и было вѣрно, что всѣ или нѣкоторые социальные антагонизмы возникли изъ экономическихъ причинъ или что, впрочемъ, не одно и то же—изъ классового антагонизма, то это не означало бы еще, что и дальнѣйшее развитіе первыхъ продолжаетъ зависѣть отъ породившаго ихъ классового антагонизма. Такъ, жизнь ребенка, послѣ рожденія, становится независимою отъ жизни его матери. Послѣ этого замѣчанія, мы обратимся къ вопросу, въ какой мѣрѣ вѣрно предположеніе о значеніи классового антагонизма для генезиса другихъ социальныхъ антагонизмовъ, въ какой мѣрѣ, слѣдовательно, вѣрно то, что классовой антагонизмъ породилъ признаки и интересы всѣхъ социальныхъ группировокъ.

Съ самаго начала очевидно, что біологическіе признаки пола и возраста не могли возникнуть ни изъ классовой борьбы, ни изъ экономическихъ причинъ, ибо это признаки самой жизни, жизни индивидуумовъ, изъ которыхъ составляются классы, и между которыми возникаютъ экономическія отношенія. Но не возникли ли антагонизмы пола и возраста изъ классовой борьбы и экономическихъ причинъ?

Что угнетеніе женщины не могло возникнуть изъ какой-либо формы классовой борьбы, слѣдуетъ изъ того, что подчиненіе женщины и ея эксплуатація предшествовали—что не отрицается и школою Маркса—всякому дѣленію общества на классы. По словамъ Каутскаго, «первое раздѣленіе труда, на которое мы наталкиваемся въ исторіи, произошло между мужчиной и женщиной» ²⁾. Французскій марксистъ Лафаргъ, комментируя Маркса и Энгельса, говоритъ даже, что, согласно Марксу, «классовая борьба представляется прежде всего какъ борьба пола» ³⁾. Во всякомъ случаѣ порабощеніе женщины предшествовало появленію класса рабовъ.

Правда, Энгельсъ и его послѣдователи объясняютъ порабощеніе женщины экономическими причинами, а именно характеромъ раздѣленія труда между мужчиною и женщиною. Но раздѣленіе труда, само по себѣ, не есть раздѣленіе общества на классы, равно какъ, само по себѣ, оно не есть еще раздѣленіе труда между мужчинами и еще менѣе того порабощеніе вторыхъ первыми. Если этого раздѣленія труда требовали экономическіе интересы общества, то какова

¹⁾ Ю. Делевскій, Историческій матеріализмъ, стр. 10.—Ср. Merlino, *Formes et essence du socialisme*, стр. 246.

²⁾ К. Каутскій, Развитие государственнаго строя на Западѣ, Спб. 1905, стр. 6.

³⁾ P. Lafargue, *Recherches sur l'origine de l'idée de justice*.

могла быть чисто экономическая природа необходимости раздѣленія труда именно между поломъ и поломъ (а не между одними и другими членами общества, безъ различія пола) и порабощенія именно женщины мужчиною (а не мужчины женщиною или одной части общества другою частью общества)? Тотъ же вопросъ остается и въ томъ случаѣ, если раздѣленія труда требовали интересы моногамической или полигамической семьи. Съ одной стороны ни общество, ни семья не суть классы; съ другой стороны, если бы и было вѣрно, что, какъ это утверждаетъ школа Маркса, раздѣленіе домашняго труда между мужчиною и женщиною было причиною порабощенія послѣдней, то, самъ по себѣ, экономическій интересъ общества и семьи не можетъ объяснить ни того, что раздѣленіе труда внутри общества и семьи приняло такой, а не другой характеръ, ни того, что въ жертву интересамъ общества и семьи были принесены интересы цѣлаго пола, и именно женскаго пола. Никакое объясненіе угнетенія пола и возникновенія этой формы соціального антагонизма не можетъ считаться удовлетворительнымъ, если оно не принимаетъ во вниманіе различія способностей мужчины и женщины, вытекающаго изъ различія ихъ фізіологической природы. И марксисты признаютъ значеніе различія способностей того и другого пола въ генезисѣ соотвѣтственнаго соціального антагонизма, но они связываютъ это различіе исключительно съ интересомъ цѣлесообразнаго раздѣленія труда ¹⁾. Но существованіе интереса еще не достаточно для того, чтобы онъ восторжествовалъ, особенно если существуютъ противоположные ему интересы. А интересъ цѣлесообразнаго раздѣленія труда никогда не могъ превратиться въ интересъ порабощенія женщины для самой женщины. Въ данномъ случаѣ интересъ господства одного пола надъ другимъ поломъ восторжествовалъ, благодаря той категоріи способностей, которую мы называемъ силою въ тѣсномъ смыслѣ.

Что біологическій признакъ расы не могъ возникнуть изъ классового антагонизма, слѣдуетъ изъ того, что въ первобытномъ состояніи обществъ, дифференцированныхъ уже въ отношеніи расоваго признака, отсутствуетъ еще классовое разслоеніе въ смыслѣ марксистской терминологіи. Съ другой стороны, отдѣльныя расы могли выработаться подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, дѣйствія внѣшней природы и теллурическихъ условій, образа жизни и характера занятій индивидуумовъ и группъ, но ни въ какомъ случаѣ не подъ исключительнымъ вліяніемъ соціально-экономическихъ отношеній внутри соціальныхъ группъ. Что касается національностей, то онѣ возникали уже и въ историческій періодъ усложненныхъ соціальныхъ отношеній, подъ вліяніемъ всей

¹⁾ Такъ, Каутскій утверждаетъ, что материнство обрекло женщину на занятія, требующія охотности: охотники и воины женскаго пола—всегда дѣвушки, (Каутскій, Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи, 1906, стр. 155). Материнство—одна изъ способностей женщины.—Замѣтимъ, что въ женское войско Дагомеи вербовались и замужнія женщины. Кромѣ того, охотливыя занятія женщины, сами по себѣ, не могли быть причиною ея порабощенія.

суммы историческихъ силъ, дѣйствовавшихъ на данное общество, но во всякомъ случаѣ не подѣ влияніемъ классового антагонизма, а скорѣе вопреки классовымъ и вообще социальнымъ антагонизмамъ (напр. покорителей и покоренныхъ), въ виду общности культурно-гражданскаго оборота: такъ, французская національность образовалась изъ галловъ, римлянъ, франковъ и т. д., англійская національность—изъ кельтовъ, англо-саксовъ, нормановъ и т. д. Между тѣмъ Марксъ характеризуетъ иногда способности и качества отдѣльныхъ расъ и націй, какъ самостоятельный факторъ, въ терминахъ, нѣсколько напоминающихъ антропосоціологическую школу, вызывая этимъ возраженія критиковъ, въ большей или меньшей степени придерживающихся матеріалистическаго пониманія исторіи ¹⁾.

Столь же очевидно представляется невозможность выводить изъ классовой борьбы генезисъ политическихъ и религіозныхъ антагонизмовъ. Внѣшніе политическіе антагонизмы между обществами, племенами, народцами и борьба между ними существовали уже тогда, когда борющіяся стороны не знали еще никакого классового расчлененія. Первобытная религія носила замкнутый характеръ для каждаго племени и, въ столкновеніяхъ между племенами, смѣшивались съ политикою каждаго изъ нихъ; сами религіозныя вѣрованія возникли во всякомъ случаѣ прежде появленія дифференцированныхъ общественныхъ отношеній. Что касается внутреннихъ политическихъ антагонизмовъ, то возникновеніе ихъ связано съ появленіемъ политически правящихъ корпорацій, которыя, по мнѣнію Энгельса, развились вслѣдствіе обособленія отъ общества его собственныхъ органовъ, образовавшихся для охраны общихъ интересовъ, обособленія, явившагося одною изъ причинъ образованія классовъ ²⁾. Конечно, самообразование обществъ и общественныхъ органовъ можетъ быть объясняемо и экономическими причинами. Но, во-первыхъ, эти экономическія причины заключаются въ интересахъ не классовъ, а цѣлыхъ обществъ; во-вторыхъ, это—интересы не только общества, но и всей его жизни, его безопасности, всѣ интересы эстетическіе, религіозные, половые и т. д. Что касается спеціально религіи, то, для Маркса, «религіозный міръ есть не что иное, какъ отраженіе міра дѣйствительнаго»; а для Энгельса, «религія возникла въ самыя первобытныя времена изъ самыхъ темныхъ, первобытныхъ представленій людей о своей собственной и внѣшней природѣ» ³⁾. Но «міръ дѣйствительнаго» не есть міръ только классовыхъ отношеній и не только человѣческой экономіи, а «первобытныя представленія людей о своей собственной и внѣшней природѣ» не могутъ вытекать изъ какихъ-либо экономическихъ антагонизмовъ.

¹⁾ Марксъ, Революція, и контръ-революція, VIII, IV и XIV.—Ср. Марксъ Капиталь, I, стр. 447.—G. Sorel, Saggi di critica del marxismo, L'influenza delle razze, стр. 95—108.—М. Туганъ-Барановскій, Теоретическія основы марксизма, стр. 11—12.

²⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 152—153.

³⁾ Марксъ, Капиталь, I, стр. 41.—Энгельсъ, Л. Фейербахъ, стр. 51.

Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о генезисѣ социальныхъ антагонизмовъ, не зависятъ ли послѣдніе отъ классовыхъ антагонизмовъ, съ тѣхъ поръ, какъ таковыя возникли, и вообще отъ экономическихъ интересовъ, въ томъ смыслѣ, что классовая борьба и экономическіе интересы вызываютъ въ исторіи всѣ другіе социальные антагонизмы, обостряютъ ихъ и даютъ имъ жизнь и дѣйствительное содержаніе, оказываютъ рѣшительное вліяніе на ходъ и результаты борьбы?

Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ опять напомнить, что если въ основѣ социальныхъ антагонизмовъ и борьбы между социальными группами часто лежатъ экономическіе интересы, то крайне важно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изслѣдовать, чѣмъ и экономическіе интересы имѣются въ виду. Ибо борьба за экономическіе интересы группъ не классового типа не есть классовая борьба.

Съ другой стороны, слѣдуетъ остерегаться отъ искушенія видѣть экономическую основу борьбы всюду, гдѣ антагонизмы развиваются и различныя формы борьбы происходятъ въ условіяхъ, предполагающихъ существованіе нѣкоторой суммы экономическихъ ресурсовъ. Для того, чтобы люди могли дѣйствовать и бороться, они должны прежде всего жить, а для этого они не могутъ никогда обходиться безъ нѣкоторыхъ средствъ существованія.

Слѣдовательно, умозаключаютъ отсюда марксисты, въ основѣ всѣхъ социальныхъ явленій лежитъ экономія. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Марксъ и Энгельсъ сами давали иногда, для своихъ послѣдователей, примѣръ подобной упрощенной силлогистики. Сюда относится извѣстное замѣчаніе Маркса—противъ критика, высказавшаго, что въ средніе вѣка преобладалъ католицизмъ, а въ античномъ мірѣ — политика, — о томъ, «что средніе вѣка не могли существовать католицизмомъ, а древній міръ — политикой». Это вполнѣ вѣрно, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что «способъ, какимъ они поддерживали свое существованіе, напротивъ того, объясняетъ, почему въ одномъ случаѣ политика, а въ другомъ католицизмъ игралъ такую преобладающую роль»¹⁾. Сюда же относится оцѣнка научнаго открытія Маркса, сдѣланная Энгельсомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Тотъ осязательный фактъ, что люди должны ѣсть, пить, жить въ жилищахъ и одѣваться, т. е. трудиться, прежде чѣмъ они могутъ бороться за господство, заниматься политикою, религіею, философіею и т. д., — этотъ осязательный фактъ теперь, наконецъ, добился своего историческаго права». Но если ученіе Маркса сводится на тотъ «осязательный фактъ», что безъ ѣды, питья и т. д. невозможна была бы никакая дѣятельность, то не для чего было писать длинныя изслѣдованія: вѣдь это — такъ очевидно! Съ другой стороны, можно было бы съ одинаковымъ основаніемъ выводиться, что и половыя отношенія составляютъ основу социальныхъ отношеній, ибо безъ удовлетворенія половой потребности поддержаніе жизни людей не было возможно²⁾. Дѣло, конечно,

¹⁾ Марксъ, Капиталъ, I, стр. 45.

²⁾ Ю. Делевскій, Историческій матеріализмъ, стр. 25.

не въ подобныхъ тривиальныхъ истинахъ. Какъ говорить Шарль Андлеръ, «экономическая жизнь, само собою разумѣется, является условіемъ *sine qua* поп всякой высшей формы жизни; но заключать изъ этого отрицательнаго условія къ положительному содержанію мысли — это все равно, какъ если бы стали выводить религію апостоловъ изъ ихъ ремесла рыбаковъ и изготовителей палатокъ»¹⁾. Суть вопроса заключается въ томъ, чтобы, на основаніи фактовъ дѣйствительной исторіи, доказать, что классовые антагонизмы находятся въ основѣ всѣхъ другихъ социальныхъ антагонизмовъ, а экономическіе интересы — въ основѣ всѣхъ другихъ интересовъ.

Далѣе, ни Энгельсъ, ни комментаторы Маркса не отрицаютъ существованія взаимодѣйствія между различными интересами или различными социальными силами — такъ называемыми «надстройками» надъ экономическимъ базисомъ²⁾. Съ этой точки зрѣнія социальные антагонизмы не классового типа и интересы неэкономическіе могутъ вліять на всю систему общественныхъ интересовъ, общественныхъ отношеній, на классовую борьбу, на классовой строй общества и вообще на всю его жизнь. Въ какомъ же смыслѣ можно говорить, что только классовая борьба и экономическіе интересы составляютъ существенную сторону социальныхъ антагонизмовъ и борьбы за различные интересы социальныхъ группъ?

Слѣдуетъ ли это понимать въ томъ смыслѣ, что вліяніе неклассовыхъ антагонизмовъ и неэкономическихъ интересовъ на классовую борьбу и на всю судьбу общества, какъ разъ соотвѣтствуетъ дѣйствию классовой борьбы и экономическихъ причинъ на другіе интересы и другіе социальные антагонизмы, и что это дѣйствіе продолжается въ самомъ взаимодѣйствіи, черезъ которое оно лишь преломляется извѣстнымъ образомъ? Или, быть можетъ, взаимодѣйствіе имѣетъ мѣсто лишь въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда оно есть лишь продолженная форма дѣйствія?

Но тогда каково отношеніе между классами и другими социальными группировками во всѣхъ другихъ случаяхъ, т. е. когда предполагается отсутствіе обратнаго дѣйствія вторыхъ на первыя? Значитъ ли это, что въ подобныхъ случаяхъ неэкономическіе и неклассовые антагонизмы все же обусловлены экономическими причинами и классовой борьбою, и послѣдующее вліяніе первыхъ, по ихъ возникновеніи, на общественную жизнь ни въ чемъ не проявляется въ размѣрахъ, представляющихъ сколько-нибудь серьезное значеніе? Или же они возникаютъ независимо отъ классовой борьбы и экономическихъ причинъ, но въ этомъ случаѣ

¹⁾ Ch. Andler, Conception matérialiste de l'histoire, въ *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1897, стр. 656. — Ср. M. Seignobos, рецензія на книгу Labriola въ *Revue Critique d'histoire et de littérature*, Janvier 1898, стр. 91, и приведенную уже цитату изъ Paretto, *Les systèmes socialistes*, t. II, стр. 389.

²⁾ Engels, письмо въ *Sozialist. Academ.*, 15 окт. 1895. — Бельтовъ, *Монист. взгляды*, 10—11. — Каутскій, *Этика и материалистическое пониманіе исторіи*, стр. 178.

ихъ вліяніе на общественную жизнь совершенно ничтожно? Если принять послѣднее толкованіе, то теорія Маркса отказывается отъ признанія монопольнаго значенія классовой борьбы и экономическихъ интересовъ, какъ причины всѣхъ другихъ соціальныхъ антагонизмовъ, приписывая лишь первымъ коэффициентъ наибольшаго дѣйствія.

Возьмемъ, въ видѣ примѣра, вліяніе государства и его финансовой политики на экономію общества. Это вліяніе, какъ показываетъ исторія, можетъ быть огромно. Передъ нами стало быть, примѣръ вліянія дѣятельности правящей группы на судьбу цѣлаго общества. Но отъ чего зависитъ сама финансовая политика государства? «Причиною ужасной нищеты французскаго сельскаго населенія при Людовикѣ XIV, которую такъ краснорѣчиво описываютъ Boisduillebert, маршалъ Вобанъ и др., были не только высокія подати, но также обращеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя. Если, съ другой стороны, натуральная форма поземельной ренты, составляющая въ Азіи вмѣстѣ съ тѣмъ главный элементъ государственныхъ налоговъ, основывается тамъ на условіяхъ производства, которыя повторяются тамъ съ неизмѣнностью естественныхъ законовъ, то эта форма платежа, съ своей стороны, поддерживаетъ прежнія формы производства. Въ ней заключается одна изъ тайнъ самосохраненія турецкой имперіи. Если внѣшняя торговля Японіи, — навязанная ей Европою, — повлечетъ за собою обращеніе натуральной ренты въ денежную, тогда—конецъ ея образцовому земледѣлію. Узкія экономическія условія существованія такого земледѣлія рушатся» ¹⁾. Изъ этихъ словъ Маркса слѣдуетъ, что форма государственныхъ налоговъ можетъ, согласно его теоріи, поддерживать формы производства, откуда слѣдуетъ, что она можетъ и вносить разстройство въ эти формы производства. Ссылка Маркса на Японію интересна въ томъ отношеніи, что, какъ извѣстно, фискальная политика японскаго правительства, вызванная международными отношеніями, была главною причиною того переворота въ экономическомъ укладѣ и во всей общественной жизни Японіи, который произошелъ въ послѣднія десятилѣтія. Но мѣры правительства и международныя отношенія не суть ни мѣры класса, ни отношенія классовыя. Правда, въ этихъ мѣрахъ и въ этихъ отношеніяхъ могутъ играть большую роль экономическіе интересы, если не классовъ, то правительствъ и государствъ. Но самъ Марксъ объясняетъ неизмѣнность экономической организаціи индійской общины тѣмъ, что до нея не доходятъ и ея не затрагиваютъ политическія измѣненія на верхахъ. «Простая производительная организація этой общины, — удовлетворяющая всѣмъ ея потребностямъ, воспроизводящаяся постоянно въ той же самой формѣ и появляющаяся снова, послѣ cadaго случайнаго разрушенія, на томъ же самомъ мѣстѣ и подъ тѣмъ же самымъ именемъ, — даетъ намъ ключъ къ той таинственной загадкѣ, которая заключается въ неизмѣнности азіатскихъ обществъ, такъ странно про-

¹⁾ М а р к с ъ, Капиталъ, I, стр. 95.

творѣчащей съ постояннымъ паденіемъ азіатскихъ государствъ, возстановленіемъ ихъ и съ непрерывными перемѣнами династій. Дѣло въ томъ, что строеніе основныхъ экономическихъ элементовъ общества остается не тронутымъ бурями, происходящими въ его политической атмосферѣ»¹⁾. Отсюда видно, что политическія перемѣны могли происходить въ странахъ совершенно безъ всякаго отношенія къ ихъ экономіи, не будучи вызываемы ею и не дѣйствуя на нее. Но если экономическія причины не участвовали въ подобныхъ политическихъ событіяхъ, въ перемѣнѣ политическихъ правящихъ группъ, то почему не считать возможнымъ, что послѣднія могли вести политику, которая могла имѣть своимъ результатомъ перемѣну экономического строя и экономическихъ отношеній, то исходя изъ экономическихъ интересовъ, то исходя изъ интересовъ, ничего общаго съ экономіею не имѣющихъ? Или, опять-таки, слѣдуетъ думать, что политическія событія, не вызванные глубокими экономическими причинами, не могутъ оказать замѣтнаго вліянія на экономію общества?

Логическій анализъ одного изъ важнѣйшихъ положеній теоріи классовой борьбы показалъ намъ непріемлемость тѣхъ его толкованій, которыя ведутъ къ противорѣчіямъ, или не мирятся съ духомъ самой теоріи, или идутъ въ разрѣзъ съ фактами, признаваемыми и школою Маркса. Другія толкованія способны вызывать сомнѣнія, не разрѣшимыя логическимъ методомъ. Необходимо провѣрить интересующій насъ принципъ и его возможные толкованія путемъ разсмотрѣнія историческихъ фактовъ.

Здѣсь мы наталкиваемся на одно затрудненіе. Законы, устанавливаемые точною наукою, обладаютъ характеромъ всеобщей примѣнимости и не терпятъ никакихъ исключеній. Законы социальной науки, напротивъ того, представляются, для насъ, условными обобщеніями. Это не какой-либо изолированный взглядъ, а мнѣніе цѣлаго ряда выдающихся изслѣдователей. Выше мы уже видѣли, что, несмотря на частыя параллели, проводимыя Марксомъ и Энгельсомъ между добытыми ими социальными-научными результатами и безусловными законами точной науки, все же представляется сомнительнымъ, чтобы они отождествляли, въ смыслѣ одинаковой надежности результатовъ, категоріи нормъ социального и точнаго изслѣдованія. Но и условія обобщенія въ социальной и философско-исторической области могутъ имѣть серьезное значеніе и достаточную важность, если, въ примѣненіи къ большому числу случаевъ, они даютъ основаніе для объясненія прошлаго и предвидѣнія будущаго безъ риска частыхъ и значительныхъ ошибокъ. Можно мириться съ отдѣльными случаями расхожденія дѣйствительныхъ фактовъ и комбинацій съ формулированными законами—обобщеніями, если вѣроятность правильнаго примѣненія ихъ къ подавляющему большинству случаевъ достаточно велика. Но область исторіи безгранична. Изъ

¹⁾ I b i d., стр. 311.

всего историческаго матеріала намъ придется выбрать матеріаль, достаточный для того, чтобы правильно оцѣнить изслѣдуемую вѣроятность, не впадая въ крайность слишкомъ легкаго принятія или слишкомъ легкаго осужденія тѣхъ или другихъ принциповъ.

Въ настоящей главѣ мы приведемъ нѣкоторые историческіе примѣры политико-національных и религіозныхъ антагонизмовъ, представляющихъ значеніе сами по себѣ и въ ихъ отношеніи къ классовой борьбѣ и къ экономіи общества; въ слѣдующей главѣ будутъ разсмотрѣны нѣкоторые примѣры внутреннихъ политическихъ антагонизмовъ и нѣкоторые факты, выясняющіе взаимоотношеніе политики и экономіи общества. Въ дальнѣйшемъ же изложеніи повергнутся провѣркѣ, на основаніи историческихъ фактовъ, другіе принципы теоріи классовой борьбы.

II.

Величественная драма человѣчества чужда единства дѣйствія. Въ ней происходитъ безпрестанная борьба, но дѣйствующія лица непрерывно мѣняются, вмѣстѣ съ ними мѣняются и мотивы конфликтовъ, интересы отличаются сложностью и разнообразіемъ, и содержаніе драмы не укладывается въ рамки простаго опредѣленія. Различныя формы и причины борьбы возникаютъ, исчезаютъ, появляются вновь и отходятъ въ область преданій. Въ какую-нибудь эпоху опредѣленный интересъ получаетъ особое значеніе, и на немъ сосредоточивается вся сила борьбы; потомъ этотъ интересъ теряетъ свое значеніе, или уровень способностей и силъ соціальныхъ группъ, его поддерживающихъ, понижается, и вотъ данный интересъ, какъ источникъ борьбы сходитъ со сцены, а борьба за него прекращается. Законъ борьбы есть не только законъ движенія, но и законъ движенія въ движеніи.

Изъ всѣхъ формъ борьбы, какія только знаетъ исторія, наибольшимъ постоянствомъ и наибольшею степенью непрерывности отличалась борьба обществъ и націй. На зарѣ исторіи, между дикими племенами, между варварскими монархіями, между цивилизованными государствами, на Востокѣ, въ древней Греціи, въ эпоху владычества Рима, въ вѣкъ переселенія народовъ, въ эпоху феодализма, въ періодъ образованія и укрѣпленія новыхъ монархій, до великой французской революціи и послѣ нея, въ теченіе послѣдняго вѣка и теперь на нашихъ глазахъ происходила и происходитъ національно-политическая борьба. Она предшествовала появленію классовыхъ антагонизмовъ, она сопровождала классовую борьбу и часто оказывала на нее и вообще на форму классового строя большое вліяніе, и нельзя предвидѣть того, чего нужно желать и къ чему слѣдуетъ стремиться, а именно исчезнуть ли національные и расовые антагонизмы когда-нибудь послѣ того, какъ исчезнутъ классы и не будетъ мѣста для классовой борьбы. Что въ современномъ

пролетаріатъ—въ томъ самомъ классѣ, который, съ точки зрѣнія марксистскаго соціализма, призванъ заложить основы будущаго не-классового общества — возможны, даже въ наиболѣе сознательной части его, національные антагонизмы, видно не только изъ конфликтовъ, возникающихъ на почвѣ экономическихъ интересовъ внутри страны, напр., Франціи, между рабочими различныхъ національностей—французами, итальянцами, испанцами, бельгійцами—или между рабочими бѣлой и желтой расы въ Америкѣ и Австраліи, но и изъ чисто національнаго антагонизма между чешскими и нѣмецкими рабочими въ австрійскомъ синдикальномъ движеніи, и изъ того культа національнаго чувства,—хотя и предполагаемаго облагороженнымъ и свободнымъ отъ всякаго шовинизма,—которое проповѣдуютъ въ настоящее время оффиціальныя соціалистическія партіи. Съ другой стороны національно-политическая борьба отличается меньшею спорадичностью, чѣмъ классовая борьба: классовые антагонизмы могутъ существовать неопредѣленно долгое время, не сопровождаясь ни сознаниемъ, ни — тѣмъ болѣе — борьбою; національные же антагонизмы въ большей степени соединены съ наличностью тѣхъ соединеній и силъ, однимъ словомъ, съ наличностью тѣхъ способностей, которыя открываютъ для борьбы самое широкое поприще. Тутъ ужъ мы видимъ такое, если можно такъ выразиться, чисто количественное отношеніе между національно-политическими и классовыми антагонизмами, которое не позволяетъ первые выводить изъ вторыхъ.

Чтобы уяснить себѣ особый характеръ національно-политическихъ антагонизмовъ, слѣдуетъ принять во вниманіе установленное нами различіе между признакомъ и интересомъ.

Откуда эти безпрестанные антагонизмы между расами, націями, обществами? Откуда эта вѣчная борьба въ исторіи? Откуда это вѣчное стремленіе къ взаимоистребленію или взаимопорабощенію? Почему лилась и льется кровь въ войнахъ, наполняющихъ все содержаніе исторіи?

Безусловно движущею силою борьбы являлся интересъ, и часто интересъ экономическій. Но существованіе интереса можетъ объяснить лишь, почему вообще люди борются съ людьми, но не то, почему люди одной расы, одной національности, одной страны борются съ людьми другой расы, другой національности, другой страны, однимъ словомъ, почему социальная группа извѣстнаго типа борется съ социальной группою того же типа.

Сверхъ интереса, стало быть, дѣйствуетъ общность признака — расы, національности, принадлежности къ данному обществу,—создающая чувство солидарности между людьми одной и той же социальной группы и сознаніе отчужденности отъ другихъ социальныхъ группъ того же типа.

Сущность признака создаетъ сама по себѣ социальный интересъ социальной группы, независимо отъ причинъ возникновенія этого признака. И разъ существуютъ отдѣльныя расы, націи, общества, то антагонизмъ и борьба между ними является стихійнымъ фактомъ до тѣхъ

поръ, покамѣсть вообще отношенія между людьми не подчинены властному закону борьбы между индивидуумами и между агрегатами, и покамѣсть относительный антагонизмъ между группами и сознание антагонизма не перевѣшивается относительными формами солидарности между ними и, главное, высшею формою солидарности людей, какъ моральныхъ существъ.

Расовые и національные антагонизмы могутъ проявляться и внутри общества или государства, и между обществами или государствами.

Въ школѣ Маркса существуетъ тенденція приводить въ связь пробужденіе современнаго національнаго сознанія съ развитіемъ товарнаго производства. «Какъ только это послѣднее достигаетъ высоты, на которой становится капиталистическимъ, такъ его интересы, и прежде всего интересы капиталистовъ, начинаютъ требовать для себя національнаго, по возможности централизованнаго государства, которое обезпечивало бы капиталистамъ внутренній національный рынокъ и завоевало для нихъ соотвѣтствующее мѣсто и свободу движенія на рынкѣ міровомъ» ¹⁾.

Къ сожалѣнію, никакіе интересы товарнаго производства не могутъ объяснить того, что капиталисты требовали именно національнаго государства, ни больше, ни меньше, почему они не должны были требовать государства интернаціональнаго, или почему они не ограничивались государствомъ, охватывающимъ часть націи.

Къ сожалѣнію, никакіе интересы товарнаго производства не могутъ объяснить того національнаго и расоваго въ широкомъ смыслѣ слова чувства, которое лежало въ основѣ антагонизмовъ еще въ первоначальныя стадіи развитія человѣчества, когда объ интересахъ капитализма не могло быть и рѣчи.

Ненависть и вражда между первобытными племенами, вѣчныя войны между ними изъ-за тѣхъ или другихъ интересовъ. Ненависть и вражда индуса, египтянина, китайца, японца, семита ко всему остальному міру. Презрѣніе и вражда грека, а потомъ римлянина по отношенію къ «варвару». Даже среди народовъ, поглощенныхъ могучимъ организмомъ римскаго государства, не исчезаетъ племенная и національная рознь. Даже въ средѣ рабовъ, возставшихъ подъ предводительствомъ Спартака, обнаружилась рознь, вслѣдствіе разногласія между элементами эллино-варварскими и кельто-германскими.

Существовала ли расовая вражда въ томъ пестромъ конгломератѣ народовъ и племенъ, который принялъ участіе въ расчлененіи Римской имперіи? Вопросъ остается до сихъ поръ спорнымъ. Но примемъ ли мы мнѣніе Фюстель-де-Куланжа, который отрицаетъ существованіе какой-либо расовой вражды въ событіяхъ, вызванныхъ великимъ переселеніемъ народовъ, и считаетъ преувеличеннымъ взглядъ на самое зна-

¹⁾ Каутскій, Исторія социализма, т. I, стр. 209.—Ср. статьи о національностяхъ въ *Neue Zeit* за 1897-й годъ.

ченіе этого переселенія, или, напротивъ того, будемъ придерживаться противоположнаго воззрѣнія множества другихъ историковъ,—во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что силы, подкапывавшіяся въ ту эпоху подъ Римъ, выступали, какъ силы того или другого племени, того или другого народа. Историкъ той эпохи вынужденъ постоянно говорить о нападеніяхъ, вторженіяхъ, войнахъ, завоеваніяхъ вестготовъ, остготовъ, вандаловъ, аламановъ, бургундовъ, франковъ, англо-саксовъ, потомъ лонгобардовъ, норманновъ, датчанъ и т. д. И всѣ эти народности, разсыпавшіеся большими или меньшими массами на всемъ протяженіи бывшей Римской имперіи, преобразовали постепенно социальный строй и наложили свой національный отпечатокъ на весь бытъ и на всѣ учрежденія новаго общества ¹⁾.

Древній міръ зналъ и классовую борьбу, и національные антагонизмы. Классовая борьба внутри общества чередовалась съ борьбою за національную независимость или за національное преуспѣяніе. То національный патріотизмъ подавлялъ классовое чувство, то, напротивъ того, подавлялся имъ, то оба интереса выступали, какъ двѣ самостоятельныя силы. Национальная опасность объединяла весьма часто всѣ классы общества. Но въ борьбѣ греческихъ республикъ съ македонскимъ поработченіемъ и въ борьбѣ античныхъ общинъ противъ римскаго завоеванія замѣчается различіе въ линіи поведенія классовыхъ партій: демократія и народная масса борется за свободу и національную независимость, тогда какъ аристократія и богатый классъ поддерживаетъ внѣшняго врага. Въ эпоху Филиппа I Македонскаго аристократическая партія во всѣхъ греческихъ городахъ стояла за владычество Македоніи. Когда въ Аѣинахъ была получена вѣсть о смерти Александра Македонскаго, то масса гражданъ стала лелѣять надежду на національное освобожденіе, тогда какъ богатый классъ былъ на сторонѣ Фокіона, противодѣйствовавшаго стремленіямъ патріотовъ ²⁾. Во время войны Персея съ Римомъ, національная партія въ Греціи была на сторонѣ Македоніи противъ Рима. Когда Ахейская лига находилась подъ вліяніемъ аристократической партіи, она благопріятствовала Риму, но когда въ ней побѣдила народная партія, она опять-таки дѣйствовала противъ Рима. Въ самой Италіи Римъ поощрялъ среди своихъ «союзниковъ» всюду аристократическій режимъ, и аристократія итальянскихъ городовъ проявляла приверженность къ политикѣ Рима. Во время кампаніи Ганнибала въ Италіи, аристократія каждого города была за Римъ, а плебсъ—за кароагенянъ ³⁾. Чѣмъ объяснить подобное различіе въ отно-

¹⁾ Fustel de Coulanges, L'invasion germanique, Paris, 1891, стр. 397—399, 439, 499, 558 и др. Aug. Thierry, Considérations sur l'histoire de France, въ Récits des temps Mérovingiens.—Georg Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, B. II, 1-e Abtheil., 3-e Aufl., Berlin, 1882, стр. 48—50 и 80—82.—J. Flach, Les origines de l'ancienne France, t. II и III.—E. Glanville, Histoire du droit et des institutions de la France, t. II, Paris, 1888, стр. 112—113.

²⁾ G. Grote, History of Greece, vol. XII, London, 1856, стр. 420.

³⁾ Th. Mommsen, Römische Geschichte, B. I, II, Kap. VII и VIII; B. II (9-e Aufl.), стр. 47.—Fustel de Coulanges, La cité antique, 20-e édit., Paris, 1908, стр. 434—436 и 440.

шеніи къ вопросу о національной независимости у того и другого класса? Тѣмъ, что плебсъ руководствовался главнымъ образомъ патріотическимъ чувствомъ, а богатый классъ былъ движимъ не только національнымъ, но и классовымъ интересомъ—враждою къ демократіи и страхомъ имущественнаго разоренія, въ случаѣ сопротивленія Риму; въ борьбѣ между патріотическимъ чувствомъ и матеріальными интересами послѣдніе обыкновенно брали верхъ ¹⁾). Что конфликтъ между тѣмъ и другимъ интересомъ могъ принимать трагическіе размѣры, видно изъ судьбы аѳинскаго государственнаго дѣятеля Исократы, который вначалѣ поддерживалъ Филиппа Македонскаго, идеализируя его, какъ человѣка, способнаго своею энергіею объединить грековъ и прекратить то, что онъ считалъ злоупотребленіями демократіи, а потомъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, уморилъ себя голодомъ ²⁾).

Что патріотическое чувство въ новое время способно волновать и подымать массы въ большей степени, чѣмъ высшіе классы,—оставляя въ сторонѣ утилитарныя проявленія патріотизма въ послѣднихъ,—показываетъ примѣръ возстанія Парижской Коммуны 1871 года: возмущенное патріотическое чувство было одною изъ главныхъ причинъ, поднявшихъ тогда парижскій пролетаріатъ и нѣкоторую часть мелкой буржуазіи.

Съ тѣхъ поръ какъ въ исходѣ Среднихъ Вѣковъ формулировались новѣйшія націи, пробуждается національное чувство. Короли начинаютъ говорить другимъ языкомъ и въ своей политикѣ опираются на національное общественное мнѣніе ³⁾). Возникаютъ патріотизмы французскій, англійскій, испанскій и т. д. Развивается чувство національной гордости, стремленіе къ національной независимости, къ національному объединенію. Патріотическіе интересы сильно вліяютъ на событія англійской и французской революціи. Въ XIX вѣкѣ, одновременно съ обостреніемъ классовыхъ антагонизмовъ, достигаютъ сильнаго напряженія національные антагонизмы какъ внутри государствъ, такъ и въ отношеніяхъ одной страны къ другой. Борются итальянцы, борются венгерцы, борются бельгійцы, борются чехи, борются нѣмцы, борются національности Балканскаго полуострова—все за національные интересы. Цѣлый рядъ революцій и кровопролитныхъ войнъ, то осложняемыхъ династическими интригами, то, наоборотъ, видоизмѣняющихъ траекторію династической политики—преслѣдуетъ осуществленіе тѣхъ же національных цѣлей. Никогда, какъ теперь, не чувствуется съ такою силою вся жгучесть чисто національнаго угнетенія. Никогда, какъ теперь, не достигли такихъ уродливыхъ размѣровъ болѣзненные спутники патріотизма—шовинизмъ, націонализмъ, джингоизмъ.

¹⁾ Р. Guiraud, Etudes économiques sur l'antiquité, стр. 16—17.

²⁾ Е. Curtius, Griechische Geschichte, 6-e Aufl., B. III, Berlin, 1889, стр. 714—715.

³⁾ F. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. X, Les nationalités, Paris, 1865, стр. 299—300.

Что національные антагонизмы и вытекающіе изъ нихъ конфликты не могутъ быть выведены ни изъ классовой борьбы, ни изъ дѣйствія интересовъ опредѣленнаго класса, слѣдуетъ съ очевидностью изъ того, что національное чувство есть чувство націи, а не класса или классовъ, и менѣе всего только высшихъ классовъ, и что національное угнетеніе есть угнетеніе націи, поражающее въ той или другой мѣрѣ всѣ ея классы.

Деспоты, узурпаторы, политическіе авантюристы всѣхъ временъ, въ исканіи популярности, всегда спекулировали на патріотическое чувство всѣхъ классовъ народа, стремясь къ осуществленію своихъ плановъ и къ упроченію своей карьеры въ атмосферѣ національнаго энтузіазма, возбужденнаго призракомъ національной славы и чадомъ военныхъ подвиговъ. Такъ, накануне македонской узурпаціи партія Филиппа въ Аѳинахъ пыталась использовать въ своихъ интересахъ воинственный духъ Исократы и его друзей, такъ какъ, въ случаѣ войны, неизбежна была македонская гегемонія ¹⁾. Походъ Цезаря въ Галлію имѣлъ цѣлью возстановленіе, рядомъ блестящихъ побѣдъ, популярности Цезаря, утраченной имъ, въ силу стеченія неблагоприятныхъ обстоятельствъ ²⁾. Планы о присоединеніи къ Англіи сначала Голландіи, а также Шотландіи, въ эпоху диктатуры Долгаго парламента, исходили изъ стремленія нѣкоторыхъ парламентскихъ вождей укрѣпить авторитетъ господствующей партіи, актомъ, популярнымъ въ націи, и они, конечно, не ошиблись въ оцѣнкѣ народной психологіи ³⁾. Военные успѣхи Наполеона Бонапарта создали во Франціи тотъ культъ Наполеона, ту «Наполеоновскую легенду», которая упорно держится въ сознаніи народа, несмотря на всѣ преступленія узурпатора и на всѣ атаки критики. Что писалъ Марксъ о Наполеонѣ? «Онъ удовлетворилъ до полнаго насыщенія эгоизмъ французской національности, но онъ требовалъ также, чтобы буржуазныя дѣла, удовольствія, богатство и пр. были приносимы въ жертву каждый разъ, когда этого требовала политическая цѣль завоеванія. Если онъ деспотически угнеталъ либерализмъ буржуазнаго общества—политическій идеализмъ его повседневной дѣйстви-

¹⁾ Curtius, Griechische Geschichte, B. III, стр. 561.

²⁾ G. Ferrero, Grandeur et décadence de Rome, I, стр. 415, II, 46—49. Ср. Proudhon, De la Justice, Essais, № 2, стр. 31.—Ж. Сорель, то самый еретическій критикъ Маркса, то, наоборотъ, plus marxiste que Marx lui-même, видитъ главную причину великихъ завоеваній древности, а въ частности завоеванія Галліи, въ исканіи золота (G. Sorel, La ruine du monde antique, Paris, 1901, стр. 185). Но Римскій сенатъ упорно отказывался присоединить къ Республикѣ Египетъ, страну естественныхъ богатствъ и несмѣтныхъ сокровищъ, изъ-за соображеній политическихъ, покаместъ на эту мѣру не рѣшился Октавій, между прочимъ именно изъ-за нужды въ деньгахъ (Mommsen Römische Geschichte, 8-e Aufl., III B. стр. 52; Ferrero, Grandeur et décadence de Rome,—IV, стр. 242). Въ отношеніи богатства, Галлія, конечно, не чета была Египту. Самъ Сорель, въ другой своей книгѣ, не подчеркиваетъ огромное значеніе чувства національной гордости въ исторіи, но и до нѣкоторой степени апологизируетъ полезное вліяніе національнаго эксклюзивизма въ прежнее время (G. Sorel, Introduction à l'économie moderne, Paris, 1903, стр. 266—267).

³⁾ Guizot, Histoire de la révolution d'Angleterre, t. III, стр. 245—247, 269, 274—275 и 314—315.

тельности, то онъ не болѣе того щадаль его самые существенные матеріальныя интересы, какъ только они вступали въ конфликтъ съ его политическими интересами» ¹⁾. Въ началѣ царствованія Луи-Филиппа была снаряжена французская экспедиція въ Бельгію, чтобы заставить голландскаго короля Вильгельма подчиниться рѣшенію Лондонской конференціи державъ; главная цѣль французскаго правительства заключалась въ упроченіи новаго трона какимъ-нибудь блестящимъ внѣшнимъ предпріятіемъ, хотя дѣйствительные интересы Франціи должны были пострадать въ Бельгіи отъ этой экспедиціи ²⁾. Въ теченіе XIX вѣка династическая политика европейскихъ дворовъ направлена была на то, чтобы извлечь возможную выгоду изъ національно-патріотическаго движенія, охватившаго многія страны. Савойскій домъ сдѣлалъ свою карьеру при объединеніи Италіи. Прусская монархія достигла наивысшей степени блеска и могущества, вытѣснивъ конкуррировавшій съ нею домъ Габсбурговъ и взявъ въ свои руки политическое объединеніе, подъ эгидою Гогенштауфеновъ, большинства странъ Германіи. Династическія войны могли выдавать себя за національныя войны. Франко-прусская война была результатомъ интригъ двухъ враждебныхъ правительствъ: бонапартисты стремились побѣдоносною войною укрѣпить императорскую династію; Бисмаркъ же хотѣлъ войны, въ интересахъ единства Германіи, полагая, что взаимныя распри нѣмцевъ прекратятся только въ побойщѣ противъ общаго врага ³⁾. По словамъ Бенуа Малона, «опасности, которыя навлекаетъ на современную Европу вѣчная угроза страшной войны, проистекаютъ не изъ экономическихъ причинъ, но изъ расовыхъ антагонизмовъ и изъ шовинизма, ненормально возбуждаемаго династическими интересами и клопочущими націоналистическими вождями» ⁴⁾.

Разъ національное чувство, присущее широкимъ массамъ народа, можетъ принимать и нормальныя и уродливыя формы, то становится понятнымъ, какимъ образомъ націоналистическая платформа можетъ объединить политическій радикализмъ и даже демагогизмъ съ реакціоннымъ шовинизмомъ и культомъ милитаризма. И крайняя лѣвая, и крайняя правая французскаго націонализма пышно расцвѣли въ реакціонно-демагогической общественной культурѣ періодовъ какъ буланжизма, такъ и дѣла Дрейфуса. Возбужденіе патріотическаго энтузіазма, хотя бы цѣною внѣшнихъ столкновеній, составляетъ излюбленное средство правительствъ — иногда, впрочемъ, ведущее къ совершенно нежелательному для нихъ результату — справиться съ внутренними затрудненіями, отвлекая въ другую сторону общественное вниманіе, а затѣмъ ослабляя оппозицію и усиливая правительство, выступающее по отношенію къ внѣшнему про-

¹⁾ Marx u. Engels, Die heilige Familie, Nachlass, II, стр. 230.—Ср. Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 89—93.

²⁾ Louis Blanc, Histoire de dix ans, t. III, стр. 404.

³⁾ Ch. Andler, Le prince Bismark, Paris, 1899, стр. 140—141.

⁴⁾ Benoît Malon, Le socialisme intégral, t. I, стр. 202.

тивнику въ качествѣ представителя націи. Политика Криспи — бывшаго гарибальдійца — была амальгамою жестокихъ внутреннихъ репрессій и внѣшнихъ династически-колониальныхъ предпріятій; военное пораженіе, какъ извѣстно, низвергло того, кто многіе годы былъ палачемъ Италіи. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ политика правительства обусловлена результатами народнаго голосованія, призракъ дѣйствительной или мнимой опасности войны часто выдвигается для воздѣйствія на общественное мнѣніе въ направленіи, желательномъ для обдѣльванія дѣлъ реакціонныхъ партій, и для торжества политики, враждебной матеріальнымъ интересамъ народныхъ массъ. Подобные приемы агитаціи обыкновенно удаются вполнѣ или отчасти. Въ видѣ примѣра, можно указать на потери социаль-демократіи на послѣднихъ выборахъ въ германскій рейхстагъ и увеличеніе силъ консерваторовъ-унионистовъ во время послѣднихъ выборовъ въ англійскую палату.

На патріотическое чувство народныхъ массъ можно опираться потому, что таковое дѣйствительно существуетъ. «Разжигать» національныя страсти можно лишь потому, что соотвѣтственный горючій элементъ въ народной психологіи дѣйствительно существуетъ. Національное чувство можетъ побуждать низшіе классы народа къ дѣйствіямъ, которыя идутъ противъ ихъ непосредственныхъ матеріальныхъ интересовъ. Часто здѣсь дѣйствуетъ темный расовый аффектъ любви или ненависти, унаслѣдованный изъ зоологическаго періода; часто дѣйствуютъ менѣе смутные аффекты національной гордости и національной славы. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ ясно сознанный интересъ, это — далеко не всегда интересъ экономическій, это можетъ быть интересъ національной независимости, національнаго языка, національной культуры. Наконецъ, тамъ, гдѣ дѣйствуетъ интересъ экономическій, это — далеко не всегда интересъ одного класса или правящихъ классовъ, а напротивъ того это весьма часто интересъ всего общества.

Извѣстный либеральный экономистъ Г. де Молинали замѣтилъ, что событія внѣшней политики послѣдняго вѣка совершенно не оправдали предсказаній теоретиковъ французской революціи, думавшихъ, что войны исчезнутъ вмѣстѣ съ династіями, — когда не будетъ династическихъ мотивовъ для международныхъ столкновеній, какъ-то стремленія увеличить число подданныхъ, увеличить доходы и пр.; но «націи» послѣдовали примѣру династій ¹⁾. Молинали забылъ о войнахъ между демократіями античнаго міра. Есть войны и войны. Есть династическія войны, ненавистныя народамъ, принимающимъ въ нихъ участіе противъ своей воли, подъ желѣзнымъ ярмомъ тиранній; есть династическія войны, ничего общаго не имѣющія съ интересами націй, но весьма популярныя среди «подданныхъ», въ силу тяготящаго надъ ними духа рабства, ставшаго второю натурою въ вѣковой школѣ сервизизма. Но есть

¹⁾ G. de Molinari. Comment se résoudra la question sociale, Paris, 1896, стр. 284.

войны, которыя велись и ведутся ради дѣйствительныхъ или мнимыхъ національныхъ интересовъ, независимо отъ формы правленія и отъ интересовъ правительствъ; и если это — интересы экономическіе, то это могутъ быть экономическіе интересы всей націи и лишь въ частныхъ случаяхъ интересы правящихъ классовъ, какъ напр., капиталистовъ или военной корпораціи.

Когда Аѳинское государство воевало за сохраненіе своей гегемоніи въ Греціи, то въ успѣшномъ исходѣ борьбы былъ заинтересованъ не только богатый классъ Аѳинъ, но и вся совокупность свободныхъ гражданъ: отъ аѳинской гегемоніи зависѣло цвѣтущее состояніе торговли, та же гегемонія приносила огромные государственные доходы Аѳинской республикѣ, которые служили для большаго обогащенія богатыхъ и для содержанія бѣднаго и празднаго класса свободного населенія. Съ гегемоніею Аѳинъ были связаны экономическіе интересы всего свободного населенія республики; когда эта гегемонія пала, Аѳины стали приходить въ упадокъ и потомъ окончательно разорились. Всѣ граждане Аѳинъ составляли какъ-бы товарищество, черпавшее средства изъ государственной казны; званіе гражданина въ Аѳинахъ было экономически выгодно, и потому законъ обставлялъ принятіе въ число гражданъ большими трудностями и весьма сложною процедурою ¹⁾.

Когда римскіе «союзники» въ Италіи возстали противъ метрополіи, то это былъ взрывъ долго удерживаемаго возмущенія противъ гнета и эксплуатаціи Римомъ итальянскихъ общинъ, требованія которыхъ отвергались одинаково рѣшительно римскою аристократіею и римскимъ плебсомъ ²⁾. Демократическая партія, Гай Гракхъ и второй Друзъ потеряли свою популярность вслѣдствіе того, что они предложили дать право гражданства союзникамъ: народъ смотрѣлъ на римское гражданство, какъ на свою исключительную привилегію; дававшую экономическую прерогативу пользованія средствами государственной казны и доходами отъ государственныхъ имуществъ республики. «Каково бы ни было происхожденіе доходовъ, попадавшихъ такимъ образомъ въ руки римскаго плебса, послѣдній менѣе всего думалъ о томъ, чтобы дѣлить ихъ съ другими. Онъ не ставилъ себѣ вопроса о томъ, не требуетъ ли интересъ государства устраненія тѣхъ несправедливостей, жертвою которыхъ были итальянцы; римскій плебсъ имѣлъ добычу, которую онъ пожиралъ, и единственная его мысль состояла въ томъ, чтобы защищать ее противъ пришельцевъ, готовыхъ запустить въ нее свои зубы» ³⁾.

Когда англійскій король Эдуардъ III, ради своихъ претензій на французскій престолъ, открылъ военныя дѣйствія, которыми началась столѣтняя война между Англіею и Франціею, то эта въ сущности ди-

¹⁾ P. Guiraud, *Etudes économiques sur l'antiquité*, стр. 23.

²⁾ Th. Mommsen, *Römische Geschichte*, II B., 9-e Aufl., Berlin, 1903, стр. 118—119.

³⁾ P. Guiraud, *Etudes économiques*, стр. 25.

настическая война была популярна въ широкихъ слояхъ населенія Англіи: одни надѣялись, что пріобрѣтеніе владѣній на континентѣ позволитъ уменьшить налоги для англичанъ; другіе ожидали, что Франція будетъ покупать англійскіе продукты; всѣ желали обладать входною дверью во Францію. А между тѣмъ война эта требовала огромныхъ жертвъ, огромныхъ расходовъ со стороны Англіи ¹⁾).

Въ причинахъ, вызвавшихъ или обострившихъ военные конфликты между народами, часто могли участвовать, въ качествѣ пружинъ, матеріальные интересы отдѣльныхъ общественныхъ классовъ—финансистовъ, купцовъ, промышленниковъ. Такіе случаи бывали въ древности, подобные случаи повторяются и въ настоящее время. Извѣстно, какъ значительны были роль и вліяніе финансистовъ въ политикѣ древняго Рима; они дѣйствовали заодно то съ сенатомъ, то съ плебсомъ; они стояли за внутренній порядокъ и внѣшнія войны, въ ихъ интересахъ было содѣйствовать территоріальнымъ приращеніямъ Рима ²⁾). Разрушеніе Коринѳа и, быть можетъ, разрушеніе Карфагена, какъ замѣчаетъ Моммсенъ, было, вѣроятно, дѣломъ партіи финансистовъ, желавшей избавиться отъ коммерческаго соперника ³⁾). Роль финансовыхъ компаній въ международныхъ столкновеніяхъ и особенно въ колоніальной политикѣ цивилизованныхъ странъ новаго времени ни для кого не составляетъ тайны. Капитализмъ стремится использовать современный милитаризмъ въ своихъ интересахъ, и это ему нерѣдко удается. Но отсюда, конечно, далеко до вывода, что современный милитаризмъ—продуктъ капитализма. Съ другой стороны, самые интересы капитализма выдаютъ себя и выступаютъ въ подобныхъ случаяхъ—не всегда безъ основанія—какъ интересы промышленности и торговли всей страны, иначе говоря какъ интересы не класса, а всей націи.

Политико-національное угнетеніе одной страны другою, одной расы другою расою, одного народа другимъ народомъ есть угнетеніе не класса, а общества, расы, націи, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ тяготѣть съ большею силою надъ одними, чѣмъ надъ другими классами того же общества, той же расы, той же націи. Человѣкъ угнетается не въ силу принадлежности его къ опредѣленному классу, а въ силу принадлежности его къ другому племени, къ другой расѣ, къ другому обществу. Въ Акрѣ всѣ рабы — иностранцы; туземцы не могутъ быть проданы въ рабство ⁴⁾). Когда рабство существовало еще въ Америкѣ, негры-невольники составляли классъ. Но съ тѣхъ поръ какъ негры получили свободу, антипатія бѣлыхъ къ чернокожимъ и преслѣдованіе чернокожихъ, независимо отъ ихъ соціального положенія, все сильнѣе обострялись не только въ южныхъ но, и въ сѣверныхъ штатахъ; съ другой стороны, бѣлые жалуются на угнетеніе ихъ неграми тамъ, гдѣ, какъ, напр., на Антильскихъ островахъ, сила и власть на-

¹⁾ Thor. Rogers, Travail et salaires en Angleterre depuis le XIII-e siècle, Paris, 1897, стр. 173 и 176.

²⁾ P. Guiraud, l. c., стр. 212—213.

³⁾ Th. Mommsen, Römische Geschichte, II B. стр. 50.

⁴⁾ A. Novelaque, Les nègres de l'Afrique sus-équatoriale, стр. 320.

ходятся въ рукахъ чернокожихъ ¹⁾. Цѣлыя націи превращались въ угнетенные классы, вслѣдствіе завоеванія: періэки и илоты противъ дорійцевъ въ Спартѣ, пенесты въ Тессаліи, кельты и отчасти римляне противъ завоевателей-германцевъ, англо-саксы противъ нормановъ. А когда имѣетъ мѣсто національное угнетеніе въ тѣсномъ смыслѣ, то его въ той или другой мѣрѣ испытываютъ всѣ классы угнетаемой націи. Такъ, всѣ чехи, независимо отъ соціального положенія, возстаютъ, какъ противъ гнета и униженія своей націи, противъ ограниченія правъ чешскаго языка въ школахъ и администраціи. Такъ, всѣ классы польской національности страдаютъ отъ правительственно-нѣмецкихъ репрессій въ прусской Польшѣ.

Марксъ и Энгельсъ, не говоря уже о Лассалѣ, отнюдь не игнорировали существованія національно-расовыхъ антагонизмовъ. Марксъ писалъ о томъ, «что революція 1848 г. сразу вызвала со стороны всѣхъ угнетенныхъ націй требованіе независимаго существованія и права самимъ устраивать свои дѣла». Онъ писалъ о «крайне деспотическихъ мѣрахъ» прусскаго правительства, «направленныхъ противъ польскаго населенія». Онъ много писалъ о борьбѣ расъ нѣмецкой и славянской, венгерской и славянской; онъ писалъ о «поглощеніи» чеховъ и хорватовъ «болѣе энергичными расами» — нѣмцами и венграми ²⁾. Въ первомъ воззваніи Генеральнаго Совѣта международнаго Товарищества Рабочихъ по поводу франко-германской войны говорится о томъ, что «внѣшняя политика, преслѣдуя преступныя цѣли, раздуваетъ національные предразсудки», равно какъ и о томъ, что, «хотя нѣмцы и могутъ съ полнымъ правомъ разсчитывать на симпатіи въ своей оборонительной войнѣ противъ бонапартистскаго нападенія», нѣмецкій рабочий классъ не долженъ «допустить, чтобы война потеряла свой оборонительный характеръ и выродилась въ войну противъ французскаго народа» ³⁾. Энгельсъ пишетъ, что «вторая имперія являлась призывомъ къ французскому шовинизму». Къ этому онъ прибавляетъ: «Но никакое расширеніе границъ такъ сильно не увлекало фантазію французскаго шовинизма, какъ расширеніе на нѣмецкомъ лѣвомъ берегу Рейна. Одна квадратная миля на Рейнѣ имѣла въ ихъ глазахъ больше цѣны, чѣмъ десять миль въ Альпахъ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ» ⁴⁾. Правда, тотъ же Энгельсъ и послѣдователи Маркса пытаются иногда объяснять національно-патріотическое чувство экономическими причинами; но эти попытки признаются неудачными критиками, даже принадлежащими къ школѣ Маркса ⁵⁾.

Марксъ, Энгельсъ, Лассаль не только считались съ національно-

¹⁾ Pierre Leroy-Beaulieu, Les Etats-Unis au XX-e siècle, Paris, 1904, стр. 41.—Его же, Les nouvelles sociétés anglo-saxonnes, стр. 443—444.

²⁾ Марксъ, Революція и контръ-революція въ Германіи, стр. 39, 41—43, 51, 56.

³⁾ Марксъ, Гражданская война во Франціи, стр. 15, 18 и 19.

⁴⁾ Ibid., введеніе Энгельса, стр. 6.

⁵⁾ G. Sorel, Saggi di critica del marxismo, стр. 230—231.

патріотическимъ интересомъ и вызываемыми имъ конфликтами, какъ съ важнымъ факторомъ общественной жизни, но и, мало того, сами чувствовали и разсуждали, какъ нѣмецкіе патріоты, хотя и патріоты-революціонеры. Въ „*Neue Rheinische Zeitung*“ защищалось историческое право Германіи въ борьбѣ съ Данією за Шлезвигъ-Голштинію. „Эти области, писалъ Марксъ въ „*The New York Tribune*“, по національности, языку и симпатіямъ безспорно нѣмецкія, необходимы Германіи также по военнымъ, морскимъ и торговымъ основаніямъ“. Говоря о событіяхъ вѣнской революціи и венгерской революціи, Марксъ замѣчаетъ: „Мы не питаемъ никакого враждебнаго чувства къ Венгріи... Мы и теперь видимъ въ Венгріи естественнаго и необходимаго союзника Германіи при всякомъ будущемъ континентальномъ потрясеніи. Но мы были достаточно строги къ своимъ собственнымъ соотечественникамъ, чтобы имѣть право говорить о нашихъ сосѣдяхъ... И въ качествѣ нѣмца мы скажемъ, что не промѣняемъ на всѣ пышныя побѣды и славныя битвы венгерской кампаніи этого самопроизвольнаго возстанія и героическаго сопротивленія родныхъ намъ вѣнцевъ, давшихъ Венгріи время организовать армію, которая смогла совершить такія великія дѣла“. Идея полнаго національнаго объединенія Германіи была всегда дорога Марксу, Энгельсу и Лассалю; «мало-нѣмецкая» имперія, исключаящая нѣсколько милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ, представлялась имъ уродливою и неполною формою осуществленія „единой и нераздѣльной Германіи“. Въ брошюрѣ «По и Рейнъ» Энгельсъ говоритъ о прекрасной сдѣлкѣ, которую бы сдѣлали нѣмцы, обмѣнявъ «итальянскую ве-тошь» на единство, которое одно могло бы сдѣлать ихъ сильными внутри и во внѣ. Еще съ большею рѣшительностью выступалъ въ патріотической защитѣ интересовъ Германіи Лассаль. Онъ писалъ о необходимости войны, если бы нѣмецкимъ интересамъ угрожала опасность, напр. если-бы Бонапартъ вздумалъ совершить завоеванія въ Италіи «для себя или для своей роли». Онъ доказывалъ необходимость исчезновенія Австріи съ точки зрѣнія нѣмецкихъ интересовъ. Онъ требовалъ отъ прусскаго правительства объявленія войны Даніи, ради Шлезвига-Голштиніи, какъ 11-ю годами раньше требовала «*Neue Rheinische Zeitung*». «Если же прусское правительство, писалъ Лассаль, будетъ медлить и ничего не будетъ дѣлать, то его поведеніе еще разъ докажетъ, что монархія въ Германіи не способна болѣе на національный подвигъ» ¹⁾.— Мы здѣсь очень далеки отъ классовой борьбы. Ж. Сорель смотритъ на нѣмецко-патріотическія заявленія Маркса, какъ на «юношескія иллюзіи», «иллюзіи нѣмецкаго студента», «національные предразсудки» ²⁾. Но до какой степени развиты патріотическія чувства и воззрѣнія у представителей рабочихъ и социалистическихъ партій, непре-

¹⁾ F. Mehring, *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie*, I, стр. 367, 374—375, 511, 513—516.—Марксъ, Революція и контръ-революція въ Германіи, стр. 43 и 56.

²⁾ G. Sorel, *Saggi di critica del marxismo*, стр. 55—57.

дѣльно чтущихъ Маркса, показали пренія въ «милитаристской» комиссіи Штутгартскаго Международнаго Конгресса 1907 года.

Нужно ли доказывать, что національно-политическіе конфликты, въ общемъ независимые отъ классовой борьбы, имѣли самое рѣшительное вліяніе на всю соціальную жизнь и на классовую борьбу внутри обществъ? Что войны между первобытными племенами и общинами породили централизованную власть, что онѣ создали мелкія и крупныя государства, что продуктомъ ихъ явились деспотіи и военныя аристократіи, что классовое угнетеніе во многихъ случаяхъ было результатомъ завоеванія,—это фактъ, признаваемый всѣми за безспорный. Самъ Энгельсъ не отрицаетъ значенія столкновенія общинъ и группъ въ возникновеніи отношеній господства и подчиненія ¹⁾. Не менѣе безспорный фактъ—вліяніе войнъ вообще, а въ частности войнъ національно-политическаго характера на развитіе производительныхъ силъ и на экономическое благосостояніе странъ. Исторія Греціи и Рима даетъ не мало поучительныхъ фактовъ этого рода.

Острое возбужденіе патріотическаго чувства, какъ напр. въ случаѣ вмѣшательства чужестранцевъ во внутреннія дѣла націи или въ случаѣ крупной измѣны противъ націи, можетъ повлечь за собою важныя событія, способныя видоизмѣнить всю внутреннюю жизнь страны. Огромная перемѣна, происшедшая во внутренней жизни Японіи въ послѣднія 40 лѣтъ, была вызвана вначалѣ патріотическимъ волненіемъ, охватившимъ страну, вслѣдствіе возмущенія противъ шогуната, оскорбившаго національную гордость уступками иноземцамъ. Переворотъ, произведенный въ Турціи партіею младо-турокъ, ведетъ свое начало также отъ стремленія турецкихъ патріотовъ избавить Турцію отъ европейской опеки путемъ цѣлаго ряда конституціонно-либеральныхъ реформъ. Когда, во время первой англійской революціи, происходила еще борьба между Карломъ I и Долгимъ парламентомъ, положеніе короля было рѣшительно поколеблено тѣмъ, что страна съ негодованіемъ узнала объ измѣнническихъ переговорахъ короля съ мятежниками-ирландцами и о письмахъ, съ которыми Карлъ I обращался къ французскому королю и къ монархамъ континента, чтобы ввести въ Англію иностранное войско ²⁾. Еще въ большей мѣрѣ отражаются на событіяхъ французской великой революціи требованія національной обороны, когда Франція почти безпрестанно вела войну съ Европою. Нѣтъ почти ни одной важной перемѣны во внутренней политикѣ революціонной Франціи, которой бы Оларъ не связалъ съ тѣми или другими національно-патріотическими мотивами. Такъ, внѣшняя для Франціи опасность привела къ международной революціонной пропагандѣ и подготовила почву для проповѣди универсальной республики еще въ маѣ 1797 года. Возстаніе 10 августа, низ-

¹⁾ F. Engels, Anti-Dühring, стр. 152.

²⁾ Guizot, Histoire de la révolution d'Angleterre, t. II, стр. 118, 223—224 и 254.

вергшее Людовика XVI, было результатомъ того патріотическаго возбужденія, которое охватило Парижъ и Францію, когда обнаружилась измѣна короля, ведшаго переговоры съ австрійцами и пруссаками противъ французскаго народа. Паденіе Людовика XVI повлекло за собою паденіе конституціонной цензовой системы и временное торжество всеобщаго избирательнаго права. Измѣна Людовика XVI возстановила націю не только противъ короля, но и противъ монархіи. Республиканская идея укрѣпилась въ сознаниіи народа послѣ первыхъ побѣдъ республики: республиканская форма правленія показала себя, какъ лучшее орудіе національной обороны. Съ обостреніемъ внѣшней опасности, роялисты начинаютъ подымать голову, но послѣ новыхъ побѣдъ республиканскихъ войскъ они теряютъ почву. Терроръ явился, какъ система политики, вызываемая, между прочимъ, требованіями національной обороны. За внѣшними неудачами послѣдовало парижское возстаніе 2 іюня и паденіе жирондистовъ: народъ думалъ, что дѣйствительная причина военныхъ пораженій заключается въ раздорахъ партій внутри Конвента, и что спасеніе отечества требуетъ возстановленія единства въ центрѣ управленія устраненіемъ одной изъ фракцій. Уничтоженіе христіанскаго культа явилось также, какъ средство патріотической защиты противъ католическаго духовенства; тотъ же патріотизмъ побудилъ потомъ Комитетъ Общественнаго Спасенія выступить въ защиту религіи и католиковъ. Девятое термидора и паденіе Робеспьера стали возможны лишь послѣ того, какъ внѣшнія побѣды позволили его врагамъ напасть на систему и на вожда, безъ ущерба для интересовъ патріотизма ¹⁾).

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно видно, какъ велико можетъ быть вліяніе антагонизмовъ не-классового типа на жизнь и развитіе общества въ цѣломъ, а, слѣдовательно и, на его классовую структуру, на характеръ и результаты классовой борьбы.

III.

Исторія показываетъ, что религіозный интересъ долгое время господствовалъ надъ сознаниемъ, чувствами, стремленіями людей; что требованіямъ культа посвящалась значительная доля энергіи и экономической дѣятельности обществъ; что, ради интереса религіознаго, люди жертвовали своими экономическими и вообще своими матеріальными интересами; и что религіозный интересъ часто побуждалъ людей чувствовать и дѣйствовать вопреки ихъ классовому положенію и классовому интересу.

Исторія показываетъ, что религіозный антагонизмъ вызывалъ страшные конфликты между людьми, независимо отъ ихъ классового

¹⁾ Aulard, Histoire politique de la révolution française, стр. 112, 192, 199, 222, 226, 241—242, 274, 278, 362, 383, 385, 433—434, 439, 469, 472—474, 487 и 495.

положенія, и что религіозная борьба сопровождалась крайне важными послѣдствіями для общественной жизни какъ въ культурномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ перегруппировки соціальныхъ силъ и общественныхъ классовъ.

Исторія показываетъ, что религіозный интересъ дѣйствовалъ, какъ особая сила, которая, то вооруженная физическими средствами матеріальнаго принужденія, то морально подчиняя людей власти фантазмовъ и авторитету догматовъ, вліяла на весь ходъ общественнаго развитія.

Религіозный признакъ, религіозный интересъ, сила и способность религіознаго воздѣйствія—это категоріи, которыя не укладываются въ рамки теоріи классовой борьбы, теоріи борьбы экономическихъ группъ и за экономическіе интересы.

Разъ признано, что религіозный интересъ побуждаетъ людей чувствовать и дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ, то единственная возможность свести религіозныя побужденія на интересы классового или вообще экономического характера или по крайней мѣрѣ обусловить первыя послѣдними заключается въ томъ, чтобы разсматривать религіозныя мотивы, какъ плодъ иллюзіи или обмана, порожденный классовымъ положеніемъ угнетенныхъ и угнетающихъ.

О томъ, чтобы низшіе и угнетенные классы, проявляя религіозный интересъ и религіозныя чувства, прибѣгали къ обману или мистификаціи, не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Именно вѣра народа часто служила орудіемъ его же эксплуатаціи и поработенія вѣрующими или невѣрующими угнетателями. Марксъ, по поводу римской экспедиціи 1848 года, говоритъ: «Въ лицѣ папы Кавеньякъ хотѣлъ поймать на удочку поповъ, вмѣстѣ съ попами крестьянъ, а съ крестьянами—президентство... Бонапартъ... чуждался въ сохраненіи папской власти, чтобы сохранить за собою своихъ крестьянъ» ¹⁾. Сомнѣваться въ искренности религіозныхъ чувствъ народа было бы абсурдомъ. Съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, религіозный инстинктъ народа слѣдуетъ отнести къ области «иллюзій», къ той общественной психологіи, о которой Марксъ писалъ: «На различныхъ формахъ собственности, на соціальныхъ условіяхъ существованія возвышается цѣлая надстройка различныхъ и своеобразныхъ чувствъ, иллюзій, понятій и міровоззрѣній» ²⁾. Съ этой точки зрѣнія, религіозныя вѣрованія угнетенныхъ слоевъ народа представляются системою иллюзій, вырастающихъ на основѣ ихъ классового положенія. «Религія, писалъ Марксъ, есть способъ, которымъ человѣкъ сознаетъ и чувствуетъ свое я, когда онъ, въ сущности, или еще не завоевалъ этого я или снова потерялъ его. Но человѣкъ не есть абстрактное внѣ міра витающее существо. Человѣкъ, это—міръ человѣка, это—общество, государство. Это общество, это государство и создаютъ религію, постольку извращенное міровоззрѣніе, поскольку они сами представляютъ

¹⁾ Марксъ, Классовая борьба во Франціи, стр. 55 и 56.

²⁾ Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 31.

извращенный міръ. Религія, это—общая теорія этого міра... Жалкое состояніе религіи есть, одновременно, и выраженіе жалкаго состоянія дѣйствительности, и протестъ противъ этого жалкаго состоянія. Религія, это—стонъ всего подавленнаго, это—настроеніе безсердечнаго міра, это—духовный элементъ бездушныхъ условій жизни. Она—опіумъ народа. Устраненіе религіи, какъ иллюзіоннаго счастья человѣчества, это—требованіе его дѣйствительнаго счастья. Требованіе отбросить иллюзіи о своемъ положеніи есть требованіе выйти вообще изъ положенія, нуждающагося въ иллюзіяхъ» ¹⁾. О будущемъ религіи Марксъ впослѣдствіи писалъ: «Отраженіе дѣйствительнаго міра въ вѣрованіяхъ можетъ во всякомъ случаѣ исчезнуть лишь тогда, когда условія труда и практической жизни представляютъ человѣку ясныя и разумныя отношенія къ ему подобнымъ и къ природѣ. Общественная жизнь, основаніемъ которой служатъ вещественное производство и предполагаемая имъ отношенія, только тогда освободится отъ закутывающаго ее таинственнаго тумана, когда станетъ произведеніемъ людей, свободно соединившихся въ общество, дѣйствующихъ сознательно и сообразно опредѣленному плану» ²⁾. Для Маркса, стало быть, религія есть иллюзія, порождаемая несовершенствомъ общественнаго, въ частности классового строя.

Прежде всего, если несовершенный общественный строй порождаетъ иллюзіи, то нѣтъ основаній для того, чтобы это были непременно иллюзіи классовъ, а не цѣлаго общества. Далѣе несовершенство общественнаго строя—далеко не результатъ только классового характера общества. Кромѣ того непонятно, почему иллюзіи должны порождаться исключительно несовершенствомъ общественнаго строя, а не вообще несовершенствомъ міра, въ которомъ живетъ индивидуумъ и общество въ частности несовершенствомъ человѣческой природы. Ограниченность человѣческихъ способностей—физическихъ и духовныхъ—и неизбежно связанная съ нею страданія, болѣзни и смерть не прекратятся и въ самомъ совершенномъ обществѣ; и если дѣло—только въ несовершенствахъ жизни, то прогнозъ Маркса о будущемъ исчезновеніи религіи представляется совершенно не обоснованнымъ. Въ самой школѣ Маркса этотъ прогнозъ вызываетъ возраженія ³⁾.

Съ другой стороны, если мы квалифицируемъ представленія и мотивы, лежащіе въ основѣ нѣкотораго интереса, какъ иллюзіи, то мы лишь оцѣниваемъ ихъ съ точки зрѣнія соответствія ихъ нѣкоторому признанному критериуму истины или цѣлесообразности, но этимъ мы не отнимаемъ у нихъ значенія ихъ, какъ дѣйствующей силы. Самые же критериумы оцѣнки могутъ быть различны. Съ точки зрѣнія религіознаго аскета, самое стремленіе къ матеріальному благополучію представляется иллюзіею и суетою. Для филистера посвящать свою жизнь разысканію

¹⁾ Марксъ, Введеніе къ критикѣ философіи права Гегеля.

²⁾ Марксъ, Капиталь, т. I, стр. 42.

³⁾ G. Sorel, Saggi, стр. 165.

истины или борьбѣ за справедливость значить быть жертвою иллюзій. Но вслѣдствіе подобной оцѣнки, стремленіе къ матеріальному благополучію, исканіе истины и борьба за справедливость не перестаютъ оказывать вліяніе на дѣятельность индивидуумовъ и соціальныхъ группъ. Въ данномъ случаѣ насъ интересуесть лишь слѣдующій вопросъ: дѣйствуетъ ли религіозный интересъ въ соотвѣтствіи съ интересомъ матеріальнымъ, экономическимъ, классовымъ интересомъ, или же религіозный интересъ дѣйствуетъ, какъ интересъ независимый, или даже вопреки матеріальному, экономическому, классовому интересу?

Сотни милліоновъ индусовъ свято чтутъ ту самую религію браминизма, которая санкціонируетъ чудовищное неравенство кастъ, жертвами котораго являются сами вѣрующіе. Насколько браманизмъ терпимъ по отношенію къ догмамъ, настолько же онъ фанатически непреклоненъ въ правилахъ почитанія кастъ. «Признаніе кастоваго строя составляетъ патріотизмъ индусовъ. Они—живой парадоксъ объединенія въ культѣ только того, что ихъ раздѣляетъ» ¹⁾. Въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій, за вычетомъ эпохи расцвѣта въ Индіи буддизма, паріи, чандалы и всѣ несмѣтныя массы, входящія въ низшія касты, или остающіяся внѣ кастъ покорно и безропотно переносятъ свое иго и служатъ культу, предписывающему, какъ самую священную обязанность, почитаніе этого ига. Цѣпи вѣры приковываютъ индуса къ его рабству и необходимость безотраднaго его соціально-правового положенія диктуется въ его сознаніи его собственной религіею. Гдѣ тутъ классовой, экономической, матеріальный интересъ угнетенныхъ? Религія давала имъ, вмѣсто реального интереса, неподдѣльную иллюзію: они вѣрили въ воздаяніе, по заслугамъ, ихъ душѣ, когда, послѣ смерти, она переселится въ другое живое существо.

Когда, въ пылу религіознаго энтузіазма, арабы, подобно потоку лавы, распространились по странамъ Азіи, Африки и Европы, всюду насаждая ученіе Магомета или покоряя страны и народы во власть правовѣрныхъ, то единственное условіе, которое они ставили населенію каждой страны для того, чтобы оно пользовалось тѣми же правами, что и побѣдители, состояло въ принятіи мусульманства. Обращеніе въ магометанство не только не стѣснялось, но и сильно поощрялось. Магометане, какъ таковые, независимо отъ происхожденія и національности, составляли классъ аристократіи, занимавшійся молитвою, управленіемъ и военнымъ дѣломъ; невѣрные составляли классъ подданныхъ, которые, не имѣя политическихъ правъ, работали и платили налоги. Различіе религіи легло въ основаніе различія класса господствующаго и класса подчиненнаго. Что мѣшало массѣ невѣрныхъ избавиться отъ своего безправнаго классового положенія? Интересъ религіозный, который для нихъ былъ выше интереса матеріальнаго. И если господствующій классъ не только не противился, но и поощрялъ обращенія христіанъ въ магометанство, то онъ могъ быть увѣренъ, что религія слишкомъ дорога райямъ,

¹⁾ С. B o u g l é, Le droit et la caste en Inde, въ *Année Sociologique*, X-e année, Paris, 1907, стр. 149 и 168.

чтобы можно было опасаться рѣзкихъ соціальныхъ перетасовокъ, вслѣдствіе массовыхъ обращеній христіанъ.

Наиболѣе выдающійся примѣръ добровольнаго перенесенія страданій и гнета за свою религію представляютъ евреи. Здѣсь покамѣстъ для насъ не имѣетъ значенія вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ антисемитизмъ обусловленъ причинами не только религіозными, но и экономическими и политическими. Важно то, что формально и юридически евреи испытывали всегда преслѣдованія, какъ послѣдователи нѣкоторой религіи, которою они отличались отъ массы всего остального населенія. Стоило имъ только отказаться отъ своей вѣры, чтобы преслѣдованіе ихъ, въ качествѣ евреевъ, прекратилось. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе тысячелѣтій—ибо антисемитизмъ существовалъ еще до Р. Х.¹⁾—евреи крѣпко держались вѣры своихъ отцовъ, жертвуя ради нея своею безопасностью и матеріальнымъ благополучіемъ. Матеріальное угнетеніе искупалось у нихъ религіознымъ интересомъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ важенъ фактъ добровольнаго перенесенія гнета цѣлыми классами и націями ради своей вѣры. Угнетенные не боролись. Если бы они боролись, то можно было бы дѣлать допущенія о матеріальныхъ, экономическихъ, классовыхъ мотивахъ религіозной борьбы. Велѣнія культа или гарантіи сохраненія культа, однимъ словомъ, мотивы чисто религіозные стояли выше земныхъ интересовъ и подавляли идею борьбы за подобные интересы.

Но въ такомъ же положеніи находились всѣ преслѣдуемые за свою вѣру въ тѣхъ случаяхъ, когда исповѣдованіе этой вѣры не сопровождалось борьбою за какіе-либо матеріальные интересы. Въ такомъ положеніи были, на примѣръ, первобытные христіане. Никакихъ земныхъ благъ новая религія своимъ прозелитамъ обѣщать не могла. За то она подвергала ихъ страшнымъ опасностямъ. И награды себѣ за свою вѣру они ждали лишь въ другой жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ началѣ развитія христіанства предсказанія евангелія о близкомъ концѣ міра и второмъ пришествіи Христа принимались и понимались дословно вѣрующими. Фанатизмъ экзальтировался представленіемъ о прошлыхъ и грядущихъ чудесахъ. Религія обѣщала вѣчное блаженство въ Новомъ Іерусалимѣ пострадавшимъ отъ гоненій. Религія, столь далекая отъ раціоналистической мысли, что она внушила одному изъ отцовъ церкви, а именно Тертулліану, знаменитое «credo quia absurdum» (я вѣрю потому, что это абсурдно), не могла ни возникнуть, ни распространиться вначалѣ въ болѣе образованныхъ высшихъ слояхъ населенія. Такіе люди, какъ Цельзъ и Юліанъ, философы и до извѣстной степени раціоналисты, отъ всей души ненавидѣли новую религію. Любопытно, что въ высшихъ кругахъ общества христіанство вербовало адептовъ первоначально главнымъ образомъ среди женщинъ, т. е. среди элемента, который, по своему болѣе низкому интеллектуальному развитію, оказывался въ Римѣ во всѣ

¹⁾ Mommsen, Römische Geschichte, B. V, 3-e Aufl., Berlin, 1886, стр. 519.

эпохи воспріимчивымъ ко всѣмъ новымъ культамъ, даже самымъ дикимъ и суевѣрнымъ, которые нарождались на Востокѣ и постепенно проникали въ Италію. Въ эпоху начального энтузіазма, христіанство было новою религіею низшихъ слоевъ общества, обездоленныхъ и угнетеннымъ, религіею ремесленниковъ, пролетаріевъ, рабовъ, воспріимчивыхъ къ иллюзіямъ опредѣленнаго рода какъ въ силу степени умственного развитія, такъ и вслѣдствіе несчастнаго положенія. Для этихъ слоевъ населенія иллюзіи должны были носить демократическій характеръ, культъ—общедоступенъ и награда въ будущей жизни достаточно привлекательна, чтобы возбуждать фанатизмъ, способный подчинить матеріальные интересы земной жизни интересу вѣры и воздаянія въ грядущей жизни ¹⁾. Когда золотой періодъ энтузіазма прошелъ, мы наблюдаемъ интересное явленіе: рабы, изъ рядовъ которыхъ нѣкогда вышло столько обращенныхъ и не мало мучениковъ, становятся въ враждебное отношеніе къ христіанству, и изъ ихъ среды выходятъ доносчики, обвиняющіе христіанъ въ употребленіи въ пищу человѣческаго мяса и во всевозможныхъ преступленіяхъ ²⁾. Иллюзіи вѣры настолько ослабѣли, что на мѣсто ихъ могъ стать голый матеріальный интересъ. Значитъ, религіозный интересъ, или, если угодно, интересъ религіозныхъ иллюзій способенъ опять таки подавлять матеріальный интересъ, какъ можетъ и подавляться имъ. И если Каутскій объясняетъ вѣру во вторичное пришествіе Христа у первобытныхъ христіанъ жизненною силою христіанско-коммунистической общины, нуждавшейся въ мессіанской идеѣ и въ вѣрѣ въ воскресеніе мертвыхъ для упроченія тайнаго союза высокимъ религіознымъ идеаломъ участниковъ противъ опасности преслѣдованія со стороны римскаго деспотическаго государства, то это лишь примѣръ того, какъ въ школѣ Маркса часто даются объясненія, которыя ничего не объясняютъ по существу ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если религіозныя вѣрованія христіанства обязаны своимъ возникновеніемъ существованію постоянной опасности для нѣкоторой формы общежитія, служившей для чисто матеріальныхъ цѣлей, то почему и во всѣхъ случаяхъ существованіе длительной опасности не приводитъ къ созданію соотвѣтственной новой религіи? Во всякомъ случаѣ, если религіозная иллюзія въ данномъ случаѣ и могла способствовать укрѣпленію общины, то сама она обостряла опасность для жизни и матеріальнаго благополучія тѣхъ, которые въ ней уже участвовали.

Добровольное перенесеніе угнетенія ради религіознаго интереса не можетъ, стало быть, допускать объясненія въ матеріальныхъ, экономическихъ, классовыхъ интересахъ угнетаемыхъ. Но не преслѣдуются ли

¹⁾ G. de Molinari, Les problèmes du XX siècle, Paris, 1901, стр. 20—21.—Ср. Лабріола, Къ вопросу о материалистическомъ взглядѣ на исторію, стр. 73—75.

²⁾ F. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. IV, Le christianisme, 2-e édit., Bruxelles, 1863, стр. 116—117.—E. Ciccotti, il tramonto della schiavitù nel mondo antico, Torino, 1899, стр. 274—276.—K. Kautsky, Der Ursprung des Christentums, Stuttgart, 1908, стр. 274—276.

³⁾ Ibid., стр. 167—169 и 400—403.

матеріальныя цѣли релігійными угнетателями, не скрывается ли у нихъ подѣ маскою релігійнаго интереса стремленіе къ господству и эксплуатаціи? Не являются ли здѣсь релігійные мотивы обманомъ или по крайней мѣрѣ самообманомъ?

Всѣ теократіи—египетская, браминская, іудейская, католическая, перувіанская—не могли не дорожить культомъ, какъ орудіемъ господства и источникомъ доходовъ. При этомъ дѣло не обходилось, конечно, часто безъ обмана и мистификаціи. Точно также правительства и высшіе классы весьма часто опирались, да и теперь опираются на релігію, какъ на средство держать народы и угнетенные классы въ смиреніи и покорности ¹⁾. Это—истины давно извѣстныя, и о релігій, какъ орудіи политики, много говорилось отъ Полибія до энциклопедистовъ XVIII вѣка. Даже знаменитый Боссюэтъ, католическій епископъ и провиденціалистъ, набросалъ, на основаніи «Дѣяній Апостоловъ», картину многосложныхъ и экономическихъ интересовъ, руководившихъ нѣкоторыми категоріями гонителей христіанства ²⁾. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда эксплуатация вѣрующихъ существенно является эксплуатаціею ихъ релігійнаго чувства, чуждою всякаго насилія, она не можетъ считаться классовою эксплуатаціею, въ строгомъ смыслѣ этого слова; но, не говоря уже о всѣхъ другихъ случаяхъ установленія въ обществѣ релігійной іерархіи, существованіе профессиональнаго интереса непосредственныхъ служителей культа можетъ вести къ экономическому обособленію, какъ къ предпосылкѣ классового отслоенія.

Что важно въ интересующемъ насъ вопросѣ, это—не принимать части за цѣлое. Возможность обмана, шарлатанства, лицемерія въ извѣстные моменты со стороны отдѣльныхъ индивидуумовъ и корпорацій не должна заслонять общаго факта господства искренняго релігійнаго чувства, неподдѣльнаго релігійнаго интереса во всемъ обществѣ и въ правящихъ классахъ общества.

Было бы абсурдомъ нынѣ утверждать, что релігія была изобрѣтена въ политическихъ или экономическихъ интересахъ господствующихъ классовъ—мнѣніе, которое часто высказывалось въ XVIII вѣкѣ,—или что жрецы и духовенство въ продолженіе столѣтій и тысячелѣтій, сознательно обманывали народъ, не раздѣляя сами его вѣры. Фюстель-де-Куланжъ указываетъ на то, какъ часто, напримѣръ, въ Римѣ релігія стѣсняла патриціевъ и сенатъ ³⁾. А что сила релігійныхъ вѣрованій народа не находится въ связи непремѣнно съ господствомъ и самимъ существованіемъ особой корпораціи духовенства, видно изъ того, что наиболѣе глубокое и наиболѣе прочное релігійное чувство наблюдается часто въ

¹⁾ F. Engels, Ueber historischen Materialismus, въ *Neue Zeit*, 1893, XI, стр. 50.—Bebel, *Die Frau*, стр. 399—400.

²⁾ Bossuet, *Discours sur l'Histoire Universelle*, 2-e, XXVI, стр. 281—282 (изд. Garnier Frères).

³⁾ Fustel, de Coulanges, *La cité antique*, стр. 257.—Art. Bauer, *Les classes sociales*, стр. 285.

общинахъ, сектахъ и культахъ, гдѣ или вовсе нѣтъ духовенства, или же соціально-политическое значеніе духовенства весьма слабо, у евреевъ послѣ разрушенія Іерусалима Титомъ, у лютеранъ, у кальвинистовъ, у пуританъ.

Религіозная философія браминовъ сакціонируетъ различіе кастъ, но это вмѣстѣ съ тѣмъ — философія идеалистическаго пессимизма, проповѣдующая презрѣніе къ земнымъ благамъ и выдвигающая, какъ величайшую добродѣтель для брамина, умерщвление плоти и аскетическое подвижничество. Извѣстно, что еще спутниковъ Александра Македонскаго поражали тѣ мучительныя испытанія, которымъ добровольно подвергали себя, въ религіозномъ экстазѣ, фанатики-брамины.

Когда завоеватели - арабы монополизировали, во всѣхъ покоренныхъ ими странахъ, господствующее положеніе въ пользу правовѣрныхъ, то они искренно вѣрили, что религія позволяетъ имъ эксплуатировать невѣрныхъ. Извѣстно, что въ своихъ походахъ они строго различали между монотеистами—христіанами и евреями—и язычниками. Для язычниковъ не было пощады; христіане и евреи получали всѣ права, наравнѣ съ завоевателями, въ случаѣ принятія ими магометанства или въ случаѣ отказа, имъ гарантировалась терпимость по отношенію къ ихъ религіи, подѣ условіемъ превращенія въ подданныхъ, въ подчиненный классъ по отношенію къ магометанамъ. Экономическіе мотивы и классовый интересъ никогда не брали верхъ надъ интересами религіи и стремленіемъ къ религіозному прозелитизму. Между тѣмъ обращеніе христіанъ въ магометанство постоянно имѣло въ результатѣ увеличеніе числа привилегированныхъ и уменьшеніе числа подданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доходовъ господствующаго класса. Обращенія сдѣлались въ Египтѣ одно время столь многочисленными, что правитель Египта выражалъ даже опасеніе, что, послѣ того какъ всѣ христіане примутъ магометанство, арабская казна потеряетъ всѣ доходы отъ этой провинціи¹⁾.

Что во враждѣ къ евреямъ и преслѣдованіи ихъ часто играли роль ненависть къ соперникамъ-торговцамъ, зависть или алчность къ богатству евреевъ - банкировъ и евреевъ — финансистовъ или возбужденіе противъ эксплоатаціи евреевъ-ростовщиковъ,—въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Когда Филиппъ Красивый конфисковывалъ имущество еврейскихъ купцовъ, то это для него былъ просто такой же источникъ дохода, какъ и ограбленіе итальянскихъ торговцевъ, и ограбленіе собственныхъ подданныхъ посредствомъ фальсификаціи монеты. Когда, въ 1655 году, лондонскіе купцы высказывались противъ предложенія Оливера Кромвеля о допущеніи евреевъ въ Англію, то они, конечно, опасались конкуренціи будущихъ пришельцевъ. Когда, въ началѣ внутреннихъ волненій великой французской революціи, крестьяне, между прочимъ, совершали нападенія на евреевъ, то, безъ сомнѣнія, это былъ взрывъ ненависти противъ роста. Врядъ-ли кто станетъ отрицать, что

¹⁾ L a v i s s e et R a m b a u d, Histoire générale, t. I, стр. 480.

въ современномъ антисемитизмѣ экономическіе мотивы играютъ не меньшую роль, чѣмъ религіозное отчужденіе и расовый антагонизмъ. Но и во всѣхъ этихъ случаяхъ преслѣдованіе евреевъ, насколько даже оно вытекало изъ экономическихъ мотивовъ, не можетъ считаться преслѣдованіемъ классовымъ. Ибо жертвою преслѣдованій здѣсь являются не вообще торговцы, капиталисты и ростовщики, а еврейскіе торговцы, капиталисты и ростовщики. Съ другой стороны, не всѣ евреи — торговцы и ростовщики, какъ не всѣ торговцы и ростовщики — евреи. Инициатива еврейскихъ гоненій не исходила изъ какого-либо опредѣленнаго класса: христіане и неевреи ненавидѣли и преслѣдовали евреевъ. Уже по одному этому не могутъ считаться удовлетворительными попытки выводить преслѣдованіе евреевъ въ Средніе Вѣка или въ нашу эпоху изъ конфликтовъ чисто экономическихъ, или характеризовать современный антисемитизмъ, какъ «соціализмъ дураковъ» (мнѣніе Бебеля), либо какъ «безсознательный соціализмъ» (мнѣніе Нитти), или вообще связывать существованіе и самую продолжительность существованія антисемитизма съ современною экономическою организаціею и ея системою купли-продажи ¹⁾).

Но что не можетъ объяснить части, то тѣмъ менѣе можетъ объяснить цѣлое. Антисемитизмъ существовалъ уже въ древности, когда Іудея была еще автономнымъ государствомъ, и существованіе еврейской національности на собственной территоріи въ ту эпоху должно исключать всякую мысль о враждѣ къ классу, и только къ классу. Вражда къ евреямъ вытекала, повидимому, изъ особенностей ихъ національно-религіознаго культа, отчуждавшей ихъ отъ другихъ народностей и изолировавшей ихъ отъ другихъ людей до такой степени, что возникло то мнѣніе объ ихъ «ненависти къ человѣческому роду», которое было высказано римскимъ историкомъ Тацитомъ. Преслѣдованія сирійскаго царя Антіоха были направлены именно противъ культа іудейскаго. Репрессіи въ Іудеѣ Рима, вообще терпимаго въ дѣлахъ религіи, иногда возникали изъ упорнаго сопротивленія евреевъ мѣрамъ, которыя, въ ихъ глазахъ, были посягательствомъ на монотеистическій культъ, но, съ точки зрѣнія Рима, вызывались требованіями политики — которая могла быть политикою деспотизма, — обязательными для всѣхъ подданныхъ ²⁾). Ненависть къ христіанамъ въ первые вѣка не отличалась отъ ненависти къ евреямъ, съ которыми смѣшивали христіанъ; изолированность первобытныхъ христіанскихъ общинъ и ихъ богослуженія отъ всего остального міра была источникомъ вражды и обвиненій въ той же мѣрѣ, какъ и изолированность и особенности культа евреевъ. Даже обвиненія, которымъ под-

¹⁾ A s c h. E o r i a, Le basi economiche della costituzione sociale, стр. 51 и 265.—N i t t i, Le socialisme catholique, стр. 98.—M a r x, Zur Judenfrage, въ Nachlass, I, русс. перев. (Литературное наследство), стр. 535—574.—Ж. Сорель скептически относится къ надеждѣ на вымирание антисемитизма въ будущемъ (G. S o r e l, Les aspects juridiques du Socialisme, въ Revue Socialiste, 1900, t. XXXII, стр. 396).

²⁾ M o m m s e n, Römische Geschichte, V B., глава о Іудеѣ.

вергались христіане, во многомъ сходны съ тѣми обвиненіями, которымъ подвергались евреи въ Средніе Вѣка и въ болѣе новое время, какъ-то употребленіе въ пищу человѣческаго мяса или крови. Но христіанство восторжествовало, и евреевъ стали ненавидѣть, какъ «богоубійць». Фанатическую ненависть къ «врагамъ Христа» раздѣляютъ всѣ видные отцы церкви, за исключеніемъ св. Августина. Въ моменты обостренія религіознаго фанатизма повышался градусъ ненависти къ евреямъ и гоненій на нихъ. Страданія евреевъ достигли кульминаціоннаго пункта въ эпоху крестовыхъ походовъ, этого своеобразнаго пароксизма религіознаго чувства всѣхъ классовъ христіанскаго міра. Страшныя кровопролитія побудили духовенство даже выступить въ защиту евреевъ. Св. Бернардъ, Дунсъ Скоттъ и папа Иннокентій III ссылались на пророчество св. Павла, какъ на доказательство того, что евреи должны коснѣть въ рабствѣ, но жизнь ихъ должна быть пощажена, дабы исполнилось пророчество объ ихъ грядущемъ обращеніи. Любопытно, что это же пророчество впослѣдствіи сильно смущало гуманиста-христіанина Эразма ¹⁾. Единственная страна Европы, гдѣ евреи пользовались въ Средніе Вѣка свободой и безопасностью, была мусульмано-арабская Испанія. Когда мавры были изгнаны изъ Пиренейскаго полуострова, то для евреевъ и магометанъ запылали тѣ самыя костры инквизиціи, которые впослѣдствіи терроризировали еретиковъ-протестантовъ. Наиболе религіозные изъ королей, какъ напр. Людовикъ Святой, болѣе всѣхъ враждовали противъ евреевъ. Но вообще главный источникъ преслѣдованій противъ евреевъ—проповѣдь католическаго духовенства и религіозный фанатизмъ массъ. Богатые евреи часто пользовались расположеніемъ королей и сеньеровъ, которые прибѣгали къ содѣйствію ихъ, какъ банкировъ, и извлекали огромные доходы изъ налога на ростовщичество. Когда въ 1290 году евреи были изгнаны изъ Англіи королемъ Эдуардомъ I, то современники видѣли въ этомъ актѣ извѣстную жертву со стороны королевскаго фиска ²⁾. Но это расположеніе свѣтской власти къ евреямъ казалось большимъ скандаломъ для католической церкви, которая производила давленіе на королей, проявлявшихъ къ нимъ терпимость. Съ другой стороны, еще св. Бернардъ говорилъ, что ростовщики-христіане хуже, чѣмъ ростовщики-евреи. Излишне доказывать, что среди избиваемой и гонимой еврейской массы ростовщики и эксплуататоры составляли въ общемъ ничтожное меньшинство, какъ составляютъ они и нынѣ ничтожное меньшинство въ той трудовой еврейской массѣ, которая является жертвою разбойныхъ погромовъ въ нашу цивилизованную эпоху. Темныя силы гнета часто соединяются вмѣстѣ. И потому политическій деспотизмъ, инстинктивно чувствующій опору въ національно-шовинистическихъ чувствахъ и религіозномъ фанатизмѣ массъ, обнаруживаетъ и въ новое время склонность къ антисемитизму. Мы говорили,

¹⁾ F. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. VII, La Féodalité et l'Eglise, Bruxelles, 1861, стр. 416—421.—Ср. B o s s u e t, Discours sur l'Histoire Universelle, 2-e, XX, стр. 229—230.

²⁾ L a v i s s e et R a m b a u d, Histoire générale, t. II, стр. 494.

что съ обостреніемъ религіозно-христіанскаго чувства часто ассоціировалось обостреніе вражды къ евреямъ. Интересный примѣръ этого представляетъ Лютеръ: этотъ вождь реформаціи, обновившій христіанство и, по мнѣнію многихъ, спасшій въ свое время христіанскій міръ отъ все болѣе и болѣе развивавшагося невѣрія, громилъ евреевъ, какъ богоубійцъ и требовалъ, какъ нѣкогда папа Иннокентій III, ихъ порабощенія.

Нѣтъ, трагедія еврейскаго народа не есть трагедія класса, дѣйствующихъ лицъ этой трагедіи—преслѣдуемые и преслѣдователи—не классы, и наименьшую роль въ причинахъ конфликта играетъ интересъ экономическій. Эта трагедія, развязка которой еще до сихъ поръ не наступила, чужда единства дѣйствія, какъ чужда ея вся исторія. Но центральное мѣсто въ мотивахъ обособленія и ненависти, мучительства и страданій, которыя наполняютъ содержаніе этой трагедіи, принадлежитъ тѣмъ темнымъ инстинктамъ религіозной и расовой вражды, которые породили столько антагонизмовъ и борьбы въ исторіи.

Что преслѣдованіе христіанъ въ первые вѣка не было преслѣдованіемъ классовымъ и не вытекало изъ какого-либо чисто экономическаго интереса, это — слишкомъ очевидно, чтобы нуждаться въ доказательствахъ. Гоненія на христіанъ были результатомъ императорской политики, которая не могла мириться ни съ видимою конспиративною обстановкою первобытныхъ христіанскихъ общинъ, ни съ тѣмъ диссонансомъ, который онѣ вносили въ единообразіе общественной жизни, установленное желѣзною волею деспотизма; они были также результатомъ религіознаго фанатизма языческихъ массъ, постоянно возбуждаемаго полнымъ отчужденіемъ, изолированностью и всѣми особенностями новаго культа и его послѣдователей. Впослѣдствіи та же императорская политика и религіозные мотивы императоровъ-христіанъ воздвигли гоненія на язычниковъ. Что касается обращенія Константина и признанія христіанства господствующею церковью, то о какихъ-либо классовыхъ или вообще экономическихъ мотивахъ этой огромной перемѣны не можетъ быть и рѣчи. Правда, въ школѣ Маркса повторяется мнѣніе, высказанное Бурхардтомъ, что религіозный интересъ былъ для Константина только предлогомъ, что Константинъ руководился голымъ расчетомъ, что онъ стремился, какъ претендентъ на престолъ, опереться на численную силу христіанъ, что большинство арміи состояло тогда изъ христіанъ, что претенденты въ началѣ IV вѣка могли надѣяться на успѣхъ, только вступивъ въ союзъ съ христіанскимъ духовенствомъ, могучею уже тогда организаціею ¹⁾. Если бы даже это и было вѣрно, то мы имѣли бы въ данномъ случаѣ не актъ какой-либо классовой политики, а союзъ между двумя общественными элементами не-классоваго типа, а именно между политической силою и религіозною организаціею ради интересовъ политическихъ, религіозныхъ и отчасти, быть можетъ, эконо-

¹⁾ Энгельсъ, Предисловіе къ „Классовой борьбѣ во Франціи“ Маркса, стр. XXIII.

номическихъ. Но въ дѣйствительности подобное объясненіе мотивовъ претендентовъ и поступка Константина противорѣчитъ исторической истинѣ. Французскій историкъ древности Гастонъ Буассье доказываетъ, что обращеніе Константина было результатомъ его суевѣрія; что побѣда его надъ Максенціемъ признавалась за чудо не только христіанами, но и язычниками; что принятіе Константиномъ христіанства было скорѣе рискомъ для него въ политическомъ отношеніи, ибо христіанъ было тогда гораздо меньше, чѣмъ язычниковъ: по расчетамъ Бенъо язычники составляли девятнадцать двадцатыхъ населенія имперіи при Константинѣ. Буассье къ этому прибавляетъ, что императоръ Юліанъ, стремясь возродить язычество, тоже дѣйствовалъ согласно убѣжденію, а не изъ расчета, что онъ рисковалъ своимъ положеніемъ, въ виду инертности язычества послѣ Константина ¹⁾. Еще съ большею силою возстаетъ противъ мнѣнія о лицемѣрномъ обращеніи Константина, ради привлеченія къ себѣ силъ и поддержки въ христіанахъ, замѣчательный историкъ Отто Зеекъ, по словамъ котораго Константинъ, человѣкъ въ высшей степени суевѣрный, боявшійся чаръ и дьявола, вѣрившій въ магическое дѣйствіе молитвъ и въ сверхъестественную силу амулетовъ и священниковъ, принялъ христіанство, искренно вѣря въ большую силу христіанскаго Бога надъ языческими демонами и въ доставленіе ему христіанскимъ Богомъ побѣды надъ Максенціемъ ²⁾. Кромѣ своихъ молитвъ, говоритъ Зеекъ, христіане той эпохи не могли давать ничего такого, что существенно могло бы увеличить силу императора. Язычество тогда въ деревнѣ, среди крестьянъ, столь же тогда консервативныхъ, какъ и нынѣ, было еще очень сильно. Мало было тогда христіанъ и среди варваровъ. За старую религію стояли и сенаторы. Христіанство получило нѣкоторое распространеніе только въ средѣ плебса и средняго класса, но оба эти класса мало занимались политикою и мало о ней заботились. Но только крестьяне и варвары могли возвышать и низвергать императоровъ, ибо изъ нихъ вербовались почти исключительно войска. А христіанъ—вопреки утвержденію Энгельса—среди солдатъ было тогда мало. «Какую же помощь могли оказать эти презирающіе міръ святые могуществу императора? Нужны были дѣйствительно героическое мужество и религіозная вѣра Константина, чтобы эту общину предпочесть той сильной помощи, которую могли ему оказать приверженцы язычества?» ³⁾. Однимъ словомъ, принимая христіанство, Константинъ, какъ дитя своего вѣка, былъ далекъ отъ какого-либо притворства, онъ руководился интересомъ, но это не былъ интересъ расчета на земныя, реальныя силы, это былъ интересъ ожиданія сверхъестественной помощи отъ могучаго божества. Та же вѣра лежала въ основѣ

¹⁾ G. Boissier, *La fin du paganisme*, 3-e édit., Paris, 1898, t. I, стр. 27—28, 34—37 и 88—89.

²⁾ Otto Seeck, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, I B., 2-e Aufl. Berlin, 1897, стр. 57—58.

³⁾ Ibid., стр. 58—60.

обращенія Хлодвига и многихъ вождей германскихъ и славянскихъ племенъ. Это язычество въ христіанскомъ обликѣ, которое въ теченіе многихъ вѣковъ, связывало наивныя представленія людей то страхомъ, то надеждою. Въ VI-омъ вѣкѣ король меровингской династіи Хильперикъ посылалъ письма похороненному въ Турѣ св. Мартину, въ которыхъ онъ запрашивалъ, какое наказаніе постигнетъ его, Хильперика, если онъ нарушитъ право убѣжища у гробницы святого; эти письма клались на самую гробницу, и въ теченіе нѣсколькихъ дней посланцы короля ждали отвѣта съ того свѣта. Девятью вѣками позже, уже въ эпоху Возрожденія, французскій король Людовикъ XI, стараясь выторговать обѣтами помощь того или другого святого въ своихъ замыслахъ, заботился о томъ, чтобы соперничество или взаимная зависть между святыми, благосклонности которыхъ онъ домогался, не испортили его дѣлъ.

Если мы теперь перейдемъ къ тѣмъ религіознымъ антагонизмамъ, которые породили двухстороннюю борьбу, то мы прежде всего должны будемъ отмѣтить то обстоятельство, что религіозная борьба въ тѣсномъ смыслѣ этого слова представляется явленіемъ сравнительно рѣдкимъ и спорадическимъ въ античномъ мірѣ, какъ равно она совершенно исчезла или осталась лишь въ качествѣ пережитка въ культурныхъ странахъ нашего времени, между тѣмъ какъ наибольшее значеніе она имѣла и наиболѣе острыя формы она принимала въ Средніе Вѣка и въ эпоху, послѣдовавшую за Реформаціею; тогда какъ классовая борьба, наоборотъ, часто свирѣпствовавшая въ Греціи и Римѣ, а нынѣ достигшая сильнаго напряженія во всѣхъ цивилизованныхъ обществахъ, не проявляла особой энергіи ни въ смыслѣ постоянства, ни въ смыслѣ силы въ эпоху господства религіознаго интереса и особаго значенія религіозныхъ конфликтовъ. Если оставить въ сторонѣ Востокъ, напр., борьбу между браманизмомъ и буддизмомъ или попытку Митридата придать религіозный характеръ войнѣ съ Римомъ, то религіозная борьба въ древнемъ мірѣ была скорѣе исключеніемъ, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она возникала, напр., въ Іудеѣ, она скорѣе вызывалась политическими мотивами деспотовъ-угнетателей, чѣмъ религіозною нетерпимостью. Споратическими представляются случаи преслѣдованія философской мысли, какъ антирелигіозной (Сократъ, Анаксагоръ, Аристархъ Самосскій); въ преслѣдованіи философовъ, когда оно имѣло мѣсто, играли, быть можетъ, болѣшую роль мотивы политическіе, чѣмъ религіозные. Чѣмъ объяснить это отсутствіе чисто религіозныхъ конфликтовъ въ древности? Тѣмъ ли, что культъ былъ интимно связанъ съ родомъ, общиною, государствомъ, и религіозные антагонизмы затухивали и какъ бы растворялись въ антагонизмахъ политическихъ? Или тѣмъ, что идея многобожія, присущая религіямъ древности, сообщала имъ нѣкоторую эластичность, допускающую извѣстную степень взаимнаго пониманія у послѣдователей различныхъ культовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстную степень религіозной терпимости? Какъ бы то ни было, религіозный фанатизмъ, религіозная вражда и религіозная борьба сопровождаютъ упроченіе и распростра-

неніе большихъ монотеистическихъ религій. Борьба происходитъ между послѣдователями различныхъ религій, между послѣдователями различныхъ сектъ одной и той же религіи, между властью духовною и властью свѣтскою, между организаціями одной и той же церкви. Въ періодъ агоніи Западной Римской Имперіи христіане борются противъ язычниковъ, католики противъ еретиковъ, еретики и язычники вмѣстѣ противъ католиковъ. Во время нашествія варваровъ, все вниманіе и весь интересъ современниковъ были сосредоточены на религіи, люди группировались по религіямъ, и наиболѣе жгучій вопросъ момента состоялъ въ томъ, будетъ ли приходъ варваровъ благопріятенъ или неблагопріятенъ христіанству ¹⁾. Въ Галліи католическіе епископы содѣйствовали торжеству язычниковъ-франковъ, изъ ненависти къ еретикамъ-аріанамъ и въ надеждѣ на обращеніе варваровъ въ католическую вѣру. Не удивительно, что Монтескье выдвинулъ вопросъ о вліяніи христіанства на гибель Римской Имперіи, что Рейналь и потомъ Гиббонъ отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно, и что мнѣнія о христіанствѣ, какъ одной изъ причинъ паденія Рима, въ настоящее время держится большинство историковъ, признавшихъ правильнымъ обвиненіе язычниками христіанъ въ оказаніи помощи варварамъ ²⁾. Исторія Византіи полна борьбою христіанскихъ сектъ, и преслѣдованіе ортодоксами еретическаго населенія Африки послѣдователей монофизитизма не мало облегчило арабамъ дѣло завоеванія лучшихъ провинцій Африки. Самый терминъ «византизмъ» сталъ обозначать расточеніе силъ на бесплодную теологическую (а впослѣдствіи и всякую внутреннюю) борьбу. Въ мусульманскомъ мірѣ возникаетъ, въ свою очередь, борьба, и войны ведутся между различными сектами право-вѣрныхъ изъ-за правильнаго пониманія религіи. Затѣмъ наступаетъ эра крестовыхъ походовъ, этой грандіозной борьбы между христіанскимъ и мусульманскимъ міромъ. Реформація открываетъ новую эпоху религіозныхъ войнъ и религіозныхъ преслѣдованій, событій, оказывающихъ рѣшительное вліяніе на судьбы Европы. Религіозные мотивы, то дѣйствуя самостоятельно, то соединяясь съ мотивами политическими, были причиною многочисленныхъ внѣшнихъ столкновеній и внутреннихъ потрясеній въ странахъ Европы со времени реформаціи. Обѣ англійскія революціи XVII вѣка насквозь проникнуты религіозными вліяніями и религіозными интересами. Какъ извѣстно, одинъ весьма важный эпизодъ великой французской революціи, а именно: вандейское возстаніе, былъ результатомъ возбужденія, охватившаго крестьянъ не только вслѣдствіе вербовки солдатъ, но и вслѣдствіе внушеннаго имъ роялистами представленія, что революція отниметъ у нихъ священниковъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на крестовыхъ походахъ и на реформаціи.

¹⁾ Fustel de Coulanges, *L'invasion germanique*, стр. 220—221, 338, 420—423 и 494—498.

²⁾ F. Laurent, *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, t. IV. (*Le Christianisme*), стр. 179, t. V (*Les barbares et catholicisme*), 2-e édit., стр. 66—69.

Каковы были истинныя движущія причины крестовыхъ походовъ, тянувшихся два вѣка и во всякомъ случаѣ оказавшихъ огромное вліяніе на судьбу Востока и Запада, на развитіе культуры и экономическихъ отношеній народовъ?

Не двигала ли массы жажда къ грабежу, не привлекали ли ихъ сказочныя богатства Востока? Не было ли все это движеніе попыткой своеобразной колонизаціи? Не давали ли здѣсь импульса интересы торговли? Не толкала ли крестоносцевъ потребность развлеченія, не руководили ли ими жажда приключеній и стремленіе встряхнуть себя отъ скуки и однообразія феодальной жизни? Не были ли крестовые походы движеніемъ обороны противъ возможнаго вторженія саррациновъ въ Европу? Или же главная причина крестовыхъ походовъ заключается въ религіозномъ энтузіазмѣ христіанъ, принявшемъ острую форму, благодаря особымъ обстоятельствамъ, другіе же мотивы вліяли, какъ побочныя и второстепенныя причины?

Что крестоносцевъ влекли жадность и исканіе добычи, высказывалось какъ послѣдователями теоріи Маркса, такъ и другими авторами. Такъ, Каутскій говоритъ: «Въ XII вѣкѣ христіанскій міръ былъ уже настолько силенъ, что могъ не только защищаться отъ угрожавшихъ ему враговъ, но даже перейти въ наступательное движеніе противъ тѣхъ изъ нихъ, которые своимъ богатствомъ разжигали жадность военной и духовной кастъ: именно противъ обитателей восточныхъ странъ. Крестовые походы начались при живѣйшемъ участіи лакомыхъ на добычу и приключенія феодальныхъ владѣтелей всѣхъ странъ» ¹⁾. Рауль де ла Грассери высказываетъ слѣдующее предположеніе: «Крестовые походы, которые приписываются религіозному энтузіазму, имѣли, быть можетъ, болѣе глубокое основаніе въ томъ лучѣ свѣта, который толкалъ крестоносцевъ на Востокъ, какъ нѣкогда варваровъ на югъ» ²⁾. Но почему именно «христіанскій міръ» шелъ противъ міра мусульманскаго, а не просто грабители шли грабить всюду, гдѣ была добыча? Развѣ феодальныя войны до и послѣ крестовыхъ походовъ не давали въ самой Европѣ достаточно пищи для удовлетворенія всѣхъ аппетитовъ алчности и наживы? И если крестовые походы имѣли цѣлью удовлетвореніе экономическихъ вожделѣній военной и духовной кастъ, то почему въ нихъ принимали добровольное участіе крестьяне, женщины, даже дѣти? Наконецъ, чѣмъ объяснить то, что крестовые походы совпали съ эпохою расцвѣта католичества и авторитета папства, тогда какъ интересъ къ добычѣ у феодаловъ не былъ, конечно, слабѣе ни до, ни послѣ этой эпохи?

Каутскій видитъ еще нѣкоторое сходство между крестовыми

¹⁾ К. Каутскій, Изъ исторіи общественныхъ теченій (Исторія социализма), т. I, стр. 166.—Ср. Ach. Loria, *Le basi economiche della costituzione sociale*, стр. 334.

²⁾ Raoul de la Grasserie, въ *Annales de l'Institut International de Sociologie*, t. VIII, Paris, 1902, стр. 126.

походами и современною колониальною политикою. Еще раньше Каутскаго, известный Лоріа высказалъ, что стремленіе къ завоеванію Гроба Господня было лишь эпизодомъ въ системѣ новой «феодальной колонизаціи». Въ крестовыхъ походахъ Лоріа приписываетъ особое значеніе меркантильнымъ мотивамъ и интересамъ торговли ¹⁾. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній взглядъ страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что онъ совершенно расходится съ историческою истиною. Среди разнообразныхъ причинъ, которыя вызвали крестовые походы, коммерческіе интересы не играли никакой роли. Лишь впоследствии, послѣ успѣховъ крестоносцевъ, торговля старалась извлечь для себя выгоду изъ христіанскихъ побѣдъ и сама стала, въ свою очередь, поддерживать экспедиціи на Востокъ. По словамъ Адольфа Шаубе, большіе морскіе города Италіи приняли участіе въ движеніи, проявляя осторожность и предусмотрительность; значительные ихъ рейсы для крестоносцевъ начались довольно поздно, и цѣль ихъ была достигнута лишь значительное время позже паденія Іерусалима ²⁾. Съ другой стороны, число пришельцевъ, остававшихся навсегда въ Святой землѣ, было постоянно весьма незначительно, ибо большинство крестоносцевъ, немедленно послѣ исполненія своего обѣта, возвращались обратно на родину. Оставались только тѣ, которые шли на Востокъ ради карьеры и матеріальныхъ интересовъ—сеньеры и купцы. Эти элементы дѣйствительно эксплуатировали Палестину, какъ колонію, и безъ нихъ удержаніе завоеванныхъ территорій въ рукахъ христіанъ было бы невозможно ³⁾. Но значеніе интереса этой «феодальной колонизаціи» было совершенно ничтожное въ основныхъ мотивахъ движенія и теряется на общемъ фонѣ картины крестовыхъ походовъ, какъ именно движенія крестоносцевъ изъ Европы на Востокъ.

Еще Монтеस्कье говорилъ о значеніи военной страсти у феодаловъ, какъ мотива крестовыхъ походовъ. Нѣкоторые писатели потомъ сузили идею Монтеस्कье, видя основную причину крестовыхъ походовъ въ стремленіи феодаловъ къ военнымъ развлеченіямъ, въ бѣгствѣ ихъ отъ скуки мира ⁴⁾. Непонятно только, почему именно въ эпоху крестовыхъ походовъ жизнь была для феодаловъ скучнѣе, чѣмъ когда-либо, почему развлеченія они искали именно въ походѣ противъ мусульманскаго міра, и зачѣмъ, одновременно съ феодалами, пустились въ Святую землю бѣдняки, крестьяне, женщины. Или эти послѣдніе тоже томились отъ скуки? Въ дѣйствительности, у самого Монтеस्कье, въ оцѣнкѣ смысла крестовыхъ походовъ, религіозный интересъ приводитъ въ движеніе военную страсть. «Европа, говоритъ Монтеस्कье,

¹⁾ A. Loria, *Le basi economiche*, стр. 334—335.

²⁾ Adolf Schaubе, *Handelsgeschichte der romanischen Völker*, München und Berlin, 1906, стр. 122—123.

³⁾ Lavissee et Rambaud, *Histoire générale*, t. стр. II, 315 и 343.

⁴⁾ Ach. Loria, l. c., стр. 334.—Vilfr. Pareto, *Les systèmes socialistes*, t. I, стр. 18—19.

была полна людьми, которые любили войну, которые должны были искупить много преступлений, и искупить которых предложили имъ, слѣдуя своей господствующей страсти; тогда всѣ взяли въ руки крестъ и оружіе» ¹⁾. И Гизо говорить о предприимчивомъ духѣ и о вкусѣ къ приключеніямъ у феодаловъ-крестоносцевъ, равно какъ объ интеллектуальной праздности и однообразной жизни людей въ ту эпоху; но онъ настаиваетъ на томъ, что «религіозный мотивъ былъ если не единственный, то первый и рѣшающій мотивъ крестовыхъ походовъ» ²⁾.

Нѣкоторую роль въ причинахъ крестовыхъ походовъ Гизо отводитъ инстинктивному сознанию опасности, грозившей самой Европѣ со стороны саррациновъ. Но нерѣдко встрѣчается взглядъ, согласно которому крестовые походы были не чѣмъ инымъ, какъ защитой Европы противъ возможнаго нападенія турокъ. Такъ характеризуетъ крестовые походы, напримѣръ, Огюсть Контъ ³⁾. Но если бы это мнѣніе могло быть признано вѣрнымъ, то оставалось бы непонятнымъ, почему Европа противъ саррациновъ выступала тогда, когда опасность была еще далека, и почему крестовые походы стали совершенно невозможны тогда, когда турки были уже въ Европѣ. Уже папа Григорій VII думалъ объ экспедиціи противъ саррациновъ, именно для защиты Константинополя и въ цѣляхъ объединенія церквей; но, какъ замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, подобная экспедиція чужда была дѣйствительнаго характера крестоваго похода ⁴⁾. Когда турки дѣйствительно грозили Константинополю, папы тщетно взывали къ христіанскому міру о борьбѣ съ ними,—они не встрѣтили никакого отклика. Когда турки были въ Венгріи, христіанскій міръ не шевелился. Папа Пій II искренно желалъ священной войны съ турками. Онъ горячо ее проповѣдывалъ. Онъ говорилъ, что если никто не откликнется, то онъ выступитъ въ походъ одинъ съ кардиналами. Все было тщетно. Это былъ гласъ вопіющаго въ пустынь. Послѣ этого Пій II умеръ его огорченія ⁵⁾.

Вліянія пережитковъ религіи и метафизики часто побуждаютъ изслѣдователей объяснять событія и вызвавшую ихъ дѣятельность людей не сознанными въ дѣйствительности мотивами, а безсознательными стремленіями, толкавшими общества и индивидуумовъ къ опредѣленной цѣли ⁶⁾. Эта «философія безсознательнаго» представляетъ собою лишь особую форму провиденціализма. Такъ, и въ объясненіи крестовыхъ походовъ неоднократно обнаруживается тенденція игнорировать главную

¹⁾ Montesquieu, *Grandeur et décadence des Romains*, ch. XXIII.

²⁾ Guizot, *L'Histoire de France racontée à mes petits-enfants*, t. I, Paris, 1875, стр. 365—366.—Ср. Гизо, *Исторія цивилизаціи въ Европѣ*, Спб. 1864, стр. 143.

³⁾ Aug. Comte, *Cours de philosophie positive*, 4-e édit., Paris, t. V, стр. 284—285.

⁴⁾ L. Bréhier, *L'Eglise et l'Orient au Moyen Age*, Paris, 1907, стр. 52.

⁵⁾ F. Laurent, *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, t. VII, стр. 257; t. IX, стр. 310—312.

⁶⁾ См. Loria, *l. c.*, стр. 334, а также стр. 257.

движущую причину ихъ, какъ она сознавалась самими участниками и современниками, а именно интересъ религіозный. Къ этому основному интересу могли присоединяться и другіе мотивы, которые могли преобладать, напримѣръ, для нѣкоторыхъ категорій крестоносцевъ. Но хотя психологія человѣческой мотиваціи безсильна опредѣлить точное значеніе и силу каждаго отдѣльнаго мотива, выдѣленнаго изъ всей совокупности причинъ, представляющихся сознанію человѣка, какъ сумма мотивовъ, побуждающихъ его дѣйствовать такъ, а не иначе, въ противоположность механикѣ, оперирующей при помощи расчета комбинацій точно опредѣленныхъ физическихъ силъ,—но значеніе религіознаго интереса, какъ основной причины крестовыхъ походовъ, вытекаетъ не только изъ свидѣтельствъ дѣйствующихъ лицъ и зрителей, но и изъ того, что, когда ослабѣли религіозное чувство, сила папства и всѣ тѣ вліянія, которыя, дѣйствуя на воспріимчивость массъ, довели ихъ фанатизмъ въ нѣкоторый моментъ до извѣстнаго пароксизма чувства и дѣйствія, то крестовые походы неизбежно должны прекратиться.

Мы видѣли уже, что Гизо считаетъ основною причиною крестовыхъ походовъ интересъ религіозный. Другой извѣстный французскій историкъ Минье тоже говоритъ, что это движеніе обязано своимъ возникновеніемъ въ гораздо большей степени религіозному фанатизму той эпохи, чѣмъ мотивамъ политическимъ ¹⁾. Между тѣмъ Гизо и Минье менѣе всего склонны игнорировать соціально-экономическую подкладку антагонизмовъ и борьбы въ исторіи, и комментаторы Маркса охотно приводятъ ихъ (вмѣстѣ съ Огюстеномъ Тьерри), какъ предшественниковъ основателя теоріи классовой борьбы. Огромное движеніе, вызванное стремленіемъ отвоевать у мусульманъ Гробъ Господень, можетъ быть совершенно непонятно для современнаго трезво-прозаическаго культурнаго человѣка. Но въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій религіозный человѣкъ привыкъ чувствовать себя не только въ мірѣ реальныхъ явленій, но и въ надъ-мірѣ сверхъестественныхъ существъ, жить не только настоящею землею жизнью, но и вѣчною загробною жизнью. Сила сверхъестественнаго авторитета и интересъ вѣчной загробной жизни могли совершенно подавлять сознаніе реальныхъ интересовъ настоящаго момента и настоящей жизни. Отсюда воинственный фанатизмъ и скандинава, мечтающаго о пиршествахъ Валгаллы, и мусульманина, рвущагося къ тѣмъ райскимъ наслажденіямъ, которыя ему сулилъ Коранъ, и крестоносца, идущаго на подвигъ ради искупленія грѣховъ и въ надеждѣ на радости загробной жизни. Для нихъ нѣтъ страха передъ смертію или страданіями. Никейскій султанъ говорилъ о франкахъ-крестоносцахъ: «Ихъ мужество божественно, либо же оно исходитъ отъ діавола» ²⁾. Даже цѣлые вѣка спустя, когда крестовые походы были лишь историческимъ воспоминаніемъ, великіе мореплаватели, какъ Генрихъ Португальскій,

1) M i g n e t, De la Féodalité, Paris, 1822, стр. 178.

2) J. B. v. W e i s s, Weltgeschichte, V B., Graz und Leipzig, 1903, стр. 750.

Васко-де-Гама, Христофоръ Колумбъ, руководились въ своихъ замыслахъ религіозною утопіею: они мечтали въ новооткрытыхъ странахъ найти союзниковъ противъ саррациновъ въ населеніи, обращенномъ въ христіанство, и приобрѣсти такимъ образомъ новыя силы для крестоваго похода и освобожденія Святой земли ¹⁾).

Душою крестовыхъ походовъ были папы, какъ вожди католической церкви. И эпоха крестовыхъ походовъ совпадаетъ съ моментомъ величайшаго могущества папскаго престола. Папы издавали декреты, согласно которымъ крестоносцы получали отпущеніе грѣховъ, если только они выступали въ походъ «ради одной вѣры, а не для приобрѣтенія почестей или денегъ». Папы и духовенство дѣйствовали не только на массы, но и на монарховъ и на феодальныхъ синьеровъ. Такъ, однимъ изъ условій примиренія церкви съ Генрихомъ II Плантагенетомъ, послѣ убійства Томы Бекета, было требованіе, чтобы король обязался отправиться въ крестовый походъ противъ саррациновъ. Извѣстна роль св. Бернарда Клервосскаго, вынудившаго императора Конрада, противъ его воли, принять участіе въ крестовомъ походѣ. Вначалѣ папы дѣйствовали, вѣроятно, искренно для пользы католичества. Но на свѣтскихъ властителей имъ приходилось вліять, прибѣгая ко всѣмъ ресурсамъ религіи.

На помощь религіи въ XI вѣкѣ пришли и внѣшнія стихіи. Въ эпоху, предшествующую первому крестовому походу, на Францію обрушился цѣлый рядъ несчастій. Пошли наводненія, землетрясенія, неурожай, голодовки, эпидеміи. Войны и междоусобія не прекращались. Страданія населенія отъ гнета и стихійныхъ бѣдствій дошли до высшей степени. Страшное возбужденіе охватило массы. Впечатлительность темнаго народа экзальтировалась цѣлымъ рядомъ необычайныхъ для той эпохи небесныхъ явленій—затмѣніями, падающими звѣздами, кометами. Всюду говорили о знаменіяхъ, видѣніяхъ, пророкахъ. Пилигримничество росло. Въ 1064 году пустилось въ путь даже цѣлое войско пилигримовъ, чтобы дождаться конца міра ²⁾. На такую благодарную почву пали проповѣди Петра Амьенскаго и призывы папы. И потому никогда религіозный энтузіазмъ не былъ такъ силенъ, какъ въ эпоху перваго крестоваго похода. Массы никогда не были, какъ тогда, болѣе воспріимчивы къ подобной проповѣди. Безумные походы дѣтей только и могли имѣть мѣсто въ атмосферѣ религіознаго экстаза, охватившаго тогда цѣлый міръ.

Само собою понятно, что подобное движеніе должно было прекратиться тогда, когда прошли наивныя иллюзіи слѣпой вѣры, и когда палъ моральный авторитетъ того самаго папства, которое стояло во главѣ движенія и его направляло. «Въ концѣ XIII вѣка и въ XIV сто-

¹⁾ Гегель, въ своей „Философіи исторіи“, подчеркиваетъ религіозную основу стремленій Колумба (Hegel, Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, Werke, B. IX, Berlin, 1837, стр. 414—415).—Ср. Cournot, Traité de l'enchaînement des idées, t. II, стр. 394, и Considérations sur la marche des idées, t. I, стр. 123.

²⁾ Reinhold Röhricht, Geschichte der Kreuzzüge, Innsbruck, 1898, стр. 15—16, и Geschichte des ersten Kreuzzugs, Innsbruck, 1901, стр. 27—30.

лѣтѣи народы и государи уже не хотѣли предпринимать крестовыхъ походовъ: они уже не нуждались въ нихъ и не чувствовали къ нимъ влеченія. Крестовые походы начались подѣ влияніемъ религіознаго чувства при исключительномъ господствѣ религіозныхъ идей надъ всѣмъ существованіемъ человѣка; теперь это господство потеряло свою силу... Приключенія для государей замѣнялись политикой, для народа—трудомъ въ обширныхъ размѣрахъ» ¹⁾. Самая безрезультатность крестовыхъ походовъ вела къ разочарованію и подрывала вѣру. Въ католическомъ мірѣ раздавались обвиненія противъ Провидѣнія. Послѣ смерти Людовика Святого, одинъ трубадуръ восклицалъ въ отчаяніи: «лучше служить Магомету» ²⁾! Вѣра падала, росло недовѣріе, все болѣе и болѣе падалъ авторитетъ католическаго духовенства и папъ. Если первоначально папы, становясь во главѣ движенія, дѣйствовали подѣ влияніемъ религіознаго интереса, то впослѣдствіи они стали руководиться чисто политическими расчетами свѣтскаго характера и алчностью къ деньгамъ. На новые призывы папъ всѣ смотрѣли, какъ на предлогъ. Въ искренность ихъ перестали вѣрить. Когда папа Левъ X требовалъ, чтобы духовенство каждой націи жертвовало часть своихъ доходовъ для похода противъ турокъ, то отовсюду раздались протесты. Въ Испаніи духовенство единодушно отказалось исполнить папскій декретъ; не помогъ нисколько и интердиктъ, наложенный папою на всю страну. Еретическая пропаганда усилилась ³⁾. Это была уже эпоха Возрожденія. Это былъ уже канунъ Реформаціи.

Крестовые походы не были классовымъ движеніемъ. По существу они не были вызваны какими-либо классовыми или вообще экономическими интересами. Они были по существу движеніемъ религіознымъ. Но значеніе ихъ для экономіи и для перераспредѣленія экономическихъ силъ и классовъ было огромно. Это значеніе ихъ слишкомъ извѣстно, чтобы была еще надобность здѣсь на немъ останавливаться.

Не была ли реформація классовымъ движеніемъ? Не была ли она продуктомъ борьбы за экономическіе интересы тѣхъ или другихъ соціальныхъ группъ?

Въ объясненіяхъ реформаціи съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи нѣтъ недостатка. Марксъ, еще въ одномъ изъ юношескихъ своихъ произведеній, говорилъ о томъ, что «наканунѣ реформаціи Германія была непрекословнѣйшимъ рабомъ Рима», что «протестантское превращеніе нѣмцевъ-мірянъ въ поповъ эмансипировало мірскихъ папъ, князей, вкупѣ со всѣмъ ихъ клиромъ, привилегирован-

¹⁾ Г и з о, Исторія цивилизаціи въ Европѣ, стр. 143.

²⁾ Otto Henne am Rhyn, Kulturgeschichte der Kreuzzüge, Leipzig, стр. 94—95.—F. Laurent, l. c., t. VII (2-e édit.), стр. 263; t. VIII (La Réforme), Paris, 1879, стр. 398.

³⁾ Otto Henne am Rhyn, l. c., стр. 95.—Ed. Heysck, Die Kreuzzüge und das heilige Land, Leipzig, 1900, стр. 9—10.—L. Bréhier, l. c., t. VIII, стр. 106, t. IX, стр. 310—314.

ными и филистерами»; Марксъ связываетъ съ эмансипаціею князей «разграбленіе церковныхъ имуществъ, первый примѣръ къ которому подала ханжеская Пруссія» ¹⁾. Каутскій подробно анализируетъ матеріальные интересы, лежавшіе въ основѣ реформаціоннаго движенія въ Германіи. Для Каутскаго это были матеріальные интересы князей, господствующихъ классовъ и всей націи. Всѣ классы населенія страдали въ Германіи отъ папской эксплуатаціи. Князья и господствующие классы, нуждавшіеся въ деньгахъ, не могли смотрѣть спокойно, какъ отъ нихъ ускользали огромныя суммы, посылавшіяся въ Римъ. «Во Франціи, Англіи и Испаніи церковь, правда, также обирала народъ, но тамъ значительная часть ея доходовъ оставалась въ странѣ, доставалась господствующимъ классамъ, которые владѣли всѣми выгодными духовными мѣстами, частью черезъ членовъ своихъ семействъ, частью черезъ избранниковъ и прихвостней изъ другихъ классовъ. Въ Германіи, напротивъ, многія духовныя должности доставались иностранцамъ, избранникамъ папы, а не нѣмецкихъ князей; всѣ доходныя духовныя должности сдѣлались здѣсь предметомъ торговли; папа продавалъ ихъ тому, кто давалъ больше... Отъ римскаго господства страдала наравнѣ съ князьями, даже гораздо больше ихъ, вся масса народа, страдали низшіе классы, крестьяне, городской пролетаріатъ, буржуазія и мелкое дворянство» ²⁾. Марксистъ Ванъ-Коль, исходя изъ тѣхъ же воззрѣній, приписываетъ успѣхъ реформаціи въ Германіи «съ одной стороны вліянію поборовъ Св. Престола, постоянно требовавшаго все болѣе и болѣе налоговъ, съ другой стороны желанію монарховъ овладѣть церковными имуществами» ³⁾. Согласно Бебелю, «реформація была покровомъ, подъ которымъ нѣмецкіе князья стремились эмансипироваться отъ императорской власти» ⁴⁾.

Интересно, что оцѣнка реформаціи, со стороны ея мотивовъ и результатовъ, школою Маркса во многихъ отношеніяхъ сходится со взглядами католическихъ историковъ на тотъ же предметъ. Такъ, извѣстный историкъ Янсень говоритъ, что мотивы реформаціи вытекали не изъ вѣры и совѣсти, а изъ погони за имуществами и доходами; что реформація, въ концѣ концовъ, послужила лишь къ пользѣ князей и магистратовъ имперскихъ городовъ; что они достигли, наконецъ, того, къ чему они давно стремились—безпрепятственными владѣніями церковными имуществами, права распоряжаться доходами отъ нихъ, уничтоженія епископской юрисдикціи, полного господства въ церкви ⁵⁾. По поводу книги этого католическаго историка, Каутскій замѣчаетъ: «Янсень нанесъ страшный ударъ либеральной протестантской легендѣ о реформаціи

¹⁾ Марксъ, Введеніе къ критикѣ Гегелевской философіи права, въ Литературномъ наслѣдіи, I, стр. 526—527.

²⁾ К. Каутскій, Изъ исторіи общественныхъ теченій, т. I, стр. 257—258.

³⁾ Van Kol, Socialisme et liberté, стр. 78.

⁴⁾ Bebel, Die Frau, стр. 83.

⁵⁾ J. Janssen, Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, B. III, Freiburg, 1887, стр. 738 и 745. См. также заключительную главу II-го тома.

и доказаль, что за религіозною внѣшностью реформаціи скрывались исполнѣ матеріальные интересы. На это, положимъ, научный социализмъ указываль еще раньше г. Янсена, и при томъ онъ нашель эти интересы не только въ протестантской, но и въ католической сферѣ ¹⁾. Каутскій только ошибается, приписывая приоритетъ подобнаго взгляда «научному социализму». Фридрихъ Шлегель, извѣстный романтикъ-католикъ, указываль уже на жажду захвата церковныхъ имуществъ, какъ на одну изъ причинъ распространенія протестантизма въ Германіи ²⁾. Клерикальный историкъ Оденъ говоритъ о матеріальныхъ интересахъ, участвовавшихъ въ отдѣленіи Англіи отъ папской церкви, и, утверждая значеніе такихъ грубыхъ мотивовъ, какъ жадность и разнужданность аппетитовъ князей, въ торжествѣ реформаціи въ Германіи, ссылается даже на свидѣтельство Лютера и Меланхтона ³⁾. Если католики и марксисты до извѣстной степени сходятся въ оцѣнкѣ такого событія, какъ реформація, то это потому, что и тѣ, и другіе находятся подъ вліяніемъ предвзятой идеи: одни пытаются унизить морально-религіозное значеніе реформаціи изъ преданности къ католицизму, другіе стремятся «материализировать» то же событіе изъ преданности къ материалистической доктринѣ.

Прежде всего, если вѣрно то, что реформація привела къ эмансипаціи Германіи и другихъ странъ отъ папской эксплуатаціи, то она была борьбою не противъ классового, а противъ національнаго угнетенія. Въ цитированной выше статьѣ Марксъ говоритъ: «Революціонное прошлое Германіи было теоретично: оно выразилось въ реформаціи. Тогда революція началась въ мозгу монаха». Это была революція, совершенная не классомъ и не для класса, а страной и для страны.

Но не лежали ли въ основѣ реформаціонной борьбы исключительно экономическіе интересы, и экономическіе интересы всей націи? Не была ли она борьбою исключительно противъ экономического угнетенія страны папствомъ?

Господство папства въ католическомъ мірѣ, а слѣдовательно и въ до-реформаціонной Германіи, было основано во всякомъ случаѣ на авторитетѣ вѣры и на принужденіи силы. Безъ этихъ двухъ основъ никакая папская эксплуатація не была бы возможна.

Если бы папскій и вообще религіозный гнетъ былъ только продуктомъ насилія, проистекаль только изъ принудительнаго дѣйствія политической силы, то достаточно было бы, чтобы сила явилась у угнетаемыхъ или перешла на сторону угнетаемыхъ, чтобы они избавились не только отъ папской эксплуатаціи, но и отъ религіознаго ига вообще. Тѣ, которые отказываются отъ религіи, этимъ самымъ освобождаютъ себя

¹⁾ Каутскій, Изъ исторіи общественныхъ ученій, I, стр. 50.

²⁾ Fr. v. Schlegel, Philosophie der Geschichte, Wien, 1829, II, стр. 203—204.

³⁾ Audin, Histoire de Henri VIII, Paris, 1847, t. II, стр. 181—183 и 183—184.

отъ религіознаго гнета, если только для этого у нихъ есть достаточная сила.

Въ дѣйствительности же, послѣ реформаціи, протестанты перестали быть католиками, но не перестали быть вѣрующими христіанами. Даже съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, лютеране боролись не противъ вѣры, а за дешевую вѣру. Сила только пришла на помощь тѣмъ, которые боролись за такую вѣру. Но если такъ, разъ только люди искренно служатъ своей религіи и борются лишь противъ эксплуатированія ихъ во имя религіи, то нѣтъ основанія игнорировать или придавать лишь второстепенное значеніе тому, что они стремились къ болѣе чистой и болѣе совершенной, на ихъ взглядъ, религіи. Нѣтъ основанія отрицать или затушевывать чисто религіозный интересъ движенія. Каковы бы ни были мотивы дѣйствій князей и господствующихъ классовъ, но именно для народа реформація была дѣломъ вѣры ¹⁾.

Еще задолго до Лютера и Меланхтона необходимость церковной реформы проповѣдывалась Уиклефомъ и Гусомъ, лоллардами и беггардами, еретиками и сектантами. Испорченность католическаго духовенства и продажность папства вели однихъ къ невѣрію, другихъ къ протесту противъ паденія, противъ вырожденія вѣры. Реформація была возвратомъ къ болѣе чистой вѣрѣ—и среди протестантовъ, и въ самомъ католичествѣ. Она остановила на время ростъ невѣрія. Вотъ почему Вольтеръ относился сурово или презрительно къ реформаціи. Историкъ Лоранъ говоритъ, что реформація была шагомъ назадъ по отношенію къ раціонализму эпохи Возрожденія и гуманизма, что она пробудила, что она оживила религіозное чувство ²⁾.

Гизо протестуетъ противъ взгляда на реформацію, какъ на движеніе, вызванное импульсомъ матеріальныхъ интересовъ. «Это во имя вѣры и религіозной свободы началось въ XVI вѣкѣ движеніе, которое съ тѣхъ поръ, иногда прерываясь, но всегда возрождаясь, волнуется и увлекаетъ міръ. Буря поднялась сначала въ человѣческой душѣ; она коснулась церкви раньше, чѣмъ государства. Было высказано, что протестантство было по существу революціею болѣе политическою, чѣмъ религіозною; скорѣе возстаніемъ во имя свѣтскихъ интересовъ, противъ установленнаго въ церкви порядка, чѣмъ порывомъ вѣры во имя вѣчныхъ интересовъ человѣка. Это—сужденіе легковѣсное и поверхностное; и это заблужденіе вызвало со стороны властей, духовныхъ или свѣтскихъ, подавшихъ ему, дѣйствія, пагубныя для нихъ самихъ. Заботясь о томъ, чтобы подавить революціонный элементъ протестантства, онѣ упустили изъ

¹⁾ Токвиль, Старый порядокъ и революція, стр. 207.—Ср. рецензію Roukel на книгу Guiraud въ *Journal des Economistes*, 6-e série, t. VII, 1905, стр. 141—142.

²⁾ F. Laurent, *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, t. VIII, стр. 432—434, 438—439 и 472.—См. также статью Tarde въ *Revue de Métaphysique et de Morale*, mai, 1904.

виду его религіозный элементъ. Духъ возмущенія, конечно, очень силенъ, но все же не достаточно силенъ для того, чтобы онъ самъ могъ выполнить подобныя дѣла. Реформа XVI вѣка наступила и укоренилась не для того только, чтобы отряхнуть ярмо, но и для того, чтобы установить и исповѣдывать вѣру. Спустя три вѣка, это доказываетъ одинъ рѣшительный и неоспоримый фактъ. Двѣ протестантскія страны, наиболѣе протестантскія въ Европѣ, Англія и Голландія, это—нынѣ двѣ страны, гдѣ христіанская вѣра сохраняетъ больше всего жизни и силы. Надо быть необычайно чуждымъ пониманія человѣческой природы, чтобы думать, что религіозный пылъ сохранился бы и окрѣпъ бы подобнымъ образомъ, если бы движеніе не было въ своемъ началѣ существенно религіознымъ. Въ Германіи, въ XVI-омъ вѣкѣ, революція была религіозною и отнюдь не политическою» ¹⁾.

Самъ Каутскій въ своемъ изложеніи исторіи реформаціи, съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, не могъ однако вполнѣ игнорировать чисто религіозную сторону движенія. По поводу гусситскаго движенія онъ говоритъ: «Пока ересь въ Богеміи была ученіемъ тайнымъ, наружу выступали лишь національныя и религіозныя его стороны. Национальный и религіозный врагъ былъ одинъ и тотъ же для всѣхъ классовъ населенія; общая вражда объединяла всѣ эти классы». Потомъ, говоря о цвикаускихъ фанатикахъ, Каутскій замѣчаетъ: «На-ряду съ низшими классами народа находились и образованные идеологи, которые присоединялись къ нимъ. Тогда въ реформаціонномъ движеніи не обнаружилось еще классовыхъ противорѣчій, движеніе это еще казалось съ одной стороны національнымъ, одинаково захватывающимъ всю націю, безъ различія классовъ, а съ другой стороны чисто религіознымъ движеніемъ, направленнымъ къ очищенію церкви, къ возстановленію евангельскаго христіанства» ²⁾. Подобныя вещи, высказанныя даже съ подобными оговорками, очень далеки отъ утвержденія, «что за религіозной внѣшностью реформаціи скрывались вполнѣ матеріальные интересы» ³⁾.

Не монархи и не князья вызвали то интеллектуальное и морально-религіозное движеніе, которое привело къ реформаціи. Не монархи и не князья создали реформацію. Если бы реформація была только дѣломъ монарховъ, то какъ можно было бы объяснить реформацію въ

¹⁾ Guizot, Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre, стр. 2—3, въ Histoire de la révolution d'Angleterre, 6-e édition, t. I.

²⁾ Каутскій, Изъ исторіи общественныхъ теченій, I, стр. 221 и 280.— Курсивъ нашъ.

³⁾ Мы оставляемъ въ сторонѣ предположеніе нѣкоторыхъ изслѣдователей о томъ, что реформація тамъ, гдѣ она восторжествовала, находилась въ соотвѣтствіи съ индивидуалистическою психологіею и вообще съ свойствами расы (напр. германской). Лапужъ утверждаетъ, что граница протестантизма совпадаетъ съ границею долихоцефализма, и что соотношеніе между религіею и расою въ Германіи сказывается въ томъ, что группы протестантскія имѣютъ цефалическій указатель на 2 или 3 единицы ниже, чѣмъ группы католическія (L'Argen, стр. 387).

швейцарскихъ кантональныхъ республикахъ? Какъ можно было бы объяснить то, что пресвитеріанство возникло и укрѣнилось въ Шотландіи вопреки королевской власти? Какъ можно было бы объяснить возникновеніе протестантской ереси въ католической Франціи и даже въ католической Испаніи, гдѣ королевская власть слила дѣло папства съ своимъ собственнымъ дѣломъ? Какъ можно было бы объяснить, что меньшинство осталось вѣрнымъ католической религіи и въ реформированной Англіи, и въ протестантскихъ государствахъ Германіи?

Но если вѣрно то, что не монархи создали реформацію, то не менѣе вѣрно и то, что монархи пришли къ ней на помощь и дали ей ту силу, безъ которой она могла бы восторжествовать лишь съ большимъ трудомъ. По мнѣнію Минье, реформація не преуспѣла во Франціи вслѣдствіе сопротивленія королевской власти. «Дѣйствительно, реформація нигдѣ не осуществилась безъ содѣйствія или, по крайней мѣрѣ, безъ согласія политической власти. Всюду, гдѣ власть оказывала ей противодѣйствіе, реформація терпѣла поражение» ¹⁾. По словамъ того же Минье, кальвинизмъ удовлетворялъ потребности соединять вѣру со свободою. «Онъ далъ образецъ и средство реформаціи народамъ, правительства которыхъ не хотѣли осуществить ее сами, не обладая въ то же время достаточною силою, чтобы ей воспрепятствовать» ²⁾. Въ Шотландіи демократическое пресвитеріанство приобрѣло силу, благодаря союзу съ территоріальною аристократіею. Народъ, въ союзѣ съ баронами, вступилъ въ борьбу съ королевскою властью, преслѣдовавшею протестантовъ, и завоевалъ торжество новой церкви помощью революціи ³⁾.

Что вѣншательство монархіи и политической власти сыграло огромную роль въ судьбѣ реформаціи—въ ея побѣдахъ и пораженіяхъ,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но это доказываетъ лишь все важное значеніе силы, при томъ силы политической, въ общественныхъ преобразованіяхъ. Это была сила не какого-либо класса, а монархіи или политическихъ группъ. Какъ нѣкогда на помощь христіанству, которое при томъ было религіею меньшинства, явилась римская императорская власть и дала ему побѣду, такъ и въ реформаціи на помощь религіозному движенію явилась въ нѣкоторыхъ странахъ монархическая или княжеская власть. Но въ то время, какъ Константинъ руководился не какимъ-либо матеріальнымъ расчетомъ, а вѣрою въ сверхъестественную силу христіанскаго Бога, мотивы монарховъ и князей, дѣйствовавшихъ или противодѣйствовавшихъ реформаціи, были гораздо сложнѣе. Это могли быть экономическіе и политическіе интересы монарховъ, это могъ быть также религіозный интересъ монарховъ.

Захватъ церковныхъ имуществъ свѣтскою властью былъ обычнымъ

¹⁾ Mignet, Etudes historiques, 4-e édit., Paris, 1877, стр. 259.

²⁾ Ibid., стр. 348.

³⁾ Mignet, Histoire de Marie Stuart, 6-e édit., Paris, 1885, стр. 58—68; t. II, стр. 413.

результатомъ реформаціи и стремленіе къ ограбленію церковныхъ богатствъ манило, быть можетъ, не одного высокопоставленнаго покровителя реформаціи. Но, что не этотъ мотивъ былъ преобладающимъ въ религіозной политикѣ монаховъ, слѣдуетъ не только изъ того, что не всѣ правители ему поддались, но и изъ того, что грабить церковь можно было, не прибѣгая ни къ ея реформированію, ни къ разрыву съ папствомъ. Уже въ Средніе Вѣка постоянно раздавались жалобы духовенства на расхищеніе церковнаго имущества феодалами и свѣтскою властью. «Если бы бароны, говоритъ Лоранъ, не ограбляли бы постепенно церкви по мѣрѣ того, какъ она распространяла свою власть и господство надъ земельными территоріями, то она въ концѣ концовъ поглотила бы совершенно свѣтское общество» ¹⁾. Съ другой стороны инициатива передачи церковныхъ имуществъ свѣтской власти возникла въ 1525 году въ средѣ католическихъ князей. Этотъ проектъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, впрочемъ не нашедшій осуществленія, предполагалъ передать церковныя имущества, въ виду безполезности ихъ для религіи и государства, императору и свѣтскимъ сословіямъ ²⁾. Еще Уиклефъ проповѣдовалъ противъ богатства духовенства, какъ источника его порчи. Оккамъ и Марсиль, еще задолго до Лютера, требовали, чтобы свѣтская власть взяла въ свое распоряженіе церковныя имущества, какъ предназначенныя для бѣдныхъ. Лютеръ самъ воспротивился ограбленію церкви и требовалъ, чтобы секуляризація ея имуществъ служила для помощи бѣднымъ. Однимъ словомъ, церковныя имущества расхищались и до реформаціи, расхищались католиками и протестантами, и равнымъ образомъ за секуляризацію ихъ въ пользу бѣдныхъ или на общественныя нужды высказывались какъ реформаторы и ихъ предшественники, такъ и вліятельные люди въ лагерь католическомъ. Поэтому стремленіе къ захвату церковныхъ имуществъ врядъ ли можетъ считаться рѣшающимъ моментомъ въ религіозной политикѣ князей.

Болѣе существенными въ отношеніи монаховъ къ реформаціи могли быть мотивы политическіе. Съ одной стороны реформація усиливала власть протестантскихъ монаховъ, сообщая имъ высшій суверенитетъ въ религіозной области и увеличивая ихъ независимость по отношенію къ императорской власти, когда послѣдняя вступала въ союзъ съ папствомъ; съ другой стороны реформація была революціею, а всякая революція, хотя бы и въ религіозной области, потрясала существующія основы, колебала авторитеты и могла грозить опасностью для самой монархіи. Поведеніе каждаго монарха, поскольку оно вообще опредѣлялось политическими мотивами, могло принять направленіе, благопріятствующее или противодѣйствующее реформаціи, въ зависимости отъ того, какой интересъ

¹⁾ Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. VIII, стр. 232.

²⁾ Leop. Ranke, Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, II, B., Berlin, 1839, стр. 237—239.

дѣйствовалъ съ большею силою въ данной странѣ и на данную личность монарха. Въ Германіи, когда происходила борьба между императорскою властью и папствомъ, напр. при Гогенштауфенахъ и Людовикѣ Баварскомъ, князья часто становились на сторону папъ противъ императора. Въ эпоху реформациі, когда императорская власть выступала ярою защитницею папства, князья могли считать соотвѣтственнымъ своему политическому интересу опереться на религіозное движеніе, чтобы стать самымъ свѣтскими папами въ своихъ странахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить власть императоровъ. Въ этомъ отношеніи, не совсѣмъ лишено основанія утвержденіе Боссюэта о порабоженіи протестантской церкви королями или обвиненіе католическими историками протестантства въ томъ, что оно привело къ усиленію политическаго абсолютизма. Вспомнимъ хотя бы принципъ «*cuius regio, eius religio*», этотъ плодъ религіозной борьбы XVI вѣка. Протестантство было вначалѣ не менѣе нетерпимо, чѣмъ католичество; лишь въ результатъ долгой борьбы и долгаго процесса общественнаго развитія оно привело къ сравнительной терпимости. Въ Англіи церковная реформа была проведена Генрихомъ VIII, однимъ изъ самыхъ жестокихъ и безнравственныхъ людей своего вѣка. Этотъ человѣкъ вначалѣ былъ очень преданъ или выдавалъ себя за очень преданнаго католической церкви; онъ даже выступилъ съ теологическимъ трактатомъ противъ Лютера, какъ еретика. Извѣстно, что поводомъ къ введенію реформы въ Англіи послужила ссора Генриха VIII съ папою изъ-за брачныхъ проектовъ короля. Упомянутый уже нами историкъ Оденъ пишетъ: «Вывите изъ сердца Генриха его любовь къ Аннѣ; и тогда Англія сохраняла свою старую вѣру» ¹⁾. Какъ говорить другой историкъ, отнюдь не симпатизирующій католичеству, «Генрихъ VIII, низвергая иго Рима, повидимому, не преслѣдовалъ никакой другой цѣли, какъ той, чтобы жениться на шести женахъ. Избавленный отъ претензій папы и абсолютный властелинъ своей маленькой церкви, непогрѣшимый вдвойнѣ, какъ король и какъ первосвященникъ, онъ съ гордостью показывалъ королямъ, своимъ современникамъ, какъ можно повернуть въ пользу деспотизма движеніе, направленное противъ него» ²⁾. Генрихъ VIII опирался до извѣстной степени на общественное мнѣніе страны, подготовленное въ теченіе долгаго времени какъ проповѣдью Уиклефа и лоллардовъ, такъ и неудовольствіемъ противъ папскихъ поборовъ и противъ папскихъ посягательствъ, оскорблявшихъ національное чувство англичанъ. Что же касается захвата церковныхъ имуществъ, то, какъ высказываетъ Роджерсъ, Генрихъ VIII, до крайности алчный и безумно расточительный, разграбилъ бы монастыри и въ томъ случаѣ, если бы онъ съ папою не поссорился ³⁾. Что касается Франціи, то тамъ короли не имѣли особаго политическаго интереса бороться

¹⁾ Audin, Histoire de Henri VIII, t. II, стр. 106.

²⁾ P. Lanfrey, Essai sur la Révolution française, Paris, 1879, стр. 29.

³⁾ Thor. Rogers, Travail et salaires en Angleterre, стр. 290—291.

съ папствомъ и поддерживать протестантское движеніе. Независимость ихъ отъ Рима была завоевана уже Филиппомъ Красивымъ. Права галликанской церкви были признаны прагматическою санкціею. Назначеніе епископовъ зависѣло отъ короля. Король могъ также до извѣстной степени распоряжаться церковными имуществами. Съ другой стороны, реформа казалась королямъ опасною, ибо она пробуждала идеи свободы и независимости. Короли опасались возрожденія стремленія къ восстановленію своихъ правъ у дворянства и духовенства ¹⁾. Вотъ почему политическіе мотивы не могли склонять французскихъ королей въ пользу реформациі.

Но было бы ошибочно думать, что религіозная политика королей, въ эпоху реформациі, равно какъ и въ XVII вѣкѣ, была основана всецѣло на чисто политическихъ разсчетахъ или вообще на матеріальномъ только интересѣ. Это значило бы признавать, что психологія монарховъ рѣзко отличается отъ психологіи простыхъ смертныхъ, и что владѣтельные особы совершенно свободны въ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ отъ вліянія того религіознаго эффека, во власть котораго отданы массы. Въ дѣйствительности, разбираясь въ многосложныхъ комбинаціяхъ, наполняющихъ какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю политику монарховъ въ означенный періодъ времени, мы находимъ, что религіозное чувство и религіозный интересъ часто побуждали ихъ дѣйствовать, совершенно не считаясь съ своими политическими или вообще матеріальными интересами и даже вопреки послѣднимъ. Какой политическій интересъ могла имѣть королевская власть въ Шотландіи, борясь противъ религіозной реформы, къ принятію которой стремилась вся страна, и разжигая противъ себя революцію, которая стала побѣдоносною? Какой политическій и вообще матеріальный интересъ могла имѣть Марія Тюдоръ, когда она выступила противъ церковной реформы, эмансипировавшей Англію и англійскихъ королей отъ папской власти, и возстановливая католичество кровавыми мѣрами, навсегда скомпрометировавшими дѣло папства въ Англіи? Какой политическій интересъ могъ внушать Іакову I англійскому готовность признать папу главою церкви, если бы Св. Престолъ отказался отъ претензіи обладать правомъ низвергать королей? Какой политическій интересъ могъ имѣть Карль IX французскій допускать Варёоломеевскую ночь, которая становилась на пути осуществленія его политическихъ плановъ, его стремленію оторвать Нидерланды отъ Филиппа II и его переговорамъ о союзѣ съ протестантскою Англіею, при чемъ даже предполагалось—всего за нѣсколько недѣль до этой самой Варёоломеевской ночи—дарованіе французскимъ королемъ религіозной свободы своимъ собственнымъ подданнымъ? ²⁾ Ясно, что во всѣхъ этихъ

¹⁾ Mignet, Etudes historiques, стр. 260.

²⁾ Въ видѣ одного изъ многочисленныхъ курьезовъ, которыми изобилуетъ цитированная уже книга Лоріа, укажемъ на объясненіе имъ Варёоломеевской ночи, какъ эпизода „борьбы между дворянствомъ католическимъ и дворянствомъ гугенотскимъ“ (Le basi, стр. 388). При чемъ же тутъ экономія? Приходится заключить, что одна часть дворянства приняла протестантство, а другая осталась католическою

и подобныхъ случаяхъ религіозный интересъ монарха подавлялъ его политическіе интересы.

Въ событіяхъ, связанныхъ съ религіозною борьбою или религіозными преслѣдованіями въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, дѣйствующія лица часто руководились сложными мотивами, но религіозный интересъ самихъ монарховъ не переставалъ играть въ нихъ первостепенную роль. Нельзя, напримѣръ, утверждать, чтобы политическій интересъ императора Карла V всецѣло побуждалъ его заступаться за папство и противъ реформы. Между императоромъ и папою происходила борьба изъ-за соперничества въ Италіи. Папа радовался даже побѣдамъ протестантовъ надъ Карломъ V. Извѣстно, съ другой стороны, какому разгрому подвергся Римъ, взятый ландскнехтами (въ значительной своей части лютеранами) Карла V. Но Карлъ V былъ вѣрующій католикъ, и съ папою онъ боролся лишь, какъ со свѣтскимъ монархомъ. Онъ мечталъ объ истребленіи лютеранской ереси. И только горькая необходимость—страхъ передъ турками—побуждала его дѣлать уступки протестантамъ. Что касается германскихъ князей, то далеко не всѣ они приняли протестантство; для нихъ, слѣдовательно, дѣло было не только въ томъ, чтобы эмансипироваться отъ папства и стать болѣе независимыми по отношенію къ императору. Какое значеніе имѣлъ интересъ чисто религіозный для протестантскихъ князей, видно изъ того, что они отвергали союзъ съ французскимъ королемъ Францискомъ I, какъ съ врагомъ христіанства, ибо онъ заключилъ союзъ съ турецкимъ султаномъ противъ христіанскаго императора Карла V.

Когда іезуиты вступили въ борьбу съ протестантствомъ, они, со свойственною имъ практичностью, приложили особенныя усилія къ тому, чтобы вербовать монарховъ: разъ глава государства обращенъ, онъ возстановлялъ католицизмъ полицейскими мѣрами ¹⁾. Іезуиты поэтому обратили особенное вниманіе на воспитаніе юношества. Ингольштадтскій университетъ былъ въ ихъ рукахъ разсадникомъ фанатическаго католицизма. Благодаря религіозной преданности императора Фердинанда, ихъ питомца, іезуиты постепенно овладѣли третьею частью доходовъ всей Богеміи. Трудно отрицать искренность религіозныхъ мотивовъ императора Фердинанда въ 30-лѣтней войнѣ. Онъ искренно вѣрилъ въ свою любовь къ преслѣдуемымъ имъ протестантамъ. «Если бы я не любилъ ихъ, говорилъ онъ, то я предоставилъ бы ихъ собственнымъ ихъ заблужденіямъ». Тридцатилѣтняя война—продуктъ столкновенія религіозныхъ интересовъ и политическихъ аппетитовъ. Во всякомъ случаѣ отъ исхода войны зависѣла судьба реформы. Нѣтъ основанія отрицать искренность религіозныхъ мотивовъ Густава-Адольфа, вмѣшавшагося въ войну

только для того, чтобы создать предлогъ для борьбы между ними.—Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ той же книги убійства Варооломеевской ночи опредѣляются, какъ „результатъ возстанія католической буржуазіи противъ гугенотскаго дворянства“ (стр. 264).

¹⁾ Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. IX (Les guerres de la religion), стр. 259 и 263—264.

и спасаго—вмѣстѣ съ Ришелье—лютеранство въ Германіи. Католическіе князья, и въ частности герцогъ баварскій, вопреки своему политическому интересу, защищали дѣло католическаго императора. Даже Ришелье, стремившійся исключительно, въ интересахъ французской династїи, унизить германскаго императора и Испанію, безпокоился по поводу побѣдъ Густава-Адольфа и былъ радъ его смерти, ибо онъ боялся возникновенія лютеранской имперіи. Что касается населенія, то примѣръ Богеміи, по возобновленія гоненія на протестантовъ, показываетъ, какъ оно все, безъ различія классовъ, дорожило своею религіею. Католики говорили, что преслѣдованіями легче воздѣйствовать на богатыхъ, чѣмъ на бѣдныхъ: не было средствъ купить отступничество бѣдняковъ, они предпочитали изгнаніе или вели дикую жизнь въ лѣсахъ. Но и множество знатныхъ и богатыхъ семействъ эмигрировало изъ Богеміи: религія была для нихъ выше матеріальнаго интереса ¹⁾. Результаты же вообще Тридцатилѣтней войны для Германіи хорошо извѣстны: Германія потеряла, какъ полагаютъ, двѣ трети своего населенія, страна была опустошена и разорена, люди одичали, и развитіе германской культуры было задержано, быть можетъ, на цѣлый вѣкъ.

Не классовые или экономическіе интересы, а религіозные и политическіе мотивы были причиною преслѣдованія протестантовъ во Франціи. Гугеноты здѣсь всегда оставались меньшинствомъ. Неизвѣстно, какова была бы судьба католичества во Франціи, если бы Генриху IV, который рѣшилъ, что «Парижъ стоитъ мессы», удалось завладѣть французскимъ престоломъ, не отрекаясь отъ гугенотской ереси. Во всякомъ случаѣ нантскій эдиктъ гарантировалъ французскимъ протестантамъ свободу ихъ вѣры. Почему этотъ эдиктъ былъ отмѣненъ Людовикомъ XIV? Почему актъ одного монарха упраздненъ контръ-актомъ другого монарха, его потомка? О какихъ-либо политическихъ домогательствахъ или политическомъ обособленіи протестантовъ во Франціи при Людовикѣ XIV не можетъ быть и рѣчи. Именно моральное состояніе протестантскаго населенія было въ ту эпоху таково, что казалось весьма легкимъ принудить ихъ къ отступничеству, и въ этомъ Лувуа убѣдилъ короля ²⁾. Въ чемъ же было дѣло? Когда, при обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ нантскаго эдикта, дофинъ, между прочимъ, сдѣлалъ королю представленіе, что большее число гугенотовъ покинетъ страну, что это повредитъ торговлѣ и земледѣлію и тѣмъ самымъ ослабитъ государство, Людовикъ XIV отвѣтилъ: «что касается соображеній интереса, онъ, король, ихъ считаетъ не заслуживающими вниманія, въ сравненіи съ полезными результатами операціи, которая возвратитъ религіи ея блескъ, государству—его спокойствіе, а власти—всѣ ея права ³⁾. Лоріа представляетъ отмѣну нантскаго эдикта, какъ результатъ «настоянній католическихъ

¹⁾ Laurent, l. c., t. IX, стр. 206, 215, 239—242; t. X (Les nationalités), стр. 205 и 243—271.

²⁾ Henri Martin, Histoire de France, 4-e édit., t. XIV, Paris, 1865, стр. 40.

³⁾ H. Martin, l. c., стр. 46.

городовъ Франціи, которые, подавленные конкуренціею протестантской промышленности Нима и другихъ, болѣе цвѣтущихъ городовъ, требовали изгнанія гугенотовъ» ¹⁾). Жаль, что въ подобныхъ случаяхъ всегда выходитъ такъ, что только преслѣдующіе руководствуются экономическими мотивами, и только преслѣдуемые добровольно навлекаютъ на себя гоненія изъ-за упорства въ религіи: ибо что стоило гугенотамъ отказаться отъ своей вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ всякихъ преслѣдованій? Но, какова цѣнность историческихъ объясненій, подобныхъ тѣмъ, которыя даетъ Лорія, видно изъ того, что имъ не достаетъ самаго главнаго, а именно исторической правды. Дѣйствительная цѣль акта Людовика XIV была обращеніе гугенотовъ въ католичество, а не изгнаніе или преслѣдованіе ихъ, какъ гражданъ. При этомъ король рекомендовалъ примѣненіе особенной мягкости именно по отношенію къ дворянамъ, купцамъ и промышленникамъ; ихъ именно власть болѣе всего стремилась удержать въ государствѣ. Правительство жестоко преслѣдовало гугенотовъ, пытавшихся эмигрировать изъ Франціи; но именно болѣе зажиточной части протестантскаго населенія легче было обманывать бдительность стражей или же подкупать ихъ ²⁾). Эти запреты гугенотамъ выселяться изъ Франціи повторялись еще въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV. Религіозный фанатизмъ и стремленіе къ нивеллировкѣ всѣхъ подданныхъ деспотическаго государства даже въ религіозномъ отношеніи—вотъ истинные мотивы публикованія нантскаго эдикта, отнявшаго у Франціи сотни тысячъ лучшихъ гражданъ, огромныя богатства и наилучшія промышленныя силы страны, которыя перешли въ Англію, Германію, Швейцарію и другія страны. Пагубныя послѣдствія такой религіозно-политической мѣры, какъ отмѣна нантскаго эдикта, для экономическаго развитія Франціи, потерявшей то, что сейчасъ же выиграли ея сосѣди, слишкомъ хорошо были извѣстны уже современникамъ и слишкомъ убѣдительно излагались съ тѣхъ поръ въ исторической литературѣ, чтобы была надобность еще ихъ здѣсь доказывать ³⁾).

Въ обѣихъ англійскихъ революціяхъ XVII вѣка религіозные интересы играли, какъ извѣстно, весьма значительную роль, не меньшую, быть можетъ, чѣмъ интересы соціально-политическіе. Гизо характеризуетъ переворотъ, совершенный въ Англіи, слѣдующимъ образомъ: «Въ Германіи, въ XVI вѣкѣ революція была религіозною и отнюдь не политической. Во Франціи, въ XVII вѣкѣ, она была политической и отнюдь не религіозною. По счастливому для Англіи совпаденію, въ XVII вѣкѣ, духъ религіозной вѣры и духъ политической свободы царствовалъ въ ней вмѣстѣ, и она предприняла въ одно время обѣ революціи» ⁴⁾). Согласно Гизо, религіозный переворотъ далъ импульсъ

1) Loria, l. c., стр. 264.

2) Henri Martin, l. c., стр. 48, 52, 58—59 и 600—601.

3) Henri Martin, l. c., t. XIV, стр. 59—64; t. XV, стр. 26.—E. Levasseur, Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789, 2-e édition, t. II, Paris, 1900, стр. 344—348.

4) Guizot, Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre, стр. 3.

политическому перевороту, выдвинувъ политическія проблемы, разрѣшеніе которыхъ требовалось религіознымъ интересомъ. Главою англиканской церкви сталъ король, и судьба ея была связана съ судьбою гражданскаго деспотизма. «Съ своей стороны, нонъ-конформисты, атакуя своихъ религіозныхъ противниковъ, видѣли себя вынужденными атаковать и свѣтскаго монарха и, чтобы выполнить церковную реформу, требовать свободъ гражданина... Религіозныя вѣрованія имѣли надобность въ политическихъ правахъ» ¹⁾. Гизо видитъ въ англійской революціи борьбу силъ троякаго рода: борьбу политическихъ партій, борьбу религіозныхъ партій и борьбу классовъ ²⁾. Точно также и вторая англійская революція, согласно Гизо, имѣла цѣлью защиту «вѣры и законовъ Англіи», которые топталъ ногами король-католикъ и король-деспотъ Іаковъ II ³⁾. Для Огюстена Тьерри революція 1640 года, которая была для Шотландіи только религіозною, была для Англіи и религіозною и политическою ⁴⁾.

Самый бѣглый обзоръ матеріальныхъ событій обѣихъ революцій выясняетъ значеніе религіозныхъ интересовъ для борющихся сторонъ. Въ первой революціи англиканская нетерпимость Карла I, проникнутая тяготѣніемъ къ католичеству, которая установленіемъ прерогативъ епископата возстановила противъ него Англію, анти-пресвитерскою политикою возбудила возстаніе противъ него въ Шотландіи, проявленіемъ симпатій къ папистамъ вызывала негодованіе всѣхъ протестантовъ, упорствомъ въ сохраненіи церковной политики тормозила всѣ его переговоры съ парламентомъ въ то время, когда онъ уже былъ въ плѣну,—эта религіозная нетерпимость Карла I, вліявшая весьма значительно на событія первой англійской революціи, была также пагубна для политическихъ интересовъ короля, какъ въ послѣдствіи католическій фанатизмъ Якова II привелъ къ паденію короля и династіи Стюартовъ. Въ теченіе первой революціи англикане, пресвитеріане, секты индипендентовъ, католики боролись за свои религіозныя права. вмѣстѣ съ тѣмъ различ-

¹⁾ Guizot, Histoire de la révolution d'Angleterre, t. I, стр. 15 и 16.

²⁾ Guizot, Discours, стр. 15.

³⁾ Ibid., стр. 138.

⁴⁾ Augustin Thierry, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, Paris, 1882, t. II, стр. 351—352.—Г. Плехановъ, замѣтимъ кстати, изложилъ взгляды на англійскую революцію Огюстена Тьерри (въ своемъ предисловіи къ „Манифесту Коммунистической партіи“) по юношеской статьѣ этого историка, не оговоривъ при этомъ, что самъ Огюст. Тьерри охарактеризовалъ въ послѣдствіи (въ предисловіи 1834 года къ „Dix ans d'études historiques“) свои работы въ ту эпоху, какъ „распутываніе мысли, въ началѣ смутной и рискованной“, а свои теории того времени, какъ „страдавшія“ смѣлостью, или лучше сказать самонадѣянностью“, вслѣдствіе „политическаго пыла и неопытности въ исторіи“. Мы цитируемъ „Histoire de la conquête“ потому, что самъ Огюстенъ Тьерри представилъ эту книгу, какъ послѣднее выраженіе его идей, относящихся къ исторіи Англіи.—Одновременно съ Ог. Тьерри, Г. Плехановъ цитируетъ и Гизо, о которомъ замѣчаетъ: „Исторія англійской революціи изображается имъ какъ борьба буржуазіи съ аристократіею“ (Предисловіе, стр. XV). Нашъ комментаторъ Маркса и въ данномъ случаѣ умалчиваетъ о томъ, насколько англійская революція была для Гизо только борьбою буржуазіи съ аристократіею. Мы ужъ видѣли, что Гизо видѣлъ въ англійской революціи три формы борьбы.

ныя церкви и секты соперничали другъ съ другомъ. Извѣстно, какую бурю религіознаго возмущенія вызвало католицизированіе англиканской церкви архіепископомъ Лоудомъ, провозглашеніе божественнаго права епископовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гоненіе на нонъ-конформистовъ. Волненіе охватило даже высшіе слои англійской аристократіи. Насильственное введеніе королемъ новаго культа въ пресвитеріанской Шотландіи повлекло за собою возстаніе шотландцевъ, безъ различія классовъ. Вожди возставшихъ вступили въ переговоры съ вождями оппозиціи въ Англіи. Шотландская революція побудила короля созвать Долгій Парламентъ. Этимъ актомъ была открыта англійская революція. Обѣ палаты поклялись защищать протестантскую религію и политическія свободы. Движеніе противъ лордовъ-епископовъ и за реформу церкви росло съ каждымъ днемъ. Какъ до, такъ и послѣ окончательнаго разрыва между Карломъ I и парламентомъ, король пользовался помощью англійскихъ католиковъ, враговъ протестантскаго парламента. Потомъ онъ вступилъ въ форменный союзъ съ ирландцами, и этотъ союзъ съ бунтовщиками-католиками увеличилъ сильно число его враговъ въ Англіи. Когда въ 1645 году возникли переговоры между королемъ и парламентомъ, они носили въ значительной степени характеръ теологическаго диспута; при этомъ пресвитеріане требовали признанія господствующаго положенія своей церкви, а индепенденты — свободы совѣсти. Индепенденты постепенно стали главнымъ ядромъ парламентской арміи. Постепенно развивался антагонизмъ между ними и пресвитеріанами. Когда король, находясь во власти шотландцевъ, отвергъ предложенія парламента, которыя заключали въ себѣ, между прочимъ, требованіе признанія господства пресвитеріанской церкви, индепенденты не скрывали своей радости. Плѣнный король былъ переданъ англичанамъ. Когда переговоры парламента и пресвитеріанъ стали принимать благопріятное направленіе, король былъ похищенъ арміею. Шотландцы предлагали королю помощь, подъ условіемъ извѣстныхъ уступокъ въ пользу пресвитеріанской церкви. Потомъ шотландскій парламентъ вотировалъ защиту пресвитеріанства и королевской власти противъ англійскихъ республиканцевъ и сектантовъ. Въ условіяхъ послѣдняго проекта соглашенія между парламентомъ и королемъ одинъ изъ пунктовъ требовалъ установленія на три года пресвитеріанскаго режима. Король на этотъ пунктъ упорно не соглашался въ теченіе долгаго времени. Когда, наконецъ, Карль I сталъ уступать и соглашеніе съ парламентомъ было близко къ осуществленію, тогда вмѣшалась армія, произвела чистку парламента и потребовала суда надъ королемъ. Карль I былъ казненъ, и Англія провозглашена республикою.

Достаточно, повторяемъ, этого бѣлаго обзора событій первой половины англійской революціи, чтобы убѣдиться въ важномъ значеніи религіозныхъ интересовъ и религіозныхъ мотивовъ политики, вліявшей на ходъ развитія Англіи въ критическій моментъ ея исторіи. Конечно, силы, дѣйствовавшія въ англійской революціи, группировались не только на платформѣ антагонизмовъ религіозныхъ. Англійская революція была

также конфликтомъ политическимъ. Она была запечатлѣна до извѣстной степени проявленіями классоваго антагонизма и классовой борьбы. Что это значитъ? Это значитъ, что англійская революція—примѣръ и подтвержденіе того положенія, что классовая борьба занимаетъ лишь нѣкоторое мѣсто въ ряду другихъ соціальныхъ антагонизмовъ.

Г Л А В А VI.

Политика и экономія.

Вопросъ объ отношеніи между антагонизмами политическими и антагонизмами классовыми связанъ съ болѣе общимъ вопросомъ объ отношеніи между политикою и экономіею общества.

Если характеристическіе элементы, т. е. признаки, интересы и способности, соціальныхъ группъ того и другого типа — политическихъ группъ и общественныхъ классовъ,—совпадаютъ, или если они связаны между собою такимъ образомъ, что элементы одного типа постоянно подчиняютъ себѣ элементъ другого типа, то подобное совпаденіе или подобная форма подчиненія существуетъ и для антагонизмовъ того и другого типа. Въ противномъ случаѣ политическіе и классовые антагонизмы не совпадаютъ, и постоянной или однообразной формы подчиненія однихъ другимъ не имѣется.

Передъ нами возникаютъ, стало быть, слѣдующіе вопросы:

Имѣютъ ли группы, характеризуемая политическимъ признакомъ, какъ политически правящія и политически управляемыя группы, политическіе союзы и корпорации, государства, династіи, монархіи различныхъ видовъ и пр., существованіе, независимое отъ группъ, характеризуемыхъ признакомъ экономическимъ, а именно классовъ, или же первыя представляютъ лишь особыя формы жизни и дѣятельности вторыхъ либо всецѣло обусловлены существованіемъ послѣднихъ. Не является ли, напримѣръ, всякій политическій строй общества лишь выраженіемъ господства экономически правящихъ классовъ? Не являются ли политическія группировки лишь выраженіемъ классовыхъ отношеній?

Существуютъ ли въ обществѣ политическіе интересы, независимые отъ интересовъ классовыхъ и вообще интересовъ экономическихъ, или же первыя, напримѣръ, всегда соотвѣтствуютъ, всегда подчиняются и служатъ послѣднимъ? Не являются ли политическія учрежденія органами, служащими только интересамъ классовъ? Не есть ли государство орудіе и средство для поработенія однихъ классовъ другими? Не лежитъ ли въ основѣ всякой политической дѣятельности интересъ классовый или вообще интересъ экономическій?

Какое отношеніе существуетъ между политическими силами и способностями и экономическими силами и способностями? Не являются ли первыя въ сущности лишь нѣкоторою формою вторыхъ? Или, быть можетъ, политическая сила играетъ подчиненную роль лишь потому, что она лишена способности вліять и дѣйствовать безъ экономическихъ ресурсовъ? Какова вообще роль силы и насилія въ исторіи? Способна ли сила сама по себѣ производить существенныя измѣненія въ жизни общества, въ соціальныхъ и экономическихъ отношеніяхъ, или же она обладаетъ творческою силою лишь тогда, когда она служитъ интересамъ классовъ или имѣетъ за собою массы, во всѣхъ же другихъ случаяхъ она неспособна ни творить, ни разрушать, если не считать вносимыхъ ею временныхъ пертурбацій?

Далѣе, каково отношеніе между политическими и классовыми антагонизмами? Соотвѣтствуетъ ли всякое политическое угнетеніе классовому угнетенію и всякая политическая борьба—классовой борьбѣ? Или же политическое угнетеніе и политическая борьба представляются особымъ видомъ соціальной борьбы?

Наконецъ, можно ли вообще противопоставлять политику экономіи—двѣ стороны жизни одного и того же общественного цѣлаго.

Таковы вопросы, на большую часть которыхъ намъ придется отвѣтить въ настоящей главѣ.

I.

Во введеніи къ «Гражданской войнѣ во Франціи» 1891 года Энгельсъ говоритъ: «Государство есть не что иное, какъ орудіе угнетенія одного класса другимъ; это относится къ демократической республикѣ не менѣе, чѣмъ къ монархіи» ¹⁾.

Предметъ можетъ быть орудіемъ какого-нибудь лица лишь въ томъ случаѣ, когда онъ находится во власти этого лица. Для того, чтобы государство могло быть орудіемъ угнетенія одного класса другимъ, необходимо, чтобы механизмъ государственной власти находился въ распоряженіи угнетеннаго класса, необходимо, чтобы государственная власть принадлежала всецѣло этому классу, какъ напр. въ аристократическихъ или плутократическихъ республикахъ, гдѣ политическими правами пользуются лишь, напримѣръ, граждане, владѣющіе землею или капиталомъ. Напротивъ того, въ демократическихъ республикахъ, гдѣ государственная власть является выраженіемъ воли всего народа или той части народа, которая обладаетъ сознаніемъ и рѣшимостью проводить свою волю, государство не только не есть орудіе угнетенія одного

¹⁾ Марксъ, Гражданская война во Франціи, стр. 14.—Въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ говоритъ о государствѣ, что „оно было государствомъ того класса, который самъ въ свое время представлялъ все общество“. (Engels, Anti-Dühring, стр. 233).

класса другимъ, но можетъ даже стать орудіемъ въ рукахъ массъ противъ экономического господства высшихъ классовъ. Съ другой стороны, въ тѣхъ странахъ, гдѣ механизмъ государственной власти находится всецѣло въ распоряженіи абсолютной монархіи, государственная политика опредѣляется интересами правящаго дома—интересами, которые могутъ совпадать, но могутъ и не совпадать съ интересами того или другого класса или всего общества. Ни въ демократической республикѣ, ни въ абсолютной монархіи отдѣльные классы общества не могутъ непосредственно распоряжаться механизмомъ государственной власти, а могутъ дѣйствовать лишь косвенно или частично, напр. богатые классы помощью своихъ экономическихъ ресурсовъ. Ни демократическая республика, ни демократическая монархія не могутъ, стало быть, считаться выраженіемъ господства одного класса надъ другимъ. Во всякомъ другомъ политическомъ строѣ политическое господство можетъ въ большей или меньшей степени соединяться съ господствомъ классовымъ.

Аѳины были демократическою республикою, въ которой законодательная власть принадлежала совокупности свободныхъ гражданъ. Народъ пользовался своею властью, чтобы отягощать богатый классъ налогами и чтобы эксплуатировать государственный бюджетъ въ пользу неимущихъ гражданъ ¹⁾. Если здѣсь можно говорить о государствѣ, какъ объ «орудіи классового угнетенія», то Аѳинская республика была скорѣе орудіемъ въ рукахъ бѣднаго класса для «угнетенія» экономически господствующаго класса. Правда, въ Аѳинахъ существовало рабство, санкціонированное государствомъ; но демократическій строй Аѳинъ существовалъ, конечно, не изъ-за рабства и не ради рабства, ибо рабство могло съ такимъ же или еще большимъ успѣхомъ процвѣтать въ аристократической республикѣ и въ деспотіи. Точно также республиканскій строй Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, конечно, не находился ни въ какой связи съ существованіемъ класса рабовъ-негровъ; институтъ рабства существовалъ въ странѣ, когда она была еще колоніей Англіи, и республиканскій строй Соединенныхъ Штатовъ не подвергался измѣненію послѣ того, какъ рабство было упразднено.—Съ другой стороны, борьба классовъ въ греческихъ республикахъ неоднократно, какъ извѣстно, приводила къ изгнанію богатыхъ и дѣлежу ихъ имущества между бѣдными и даже рабами. Тамъ, гдѣ прекращалось, хотя бы на время, экономическое неравенство, не можетъ быть и рѣчи о государствѣ, какъ объ орудіи классового угнетенія.

Но почему аѳинскій народъ и греческія демократіи не искореняли совершенно классового строя и классовыхъ различій въ средѣ хотя бы свободныхъ гражданъ? Во всякомъ случаѣ не потому, что на пути къ этому стоялъ ихъ демократически-республиканскій строй. Напротивъ того, сама постановка вопроса показываетъ, что политическая демократія

¹⁾ P. Guiraud, *Etudes économiques sur l'antiquité*, стр. 23.—Каутскій, *Изъ исторіи общественныхъ теченій*, I, стр. 6.

давала, повидимому, орудіе гражданамъ для полного соціального освобожденія. Такъ и нынѣ, если, на примѣръ, нѣмецкая соціаль-демократія держится республиканскихъ воззрѣній, то, конечно, не потому, что демократическая республика можетъ стать «орудіемъ угнетенія одного класса другимъ». Если классовый строй оставался не тронутымъ по существу въ античныхъ демократіяхъ, то это произошло вслѣдствіе недостаточнаго развитія способностей этихъ обществъ. Въ особенности важно то, что совершеніе коренного переворота въ общественной жизни предполагаетъ наличность не только силъ, но и сознаній. Это примѣнимо не только къ античнымъ, но и къ современнымъ демократіямъ.

«Демократическая республика, говоритъ Энгельсъ, официально не придаетъ болѣе значенія имущественному неравенству. Вліяніе богатства однако сказывается тамъ, хотя и косвенно, но за то тѣмъ сильнѣе. Оно проявляется съ одной стороны, въ продажности должностныхъ лицъ, а съ другой стороны,—въ видѣ союза между правительствомъ и биржею... Въ концѣ концовъ имущій классъ господствуетъ посредствомъ всеобщаго избирательнаго права ¹⁾». Если бы продажность должностныхъ лицъ и союзъ между правительствомъ и биржею были явленіями, свойственными исключительно или по преимуществу республиканско-демократическому строю, то замѣчаніе Энгельса о политическомъ вліяніи богатства въ демократіяхъ имѣло бы еще нѣкоторое значеніе. Въ дѣйствительности же это—явленія, присущія въ большей или меньшей степени всякому политическому режиму въ обществахъ, характеризующихся экономическимъ неравенствомъ, съ той лишь особенностью, что въ не-демократическихъ государствахъ они растворяются въ общемъ политическомъ безправіи массъ, а въ демократіяхъ гарантіи политической свободы и сила общественнаго мнѣнія даютъ средства для успѣшной съ ними борьбы. Стоитъ только вспомнить, съ одной стороны, безнаказанные подвиги іюльской монархіи и второй имперіи, а съ другой стороны исторію Панамы въ третьей республикѣ. Ссылаться на продажность чиновничества, какъ на доказательство классового характера современныхъ демократій, можно съ такимъ же правомъ, съ какимъ мы стали бы утверждать, что сѣверо-американскіе рабочіе союзы являются классовымъ учрежденіемъ въ рукахъ капиталистовъ, ибо бывали случаи подкупа секретарей и должностныхъ лицъ этихъ союзовъ предпринимателями.

Если мы отъ демократической республики перейдемъ къ противоположной крайности, а именно къ самымъ грубымъ формамъ деспотіи, то мы убѣдимся, что подобный политическій строй ужъ потому не можетъ считаться орудіемъ угнетенія одного класса другимъ, что вся система общественного угнетенія сводится именно на угнетеніе всякаго народа или племени самымъ деспотомъ и его агентами, покорными орудіями въ его рукахъ. Государство сосредоточено здѣсь въ лицѣ вождя, который—

¹⁾ Энгельсъ, Происхожденіе семьи, собственности и государства, стр. 155—156.

въ варварскихъ и въ восточныхъ деспотіяхъ—является собственникомъ всей земли, всѣхъ подданныхъ и всего ихъ имущества. Здѣсь нѣтъ класса, который могъ бы заставить монарха служить его интересамъ, ибо все населеніе, кромѣ ничтожной кучки людей, окружающихъ деспота, коснѣетъ въ рабствѣ, поддерживаемомъ рабскимъ воспитаніемъ самихъ массъ и силою, доставляемою самими рабами.

Въ варварскихъ деспотіяхъ населеніе представляетъ нѣчто въ родѣ домашняго скота монарха. Въ Новой Каледоніи царекъ ѣлъ своихъ низшихъ подданныхъ и солилъ ихъ мясо ¹⁾. Въ монархіяхъ восточной Африки царьки считались собственниками своихъ народцевъ; они могли по желанію убивать или продавать своихъ подданныхъ. Въ Дагомеѣ всѣ люди были собственностью короля; онъ могъ по желанію располагать всѣми женщинами. Въ Угандѣ монархъ владѣлъ, какъ собственностью, своими подданными и ихъ имуществомъ. Въ подобныхъ деспотіяхъ традиція выработала въ населеніи нѣчто вродѣ инстинкта рабства. Обоже- ствленные монархи пользуются магическою властью. Даже тамъ, гдѣ между королемъ и населеніемъ существуетъ промежуточный слой вождей, народъ проявляетъ собачью покорность по отношенію къ вождямъ, а вожди—по отношенію къ монарху ²⁾.

Напрасно также мы стали бы искать классовой основы большихъ восточныхъ деспотій въ прежнія эпохи и въ новое время. Абсолютный монархъ, земной богъ, не знавшій никакихъ границъ своей власти, никакихъ преградъ своей волѣ, царствовалъ въ Египтѣ и въ Персіи, въ Ассиріи и въ Вавилонѣ, въ Сіамѣ и въ Камбоджѣ, въ Аннамѣ и въ Бирманѣ. Царямъ принадлежали страны и народы, въ ихъ рукахъ были жизнь и достояніе подданныхъ. Такъ, въ древнемъ Египтѣ, «царь-богъ владѣлъ, какъ собственностью, имуществомъ и личностью своихъ подданныхъ... Съ этой теоретической точки зрѣнія, весь Египетъ былъ царскимъ имѣніемъ, населеннымъ крѣпостными, работавшими для царя и жившими тою долею, которую онъ благоволилъ имъ предоставить изъ своего дохода». Лагиды продолжали эту традицію фараоновъ ³⁾. Централистическая бюрократія египетскихъ царей послужила образцомъ для римскихъ императоровъ и потомъ для всѣхъ деспотическихъ бюрократій ⁴⁾. Замѣтимъ, что теорія, которую въ первой четверти 19-го вѣка развивалъ, къ великому удовольствію нѣмецкихъ монарховъ, извѣстный реакціонеръ фонъ-Галлеръ, сводится въ сущности къ реставрированной идеѣ восточной деспотіи, согласно которой государство есть не что иное, какъ частная собственность монарха, находящаяся въ безусловномъ его

¹⁾ Ch. Letourneau, *L'évolution politique dans les diverses races humaines*, Paris, 1890, стр. 70.

²⁾ Ch. Letourneau, *Évolution de l'Esclavage*, стр. 68, 82, 78.—Ch. Letourneau, *Évolution politique*, стр. 107—108 и 66—67.

³⁾ A. Bouche-Leclercq, *Histoire des Lagides*, t. III, Paris, 1906, стр. 179—180.

⁴⁾ A. Bouche-Leclercq, *l. c.*, стр. 101.

распоряженіи, и цѣль государства заключается въ государѣ и въ фамиліи государя.

Безпредѣльная власть восточныхъ деспотовъ исключала всякую возможность успѣшнаго на нее воздѣйствія—легальными или насильственными средствами—со стороны населенія или какого-нибудь класса населенія. Они всеильны, ибо въ ихъ рукахъ государственная машина, и сама власть окружена ореоломъ святости въ глазахъ народа, поработеннаго матеріально и духовно. Политическія измѣненія на верхахъ производятся только войнами и взаимною борьбою между деспотами. Надо прибѣгнуть къ ресурсамъ мистицизма, чтобы пытаться открыть въ подобныхъ формахъ политическаго деспотизма лишь «орудіе» въ рукахъ какого-нибудь класса для защиты интересовъ этого класса.

Если мы теперь возьмемъ, въ видѣ примѣра, политическій строй, промежуточный между крайнею деспотіею и демократическою республикою, при томъ въ странахъ съ сильно или достаточно дифференцированными классовыми отношеніями, какъ Греція и Римъ въ эпоху, предшествовавшую установленію республики, то мы легко убѣдимся, что принятіе царской власти въ этихъ странахъ только за классовое учрежденіе, за орудіе властвованія въ рукахъ экономически господствующаго класса идетъ въ разрѣзъ съ историческими фактами. Аѳинская царская власть не была, конечно, учрежденіемъ, представлявшимъ интересы демоса, низшихъ классовъ народа; но она не была и учрежденіемъ, которое служило орудіемъ въ рукахъ эвпатридовъ для притѣсненія народа. Отмѣна царской власти въ Аѳинахъ была дѣломъ эвпатридовъ, стремившихся усилить свою аристократическую власть; что касается народа, то онъ—правильно или въ силу иллюзій—считалъ себя болѣе несчастнымъ при новомъ режимѣ, чѣмъ въ эпоху царей ¹⁾. Положеніе Гераклидовъ, вождей дорійцевъ, вторгшихся въ Пелопоннезъ и покорившихъ жившія тамъ ахейскія племена, представляется довольно своеобразнымъ: политика этихъ вождей сводилась къ тому, чтобы слить въ одинъ народъ побѣдителей и побѣжденных, съ цѣлью достиженія для себя большей независимости въ отношеніи воиновъ-дорійцевъ. Въ самой Лаконіи Гераклиды стали предметомъ ненависти для своихъ солдатъ за проявленное ими намѣреніе обращаться съ не-дорійскимъ населеніемъ наравнѣ съ ахейцами ²⁾. Спартанскіе цари неоднократно пытались опереться на поработенные и безправные элементы въ Лаконіи, чтобы выйти изъ того подчиненнаго положенія, въ которомъ ихъ держала аристократія. Впослѣдствіи цари Агисъ и Клеоменъ, какъ извѣстно, стали во главѣ соціальной революціи ³⁾. Что политика римскихъ царей не была классовою политикою, имѣвшею въ виду интересы аристократіи, и только интересы аристократіи, видно изъ преданій о частой борьбѣ между патриціатомъ и царями, стремив-

¹⁾ Ern. Curtius, Griechische Geschichte, I B., II Buch. Cap. 2.—Fustel de Coulanges, La cité antique, стр. 312—313.

²⁾ Ern. Curtius, Griechische Geschichte, I B. II Buch, Cap. 1.

³⁾ Fustel de Coulanges, La cité antique, стр. 409—412.

шимися повѣситъ положеніе низшихъ классовъ и противопоставить плебсъ классу патриціевъ. Революція, низвергшая царскую власть въ Римѣ, была дѣломъ не народа, а аристократіи ¹⁾. Съ другой стороны, конечно, трудно предположить, чтобы царская власть представляла собою классовое учрежденіе плебса, служившее орудіемъ въ рукахъ народа для борьбы съ патриціями. Во всякомъ случаѣ это означало бы, что государственная власть въ Римѣ, въ эпоху царей, была орудіемъ въ рукахъ угнетеннаго класса для защиты его интересовъ противъ аристократіи, — насколько, конечно, государственная власть воплощалась въ такомъ важномъ органѣ управленія, какимъ были цари.

Но дѣло въ томъ, что ненависть, которую римскій народъ въ послѣдствіи питалъ, въ теченіе вѣковъ, къ монархическому режиму, плохо мирится съ идеею о царской власти въ Римѣ, какъ объ учрежденіи чисто народномъ и народолюбивомъ. Какъ говоритъ Моммсенъ, слово «царь» производило на римскую толпу дѣйствіе, подобное тому, какое слово «папа» производитъ на массы въ Англіи» ²⁾. Не одинъ народный вождь, боровшійся за интересы массъ въ республиканскомъ Римѣ, терялъ довѣріе и поддержку народа, когда аристократія удавалось убѣдить народъ въ томъ, что тотъ, кто руководитъ имъ, стремится къ царской власти.

Каковы бы ни были обстоятельства, благодаря которымъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ установилась та или другая форма политической власти, несомнѣнно то, что монархія не можетъ считаться политическимъ представительствомъ того или другого класса. Тамъ, гдѣ она всесильна, какъ въ варварскихъ или восточныхъ деспотіяхъ, она не знаетъ ничего сверхъ своихъ собственныхъ интересовъ; тамъ община или государство составляетъ собственность монарха, и интересы страны, интересы подданныхъ, трогаютъ монарха лишь постольку, поскольку это — интересы его собственности. Тамъ же, гдѣ монархія не является властью самодовлѣющею, гдѣ она не обладаетъ достаточною силою, чтобы вести свою собственную политику безъ поддержки извнѣ, какъ напр., въ древнемъ періодѣ жизни Греціи и Рима, монархія часто стремится опереться на низшіе классы населенія либо въ интересахъ государственныхъ, т. е. въ интересахъ государства, какъ цѣлаго, либо въ собственныхъ политическихъ интересахъ монарха или династіи (мы оставляемъ въ сторонѣ возможные случаи идейнаго интереса, напр., интереса осуществленія требованій соціальной справедливости). Монархія представляется самостоятельною соціальною группою, именно политической категоріею, преслѣдующею свои самостоятельные интересы, опирающеюся на силу государственнаго механизма, находящагося въ ея распоряженіи, и въ извѣстныхъ случаяхъ ищущею поддержки въ томъ

¹⁾ Th. Mommsen, *Römische Geschichte*, I B., 8-e Aufl., Berlin, 1888, стр. 257 и 265—266. — Fustel de Coulanges, *La cité antique*, стр. 284, 292—296 и 301.

²⁾ Th. Mommsen, *l. c.*, I, стр. 291.

или другомъ классѣ населенія, при чемъ этимъ классомъ могутъ быть и угнетенныя экономическія массы. Въ древности бывало, что неограниченныя монархіи не останавливались передъ самыми рѣшительными формами демагогіи. Такъ, македонскій царь Персей, во время борьбы съ Римомъ, принялъ сторону соціально-революціонной партіи въ Греціи, боровшейся съ классомъ собственниковъ, и обѣщаль реабилитировать всѣхъ тѣхъ, которые пострадали изъ-за политики или за долги. Впослѣдствіи Митридатъ, царь понтскій, выступилъ противъ римской плутократіи въ Азіи, велѣлъ перерѣзать въ одинъ день 100.000 италиковъ, освободилъ ихъ рабовъ, а имущество ихъ раздѣлилъ между перодами и и царскимъ фискомъ. Но никто, конечно, не скажетъ, что Персей и Митридатъ, какъ монархи, были лишь орудіемъ въ рукахъ неимущихъ классовъ.

Мы видимъ, что если бы мнѣніе Энгельса о томъ, что государство возникло, какъ организація порядка, необходимая для регулированія внутреннихъ отношеній между членами общества, въ которомъ развились и обострились классовыя различія¹⁾, и было вѣрно, то отсюда не слѣдуетъ, что государственная власть оставалась орудіемъ только для угнетенія одного класса другимъ классомъ.

Но не будетъ ли законно разсматривать, съ марксистской точки зрѣнія, деспотію и вообще неограниченную монархію — въ лицѣ монарха, его династіи и его должностныхъ лицъ, — какъ особый классъ? Марксъ ставитъ въ одинъ рядъ восточнаго деспота съ рабовладѣльцемъ и феодаломъ, а извлеченіе азіатскимъ государствомъ прибавочной стоимости изъ труда подданныхъ въ видѣ податей онъ приводитъ въ параллель съ эксплуатаціей невольниковъ въ рабовладѣльческомъ или плантаторскомъ хозяйствѣ²⁾. По этому поводу слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что не совсѣмъ правильнымъ представляется смѣшеніе въ одной группѣ монарха или его династіи съ его бюрократіею и вообще со служащими ему агентами: абсолютная монархія такъ же мало зависитъ отъ классовыхъ интересовъ бюрократіи, какъ и отъ всего остального народа, въ случаѣ инерціи и автоматичности дѣйствія правительственного механизма, которымъ располагаетъ монархъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ остерегаться отъ смѣшенія идей вслѣдствіе смѣшенія словъ. Классъ опредѣляется экономическимъ признакомъ и экономическимъ интересомъ; тогда какъ монархія, какъ политическая категорія, характеризуется политическимъ признакомъ и политическимъ интересомъ. Если расширить понятіе класса включеніемъ въ него группъ, отличительнымъ признакомъ которыхъ является пользованіе политической властью при помощи политической силы, то монархіи и династіи, конечно, также

¹⁾ Э н г е л ь с ь, Происхожденіе семьи, собственности и государства, стр. 152—155.

²⁾ М а р к с ь, Капиталъ, т. III, стр. 264 и 652—653.

станутъ классами. Но тогда монархіи и династіи, въ качествѣ особыхъ классовъ, будутъ имѣть свои особые интересы, независимые отъ интересовъ всѣхъ другихъ классовъ населенія и часто противоположные этимъ интересамъ. Но тогда теряетъ смыслъ утвержденіе, что политическая власть государства есть не что иное, какъ орудіе угнетенія одного экономически подчиненнаго класса другимъ экономически правящимъ классомъ, и что монархія служитъ интересамъ того, то другого класса, — какъ будто бы она не имѣетъ своихъ собственныхъ интересовъ, которымъ она служитъ прежде всего и больше всего. Однимъ словомъ, подобное распространительное толкованіе класса будетъ для теоріи лекарствомъ, которое хуже болѣзни. Слово будетъ спасено, но что останется отъ теоріи?

II.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другой формы политической власти, происхожденіе которой большею частью достаточно хорошо извѣстно и сущность которой нерѣдко сводится у изслѣдователей на выраженіе нѣкоторой равнодѣйствующей борьбы классовъ. Мы говоримъ о цезаризмѣ.

Подъ цезаризмомъ обыкновенно разумѣютъ политическое единовластіе, которое, выступивъ на смѣну демократіи и опираясь на силу, беретъ въ свои руки защиту интересовъ народа или слои населенія, представляющіе народъ, противъ высшихъ классовъ, цѣною потери народной свободы. Отдѣльными разновидностями цезаризма считаются греческія тиранніи, римская императорская власть, тиранніи въ итальянскихъ средневѣковыхъ республикахъ, диктатура Оливера Кромвелля, бонапартизмъ.

Въ опредѣленіи цезаристской монархіи вѣрно то, что она связана съ потерей политической свободы, и что она опирается на силу. Это — ея постоянныя и существенныя черты. Что же касается классового характера цезаризма, то онъ отличается крайнею измѣнчивостью и эластичностью, въ зависимости отъ обстоятельствъ возникновенія, силы и собственныхъ интересовъ монарха.

Появленіе тиранновъ въ греческихъ республикахъ во многихъ случаяхъ несомнѣнно находилось въ связи съ борьбою классовъ, съ борьбою демоса противъ аристократіи или богатаго класса. Въ моменты обостренія классовой борьбы тиранны являются народными вождями, миссія которыхъ стоять во главѣ массъ для выполненія и упроченія соціальной революціи. Фюстель-де-Куланжъ говоритъ, что тиранны были жестоки не по природѣ, а въ силу необходимости угождать бѣднымъ, ибо «они могли удерживать свою власть, только удовлетворяя аппетиты толпы и давая пищу ея страстямъ»¹⁾. Однимъ словомъ, власть

¹⁾ Fustel de Coulanges, La cité antique, стр. 404.

тиранновъ представлялась одно время диктатурою народной партіи противъ господства аристократіи ¹⁾. Діонисій сиракузскій возвратилъ изгнанныхъ демократовъ, освободилъ массу рабовъ, произвелъ передѣлъ домовъ и земель, отдалъ дочерей собственниковъ въ разграбленныхъ городахъ въ жены рабамъ. Агаоклъ, тираннъ сиракузскій, предаль смерти многихъ людей, принадлежавшихъ къ среднему классу, отмѣнилъ долги, передѣлилъ земли и дома. Клеархъ, тираннъ византійскій, умертвилъ много лицъ богатаго класса, освободилъ ихъ рабовъ и отдалъ имъ въ жены вдовъ убитыхъ. Набій, тираннъ спартанскій, далъ право гражданства всѣмъ свободнымъ людямъ, всюду подымалъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, дѣлилъ земли, отмѣнялъ долги; онъ довелъ дѣло даже до эмансипаціи илотовъ. Въ подобныхъ случаяхъ тираннія, какъ политическій режимъ, опиралась на демократію. Моммсенъ даже утверждаетъ, что тираннія была повсюду продуктомъ всеобщаго избирательнаго права: италійскія государства предохранили себя отъ нея тѣмъ, что въ нихъ дольше, чѣмъ у грековъ, доступъ въ политическія собранія и участіе въ законодательствѣ были закрыты для тѣхъ, которые не имѣли земельной собственности ²⁾.

Но демократія—это политическій строй, въ которомъ высшій законъ есть воля свободнаго народа. Тираннія же является отчужденіемъ свободы и власти народа въ пользу единовластнаго правителя. Демократія такимъ образомъ переходитъ въ свою собственную противоположность. Разрѣшеніе классоваго антагонизма порождаетъ новый политическій антагонизмъ. Народъ борется противъ тираннії за свободу.

У тиранновъ и у народа былъ общій интересъ борьбы съ аристократіею и съ богатымъ классомъ. Это былъ союзъ противъ общаго врага. Но дѣли союзниковъ не были тождественны до такой степени, чтобы дѣло тиранновъ сливалось съ дѣломъ народа. У каждаго изъ союзниковъ были свои особые интересы. Тираннъ становился на защиту народа не изъ любви къ демократіи, а народъ соединялся съ тиранномъ не изъ любви къ тираннії. Этимъ объясняется частое паденіе тиранновъ ³⁾. Тиранны стремились опереться на народъ для осуществленія своихъ политическихъ плановъ. Они стремились къ деспотіи. Они основывали династіи. Они искали опоры въ военной силѣ. Они прибѣгали къ жестокостямъ для защиты своей власти. Они подавляли свободу слова и собраній. Они окружали себя шпіонами. Политическое иго тираннії объединяло противъ себя всѣ слои населенія. Ненависть къ деспотизму вела къ изгнанію тиранновъ. Но уничтоженіе тираннії не влекло за собою аристократической реставраціи, наоборотъ оно имѣло въ результатъ полное торжество политической демократіи ⁴⁾. Изгнаніе ти-

¹⁾ Julius Beloch, Griechische Geschichte, I B., Strasbourg 1893, стр. 314.

²⁾ Th. Mommsen, Römische Geschichte, I B., стр. 276.

³⁾ Fustel de Coulanges, La cité antique, стр. 325.

⁴⁾ J. Beloch, Griechische Geschichte, I, стр. 325.

ранновъ имѣло въ виду освобожденіе всей общины отъ политическаго гнета. Такъ, на островѣ Лесбосѣ два тиранна Меланхръ и Мирсилъ были низвергнуты союзомъ аристократіи и народа ¹⁾). Въ Сиракузахъ, послѣ смерти Гіеронима, наступили волненія, отчасти поджигаемые чужеземными эмиссарами: массы поднялись, требуя свободы. Однимъ словомъ тиранніи вызвали цѣлый рядъ политическихъ революцій, совершенныхъ народомъ.

Съ другой стороны, было бы ошибочно думать, что тиранніа всюду была первоначально продуктомъ классовой борьбы, или что тиранніа всюду защищала первоначально интересы народа. Политика коринтскаго тиранна Періандра не имѣла за собою вовсе демократическаго прошлаго; она приближалась, по своему характеру, къ политикѣ аристократіи и олигархіи. Въ Аѣинахъ тиранніа преслѣдовала, повидимому, исключительно цѣли династической политики. Попытка тиранна Килона произвести переворотъ, пользуясь замѣшательствомъ во время религіозной процессіи, вызвала единодушное осужденіе народа, возмущеннаго подобнымъ святотатствомъ. Политика тиранна Пизистрата не проявляетъ никакихъ слѣдовъ особеннаго народолюбія. Онъ скорѣе дѣйствовалъ въ духѣ обостренія классоваго обособленія. Изъ боязни передъ увеличеніемъ числа горожанъ и опасностью городскихъ волненій, онъ принималъ мѣры противъ частаго посѣщенія города деревенскими жителями и съ этою цѣлью даже, какъ говорятъ, предписалъ имъ ношеніе особаго костюма. Власть его была основана на силѣ. Онъ содержалъ армію наемныхъ солдатъ. Горожане были разоружены. Паденіе Пизистратидовъ повлекло за собою рядъ демократическихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью предотвратить возможность новаго торжества тиранніи ²⁾). Извѣстно, что убійцы Гиппарха стали предметомъ обожанія для аѣинскаго народа; имена Гармодія и Аристокитона навсегда остались для аѣинянъ окруженными ореоломъ лучшихъ патріотовъ и мучениковъ борьбы за свободу ³⁾).

Въ городахъ Малой Азіи тиранны держались только искусственно, вслѣдствіе вліянія и покровительства персидскаго царя. Персидская же деспотія пыталась вводить, черезъ посредство карійскихъ династовъ, тираннію на островахъ Косѣ и Родосѣ. Но здѣсь демократія и вообще вся нація была противъ тиранніи ⁴⁾).

Мы видимъ, что несмотря на нити, которыя часто связываютъ тираннію въ греческихъ государствахъ съ классовою борьбою особенно въ первоначальный фазисъ ея возникновенія, тиранніа представляетъ въ общемъ особую политическую категорію, съ самостоятельными

¹⁾ E. Curtius, Griechische Geschichte, I, B. II, Capel.

²⁾ J. Beloch, Griechische Geschichte, I, стр. 333.—Ern. Curtius, Griechische Geschichte, I B., II, Cap. 2.

³⁾ Ern. Curtius, Stadtgeschichte von Athen, Berlin, 1891, стр. 92 и 253.

⁴⁾ J. Beloch, Griechische Geschichte, I, стр. 341.—Ern. Curtius, Griechische Geschichte, III, стр. 568—569.

интересами, которая является источником особой формы политическаго угнетенія и которая порождает политическіе антагонизмы между правителемъ и управляемыми, антагонизмы, которые никоимъ образомъ не укладываются въ рамки классовой борьбы.

Тиранніи, возникавшія въ средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ, представляютъ нѣкоторыя аналогіи съ греческими тиранніями; но сущность итальянскихъ тиранній еще въ меньшей степени исчерпывается какимъ-либо классовымъ представительствомъ, чѣмъ въ тиранніяхъ греческихъ. Итальянскіе тиранны—это политическіе честолюбцы, которые, опираясь на военную или денежную силу—ибо это большею частью бывали феодалыне сеньеры, или кондотьеры, или банкиры,—захватывали власть для личныхъ или династическихъ цѣлей. Правда, городского пролетаріата и вообще народа они не притѣсняли; но подобнаго рода притѣсненіе не входило въ ихъ интересы, ибо со стороны народа имъ не грозила никакая опасность соперничества. Своего главнаго врага они видѣли въ аристократіи; борьба здѣсь шла между монархіею и олигархіею. Но что тиранны итальянскіе не были въ принципѣ враждебны аристократіи, какъ классу, видно изъ судьбы фамиліи Медичи, породнившейся съ французскимъ королевскимъ домомъ, подружившейся съ европейскими монархіями и поднявшейся до папскаго престола; аристократія была къ владѣтельному дому Медичи не менѣе близка, чѣмъ къ любой европейской династіи.

Наиболѣе типичнымъ и наилучше извѣстнымъ примѣромъ цезаризма считается римская императорская власть. Самое названіе свое цезаризмъ получилъ отъ римскихъ цезарей и ихъ «родоначальника» Юлія Цезаря. Изученіе природы римскаго цезаризма представляетъ наибольшій интересъ въ смыслѣ провѣрки теоріи политическаго строя, какъ орудія господства одного класса надъ другимъ. Провѣрка въ данномъ случаѣ весьма благодарная, въ виду огромности масштаба.

Что же представляла собою римская императорская власть? Была ли она своеобразною диктатурою низшихъ классовъ и населенія провинціи противъ родовитой и денежной аристократіи Италіи? Или же, напротивъ того, это была форма господства аристократіи? Или же это была форма правленія, возвышавшаяся надъ классовою борьбою и регулировавшая лишь ея проявленія? Или это былъ продуктъ классовой борьбы, ставшій независимымъ отъ породившихъ его причинъ? Или, наконецъ, это была самостоятельная политическая категорія, которая лишь нѣкоторыми нитями была связана съ классовою борьбою и которая, опираясь на силу государственной машины, представляла не только государство, какъ цѣлое, но и свои собственные политическіе интересы?

Для многихъ, цезаризмъ, въ особенности римскій, представляется крайнимъ фазисомъ развитія и вырожденія абсолютной демократіи. Такъ, французскій историкъ Ланфре, извѣстный авторъ «Исторіи Наполеона I», говоритъ: «Цезарей создаютъ не внѣшнія войны. Нѣтъ, ихъ создаютъ войны внутреннія, а въ особенности тѣ доктрины абсолютной

демократіи, апостоломъ которыхъ былъ Робеспьеръ, и которыя никогда еще не явились въ мірѣ, не приводя съ собою царства силы. Это онѣ породили Цезаря, Кромвелля и Бонапарта» ¹⁾. По мнѣнію Вильг. Рошера, когда демократія превращается въ анархію, или лучшіе люди отстраняются отъ службы государству, цезаризмъ выступаетъ въ качествѣ спасителя ²⁾. Аналогичный взглядъ мы находимъ даже у социалиста Бенуа Малона: «Греческіе тиранны и римскіе цезари—продуктъ плебейскаго гнѣва, возбужденнаго хищничествомъ и эгоизмомъ патриціевъ» ³⁾.

Въ виду подобнаго своего происхожденія, цезаризмъ предполагается преемникомъ стремленій демократіи и защитниковъ интересовъ народа противъ высшихъ классовъ. Согласно Рошеру, «что при этомъ теряетъ свобода, то выигрывается вслѣдствіе равенства»: происходитъ повышение низшихъ классовъ и пониженіе прежде господствовавшихъ классовъ ⁴⁾. Однимъ словомъ, цезаризмъ выдается за политическій строй, благопріятствующій социальной нивеллировкѣ, подъему народа и паденію аристократіи.

Единственно, что дѣйствительно вѣрно въ подобной характеристикѣ цезаризма, это—его стремленіе нивеллировать всѣ классы населенія въ общемъ для всѣхъ ихъ политическомъ рабствѣ.

Римская императорская власть была съ самаго начала абсолютною монархіею, прикрывавшеюся одно время маскою полу-республиканизма, но потомъ постепенно раскрывшею свои чудовищныя формы неподдѣльной султанской деспотіи. Какъ всякій абсолютизмъ, она прежде всего имѣла въ виду свои собственные интересы. Она меньше всего думала о какой-нибудь миссіи защищать интересы того или другого класса. Римскіе цезари думали прежде всего объ интересахъ своего дома, своей власти, своего фиска. Лучшіе изъ нихъ считали своимъ долгомъ заботиться объ интересахъ государства. Вообще же государственный интересъ сливался для нихъ съ ихъ интересомъ монархическимъ. И отношеніе ихъ къ различнымъ классамъ населенія было обусловлено интересами ихъ монархической политики.

Римская императорская власть могла считаться съ одинаковымъ основаніемъ или, лучше, съ одинаковымъ отсутствіемъ основанія,—и плебейскою, и аристократическою. Въ сущности, она не была ни тѣмъ, ни другимъ.

Римскіе цезари могли казаться императорами низшихъ классовъ и вообще народа какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ: въ положительномъ — вслѣдствіе видимой солидарности

¹⁾ P. Lanfrey, Essai sur la Revolution française, стр. 218.

²⁾ Wilhelm Roscher, Umriss zur Naturlehre des Cäsarismus, въ Abhandlungen der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, XXIII, Philologisch-Historische Klasse, Leipzig, 1888, стр. 644—645.

³⁾ B. Malon, Le socialisme intégral, t. I, стр. 371.

⁴⁾ Wilh. Roscher, l. c., стр. 647 и 649.

между народомъ и императорскою властью, въ отрицательномъ—вслѣдствіе антагонизма между этою властью и аристократіею. Дѣйстви-тельно, римская городская чернь широко пользовалась императорскими щедротами—выдачею гражданамъ хлѣба и разныхъ продуктовъ на счетъ государственной казны, равно какъ публичными увеселительными зрѣ-лищами. Провинціямъ, какъ утверждаютъ, жилось легче при имперіи, чѣмъ при республикѣ. Народъ не стремился къ восстановленію респу-бликанскаго строя. Какъ говоритъ Іосифъ Флавій, по поводу попытки республиканской реставраціи послѣ смерти Калигулы, народъ смотрѣлъ на императорскую власть, какъ на орудіе, необходимое для воспрепятство-ванія замысламъ и насиліямъ аристократовъ, новымъ гражданскимъ вой-намъ и бѣдствіямъ, отъ которыхъ Римъ нѣкогда страдалъ. Другое дѣло—аристократія, для которой императорская власть представлялась узурпа-ціею. Извѣстно, съ какою ненавистью относились къ сенату наиболѣе деспотическіе изъ императоровъ. Одинъ изъ фаворитовъ Нерона доста-влялъ большое удовольствіе своему повелителю, когда онъ говорилъ послѣднему: «Цезарь, я тебя ненавижу за то, что ты—сенаторъ».

Но не слѣдуетъ забывать, что римскіе императоры не имѣли ни-какого интереса притѣснять народъ, какъ таковой, и въ особенности выродившійся паразитный пролетаріатъ города Рима. Деморализація городской черни, значительная уже и въ послѣдній періодъ жизни рес-публики, возросла при императорскомъ режимѣ до такихъ предѣловъ, что никакой опасности для власти цезарей, въ смыслѣ какихъ-либо свободолюбивыхъ замысловъ этой праздной и испорченной массы, рѣши-тельно не было. Въ интересѣ императоровъ было поддерживать порчу и паразитизмъ этой черни, тратя на нее огромную долю государствен-ныхъ доходовъ, добытыхъ грабежемъ, кровью и страшнымъ угнетеніемъ всѣхъ тѣхъ элементовъ населенія, на которые можно было взыскивать тяжесть государственныхъ налоговъ. Императоръ Авреліанъ писалъ изъ провинціи въ Римъ: «Я сумѣю предохранить Римъ отъ всякаго безпо-койства. Вы—ходите на зрѣлища, ходите въ циркъ. Общественныя нужды составляютъ наше дѣло, а ваше—это предаваться удовольствіямъ». По-добная политика представляла въ сущности возведенную въ систему грандіозную коррупцію, практиковавшуюся на средства государства. Под-держивать и развивать ее цезари должны были считать тѣмъ болѣе не-обходимымъ и цѣлесообразнымъ, что выдача хлѣба на счетъ государства римскому пролетаріату практиковалась еще въ республикѣ задолго до монархическаго переворота. Что касается провинцій, то, если считать вѣрнымъ то, что онѣ почувствовали облегченіе при имперіи, это надо приписать не тому, что императорская власть была защитницею про-винцій, или что она была нѣкоторою формою представительства ихъ интересовъ, а тому, что императоры смотрѣли на провинціи, какъ на источникъ своихъ собственныхъ доходовъ, и они не допускали того, чтобы грабежи правителей вели не только къ раззоренію провинцій, но и къ обѣднѣнію императорскаго фиска. Цезари предпочитали сами гра-

бить провинціи, чѣмъ предоставить это чиновникамъ, а въ результатѣ провинціи отъ этого, быть можетъ, кое-что и выигрывали ¹⁾). Если Августъ отмѣнилъ бесплатность правительственныхъ должностей и ввелъ принципъ оплачиванія жалованьемъ всѣхъ магистратуръ, то онъ это сдѣлалъ не для обузданія аппетитовъ чиновниковъ, а въ виду крайняго обѣднѣнія во время гражданской войны той самой аристократіи, которая продолжала получать должности, и, быть можетъ, съ цѣлью превратить почетную и независимую до сихъ поръ должность магистрата въ платное и зависимое мѣсто чиновника, покорнаго слуги монарха ²⁾). Съ другой стороны, еще остается подъ сомнѣніемъ, дѣйствительно ли положеніе провинцій стало болѣе сноснымъ при императорскомъ режимѣ. Пѣснопѣнія льстецовъ того времени и славословія людей, потерявшихъ, въ океанѣ всеобщаго сервиллизма, самое чувство человѣческаго достоинства, не могутъ служить доказательствомъ счастья подданныхъ. Болѣе краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ могутъ служить отрывочныя сообщенія историковъ о грабежахъ императорскихъ префектовъ и о возстаніяхъ въ провинціяхъ, вызванныхъ страшными притѣсненіями императорской администраціи. Мишле замѣтилъ, что провинціи, въ сущности радовавшіяся паденію республиканскаго правительства, были истощены поборами императорскаго фиска. Въ эпоху императора Адріана, одного изъ самыхъ блестящихъ представителей такъ называемаго «золотого періода римской имперіи», Ювеналъ писалъ, что міръ разоренъ, и что побѣжденные народы ограблены до такой степени, что ничего грабить у нихъ болѣе не остается. Нужно ли здѣсь говорить о томъ окончательномъ и всеобщемъ разореніи имперіи, которое императорскій деспотизмъ произвелъ въ позднѣйшее время?—Какъ бы то ни было, линія политики цезарей въ отношеніи къ плебсу и къ подданнымъ провинцій вытекала изъ политическихъ интересовъ абсолютизма; при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій, тѣ же политическіе интересы монархіи могли диктовать и на самомъ дѣлѣ диктовали цезарямъ линію поведенія, менѣе всего характеризующуюся стремленіемъ защищать интересы народа, способствовать подъему низшихъ классовъ и дѣйствовать въ направленіи смягченія сословныхъ и классовыхъ различій. Тѣ же интересы императорской власти руководили цезарями и въ ихъ политикѣ по отношенію къ аристократіи и богатому классу. Поскольку въ аристократіи сохранились республиканскія традиціи и любовь къ свободѣ, поскольку сенатъ, хотя и послушное орудіе въ рукахъ императоровъ, формально ограничивалъ ихъ всемогущество, поскольку претенденты на престолъ могли выходить лишь изъ высшихъ классовъ, цезари видѣли въ нихъ опасность и подвергали ихъ жестокимъ гоненіямъ; не малую роль играло тутъ у нихъ и желаніе обогатить свой фискъ конфискаціею имущества преслѣдуемыхъ. Но въ то же время многіе

¹⁾ Gaston Boissier, *L'opposition sous les Césars*, 4-e édition, Paris, 1900, стр. 19—22.—Victor Duruy, *Histoire des Romains*, Paris, 1881, t. IV, стр. 267—268,

²⁾ G. Ferrero, *Grandeur et décadence de Rome*, IV, стр. 282—283.

цезари видѣли въ сенатѣ и аристократіи оплотъ противъ господства солдатчины, а задача общей политики римскихъ императоровъ сводилась на усиленіе іерархіи въ соціальныхъ отношеніяхъ, іерархіи, застывшей въ послѣдствіи въ формѣ наслѣдственныхъ кастъ—этого самаго изумительнаго продукта римскаго императорскаго деспотизма. Благодаря подобной политикѣ, соціальное неравенство обострялось, низшіе классы опускались еще ниже, высшіе классы подымались, средніе классы все болѣе и болѣе рѣдѣли, и все это движеніе происходило въ рамкахъ одинаковаго для всѣхъ политическаго рабства.

Разсмотримъ нѣкоторые акты соціальной политики римскихъ императоровъ, имѣвшіе отношеніе къ различнымъ классамъ населенія, начиная отъ низшихъ.

Не была ли императорская власть покровительницею рабовъ? Согласно характеристикѣ Фюстель-де-Куланжа, римская монархія стояла на стражѣ защиты слабыхъ ¹⁾. Вильг. Рошеръ утверждаетъ, что цезаризмъ систематически покровительствовалъ рабамъ; онъ ссылагается на вліяніе вольноотпущенныхъ при первыхъ императорахъ и на гуманные законы по отношенію къ рабамъ, изданные при Антонинахъ ²⁾. Чиккоти говоритъ, что императорская власть, въ своихъ собственныхъ интересахъ, стремилась привязать себѣ массу, исключительно зависимую и безвольную, чуждую духа свободы; а это могли быть рабы и вольноотпущенные, чуждые республиканскихъ традицій, безопасное орудіе въ рукахъ монарха въ борьбѣ противъ высшихъ классовъ, потерявшихъ власть ³⁾. Последнее мнѣніе высказывается и Каутскимъ: цезаризмъ былъ побѣдою демократіи надъ рабовладѣльческою аристократіею, бывшею вмѣстѣ съ тѣмъ соперницею и противницею цезаризма, тогда какъ рабы и вольноотпущенные были самою вѣрною опорою императоровъ; поэтому раболюбіе было въ модѣ при императорскомъ дворѣ, а такіе цезари, какъ Неронъ, защищали рабовъ ⁴⁾.

Что вольноотпущенные пользовались большимъ вліяніемъ въ придворномъ штатѣ императоровъ и часто являлись до нѣкоторой степени ихъ министрами, это—вѣрно. Но это объясняется не раболюбіемъ императоровъ, а тѣмъ, что управленіе домовъ у богатыхъ римлянъ было сосредоточено въ рукахъ вольноотпущенныхъ и рабовъ, которые занимали мѣста секретарей и экономовъ; и, разъ высшая власть въ государствѣ перешла къ императору, правленіе государствомъ сливалось съ управленіемъ его дома, государственныя дѣла становились его личными дѣлами, и завѣдывать ими приходилось тѣмъ же рабамъ и вольноотпущеннымъ ⁵⁾.

¹⁾ Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, t. VI, Paris, 1892, стр. 668.

²⁾ Wilh. Roscher, Cäsarismus, I. c., стр. 649.

³⁾ E. Cicco tti, Il tramonto della schiavitù del mondo antico, Torino, 1899, стр. 355.

⁴⁾ Kautsky, Der Ursprung des Christentums, стр. 155—156.

⁵⁾ H. Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, 2-e édition, Paris, 1879, t. II, стр. 416.

Что касается гуманнаго законодательства о рабахъ при римскихъ императорахъ, то оно было продуктомъ вліянія філософіи, смягченія нравовъ и цѣлаго ряда причинъ, дѣйствовавшихъ однороднымъ образомъ на положительное право въ смыслѣ смягченія власти отца, власти мужа и проч. Законодательство слѣдовало въ данномъ случаѣ за общественнымъ мнѣніемъ ¹⁾. Въ отношеніи улучшенія положенія рабовъ, законодательство скорѣе отставало отъ требованій общественнаго мнѣнія; мало того, оно дѣйствовало вопреки ему, усиливая гнѣтъ, тяготѣвшій надъ рабами, и препятствуя ихъ освобожденію. Такъ, цезари очень косо смотрѣли на частыя отпущенія на волю рабовъ, практиковавшіяся уже въ послѣдній періодъ республики, ибо въ умноженіи числа вольноотпущенныхъ они видѣли опасность экономическую, опасность для общественнаго порядка и опасность для своей собственной власти. Упомянутый нами марксистъ Чиккотти признаетъ, что императорская власть, въ силу этихъ мотивовъ, противилась росту числа отпущеній рабовъ на волю ²⁾. Августъ издалъ законы, ограничивающіе право господина дать волю своимъ рабамъ въ завѣщаніи. Онъ же издалъ законъ, согласно которому, въ случаѣ убійства господина, всѣ рабы, жившіе подъ тою же кровлею, предавались смерти. Передъ смертью, Августъ совѣтовалъ Тиберію, между прочимъ, ограничивать отпущенія рабовъ на волю и быть скупымъ на раздачу правъ гражданства. Тиберій слѣдовалъ этому совѣту. Императорская власть не только ограничивала число отпущеній на волю рабовъ, но ограничивала ихъ политическія права и исключала ихъ изъ легіоновъ. Законодательство Константина о рабахъ отягчаетъ ихъ положеніе, и вообще соціальная политика христіанскихъ императоровъ по отношенію къ рабамъ представляетъ шагъ назадъ сравнительно съ законодательствомъ Антониновъ.

Императорская власть менѣе всего была озабочена защитой интересовъ рабовъ противъ ихъ господъ; она скорѣе заботилась о защитѣ самихъ господъ противъ ихъ чрезмѣрнаго раболюбія и чрезмѣрной расточительности въ отпущеніяхъ рабовъ на волю.

Не была ли императорская власть защитницею интересовъ пролетаріата? Если цезаризмъ былъ побѣдою демократической партіи надъ аристократіею, то было бы естественно, чтобы соціальная политика его вдохновилась до извѣстной степени интересами демократіи и пролетаріата. Но въ Римѣ, какъ извѣстно, въ центрѣ борьбы между пролетаріатомъ и аристократіею въ республиканскую эпоху всегда фигурировала аграрная платформа пролетаріата. Провести аграрный законъ—это значило отнять землю у крупныхъ землевладѣльцевъ и отдать ее неимущимъ. Если бы цезаризмъ былъ дѣйствительно торжествомъ демократіи, онъ не преминулъ бы осуществить крупныя аграрныя мѣропріятія въ интересахъ пролетаріата. Но что оказывается въ дѣйстви-

¹⁾ Gaston Boissier, *La religion romaine d'Auguste aux Antonins*, 5-e éd., Paris, 1900, t. II, стр. 325—358.—H. Wallon, l. c., t. III, стр. 389—390.

²⁾ F. Ciccottti, l. c., стр. 227—228, 255 и 270.

тельности? Со времени установления имперіи мы не замѣчаемъ ни малѣйшаго слѣда аграрнаго закона. Не даромъ придворный историкъ Веллей Паттеркулъ писалъ, что имперія дала каждому увѣренность въ томъ, что онъ будетъ спокойно пользоваться своимъ достояніемъ.— Правда, Фюстель-де-Куланжъ принимаетъ это самое отсутствие аграрнаго закона въ имперіи за доказательство того, что именно имперія и разрѣшила аграрный вопросъ, волновавшій многія поколѣнія. Онъ даже идетъ дальше и утверждаетъ, что паденіе республики и возникновеніе имперіи имѣло цѣлью разрѣшить аграрный вопросъ: «не честолюбіе одного человѣка произвело переворотъ столь общій и столь устойчивый... Дѣйствительною причиною его были матеріальные интересы большинства. Стремленіе преобразовать общественныя земли въ частновладѣльческія, измѣнить прекаріальное владѣніе въ полную собственность, а также измѣнить положеніе кліента въ индивидуальную свободу,—вотъ что тогда занимало главнымъ образомъ большинство людей, и это именно опредѣлило ходъ событій» ¹⁾. Поразительно, что Фюстель-де-Куланжъ, всегда опирающійся на тексты, крайне щепетильный въ отношеніи текстовъ, крайне строгій по отношенію къ гипотезамъ, не зиждующимся на опредѣленныхъ текстахъ, въ данномъ случаѣ, для подтвержденія своего предположенія, не ссылается ни на какой текстъ. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, историческій оптимизмъ Фюстель-де-Куланжа взялъ верхъ надъ его историческимъ объективизмомъ ²⁾. Въ отношеніи аграрнаго вопроса проще всего предположить, что, потерявъ свободу, римскій пролетаріатъ потерялъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность и охоту бороться за социальныя преобразованія, къ осуществленію которыхъ онъ стремился въ республиканскую эпоху Римскаго государства.

Извѣстно, что римскіе императоры относились весьма подозрительно къ проявленіямъ общественной самодѣятельности въ видѣ союзовъ и собраній, и даже лучшіе императоры ихъ безпощадно преслѣдовали. Исключенія въ этомъ отношеніи не оставляли и рабочія коллегіи, которыя первоначально были ни чѣмъ инымъ, какъ союзами взаимопомощи пролетаріевъ-ремесленниковъ. Изъ этого видно, что римскій

¹⁾ Fustel de Coulanges, *Les origines du système feodal*, Paris, 1890, стр. 94.—Г. Бельтовъ-Плехановъ замѣчаетъ по этому поводу, что Фюстель-де-Куланжъ, который „обращается къ экономіи..., подтверждалъ теорію Маркса“ (Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, Спб. 1895, стр. 220). Значитъ ли это, что, по теоріи Маркса, „матеріальные интересы большинства“ всегда опредѣляютъ ходъ историческихъ событій? Удивительно въ такомъ случаѣ, что еще до сихъ поръ говорятъ о господствѣ эксплуатирующаго меньшинства надъ эксплуатируемымъ большинствомъ. Или, быть можетъ, интересъ большинства и заключается въ томъ, чтобы эксплуатироваться меньшинствомъ?—Съ другой стороны, имперія была, согласно Фюстель-де-Куланжу, торжествомъ мелкаго землевладѣнія и среднихъ классовъ. Примыкаетъ ли къ этому мнѣнію и г. Плехановъ, и считаетъ ли онъ его марксистскимъ? Но въ такомъ случаѣ почему онъ выражаетъ свое согласіе съ мнѣніемъ Плинія, что „латифундіи погубили Италію“? (Монистич. взгля. м. ст. 108). Ср. Энгельсъ, Происхожденіе семьи, собственности и государства, стр. 115 и 133—4.

²⁾ Объ оптимизмѣ Фюстель-де-Куланжа см. Paul Guiraud, *Fustel de Coulanges*, Paris, 1896, стр. 121,—Гиро—ученикъ Фюстель-де-Куланжа.

деспотизмъ боялся мятежнаго духа рѣшительно всюду и нисколько не полагался на популярность императорскаго режима въ средѣ трудового люда. Впослѣдствіи, напротивъ того, императорская власть, въ своихъ же интересахъ, дала рабочимъ коллегіямъ оффиціальное положеніе, превративъ ихъ въ замкнутыя касты, съ обязательною передачею профессіи по наслѣдству.

Ни въ чемъ презрѣніе римской императорской власти къ интересамъ трудового народа и низшихъ классовъ, когда эти интересы сталкивались съ собственными интересами деспотизма, не проявилось такъ сильно, какъ въ юридическихъ мѣрахъ, которыя привели къ закрѣпленію колоновъ. Огромный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-арендаторовъ былъ въ IV-мъ вѣкѣ прикрѣпленъ къ арендуемой землѣ и низведенъ съ полу-рабскаго состоянія только потому, что интересы фиска страдали, какъ казалось императорамъ, отъ подвижности сельскаго населенія. Подобное законодательство, совершенно противное духу римскаго права, казалось до такой степени необычайнымъ даже со стороны римскаго императорскаго деспотизма, что цѣлый рядъ изслѣдователей ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ о прикрѣпленіи къ землѣ колоновъ. Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, нашлись апологеты и для этой варварской мѣры. Фюстель-де-Куланжъ пытался доказать, что колонатъ фактически ужь существовалъ долгое время, какъ наслѣдственная аренда, передъ тѣмъ, какъ быть легализованнымъ постановленіями закона, и что императорское законодательство если и отняло свободу у колона, то за то было выгодно для него въ томъ отношеніи, что отнимало у помѣщика право прогнать колона съ земли, которую онъ такъ долго обрабатывалъ ¹⁾). Съ такимъ же основаніемъ можно было бы доказывать, что стѣсненіе императорскимъ законодательствомъ отпущеній на волю рабовъ преслѣдовало интересы самихъ рабовъ, ибо иначе многіе рабы были бы выброшены изъ дома своего господина и оставлены безъ средствъ къ существованію... Какъ будто классъ колоновъ не кормилъ своимъ трудомъ (вмѣстѣ съ классомъ рабовъ) землевладѣльцевъ, и какъ будто послѣдніе могли жить безъ колоновъ (и рабовъ)! Самъ Фюстель-де-Куланжъ замѣчаетъ, что законодательство о колонатѣ было, вѣроятно, вызвано жалобами землевладѣльцевъ, которые говорили, что имъ трудно будетъ платить налоги, если имъ не будетъ обезпечено удержаніе колоновъ на ихъ землѣ ²⁾). А если такъ, то императорская власть думала не объ интересахъ колоновъ, а объ интересахъ фиска, который въ данномъ случаѣ вступилъ въ союзъ съ интересами крупныхъ землевладѣльцевъ. Но еще до Фюстель-де-Куланжа изслѣдователь колоната Ревилью весьма основательно возставалъ противъ мнѣнія, что колонатъ существовалъ уже на дѣлѣ,

¹⁾ Fustel de Coulanges, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, 2-e édit. Paris, 1894, стр. 85—88, 91—93 и 143—146.—Его же, L'alleu et le domaine rural, Paris, 1889, стр. 71—72.

²⁾ Fustel de Coulanges, Recherches, стр. 91—92.

передъ тѣмъ какъ получить санкцію въ законѣ. „Тогда бы землевладельцы начали удерживать на своихъ земляхъ своихъ фермеровъ, прибѣгая къ противозаконному насилію; а потомъ уже, послѣ дѣлаго почти вѣка этого незаконнаго притѣсненія, государство, наконецъ, вмѣшалось бы, чтобъ урегулировать послѣдствія и санкціонировать ихъ законодательною мѣрою. Мы думаемъ, что мы доказали всѣми предыдущими фактами, что правительство не было соучастникомъ землевладельцевъ, но что оно само взяло на себя инициативу совершенно новаго законодательства, въ полномъ соотвѣтствіи со всѣми его тенденціями... Колона́тъ обязанъ своимъ происхожденіемъ администраціи ¹⁾).

Извѣстно, какъ безжалостенъ былъ императорскій фискъ во взысканіи налоговъ. Но особенно жестоко бремя податей давило мелкаго крестьянина. Богатымъ, благодаря ихъ связямъ или подкупу, удавалось охлаждать усердіе чиновниковъ. Для бѣдныхъ крестьянъ не было спасенія. Не удивительно, что свободные крестьяне, въ послѣдніе вѣка имперіи, отказывались и отъ земли, и отъ свободы, промѣнивая ихъ на защиту могущественныхъ людей.

Не менѣе безжалостна была императорская администрація по отношенію и къ среднему классу населенія. Фискальный режимъ превратилъ жизнь дѣлаго класса куріаловъ въ длительную агонію. Кто не знаетъ трагедіи этого класса, этихъ декуріоновъ, прежде наиболѣе зажиточныхъ и вліятельныхъ горожанъ, завѣдывавшихъ муниципальными функціями, потомъ ставшихъ отвѣтственными передъ государствомъ за установленную сверху сумму собираемыхъ налоговъ, отвѣтственными своею жизнью и имуществомъ, все болѣе разоряемыхъ съ обѣднѣніемъ государства, наконецъ замѣнутыхъ, по волѣ законодателя, въ наслѣдственную касту, безъ права выхода, безъ проблеска надежды на спасеніе, куда включали людей даже въ наказаніе за преступленія. Историкъ Гизо объясняетъ паденіе Западной Римской Имперіи тѣмъ, что императорскій деспотизмъ убилъ средній классъ, котораго ужъ не было въ эпоху нашествія варваровъ: средній классъ былъ разрушенъ матеріально разореніемъ куріаловъ, морально—уничтоженіемъ всякаго вліянія зажиточной части населенія сначала въ государственныхъ, а потомъ и въ муниципальных дѣлахъ ²⁾).

Всѣ эти явленія получили свое крайнее развитіе въ послѣдній періодъ жизни имперіи; но основа ихъ коренится въ самой сущности императорскаго режима.

Можно ли послѣ этого говорить о римскомъ цезаризмѣ, какъ о народной монархіи? Историкъ Дюрюи протестуетъ противъ подобнаго мнѣнія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Представленіе о цезаризмѣ—словѣ, которое такъ часто употреблялось въ смыслѣ абсолютной власти, служащей интересамъ демократіи,—не соотвѣтствуетъ

¹⁾ Ch. Révillout, Etude sur l'histoire du colonat chez les Romains, Paris, 1857, стр. 65.

²⁾ Guizot, Essais sur l'histoire de France, 5-e édit., Paris, 1841, стр. 3 и 32.

исторической дѣйствительности. Римскіе императоры, вознесенные ко власти событіями, а не торжествомъ опредѣленной системы политическаго обновленія, котораго требовало благо имперіи, представляютъ прежде всего свой личный интересъ и дополнительно къ нему общественный порядокъ—идея, которая оказывается недостаточною, когда это только порядокъ, поддерживаемый силою. Они вовсе не взяли на себя, какъ это утверждали, защиты слабыхъ и бѣдныхъ противъ богатыхъ и могущественныхъ» ¹⁾. Точно также и Гастонъ Буассье считаетъ ошибочнымъ «представленіе о цезаризмѣ, какъ о своего рода демократическомъ деспотизмѣ, т. е. какъ объ одномъ изъ абсолютныхъ правительствъ, отправляемыхъ отъ имени народа однимъ человѣкомъ, выдающимъ себя за его представителя и уполномоченнаго». «Ошибочно, говоритъ этотъ историкъ, утверждать, что императоры управляли отъ имени народа, и называть цезаризмъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, демократическою тиранніею» ²⁾. Нелѣпость пониманія цезаризма, какъ монархіи народной, вытекаетъ и изъ отношенія цезарей къ сенату, аристократическому классу, плутократіи.

Если только въ Римѣ былъ какой-нибудь классъ, для возвышенія котораго императоры дѣлали все съ цѣлью и подъ условіемъ, чтобы онъ оставался послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, то это несомнѣнно была аристократія. Правда, послѣ побѣды надъ республиканцами, Юлій Цезарь третировалъ сенатъ и всячески старался его унижать. Но его преемникъ Августъ принялъ совершенно противоположную политику, которая и была усвоена послѣдующими императорами. Августъ примирился съ аристократіею и выдавалъ себя за продолжателя ея политики. Онъ принялъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы возстановить силу и блескъ старой родовитой знати. Вообще онъ старался реставрировать древніе римскіе нравы и древнія учрежденія, но лишенные духа свободы и самостоятельной инициативы. Онъ повысилъ цензъ для сенаторовъ и всадниковъ, онъ ввелъ значительный цензъ для кандидатовъ на выборныя должности, закрывая такимъ образомъ доступъ бѣднымъ гражданамъ. Онъ очистилъ сенатъ отъ проникшихъ туда новыхъ элементовъ. Онъ воспретилъ вольноотпущенникамъ вступленіе въ бракъ съ лицами, принадлежащими къ сенаторскимъ семействамъ. Онъ осыпалъ сенаторовъ милостями, онъ всѣми способами старался выказывать имъ свое уваженіе. Онъ какъ бы правилъ отъ имени сената и для сената. Онъ хотѣлъ быть только первымъ между сенаторами. Преемникъ его, Тиберій, принадлежавшій, по своему происхожденію, къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій въ Римѣ, питалъ къ народу антипатію. Всѣ функціи народныхъ комицій онъ передалъ сенату. И народъ, у котораго отняли послѣдніе слѣды вліянія на государственныя дѣла, не проронилъ ни звука протеста или сожалѣнія. Отнынѣ сенатъ одинъ,

¹⁾ Victor Duruy, Histoire des Romains, t. IV, стр. 267.

²⁾ Gaston Boissier, L'opposition sous les Césars, стр. 58 и 59.

при вступленіи на престолъ новаго императора, «давалъ видимость инвеституры избраннику насилія и обмана» ¹⁾). Съ большимъ уваженіемъ къ сенату относились многіе изъ послѣдующихъ императоровъ. Оттонъ называлъ сенатъ *senatus imperii*. Особенно высоко было значеніе сената при Антонинахъ. Это, какъ замѣчаетъ Дюрюи, былъ «союзъ между новою аристократіею и новыми императорами»; но сенатъ имѣлъ лишь то значеніе, какое ему хотѣлъ давать императоръ ²⁾). Однимъ словомъ, аристократическій духъ Рима сохранился при императорахъ. Политическій деспотизмъ преломлялся черезъ аристократическую атмосферу. Императорская политика вовсе не стремилась къ устраненію социальнаго неравенства; напротивъ того, она его поддерживала и развивала. Съ теченіемъ времени значеніе высшихъ классовъ аристократіи и плутократіи все болѣе подымалось ³⁾). Императорская политика постепенно воздвигала чудовищное зданіе ранговъ, званій, сословій, кастъ, которое въ эпоху нашествія варваровъ достигло наивысшей степени совершенства и наивысшей степени безобразія.

Но не была ли въ такомъ случаѣ римская императорская власть орудіемъ господства именно аристократіи?

Такъ вотъ къ чему мы пришли! Отъ сильно распространеннаго мнѣнія о томъ, что цезаризмъ былъ органомъ демократіи, мы перешли къ совершенно противоположному предположенію, что цезаризмъ былъ органомъ аристократіи. Уже сама возможность подобныхъ противорѣчащихъ одна другой характеристикъ говоритъ о степени ихъ научной цѣнности. Но теорія классовой борьбы оказывается одинаково безпомощною и приводитъ къ одинаковымъ противорѣчіямъ, все равно будетъ ли сдѣланъ тотъ или другой выборъ въ представляющейся альтернативѣ.—Если бы цезаризмъ былъ торжествомъ демократіи въ формѣ абсолютизма, то государственная власть была бы орудіемъ въ рукахъ низшихъ классовъ для угнетенія высшихъ классовъ. Если бы цезаризмъ былъ режимомъ господства аристократіи, то было бы непонятно, зачѣмъ аристократія боролась противъ торжества политической системы, которое было ея собственнымъ торжествомъ; было бы непонятно, какимъ образомъ пораженіе аристократіи превратилось въ ея побѣду; было бы непонятно, какимъ образомъ цезаризмъ, органъ господства аристократіи, въ то же время ее унижалъ и тиранизировалъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ борьба за республику не была борьбою республиканской аристократіи противъ цезаризма? Развѣ Фарсала не была пораженіемъ той же республиканской демократіи? Развѣ проскрипціи, жертвою которыхъ были аристократы и богатые всадники, не были

¹⁾ G. Ferrero, *Grandeur et décadence de Rome*, t. V, Paris, 1907, стр. 30—31, 57, 98, 209—210 и 250—251.—V. Duruy, *Histoire des Romains*, t. IV, стр. 236—238, 249—250 и 282—283.—G. Boissier, *L'opposition sous les Césars*, стр. 58—59 и 277.

²⁾ V. Duruy, *Histoire des Romains*, t. IV, стр. 730—731; t. V, стр. 530—534.

³⁾ Fustel de Coulanges, *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*, t. II, стр. 161—165, 193 и 200—202; t. V, стр. 235.

дѣломъ триумвирата? Развѣ политическое вліяніе высшихъ классовъ не было сведено на-нѣтъ при императорахъ? Развѣ они и ихъ достояніе не были подѣ вѣчною угрозою донощиковъ и каприза монарха? Развѣ Нероны, Домиціаны, Коммоды, Каракаллы не ненавидѣли жестоко аристократію? Развѣ аристократовъ и богатыхъ всадниковъ не убивали часто, по велѣнію императора, только для того, чтобы конфисковывать ихъ имущество? И развѣ эта самая аристократія не должна была, въ свою очередь, жестоко ненавидѣть своихъ деспотовъ? Вотъ какъ Гиббонъ изображаетъ психологію аристократовъ послѣ паденія республики: «Едва ли стоитъ труда перечислять недостойныхъ преемниковъ Августа. Они спаслись отъ забвенія, благодаря только своимъ неслыханнымъ порокамъ и благодаря великолѣпію той арены, на которой они дѣйствовали. Мрачный и неумолимый Тиверій, свирѣпый Калигула, слабоумный Клавдій, развратный и жестокосердый Неронъ, звѣрскій Вителлій и безчеловѣчный трусъ Домиціанъ—все они покрыты вѣчнымъ позоромъ. Въ теченіе 80 лѣтъ Римъ томился подѣ непрерывной тиранніей, истреблявшей древнія республиканскія фамиліи и преслѣдовавшей почти все добродѣтели и все таланты, какіе появлялись только въ этотъ несчастный періодъ. Подѣ управленіемъ этихъ чудовищъ, къ рабской зависимости римлянъ присоединялись два особые обстоятельства, благодаря которымъ ихъ положеніе было болѣе ужасно, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ вѣкѣ или другой странѣ, а именно воспоминанія о прежней свободѣ и обширность завоеваній. Отсюда истекали: 1) чрезвычайная чувствительность угнетенныхъ и 2) невозможность спастись отъ преслѣдованій угнетателя. Изъ греческой философіи они впитали въ себя самыя основательныя и самыя благородныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ и о происхожденіи гражданскаго общества. Исторія ихъ собственной страны внушала имъ глубокое уваженіе къ свободной, добродѣтельной и побѣдоносной республикѣ, глубокое отвращеніе къ удачнымъ преступнымъ предпріятіямъ Цезаря и Августа и тайное презрѣніе къ тѣмъ тираннамъ, которымъ они вынуждены были поклоняться съ самыми гнусными выраженіями лести. Въ качествѣ сановниковъ и сенаторовъ они были членами того верховнаго собранія, которое когда-то предписывало законы всему міру, имя котораго еще служило санкціею для императорскихъ декретовъ и авторитетомъ котораго такъ часто злоупотребляли для низкихъ цѣлей тиранніи»¹⁾... Мы видимъ, что требуется не мало мистицизма, чтобы превратить римскую императорскую власть въ орудіе демократіи, какъ требуется не мало мистицизма, чтобы превратить ее въ орудіе аристократіи.

Нѣтъ, римскій цезаризмъ не былъ ни торжествующею демократіею, ни торжествующею аристократіею. Онъ не былъ органомъ или орудіемъ

¹⁾ Г и б б о н ъ, Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, т. I, стр. 111, а также стр. 84.

какого-либо класса, онъ не былъ исключительнымъ средствомъ защиты какихъ-либо внѣ его существовавшихъ интересовъ. Это была самостоятельная политическая категорія, которая, опираясь на силу государственнаго механизма, осуществляла свои собственные цѣли и собственные интересы; а различныя соціальныя группы, какъ аристократію, плебсъ, буржуазію, весь народъ, все государство, она рассматривала, какъ орудіе для осуществленія этихъ собственныхъ своихъ интересовъ. Основатели имперіи, Цезарь и Августъ, не имѣли какой-либо политической программы и не опирались на какой-либо опредѣленный общественный классъ. Если демократизмъ Юлія Цезаря и проявлялся въ чемъ-нибудь систематическимъ образомъ, такъ это только въ стремленіи развратить народъ, для осуществленія личныхъ замысловъ триумвира и диктатора. Вообще же Цезарь думалъ лишь объ интересахъ момента, и онъ не останавливался ни передъ какими превращеніями въ идеяхъ и программахъ. Даже Моммсенъ,—для котораго, равно какъ и для цѣлаго ряда историковъ-апологетовъ, преклоняющихся передъ торжествомъ тиранніи и лжи, Цезарь является идоломъ и образцомъ политическаго совершенства—не могъ не признать противорѣчій въ «демократической» политикѣ Цезаря ¹⁾. По словамъ римскаго историка Светонія, Цезарь, будучи проконсуломъ въ Испаніи, разграбилъ какъ-бы взятые приступомъ нѣкоторые города Лузитаніи, чтобы добыть деньги на уплату своихъ долговъ. То же самое онъ не разъ дѣлалъ въ Галліи. Во время своего перваго консульства, Цезарь тайно взялъ для себя три тысячи фунтовъ изъ Капитолія, замѣнивъ ихъ позолоченною мѣдью. «Царства и дружбу римскаго народа онъ продавалъ за деньги. Вообще несмѣтныя издержки, которыхъ требовали военныя дѣйствія, триумфы и подкупъ народа, Цезарь пополнялъ явными святотатствами и грабежами» ²⁾. Цезарь содѣйствовалъ за деньги возстановленію въ царскомъ достоинствѣ въ Египтѣ жалкаго деспота Птолемея Авлета, изгнаннаго оттуда возставшимъ народомъ. Онъ побудилъ народъ дать согласіе на сокращеніе откупной суммы, которую платили богатые финансисты, наживавшіеся откупомъ налоговъ въ провинціяхъ,—мѣра, противъ которой возставалъ аристократъ Катонъ. Онъ предпринялъ походъ въ Галлію, съ цѣлью возстановить потерянную имъ среди высшихъ классовъ популярность. Онъ топталъ ногами права того самаго народа, защита котораго служила лишь предлогомъ для начатія гражданской войны. Онъ распустилъ всѣ коллегіи, кромѣ древнѣйшихъ. Онъ развращалъ народъ, онъ унижалъ сенатъ, но въ то же время проявлялъ желаніе примириться съ аристократіею и высшими классами, какъ нѣкогда онъ счелъ для себя болѣе цѣлесообразнымъ порвать съ сенатомъ и перейти

¹⁾ Mommsen, *Römische Geschichte*, III, B. II, Cap. V.—G. Ferrero, *Grandeur et décadence de Rome*, I, стр. 398 и 413—415.—Объ идолопоклонствѣ Моммзена передъ Цезаремъ см. также Gaston Boissier, *Cicéron et ses amis*, введение.

²⁾ Sueton., *Jul. Caes.*, 54.—Жестокость Цезаря осуждается даже Наполеономъ Бонапартомъ.

на сторону демократіи ¹⁾). Первый триумvirатъ, составленный изъ Цезаря, Помпея и Красса, дѣйствовалъ не въ интересахъ какого-нибудь класса или даже какой-нибудь партіи, а въ интересахъ нѣсколькихъ политическихъ вождей. Въ конфликтѣ между Цезаремъ и Помпеемъ также не играли роли какіе-либо глубокіе общественные интересы. Плутархъ говоритъ, что неукротимая жажда властвованія и стремленіе во что бы то ни стало сдѣлаться первымъ и величайшимъ человекомъ лежали въ основѣ плановъ Цезаря, требовавшихъ, для своего осуществленія, низложенія Помпея ²⁾).—Диктатура второго триумvirата точно также не была представительствомъ какихъ-либо общественныхъ классовъ или опредѣленныхъ широкихъ общественныхъ интересовъ. Прокрипціи, эта самая рѣшительная и жестокая мѣра триумvirовъ, не были результатомъ какой-либо классовой антиконсервативной политики, но были лишь мѣрою финансовою, къ которой въ крайности прибѣгли триумвиры: богатыхъ аристократовъ и капиталистовъ убивали для того, чтобы конфисковать ихъ имущество и добыть средства, необходимыя для удовлетворенія солдатъ Октавія и Антонія. Когда сумма денегъ, полученная отъ конфискаціи, оказалась недостаточною, триумвиры обложили налогомъ все населеніе Италіи. Потомъ, когда и этого оказалось недостаточно, экспроприаціи подверглась значительная часть земельной собственности населенія многихъ городовъ Италіи: болѣе зажиточныя фамиліи теряли часть своего земельного имущества, мелкіе же землевладѣльцы теряли все. Протесты и возмущеніе мелкихъ собственниковъ не привели ни къ чему: интересы солдатъ-ветерановъ стояли выше всего. Но, сверхъ арміи, всѣ классы населенія были одинаково недовольны и одинаково безсильны ³⁾). Нужно ли говорить, что борьба между Октавіемъ и Антоніемъ не была борьбою ни классовыхъ интересовъ, ни опредѣленныхъ политическихъ программъ? Случай далъ побѣду Октавію, и этотъ жестокій и коварный человекъ, всѣми ненавидимый тиранъ, приобрѣлъ видимую популярность въ странѣ задушенной свободы и торжествующей низости. Послѣ этого, Октавій, подъ именемъ Августа, принялъ курсъ видимой аристократофильской политики. Но не цезаризмъ сталъ орудіемъ господства аристократіи, а напротивъ того аристократія стала орудіемъ осуществленія цѣлей и упроченія господства императоровъ.

Римскій цезаризмъ не былъ классовымъ учрежденіемъ. Онъ имѣлъ свое собственное существованіе, свои собственные интересы. Но какъ

¹⁾ Plut., Jul. Caes., IX.—G. Ferrero, *Grandeur et décadence de Rome*, I, стр. 369, 413 и 415; стр. 46—47, 273, 282—283 и 354.—Наполеонъ говоритъ, что Цезарь вынужденъ былъ обратиться къ содѣйствію аристократіи противъ претензій народной партіи и ветерановъ, ибо „у народовъ и въ революціяхъ аристократія существуетъ всегда; . . . монархъ же ничего не выигрываетъ отъ перемѣщенія аристократіи“ (*Mémoires de Napoléon*, éd. Garnier Frères, t. V, стр. 371—372).

²⁾ Plut., Ant. XII.—Ferrero, l. c., II, стр. 273.

³⁾ G. Ferrero, l. c., t. III, стр. 221, 229—230, 244—245, 281—284 и 300—301; t. IV, стр. 11, 13—14, 27, 133 и 202.

же въ такомъ случаѣ онъ могъ держаться, сохранять свою безпредѣльную власть и ставить свои интересы выше интересовъ всего общества, всего государства?

Увы, политическій деспотизмъ—слишкомъ частое явленіе въ исторіи, чтобы надо было искать особаго объясненія для той его разновидности, которая называется цезаризмомъ. Антагонизмъ между обществомъ и деспотизмомъ прежде всего маскируется относительнымъ характеромъ этого антагонизма, ибо даже самая чудовищная форма деспотіи представляется все общественнымъ органомъ, который, какъ организація порядка, выполняетъ нѣкоторыя необходимыя административныя функціи. Съ другой стороны, въ исторіи, какъ и въ мірѣ физическихъ явленій, дѣйствуетъ законъ инерціи: всякое состояніе покоя или движенія продолжается до тѣхъ поръ, покамѣстъ не являются противодѣйствующія причины. Императорская власть опиралась на силу. Но что могли противопоставить этой силѣ страна и общество? Сознательное свободолубивое меньшинство не имѣло въ своемъ распоряженіи никакой организованной силы; огромное же большинство населенія было воспитано въ деморализующихъ традиціяхъ политическаго рабства и если иногда и возставало, то не противъ системы, а противъ личностей. Передъ всемогущимъ деспотизмомъ общество и страна были парализованы безсиліемъ политическимъ и безсиліемъ моральнымъ.

Активная сила, на которую опиралась римская императорская власть, была вся сила государственнаго механизма, въ особенности же сила военная. Армія и бюрократія, это—организмы, въ которыхъ автоматическое дѣйствіе дисциплины обезволиваетъ въ отдѣльности индивидуумовъ, входящихъ въ нихъ какъ частица цѣлаго, и которые становятся орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто ими управляетъ, какъ цѣлымъ. Нужно, чтобы солдаты чувствовали себя всегда гражданиномъ, для того, чтобы вожди не могли рассчитывать на пассивное и слѣпое повиновеніе войска. Но гражданскія чувства атрофируются въ солдатахъ, когда онъ—солдаты профессиональный. И даже если въ профессиональной арміи падаетъ дисциплина, въ силу которой она лишь орудіе въ рукахъ вождей, то воля солдатъ проявляется обыкновенно не какъ воля общественнаго органа, а какъ воля военной касты, противопоставляющей себя и свои интересы всему обществу и интересамъ всего общества. Риму пришлось испытать всѣ послѣдствія военнаго режима, соединеннаго то съ слѣпою дисциплиною, то съ крайнею разнузданностью профессиональных солдатъ.

Имперіалистская политика Рима вела къ установленію постоянной арміи и къ превращенію военнаго дѣла для солдатъ въ оплачиваемую профессію. Это превращеніе началось съ военной реформы Марія. Съ тѣхъ поръ армія теряетъ свой республиканскій духъ. Солдаты служатъ уже не республикѣ, а своему командиру; судьба солдата связана съ судьбою его командира. Еще задолго до торжества монархіи въ Римѣ историкъ Полибій предвидѣлъ опасность для республики въ военномъ

режимъ. Первый примѣръ военнаго возстанія противъ законныхъ властей республики далъ Сулла; войско пошло тогда за своимъ генераломъ противъ Рима, опасаясь, что, при новомъ главнокомандующемъ, война въ Азіи будетъ поручена другой арміи. Послѣ этого Цинна совершилъ, при помощи войска, революцію демократическую. По возвращеніи своемъ съ театра военныхъ дѣйствій, Сулла, при помощи своего войска, устроилъ кровавую контръ-революцію. Такимъ образомъ отъ генерала зависѣлъ переворотъ, отъ личности генерала зависѣлъ аристократическій или демократическій характеръ переворота. Но даже и Сулла встрѣтилъ оппозицію въ своей арміи, когда онъ вводилъ ее въ повиновеніе гражданской власти ¹⁾. Такимъ же образомъ армія дала Цезарю побѣду противъ легальнаго правительства республики. Отъ личности генерала зависѣло, будетъ ли использована побѣдоносная революція въ пользу какой-нибудь партіи, или въ его личныхъ интересахъ. Были демократы, которые нѣкоторое время вѣрили, что Цезарь отдастъ свою военную диктатуру на службу демократіи, какъ нѣкогда Сулла сдѣлалъ ее орудіемъ торжества аристократіи ²⁾. Но Сулла былъ скорѣе исключеніемъ. Цезарь думалъ только о себѣ. По словамъ Светонія, самъ Цезарь писалъ слѣдующее: «Республика перестала существовать, осталось одно ея бездушное и безжизненное тѣло. Сулла не зналъ самыхъ первыхъ правилъ политики, сложивъ съ себя диктатуру» ³⁾. Цезарь выступалъ какъ вождь партій, но достигъ диктатуры, какъ генералъ, какъ вождь арміи, которая весьма равнодушно относилась къ судьбѣ аристократіи или демократіи. Когда завѣса спала, когда обнаружился неподдѣльно грубый, эгоистически-личный характеръ политики Цезаря, отъ него отшатнулись послѣдніе остатки идейной демократіи. Ему остались лишь преданы старые солдаты, развращенная ими чернь и политическіе авантюристы, связанные съ нимъ карьерою. Но главная сила диктатора заключалась въ ветеранахъ. Онъ спускалъ имъ мелкіе проступки и крупныя преступленія. Послѣ смерти Цезаря, въ ветеранахъ же искалъ опоры и Антоній. Подъ страхомъ ветерановъ Цезаря принималъ рѣшенія сенатъ. Съ помощью ветерановъ возвысился и Октавій. Солдаты оставались ему вѣрны, несмотря на союзъ съ консерваторами. Боролись не классы, даже не партіи, а армія. Солдаты же требовали примиренія Октавія съ Антоніемъ. Проскрипціи были мѣрою не политическою, а финансовою, къ которой триумвиры прибѣгли для добытія средствъ, необходимыхъ для выполненія неимовѣрныхъ обѣщаній, данныхъ солдатамъ. Интересы арміи были выше всего. Солдаты вели себя въ Италіи, какъ въ завоеванной странѣ. Сверхъ легионовъ никакой другой организованной силы въ странѣ не было. Всѣ должны были предъ ними преклоняться, и сами триумвиры были орудіемъ въ ихъ рукахъ. Всѣ классы

¹⁾ Mommsen, Römische Geschichte, II, стр. 366—367.

²⁾ Otto Seeck, Kaiser Augustus, Bielefeld und Leipzig, 1902, стр. 18.

³⁾ Suet., Jul. Caes., 77.

населенія возмущались тираннією солдатъ и испытывали ненависть къ триумвирамъ. Все было тщетно. Сила торжествовала ¹⁾).

Полагають, что Октавій, который сталъ всемогущимъ послѣ гибели Антонія, самъ устранился возможныхъ послѣдствій господства солдатъ и именно для избѣжанія этой опасности рѣшилъ возстановить видимое значеніе сената и вліяніе аристократіи въ администраціи ²⁾). Въ теченіе около двухъ столѣтій императорамъ удавалось до извѣстной степени поддерживать дисциплину въ арміи, несмотря на то, что они передъ нею заискивали. Армія оставалась послушнымъ орудіемъ военнаго деспотизма. Народъ былъ нулемъ, солдаты дѣлали все, и солдаты исполняли волю своего главнаго вождя ³⁾). Уже во второмъ вѣкѣ армія была, для ритора Аристиды, особымъ классомъ, который онъ сравнивалъ съ египетскою военною кастою при фараонахъ. Но, начиная со смерти Коммода, всѣ узы дисциплины были сброшены. Солдаты низвергаютъ и возводятъ на престолъ императоровъ, они иногда убиваютъ императора лишь для того, чтобы получить денежный подарокъ (*donativum*) отъ его преемника, они продаютъ тронъ съ аукціона. Они смотрѣли на себя, какъ на привилегированное сословіе, они проявляли презрѣніе къ невоеннымъ, они считали себя господами положенія. При Септиміи Северѣ они брали въ лавкахъ товаръ безъ денегъ. Говорятъ, что этотъ императоръ говорилъ передъ своею смертію: «обогащайте солдатъ и плюйте на все остальное» ⁴⁾). Извѣстны роковыя послѣдствія, какія имѣла для всей жизни имперіи борьба претендентовъ и узурпаторовъ, которая не имѣла, конечно, ничего общаго съ борьбою какихъ-либо классовъ или какихъ-либо партій.

Династическія реформы Діоклеціана имѣли цѣлью предохранить государство отъ смутъ, порождаемыхъ притязаніями претендентовъ и своеволіемъ солдатъ. Но послѣ Діоклеціана императорская власть получила обликъ не прикрытаго ничѣмъ восточнаго деспотизма. Ужъ Галерій сравнивалъ римскую имперію съ персидскою, а подданныхъ римлянъ съ безправными рабами. Тогда римскій цезаризмъ получилъ всѣ атрибуты султанства. Тогда императорская власть стала безжалостно коверкать всѣ соціальныя отношенія, обращая всѣ классы населенія въ орудіе для своихъ цѣлей. Тогда она все подавила въ интересахъ своей власти и своего фиска. Для нихъ она попирала всѣ права, высасывала всѣ соки и опутывала всѣ классы населенія чудовищными путами тиранніи и насилія. Для нихъ она не останавливалась ни передъ какою ломкою общественной экономіи. Въ интересахъ своей власти и своего фиска она содержала огромныя хищныя арміи и огромный штатъ хищной бюрократіи. Въ сво-

¹⁾ G. Ferrero, *Grandeur et décadence de Rome*, III, стр. 53, 111, 118—120, 206, 217—223, 224—243 и 304; IV, 19, 25—30 и 133—134.

²⁾ Sueton., *August.*, 25.—Г и б о н ъ, I. с., I, стр. 100.—Roscher, *Cäsarismus*, I. с., стр. 696—697.—Ср. цитированное уже мѣсто изъ *Mémoires de Napoleon*, t. V, стр. 371.

³⁾ Г и б о н ъ, I. с., I, стр. 17.—Duruy, *Histoire des Romains*, t. IV, стр. 252—257; t. V, стр. 525 и 544.

⁴⁾ Duruy, *Histoire des Romains*, t. V, стр. 581—582; t. VI, стр. 27, 44, 128, 246—247, 263, 296, 308 и др.—Г и б о н ъ, I. с., стр. 224—225.

ихъ интересахъ она иммобилизировала римское общество въ формѣ отгороженныхъ другъ отъ друга наслѣдственныхъ кастъ. Въ своихъ же интересахъ она превратила многочисленный классъ свободныхъ колоновъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ крѣпостныхъ людей. И на это ужасное дѣяніе никто тогда не обратилъ никакого вниманія. Народъ покорился въ тупомъ молчаніи. «Такъ быстро, замѣчаетъ по этому поводу Зеекъ, получила право гражданства теорія персидскаго государственнаго права, согласно которой подданные составляютъ собственность повелителя, который можетъ ими распоряжаться, какъ ему вздумается... Лишь бы только варвары-солдаты держались въ повиновеніи. Со стороны же остального населенія государь не могъ больше опасаться и тѣни непокорности» ¹⁾. Слѣдующія слова Гизо о губительномъ вліяніи фискальной политики императорскаго деспотизма на судьбу куріаловъ можно распространить на всѣ непривилегированные классы: «Онъ разоряетъ куріаловъ для того, чтобы оплачивать своихъ чиновниковъ и своихъ солдатъ. Онъ предоставляетъ своимъ чиновникамъ и своимъ солдатамъ всѣ преимущества и привилегіи, для того чтобы они, на его службѣ, препятствовали куріаламъ избѣжать своего разоренія» ²⁾. Наконецъ, Дюрюи характеризуетъ войско и бюрократію императорскаго режима, какъ «безчисленную армію, главная функція которой состояла въ томъ, чтобы набирать золото для государя путемъ налоговъ и набирать золото для себя своею продажною» ³⁾.

Но не была ли въ такомъ случаѣ римская императорская власть выраженіемъ господства арміи, а также бюрократіи? Отъ демократіи къ аристократіи, отъ аристократіи къ войску и чиновничеству: вотъ къ чему ведутъ странствованія въ поискахъ за сверхъ-историческимъ значеніемъ императорской власти, какъ непремѣннаго и неподдѣльнаго представительства какого-либо общественнаго класса, а не себя самой и не своихъ собственныхъ интересовъ. Прежде всего всякая монархія и вообще всякое правительство нуждается, для осуществленія своей власти, въ корпорации агентовъ и организованной силѣ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что всякая монархія и всякое правительство есть лишь орудіе господства своихъ собственныхъ агентовъ и своей собственной организованной силы... Иначе пришлось бы заключать, что Ксерксъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ своихъ рабовъ-солдатъ, которыхъ гнали въ бой надсмотрщики съ бичами, что Карлъ V былъ орудіемъ своихъ ландскнехтовъ, а нынѣшній прусскій король — не что иное, какъ орудіе своихъ гренадеровъ. Съ другой стороны, о правительствѣ, какъ объ орудіи или какъ о представительствѣ интересовъ какого-нибудь общественнаго класса, можно говорить лишь въ томъ

¹⁾ Otto Seeck, *Geschichte des Unterganges der antiken Welt*. II B. Berlin, 1901, стр. 323—324.—О султанскомъ характерѣ римской императорской власти со времени Диоклеціана см. также Aug. Thierry, *Dix ans d'études historiques* ed. Garnier Frères, стр. 240—241.

²⁾ Guizot, *Essais sur l'histoire de France*, стр. 37.

³⁾ Duruy, *Histoire des Romains*, t. VII, стр. 538.

случаѣ, когда этотъ классъ имѣетъ возможность воздѣйствовать на правительство и направлять его политику сообразно своимъ интересамъ. Что можно сказать въ этомъ отношеніи о римской арміи и о римской бюрократіи? И та, и другая выполняли нѣкоторыя общественныя функціи. Но римская бюрократія была всецѣло дѣтищемъ римской императорской власти и должна была служить исключительно цѣлямъ послѣдней. Что же касается арміи, послѣ паденія республики, то, поскольку она была скована дисциплиною, она служила тѣмъ же цѣлямъ императорской политики, и лишь постольку, поскольку, съ ослабленіемъ дисциплины, армія могла выступать не какъ пассивный механизмъ, а какъ самостоятельная корпорация, съ особою волею, съ особыми интересами и съ рѣшимостью защищать эти интересы, она дѣйствительно дѣлала изъ императорской власти орудіе для своихъ цѣлей. Но армія никогда не была въ Римѣ экономически господствующимъ классомъ; таковыми оставались до конца аристократія и отчасти плутократія. При императорскомъ режимѣ лицамъ сенаторскаго ранга было воспрещено даже служить въ войскѣ, — вѣроятно, изъ страха передъ опасностью появленія претендентовъ. Какъ далеки мы отъ представленія о правительствѣ, какъ объ органѣ господства экономически правящихъ классовъ! Мало того, армія (равно какъ и бюрократія) представляетъ собою классъ лишь по профессиональному признаку: она не только стоитъ внѣ механизма общественнаго производства, она чужда даже экономического признака собственности или владѣнія¹⁾. Армія господствуетъ потому, что она есть сила — не сила владѣющаго или производящаго класса, а грубая военная сила. Какъ далеки мы отъ утвержденія Энгельса, что «гражданское общество обуславливаетъ государство и его направляетъ»²⁾! Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сильнѣе противопоставляться гражданскому обществу, чѣмъ держащіе въ своихъ рукахъ судьбу государства абсолютизмъ и милитаризмъ?

Возвышеніе и диктатура Кромвелля представляютъ нѣкоторыя аналогіи съ возвышеніемъ и диктатурою Цезаря. Какъ и Цезарь, Кромвелль участвовалъ въ борьбѣ политическихъ партій. Какъ и Цезарь, онъ выступалъ въ качествѣ радѣтеля интересовъ народа и страны. Какъ и Цезарь, онъ стяжалъ себѣ вліяніе и славу военными дѣяніями. Какъ и Цезарь, онъ достигъ диктатуры насиліемъ и сохранялъ свою власть, опираясь на армію фанатически преданныхъ солдатъ. Какъ и Цезарь, онъ выше всего ставилъ интересы личной власти. Какъ и Цезарь, онъ стремился къ коронѣ. Какъ и Цезарь, онъ, совершая государственный переворотъ, служилъ такъ же мало интересамъ какого-либо общественнаго класса, какъ мало онъ долженъ былъ имъ служить вполнѣдствіи, когда онъ готовился возложить на свою голову корону. Въ самомъ дѣлѣ,

¹⁾ Интересно, что Лоріа, желая непременно спасти слово, вводитъ особую категорію „военной собственности“ для милитаристскихъ режимовъ Рима и восточныхъ монархій (Loria, *Le basi economiche della costituzione sociale*, стр. 264—265 и 369).

²⁾ Магх, *Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln*, предисловіе Энгельса къ изданію 1885 года.

какому общественному классу нуженъ былъ *coup d'etat* Кромвелля? Буржуазія—ибо встрѣчаются мнѣнія о диктатурѣ Кромвелля, какъ о режимѣ, установленномъ буржуазіею въ ея интересахъ ¹⁾),—могла проводить свою политику совершенно легально и не имѣла надобности разгонять Долгій Парламентъ. Съ одной стороны, конституціонный актъ, введенный Кромвеллемъ въ 1654 году, почти совершенно не отличался отъ законопроекта, который долженъ былъ быть принятъ Долгимъ Парламентомъ въ день его разгона Кромвеллемъ ²⁾). Съ другой стороны, оппозиція въ первыхъ парламентахъ, созванныхъ Кромвеллемъ, вовсе не свидѣтельствовала о дружественныхъ чувствахъ къ Кромвеллю страны и въ частности буржуазіи. Кромвелль хорошо зналъ, что узурпація имъ власти всецѣло основана на силѣ. Одно изъ лицъ, съ которымъ онъ бесѣдовалъ незадолго до переворота о своихъ стремленіяхъ, отвѣтило ему: «Это будетъ противъ воли націи; изъ десяти человѣкъ девять будутъ противъ васъ». «Не думаете ли вы, возразилъ Кромвелль, что дѣло не удастся, если я разоружу девять человѣкъ и дамъ мечъ въ руки десятому?» ³⁾). Напротивъ того, будучи протекторомъ, онъ, уже рѣшивъ почти окончательно возложить на себя корону, отказался отъ своего намѣренія тогда, когда узналъ, что часть арміи протестуетъ. Армія возвысила Кромвелля, армія была главнымъ орудіемъ его успѣха. Но эта армія не дѣйствовала вначалѣ подъ исключительнымъ вліяніемъ грубо-милитаристскихъ профессиональных интересовъ; она была вначалѣ одушевлена и глубокими религіозными и политическими стремленіями. Во имя своихъ военно-профессиональных интересовъ, она стояла за войну внутреннюю и войну внѣшнюю, принуждала парламентъ выполнять ея экономическія требованія, подымала знамя правъ солдатъ и совершала перевороты для достиженія своихъ цѣлей ⁴⁾). Но ядро арміи, воевавшей противъ Карла I и кавалеровъ, составляли индепенденты и вообще религіозные сектанты, которые вліяли на идейную фیزیономію арміи, побуждая ее выставлять религіозныя требованія и политическую программу. Въ цѣломъ рядѣ петицій и манифестовъ армія требовала для страны радикально-демократическихъ преобразованій. Одинъ изъ полковъ принялъ девизъ: «свобода Англіи, права солдатъ» ⁵⁾). Во имя религіозныхъ интересовъ армія боролась вмѣстѣ съ пресвитеріанами противъ короля, и во имя тѣхъ же интересовъ она вступала въ переговоры съ королемъ противъ пресвитеріанъ. Во имя всѣхъ этихъ интересовъ, а также въ интересахъ своихъ вождей, армія оказывала физическое давленіе на парламентъ, неоднократно подвергала его чисткѣ, изгоняла изъ него множество нежелательныхъ ей членовъ, преобразовывала его составъ такимъ образомъ, чтобы онъ былъ послуш-

1) Loria, l. c., стр. 394.

2) Guizot, Histoire de la révolution d'Angleterre, t. IV, стр. 85.

3) Guizot, l. c., t. III, стр. 334.

4) Guizot, l. c., t. II, стр. 287, 301—302 и 305—312; t. IV, стр. 66; t. I (Discours, стр. 85); t. IV, стр. 300 и 318—322.

5) Guizot, l. c., t. II, стр. 338, 371—373, 390, 393—395, 469—471, 481—482, 502—503; t. III, стр. 33—5.

нымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Во имя этихъ же интересовъ армія потребовала суда и казни короля, когда онъ не согласился принять ея условій. Если вначалѣ Долгій Парламентъ, вступившій въ борьбу съ королемъ, отражалъ по своему составу политическія требованія англійскаго народа и англійской буржуазіи, то, въ концѣ концовъ, благодаря систематическимъ чисткамъ и давленію арміи, онъ пересталъ отражать правильно страну и меньше всего являлся выраженіемъ политическихъ интересовъ англійской буржуазіи. И этотъ парламентъ пришлось еще все-таки разогнать силою для того, чтобы дать протекторатъ Кромвеллю. При чемъ тутъ буржуазія, остается непостижимымъ. Буржуазія и парламентъ, напротивъ того, желали примиренія съ королемъ на опредѣленныхъ условіяхъ. Парламентъ тѣмъ сильнѣе стремился къ соглашенію съ королемъ, что его безпокойство росло при видѣ усиливающейся опасности военной узурпаціи власти. Онъ рѣшилъ идти непремѣнно на компромиссъ съ королемъ. Но и парламентъ, и буржуазія оказались безсильны передъ арміею, какъ безсиленъ оказался парламентъ передъ арміею и ея вождемъ Кромвеллемъ уже послѣ провозглашенія республики¹⁾. Эта же военная узурпація ускорила впослѣдствіи реставрацію Карла II. Покамѣстъ Оливеръ Кромвелль былъ живъ, онъ былъ не только орудіемъ своей арміи, но и ея вождемъ, державшимъ ее въ извѣстныхъ рамкахъ дисциплины. Но, послѣ смерти протектора, армія встала передъ страной, какъ особая каста, съ особыми интересами и съ особыми эгоистическими претензіями. «Деморализованная, по словамъ Вилльмена, долгимъ забвеніемъ народныхъ правъ, одинаково испорченная своею прежнею властью и своимъ недавнимъ поработченіемъ», она надѣялась усилить свое значеніе, пользуясь слабостью и неопытностью Ричарда, сына Оливера Кромвелля²⁾. Страшная неурядица, наступившая послѣ того, благодаря новой диктатурѣ арміи и претензіямъ ея командировъ, дала возможность тайнымъ и явнымъ роялистамъ совершить свое дѣло. Извѣстно, какую роль играли въ реставраціи Стюартовъ генераль Монкъ и его армія.

Общая черта всякаго возникающаго цезаристскаго режима, а именно достиженіе власти помощью силы, и главнымъ образомъ силы военной, присуща также и бонапартизму. Такъ же, какъ Кромвелль и нѣкогда Цезарь, Наполеонъ приобрѣлъ силу, вліяніе и славу, какъ генераль, военными успѣхами. Такъ же, какъ его предшественники, Наполеонъ достигъ верховнаго положенія въ государствѣ, совершая насильственный переворотъ помощью арміи и въ союзѣ съ нѣкоторыми политическими честолюбцами. Не болѣе, чѣмъ Кромвелль, и еще менѣе, чѣмъ Цезарь, Наполеонъ былъ выдвинутъ какимъ-либо опредѣленнымъ классомъ или экономическими интересами страны. Переворота, совершеннаго 18-го брюмера, Франція не желала; правда, Наполеонъ

¹⁾ Guizot, l. c., t. II, стр. 416, 432—433, 444—445, 443, 449; t. III, стр. 99, 298, 320—321 и 314.—О сопротивленіи лондонской буржуазіи республиканскому режиму см. т. III, стр. 8—12.

²⁾ Villemain, Histoire de Cromwell, Paris, 1819, t. II, стр. 332—233.—Ср. Aug. Thierry, Dix ans d'études historiques, стр. 84—95.

не встрѣтилъ въ странѣ активнаго сопротивленія, но не въ силу сочувствія къ нему, а въ виду апатіи населенія и индифферентизма его къ политическимъ переворотамъ и нарушеніямъ конституціи, къ которымъ оно привыкло со времени Директоріи ¹⁾. Наполеонъ былъ олицетвореніемъ военной силы. Но во всякую эпоху ломки соціальныхъ отношеній, когда общественная жизнь выведена изъ колеи, которой она держалась въ силу инерціи, и не успѣла еще пріобрѣсти устойчивое равновѣсіе на новомъ пути, проложенномъ цѣною усилій, страданій и жертвъ, всякое одностороннее развитіе военной силы грозитъ опасностью для свободы. Вотъ почему Робеспьеръ постоянно возставалъ противъ политики войнъ, опасаясь, какъ возможнаго ея послѣдствія, военной диктатуры ²⁾. Все зависѣло отъ того, насколько гражданскія чувства солдатъ могли быть преградой для осуществленія личной политики какого-нибудь популярнаго генерала. Въ началѣ революціи солдаты себя чувствовали гражданами и потомъ республиканцами, они были объаты энтузіазмомъ борьбы за отечество, за свободу, за завоеванные права, за новый строй противъ всѣхъ его враговъ. Противъ республиканскаго духа арміи мятежные генералы были безсильны. Но, по мѣрѣ того, какъ войны революціонной Франціи стали преслѣдовать завоевательныя цѣли, демократическій духъ арміи сталъ вырождаться, армія стала себя постепенно чувствовать профессиональною корпораціею; стремленіе солдатъ къ военной славѣ, повышенію и грабежу стало для нихъ высшимъ интересомъ, воля любимаго генерала стала для нихъ высшимъ закономъ. Наполеонъ самъ не мало сдѣлалъ для развращенія арміи ³⁾. Что касается популярности Бонапарта въ странѣ наканунѣ переворота, то она имѣла не какой-либо классовой, а національный характеръ. Вся страна была опьянена чувствомъ патріотической гордости, возбужденнымъ до уродливыхъ предѣловъ блестящими побѣдами Бонапарта. На приверженности солдатъ и на военной популярности Бонапартъ и построилъ свою карьеру узурпатора. Насиліе и преступленіе совершили переворотъ, личность преступника сгладила тяжесть беззаконія, апатія общества, вслѣдствіе привычки къ прежнимъ беззаконіямъ, облегчила его успѣхъ, косность безсилія и деморализаціи узаконила совершившійся фактъ, а преклоненіе передъ силою и успѣхомъ соединилось съ политическимъ невѣжествомъ для того, чтобы возвести на пьедесталъ и покрыть ореоломъ того, кто похитилъ свободу Франціи и погубилъ, ради своихъ личныхъ цѣлей, восемь милліоновъ человѣкъ. Наполеоновская легенда, одинъ изъ лучшихъ образчиковъ рабства духа, есть психологическій продуктъ не какого-либо опредѣленнаго класса, а цѣлой націи.

Внутренняя политика Наполеона столь же мало служила интересамъ какого-либо опредѣленнаго класса, какъ мало онъ былъ обязанъ

¹⁾ Aulard, Histoire politique de la Révolution française, стр. 696 и 701—702.

²⁾ Aulard, l. c., стр. 178, 265, 368 и 495.

³⁾ Aulard, l. c., стр. 277—278, 384 и 692.

своимъ возвышеніемъ помощи какого-либо опредѣленнаго класса. Уже одно то, что одни считают Наполеоновскую политику продолженіемъ революціи, а другіе, напротивъ, видятъ въ ней торжество контръ-революціи, достаточно свидѣтельствуешь объ отсутствіи въ этой политикѣ достаточно рѣзкихъ очертаній и достаточно опредѣленнаго принципа, въ силу котораго ее можно было бы ассоціировать съ преобладаніемъ интересовъ какого-либо класса. Восемнадцатое брюмера и торжество милитаризма во Франціи вызвали искреннія ликованія роялистовъ, а также удовольствіе монарховъ. Впослѣдствіи Наполеонъ былъ предметомъ поклоненія для демократовъ такихъ, какъ Гейне и Беранже. Наполеона можно было представлять человѣкомъ всѣхъ партій и представителемъ всѣхъ классовъ. И развитіе нормальныхъ условій свободной конкуренціи и буржуазнаго оборота, и созданіе эксплоатаціи мелкой поземельной собственности крестьянства, и защита интересовъ пролетаріата, все это—данныя, позволяющія дѣлать изъ Наполеона выраженіе политическихъ интересовъ и буржуазіи, и крестьянства, и рабочихъ¹⁾. Вскорѣ послѣ государственнаго переворота, Люсьенъ Бонапартъ, братъ Наполеона, сравнивалъ его съ Цезаремъ, но различіе между Наполеономъ и Цезаремъ усматривалъ въ томъ, что Цезарь, во главѣ демагогіи, боролся противъ «честныхъ людей», тогда какъ Наполеонъ Бонапартъ боролся за «честныхъ людей». Наполеона, говорили мы, можно представлять какъ друга и пролетаріата, и буржуазіи, и крестьянства. Но его съ такимъ же если не съ большимъ еще правомъ, можно представить врагомъ и пролетаріата, и буржуазіи, и крестьянства. Въ самомъ дѣлѣ, не Наполеонъ ли ввелъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, отягчавшихъ положеніе рабочихъ и парализовавшихъ ихъ свободу договора съ хозяевами, не онъ ли сдѣлалъ обязательными «рабочія книжки», нѣчто въ родѣ спеціального паспорта для рабочихъ, противъ котораго французскій пролетаріатъ боролся десятки лѣтъ? Не Наполеонъ ли, подъ крыломъ котораго, по словамъ Энгельса, искала спасенія французская буржуазія, топталъ ногами ту же буржуазію и жертвовалъ ея матеріальными интересами для своихъ политическихъ плановъ. Самъ Марксъ, писавшій впослѣдствіи о Наполеонѣ, какъ объ одномъ изъ дѣятелей, которые «освободили отъ феодальныхъ узъ и возвели зданіе современнаго буржуазнаго общества», характеризовалъ, въ цитированной уже нами фразѣ, слѣдующимъ образомъ отношеніе Наполеона къ буржуазіи: «Если онъ деспотически угнеталъ либерализмъ буржуазнаго общества—политическій идеализмъ ея обыденнаго праксиса,—то не болѣе того онъ щадилъ ея существеннѣйшіе матеріальные интересы, какъ только они вступали въ конфликтъ съ его политическими интересами. Презрѣніе, которое онъ питалъ къ промышлен-

¹⁾ Марксъ, Классовая борьба во Франціи, стр. 41 и 87.—Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 7, 89 и 90.—Энгельсъ, Происхожденіе семьи, собственности и государства, стр. 155.

нымъ *hommes d'affaires* (дѣльцамъ), дополняло то презрѣніе, которое онъ питалъ къ идеологамъ. Въ буржуазномъ обществѣ онъ преслѣдовалъ также противника вообще того государства, которое имѣло для него значеніе абсолютной и самодовлѣющей цѣли» ¹⁾. Не Наполеонъ ли, наконецъ, былъ бичемъ крестьянства, отнимая у него, равно какъ у пролетаріата, наиболѣе здоровыя и молодыя силы страны, которыя онъ, ради своихъ политическихъ плановъ, какъ истое чудовище, приносилъ въ жертву кроваваго Молоху войны, изнуряя жизненную силу Франціи до такой степени, что со времени Наполеоновскихъ войнъ, какъ полагають, понизился антропологическій типъ французской націи?

Еще нынѣ приходится встрѣчаться у серьезныхъ изслѣдователей съ шаблоннымъ взглядомъ, согласно которому великіе люди являются всегда тогда, когда существуетъ общественная потребность, которую они призваны удовлетворить. Общество дѣлаетъ заказъ исторіи, а исторія безотлагательно его выполняетъ. Въ этомъ взглядѣ чувствуется вліяніе цѣлаго ряда самыхъ архаическихъ пережитковъ матафизики и провиденціализма, апологетизма и мистики. Въ подтвержденіе этого взгляда часто ссылались на родоначальниковъ и представителей древняго и новаго цезаризма. Даже Энгельсъ приводитъ примѣры Цезаря и Августа, Кромвелля и Наполеона ²⁾. Примѣры эти достойны того воззрѣнія, въ подтвержденіе котораго они приводятся. Въ частности, Наполеонъ менѣе всего былъ нуженъ для удовлетворенія какихъ-либо потребностей эпохи, для разрѣшенія какихъ-либо задачъ класса, общества, націи, человѣчества. Онъ былъ человѣкъ не своей эпохи, а совершенно другого вѣка ³⁾. Мрачный деспотъ, стремившійся ко всемірному владычеству и этому личному своему интересу подчинявшій всѣ интересы общественные, онъ сообщилъ жизни Франціи и Европы реакціонный импульсъ, послѣдствія котораго чувствуются еще теперь.

Никто не отнесетъ Луи-Наполеона Бонапарта, «племянника своего дяди», къ числу великихъ людей. Однако же, онъ явился, онъ долго торжествовалъ, онъ пытался продолжать традиціи цезаризма, и, если бы не военная авантюра, онъ основалъ бы, можетъ быть, достаточно прочную династію во Франціи. Такъ же, какъ Наполеонъ I, онъ могъ прослѣть монархомъ, оказывающимъ помощь всѣмъ классамъ. «Вначалѣ, говоритъ Левассеръ, это былъ режимъ террора, который ложился своею тяжестью на республиканцевъ; потомъ, до 1860 года, режимъ абсолютистскій, который искалъ своей точки опоры въ духовенствѣ, въ классѣ финансистовъ, въ крупной промышленности и среди

¹⁾ Marx, Heilige Familie, въ Nachlass, II, стр. 230.—Engels, Anti-Dühring, стр. 214.—Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 7.

²⁾ См. письмо Энгельса въ „Sozialist. Akademiker“ 15 октября 1895 года.

³⁾ Auguste Comte, Cours de philosophie positive, 4-e edit., Paris, 1877, t. VI, стр. 316—318.

землевладѣльцевъ... А потомъ онъ сталъ цезаристскою демократіею, взявъ подъ свое покровительство рабочій классъ» ¹⁾). Въ качествѣ республиканцевъ, рабочіе, не забывшіе того разгрома, который былъ произведенъ въ производительныхъ и потребительныхъ ассоціаціяхъ декабрьскимъ переворотомъ, относились къ Луи-Наполеону враждебно; но въ то же время императоръ пользовался популярностью въ пролетаріатѣ за свою внѣшнюю политику, за терпимость къ синдикальному движенію и въ особенности за обиліе работы, вслѣдствіе огромныхъ государственныхъ построекъ ²⁾). Что же касается торжества Луи-Наполеона, какъ узурпатора, то это лишь одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ того, какъ союзъ насилія и низости, эгоизма и темноты является залогомъ успѣха въ исторіи.

III.

Обратимся теперь къ монархіи, развившейся въ нѣдрахъ феодализма, вступившей съ нимъ въ борьбу и одержавшей надъ нимъ побѣду.

По своему происхожденію эта монархія не имѣетъ классоваго характера: она—продуктъ войны и завоеванія, а не экономическихъ отношеній и экономического оборота завоеванной страны. Короли германскихъ дружинъ, это—военные предводители. Они покоряютъ страны, и при томъ самыя богатая страны, во главѣ военной силы. Сила возвысила покорителей въ господствующій классъ, сила дала ихъ вождямъ верховную политическую власть.

Но судьба всякой силы зависитъ отъ существованія другихъ силъ, способныхъ ей противодѣйствовать. Судьба королевской власти была различна, въ зависимости отъ характера покоренія и степени организованности конкурирующихъ силъ.

Франкскіе короли, послѣ завоеванія Галліи, пытались сохранить римскую централизованную администрацію и вмѣстѣ съ тѣмъ придать своей власти абсолютный характеръ. Меровинги оказались неспособными удержать въ своихъ рукахъ подобную власть. Борьба между военно-административною аристократіею и королевскою властью привела къ завоеванію первому независимаго положенія ³⁾). Династія Меровинговъ пала. Возвышеніе Каролинговъ знаменуетъ побѣду графовъ и герцоговъ. Карлъ Великій санкціонируетъ феодальную систему, но пытается при-

¹⁾ E. L a v a s s e u r, Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870, 2-e édit., Paris, 1904, t. II, стр. 829.

²⁾ G e o r g e s W e i l l, Histoire du mouvement social en France, Paris, 1904, стр. 51—52, 54, 133.—D. H a l é v y, Essais sur le mouvement ouvrier en France, Paris, 1901, стр. 24—25.—E. L e v a s s e u r, Histoire des classes ouvrières, t. II, стр. 835.—Ср. характеристику бонапартизма, данную Энгельсомъ, у M e h r i n g 'a Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, I, стр. 506.

³⁾ G u i z o t, Essais sur l'histoire de France, стр. 58—60.

дать ей централистическій характеръ. Эта попытка терпитъ полное крушеніе при его преемникахъ. Феодализмъ торжествуетъ. Королевская власть теряетъ всякое вліяніе.

Но соперничество и борьба между графами и королевскою властью въ эпоху образованія феодализма чужда всякаго характера классовой борьбы ¹⁾. Ибо короли не представляли собою какого-нибудь класса общества: они имѣли собственные политическіе интересы, интересы своей политической власти, опиравшейся на силу; съ другой стороны, герцоги и графы старались эмансипироваться отъ подчиненія этой политической власти, чтобы стать независимыми въ своихъ территоріяхъ. Это было соперничество политическое. Всѣ классы общества играли въ этой борьбѣ между баронами и королями совершенно пассивную роль.

Такимъ же самымъ образомъ и та же борьба между королевскою властью и феодалами, которая началась со второй половины Среднихъ Вѣковъ и закончилась полнымъ торжествомъ централизованной абсолютной монархіи, носила характеръ политическій. Обѣ стороны боролись за свои собственные политическіе интересы. Но различіе между этою борьбою, и тою, которая нѣкогда кончилась торжествомъ феодализма, заключается въ томъ, что эта борьба сплелась съ борьбою классовъ. И та и другая сторона пробовала опираться на вновь народившіеся классы и призывала ихъ къ совмѣстной борьбѣ противъ общаго противника.

Но это сплетеніе между политической борьбою и классовою борьбою не даетъ основанія отождествлять первую со второю. Королевская власть не была выраженіемъ осуществленнаго или осуществляющагося господства какого-либо класса ни въ ту эпоху, когда она крѣпла и вступала въ борьбу съ сеньерами, ни тогда, когда она одержала надъ ними побѣду и стала всемогуща. Она служила не чужимъ, а своимъ собственнымъ интересамъ, жила не чужими, а своими собственными силами, и во всѣхъ остальныхъ интересахъ и остальныхъ силахъ она видѣла лишь орудіе для торжества своихъ интересовъ и умноженія своихъ силъ.

Если бы королевская власть служила интересамъ одного опредѣленнаго класса, то не могло бы быть конфликтовъ между нею и этимъ классомъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ ея судьба была связана съ этимъ классомъ. Въ дѣйствительности, мы видимъ нѣчто совершенно противоположное. Въ каждую эпоху королевская власть вступаетъ къ любому классу въ отношенія то солидарности, то антагонизма. Стало быть, королевская власть не укладывается ни въ какія рамки представительства какого-нибудь изъ классовъ. Она имѣла не отраженную, а самостоятельную жизнь. Она была не орудіемъ, не органомъ чужихъ интересовъ, а самою собою.

¹⁾ Fustel de Coulanges, Les transformations de la royauté pendant l'époque Carolingienne, Paris, 1892. стр. 86.

Не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ, чтобы королевская власть была представительствомъ интересовъ полу-свободныхъ крестьянъ. Французскіе короли благопріятствовали освобожденію крѣпостныхъ. Они санкціонировали своею властью тѣ отпускныя, которыя давали своимъ крѣпостнымъ феодальныя сеньеры. Они освобождали крѣпостныхъ въ своихъ собственныхъ доменахъ. Но это они дѣлали главнымъ образомъ за деньги, какъ дѣлали это за деньги и феодальныя сеньеры ¹⁾. Филиппъ Красивый, ради денегъ, принуждалъ даже крѣпостныхъ выкупать себя. Но въ эпоху жакерій, когда крѣпостные подымались противъ своихъ господъ, королевская власть и не думала, конечно, становиться на сторону угнетенныхъ и брать ихъ подъ свою защиту противъ ихъ господъ.

Не была ли французская королевская власть орудіемъ или органомъ нарождавшейся буржуазіи въ ея борьбѣ съ феодализмомъ? Известно, что судьба королевской власти во Франціи тѣсно связана съ судьбою «третьяго сословія». Это усиленно подчеркиваютъ историки эпохи Реставраціи, въ особенности Огюст. Тьерри и Гизо. Еще задолго до нихъ существовала историческая легенда объ освобожденіи коммунъ Людовикомъ VI Толстымъ. Реакціонные историки, напр. Монлозье, обвиняли королевскую власть въ пособничествѣ мятежнымъ горожанамъ противъ ихъ феодальныхъ господъ. Королевская власть и «третье сословіе» соединены были узами солидарности противъ общаго ихъ врага—феодальныхъ сеньеровъ. Но не становилась ли, въ силу этихъ узъ, королевская власть слугою буржуазіи и ея интересовъ?

Что королевская власть и буржуазія часто и долго поддерживали другъ друга, когда ихъ связывали общіе интересы, и способствовали такимъ образомъ взаимному усиленію и параллельному развитію и власти королей, и значенія городской буржуазіи,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но на какомъ основаніи одна изъ этихъ двухъ силъ превращается въ силу, подчиненную другой? Вѣдь съ такимъ же правомъ можно было бы утверждать, что «третье сословіе» было только орудіемъ королевской власти въ ея борьбѣ съ феодалами. Координація двухъ силъ не равносильна ихъ субординаціи. Когда королевская власть принадлежала династіи Меровинговъ или династіи Каролинговъ, буржуазный классъ еще не существовалъ. И, когда эта власть перешла къ Капетингамъ и къ Валуа, то нѣтъ причины, чтобы короли этихъ династій имѣли своею исключительною миссіею служеніе интересамъ буржуазіи, начавшей расти и пріобрѣтать силу вмѣстѣ съ развитіемъ торговли и промышленности.

Въ дѣйствительности, королевская власть, феодалы и буржуазія представляли собою три самостоятельныхъ силы, имѣвшихъ каждая самодовлѣющіе интересы. Говорить о постоянномъ подчиненіи одной

¹⁾ E. Levasseur, Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789, 2-e édit., t. I, стр. 231—232.

изъ этихъ трехъ силъ какой-либо другой изъ нихъ незаконно уже по той простой причинѣ, что постоянной солидирности между какими-либо двумя изъ этихъ трехъ силъ не было. Хотя чаще всего французская королевская власть находилась въ союзѣ съ «третьимъ сословіемъ» противъ феодаловъ, но исторія Франціи знаетъ и другія комбинаціи—союзы между буржуазіею и сенъерами противъ королевской власти, равно какъ между королевскою властью и сенъерами противъ буржуазіи. Но если такъ, то королевская власть была не классовымъ учрежденіемъ, политическимъ органомъ какого-либо опредѣленнаго класса, а самостоятельною политическою категоріею, опиравшеюся на силу и преслѣдовавшею свои самостоятельные интересы.

Содѣйствуя освобожденію городскихъ коммунъ и отдѣльныхъ подданныхъ изъ-подъ власти сенъеровъ, королевская власть преслѣдовала исключительно свои собственные интересы. Она стремилась къ выгдѣ либо денежной, когда ей города платили больше, чѣмъ сенъеры, либо политической, когда она ослабляла феодаловъ, умножала число своихъ подданныхъ, увеличивала свою силу. Но тотъ же самый интересъ часто побуждалъ королей становиться на сторону епископовъ и сенъеровъ противъ городскихъ коммунъ. Самъ Огюст. Тьерри усиленно возставалъ противъ преувеличеннаго мнѣнія о роли королей въ освобожденіи коммунъ¹⁾. Этотъ историкъ обращаетъ вниманіе на большую трудность завоеванія муниципальной свободы для городовъ сѣверной части Галліи, сравнительно съ южными городскими коммунами. «На сѣверѣ борьба была болѣе продолжительна и успѣхъ менѣе рѣшителенъ. Неблагопріятное обстоятельство для городовъ этой послѣдней страны заключалось въ той двойной засисимости, въ которой они находились подъ властью своихъ непосредственныхъ сенъеровъ и подъ сюзереннымъ верховенствомъ французскаго короля или германскаго императора. Посреди ихъ борьбы съ первою изъ этихъ властей, вторая вмѣшивалась ради своей собственной пользы и часто возобновляла борьбу тогда, когда все казалось уже рѣшеннымъ. Эта посредническая роль была единственная, которую французскіе короли дѣйствительно сыграли въ событіяхъ, отмѣтившихъ рожденіе первыхъ коммунъ въ ихъ маленькомъ королевствѣ; и единственное основаніе, которое побуждало ихъ объявлять себя въ пользу городовъ или противъ нихъ,—это, надо сказать, были деньги, которыя предлагала имъ та или другая сторона. Будучи нейтральны между сенъеромъ и коммуною, они опору свою давали тому, кто предлагалъ больше денегъ, съ тѣмъ однако различіемъ, что городамъ они давали врядъ ли больше, чѣмъ словесныя гарантіи и простыя обѣщанія помощи, а напротивъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они были противъ нихъ, они дѣйствовали основательно»²⁾. Людовикъ VII Молодой уничтожилъ тѣ хартіи, которыя онъ самъ подписалъ, и силою разрушилъ коммуны,

¹⁾ August. Thierry, *Lettres sur l'histoire de France*, édit. Garnier Frères, стр. 205—209.

²⁾ August. Thierry, *l. c.*, стр. 212.

купившія его опору. Онъ жестоко наказывалъ тѣ города, которые возставали для сохраненія своихъ вольностей. Въ общемъ, никакой систематической политики у королей по отношенію къ коммунамъ не было: они становились то на сторону городовъ противъ сеньеровъ, то на сторону сеньеровъ противъ городовъ¹⁾. Въ собственныхъ доменахъ короли менѣе всего благопріятствовали развитію коммуна; ни одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ не получилъ здѣсь муниципальной свободы столь полной, какую имѣли сеньеріальные города; городъ Орлеанъ подвергся страшной кровавой репрессіи за попытку преобразоваться въ коммуны²⁾.

Съ другой стороны, по мѣрѣ усиленія королевской власти, она стремилась всѣми способами ограничивать муниципальную свободу городовъ и подчинять ихъ своей бюрократіи. Королевская фискальная система была направлена на то, чтобы разстраивать городскіе финансы, съ цѣлью отдавать ихъ въ руки центральной власти³⁾. Короли проявляли равную ненависть къ политическимъ правамъ какъ народа, такъ и дворянства. Типичнымъ образцомъ политики анти-аристократической и анти-демократической является царствованіе Людовика XI, обыкновенно принимаемаго за друга буржуазіи⁴⁾. Королевская власть постепенно уничтожила права коммуна. Уже изъ этого одного видно, что она была столь же анти-буржуазна, сколь и буржуазна⁵⁾.

Можно ли перевернуть это предложеніе и утверждать, напримѣръ, что «третье сословіе» было въ одинаковой степени другомъ и врагомъ королевской власти? Нѣтъ. Дѣло въ томъ, что силы и районъ дѣйствія не были однородны для королевской власти и «третьяго сословія». Король былъ во Франціи только одинъ, даже тогда, когда французской націи, какъ таковой, еще не было. Въ моментъ величайшаго безсилія королевской власти, она въ принципѣ все же признавалась всегда въ феодальномъ мірѣ, и ея сюзеренныя права на французской территоріи въ принципѣ никогда не отрицались. Съ другой стороны, по своей силѣ, король могъ быть слабѣе всѣхъ феодаловъ взятыхъ вмѣстѣ или даже нѣкоторой части ихъ; но король, даже въ эпоху наибольшей степени феодальной децентрализаціи, былъ сильнѣе каждаго феодала въ отдѣльности. Извѣстно, что королевская власть восторжествовала надъ феодалами, разбивая ихъ по одиночкѣ. Генеральнаго сраженія не было и не могло быть. Именно отсутствіе связи и единства между сеньерами и обрекло ихъ на поглощеніе всѣхъ самымъ сильнымъ изъ нихъ, при благопріятныхъ условіяхъ для послѣдняго, а такіа благопріятныя условія

¹⁾ August. Thierry, l. c., стр. 213—214 и 222—223.—Guizot, L'Histoire de France, racontée à mes petits-enfants, t. II chap. XIX.—Lavissee et Rambaud, Histoire générale, t. II, стр. 429—430.

²⁾ August. Thierry, l. c., стр. 214.

³⁾ Lavissee et Rambaud, Histoire générale, t. II, стр. 468—469.

⁴⁾ То к в и л ь, Старый порядокъ и революція, стр. 59, 267—268, 272—285.

⁵⁾ Gust. Rouanet, Le materialisme économique de Marx et le socialisme français, въ Revue Socialiste, 1887, t. V, стр. 421—422.

сложились именно для французских королей, первых между феодалами. Но если французский король былъ могущественнѣе каждаго изъ феодаловъ въ отдѣльности, то тѣмъ больше было его могущество по отношенію каждой изъ муниципальных республикъ, созданныхъ «третьимъ сословіемъ». Единеніе между городскими коммунами всей страны было еще меньше, чѣмъ между сеньерами. Каждая коммуна въ отдѣльности была передъ королевскою властью рѣшительно безсильна. Но никто не вступаетъ въ борьбу съ силою, побѣда которой представляется заранѣе несомнѣнною; вмѣсто того, чтобы возстановлять ее противъ себя, въ ней скорѣе ищутъ помощи и покровительства. Но мало того. Городскія коммуны могли бы, вступая въ союзъ съ феодалами, успѣшно бороться съ королевскою властью. Но здѣсь къ соображеніямъ о силѣ присоеди-нялись другія соображенія объ интересѣ. Главнымъ и непосредственнымъ врагомъ коммуны былъ не король, а именно феодальный сеньеръ. Угнетеніе королевской власти носило болѣе случайный, болѣе отдаленный и менѣе чувствительный характеръ, чѣмъ угнетеніе сеньера. Коммуны, изолированныя, не могли бороться противъ королевской власти; тѣмъ менѣе могли онѣ бороться одновременно и противъ короля, и противъ сеньера. Естественно, что «третье сословіе» чаще искало союзницы въ королевской власти противъ сеньеровъ, чѣмъ союза въ сеньерахъ противъ королевской власти. Съ своей стороны, и королевская власть понимала всю выгоду для себя этого союза съ «третьимъ сословіемъ» — союза, который, впрочемъ, нисколько не мѣшалъ ей прижимать то же «третье сословіе». Въ общемъ, степень и характеръ относительной солидарности между «третьимъ сословіемъ» и королевскою властью большею частью маскировали существовавшій между ними относительный антагонизмъ. Въ этомъ смыслѣ, но только въ этомъ смыслѣ, можно говорить о неразрывной связи между судьбою и развитіемъ перваго и судьбою и развитіемъ второй, связи, о которой такъ часто говорятъ историки ¹⁾).

Но какъ бы далеко ни шла относительная солидарность между «третьимъ сословіемъ» и королевскою властью, существовавшій между ними антагонизмъ всплывалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря особымъ обстоятельствамъ, злоупотребленія королевской администраціи становились особо невыносимы, а соотношеніе силъ между королевскою властью и «третьимъ сословіемъ» измѣнялось противъ первой и въ пользу послѣдняго. Такъ было два раза во время Столѣтней войны, когда королевская власть впадала въ трудное или даже критическое положеніе, а «третье сословіе» приобрѣтало силу и организованность, благодаря своей роли въ генеральныхъ штатахъ. Политическія требованія, выставленныя генеральными штатами 1355 и 1356 годовъ, пред-

¹⁾ August. Thierry, *Considérations sur l'histoire de France*, въ *Récits des temps Mérovinges*, t. I, стр. 197.—August. Thierry, *Essai sur l'histoire du Tiers-Etat*, édit. Garier Frères, стр. 4, 45 и 38—50.—Guizot, *L'histoire de France, racontée à mes petits-enfants*, t. II, стр. 39.

ставляютъ поразительно радикальную программу, которая признавала суверенитетъ народа, въ лицѣ трехъ сословій, представленныхъ черезъ своихъ выборныхъ въ постоянномъ учрежденіи, низводила королевскую власть на роль частичную и подчиненную и фактически устанавливала систему парламентаризма. Надо было, чтобы прошло болѣе четырехъ столѣтій, для того, чтобы подобная программа начала осуществляться въ великую революцію. «Въ этихъ работахъ, говоритъ Огюстенъ Тьерри, господствовала инициатива третьяго сословія, въ силу значенія здраваго смысла и административной опытности, и совѣщанія были, повидимому, общія для всѣхъ трехъ сословій» ¹⁾. Мы видимъ, стало быть, что «третье сословіе» вступаетъ въ союзъ съ дворянствомъ и духовенствомъ, ибо ихъ объединяетъ относительная солидарность противъ королевской власти. Но никто, конечно, не скажетъ, что дворяне или духовенство стали, вслѣдствіе этого, орудіемъ или органомъ третьяго сословія. «Третье сословіе» взяло на себя политическую гегемонію въ странѣ, когда, вслѣдствіе раздоровъ между сословіями, представители дворянства и духовенства покинули генеральные штаты. Извѣстна революціонная роль въ ту эпоху парижской буржуазіи и ея вождя Этьена Марсея. Извѣстно, какъ разразилось тогда крестьянское возстаніе, и какъ городское населеніе солидаризировало себя съ жакеріею. Извѣстно, наконецъ, какъ, вслѣдъ за подавленіемъ жакеріи, потерпѣла поражение буржуазная революція въ Парижѣ. «Опытъ демократической монархіи, основанный у Этьена Марсея и его друзей на конфедераціи городовъ сѣвера и центра Франціи, потерпѣлъ неудачу потому, что Парижъ, не встрѣчая достаточно помощи, долженъ былъ одинъ выдерживать борьбу двойную какъ противъ силъ королевской власти, соединившихся съ силами дворянства, такъ и противъ упадка народнаго духа» ²⁾. Послѣ союза сословій противъ королевской власти теперь союзъ королевской власти и дворянства противъ «третьяго сословія». Но то же самое явленіе повторилось на четверть вѣка позже, когда общій интересъ соединилъ вмѣстѣ королевскую власть и бароновъ противъ «третьяго сословія», поднявшагося противъ попытокъ королевской администраціи взимать незаконные налоги черезъ нѣкоторое время послѣ вступленія на престолъ Карла VI. Парижъ и другіе города были жестоко наказаны. Напротивъ того, союзъ, заключенный между «третьимъ сословіемъ» и феодальною аристократіею въ 1356 году противъ королевской власти, не былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ. Извѣстно, что въ генеральныхъ штатахъ 1588 года, поднявшихъ католическое и вмѣстѣ съ тѣмъ демократическое знамя противъ королевской власти, преобладающее вліяніе принадлежало католическому большинству «третьяго сословія», объединившемуся съ аристократіею католической Лиги.

¹⁾ August. Thierry, Essai sur l'histoire du Tiers-Etat, стр. 54.—Еще болѣе рѣшительно объ этомъ союзѣ между „третьимъ сословіемъ“ и дворянствомъ говоритъ Токиль (l. c., стр. 103).

²⁾ Augustin Thierry, Essai sur l'histoire du Tiers-Etat, стр. 63.

Такимъ образомъ между тремя силами, боровшимися на политической аренѣ Франціи, мы видимъ осуществленными всѣ комбинаціи совмѣстнаго дѣйствія двухъ изъ нихъ противъ третьей: королевская власть вмѣстѣ «съ третьимъ сословіемъ» противъ феодаловъ, королевская власть вмѣстѣ съ феодалами противъ «третьяго сословія», «третье сословіе» вмѣстѣ съ феодалами противъ королевской власти. Это были три самостоятельныя силы, ни одна изъ нихъ не была только орудіемъ въ рукахъ другой. Но характеръ интересовъ и взаимоотношеніе силъ королевской власти и «третьяго сословія» во Франціи дѣлали комбинацію союза между ними болѣе естественною и болѣе прочною, чѣмъ остальные комбинаціи. Этимъ важнымъ обстоятельствомъ принято объяснять ростъ могущества французскихъ королей и приобрѣтеніе ими абсолютной власти.

Не то было въ Англіи. Здѣсь буржуазія рѣдко соединялась съ королевскою властью противъ аристократіи. Здѣсь королевская власть норманскихъ династій была достаточно сильна со времени завоеванія и въ виду именно факта завоеванія. Здѣсь аристократія вступила въ борьбу съ королевскою властью, когда буржуазія, принадлежавшая по большей части къ покоренной расѣ англо-саксовъ, и не помышляла о какой бы то ни было борьбѣ за свои права. Здѣсь не было такой разрозненности между феодалами, какъ, напримѣръ, во Франціи, именно потому, что они жили въ странѣ, ими завоеванной, гдѣ долгое время еще приходилось сохранять организованную силу противъ стоявшаго лицомъ къ лицу покореннаго народа. Здѣсь бароны не могли быть разсѣяны и изолированы, здѣсь они должны были оставаться объединенными для защиты общаго интереса. Вступая въ борьбу съ королевскою властью, чтобы заставить ее признать права и гарантіи бароновъ, послѣдніе могли противопоставить организованной силѣ королей свою собственную организованную силу. Вотъ чѣмъ объясняются слова Гизо: «Англія обязана своими свободами, быть можетъ, завоеванію ея норманнами» ¹⁾. Ибо объединенной аристократіи, происходившей отъ арміи завоевателей, удалось ограничить королевскую власть. Но бароны дѣлали не только свое собственное дѣло: сліяніе покорителей и покоренныхъ въ одну націю уже начиналось и бароны пробовали выступать, какъ защитники интересовъ всей націи; они договариваются съ королемъ не только за себя, но и за низшее дворянство, за буржуазію и даже за иностранныхъ купцовъ. Они инстинктивно ищутъ опоры въ другихъ классахъ населенія, не полагаясь вполне на собственные силы противъ короля. Извѣстно, что, несмотря на несчастныя и унижительныя похожденія Іоанна Безземельнаго, онъ одно время оставался побѣдителемъ надъ баронами, благодаря своимъ наемнымъ солдатамъ. Въ моментъ опасности бароны призывали на англійскій престолъ Людовика, сына французскаго короля Филиппа-Августа. Только смерть

¹⁾ Guizot. Essais sur l'histoire de France, стр. 275.

Іоанна измѣнила положеніе. «Бароны не были достаточно сильны, чтобы одновременно заставить короля признать ихъ свободу, а народъ ихъ тиранию; и какъ они были вынуждены вступать въ коалицію для общей защиты, они такимъ же образомъ чувствовали себя въ необходимости призвать народъ для поддержки ихъ коалиціи» ¹⁾. И буржуазія дѣйствовала заодно съ баронами, вмѣстѣ съ низшимъ дворянствомъ, несмотря на стремленіе королей привлечь на свою сторону эти оба класса ²⁾. Совмѣстное дѣйствіе всѣхъ классовъ противъ королевской власти наблюдается и въ революціи 1399 года, низложившей короля Ричарда II и представляющей нѣкоторыя аналогіи съ революціею 1688 года ³⁾. Мнѣніе, согласно которому представительное управленіе въ Англіи раньше всего возникло въ Англіи и тамъ окрѣпло, благодаря союзу между баронами и среднимъ сословіемъ противъ сильной уже вначалѣ королевской власти, было высказано и историкомъ Минье ⁴⁾.

Въ параллель съ различною судьбою монархіи въ Франціи и въ Англіи ставятъ особенности политической эволюціи Италіи и Германіи. Въ Италіи городскія коммуны собственными силами восторжествовали надъ аристократіею и потому постепенно развились въ независимыя республики ⁵⁾. Въ Германіи же, гдѣ города и буржуазія не принимали значительнаго участія въ политической борьбѣ, позже чѣмъ гдѣ бы то ни было сохранились феодальныя учрежденія и ихъ пережитки ⁶⁾.

Три момента участвуютъ въ опредѣленіи того направленія, которое принимаетъ политика послѣ-феодальной монархіи въ различные эпохи и при различныхъ обстоятельствахъ, а слѣдовательно, и отношеніе этой монархіи къ различнымъ классамъ общества, а именно: ея признаки; ея интересы; ея силы и способности.

Въ отношеніи своего признака, монархія характеризуется какъ самостоятельная политическая категорія, монополизировавшая функціи верховнаго управленія и отправляющая свою власть помощью силы государственной машины. Отъ юридической природы признака зависитъ большее или меньшее проникновеніе монархіи классовыми интересами. Такъ, абсолютная монархія, въ своемъ чистомъ видѣ, со-

¹⁾ Guizot, l. c., стр. 309—313.

²⁾ Guizot l. c., стр. 332.—August. Thierry, Dix ans d'études historiques, стр. 173, 175—6 и 198.

³⁾ Thor. Rogers, Travail et salaires en Angleterre depuis le XIII-e siècle, стр. 272—273.

⁴⁾ F. A. Mignet, De la Féodalité, стр. 83 и 92.—См. еще Guizot, L'histoire de France racontée à mes petits-enfants, t. I, стр. 347—351.

⁵⁾ Ог. Тьерри приписываетъ процвѣтаніе городскихъ республикъ въ сѣверной Италіи тому обстоятельству, что онѣ использовали, въ интересахъ своего освобожденія, борьбу между императорскою и папскою властью (Histoire du Tiers-Etat, стр. 29—30).

⁶⁾ Mignet, De la Feodalité, стр. 92—93.—F. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. VII, стр. 491 и 545.

вершенно чужда классовой окраски, въ томъ смыслѣ, что ни какой-либо отдѣльный классъ общества, ни комбинація классовъ, ни даже общество въ цѣломъ не обладаетъ средствами, чтобы подчинить эту монархію своей волѣ. Напротивъ того, ограниченная монархія служитъ до извѣстной степени тому классу, въ пользу котораго она ограничена, напр. буржуазіи въ цензовомъ государствѣ либо аристократіи въ режимѣ аристократическомъ, или же она до извѣстной степени служитъ всему обществу, если она ограничена въ пользу демократическихъ правъ всего общества. Но и ограниченная монархія, въ предѣлахъ своихъ прерогативъ, является независимою категоріею, дѣйствующею сообразно своимъ личнымъ или династическимъ видамъ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда она, опираясь на организованную силу государственной власти, дѣйствуетъ и внѣ сферы своихъ прерогативъ противъ воли страны или правящихъ классовъ. Англійскій король Георгъ I больше думалъ о своихъ ганноверскихъ владѣніяхъ, въ которыхъ онъ былъ неограниченнымъ государемъ, чѣмъ объ Англіи, гдѣ онъ былъ ограниченнымъ монархомъ, и политика его во время войны за австрійское наслѣдство опредѣлялась его ганноверскими интересами: онъ заключилъ союзъ съ Маріею-Терезіею съ тою цѣлью, чтобы Англіи пришлось за деньги нанять ганноверскія войска. Питтъ съ негодованіемъ протестовалъ противъ превращенія Англіи въ провинцію Ганновера. Другой интересный примѣръ самодовлѣющей до крайнихъ размѣровъ политики ограниченной монархіи представляетъ измѣна Польшѣ ея избраннаго короля Августа Саксонскаго: онъ составилъ проектъ раздѣла Польши между Пруссіею и Австріею, съ тѣмъ чтобы создать себѣ маленькое наслѣдственное королевство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворить страшнаго Карла XII. Какъ замѣчаетъ одинъ историкъ, «онъ продавалъ то, что ему не принадлежало». Проектъ не получилъ хода, вслѣдствіе остановки изъ-за Россіи.

Между интересами, которые приводятъ въ движеніе политику монархической власти, слѣдуетъ отличать ея собственные династическіе интересы, присущіе ей, какъ самостоятельной политической категоріи, отъ интересовъ, которые она берется защищать, въ силу относительной солидарности ея съ тѣми или другими социальными группами. Такъ, поскольку монархія является учрежденіемъ, представляющимъ государство, какъ цѣлое, поскольку она выполняетъ центральныя административныя функціи, регулируюція жизнь общества, она связана съ этимъ государствомъ и съ этимъ обществомъ относительною солидарностью; но, поскольку собственные интересы монархіи могутъ идти въ разрѣзъ съ интересами государства и общества, между ними существуетъ антагонизмъ. Такимъ же образомъ монархія можетъ взять въ свои руки дѣло какого-нибудь класса и защищать политику этого класса не потому, что она является орудіемъ или органомъ этого класса, а потому, что для увеличенія своихъ силъ, она, въ случаѣ собственной слабости, находитъ цѣлесообразнымъ дѣйствовать за одно съ этимъ классомъ,

или же при достаточности собственных силъ, она считаетъ необходимымъ защищать опредѣленные классовые интересы по инерціи, ради блеска, ради популярности, въ силу большей психологической близости къ одному классу, чѣмъ къ другому, а въ рѣдкихъ случаяхъ и ради идейнаго интереса. Когда, съ развитіемъ англійской буржуазіи и послѣ перехода къ ней низшаго дворянства, англійское общество подверглось явному разслоенію на два класса, то аристократія, которая до того всегда боролась за свои права съ королевскою властью,—хотя новая аристократія была въ значительной мѣрѣ продуктомъ ея,—теперь столпилась вокругъ трона противъ натиска среднихъ и низшихъ классовъ. Но это не значитъ, что королевская власть, прежде врагъ аристократіи, стала вдругъ органомъ или орудіемъ ея, какъ не значитъ и того, что аристократія стала орудіемъ политики королевской власти. Нѣтъ, это значитъ, что обѣ эти силы, каждая съ самостоятельнымъ существованіемъ и самостоятельными интересами, объединились вслѣдствіе того, что относительная солидарность между ними подавила сознание относительнаго ихъ антагонизма.

Степень силы королевской власти является важнымъ факторомъ для опредѣленія линіи ея политическаго дѣйствія. Ограниченная монархія обыкновенно слабѣе неограниченной и потому чаще оказывается вынужденною искать опоры въ тѣхъ или другихъ социальныхъ группахъ. Но и абсолютная въ принципѣ монархія можетъ быть сравнительно слабою, въ случаѣ, напримѣръ, внѣшнихъ войнъ, внутреннихъ неурядицъ, финансоваго разстройства и другихъ причинъ. Въ подобныхъ случаяхъ и абсолютная монархія видитъ необходимость искать опоры въ странѣ или отдѣльныхъ общественныхъ классахъ: она приноситъ въ жертву часть своихъ интересовъ всему обществу или отдѣльнымъ его классамъ. Но абсолютная монархія, черпающая достаточныя силы для себя въ нормальномъ отправленіи функцій государственной машины, можетъ существовать неопредѣленно долгое время, регулируя, по своему собственному усмотрѣнію, свое отношеніе къ отдѣльнымъ классамъ въ своей внутренней политикѣ.

Въ крайнихъ формахъ абсолютной монархіи государство и подданные становятся собственностью государя, и возникаетъ положеніе, аналогичное съ тѣмъ, что существуетъ въ варварскихъ и восточныхъ деспотіяхъ. Съ точки зрѣнія психологіи абсолютизма, государство существуетъ для монарха, и люди превращаются въ вещи. И подобно тому какъ всякій собственникъ имѣетъ *jus utendi et abutendi* (право употребленія и злоупотребленія) по отношенію къ своей собственности, абсолютный монархъ распоряжается по своему усмотрѣнію своею живою собственностью. Безумный девизъ безумнаго Калигулы «*omnia mihi et in omnes licere*» былъ во многихъ странахъ и во многія эпохи жестокою дѣйствительностью. Въ одномъ изъ своихъ юношескихъ писемъ къ Арнольду Руге Марксъ говоритъ: «Деспотизмъ знаетъ только презрѣніе къ людямъ, онъ представляетъ себѣ только человѣка, лишен-

наго человѣческаго достоинства. И это представленіе имѣетъ то преимущество передъ другими, что оно одновременно является и фактомъ... Презираемый, презрѣнный, лишенный человѣческаго достоинства человекъ—вотъ принципъ монархіи... Тамъ, гдѣ монархическій принципъ имѣетъ за собою большинство, тамъ люди въ меньшинствѣ; а тамъ, гдѣ онъ господствуетъ безусловно, тамъ совершенно нѣтъ людей. Почему такому господину, какъ король Пруссій, который еще ни разу не имѣлъ случая усомниться въ себѣ, не слѣдовать исключительно своему капризу? А когда онъ это дѣлаетъ, какихъ послѣдствій долженъ онъ бояться? Противорѣчивости намѣреній? Хорошо, тогда изъ нихъ ничего не выйдетъ. Безсильныхъ стремленій? Но безсильныя стремленія пока все еще единственная политическая дѣйствительность. Позора и затрудненій? Существуетъ лишь одинъ позоръ и одно затрудненіе—потеря трона. Пока капризъ остается на своемъ мѣстѣ, онъ въ своемъ правѣ... Въ Пруссіи король—это система. Онъ единственная политическая личность. Его личность опредѣляетъ систему въ ту или другую сторону. То, что онъ дѣлаетъ, или то, что дѣлается отъ его имени, то, что онъ думаетъ, или то, что приписывается, ему,—это и есть то, что дѣлаетъ и думаетъ прусское государство» ¹⁾.

Но между собственностью-государствомъ и обычною собственностью существуетъ различіе въ отношеніи экономіи собственности: первая не требуетъ того бережнаго къ себѣ отношенія, котораго требуетъ послѣдняя. Ибо разореніе государства не имѣетъ непремѣннымъ послѣдствіемъ разоренія династіи. До тѣхъ поръ, покамѣстъ истощеніе и упадокъ страны совмѣстимы съ сохраненіемъ государственной силы, составляющей опору монархіи, до тѣхъ поръ могущество и блескъ династіи могутъ расти или оставаться незыблемыми, несмотря на упадокъ производительныхъ силъ, на обѣднѣніе всѣхъ классовъ, страданія народа, вырожденіе населенія. Подобный кризисъ въ жизни страны можетъ стать хроническимъ, можетъ длиться неопредѣленно долго, не приводя къ кризису политическому. Кризисъ монархіи наступаетъ лишь тогда, когда кризисъ коснулся того государственнаго механизма, который составляетъ силу монархіи.

Извѣстно, до какой степени разоренія и упадка была доведена Испанія своими католическими королями и ихъ абсолютистскою политикою. Но въ самыя страшныя для страны времена королевская власть оставалась столь же деспотическою, сильною и эгоистичною. Она боролась съ высшими и средними классами населенія, ничего не дѣлая для классовъ низшихъ. Она безпощадно боролась со всѣмъ тѣмъ, что не преклонялось передъ ея волею и интересами. Фердинандъ Католическій, Карлъ V, Филиппъ II боролись и съ феодалами, и съ рыцарскимъ ду-

¹⁾ Марксъ и Энгельсъ, Литературное наслѣдіе, т. I, стр. 496—497. См. Также стр. 533 и 553.

ховенствомъ, и съ городами—со всѣми классами, освободившими Испанію отъ мавровъ. Они лишили ихъ правъ и привилегій, они унизили дворянство, они поработили городскія коммуны. Они съ одинаковою яростью преслѣдовали мавровъ, евреевъ и католическихъ еретиковъ. Нуженъ ли еще болѣе яркій примѣръ самодовлѣющей политики политическаго абсолютизма, который, опираясь на силу, дѣйствуетъ противъ всѣхъ классовъ общества?

Въ эпоху наибольшаго могущества французской абсолютной монархіи, она открыто формулировала принципъ, согласно которому государство—собственность династіи. Какъ замѣчаетъ Токвиль: «Людовикъ XIV, въ своихъ эдиктахъ, публично преподавалъ ту теорію, что всѣ земли королевства первоначально переданы были въ обладаніе частныхъ лицъ, на извѣстныхъ условіяхъ, государствомъ, которое такимъ образомъ становилось единственнымъ дѣйствительнымъ собственникомъ, тогда какъ всѣ остальные являлись лишь владѣльцами, право которыхъ оставалось неполнымъ, а его основаніе—спорнымъ»¹⁾. Въ «Инструкціи къ своему внуку» Людовикъ XIV писалъ: «Вы должны проникнуться убѣжденіемъ, что короли—абсолютные государи, и что они имѣютъ естественное право располагать всецѣло имуществомъ, которымъ владѣютъ какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. По тому же праву намъ принадлежитъ все, что находится въ предѣлахъ нашего государства, какова бы ни была его природа». Знаменитое изреченіе короля «государство — это я» было возведено въ цѣлую политическую систему.

Очевидно, что при подобномъ взглядѣ на свои собственные права въ отношеніи къ безправной странѣ, французскій королевскій абсолютизмъ, обладая достаточною силою, долженъ былъ вести свою собственную политику, по характеру своему исключаящую всякую идею служенія какимъ-либо стоящимъ выше ея классовымъ или общественнымъ интересамъ. Далекая отъ того, чтобы быть орудіемъ или органомъ политики какого-либо класса, французская абсолютная монархія сама, напротивъ того, стремилась подчинить всѣ классы и ихъ интересы своимъ собственнымъ династическимъ интересамъ. Она всѣми способами подавляла духъ независимости во всѣхъ классахъ. Она сокрушила аристократію, она уничтожила вольности городовъ, она свела на-нѣтъ почти всѣ существовавшія провинціальныя собранія сословій. Но она не только унижала, она и возвышала тѣ же соціальныя элементы, поскольку это соотвѣтствовало ея интересамъ—временнымъ или постояннымъ, настоящимъ или будущимъ. Этимъ объясняются видимыя противорѣчія въ политикѣ французскихъ королей. Они отняли у аристократіи всѣ тѣ ея феодальныя и политическія привилегіи, которыя шли въ разрѣзъ съ развитіемъ монархической власти, — оставляя ей въ то же время тѣ, помощью которыхъ аристократія угнетала деревенское населеніе; они

¹⁾ Токвиль, I. с., стр. 209.

радовались экономическому оскудѣнію дворянства и направляли свою политику въ цѣляхъ дальнѣйшаго удержанія его въ бѣдственномъ положеніи, дабы заставить его служить и нуждаться въ королевскихъ милостяхъ,—но въ то же время они окружали себя аристократіею, дышали въ атмосферѣ аристократіи, ассимилировали себѣ ея психологію и готовы были защищать ее противъ домогательствъ крестьянъ и «третьяго сословія». Они возвышали непривилегированные классы, они брали изъ ихъ среды своихъ министровъ, своихъ интендантовъ, своихъ агентовъ-бюрократовъ, они заботились о процвѣтаніи мануфактуръ и преуспѣяніи предпринимателей; но въ то же время они искореняли послѣдніе слѣды городского самоуправления, дѣлали изъ права на трудъ привилегію, злоупотребляя системою гильдій въ интересахъ своей казны, продавали должности, продавали муниципальныя оффиціи, дурной финансовой системою разоряли государственныхъ кредиторовъ и въ то же время тщательно разъединяли сословія другъ отъ друга. И въ то же время страшный административный произволъ, тяготѣвшій надъ всѣми классами, и страшное бремя налоговъ, тяготѣвшее преимущественно надъ классами непривилегированными. Не удивительно, что наканунѣ революціи недовольствомъ были охвачены всѣ классы. Интересно, что несчастія Людовика XVI приписываются одними тому, что онъ не довѣрялъ аристократіи и не проявилъ достаточно солидарности съ нею, а другими, напротивъ, тому, что онъ связалъ свою судьбу съ судьбою аристократіи и не сталъ на сторону «третьяго сословія». Несомнѣнно то, что противорѣчія королевской политики были главною причиною того, что революція приняла такой характеръ, какъ она имѣла въ дѣйствительности. Съ другой стороны, самъ Людовикъ XVI совершилъ половину революціи тѣмъ, что онъ согласился созвать, при данномъ состояніи страны, генеральныя штаты. Но онъ былъ вынужденъ къ этому тѣмъ, что одинъ изъ существенныхъ аппаратовъ того механизма государственной власти, который составлялъ силу абсолютной королевской власти, а именно финансовая система государства, оказался серьезно разстроеннымъ. Въ созывѣ генеральныхъ штатовъ король видѣлъ лишь рѣшеніе финансоваго вопроса. Но когда сила абсолютизма, хотя бы и финансовая, скомпрометтирована, тогда абсолютизмъ на половину уже не существуетъ. Это, конечно, еще не значитъ, что королевская власть не могла выпутаться изъ финансовыхъ затрудненій иначе, какъ переставъ быть абсолютною. Трудно гадать о томъ, что произошло бы, если бы король обладалъ другимъ характеромъ, большею энергіею, большею рѣшительностью, и если бы ему удалось обезсилить Національное Собраніе, предупредивъ событія 14 іюля. Но парижское населеніе, которое вооружилось въ день взятія Бастилія, стало организованною силою «третьяго сословія». Съ того момента, какъ противъ организованной силы абсолютизма выступила организованная сила народа, судьба перваго была рѣшена.

IV.

Изъ всего нашего предыдущаго изслѣдованія вытекаетъ съ несомнѣнностью заключеніе, что монархія во всѣхъ ея видахъ представляетъ собою самостоятельную социальную категорію политическаго типа, имѣющую независимое отъ классовыхъ отношеній существованіе, опирающуюся на силу и способную, помощью силы, проводить политику собственныхъ интересовъ. То же самое можно сказать и о политическихъ олигархіяхъ въ томъ случаѣ, когда онѣ не являются представительствомъ какого-либо опредѣленнаго общественнаго класса.

Фактъ существованія особой социальной категоріи, съ особо присущими ей интересами уже достаточенъ для того, чтобы порождать и развивать особенно свойственные ей антагонизмы. Монополіи политической власти въ рукахъ одного субъекта или одной политической группы соотвѣтствуютъ особые политическіе антагонизмы.

Политическіе антагонизмы стоятъ особо отъ антагонизмовъ классовыхъ. Они съ ними сливаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вся сумма политической власти и политическихъ правъ въ обществѣ монополизирована лишь однимъ классомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ политическіе антагонизмы переплетаются съ антагонизмами классовыми, вслѣдствіе существованія относительной солидарности (а слѣдовательно и относительнаго антагонизма) между правителемъ или правящею корпораціею съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ классомъ общества.

Если полнота верховной власти монополизирована однимъ народомъ или государствомъ въ отношеніи другого народа или государства, то это случай внѣшняго національно-политическаго антагонизма, весьма часто проявляющагося въ формѣ внѣшняго политическаго угнетенія.

Насъ теперь интересуютъ лишь внутренніе политическіе антагонизмы. Они—результатъ монополизированія государственной власти въ странѣ лицами или группами, не являющимися представительствомъ ни цѣлаго общества, ни отдѣльнаго общественнаго класса. Они имѣютъ мѣсто, стало-быть, въ тѣхъ случаяхъ, когда одна, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ сторонъ, которыя находятся въ отношеніяхъ политическаго антагонизма, не есть классъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ политическая власть въ странѣ не составляетъ монополіи цѣлаго класса. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ антагонизмъ сказывается прежде всего между правительствомъ и управляемыми, вслѣдствіе политическаго безправія и политическаго поработченія послѣднихъ. Политическій антагонизмъ можетъ далѣе проявляться особеннымъ образомъ въ отношеніяхъ между правителями и тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ классомъ тогда, когда интересы первыхъ требуютъ оказанія помощи или покро-

вительства другимъ классамъ, въ ущербъ интересамъ ихъ антагонистовъ. Далѣе, политическій антагонизмъ между правителями и обществомъ проявляется съ особенною силою, когда политически поработенное населеніе подвергается жестокому экономическому угнетенію государствомъ и тѣмъ, которые стоятъ во главѣ государства, или когда интересы правителей побуждаютъ ихъ вести внутреннюю политику, противную интересамъ страны и общества. Наконецъ, въ категорію внутреннихъ политическихъ антагонизмовъ должны быть включены и внѣшніе конфликты въ тѣхъ случаяхъ, когда политическая власть страны, опираясь на силу, принуждаетъ населеніе участвовать во внѣшнихъ предпріятіяхъ и войнахъ, преслѣдующихъ личныя цѣли этой власти, но совершенно противныхъ интересамъ страны и ея населенія.

Когда наканунѣ реформаціи въ Женевѣ, герцогъ Савойскій обѣщалъ всевозможныя экономическія выгоды женевамъ, если они признаютъ его своимъ сеньеромъ, синдики отвѣтили ему отъ имени города, что они предпочитаютъ жить въ бѣдности, но сохранить свободу, нежели пріобрѣсть богатство, ставъ рабами. Въ этомъ отношеніи весьма рельефно выражена оцѣнка свободными и сознательными людьми своей политической свободы: самостоятельная цѣнность ея признается, независимо отъ какихъ-либо матеріальныхъ интересовъ и даже вопреки послѣднимъ. Политическая неволя есть то же рабство, и, какъ всякое рабство, она вызываетъ реакцію въ сознаніи личности, чувствующей, что ея достоинство страдаетъ, когда ея свобода отчуждена. Даже въ самыхъ мягкихъ и отеческихъ формахъ политической опеки сознаніе порождаемаго ею антагонизма не прекращается. Лишь въ наиболѣе полныхъ и чистыхъ демократіяхъ подобнаго рода антагонизму практически нѣтъ мѣста.

Римскіе императоры, въ интересахъ своего фиска, прикрѣпили свободныхъ колоновъ къ землѣ ихъ хозяевъ и тѣмъ усилили экономическое господство класса крупныхъ землевладѣльцевъ надъ классомъ мелкихъ крестьянъ-фермеровъ. Франкскіе короли, безпрестанно раздавая бенефиціи своимъ дружинникамъ, съ цѣлью привязать ихъ къ себѣ узами ленной вѣрности, этимъ самымъ способствовали развитію класса феодальныхъ бароновъ, которые своими междуусобіями и хищническими набѣгами терзали трудящееся населеніе въ теченіе многихъ вѣковъ. Французская королевская власть часто оказывала помощь сеньерамъ въ борьбѣ ихъ съ городскими коммунами, когда это соотвѣтствовало ея непосредственнымъ интересамъ, и тѣмъ становилась на пути развитія буржуазіи и «третьяго сословія», сохраняя господство надъ ними феодальной аристократіи. Гогенштауфены воевали противъ свободы тѣхъ самыхъ городовъ, которые такъ часто помогали имъ бороться съ феодалами. Англійскіе, французскіе и прусскіе короли заботились о сохраненіи привилегій дворянства и сословныхъ различій внутри общества, дѣйствуя, такимъ образомъ, ради собственныхъ политическихъ интересовъ, противъ интересовъ

огромнаго большинства своихъ подданныхъ. Вотъ примѣры политическаго антагонизма между низшими классами и монархіею, которая, ради своихъ монархическихъ интересовъ, становится на сторону высшихъ классовъ противъ большинства народа и всею силою государственной власти поддерживаетъ или даже развиваетъ существующее классовое неравенство.

Римская императорская власть—та самая, которая, въ интересахъ своего фиска, прикрѣпляла къ землѣ свободныхъ колоновъ, — издавала законы, согласно которымъ отъ земли не могли быть отдѣляемы и обрабатывавшіе ее, на отдѣльныхъ участкахъ, рабы, разъ только они были внесены въ списки, составлявшіеся сборщиками налоговъ, — и это въ интересахъ того же императорскаго фиска. Римская же императорская власть строго воспрещала, часто практиковавшуюся въ послѣднюю эпоху имперіи, операцію, состоявшую въ томъ, что мелкій землевладѣлецъ, съ цѣлью облегченія тяготы податей или въ видахъ снисканія покровительства вліятельнаго крупнаго землевладѣльца, отдавалъ послѣднему свою землю оффиціально на правахъ полной собственности и получалъ ее немедленно обратно на началахъ *прекаріальнаго* владѣнія; запреты императоровъ имѣли въ виду, главнымъ образомъ, интересы казны, отчасти же, быть можетъ, стремились препятствовать чрезмѣрному усиленію могущества земельной аристократіи. Какъ бы то ни было, но та самая императорская власть, которая, въ своихъ собственныхъ интересахъ, ввела систему чудовищныхъ привилегій для своей знати и для своей бюрократіи и чудовищныхъ тяготъ для среднихъ и низшихъ классовъ, не останавливалась, въ тѣхъ же собственныхъ интересахъ, — или въ интересахъ государства, отождествлявшихся съ ея собственными интересами, — передъ мѣрами, стѣснявшими свободу собственности крупныхъ землевладѣльцевъ, равно какъ господство ихъ надъ рабами и свободными крестьянами, мѣрами, которыя послѣдствіемъ своимъ должны были имѣть постепенное возвышеніе деревенскихъ рабовъ до полу-свободнаго, крѣпостнаго состоянія, а въ другомъ случаѣ защиту свободы крестьянина противъ его собственной непредусмотрительности и противъ посягательствъ крупнаго помѣщика, довольнаго перспективою увеличенія числа зависимыхъ отъ него юридически безземельныхъ крестьянъ. Вотъ первый примѣръ политическаго антагонизма между монархіею и экономически господствующими классами, вслѣдствіе комбинаціи интересовъ, порождающей относительную солидарность между главою государства и угнетенными классами.

Французскіе короли, въ интересахъ увеличенія своей власти противъ соперничества феодаловъ, создавали специальное «буржуазное право», выводившее подданнаго изъ зависимости отъ сеньера и ставившее его въ непосредственную зависимость отъ короля, къ большой выгодѣ для непривилегированнаго подданнаго, но въ ущербъ интересамъ феодала. Тѣ же французскіе короли, въ тѣхъ же интересахъ своей власти, способствовали всею своею политикою возвышенію «третьяго

сословія» противъ дворянства. Англійскіе короли, въ первые вѣка послѣ завоеванія Англіи норманнами, тоже, повидимому, проявляли тенденцію возвышать города и буржуазію противъ борющейся съ ними, королями, аристократіи ¹⁾. Король Ричардъ II относился, какъ полагають, сочувственно къ требованію крѣпостныхъ крестьянъ дать имъ волю, и судьи его защищали крестьянъ противъ произвола помѣщиковъ ²⁾. Пруссійскій король Фридрихъ II смягчилъ крѣпостное состояніе крестьянъ и обезпечилъ имъ право собственности, ибо, какъ говоритъ Марксъ, «ему нужны были солдаты для арміи и лица, способныя платить налоги для его государственной казны» ³⁾. Его преемники совершенно упразднили крѣпостное право въ Пруссіи, главнымъ образомъ, для цѣлей военныхъ, а также вообще «въ интересахъ государства» ⁴⁾. Австрійская монархія, противъ многихъ помѣщиковъ, потребовала освобожденія крѣпостныхъ, въ интересахъ казны и «въ интересахъ государства». Наконецъ, сравнительно недавно правительство микадо, въ интересахъ императорской политики, отмѣнило всѣ феодальныя повинности крестьянъ въ Японіи и тѣмъ произвело радикальный переворотъ во всей экономической жизни страны. Вотъ другіе примѣры того, какъ монархія, въ своихъ политическихъ интересахъ или «въ интересахъ государства», можетъ выступать въ защиту угнетенныхъ экономически классовъ противъ класса, экономически господствующаго, и силою государственной власти производить крупныя экономическія преобразованія, часто вопреки желанію класса привилегированнаго.

Относительная солидарность между самостоятельными интересами монархіи и «интересами государства», поскольку съ одной стороны таковое представляется собственностью монарха, а съ другой стороны монархъ отправляетъ опредѣленныя административныя функціи въ обществѣ, какъ глава организациіи порядка и блюститель благополучія общества, какъ цѣлаго—эта относительная солидарность можетъ вести къ проявленіямъ относительной солидарности между монархіею и угнетенными классами населенія. На этой возможности относительной солидарности между монархіею и всѣмъ обществомъ, и въ особенности низшими классами общества, основанъ былъ тотъ антире-

¹⁾ August. Thierry, Dix ans d'études historiques, стр. 173.

²⁾ Thor-Rogers, Interprétation économique de l'histoire, стр. 40—41.—Его же, Travail et salaires en Angleterre, стр. 229—234.

³⁾ Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 641.

⁴⁾ Mehring, Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, I, стр. 31. Известно, что и въ Россіи освобожденіе крестьянъ было проведено государственною властью противъ воли большинства помѣщиковъ. Объ этомъ говоритъ и Энгельсъ въ своей брошюрѣ о „Савойѣ, Ниццѣ и Рейнѣ“ (Mehring, l. c., I, стр. 519). Реформа 19-го февраля имѣла въ виду „интересы государства“.—Мнѣніе же, согласно которому переворотъ былъ совершенъ сверху въ отдаленныхъ и наиболѣе понятыхъ интересахъ, самого класса помѣщиковъ—интересовъ, которые, впрочемъ, этотъ классъ, по своей излишней трезвости и чрезвычайной близорукости, упорно игнорировалъ,—этотъ взглядъ представляется образчикомъ той исторической схоластики, которая спасаетъ догму помощью словъ, а въ данномъ случаѣ пытается спасти догму классовой борьбы признаніемъ классовыхъ цѣлей, не сознанныхъ классомъ и существующихъ противъ воли класса.

спубликанизмъ, который характеризовалъ экономистовъ, публицистовъ, философовъ XVIII вѣка и даже наиболѣе крайнихъ дѣятелей революціи вплоть до измѣны Людовика XVI. Для всѣхъ друзей народа монархія была воплощеніемъ сильной государственной власти, стоящей выше партій и классовъ и способной проявлять свою силу въ защиту интересовъ слабыхъ и угнетенныхъ. Поэтому большинство историковъ согласны въ томъ, что, при достаточно благоразумной и рѣшительной политикѣ, французская королевская власть могла избѣгнуть той катастрофы, которая ее постигла во время революціи. Такъ, Токвиль говоритъ: «около 1750 г. нація въ цѣломъ обнаружила бы не больше требовательности въ дѣлѣ политической свободы, чѣмъ сами экономисты, такъ какъ, утративъ ее, разучилась ее цѣнить и забыла о ней. Реформа она желала больше, чѣмъ правъ, и если бы тогда на французскомъ престолѣ оказался государь такого умственного роста и съ такими стремленіями, какими отличался Фридрихъ Великій, то онъ, несомнѣнно, совершилъ бы какъ въ общественномъ, такъ и въ правительственномъ строѣ многія изъ самыхъ крупныхъ перемѣнъ, произведенныхъ революціей, и при этомъ не только не лишился бы короны, но еще значительнѣе усилилъ бы свою власть» ¹⁾. Жоресъ и Оларъ допускаютъ, что если бы Людовикъ XVI искренно и рѣшительно сталъ на сторону революціи, то монархія продолжала бы существовать во Франціи неопредѣленно долгое время ²⁾.—Съ другой стороны, признаніе монархіи, какъ внѣклассовой категоріи, представляющей собою общество, какъ цѣлое, ведетъ у нѣмецкихъ катедеръ-соціалистовъ къ превращенію возможныхъ относительныхъ формъ солидарности между монархіею и обществомъ или его низшими классами въ формы абсолютныя, къ игнорированію политическихъ антагонизмовъ и къ тому апоѳеозу соціальной монархіи, который мы находимъ, между прочимъ, у Густава Шмоллера ³⁾.

Въ дѣйствительности, относительный характеръ подобной солидарности указываетъ на существованіе во всякомъ случаѣ и относительнаго антагонизма. Въ дѣйствительности, противоположность интересовъ между правителемъ и обществомъ или государствомъ порождаетъ разнообразные виды политическаго угнетенія, которое принимаетъ формы тѣмъ болѣе чудовищныя, чѣмъ въ большей степени отчуждена воля народа въ пользу тѣхъ, которые держатъ монополію политической власти, и чѣмъ больше та сила, помощью которой поданные превращаются въ безвольное орудіе для осуществленія цѣлей династии. Внутренніе политическіе антагонизмы занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ соціальныхъ антагонизмовъ.

¹⁾ Токвиль, I. с., стр. 184—185.

²⁾ Jaurès, La Constituante, стр. 20.—Aulard, Histoire politique de la Révolution française, стр. 6, 11, 32, 34, 56, 73 и 107.

³⁾ Gust. Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, I Theil, стр. 391; II Theil, стр. 546.—Кстати, и Шмоллеръ высказываетъ мнѣніе о томъ, что монархія, путемъ благоразумной и рѣшительной политики, могла избѣгнуть французской революціи. (II Th., стр. 523).

По словамъ историка Дюрюи, для Августа интересъ его фамиліи стоялъ выше интересовъ государства ¹⁾. Историкъ Валлонъ говоритъ, по поводу политики римской императорской власти въ послѣдній періодъ имперіи, о противоположности интересовъ правителей интересамъ государства ²⁾. Историкъ Анри Мартенъ, по поводу политики Людовика XVI касательно испанскаго престола, говоритъ, что «прямой и территоріальный интересъ Франціи былъ принесенъ въ жертву планамъ династическаго честолюбія» ³⁾. Въ своей *Histoire philosophique du règne de Louis XV* Токвиль замѣчаетъ, что интересъ монарха всегда беретъ верхъ надъ интересомъ націи. Шлоссеръ говоритъ объ измѣнѣ противъ націи нѣмецкихъ монарховъ, состоящихъ на жалованьи у Людовика XIV. Англійскіе историки оцѣниваютъ аналогичнымъ образомъ короля Карла II, конспирировавшаго противъ своей націи вмѣстѣ съ Людовикомъ XIV, которымъ онъ былъ подкупленъ. Подобные отзывы историковъ являются неизбѣжнымъ выводомъ изъ изученія фактовъ, неопровержимо свидѣтельствующихъ объ антагонизмѣ интересовъ государства и интересовъ правителя, независимо отъ какихъ бы то ни было классовыхъ интересовъ.

Въ варварскихъ и восточныхъ деспотіяхъ всякій подданный составляетъ, какъ вещь, собственность монарха. Его жизнь, его свобода, его имущество всегда находятся въ рукахъ властителя и его агентовъ. Въ подобныхъ деспотіяхъ всѣ жители—рабы монарха. Что можетъ быть болѣе жестоко этого политическаго угнетенія?—Еще недавно мы присутствовали при томъ зрѣлищѣ, когда дыханіе свободы коснулось Персіи, одной изъ тѣхъ странъ Востока, которыя въ теченіе тысячелѣтій коснѣли въ политическомъ рабствѣ при всѣхъ смѣнявшихся другъ друга режимахъ, и въ меджлисѣ, первомъ представительномъ собраніи страны, нація впервые могла заговорить черезъ своихъ избранниковъ о своихъ страданіяхъ и нуждахъ. И что же? Всѣ дебаты этого парламента были полны только жалобами на административный гнетъ и на всевозможныя хищенія и притѣсненія, испытываемыя населеніемъ со стороны шаха, его фамиліи и его чиновниковъ.

Всѣмъ извѣстно, какія страданія испытывало населеніе огромной Римской имперіи отъ политическаго гнета императорскаго правительства. Деспотизмъ главы государства, воля котораго была закономъ, и который по своему усмотрѣнію ломалъ и коверкалъ соціальную жизнь людей и общественныхъ классовъ; огромныя требованія фиска на содержаніе императорскаго двора (а впослѣдствіи и императорскихъ дворовъ), многочисленной бюрократіи и арміи; хищничество и произволъ солдатъ, одновременно съ безпрестанными войнами между претендентами на престолъ, выжимавшими послѣдніе соки страны; продажность, алчность и тираннія чиновниковъ, доходившая до того, что императоры вынуждены

¹⁾ Duruy, *Histoire des Romains*, t. IV, стр. 234.

²⁾ Wallon, *Histoire l'esclavage dans l'antiquité*, t. III, стр. 295.

³⁾ Henri Martin, *Histoire de France*, 4-e édit., t. XIV, стр. 234.

были ввести въ городахъ особую выборную должность «защитниковъ» (*defensores*) противъ своихъ же императорскихъ чиновниковъ,—все это повергло населеніе, деморализованное неволею, раздавленное бременемъ налоговъ, стонавшее въ тискахъ установленныхъ закономъ кастъ и корпорацій, безъ возможности какого-либо выхода, безъ проблеска надежды, въ то состояніе тупого отчаянія, которое подготовило почву для гибели стараго міра и для наступленія мрачной эпохи Среднихъ вѣковъ.

Византійскій императорскій гнетъ былъ продолженіемъ римскихъ традицій, съ той лишь особенностью, что ко всѣмъ страданіямъ, которыя населеніе испытывало отъ императорски-бюрократическаго произвола и отъ фискальныхъ требованій государства, здѣсь присоединялись еще страданія отъ преслѣдованій религіозныхъ. Извѣстно, что угнетенное населеніе византійскихъ провинцій встрѣтило завоевателей-магометанъ со вздохомъ облегченія.

Въ варварскихъ деспотіяхъ, въ восточныхъ деспотіяхъ, въ римской имперіи, въ Византіи *политическое угнетеніе* въ значительной степени принимаетъ форму *экономической эксплоатаціи* населенія *государствомъ*—въ видѣ ли непосредственнаго закрѣпощенія личности подданнаго государствомъ, или же путемъ отягощенія его налогами. Но это *политическое угнетеніе* отличается отъ классоваго тѣмъ, что оно проявляется не въ отношеніяхъ класса къ классу, а въ отношеніяхъ государственной власти—главы государства и его агентовъ—къ массѣ подданныхъ, оно отличается, стало быть, отъ классоваго угнетенія *признаками* субъекта и объекта угнетенія. Оно существуетъ рядомъ съ классовымъ угнетеніемъ и независимо отъ него; экономически господствующіе классы то пользуются покровительствомъ и содѣйствіемъ государственной власти, то, напротивъ того, угнетаются и эксплоатируются ею, наравнѣ съ низшими классами, и во всякомъ случаѣ подчиняются ея цѣлямъ, приносятся въ жертву ея интересамъ. Въ деспотическихъ стравахъ идея управленія до такой степени ассоціировалась съ представленіемъ о грабежѣ и эксплоатаціи, что сіамскій языкъ, по словамъ одного путешественника, прибѣгаетъ къ одному и тому же слову для выраженія понятій *управлять* и *красть*¹⁾. Достаточно вспомнить о происхожденіи нѣкоторыхъ династій въ древнее время и въ средневѣковую эпоху, чтобы не слишкомъ много удивляться подобному совпаденію терминовъ въ языкѣ. Даже въ новое время извѣстны союзы королей и претендентовъ на престолъ съ разбойниками и пиратами. Такъ, Карль II англійскій, въ бытность свою претендентомъ, вошелъ, какъ участникъ, въ международную шайку пиратовъ, грабившую коммерческія суда, и получалъ опредѣленную долю добычи²⁾. Ояъ, уже ставъ королемъ Англіи, натравливалъ на мирныхъ пресвитеріанъ въ

¹⁾ Ch. Letourneau, L'évolution politique dans les diverses races humaines, стр. 103—104.

²⁾ Guizot, Histoire de la révolution d'Angleterre, t. III, стр. 212.

Шотландіи горцевъ, которые безнаказанно ихъ грабили и убивали ¹⁾. Неаполитанскій король, возстановленный на престолъ послѣ паденія Наполеона, принялъ на службу цѣлую шайку разбойниковъ, которую онъ же впослѣдствіи велѣлъ истребить ²⁾.

Политическое угнетеніе, независимое отъ классового, не могло быть игнорируемо школою Маркса. Характеристика, которую она даетъ, на-примѣръ, римскому политическому гнету, такова, что остается непонятнымъ, какъ примирить съ нею теорію, которая строитъ историческій процессъ на классовой борьбѣ, какъ на фундаментѣ. Вотъ что пишетъ Энгельсъ о гнетѣ римскаго деспотизма: «Римское государство сдѣлалось исполинской машиной для выжиманія соковъ изъ подданныхъ. Налоги, подати, повинности и всякаго рода сборы обездоливали и безъ того обнищавшее населеніе. Гнетъ сдѣлался нестерпимымъ вслѣдствіе вымогательства намѣстниковъ, сборщиковъ податей и солдатъ. Съ своимъ мировымъ владычествомъ римское государство дошло до того, что стало оправдывать свое существованіе необходимостью поддерживать внутренній порядокъ и защищать свои окраины отъ вторженія варваровъ. Его порядокъ былъ, однако, хуже самаго ужаснаго беспорядка, а въ варварахъ граждане видѣли желанныхъ избавителей. Общественное состояніе было не менѣе тягостно. Уже въ послѣднія времена республики римское господство выродилось въ необузданную эксплуатацію завоеванныхъ провинцій. Имперія не только не уничтожила эту эксплуатацію, но даже возвела ее въ общее правило. Чѣмъ болѣе приходило въ упадокъ государство, тѣмъ тяжелѣе становились подати и налоги, тѣмъ беспощаднѣе грабили и вымогали чиновники... Доходы торговцевъ поглощались чиновниками» ³⁾. Не менѣе ярко описываетъ и Каутскій бѣдствія, причиняемыя римскимъ деспотизмомъ всему населенію: «Бюрократія и армія, короче государственная власть, стали такимъ образомъ въ все болѣе и болѣе сильную противоположность къ классамъ не только эксплуатируемымъ, но и эксплуатирующимъ. И для послѣднихъ государство все болѣе и болѣе превращалось изъ защитника и покровителя въ учрежденіе грабящее и разрушающее» ⁴⁾. Если мы къ подобной характеристикѣ римскаго деспотизма прибавимъ замѣчаніе Энгельса, что средневѣковое дворянство произошло главнымъ образомъ отъ рабовъ и вольноотпущенныхъ германскихъ военачальниковъ - королей, ставшихъ повелителями бывшихъ римскихъ провинцій ⁵⁾, то получится картина, довольно близко подходящая къ воззрѣнію Дюринга на роль силы въ исторіи. Вотъ что, на-примѣръ, пишетъ Дюрингъ: «Римская имперія была дѣйствительно образцомъ государства, основан-

¹⁾ August. Thierry, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, t. II, стр. 357—359.

²⁾ Ch. Seignobos, Histoire politique de l'Europe contemporaine, Paris, 1897, стр. 309.

³⁾ Энгельсъ, Происхожденіе семьи, собственности и государства, стр. 331.

⁴⁾ Kautsky, Der Ursprung des Christentums, стр. 68—69.

⁵⁾ Энгельсъ, I. с., стр. 129.

наго на завоеваніи и насиліи... Большія государства, образовавшіяся въ послѣдніе вѣка, суть не что иное, какъ продуктъ распространенія власти династій, осуществленнаго главнымъ образомъ путемъ внутреннихъ и вѣшнихъ завоеваній и лишь побочнымъ образомъ путемъ наслѣдованія. Новѣйшее государство въ этомъ смыслѣ является существеннымъ образомъ династією или группою лицъ, ставшихъ на мѣсто династій» ¹⁾).

Нужно ли доказывать, что политическое угнетеніе подданныхъ абсолютно-монархическимъ и полицейскимъ государствомъ, развившимся изъ феодализма, представляетъ много чертъ, общихъ съ угнетеніемъ подданныхъ въ варварскихъ и восточныхъ деспотіяхъ, въ Римской имперіи, въ Византіи? То же отчужденіе политической воли народа въ пользу династии и служащей ей корпораціи. То же представленіе о государствѣ, какъ о собственности династии. То же механическое спаиваніе и расчлененіе народовъ вслѣдствіе войнъ, браковъ и завѣщаній. То же пренебреженіе интересами страны ради интересовъ ея господина. То же поработеніе сознанія и совѣсти подданныхъ. Тотъ же административный произволъ, тѣ же бюрократическія путы. То же обремененіе народа повинностями и налогами для содержанія двора, арміи, чиновничества, для дипломатіи, для войны. То же произвольное покровительство тому или другому классу или, напротивъ того, произвольное преслѣдованіе того или другого класса населенія въ интересахъ династической политики. Чѣмъ лучше восточныхъ или римскихъ деспотовъ такіе монархи, какъ Филиппъ II, Генрихъ VIII, Лудовикъ XIV? Эксплоатація французскаго крестьянина королевскою казною врядъ ли была легче эксплоатаціи римскаго подданнаго императорскимъ фискомъ. По вычисленію Тэна, изъ 100 франковъ, которые зарабатывалъ французскій крестьянинъ, онъ отдавалъ 53 государству, 14—сеньеру, 14—церкви, и только 18—19 могъ оставлять для себя. Если этотъ расчетъ вѣренъ, то во сколько разъ политическое угнетеніе французскаго крестьянина государствомъ превышало классовое угнетеніе его помѣщикомъ или церковью! Даже сборщикъ податей въ до-реформенной Франціи, который, по выраженію Токвиля, самъ былъ «и тираномъ, и мученикомъ», напоминаетъ несчастнаго римскаго декуріона, отвѣтственнаго за налоги передъ государствомъ ²⁾. Это до такой степени вѣрно, что Фюстель-де-Куланжъ, описывая положеніе римскихъ куріаловъ, не могъ удержаться отъ сравненія ихъ съ французскими сборщиками податей въ XVIII вѣка ³⁾.

Угнетеніе населенія Пруссіи прусско-королевскимъ абсолютизмомъ и населенія Австріи императорскимъ абсолютизмомъ и системою Меттерниха представляется, даже въ изложеніи Маркса, угнетеніемъ

¹⁾ E. Dühring, *Cursus der Philosophie*, Leipzig, 1875, стр. 319.

²⁾ Токвиль, I. c., стр. 144—145.

³⁾ Fustel de Coulanges, *L'invasion germanique et la fin de l'Empire* стр. 58—59.

не классовымъ, а политическимъ: это видно изъ того, что абсолютизмъ, допуская эксплуатацію низшихъ классовъ высшими, въ то же время дѣлалъ, согласно Марксу, изъ всѣхъ классовъ орудія своей собственной политики и изъ того, что, наканунѣ революціи 1848 года, всѣ классы населенія, за немногочисленными исключеніями, были враждебно настроены противъ абсолютизма ¹⁾.

Ни въ чемъ не сказывается такъ жестоко вся тяжесть политическаго угнетенія, какъ въ тѣхъ войнахъ, которыя велись и ведутся въ интересахъ монарховъ и владѣтельныхъ домовъ. Ради территоріальныхъ пріобрѣтеній, ради славы, ради стремленія унижить соперниковъ, ради спорта, ради личныхъ интересовъ фаворитовъ и фаворитокъ, ради мнимыхъ національныхъ интересовъ, ловко эксплуатируемыхъ правительствами въ своихъ видахъ, приносятся въ жертву тысячи и миллионы человѣческихъ жизней, гибнутъ производительныя силы націй, развиваются кровожадные инстинкты, и общества впадаютъ въ состояніе одичанія. Варварскіе народы, Востокъ, древній міръ, эпоха феодализма, новая исторія и современность знали и знаютъ, страдали и страдаютъ отъ массоваго взаимоистребленія, возобновляемаго каждый разъ въ династическихъ интересахъ. Такой историкъ, всецѣло проникнутый оптимистическими и даже апологетическими тенденціями, какъ Фюстель-де-Куланжъ, далъ въ высшей степени рѣзкую характеристику политики Меровинговъ и ихъ войнъ: онѣ были не борьбою странъ, или партій, а войнами изъ-за личныхъ интересовъ, личныхъ капризовъ, личнаго честолюбія, жадности, зависти, ненависти преступныхъ и безнравственныхъ королей-деспотовъ, смотрѣвшихъ на государство, какъ на свое имущество, и потому дѣлившихъ землю, города, доходы отъ налоговъ и дававшихъ ихъ въ приданое дочерямъ ²⁾. Но эта характеристика въ значительной степени примѣнима и къ войнамъ, которыя велись въ другія эпохи, а въ частности и въ послѣднія столѣтія. «Политика равновѣсія», «испанское наслѣдство», «австрійское наслѣдство» — одни эти термины, служившіе названіями войнъ или для указанія ихъ мотивовъ, свидѣлствуютъ о династическомъ ихъ характерѣ. Извѣстно, что идеологи великой французской революціи смотрѣли на войны, какъ на дѣло только королей; они вѣрили, что войны прекратятся навсегда, послѣ того какъ всѣ народы станутъ свободны. Но подобный взглядъ лишь отчасти вѣренъ. Если большинство войнъ въ послѣдніе вѣка имѣютъ династическій характеръ, то въ другихъ войнахъ могли дѣйствовать мотивы религіозные, національные или экономическіе (національно-экономическіе и классовые), въ чистомъ видѣ или же сплетенные съ интересами династическими. Признаніе значенія политическихъ и династическихъ антагонизмовъ, лежавшихъ въ основѣ войнъ,

¹⁾ Марксъ, Революція и контръ-революція въ Германіи, стр. 14—17 и 20—27.

²⁾ Fustel de Coulanges, Les transformations de royauté pendant l'époque Carolingienne, стр. 2—8 и 16—26.

не должно служить основаніемъ для игнорированія другихъ антагонизмовъ, которые тоже вели къ международнымъ вооруженнымъ столкновеніямъ. Съ другой стороны, долгое воспитаніе народовъ въ традиціяхъ династической политики оставило многочисленныя психологическія пережитки, которые уродуютъ и безъ того одностороннее національное сознаніе массъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ту рутину дипломатической и милитаристской культуры, которая постоянно грозитъ опасностью международныхъ столкновений.

Но какъ далеко все это отъ мнѣнія, высказываемаго часто послѣдователями Маркса и не менѣе часто фигурирующаго въ резолюціяхъ рабочихъ и социалистическихъ конгрессовъ, что современныя, напри-
мѣръ, войны составляютъ продуктъ капитализма! Это—интересный образчикъ того, какъ часть и при томъ незначительная часть цѣлаго принимается за цѣлое. Вѣдь войны происходили тогда, когда о капитализмѣ не было еще и помину, и даже товарное обращеніе было ничтожно; почему же современныя войны должны быть продуктомъ капитализма? Война между Греціею и Турціею въ интересахъ капитализма. Франко-прусская война въ интересахъ капитализма. Крымская кампанія въ интересахъ капитализма. Наполеоновскія войны въ интересахъ капитализма. Почему не подняться еще выше и не умозаключить, что Семилѣтняя война, войны Людовика XIV, Тридцатилѣтняя война, войны XVI вѣка, война Алой и Бѣлой Розы и даже Столѣтняя война были продуктомъ капитализма?—Но наиболѣе видные представители школы Маркса все же не могли игнорировать династическаго характера однѣхъ и національно-политическаго характера другихъ войнъ. Лас-саль: «Изъ-за чего только не вели войны? Въ прошломъ столѣтіи ихъ вели за каждую фаворитку, въ настоящемъ вѣкѣ ихъ ведутъ еще за всякую завоевательную манію государей или за какой-нибудь ограниченный интересъ буржуазіи въ сбытѣ товаровъ». Въ воззваніяхъ генеральнаго совѣта Интернаціонала, по поводу франко-прусской войны, Марксъ говоритъ о «династическихъ интригахъ», которыя «могутъ толкнуть Германію на путь грабительскаго присвоенія французскихъ областей»; онъ сочувственно цитируетъ манифесты и резолюціи секцій Интернаціонала, въ которыхъ франко-прусская война опредѣляется, какъ «война династическая» ¹⁾. Въ своей книгѣ, посвященной критикѣ идей Бернштейна, Каутскій говоритъ о войнахъ прусско-австрійской и франко-прусской, какъ о «войнахъ династическихъ, а не народныхъ движеніяхъ» ²⁾. Въ своихъ этюдахъ о французской революціи тотъ же Каутскій много говоритъ о той династической политикѣ прусскаго двора и австрійскаго двора, которая, вслѣдствіе интригъ, порожденныхъ особыми стремленіями и взаимнымъ недовѣріемъ обѣихъ монархій, внесла разстройство во внѣшнія силы, заключившія союзъ

¹⁾ Марксъ, Гражданская война во Франціи, стр. 24, а также 16, и 17 и 18.

²⁾ Каутскій, Le Marxisme et son critique Bernstein, Paris, 1900, стр. 305.

противъ революціонной Франціи, была причиною ихъ военныхъ поражень и тѣмъ спасла революцію ¹⁾. Что отсюда слѣдуетъ? То, что разъ извѣстныя историческія комбинаціи и въ частности внѣшніе конфликты представляются самими марксистами, какъ продуктъ династической политики и династическихъ интересовъ, то догма о классовой борьбѣ, какъ о базисѣ всѣхъ антагонизмовъ и въ частности внѣшнихъ политическихъ антагонизмовъ и войнъ, не можетъ быть ими же приемлема.

Политическое порабощеніе всегда создавалось мыслящими людьми, не испытывавшими угнетенія классового, какъ самое величайшее социальное зло; и лишь съ ростомъ сознательности въ широкихъ слояхъ населенія, со смягченіемъ политическихъ антагонизмовъ въ наиболѣе культурныхъ странахъ міра и развитіемъ идеи всеобщей эмансипаціи личности и общества, центръ тяжести социальной борьбы передвинулся, повидимому, въ сторону классовыхъ антагонизмовъ. Въ теченіе тысячелѣтій политическая мысль культурнаго человѣчества видѣла самыхъ лютыхъ враговъ общества въ деспотахъ, тиранахъ, завоевателяхъ. Строки, посвященныя Цицерономъ политической тиранніи, дышатъ ненавистью и негодованіемъ. Сенека страстно бичуетъ, а Лукіанъ предастъ посмѣянію завоевателей и въ особенности Александра Македонскаго. Одинъ историкъ, жившій въ эпоху нашествія варваровъ восклицаетъ по поводу кровопролитныхъ войнъ своей эпохи: «Неужели ненависть сразу вооружила всѣ эти народы другъ противъ друга? нѣтъ, правильнѣе будетъ сказать, что человѣческая раса живетъ для королей, такъ какъ достаточно каприза могущественнаго властелина, чтобы обречь на смерть цѣлыя націи». Политическія тирады античныхъ писателей являются какъ бы во второмъ изданіи у публицистовъ и философовъ новаго времени отъ де-ла-Боэси до энциклопедистовъ XVIII вѣка и дѣятелей французской революціи. Даже Фридрихъ II, будучи еще кронпринцемъ, писалъ: «Завоеватель—это знаменитый воръ». Извѣстно, въ какой мѣрѣ онъ впослѣдствіи, ставъ королемъ, оправдалъ свое собственное изреченіе. Вольтеръ ему писалъ: «Вы сочиняете хорошіе стихи, но вы смѣтаетесь надъ людьми».

Политическіе антагонизмы вызываютъ политическую борьбу и политическія революціи. Существенная черта политической революціи заключается въ томъ, что она направлена противъ опредѣ-

¹⁾ Kautsky, Die Klassengegesätze von 1789, въ Neue Zeit, 1889, стр. 152—157. — Въ этомъ изслѣдованіи Каутскій говоритъ часто объ интересахъ Двора, какъ объ интересахъ одной изъ борющихся социальныхъ силъ. Интересна параллель, которую онъ проводитъ между отношеніемъ монарха къ своему государству и отношеніемъ пастуха къ овцамъ, которыхъ онъ стрижетъ,—нѣчто въ родѣ „относительной солидарности“ (стр. 146). Тенденція сводить всѣ мотивы на материальныя интересы заставляетъ его въ то же время и жажду славы отнести къ утилитарнымъ мотивамъ. Ж. Сорель обращаетъ вниманіе на подобную (въ сущности словесную) интерпретацію событій и интересовъ съ точки зрѣнія историческаго матеріализма (G. Sorel, Insegnamenti sociali della economia contemporanea, Milano, 1907, стр. 120).

леннаго политическаго строя и совершается ради политическаго интереса. Этотъ политическій интересъ во всякомъ случаѣ требуетъ измѣненія характера политическаго управленія страной, въ смыслѣ либо введенія или обостренія, либо упраздненія, либо смягченія политическаго гнета. Сверхъ того измѣненіе характера политической власти можетъ имѣть въ виду исполненіе ея въ интересахъ религіозныхъ, національных и особенно классовыхъ. Политическая революція можетъ быть, слѣдовательно, результатомъ дѣйствія сложной системы интересовъ, куда могутъ входить, напримѣръ, интересы классовые, но куда во всякомъ случаѣ входитъ интересъ число политическій, какъ напр. интересъ освобожденія страны отъ гнета политическаго. Только въ томъ случаѣ, когда политическая революція совершается въ интересахъ только одного опредѣленнаго класса, политическая революція имѣетъ классовой характеръ. Всякая другая политическая революція, разъ она, напримѣръ, себѣ ставитъ цѣлью освобожденіе всего общества, всей страны отъ политическаго гнета (или, напр., обратно), не вводя какихъ-либо новыхъ классовыхъ привилегій, должна считаться народно-политическою, а не классовою. Подобная политическая революція не становится классовою отъ того, что въ ней особенно видное участіе принималъ, въ виду своего особаго положенія, одинъ классъ, сравнительно съ другими классами, или что этотъ классъ—хотя и не обладая особыми политически-классовыми привилегіями—лучше другихъ классовъ использовалъ ее въ своихъ интересахъ. Если революція преслѣдуетъ не только политическое освобожденіе общества, но и соціально-экономическія преобразованія, измѣняющія, напримѣръ, отношеніе господства однихъ классовъ надъ другими, то революція имѣетъ характеръ одновременно политическій и классовой, при чемъ недопустимо, конечно, приурочиваніе ея къ одному только классу и къ интересамъ только этого класса, въ отличіе отъ другихъ классовъ, въ меньшей степени воспользовавшихся ея плодами. Подобный смѣшанный характеръ имѣли англійскія революціи XVII вѣка, великая французская революція и нѣкоторыя революціи XIX вѣка. Другія революціи, происходившія въ XIX вѣкѣ, имѣли характеръ чисто политическій или политически-національный.

Съ этой точки зрѣнія, неправильно квалифицировать, напримѣръ, англійскую революцію и французскую революцію, какъ революціи буржуазныя. Прежде всего, это — революціи, имѣвшія въ виду и осуществившія не только соціально-экономическія преобразованія, но и, главнымъ образомъ, политическія; это были, слѣдовательно, революціи не только классовыя, но и народно-политическія. Обѣ революціи боролись противъ политическаго абсолютизма и административнаго произвола, отъ котораго страдала вся страна и которому хотѣли положить конецъ всѣ классы общества. Въ первой англійской революціи, по крайней мѣрѣ въ началѣ ея, противъ короля и за парламентъ были не только буржуазія и средніе классы, но и народъ и значительная часть аристократіи. И богатые и

бѣдные страдали онѣ притѣсненія короля, который думалъ только о своей власти и своихъ интересахъ. Всѣ нонѣ-конформисты—и пресвитеріане, и индипенденты, и всякіе сектанты—страдали отъ епископально-англиканской нетерпимости короля и отъ религіозныхъ преслѣдованій господствующей церкви, дѣйствовавшей согласно видамъ политическаго деспотизма. Вся страна страдала отъ деспотическаго правленія короля и попиранія имъ ея основныхъ политическихъ правъ ¹⁾. Такимъ же самымъ образомъ и вторая англійская революція 1688 г., хотя и совершенная представителями среднихъ и высшихъ классовъ, имѣла въ виду интересы не опредѣленнаго класса, а интересы всей націи противъ политическаго произвола и католическаго деспотизма Іакова II. Какъ высказалъ Арманъ Каррель, призваніе ими на англійскій престолъ принца Вильгельма Оранскаго вытекало изъ стремленія совершить переворотъ мирнымъ путемъ и избѣгнуть приближавшейся народной революціи, которая могла имѣть для высшихъ классовъ и для страны послѣдствія, идущія гораздо дальше первоначальныхъ цѣлей революціи, какъ это нѣкогда произошло во время борьбы съ Карломъ ²⁾. Что касается великой французской революціи, то, несмотря на выдающееся участіе въ ней буржуазіи и „третьяго сословія“, то, какъ революція политическая, она не была переворотомъ, совершеннымъ въ интересахъ одного только класса. Вся нація стремилась къ освобожденію отъ абсолютистско-бюрократическаго гнета и къ политическому преобразованію государства. Въ отношеніи требованія политическихъ реформъ, привилегированныя сословія не отставали отъ другихъ классовъ. И до сихъ поръ вся французская нація пользуется плодами политическихъ завоеваній революціи. То, что буржуазія, пріобрѣвшая особое значеніе вслѣдствіе развитія экономической жизни страны, играла особо важную роль въ революціяхъ англійской и французской, не можетъ, повторяемъ, быть основаніемъ для того, чтобы разсматривать эти революціи, какъ буржуазныя, насколько онѣ имѣли характеръ политическій. Постольку же, поскольку эти революціи имѣли или могли имѣть въ результатѣ соціально-экономическія преобразованія, измѣнявшія взаимныя отношенія классовъ, онѣ лишь въ условномъ и ограниченномъ смыслѣ были буржуазными: буржуазія выиграла отъ нихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, больше, чѣмъ другіе непривилегированные классы, а цензовыя конституціи 1791 и III года и такія законодательныя мѣры, какъ законъ Ле-Шапеллье, воспрещавшій стачки рабочимъ, имѣли, несомнѣнно, буржуазно-классовой характеръ. Но никто не станетъ отрицать, что и крестьянству, и пролетаріату, какъ классамъ, французская революція принесла крупныя завоеванія: первому упраздненіе феодальныхъ повинностей и увеличеніе земельной собственности, вслѣдствіе продажи національныхъ имуществъ, второму—свободу труда.

¹⁾ Guizot, Histoire de la révolution d'Angleterre, t. I, стр. 85—86, 87—88, 99—100, 104, 118—119, 122, 157 и 286—288; t. II, стр. 453, 449—450 и 468.—Armand Carrel, Histoire de la contre-révolution en Angleterre, Paris, 1827, стр. 30 и 43—48.

²⁾ Armand Carrel, l. c., 375—376.

Въ англійскихъ революціяхъ элементъ классовой борьбы въ тѣсномъ смыслѣ не игралъ значительной роли. Гизо, историкъ, на котораго часто ссылаются ученики Маркса, какъ на изслѣдователя, выдвигавшаго въ своихъ работахъ съ особою силою взаимныя отношенія и антагонизмы классовъ, какъ основную причину историческихъ событій, говорить, напримѣръ, по поводу военныхъ дѣйствій, открывшихся между парламентомъ и Карломъ I, слѣдующее: „хотя высшая аристократія была въ сильномъ упадкѣ, а новая сила общинъ была истинною причиною національнаго движенія, — страна подымалась не противъ кого иного, какъ противъ государя и его тиранніи; различные классы общества вовсе не находились въ борьбѣ между собою и вовсе не испытывали необходимости притѣснять другъ друга, съ цѣлью защищаться или бороться за свое освобожденіе“ ¹⁾. Партія кавалеровъ была противъ круглоголовыхъ, въ большей степени политическою партією, примкнувшею къ королю, чѣмъ классовою партією, преслѣдовавшею защиту интересовъ класса. Лишь развитіе самой революціи привело къ упраздненію палаты лордовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ отмѣнѣ политическихъ привилегій аристократіи. Лишь въ атмосферѣ революціоннаго подъема страны получили развитіе и популярность идеи нивелеровъ, проникнутыя коммунистическими тенденціями. Лишь армія, сама продуктъ революціи, дала диктатуру Кромвеллю, и лишь притязанія арміи и военная анархія, послѣ смерти Кромвелля, привели къ реставраціи. Что же касается революціи 1688 г., то о классовой борьбѣ въ ней нѣтъ и помину, а принялъ ее весь англійскій народъ.

V.

Положенія, формулированныя школою Маркса о связи между политикою и экономією общества, между политическою и классовою борьбою, какъ вытекаетъ изъ всего предыдущаго, либо ложны, либо ведутъ къ недоразумѣніямъ.

„Никогда не существовало политическаго движенія, которое не было бы въ то же время и соціальнымъ“, — таково утвержденіе Маркса ²⁾. Или слово „соціальный“ употреблено здѣсь въ смыслѣ „классовой“, и тогда это положеніе ложно. Или данное положеніе должно быть понято въ томъ смыслѣ, что всякое политическое движеніе происходитъ въ опредѣленной соціальной обстановкѣ, и тогда оно бесполезно, какъ само собою понятное и несомнѣнное. Или оно имѣетъ тотъ смыслъ, что въ основѣ всякаго политическаго движенія лежатъ экономическіе интересы, и тогда оно, во-первыхъ, не совсѣмъ вѣрно, а, во-вторыхъ, оно оставляетъ открытымъ вопросъ о признакѣ и природѣ тѣхъ соціальныхъ

¹⁾ Guizot, Histoire de la révolution d'Angleterre, t. II, стр. 27. Курсивъ нашъ.

²⁾ Марксъ. Ницета Философін, стр. 147.

группъ, экономическіе интересы которыхъ являются движущею силою политическаго движенія. Или, наконецъ, это положеніе должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что политическое движеніе представляетъ собою одинъ изъ видовъ многочисленнаго ряда независимыхъ другъ отъ друга социальныхъ антагонизмовъ, и тогда оно не укладывается въ рамки теоріи классовой борьбы.

Невѣрными или спутанными представляются характеристики абсолютныхъ монархій, какъ классовыхъ учрежденій. Въ своей защитительной рѣчи передъ судомъ присяжныхъ въ Кельнѣ, Марксъ выражается о дореформенной прусской монархіи слѣдующимъ образомъ: „Корона была представителемъ феодальнаго и бюрократическаго общества, какъ Національное Собраніе было представителемъ новаго буржуазнаго общества“. Въ „Восемнадцатомъ Брюмерѣ“ Марксъ говоритъ: „При абсолютной монархіи, во время первой революціи, при Наполеонѣ, бюрократія была лишь средствомъ подготовленія классоваго господства буржуазіи“¹⁾. Въ „Гражданской Войнѣ“ Марксъ говоритъ аналогичнымъ образомъ: „Центральная государственная власть со своими вездѣсущими органами, основанными на принципѣ систематическаго и іерархическаго раздѣленія труда: регулярной арміею, полиціею, бюрократіею, духовенствомъ и судьями,—существуетъ со временъ абсолютной монархіи, когда она служила сильнымъ орудіемъ нарождавшемуся буржуазному обществу въ борьбѣ его съ феодализмомъ“. Въ другомъ мѣстѣ той же книги Марксъ говоритъ по поводу монархіи, что она „является въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, обычнымъ балластомъ и неизбѣжной маской классоваго господства“²⁾. Съ другой стороны Энгельсъ, по поводу борьбы между буржуазіею и феодальнымъ дворянствомъ, говоритъ слѣдующее: „Въ теченіе всего времени этой борьбы, политическая власть была на сторонѣ аристократіи, за исключеніемъ только одного періода, когда королевская власть пользовалась буржуазіею противъ аристократіи, чтобы имѣть верхъ надъ однимъ сословіемъ при помощи другого; но съ того момента, когда буржуазія, политически все еще столь же безсильная, начинала становиться опасною, благодаря росту своей экономической силы, королевская власть соединилась снова съ аристократіею и этимъ вызвала сначала въ Англіи, а потомъ во Франціи, революцію со стороны буржуазіи“³⁾.

Итакъ, монархія — то представительница феодально-бюрократическаго общества, то, вмѣстѣ со всѣмъ аппаратомъ государственной власти, орудіе для возвышенія буржуазіи противъ феодализма; то заключаетъ союзъ съ буржуазіею противъ аристократіи, то съ аристократіею противъ буржуазіи. Бюрократія, этотъ продуктъ и орудіе абсолютной королевской власти—какъ нѣкогда римская бюрократія была продуктомъ

¹⁾ Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 89.

²⁾ Марксъ, Гражданская война во Франціи, стр. 44 и 50.

³⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 138.

и орудіемъ римскаго императорскаго деспотизма—представляется то, наравнѣ съ феодализмомъ, элементомъ общественной системы, представителемъ котораго является королевскій абсолютизмъ, то служить орудіемъ въ борьбѣ буржуазіи противъ этого самаго феодализма. Въ то же время монархія характеризуется, какъ „обычный балластъ и неизбежная маска классоваго господства“, съ оговоркою: „въ Европѣ, по крайней мѣрѣ“. Съ другой стороны, и у самого Маркса, и у другихъ представителей школы встрѣчаются нерѣдко указанія на собственные интересы монархій и династій, какъ на движущую причину ихъ политики, направленной противъ господствующихъ классовъ. Сколько путаницы, сколько внутренняго несоотвѣтствія въ формулировкахъ, не говоря уже о внѣшнемъ несоотвѣтствіи самой исторіи.

Особенно интересны оговорки, дѣлаемыя Энгельсомъ въ отношеніи пониманія государства, какъ орудія политическаго властвованія экономически господствующаго класса. «Такъ какъ государство,—говоритъ Энгельсъ,—произошло изъ необходимости сдерживать проявленіе классоваго антагонизма и установилось въ самый разгаръ борьбы между различными классами, то оно въ большинствѣ случаевъ служитъ наиболѣе могущественному, экономически господствующему классу, который, благодаря его содѣйствію, становится и политически властвующимъ сословіемъ и, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ новое средство для угнетенія и эксплуатаціи низшаго класса» ¹⁾.

Сдѣланная Энгельсомъ оговорка показываетъ, что и онъ не считаетъ возможнымъ распространять формулированное положеніе на всѣ случаи государственной власти. Но каковъ характеръ государственной власти въ случаяхъ, не укладывающихся въ общую схему? На это Энгельсъ отвѣчаетъ слѣдующее: «Въ исключительные періоды, когда ни одна изъ борющихся сторонъ не можетъ получить перевѣса, государственная власть, бывшая до тѣхъ поръ лишь мнимою посредницею, пріобрѣтаетъ нѣкоторую самостоятельность относительно обѣихъ. Абсолютная монархія XVII и XVIII вѣка балансировала между дворянствомъ и буржуазіею. Бонапартизмъ первой и, въ особенности, второй имперіи поддерживалъ равновѣсіе между буржуазіею и пролетаріатомъ, оказывая помощь то одной, то другому. Послѣднимъ продуктомъ этого рода искусства является германская имперія бисмарковской націи. И господствующие и подневольные оказываются тамъ въ одинаково комическомъ положеніи: правительство эквилибрируетъ между капиталистомъ и рабочимъ и обманываетъ обоихъ ради разоряющагося прусскаго юнкера» ²⁾. Эта своеобразная теорія равновѣсія классовъ, производимаго вмѣшательствомъ внѣклассовой монархіи, представляетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ теоріею внѣклассовой со-

¹⁾ Энгельсъ, Происхожденіе семьи, собственности и государства, стр. 154—155.

²⁾ Ibid, стр. 155.

ціальної монархії и ви́класового просвіщеннаго деспотизма. Этого не отрицаетъ и Каутскій, который тоже иногда, при анализѣ монархії съ классовой точки зрѣнія, прибѣгаетъ къ ней¹⁾. Нѣчто аналогичное теоріи равновѣсія было высказано и Лоріа²⁾. Самъ Марксъ, характеризуя австрійскій абсолютизмъ, ассоціировалъ политику Меттерниха съ искусствомъ держать подвластные народы и классы въ состояніи равновѣсія: «Правленіе князя Меттерниха заключалось въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ томъ, чтобы держать каждый изъ подвластныхъ Австріи народовъ въ покорности съ помощью всѣхъ остальныхъ; во-вторыхъ, въ томъ,—и это всегда было основнымъ принципомъ неограниченныхъ монархій,—чтобы опираться на два класса, феодальныхъ землевладѣльцевъ и крупныхъ финансистовъ, уравнивая власть и силу одного класса другимъ такъ, чтобы правительству оставалась полная независимость дѣйствій»³⁾).

Когда въ механикѣ говорятъ о равновѣсіи трехъ неравныхъ между собою силъ, то это значитъ, во-первыхъ, что каждая изъ этихъ силъ существуетъ въ отдѣльности, и, во-вторыхъ, что каждая изъ этихъ силъ имѣетъ опредѣленную величину, отъ которой зависитъ степень воздѣйствія на состояніе движенія или покоя цѣлой системы. Когда говорятъ, что монархія, соединяясь то съ однимъ, то съ другимъ классомъ, производитъ то одно, то другое состояніе политическаго равновѣсія, то это значитъ, что она представляетъ собою не «маску», не «отраженіе», не «органъ» или «орудіе» какой-либо изъ антагонистическихъ соціальныхъ группъ, а особую силу, и при томъ силу, обладающую опредѣленною величиною, достаточною для того, чтобы вмѣстѣ съ однимъ изъ борющихся классовъ образовать комбинацію, способную по крайней мѣрѣ противостоять другому классу или всѣмъ другимъ классамъ. Но разъ абсолютная монархія можетъ обладать такою силою, то ни на чемъ не будетъ основано отрицаніе возможности обладанія ею и еще болѣе сильною, достаточною для того, чтобы держать въ полной зависимости отъ себя всѣ классы. Все зависитъ отъ степени и соотношенія силъ. Классовая основа государственной власти и монархії теряетъ смыслъ и примѣненіе⁴⁾. Абсолютная монархія, которая, по

¹⁾ Каутскій, *Republik und Sozialdemokratie in Frankreich*, въ *Neue Zeit*, 1904—1905, XXIII, стр. 261, а также *Die Klassengegensätze von 1789*, въ *Neue Zeit*, 1889, стр. 146.—Ср. С. Schmoller, *Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre*, II B., стр. 463 и 546.

²⁾ Loria, *Basi economiche*, стр. 241.

³⁾ Марксъ, *Революція и Контръ-революція*, стр. 22.

⁴⁾ Классовый анализъ политическаго абсолютизма съ точки зрѣнія производимаго имъ равновѣсія классовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ неудачныя математико-психологическія попытки Курно, Сент-Венана и Буссинеска примирить свободу воли съ детерминизмомъ и съ закономъ сохраненія энергіи указаніемъ на достаточность безконечнаго малаго напряженія воли для разрушенія психическаго равновѣсія, производимаго нейтрализующими другъ друга противоположными мотивами, или для разрѣшенія индетерминизма, получаемаго въ движеніи мозговыхъ частицъ, вслѣдствіе допущенія особыхъ интеграловъ въ системѣ уравненій, связывающихъ движеніе этихъ частицъ. Различіе же между этими „теоріями равновѣсія“ заключается въ томъ, что первая пытается на фактѣ „равновѣсія классовъ“ обосновать условность и ограниченность самостоятельнаго значенія монар-

своему политическому признаку, не есть классъ и въ то же время не представляет собою класса, ведетъ политику, соотвѣтствующую ея собственнымъ интересамъ, а не интересамъ цѣлаго общества или опредѣленнаго его класса, опираясь на силу государственной власти, которая не есть сила классовая и въ то же время не можетъ быть противопоставлена цѣлому обществу, при чемъ относительная солидарность, связывающая правителя въ извѣстномъ отношеніи съ обществомъ или въ извѣстныхъ случаяхъ съ тѣмъ или другимъ классомъ общества, можетъ служить мотивомъ и политики, выгодной для всего общества или только для отдѣльнаго класса общества.

Не въ меньшей степени, чѣмъ отъ оговорокъ, касающихся монархіи, какъ силы, способной держать въ равновѣсіи противоположные классы общества, теорія классовой борьбы страдаетъ и отъ оговорокъ другого рода, дѣлаемыхъ представителями школы въ признаніи ими возможности обособленія государственной власти отъ того общества, которому она призвана служить и вмѣстѣ съ тѣмъ въ возможности той же государственной власти противопоставлять себя этому обществу, въ качествѣ независимой отъ него силы. Такъ, Энгельсъ, выводя происхожденіе государственной власти изъ необходимости новаго раздѣленія органовъ для охраненія общихъ и для защиты спорныхъ интересовъ, прибавляетъ къ этому слѣдующее: «Эти органы, которые, въ качествѣ представителей общихъ интересовъ цѣлой группы, занимаютъ уже по отношенію къ каждой отдѣльной общинѣ обособленное, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже и враждебное положеніе, вскорѣ получаютъ еще большую самостоятельность отчасти вслѣдствіе превращенія должностей въ наслѣдственныя... отчасти же вслѣдствіе увеличенія необходимости въ этихъ органахъ, вызываемаго увеличеніемъ числа столкновеній съ другими группами. Намъ нѣтъ необходимости останавливаться здѣсь болѣе подробно надъ тѣмъ, какъ пріобрѣтеніе общественной должностью самостоятельности по отношенію къ обществу со временемъ могло развиться до господства надъ обществомъ, какъ первоначальный слуга, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, постепенно превратился въ господина, какъ, смотря по обстоятельствамъ, этотъ господинъ выступалъ то какъ восточный деспотъ или сатрапъ, то какъ греческій глава рода, то какъ кельтскій начальникъ клана и т. п.»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ говоритъ: «Въ чемъ состояла до сихъ поръ характерная особенность государства? Простымъ раздѣленіемъ труда общество создало себѣ особыя органы для защиты своихъ интересовъ. Но со временемъ эти органы и первый среди нихъ—государственная власть, служа своимъ частнымъ интересамъ, стали изъ слугъ общества его повелителями. Такое явленіе происходитъ не только въ на-

хій, тогда какъ вторая пытается, напротивъ того, на „равновѣсіи мотивовъ“ и на разноразличности движеній, построить принципъ самостоятельной, или свободной воли.

¹⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 152, а также 156.

слѣдственныхъ монархіяхъ, но и въ демократическихъ республикахъ» ¹⁾. Подобные же взгляды мы находимъ у Лабріола и у Лоріа ²⁾.

Въ подобныхъ оговоркахъ прямо призывается возможность самостоятельнаго существованія, самостоятельныхъ интересовъ, самостоятельной политики монархіи, правительствъ и бюрократій, какъ политическихъ категорій, независимыхъ отъ общества и общественныхъ классовъ; признается возможность политическихъ антагонизмовъ, политическаго гнета, не вслѣдствіе классовыхъ отношеній, не въ силу опредѣленныхъ экономическихъ функцій или отношеній собственности между двумя сторонами, а вслѣдствіе обладанія силою государственной власти. Но подведеніе подъ одну скобку бюрократіи и абсолютизма, наслѣдственныхъ монархій и демократическихъ республикъ не отличается ни правильностью, ни логичностью. Всякая социальная сила должна считаться зависимою или независимою по отношенію къ другимъ социальнымъ силамъ, въ зависимости отъ того, имѣются или не имѣются у послѣднихъ какія-либо средства подчинять первую въ извѣстной хотя степени ихъ волѣ и интересамъ. Но бюрократія, равно какъ армія, представляются силами пассивными и послушными волѣ ихъ главы до тѣхъ поръ, покамѣстъ разстройство дисциплины не вводитъ разстройства въ той автоматичности бюрократическаго или военнаго механизма, при которой каждая отдѣльная часть безсильна противъ цѣлаго, содѣйствуя своимъ участіемъ въ дѣятельности механизма тѣмъ ритмическимъ его отправленіямъ, которыя превращаютъ его въ орудіе для постороннихъ механизму цѣлей. Только при особыхъ обстоятельствахъ, когда въ военный или бюрократическій механизмъ внесена пертурбація, послѣдній начинаетъ работать, либо въ собственныхъ интересахъ, либо въ интересахъ страны, либо въ интересахъ узурпаторовъ и т. д. Для этого необходимо, чтобы явилась форма организаціи и объединенія въ арміи и бюрократіи, помимо той, которая служитъ обычно для цѣлей дисциплины и для придачи механизму автоматическаго движенія. Такъ было въ римской арміи, въ эпоху паденія республики и въ періодъ господства солдатъ, такъ было въ военной бюрократіи Меровинговъ, такъ было въ парламентской арміи первой англійской революціи, такъ было въ многочисленныхъ военныхъ возстаніяхъ, и нѣчто подобное происходитъ нынѣ въ греческой арміи, организованной въ особую Военную Лигу. Въ обычныхъ условіяхъ армія и бюрократія представляютъ послушную силу въ рукахъ государственной власти, пользующейся ими, какъ механизмомъ силы. Если государственная власть представлена абсолютною монархіею, то механизмъ силы, находящійся въ распоря-

¹⁾ Марксъ, Гражданская война во Франціи, предисловіе Энгельса, стр. 12. Сюда относится также одно мѣсто изъ „Zur Wohnungstrage“ и одно мѣсто изъ послѣднихъ писемъ Энгельса въ *Sozialist. Akademiker*, 1895.—Ср. G. Sorrel, *Saggi di critica del marxismo*, стр. 121.

²⁾ Лабріола, Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію, стр. 54.—Лоріа, *Basi economiche*, стр. 238.

женіи послѣдней, можетъ быть направленъ, въ ея интересахъ, противъ цѣлаго общества. Освобожденіе общества можетъ быть достигнуто лишь тѣмъ, что силѣ противопоставляется однородная ей сила. Не то въ демократической республикѣ. Здѣсь, если профессиональные политиканы и получаютъ власть, то не тѣмъ, что они опираются на армію и бюрократію противъ народа, а тѣмъ, что вслѣдствіе особой профессиональной организованности и системы коррумпціи, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ,—они оказываютъ одностороннее давленіе на выборы и становятся легальнымъ представительствомъ народа и его воли. Здѣсь происходитъ борьба не физическихъ, а моральныхъ силъ. Въ легальныхъ рамкахъ той же демократической свободы, народъ, при ростѣ сознательности и организованности, можетъ легко побороть политическую коррумпцію и профессиональное политиканство.

И для Маркса узурпація Луи-Наполеона принимаетъ, по видимому, характеръ изолированія государственной власти отъ гражданского общества. «Только при второмъ Бонапартѣ, писалъ Марксъ, государство, по видимому, стало вполне самостоятельнымъ. Государственная машина настолько окрѣпла по отношенію къ гражданскому обществу, что ей достаточно имѣть во главѣ главу Общества Десятаго Декабря, пришлого авантюриста, поднятаго на щитъ пьяной солдатчиной, которую онъ купилъ водкою и колбасою, которую ему все снова приходится ублажать водкой и колбасой. Отсюда робкое отчаяніе, чувство невыразимаго униженія, уничтоженія, сдавливающее грудь Франціи и захватывающее у нея духъ. Она чувствуетъ себя обезчещенной» ¹⁾.

Но это только по видимому. «И однако, прибавляетъ тутъ же Марксъ, государственная власть не виситъ въ воздухѣ. Бонапартъ—представитель класса, и при томъ самаго многочисленнаго класса французскаго общества, представитель мелкихъ крестьянъ-собственниковъ».

Но и оговорка къ оговоркѣ Маркса не мѣняетъ сущности дѣла. Здѣсь дѣло не только въ томъ, что въ дѣйствительности Луи-Наполеонъ Бонапартъ представлялъ не интересы дѣйствительные крестьянства, а его иллюзіи, или, по выраженію Маркса, его «манію», его «суевѣріе», его «предразсудокъ», его «глубокое невѣжество», и что миллионы голосовъ, полученные вторымъ Бонапартомъ при избраніи его на президентство, были результатомъ политической темноты, уродливыхъ традицій націонализма и чувства сервилизма, воспитаннаго поколѣніями политическаго рабства въ широкихъ массахъ ²⁾. Здѣсь дѣло въ томъ, что герой 2-го декабря совершилъ свой переворотъ силою, и опять

¹⁾ Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 89.

²⁾ Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 90—91; Гражданская война во Франціи, стр. 16, 49 и 53—54. Ср. то, что Марксъ говоритъ о преданности абсолютизму невѣжественнаго сельскаго населенія въ Австріи и Пруссіи, въ „Революціи и Контрреволюціи въ Германіи“, стр. 49—59.

таки силою государственной власти, которую онъ прибралъ къ своимъ рукамъ ¹⁾. Плебисцитъ, санкціонировавшій торжество узурпатора, былъ санкціею торжества силы. Крестьянство не вздумало поддерживать Луи-Наполеона, послѣ его паденія, послѣ потери имъ силы. Та же самая нація была безсильна противъ деспотизма Наполеона I, когда онъ потерялъ популярность въ послѣдніе годы царствованія; но его низвергла чужеземная сила. Нація была безсильна поддержать того же Наполеона въ Сто дней, несмотря на огромную популярность его, послѣ первыхъ мѣсяцевъ Реставраціи,—ибо противъ него была опять-таки чужеземная сила. Но сила всегда остается силою, будь она внѣшняя или внутренняя сила.

Но не имѣетъ ли сила въ развитіи соціальныхъ антагонизмовъ значеніе лишь условное и ограниченное? Способна ли она создавать прочные результаты и прочныя отношенія? Или же прочно созидать она можетъ лишь въ томъ случаѣ, когда она способствуетъ или по крайней мѣрѣ не препятствуетъ экономическому развитію общества, развитію его производительныхъ силъ? Не оказывается ли сила въ концѣ концовъ безсильною, если она идетъ въ разрѣзъ съ требованіями общественной экономіи?

Передъ тѣмъ какъ заняться разсмотрѣніемъ этихъ вопросовъ, мы должны закончить наше изслѣдованіе объ отношеніи политики общества къ его экономіи и о роли силы въ политическихъ антагонизмахъ.

VI.

Признаки, интересы, силы и способности соціальныхъ группъ не существуютъ внѣ людей, изъ которыхъ составлены соціальныя группы, внѣ самихъ этихъ соціальныхъ группъ, и, наконецъ, внѣ общества, въ которое входятъ отдѣльныя соціальныя группы, поскольку вообще онѣ составляютъ одно общественное цѣлое.

Это весьма элементарное соображеніе можетъ дать видимое основаніе для постановки слѣдующаго вопроса: законна ли вообще схема характеристическихъ моментовъ и основанная на ней система сложныхъ формъ антагонизма и солидарности? Не представляется ли она произвольнымъ отвлеченіемъ отъ реальной общественной жизни, представляющей собою единый и нераздѣльный процессъ?

Разнообразные признаки и интересы соединяются въ природѣ и стремленіяхъ одного и того же индивидуума. Каждый индивидуумъ имѣетъ потребность въ поддержаніи жизни, въ свободѣ, въ безопасности, каждый индивидуумъ можетъ имѣть интересы экономическіе, политическіе, религіозные, эстетико-познавательные и другіе. Общество

¹⁾ Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 39, 83 и 87—89.—Энгельсъ, предисловіе къ „Гражданской войнѣ“, стр. 6.

имѣеть цѣлью дать наиболѣе раціональное удовлетвореніе общимъ потребностямъ составляющихъ его индивидуумовъ,—которыя и суть вмѣстѣ съ тѣмъ потребности общества. Правильно ли, въ такомъ случаѣ, говорить о различныхъ факторахъ общественнаго развитія и трактовать, какъ отдѣльныя сущности экономіи, политику, право, религію, науку и всевозможныя идеологіи? Не составляютъ ли, на примѣръ, экономія и политика двѣ стороны той же общественной жизни, двѣ стороны существованія общества, политическая регуляризованность котораго составляетъ лишь форму матеріальнаго содержанія, двѣ стороны, немислимыя одна безъ другой и безъ цѣлаго? Ибо всякій соціальный комплексъ, разъ онъ организованъ, предполагаетъ этимъ самымъ нормы, существующія въ основѣ его организаціи.

Съ другой стороны, никакая сила—военная, бюрократическая или вообще сила государственной власти—не можетъ ни возникнуть, ни сохранять длительное существованіе безъ экономическихъ средствъ—предметовъ потребленія и орудій, составляющихъ продуктъ труда. Можно ли, въ такомъ случаѣ, говорить, что политическое порабощеніе и вообще всякое соціальное порабощеніе зиждется не на экономической основѣ, а на превосходствѣ силы?

Первый изъ формулированныхъ сейчасъ вопросовъ характеризуетъ синтетическую точку зрѣнія Штаммлера и Лабріолы, второй—главную позицію Энгельса въ его полемикѣ съ Дюрингомъ.

Остановимся сначала на «синтетической теоріи» общества.

Штаммлеръ пишетъ: «Право и хозяйство—не два отдѣльныхъ объекта, противоположающихся другъ другу, которые вліяютъ одинъ на другой и при томъ—обычно-сосуществуютъ въ удивительной гармоніи между собою. Нѣтъ, оба они—элементы одного и того же предмета нашего познанія, а именно общественной жизни, какъ упорядоченной нормами совмѣстной дѣятельности, направленной на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей; и въ дѣйствительности ни одинъ изъ нихъ—ни правовая нормировка, ни конкретный видъ упорядоченнаго совмѣстнаго дѣйствія, какъ общественное хозяйство, не является раздѣльно отъ другого... Норма безъ нормируемой матеріи—это бессмыслица» ¹⁾.

«Историческіе факторы, восклицаетъ Антоніо Лабріола, но это—выраженіе эмпиристовъ и идеологовъ, которые повторяютъ Гердера. Общество—цѣльный комплексъ, или организмъ... Мы здѣсь стоимъ передъ органическимъ пониманіемъ исторіи. Нашему разуму представляется вся цѣлостность единства общественной жизни. Сама экономія разрѣшается въ теченіе процесса, появляясь всякій разъ въ морфологическихъ стадіяхъ, въ каждой изъ которыхъ она служитъ подставкою всему остальному. Однимъ словомъ, здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, чтобы

¹⁾ Rud. Stammer, Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung, Leipzig, 1896, стр. 316; ср. стр. 338.

распространить такъ называемый экономическій факторъ, изолированный произвольнымъ образомъ, на все остальное, какъ это воображаютъ наши противники; здѣсь дѣло въ томъ, чтобы прежде всего исторически понять экономику и объяснить другія измѣненія при помощи этихъ измѣненій» ¹⁾).

Воззрѣніе Антоніо Лабріолы въ сущности весьма близко подходитъ къ теоріи Штаммлера, отличаясь отъ нея видимо и большею общностью, и меньшею ясностью. А между тѣмъ теорія Штаммлера представляетъ собою и критику ученія Маркса, и доктрину, противоположаемую этому ученію, тогда какъ теорія Лабріолы, наоборотъ, выдаетъ себя за правильное истолкованіе и дальнѣйшее развитіе идей Маркса ²⁾. Это одно уже позволяетъ заключить о ложности или бесплодности и теоріи, и критики, и толкованія, и развитія теоріи.

Все дѣло здѣсь въ томъ, что практически общество лишь въ извѣстномъ смыслѣ, лишь въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть принято за единое цѣлое; вообще же оно не единый комплексъ, а комплексъ комплексовъ, и въ то же время часть болѣе общаго комплекса.

Сказанное примѣнимо не только къ міру общественныхъ явленій, но и къ міру явленій вообще.

Въ сущности весь міръ представляетъ собою одно цѣлое, всѣ элементы котораго связаны между собою. Здѣсь все дѣйствуетъ на все, все обусловлено всѣмъ, все—продуктъ всего. Не даромъ Лапласъ мечталъ о «міровой формулѣ». И все же изученіе міра явленій было бы бесплодно, наука была бы немислима, если бы отдѣльные элементы, тѣла, ихъ свойства, силы, стихіи не могли бы быть практически разсматриваемы, какъ изолированные другъ отъ друга въ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ. Принципъ изолированности дѣйствій и ихъ нормъ въ природѣ превратилъ задачу, повидимому безконечную, въ задачу практически конечную, которая и разрѣшается наукою.

Для того, чтобы существовала какая-нибудь опредѣленная форма тѣла, нужно, прежде всего, чтобы существовало самое тѣло. Форма не можетъ существовать безъ какого-нибудь содержанія. Но изъ этого не слѣдуетъ, что опредѣленному содержанію соотвѣтствуетъ непременно опредѣленная форма, и что опредѣленная форма включаетъ непременно опредѣленное содержаніе. Всякая матерія должна имѣть какъ у ю-н и б у д ь

¹⁾ Ant. Labriola, *Essais sur la conception materialiste de l'histoire*, Paris, 1897, стр. 95—96 и 107—108.—Ср. G. Sorel, *Saggi di critica del marxismo*, стр. 41—42, а также Guillaume de Greef, *La sociologie économique*, Paris, 1904, стр. 125 и 219.

²⁾ Г. Бельтовъ-Плехановъ діалектически отождествляетъ, какъ единое истинное истолкованіе Маркса, развиваемую имъ теорію факторовъ, съ экономикою и развитіемъ производительныхъ силъ какъ основою ихъ измѣненія и взаимодѣйствія, теорію Лабріолы, возстающую противъ схемы факторовъ. Правда, теоріи обоихъ комментаторовъ Маркса стоятъ одна другой въ отношеніи недоразумѣній и несообразностей. Не удивительно, что г. Бельтовъ-Плехановъ жалуется, что его не поняли не только противники, но и единомышленники (Н. Бельтовъ, *Критика нашихъ критиковъ*, Спб. 1906, стр. 311—314, 336 и стр. VI предисловія).

форму, но между опредѣленною формою и опредѣленною матеріею нѣтъ опредѣленной связи, кромѣ спеціальныхъ случаевъ (кристаллы, организмы). Такъ, химическій и физическій составъ тѣла можетъ постепенно измѣниться, не сопровождаясь измѣненіемъ формы (замерзаніе жидкости, вывѣтриваніе минераловъ). Такъ, форма тѣла можетъ измѣниться, на примѣръ, отъ внѣшняго давленія, не сопровождаясь измѣненіемъ содержанія. Или же, напротивъ того, измѣненіе формы, подѣ влияніемъ механическаго давленія, влечетъ за собою измѣненіе оптическихъ, тепловыхъ, электрическихъ свойствъ тѣла, и при неизмѣнившемся физико-химическомъ составѣ матеріи,—но измѣненіе физическихъ свойствъ тѣла, обусловленное измѣненіемъ его формы, влияетъ въ свою очередь на составъ матеріи. Ибо всѣмъ извѣстно, что геометрическія свойства данныхъ формъ и поверхностей, а также многочисленныя дѣйствія физическихъ силъ на предметъ, являющійся функціею только этихъ формъ и поверхностей, совершенно не зависятъ отъ характера той особенной матеріи, которая включена въ данныя формы и поверхности.

Силы, дѣйствующія въ тѣлахъ и между тѣлами, не существуютъ отдѣльно отъ тѣлъ, а, слѣдовательно, и отдѣльно одна отъ другой. Казалось бы, научное изолированіе силъ и свойствъ тѣлъ, въ смыслѣ независимаго другъ отъ друга изученія, недопустимо, и требуется отысканіе общей формулы для единаго цѣлаго, представляемаго комплексомъ силъ. Но дѣйствительная точная наука вообще и не думаетъ слѣдовать подобному требованію. Несмотря на стремленіе къ единству, наука должна признавать извѣстную независимость силъ и законовъ тяготѣнія, электричества, тепла, свѣта и т. п. При опредѣленіи тяжести тѣла совершенно игнорируются его электрическія, тепловыя, оптическія и другія свойства ¹⁾. А между тѣмъ тяжесть тѣла не существуетъ безъ самаго тѣла, стало быть, и безъ его другихъ свойствъ.

Возьмемъ, наконецъ, такой сложный комплексъ, какъ вся совокупность доступныхъ нашему воспріятію неподвижныхъ звѣздъ, элементомъ которой является наша солнечная система. Никакихъ слѣдовъ взаимодѣйствія между неподвижными звѣздами и нашею солнечною системою, въ смыслѣ взаимнаго между ними тяготѣнія, до сихъ поръ не

¹⁾ „Пусть это будетъ лишь чистая гипотеза, внушаемая намъ строемъ нашего разсудка, но вещи происходятъ такъ, какъ если бы Природа ее ратифицировала. Разсужденіе и вычисленіе могутъ оперировать въ своихъ комбинаціяхъ надъ этими силами, принимаемыми существенно независимыми одна отъ другой, которымъ мы приписываемъ физическія дѣйствія, оказывающіяся въ дѣйствительности независимыми другъ отъ друга. Законъ тяжести остается неизмѣннымъ, будетъ ли вѣсомое тѣло теплое или холодное, свѣтящееся или темное, электризованное или неэлектризованное, намагниченное или ненамагниченное, свободное или въ химическомъ соединеніи съ другимъ тѣломъ. Мы, стало быть, не будемъ дѣйствовать противъ наблюденія, а напротивъ того, мы его вѣрно представимъ, рассматривая тяжесть, какъ силу, которая существуетъ независимо отъ другихъ силъ, и дѣйствія которой, никогда не прерывающіяся, даже въ томъ случаѣ, когда они для насъ скрыты, соединяются съ тѣми дѣйствіями, которыя, въ свою очередь, являются продуктомъ силъ, способныхъ производить теплоту, свѣтъ, электричество, химическія соединенія“. (C o u r n o t, *Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes*, t. II, стр. 156—157).

обнаружено, и, слѣдовательно, въ отношеніи тяготѣнія, наша солнечная система является какъ бы изолированнымъ элементомъ въ этомъ сложномъ комплексѣ. Напротивъ того, свѣтовое взаимодействие между нашею солнечною системою и многими неподвижными звѣздами существуетъ, ибо волны эѳира несутъ въ одну и, безъ сомнѣнія, также въ обратную сторону проекціи свѣтилъ. Вотъ примѣръ сложнаго комплекса, гдѣ зависимость между элементами существуетъ въ одномъ и отсутствуетъ въ другомъ отношеніи.

Примѣры, приведенные нами изъ міра физическихъ явленій, помогутъ намъ легко открыть то недоразумѣніе, которое кроется въ попыткахъ свести политику и экономію—а равнымъ образомъ и вообще характеристическіе элементы социальныхъ группъ—на двѣ стороны (или вообще на различныя стороны) единого общественнаго цѣлаго.

Общество есть упорядоченное цѣлое. Общество всегда предполагаетъ существованіе политической организаціи. Но изъ этого не слѣдуетъ, что опредѣленному социально-экономическому содержанию общества соответствуетъ опредѣленная организація. Если бы политическій строй общества можно было опредѣлить, какъ форму общества, въ отличіе отъ экономіи, какъ его содержанія, то было бы все же невѣрно утверждать, что матерія, или экономическое содержаніе общества, опредѣляетъ его политическую форму. Съ другой стороны это еще не означало бы, что форма не вліяетъ на содержаніе, т. е. что политическій строй не оказываетъ воздѣйствія на экономическія отношенія.

Мало того, невѣрно то, что политическая организація общества есть только его форма, т. е. нѣчто пассивное, которое само по себѣ не можетъ проявиться какъ сила, тѣмъ болѣе, какъ самостоятельная сила, но черезъ которое можетъ лишь преломиться какая-нибудь внѣшняя сила. Политико-правовая организація общества осуществляется при помощи государственной власти, которая есть не только форма, но и сила. Политическій строй общества представляется его формою лишь постольку, поскольку онъ есть нѣкоторая организація порядка: всякое правительство, имѣющее въ своихъ рукахъ государственную машину, вѣдаетъ нѣкоторыя административныя функціи, безъ которыхъ общество не можетъ существовать, и въ этомъ отношеніи между нимъ и обществомъ не прекращается связь относительной солидарности. Поскольку же тѣ, которые, владея государственною властью, представляютъ собою самостоятельную политическую силу,—они являются особою социальною группою, съ самостоятельнымъ существованіемъ, съ самостоятельными интересами, которая можетъ противопоставляться то обществу, то тому или другому общественному классу, то другимъ государствамъ и правительствамъ, вступая къ различнымъ социальнымъ группамъ въ отношенія то солидарности, то антагонизма.

Невѣрно, наконецъ, опредѣленіе общества только какъ единого, цѣльнаго комплекса. Это особенно странно въ устахъ тѣхъ, которые съ

особенною силою подчеркиваютъ значеніе классовыхъ антагонизмовъ въ общественной жизни. Но дѣло здѣсь не только въ классовыхъ антагонизмахъ. Общество не слѣдуетъ смѣшивать съ государствомъ. Канада или Австралія составляютъ часть Британской имперіи, но канадское общество и австралійское общество останутся обществами, независимо отъ сохраненія или разрыва политическихъ узъ съ метрополіею. Далѣе, о любой провинціи Канады и о любой колоніи Австраліи можно съ полнымъ правомъ говорить, какъ объ особой территоріи и особомъ обществѣ, несмотря на политическія, экономическія и вообще культурныя связи ихъ съ другими обществами и со всѣмъ міромъ. Гдѣ тутъ остановиться въ опредѣленіи элементарной общественной единицы? Съ другой стороны, и вся Англія, съ ея колоніями, не живетъ изолированною отъ другихъ странъ жизнью, напротивъ того, она связана съ ними самою тѣсною связью. Можно ли говорить, въ такомъ случаѣ, объ англійскомъ государствѣ и его населеніи, какъ объ отдѣльномъ обществѣ? Гдѣ остановиться тогда, не только нисходя къ элементамъ, но и восходя къ комплексамъ? Мы видимъ, что объ отдѣльномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣльномъ и единомъ обществѣ можно лишь говорить относительно. Всякое общество есть комплексъ обществъ болѣе элементарныхъ и въ то же время само элементъ болѣе обширнаго общественнаго комплекса. Но это разслоеніе общества имѣетъ мѣсто не только въ отношеніи территоріальныхъ признаковъ и территоріальныхъ интересовъ, но и въ отношеніи всей совокупности признаковъ и интересовъ, при чемъ между социальными группами, характеризующимися каждою опредѣленнымъ признакомъ и опредѣленнымъ интересомъ, могутъ существовать самыя сложныя связи относительной солидарности и относительнаго антагонизма. Классы, политическія группы, религіозныя общества, національности и другія социальныя группы — не различныя стороны одного и того же комплекса, а различные комплексы, связанные, смотря по признаку и интересу, относительною связью одновременно или разновременно то въ одни, то въ другіе болѣе обширные комплексы. И, поскольку отдѣльные интересы этихъ частныхъ комплексовъ приводятъ въ движеніе отдѣльныя силы, вліяющія на ходъ общественнаго развитія и въ своей совокупности его обусловливающія, вполне законно говорить объ этихъ силахъ и интересахъ, какъ объ отдѣльныхъ факторахъ этого общественнаго развитія.

«Синтетическій взглядъ на исторію» основанъ на недоразумѣніи и ведетъ къ противорѣчіямъ. Въ меньшей степени страдаетъ этими недостатками взглядъ Энгельса и другихъ послѣдователей матеріалистическаго пониманія исторіи на роль силы и насилія въ исторіи.

Согласно теоріи Энгельса, значеніе силы проявляется только въ опредѣленныхъ экономическихъ отношеніяхъ, сама сила имѣетъ экономическій характеръ, и сила въ концѣ-концовъ служитъ лишь опредѣленнымъ экономическимъ интересамъ — общественнымъ или классовымъ.

Такъ ли это? И насколько эти взгляды или другіе взгляды, представляющіеся болѣе правильнымъ истолкованіемъ дѣйствительнаго историческаго процесса, совмѣстимы съ теоріею классовой борьбы?

Эти вопросы ведутъ насъ къ предварительной постановкѣ слѣдующаго болѣе общаго вопроса:

Какимъ образомъ возможно вообще господство человѣка надъ человекомъ, угнетеніе и эксплуатація однихъ людей другими людьми?

Здѣсь прежде всего надо различать между тѣми случаями, въ которыхъ господство человѣка надъ человекомъ имѣетъ мѣсто согласно желанію самого индивидуума, составляющаго объектъ подчиненія отъ тѣхъ случаевъ, когда угнетеніе существуетъ вопреки волѣ угнетаемаго.

Человѣкъ можетъ добровольно и даже охотно переносить эксплуатацію себя любимымъ существомъ. Суевѣрный дикарь или вѣрующій цивилизованный человѣкъ можетъ добровольно и даже съ радостью переносить тираннію и эксплуатацію себя жрецами и духовенствомъ, если, въ воздаяніе за настоящія жертвы, ему обѣщаютъ счастье въ настоящей или блаженство въ грядущей жизни. Человѣкъ можетъ добровольно переносить гнетъ политическаго деспотизма, если онъ полагаетъ, что этотъ гнетъ является несовершенствомъ, связаннымъ неизбежно съ формою политической организаціи общества, безъ которой послѣднему грозило бы полное распаденіе. Вотъ примѣры того, какъ жертвы гнета и эксплуатаціи добровольно переносятъ свое положеніе и отнюдь не ищутъ какого-либо изъ него выхода.

Въ подобныхъ случаяхъ угнетеніе и эксплуатація или вовсе не основаны на силѣ, или же, если они соединены съ примѣненіемъ силы, то не по отношенію къ интересующей насъ категоріи субъектовъ. Люди добровольно несутъ жертвы во имя аффекта, вѣры, убѣжденія. Сюда близко подходятъ и тѣ случаи, когда долгое воспитаніе въ традиціяхъ гнета приспособляетъ психологію людей, въ смыслѣ признанія этого гнета естественнымъ и необходимымъ, и порождаетъ то рабство духа, которое получаетъ свое выраженіе не только въ сервилитическихъ инстинктахъ массъ, но и въ тѣхъ элементахъ апологетизма, фатализма, идеализаціи, которые такъ часто проникаютъ доктрины и воззрѣнія людей науки.

Добровольное подчиненіе человѣку не оставляетъ мѣста никакимъ дальнѣйшимъ вопросамъ. Но какимъ образомъ возможны гнетъ, эксплуатація, порабощеніе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они направлены противъ сознанныхъ интересовъ и противъ желанія угнетаемыхъ?

Это возможно лишь вслѣдствіе существованія между людьми неравенства, которое даетъ однимъ людямъ превосходство надъ другими.

Неравенство проявляется въ неодинаковыхъ способностяхъ организованныхъ группъ. Какъ въ отношеніяхъ между индивидуумами, такъ и въ отношеніяхъ между группами, оно можетъ развиваться

и усиливаться какъ вслѣдствіе хозяйственно-гражданскаго оборота между людьми, такъ и вслѣдствіе принужденія и примѣненія голой силы. Такимъ образомъ, превосходство однихъ людей надъ другими можетъ выражаться въ превосходствѣ природныхъ способностей (иногда превосходствѣ анти-моральныхъ качествъ), превосходствѣ числа, превосходствѣ организованности, превосходствѣ техники, превосходствѣ экономическихъ ресурсовъ, превосходствѣ, создаваемомъ благопріятнымъ случаемъ.

Предположимъ, что между двумя антагонистическими группами, примѣры которыхъ мы сейчасъ приведемъ, существуетъ равенство всѣхъ условій борьбы или соперничества, кромѣ одного. Тогда племя, богато одаренное, въ смыслѣ физической силы, ума, изобрѣтательности, будетъ брать верхъ надъ племенемъ, менѣе одареннымъ. Мужчины болѣе сильны и поставлены въ болѣе благопріятныя условія, въ смыслѣ свободы отъ заботъ материнства, чѣмъ женщины; они легко получаютъ господство надъ послѣдними. Многочисленная нація легко покорить постепенно націю, менѣе ея численныя каждая въ отдѣльности. Всякая сила побѣдитъ другую, хуже ея организованную, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ побѣдитъ ее, даже несмотря на свой болѣе слабый численный составъ. Вооруженный отрядъ всегда сильнѣе безоружной толпы, которая весьма часто окажется передъ нимъ безсильною, несмотря на свое численное превосходство. Экономическіе ресурсы могутъ дать перевѣсъ группѣ, ими обладающей, надъ группою менѣе богатой. Благопріятная случайность, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, можетъ рѣшить исходъ борьбы въ пользу одной изъ сторонъ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ преобладаніе можетъ вести къ гнету, поработенію, эксплуатаціи.

Далѣе представимъ себѣ такое общество, въ хозяйственно-гражданскомъ оборотѣ котораго совершенно отсутствуетъ элементъ насилія въ отношеніяхъ между его членами, но гдѣ существуетъ раздѣленіе труда и товарное обращеніе. Для того, чтобы экономическое равенство между независимыми товаропроизводителями, установленное въ нѣкоторый исходный моментъ, могло сохраняться постоянно, необходимо, чтобы соперничество между ними было поставлено въ равно благопріятныя шансы для каждаго, что мыслимо только при совершенно одинаковыхъ способностяхъ ихъ и при идеальной компенсаціи благопріятныхъ и неблагоприятныхъ случайностей оборота для всѣхъ ихъ. Такъ какъ подобное равенство условій неосуществимо, то конкуренція будетъ имѣть въ результатъ ростъ экономической силы однихъ, упадокъ экономической другихъ, однимъ словомъ, классовое разслоеніе, открывающее возможность экономического угнетенія однихъ вслѣдствіе зависимости ихъ отъ экономической силы другихъ. Эксплуатація — здѣсь результатъ не примѣненія силы и насилія, а экономического оборота, неизбежно ведущаго, въ индивидуалистическомъ обществѣ, къ развитію и обостренію того неравенства, которое вытекаетъ изъ неодинаковости шансовъ успѣха для конкурирующихъ другъ съ другомъ индивидуумовъ. Только въ такомъ

обществѣ, въ которомъ рациональная организація труда помѣшаетъ превращенію индивидуальных различій между людьми въ источникъ соціального неравенства между ними, возникновеніе подобной формы эксплуатаціи станетъ немыслимымъ.

Представимъ себѣ теперь, что въ разсматриваемомъ обществѣ является новый источникъ неравенства въ видѣ воспитанія дѣтей своими родителями и наслѣдованія дѣтьми родительскаго имущества, наслѣдованія, гарантируемаго положительнымъ правомъ. Тогда люди рождаются уже при неодинаковой благопріятной экономической обстановкѣ и вступаютъ въ гражданскій оборотъ съ неодинаковою подготовкою и съ неравными экономическими силами. Соціальное неравенство еще болѣе обостряется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эксплуатація однихъ людей другими, растущая въ самомъ процессѣ гражданского оборота, въ процессѣ производства и обмѣна. Здѣсь нѣтъ еще непосредственнаго примѣненія силы и принужденія въ системѣ гнета, здѣсь соціальное неравенство—все еще продуктъ хозяйственныхъ отношеній внутри общества, но вмѣшательство организацій общественной власти здѣсь сказывается уже въ правовой санкціи института, поддерживающаго и укрѣпляющаго экономическое неравенство гражданъ.

Сдѣлаемъ еще дальнѣйшій шагъ и допустимъ, что государственная власть ограничиваетъ права и свободу отдѣльныхъ разрядовъ гражданъ, дѣля общество на касты, сословія, корпораціи активныхъ и пассивныхъ гражданъ и т. п. Это—новый источникъ гнета, поработенія, эксплуатаціи. Но новыя формы угнетенія—уже не результатъ гражданского оборота, а результатъ дѣйствія силы и принужденія, исходящихъ изъ организаціи государственной власти.

Если мы, далѣе, допустимъ, что сама государственная власть, пользуясь находящеюся въ ея распоряженіи силою, угнетаетъ, поработываетъ, эксплуатируетъ населеніе или нѣкоторые классы населенія, то это будетъ яркій примѣръ гнета, порождаемаго не свободнымъ экономическимъ оборотомъ и не экономической властью класса, а принудительнымъ дѣйствіемъ организованной силы.

Допустимъ, наконецъ, что какая-нибудь организованная группа—дружина, племя, народъ, государство—завоевываетъ территорію другой группы, отнимаетъ вполнѣ или отчасти ея имущество, лишаетъ ее свободы, превращая ее въ рабство или крѣпостничество, или уже угнетаетъ ее налогами и повинностями, и, достигши господства насиліемъ, поддерживаетъ силою же созданный ею классовый строй и связанное съ нимъ классовое угнетеніе. Въ возникновеніи подобной формы гнета экономическій оборотъ между обѣими группами не игралъ рѣшительно никакой роли: общественный строй созданъ насиліемъ и поддерживается насиліемъ.

Итакъ, во-первыхъ, свободное согласіе, во-вторыхъ, гражданско-экономическій оборотъ внутри индивиду-

алистического общества, при отсутствіи одинаково благопріятныхъ шансовъ для отдѣльныхъ участниковъ, и, въ-третьихъ, примѣненіе силы и насилія — вотъ источники всевозможныхъ формъ порабощенія, гнета, эксплоатаціи.

Антитеза между воззрѣніями Дюринга и воззрѣніями Энгельса заключается, существенно говоря, въ томъ, что первый настаиваетъ на особомъ значеніи силы и насилія въ системѣ эксплоатаціи, тогда какъ второй противопоставляетъ ему преимущественное значеніе экономического оборота.

Въ сущности, спорный пунктъ состоялъ въ опредѣленіи отношенія коэффиціентовъ вліянія обоихъ факторовъ. Съ другой стороны, Дюрингъ вовсе не думаетъ отрицать значенія экономическихъ предпосылокъ и экономического оборота въ системѣ общественной эксплоатаціи ¹⁾. Онъ возстаетъ только противъ игнорированія экономистами такого преобладающаго фактора въ возникновеніи и развитіи іерархіи въ экономическихъ и общественныхъ отношеніяхъ, какъ сила и насиліе ²⁾. Съ другой стороны, Энгельсъ не могъ, конечно, отрицать огромнаго значенія силы въ исторіи. Писалъ же Марксъ, что «въ дѣйствительной исторіи, какъ извѣстно, завоеваніе, порабощеніе, разбой, словомъ, сила играла большую роль», и что «сама сила есть экономическій дѣятель» ³⁾. Энгельсъ настаивалъ лишь на томъ, что сама сила имѣетъ природу экономическую, и что ея роль состоитъ въ томъ, чтобы служить экономическимъ интересамъ и экономическому развитію, во всѣхъ же другихъ случаяхъ роль ея—второстепенная и подчиненная ⁴⁾. Къ воззрѣніямъ Дюринга примыкаютъ Ант. Менгеръ и Шарль Андлеръ ⁵⁾. Взгляды же Энгельса раздѣляются въ общемъ, за нѣкоторыми исключеніями, всею школою Маркса.

Согласно аргументамъ Энгельса, сила сама имѣетъ природу экономическую. «Сила отнюдь не представляетъ собою простого акта воли, напротивъ того, она требуетъ для своего проявленія очень реальныхъ предварительныхъ условій, а именно орудій, изъ которыхъ болѣе совершенныя берутъ верхъ надъ менѣе совершенными. Далѣе, эти орудія должны быть произведены, изъ чего слѣдуетъ, что производитель болѣе

¹⁾ E. Dühring, *Cursus der National-und Socialökonomie*. 2-e Aufl., Leipzig, 1876, стр. 163 и 189.

²⁾ E. Dühring, *Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus*, 2-e Aufl. Berlin, 1875, стр. 8, 152 и 494; 4-e Aufl. Leipzig, 1900, стр. 614.—Его же, *Cursus der Philosophie*, Leipzig, 1875, стр. 266—267.—Его же, *Cursus der National-und Socialökonomie*, 2-e Aufl., стр. 16—17.

³⁾ Марксъ, *Капиталъ*, т. I, стр. 625 и 657.

⁴⁾ G. Sorel, *Saggi di critica del marxismo*, стр. 41.—Его же, *Insegnamenti sociali della economia contemporanea*, стр. 223.—Ср. Масарикъ, *Философскія и социологическія основанія марксизма*, Москва, 1900, стр. 366—367.

⁵⁾ Ант. Менгеръ, *Новое ученіе о государствѣ*, Спб. 1905, стр. 3, 42—43, 107, 124 и 305—306.—Его же, *Право на полный продуктъ труда*, Спб. 1906, стр. 2 и 89.—Ch. Andler, *Conception matérialiste de l'histoire*, въ *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1897, стр. 653—654, и его Предисловіе къ французскому переводу послѣдней книги Менгера.—Ср. Alb. Lange, *Die Arbeiterfrage*, 4-e Aufl., стр. 63.

совершенныхъ орудій насилія, или—просто говоря—болѣе совершеннаго оружія побѣждаетъ производителя менѣе совершеннаго оружія. Однимъ словомъ, побѣда силы зависитъ отъ производства оружія, а это послѣднее—отъ производства вообще, стало быть—отъ «экономическаго могущества, отъ состоянія хозяйства», отъ матеріальныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи силы. Сила въ настоящее время это—армія и военный флотъ, и оба эти аппарата, какъ мы всѣ, къ нашему сожалѣнію, знаемъ, стоятъ «безумную массу денегъ». Но сила не можетъ создать никакихъ денегъ, она можетъ—самое большее—отнимать лишь уже готовыя деньги... Деньги, стало быть, должны быть въ концѣ концовъ добыты экономическимъ производствомъ; сила, значитъ, опять-таки опредѣляется положеніемъ хозяйства, доставляющаго ей средства для изготовленія и поддержанія ея орудій... Всегда и вездѣ «сила» одерживала побѣды лишь при помощи экономическихъ условій и средствъ, безъ которыхъ она перестаетъ быть силою... Для насъ ясно, какъ солнце, что никоимъ образомъ невозможно «искать первоначальной причины въ непосредственной политической силѣ, а не въ косвенномъ экономическомъ могуществѣ». Въ самомъ дѣлѣ, что является «первоначальною причиною» самой силы? Экономическое могущество, распоряженіе средствами крупной промышленности» ¹⁾).

При всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, наиболѣе сильною оказывается та изъ борющихся сторонъ, которая имѣетъ болѣе совершенное оружіе, и эта сторона, стало быть, побѣждаетъ. Вѣрность формулированнаго подобнымъ образомъ положенія не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Но условія, допускаемыя въ формулированномъ подобнымъ образомъ положеніи, рѣдко встрѣчаются въ дѣйствительности. Поскольку аргументація Энгельса направлена на защиту этого положенія, она бесплодна, въ виду его незначительной примѣнимости. Поскольку же аргументація Энгельса пытается доказать нѣчто большее, чѣмъ то, что заключается въ приведенной формулировкѣ, эта аргументація заключаетъ въ себѣ не мало ошибокъ и недоразумѣній.

Невѣрно, прежде всего, что превосходство одной стороны надъ другою исключительно зависитъ отъ болѣе совершеннаго вооруженія. Изъ двухъ противниковъ, одинаково вооруженныхъ или одинаково невооруженныхъ, одержитъ верхъ тотъ, кто физически сильнѣе, или болѣе ловокъ, или обладаетъ какими-нибудь другими выгодно его отмѣчающими индивидуальными качествами. Если же борются группы, одинаково вооруженныя или одинаково невооруженныя, то, кромѣ физическихъ и духовныхъ качествъ индивидуумовъ, входящихъ въ опредѣленную группу, основою превосходства можетъ служить численный перевѣсъ или же совершенство организаціи. Въ эпоху расчлененія Римской имперіи, варвары были, конечно, не лучше вооружены, чѣмъ римскіе солдаты, но они

¹⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 140, 145 и 147.

побѣждали превосходствомъ боевыхъ способностей и военной организаціи. Превосходство вооруженія можетъ даже превѣшиваться другими качествами индивидуумовъ и коллективовъ. Лишь при очень рѣзкомъ различіи въ совершенствѣ орудій борьбы, какъ на примѣръ, при столкновеніи европейцевъ съ дикарями, исходъ борьбы рѣшается въ пользу лучше вооруженной стороны, несмотря на значительное превосходство другой стороны въ отношеніи физической силы, численности и другихъ качествъ.

Далѣе, невѣрно то, что вооруженіе и степень его совершенства, а слѣдовательно и успѣхъ въ борьбѣ зависятъ только отъ богатства и промышленности борющейся стороны. Этимъ допущеніемъ вводится незамѣтно въ формулировку новое предположеніе, заключающееся въ томъ, что различіе между двумя сторонами состоитъ не только въ совершенствѣ оружія, но и въ размѣрахъ богатства и промышленности. Но и это тоже невѣрно. Иначе оставался бы непонятенъ цѣлый рядъ событій въ исторіи. Ибо никто не скажетъ, на примѣръ, что Римъ былъ богаче и промышленнѣе побѣжденнаго имъ Карфагена, или что варвары были богаче и промышленнѣе побѣжденнаго ими Рима, или что норманны были богаче и промышленнѣе покоренныхъ ими странъ, или что арабы, а впослѣдствіи и турки были богаче и промышленнѣе побѣжденной ими Византіи. Въ настоящее время военная техника тѣсно связана съ крупною промышленностью; но это вовсе не значитъ, что самыя крупныя затраты на армію и флотъ дѣлаются странами самыми богатыми и промышленными. Мало того, самая богатая и промышленная страна можетъ всегда опасаться, что въ вооруженномъ столкновеніи она можетъ быть побѣждена другою страной, менѣе богатой и менѣе промышленной, не только вслѣдствіе болѣе тяжелыхъ жертвъ, приносимыхъ послѣднею военному бюджету, но и вслѣдствіе обладанія какими-либо важными секретами—техническими или стратегическими. Вообще же, если и вѣрно отчасти замѣчаніе Беджгота, что «успѣхъ военного дѣла представляется наиболѣе замѣчательнымъ фактомъ человѣческой исторіи», то слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій не гражданская техника вліяла на военную, а наоборотъ, прогрессъ военной техники вліялъ—иногда весьма медленно и послѣ цѣлыхъ столѣтій—на технику промышленную¹⁾.

Далѣе, орудіе борьбы, какъ элементъ силы, является лишь средствомъ, при помощи котораго достигается поработаніе человѣка человѣкомъ. Въ отношеніяхъ между борющимися нѣтъ никакого экономического оборота. То обстоятельство, что для изготовленія оружія требуется трудъ, или израсходование человѣческой энергіи, такъ же мало можетъ служить основаніемъ для допущенія экономического оборота между борющимися, какъ то, что мускульныя движенія или военныя пляски, сопровождающія борьбу, являются также тратой человѣческой энергіи,

¹⁾ Ю. Делевскій, Экономическій матеріализмъ и исторія науки, Спб. 1907. стр. 53—55.

своего рода трудомъ. Всякое проявленіе силы требуетъ нѣкотораго расходованія человѣческаго труда. Но если на этомъ основаніи связывать силу съ экономіею и говорить о ея экономической природѣ, хотя и внѣ какого-либо экономического оборота, тогда и всякая человѣческая дѣятельность есть экономія, нѣтъ ничего сверхъ экономіи и теряетъ всякій смыслъ самое противопоставленіе силы экономіи. Тогда не для чего было говорить Энгельсу, на примѣръ, что «сила защищаетъ эксплуатацію, но не производитъ ея»¹⁾. Съ другой стороны, ссылка на то, что оружіе, при помощи котораго одинъ человѣкъ поработаетъ другого, должно быть предварительно произведено, не объясняетъ того, почему оно произведено одною, а не другою стороною. Если Робинзонъ побѣждаетъ Пятницу при помощи оружія, то одно изъ трехъ: или Робинзонъ изготовилъ оружіе самъ, или у кого-нибудь отнялъ, или приобрѣлъ его въ экономическомъ оборотѣ, на примѣръ, посредствомъ обмѣна на продуктъ своего труда. Если Робинзонъ изготовилъ самъ оружіе, и если такого же оружія не сдѣлалъ Пятница, то это значитъ, что Робинзонъ умнѣе, способнѣе, предусмотрительнѣе Пятницы, однимъ словомъ, превосходитъ его умственными способностями, т. е. побѣждаетъ его своею интеллектуальною силою. Если Робинзонъ отнялъ у кого-нибудь оружіе, то онъ дѣйствовалъ опять-таки при помощи силы. Если же, наконецъ, Робинзонъ приобрѣлъ оружіе въ обмѣнъ на продуктъ своего труда, но того же самага не сдѣлалъ Пятница, то это можетъ быть объяснено либо, опять таки, умственнымъ превосходствомъ Робинзона, либо—оставляя въ сторонѣ другіе случайные шансы превосходства—тѣмъ, что Робинзонъ силою помѣшалъ Пятницѣ предупредить его или послѣдовать его примѣру. Тогда возможно даже, что организованная общественная сила, состоящая изъ нѣсколькихъ Робинзоновъ, можетъ поработить гораздо большее число неорганизованныхъ Пятницъ и даже принуждать послѣднихъ ковать то самое оружіе для своихъ господъ и тѣ самыя цѣпи для себя, при помощи которыхъ первые держатъ послѣднихъ въ неволѣ. Разъ возникшая сила—возникшая какъ организація, какъ кооперація, какъ количество,—приобрѣтаетъ уже, въ силу самага факта своего существованія, способность расти и средства, позволяющія ей умножать свое господство надъ подчиненными ей элементами. Съ другой стороны, разъ созданное силою социальное и экономическое неравенство, разъ созданныя привилегіи могутъ и не нуждаться, для дальнѣйшаго своего поддержанія, въ новомъ примѣненіи силы и насилія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда объ этомъ въ достаточной степени заботится послѣ того самый механизмъ хозяйственно-гражданскаго оборота даннаго общества²⁾.

¹⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 127.—Б. Кроче замѣчаетъ, что, исходя изъ тѣхъ же принциповъ, можно было бы это положеніе перевернуть слѣдующимъ образомъ: сила производитъ эксплуатацію, но экономическій интересъ ее защищаетъ (B. Croce, *Matérialisme historique et économie marxiste*, стр. 37).

²⁾ Dühring, *Cursus der National-und Socialökonomie*, 2-e Aufl. Leipzig, 1876, стр. 189 и 253.

Въ дѣйствительной исторіи дѣйствія непосредственнаго примѣненія силы постоянно переплетаются съ дѣйствіемъ гражданскаго оборота, и самые факторы силы не раздѣлены такъ, какъ это дѣлаютъ въ теоретическихъ схемахъ. Поскольку же гнетъ и эксплуатація являются продуктомъ не экономическаго оборота, а принужденія и насилія, главною причиною ихъ является сила военная и сила государственной власти.

Исторія полна примѣровъ завоеванія—внѣшняго и внутренняго,—какъ причины классоваго и политическаго, а также религіознаго и національнаго порабощенія массъ. Въ частности рабство и часто крѣпостничество составляютъ, главнымъ образомъ, продуктъ войны и завоеванія, иногда же продуктъ воздѣйствія государственной силы.

Энгельсъ не отрицаетъ нѣкотораго значенія завоеваній, какъ актовъ силы, идущихъ противъ экономическаго развитія общества, когда, слѣдовательно, политика насильственно измѣняетъ весь процессъ гражданскаго оборота; но онъ вліяніе ихъ на хозяйственную жизнь ограничиваетъ до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. «Этими немногими исключеніями, говоритъ Энгельсъ, бываютъ единичные случаи завоеваній, когда болѣе грубые завоеватели истребляютъ или изгоняютъ населеніе страны и опустошаютъ или забрасываютъ производительныя силы, пользоваться которыми они не въ состояніи... Какъ само собою разумѣется, всякое завоеваніе, совершенное болѣе грубымъ народомъ, нарушаетъ ходъ экономическаго развитія и уничтожаетъ массу производительныхъ силъ. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ длительного завоеванія болѣе грубый завоеватель принужденъ приноравливаться къ высшему «хозяйственному положенію», какъ оно представляется, вмѣстѣ съ совершившимся фактомъ завоеванія; онъ ассимилируется покореннымъ народомъ и по большей части долженъ даже принять его языкъ» ¹⁾. Удивительная идеализація исторіи. Ассимилировались ли домовладѣльцы съ рабами, продуктомъ войны, или спартіаты съ покоренными илотами, или господа съ обращенными ими въ крѣпостничество жителями побѣжденных въ войнѣ странъ? Скорѣе имѣемъ мы здѣсь процессъ насильственной ассимиляціи исторіи оптимистическимъ идеямъ ея теоретическаго истолкователя.

До какой степени «матеріалистическое пониманіе исторіи» проникнуто телеологическими и апологетическими идейными пережитками, не мирящимися съ признаніемъ огромной роли въ судьбахъ человѣчества насилія, какъ источника гнета и порабощенія, независимо отъ хозяйственно-гражданскаго оборота общества,—видно изъ слѣдующей чудовищной фразы Энгельса, особенно поразительной въ устахъ теоре-

¹⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 156.—Ср. Н. van-Kol, Socialisme et liberté, стр. 70. Интересно, что Родбертусъ о роли силы и насилія въ происхожденіи ренты и вообще въ развитіи общественнаго хозяйства высказывалъ мысли, сходныя скорѣе со взглядами Дюринга (Rodbertus, Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände, 1842, стр. 73—75).

тика борьбы классовъ: «Уже тотъ простой фактъ, что порабощенные и эксплуатируемые были во всѣ времена гораздо многочисленнѣе своихъ господъ и эксплуататоровъ, что, стало быть, дѣйствительная сила на ихъ сторонѣ,—одинъ этотъ фактъ вполне достаточенъ для того, чтобы ясно показать нелѣпость всей этой теоріи насилія»¹⁾. Значить, тамъ, гдѣ имѣется численное превосходство,—тамъ и дѣйствительная сила. Энгельсъ, который поставилъ вопросъ объ оружіи въ центръ своей полемики противъ теоріи насилія, умалчивая о другихъ факторахъ силы, вдругъ вспомнилъ о численномъ превосходствѣ, одномъ изъ этихъ факторовъ, и отождествилъ съ нимъ «дѣйствительную силу», совершенно забывая и объ оружіи, и объ организаціи... Значить, тысяча неорганизованныхъ и невооруженныхъ людей всегда сильнѣе организованнаго и вооруженнаго отряда въ сто человекъ! Значить, если порабощенные и эксплуатируемые были всегда большинствомъ, то они допускали порабощеніе и эксплуатацию не потому, что они, невооруженное и неорганизованное большинство, были безсильны противъ вооруженнаго и организованнаго меньшинства,—оставляя въ сторонѣ отсутствіе сознательности и рабство духа, вслѣдствіе воспитанія въ традиціяхъ рабства,—а потому, что, хотя и представляя собою «дѣйствительную силу», они считали свое порабощеніе и эксплуатацию чѣмъ-то необходимымъ, неизбежнымъ, неотвѣтственнымъ состоянію производительныхъ силъ! Значить, если они возставали отъ времени до времени противъ своихъ цѣпей, то это они дѣлали только по недоразумѣнію! Значить, по недоразумѣнію возставали илоты противъ своихъ угнетателей, Спартакъ и рабы противъ рабовладѣльцевъ, багауды противъ римскаго фиска и всѣхъ своихъ вампировъ, крѣпостные и «Жаки» противъ своихъ сеньеровъ, нѣмецкіе крестьяне въ эпоху Реформаціи противъ дворянъ. Если бы только они знали фатальный законъ экономіи производительныхъ силъ, если бы только они сознавали фатальную необходимость гнета и эксплуатации при опредѣленномъ состояніи производительныхъ силъ и плодотворность «борьбы классовъ» лишь въ опредѣленной фазѣ развитія этихъ самыхъ производительныхъ силъ, то они, конечно, не стали бы прибѣгать къ своей «дѣйствительной силѣ» большинства, чтобы вступать въ борьбу и терпѣть пораженіе отъ несравненно болѣе «дѣйствительной силы» организованнаго и вооруженнаго меньшинства...

Энгельсъ не отрицаетъ также гнета и эксплуатации, производимыхъ самою силою государственной власти. Но онъ настаиваетъ на

¹⁾ Engels, Anti - Dühring, стр. 151.—Интересно, что польскій марксистъ Л. Крживицкій какъ бы иллюстрируетъ цитированное замѣчаніе Энгельса примѣромъ крѣпостничества, которое „было въ извѣстный періодъ исторіи вполне рационально, т. е. сами заинтересованные считали его чѣмъ-то нравственнымъ, законнымъ необходимымъ и полезнымъ“ (Л. Крживицкій, Генезисъ идей, Сиб. 1905, стр. 21). О крѣпостниче ствѣ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи. Здѣсь мы только замѣтимъ, что дальше этого идти въ историческомъ апологетизмѣ врядъ ли можно. Нѣсколько болѣе умѣренно, но и болѣе спутанно говоритъ о роли насилія Каутскій (Развитіе государственнаго строя, стр. 5, и Этика и матеріалистическое пониманіе Исторіи, 1906, стр. 162).—Ср. Guizot, Histoire de la civilisation en France, Paris, 1829, t. II, стр. 257.

административныхъ и хозяйственныхъ функціяхъ, для выполненія которыхъ возникла государственная власть, и на невозможности для послѣдней дѣйствовать противъ экономическаго развитія страны. «Въ основѣ политическаго господства всюду лежало выполненіе общественныхъ должностей; и политическое господство отличалось прочностью только тогда, когда оно выполняло эти свои общественныя функціи» ¹⁾. Но какимъ образомъ произошло то, что государственная власть обособилась отъ общества и стала ему противопоставляться? Вслѣдствіе сосредоточенія во власти правителей организованной общественной силы. Главнымъ образомъ была это сила военная, которая прогрессивно росла вмѣстѣ съ войнами—одновременно ея причиною и результатомъ—и производимымъ ими сплавиваніемъ мелкихъ общественныхъ единицъ въ крупные политическіе организмы. Войны—главная причина возникновенія политическаго деспотизма и одинъ изъ главныхъ источниковъ классовой и вообще соціальной іерархіи ²⁾. Милитаризмъ, это—врагъ и постоянная опасность для демократіи и народной свободы. И въ настоящее время милитаризмъ—постоянный спутникъ реакціи и уродливаго націонализма: милитаризмъ Бисмарковой Германіи, милитаристскій націонализмъ во Франціи въ періодъ дѣла Дрейфуса, тенденція совмѣстнаго дѣйствія консервативнаго и милитаристскаго духа въ современной Англіи. При помощи военной силы были произведены цезаристскіе перевороты древняго и новаго времени. Военная сила наемныхъ солдатъ-варваровъ обезсилила римскихъ императоровъ и замѣнила ихъ вождями военныхъ дружинъ, ставшихъ такимъ образомъ королями. Арабскіе халифы были низвергнуты военною силою наемныхъ солдатъ-турокъ, воздвигшихъ на тронъ своихъ представителей—султановъ. Въ революціяхъ и контръ-революціяхъ судьба политической власти зависѣла главнымъ образомъ отъ характера и соотношенія военныхъ силъ. Первая англійская революція врядъ ли бы окончилась побѣдою парламента, если бы въ Англіи существовало постоянное войско, которое въ такомъ случаѣ, конечно, находилось бы въ распоряженіи короля. Одно изъ главныхъ условій договорнаго соглашенія съ Карломъ I, которое было выработано Долгимъ Парламентомъ, состояло въ томъ, чтобы командованіе военными силами страны принадлежало въ теченіе

¹⁾ Engels, *Anti-Dühring*, стр. 153.—Марксъ, *Капиталъ*, т. I, стр. 448—449.—Г. Бельтовъ подчеркиваетъ это обстоятельство, противопоставляя его мнѣнію о государствѣ, какъ только объ „организациіи господства одного общественнаго класса надъ другимъ или надъ другими“ (Критика нашихъ критиковъ, стр. 319).—Ревизіонистъ Эд. Бернштейнъ указываетъ на отсутствіе цѣльности во взглядахъ Энгельса на государство (Условія возможности социализма, стр. 11).

²⁾ Ch. Letourneau, *Révolution politique*, стр. 51 и 55.—Ch. Letourneau *La guerre*, стр. 131, 486 и 530—531.—Энгельсъ говоритъ о возникновеніи политической іерархіи и абсолютизма подъ вліяніемъ войнъ лишь вскользь въ своей полемикѣ съ Дюрингомъ (*Anti-Dühring*, стр. 152), но болѣе подробно въ „Происхожденіи семьи“ (стр. 129 и 148). О военныхъ дружинахъ германцевъ онъ говоритъ: «Онѣ представляли серьезную опасность для прежней народной свободы и дѣйствительно уничтожили ее во время великаго переселенія народовъ и въ слѣдующую за нимъ эпоху» (стр. 129).

опредѣленнаго періода времени не королю, а парламенту ¹⁾). Когда Людовикъ XIV въ 1698 году былъ заинтересованъ въ сохраненіи мира съ Англіею, для осуществленія плановъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, онъ давалъ инструкцію своему послу въ Англіи убѣдить англичанъ въ выгодѣ для нихъ мира, въ виду опасности для англійской свободы войны, которая передастъ ихъ королю командованіе надъ значительными военными силами, а, слѣдовательно, и возможные ресурсы абсолютизма: англійскій король, имѣющій въ своемъ распоряженіи военную силу, приравнивался такимъ образомъ иностранной державѣ, враждебной къ Англіи. Какъ извѣстно, въ 1789 году Національное собраніе было спасено противъ замысловъ двора, готовившаго контръ-революцію при помощи наемныхъ солдатъ, лишь возстаніемъ 14 іюля. Наканунѣ революціи, многіе беспокоились, что Генеральные Штаты окажутся безсильны передъ дворомъ и его военною силою. «Слабость и кратковременность Генеральныхъ Штатовъ возбуждаютъ беспокойство. Существуютъ опасенія, что надъ ними совершать насиліе. Особенно боится этого дворянство». «Швейцарскія войска, читаемъ мы во многихъ наказахъ, должны присягнуть, что никогда не поднимутъ оружія противъ гражданъ, даже въ случаѣ мятежа или возмущенія» ²⁾). Извѣстно, какія мѣры принимало Законодательное Собраніе, чтобы лишить короля военной силы, которую онъ могъ бы противопоставить народу, и чтобы создать милицію волонтеровъ, направленную противъ роялистовъ, извѣстно, что король отказался санкціонировать эту послѣднюю мѣру, и что послѣ этого цѣлый рядъ событій привелъ къ возстанію 10 августа. Съ другой стороны, въ періодъ термидоріанской реакціи, послѣ возстанія жерминаля и преріала, Конвентъ принялъ мѣры къ преобразованію національной гвардіи, въ смыслѣ благонадежности ея состава.

Какимъ образомъ удавались революціи, происходившія въ послѣднія сто лѣтъ? Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ испанскія прунціаміенто, неаполитанская революція 1820 года, пьемонтское возстаніе 1821 года, послѣдній турецкій переворотъ, были военными возстаніями. Іюльская революція 1830 года, берлинское и вѣнское возстанія 1848 года обязаны своимъ успѣхомъ дезорганизациі правительствъ, недостаточной ихъ подготовленности и допущенныхъ ими ошибокъ, вслѣдствіе потери хладнокровія и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неиспользованія или недостаточнаго использованія имѣвшихся въ ихъ распоряженіи военныхъ силъ. Февральская революція 1848 года удалась, благодаря духу нерѣшительности, который удалось внести возставшимъ въ военную силу. Переворотъ 4 сентября 1870 года совершился весьма легко противъ правительства, дискредитированнаго позорными военными пораженіями, потерявшаго своего главу (послѣ капитуляціи Луи-Наполеона) и не имѣвшаго даже военной силы для защиты и нападенія. Во всѣхъ этихъ

¹⁾ Guizot, Histoire de la révolution d'Angleterre, t. II, стр. 398 и 431.

²⁾ Токвиль, Старый порядокъ и Революція, стр. 20.

случаяхъ военная сила либо брала на себя инициативу возстанія, либо отчасти сама вовлекалась въ революцію, либо отсутствовала, либо бездѣйствовала, либо противодѣйствовала возстанію лишь слабо и нерѣшительно.

Что же касается контръ-революцій и реакціонныхъ государственныхъ переворотовъ, то они всѣ совершались главнымъ образомъ при помощи военной силы (и, конечно, при помощи всей силы государственнаго механизма). Марксъ подробно анализируетъ соотношенія общественныхъ группъ и классовъ и въ революціонный періодъ 1848 года и послѣдующаго трехлѣтія; но и у него всѣ сложно сплетенные Гордіевы узлы «классовой борьбы», классовыхъ и групповыхъ интересовъ разрубаются просто мечемъ силы ¹⁾. Отъ успѣха силы въ концѣ концовъ зависѣлъ успѣхъ революціи или контръ-революціи. Не сила служила социальному и экономическому развитію общества, а наоборотъ сила располагала въ извѣстныхъ предѣлахъ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи, направляя событія по опредѣленному руслу.

Крайне ложенъ тотъ взглядъ, согласно которому политическія преобразованія, какъ «не доходящія до самаго дна социальной жизни», остаются безъ глубокаго вліянія на общественное развитіе. Если политика общества вліяетъ на его экономію и вообще на разнообразныя стороны его жизни, то было бы странно, если бы на общественной жизни не отражались перемѣны въ политическомъ строѣ.

Невѣрно утвержденіе Каутскаго, что «капризы восточнаго деспотизма касаются только непосредственнаго антуража, масса же народа лишь рѣдко затрагивается дворцовыми интригами и революціями» ²⁾. Развѣ на положеніи рабовъ вообще не отражаются причуды и нравъ ихъ господина? Чего стоятъ однѣ только войны, зависящія несомнѣнно отъ капризовъ деспота, и внутреннія междоусобія, происходящія отъ борьбы за власть и часто связанные съ дворцовыми переворотами и интригами! Страдать отъ нихъ приходится именно массѣ.

Невѣрно вообще, что политическая сила, какъ самостоятельная категорія, не можетъ производить крупныхъ измѣненій въ общественной жизни, вліяющихъ на всю дальнѣйшую исторію социальныхъ группъ. Вся дѣйствительная исторія свидѣтельствуетъ о противоположномъ, и не мало фактовъ въ этомъ смыслѣ нами уже приведено.

Нужны ли примѣры изъ области экономіи и права? Одинъ изъ яркихъ примѣровъ подобнаго рода представляетъ закрѣпощеніе въ Римской имперіи законодательнымъ путемъ, въ интересахъ фиска, массы свободныхъ колоновъ, — фактъ, интересный по своей опредѣленности и

¹⁾ Марксъ, Революція и Контръ-революція, стр. 44 и 46; Классовая борьба во Франціи, стр. 50, и предисловіе Энгельса, стр. XI; Восемнадцатое Брюмера, стр. 13, 36, 39 и 83. — Въ „Революціи“ и въ „Классовой борьбѣ“ Марксъ много говоритъ о ненависти всѣхъ классовъ населенія къ прусскому и австрійскому деспотизму. Но контръ-революція все же была выполнена помощью солдатъ.

²⁾ Kautsky, Parlamentarisme et socialisme, стр. 103.

осязательности. Въ видѣ другого примѣра можно указать на введеніе въ новое время политическимъ абсолютизмомъ римскаго права, ненавистнаго всѣмъ классамъ общества, вопреки чуду воплощеннаго имъ «народнаго духа» Савиньи, и ухудшившаго особенно положеніе крестьянъ. По мнѣнію Токвиля, главная причина «рецепцій» римскаго права въ Европѣ состояла въ томъ, что «какъ разъ въ то время повсюду, на развалинахъ старыхъ вольностей средневѣковой Европы, прочно устанавливалась неограниченная власть государей, и римское право, основанное на рабствѣ, какъ нельзя лучше соотвѣтствовало ихъ видамъ»¹⁾.

Въ сферѣ національныхъ интересовъ политика коверкала и ломала всѣ естественныя связи ради интересовъ династическихъ. Страшная борьба и огромная трата усилій не могли до сихъ поръ еще внести равновѣсіе въ отношенія, созданныя политической алчностью и насиліемъ.

Извѣстно огромное значеніе вмѣшательства политической силы въ сферу интересовъ религіозныхъ. Нужно ли напоминать о насильственномъ обращеніи въ христіанство язычниковъ римскою государственною властью послѣ того, какъ христіанство было провозглашено государственною религіею, о распространеніи огнемъ и мечемъ магометанства, о насильственномъ крещеніи Карломъ Великимъ, послѣ страшныхъ кровопролитій, саксовъ, о насильственномъ обращеніи въ христіанство датскими королями норвежцевъ, о принудительномъ насажденіи въ Венгріи христіанства королемъ св. Стефаномъ, о насильственномъ крещеніи померанцевъ польскими князьями, о кровавомъ обращеніи въ христіанство финновъ, ливонцевъ, пруссовъ? Нужно ли напоминать о зависимости успѣха реформаціи въ каждой отдѣльной странѣ отъ религіозныхъ убѣжденій и политическихъ расчетовъ монарховъ, о знаменитомъ правилѣ «*cujus regio, ejus religio*»? Важность послѣдствій этихъ насильственныхъ обращеній (или иногда насильственного сохранения старой религіи или вѣроисповѣданія) несомнѣнна. Но при чемъ во всѣхъ этихъ насильственныхъ мѣрахъ политической власти экономическіе интересы и экономическое развитіе странъ и народовъ?

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ ложность взгляда на подчиненную роль силы и насилія въ исторіи. Въ рукахъ тѣхъ, которые владѣютъ силою, въ частности политическою силою, послѣдняя становится орудіемъ для осуществленія самостоятельныхъ цѣлей и интересовъ, ничего общаго не имѣющихъ съ хозяйственно-гражданскимъ развитіемъ общества и даже направленныхъ противъ этого развитія.

¹⁾ Токвиль, I. с., стр. 247.—Интересно, что „экономическое объясненіе исторіи“ Горольдомъ Роджерсомъ встрѣтило возраженія, исходящія изъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Французскій переводчикъ Роджерса упрекаетъ его въ томъ, что онъ удѣляетъ слишкомъ много причинности ошибкамъ и преступленіямъ правителей (Rogers, *Interprétation économique de l'histoire*, trad. Castelot, стр. XII, тогда какъ, напримѣръ, Тардъ ссылается на то, что самъ Роджерсъ не могъ не доказать своими примѣрами вліянія политическихъ событій на экономическія явленія (*Annales de l'Institut International de Sociologie*, t. VIII, стр. 284).

Въ слѣдующей главѣ мы покажемъ, что принципъ развитія производительныхъ силъ общества безсиленъ въ смыслѣ установленія какихъ-либо предѣловъ, которыми разрѣшалось бы въ реальной исторіи противорѣчіе между политикою и экономіею общества.

ГЛАВА VII.

Соціальные антагонизмы и развитіе производительныхъ силъ общества.

I.

Каждому состоянію общества соотвѣтствуетъ нѣкоторое состояніе его производительныхъ силъ. Каждому состоянію общества соотвѣтствуетъ нѣкоторая экономическая структура и нѣкоторый политико-правовой строй, а слѣдовательно и нѣкоторое состояніе соціальныхъ антагонизмовъ, если таковые существуютъ. И производительныя силы общества, и соціальные антагонизмы развиваются: они измѣняются количественно и качественно, въ степени и въ самой ихъ природѣ. Существуетъ ли опредѣленное уравненіе, связывающее состояніе соціальныхъ антагонизмовъ съ состояніемъ производительныхъ силъ общества?

Прежде всего надо установить, существуетъ ли необходимая связь соотвѣтствія между опредѣленною степенью развитія производительныхъ силъ общества и опредѣленною формою классовыхъ и политическихъ отношеній.

По характеру матеріальныхъ условій существованія, общества могутъ быть кочевыя или осѣдлыя, могутъ быть охотничьи, пастушескія, земледѣльческія, промышленныя. По характеру общественной коопераціи, они могутъ быть общественно-коммунистическія или индивидуалистическія; послѣднія могутъ отличаться какъ по величинѣ хозяйствъ (мелкія и крупныя), такъ и по степени автономіи хозяйствъ (натуральное и товарно-мѣновое). По характеру коопераціи и техники внутри cadaго отдѣльнаго хозяйства, независимо отъ того, представляетъ ли оно самостоятельную единицу или же одинъ изъ органовъ планомерно урегулированнаго общественнаго хозяйства, формы производства различаются, смотря по тому, преобладаетъ ли въ нихъ изолированный трудъ работниковъ или опредѣленная форма коопераціи (простой или сложной), а также смотря по преобладающему типу орудій и способовъ труда (примитивная и раціональная обработка земли, ремесло, мануфактура, фабрика, крупная промышленность).

Классовыя различія обусловливаются какъ степенью зависимости

самой личности работника отъ господъ, такъ и отъ отношеній собственности на орудія и средства труда. Въ отношеніи степени свободы самой личности трудящагося производителя, общественное хозяйство можетъ быть основано на рабскомъ трудѣ (рабы и рабовладѣльцы), на крѣпостномъ трудѣ (полусвободные крѣпостные и господа помѣщики) или на свободномъ трудѣ (свободный рабочій, свободный крестьянинъ, свободный ремесленникъ). Въ отношеніи же хозяйственной зависимости работниковъ отъ лицъ, принадлежащихъ къ классамъ, владѣющимъ, какъ собственностью, средствами и орудіями производства, слѣдуетъ различать систему наемнаго труда (наемный пролетарій и капиталистъ-предприниматель), систему фермерскаго труда (крестьянинъ-арендаторъ или помещикъ и землевладѣлецъ) и систему независимаго труда самостоятельныхъ собственниковъ (трудовой крестьянинъ-собственникъ, трудовой ремесленникъ).

Наконецъ, политическая связь общества можетъ принимать форму патріархально-родового союза, военной деспотіи, теократіи, неограниченной или ограниченной монархіи, феодальнаго строя, олигархіи или демократической республики. И политическое подчиненіе можетъ быть соединено съ формами экономическаго подчиненія подданныхъ государству.

Не трудно убѣдиться, что никакой опредѣленной связи между какою-либо конкретною формою классоваго господства и классоваго неравенства, съ одной стороны, и какою-либо конкретною формою условій матеріальнаго производства, техники и коопераціи въ общественномъ хозяйствѣ, съ другой стороны, исторія не обнаруживаетъ.

Такъ, рабство развивается, главнымъ образомъ, у народовъ осѣдлыхъ и земледѣльческихъ, но оно существуетъ и у народовъ кочевыхъ и пастушескихъ. Кочевые скифы имѣли рабовъ, которымъ они выкалывали глаза и которые служили для того, чтобы доить ихъ кобылъ. Натуральная экономія знала рабство не въ меньшей степени, чѣмъ товарно-мѣновая. Римскій крестьянинъ, когда еще работалъ самъ, обрабатывалъ землю вмѣстѣ съ нѣсколькими рабами, ему принадлежащими. Римская экономія сохранила въ достаточной степени натуральный характеръ даже въ эпоху латифундій, обрабатывавшихся сотнями рабовъ. По поводу работы негровъ въ южныхъ штатахъ американскаго союза Марксъ говоритъ, что она «сохранила довольно патріархальный характеръ до тѣхъ поръ, пока она была направлена главнѣйшимъ образомъ на удовлетвореніе непосредственныхъ нуждъ самихъ рабовладѣльцевъ» ¹⁾. Что трудъ рабовъ въ древнемъ мірѣ и негровъ въ новое время служилъ и для цѣлей обмѣна, нѣтъ надобности и доказывать. Но рабы работали не только въ латифундіяхъ и плантаціяхъ. Въ древней Греціи они работали также и въ фабрикахъ и мастерскихъ ²⁾. Рабы отда-

¹⁾ Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 187.

²⁾ Guiraud, Etudes économique sur l'antiquité, стр. 60.—Ср. Марксъ, Капиталъ, т. III, стр. 266.

вались за плату также въ наймы ¹⁾. Рабы употреблялись для работы въ рудникахъ Греціи, Египта, Испаніи и въ различныхъ провинціяхъ Рима. Однимъ словомъ, рабскій трудъ эксплуатировался какъ въ мелкихъ, такъ и въ крупныхъ хозяйствахъ, какъ въ работахъ самыхъ грубыхъ и простыхъ, такъ и въ тѣхъ, которыя требовали примѣненія орудій и извѣстнаго раздѣленія труда, какъ въ производствѣ, направленномъ на удовлетвореніе нуждъ самихъ рабовладѣльцевъ, такъ и въ хозяйствахъ чисто капиталистическихъ. Съ другой стороны, многіе народы, и между прочимъ и такіе, которые достигли фазиса промышленнаго развитія и значительнаго раздѣленія труда, не знали рабства. Отсюда слѣдуетъ, что никакой необходимой связи между опредѣленною степенью раздѣленія труда, характеромъ коопераціи, конкретною формою производства и обмѣна, съ одной стороны, и появленіемъ рабства, съ другой стороны,—нѣтъ.

Не отличаясь такою же эластичностью, какъ трудъ рабскій, полусвободный крѣпостническій трудъ все же встрѣчается у различныхъ народовъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ варварства и цивилизаціи. Нѣкоторая форма крѣпостничества для побѣжденныхъ существовала въ Новой Зеландіи, когда антропофагія еще не исчезла, а земледѣліе еще не вышло изъ зачаточнаго состоянія. На Маркизовыхъ островахъ, гдѣ не изгладились еще окончательно традиціи каннибализма, народъ находился въ крѣпостной зависимости отъ аристократіи вождей, для которыхъ онъ работалъ ²⁾. Въ высоко цивилизованной Индіи различныя формы крѣпостничества уживались рядомъ съ рабствомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Въ Египтѣ все земледѣльческое населеніе, какъ при фараонахъ, такъ и Птоломеяхъ, считалось собственностью царя, его крѣпостными; оно работало для государства и жило только тою долею, которую царь оставлялъ ему для пропитанія. Тотъ же режимъ остался нетронутымъ и при римскомъ владычествѣ ³⁾. Повинности, которыя должны были выполнять для государства въ Египтѣ и ремесленники и вообще подданные, принадлежащіе къ промышленному классу, приравнивали ихъ до извѣстной степени къ сельскому крѣпостному сословію. Огромныя Египетскія сооруженія были воздвигнуты трудомъ не только плѣнниковъ, но и обыкновенныхъ подданныхъ. Нѣкоторую аналогію съ подобною крѣпостною зависимостью населенія отъ государства въ Египтѣ представляетъ и тотъ строй, который европейцы открыли въ Перу, государствѣ Инковъ, вся хозяйственная жизнь котораго была подвергнута самой тщательной регламентаціи. Въ положеніи, близкомъ къ уровню государственныхъ крѣпостныхъ, находилось населеніе древней

1) Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, t. I, стр. 188.—Guiraud, Etudes économiques sur l'antiquité, стр. 126.—Ciccotti, Il tramonte della schiavitù nel mondo antico, стр. 102—103.

2) Ch. Letourneau, L'évolution de l'esclavage, стр. 177—179 и 183.

3) Mommsen, Römische Geschichte, стр. 574.—A. Bouche-Leclerc, Histoire des Lagides, t. III, стр. 101 и 179—180.

Персіи и другихъ восточныхъ деспотій. Крѣпостничество мы находимъ и у кочующихъ монголовъ, и у пастушескихъ берберовъ ¹⁾. Крѣпостничество существовало и въ древней Греціи, и при томъ въ различные фазисы ея хозяйственнаго развитія: илоты въ Лаконіи, пенесты въ Оессалии, побѣжденные дворянами жители Крита были крѣпостные. Положеніе порабощенныхъ массъ у германцевъ, кельтовъ, иберійцевъ было ближе къ крѣпостничеству, чѣмъ къ рабству. Римскіе колоны, прикрѣпленные закономъ къ землѣ, были крѣпостные. Въ различныхъ странахъ Европы крѣпостничество исчезаетъ или продолжаетъ существовать, внѣ осязательнаго соотвѣтствія съ такими различіями въ степени экономического развитія этихъ странъ, въ которыхъ можно было бы усматривать основаніе большей долговѣчности крѣпостничества въ одномъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Какъ извѣстно, раньше всего крѣпостничество исчезло въ сѣверной Италіи и южной Франціи, а именно въ XII и XIII вѣкѣ, нѣсколько позже въ другихъ провинціяхъ Франціи, въ Англіи же освобожденіе крѣпостныхъ произошло главнымъ образомъ въ XV-омъ вѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи крѣпостное право продолжало существовать вплоть до великой революціи, между тѣмъ какъ въ Пруссіи и другихъ странахъ оно было упразднено только въ XIX-омъ вѣкѣ.

Что между стадіею хозяйственнаго развитія страны и какою-либо конкретною формою классоваго господства нѣтъ необходимой связи, — видно изъ того, что и рабство, и крѣпостничество, и свободный трудъ, часто уживаются рядомъ, и при томъ нерѣдко въ такихъ пропорціяхъ, что становится трудно опредѣлить, какой именно формѣ труда принадлежитъ преобладающая роль. Въ Полинезіи вожди часто имѣютъ рабовъ, между тѣмъ какъ масса трудящагося населенія находится въ состояніи крѣпостничества. Въ Галліи только аристократы могли владѣть рабами, вообще же низшій классъ населенія состоялъ изъ крѣпостныхъ. Въ полудивилизованныхъ странахъ средней Африки, гдѣ промышленность достигла извѣстной степени развитія, рабы употребляются для пастушеской работы и для земледѣльческаго труда, въ мастерскихъ же работаютъ люди свободные ²⁾. Мексика, открытая европейцами, представляла удивительное сочетаніе и канибализма, и человѣческихъ жертвоприношеній, и рабства, и крѣпостничества, и свободного труда. Въ Индіи кастовый режимъ примирялся и съ рабствомъ въ тѣсномъ смыслѣ, и съ различными формами крѣпостничества, и съ наемнымъ свободнымъ трудомъ. Въ Китаѣ существовали только домашніе рабы, и роль ихъ въ экономіи страны была довольно незначительна; вообще же масса населенія состояла изъ людей свободныхъ и полу-свободныхъ. Въ Іудеѣ было много рабовъ, но много было и свободныхъ работниковъ, занимавшихся на опредѣленный срокъ ³⁾. Въ восточныхъ деспотіяхъ,

¹⁾ Ch. Letourneau, Evolution de l'esclavage, стр. 224 и 251.

²⁾ Letourneau, Evolution de l'esclavage, стр. 117.

³⁾ Tony André L'esclavage chez les anciens Hebreux, Paris, 1892, стр. 139 и 6.

какъ Египетъ, Персія, Аннамъ, Бирманъ, Сіамъ, Камбоджа, все трудящееся населеніе было фактически поработчено государствомъ, представляя собою классъ государственныхъ крѣпостныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ странахъ существовали и рабы въ собственномъ смыслѣ этого слова, служившіе большею частью, какъ домашніе рабы.

Даже въ античномъ мірѣ, въ Греціи и Римѣ, въ ту эпоху, когда институтъ рабства достигъ высшей точки своего развитія, свободные работники—самостоятельные и зависимые—всегда оставались въ весьма значительномъ числѣ. Въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ исторіи античнаго хозяйства замѣчается реакція противъ того взгляда, согласно которому конкуренція рабскаго труда убила свободный трудъ въ древности. Извѣстный историкъ Эдуардъ Мейеръ утверждаетъ, что свободный трудъ и рабство одинаково стары: «капиталь» нуждается только въ дешевыхъ и удобныхъ рабочихъ силахъ, вопросъ же о правовой формѣ труда, о томъ, будетъ ли трудиться рабъ или свободный работникъ, стоитъ на второмъ планѣ ¹⁾. Эд. Мейеръ утверждаетъ, что въ Греціи число рабовъ обыкновенно бывало ниже числа свободныхъ работниковъ, занимавшихся ремеслами и торговлею. Онъ говоритъ, что свободный трудъ пользовался уваженіемъ въ Греціи, свысока же относились къ нему лишь аристократія и плутократія, которыя проявляли свой взглядъ лишь съ большею откровенностью, чѣмъ это дѣлается нынѣ ²⁾. Подобное же сужденіе о роли свободного труда въ Атикѣ высказываетъ другой историкъ Поль Гиро: презрѣнія къ физическому труду не было въ демократіи, взглядъ философовъ—скорѣе болѣе поздняго происхожденія. Гиро доказываетъ, что въ Атикѣ преобладали мелкое и среднее землевладѣніе, и три четверти всего числа гражданъ владѣли землею; что же касается промышленнаго труда, то, хотя въ фабрикахъ и мастерскихъ предпочитали примѣненіе рабскаго труда, но въ нихъ работали и свободные люди, нанимавшіеся посуточно или на опредѣленный срокъ ³⁾. Даже прислуга конкурировала съ рабскимъ трудомъ, и аѳинянки нанимались въ служанки въ богатыхъ домахъ. Не слѣдуетъ забывать, что, кромѣ рабовъ и полу-свободнаго населенія (илоты, пенесты), Греція знала классъ свободныхъ людей, ограниченныхъ въ политическихъ правахъ, которые занимались торговлею, ремеслами и вообще физическимъ трудомъ. Это были теты въ Аѳинахъ и періэки въ Лаконіи. Итальянскій изслѣдователь древности Чиккотти, примыкающій въ общемъ къ историческимъ воззрѣніямъ Маркса, также придерживается взгляда касательно преувеличенія числа рабовъ въ Греціи и значительнаго развитія въ древности свободного труда ⁴⁾.

Еще болѣе рѣзкимъ образомъ реакція противъ взгляда на гибель свободного труда въ древнемъ мірѣ подъ вліяніемъ конкуренціи рабства

¹⁾ Eduard Meyer, Die Sklaverei in Altertum, Dresden, 1898, стр. 38.

²⁾ Ibid, стр. 37.

³⁾ Paul Guiraud, Etudes économiques sur l'antiquité, стр. 13, 46.

⁴⁾ E. Cicciotti, Il tramonto della schiavitù nel mondo antico, стр. 99 и 101.

проявилась въ изслѣдованіяхъ римской экономіи. Гизо говоритъ о существованіи въ послѣднемъ періодѣ Римской имперіи многочисленнаго класса свободныхъ ремесленниковъ ¹⁾. Были и самостоятельные ремесленники, работавшіе на дому, и наемные, работавшіе въ мастерской хозяина. Много было и наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ ²⁾. Многочисленный классъ свободныхъ колоновъ, впоследствии прикрѣпленныхъ къ землѣ, состоялъ изъ мелкихъ арендаторовъ, обрабатывавшихъ собственнымъ трудомъ нанятые ими участки и платившихъ землевладельцу либо опредѣленное количество продуктовъ, либо опредѣленную долю урожая, отчасти же оплачивавшихъ стоимость аренды личнымъ трудомъ. Фюстель-де-Куланжъ доказываетъ, что представленіе о размѣрахъ латифундій въ Италіи и о вліяніи ихъ на судьбу античнаго земледѣлія преувеличено, ибо въ Италіи существовалъ многочисленный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ ³⁾. Еще до того Гейстерберкъ, въ своемъ изслѣдованіи о происхожденіи колоната, проводилъ взглядъ, что мотивы образованія латифундій не были экономической природы: владѣльцы заботились не объ увеличеніи хозяйства и доходовъ, а руководились чувствомъ гордости, чванства, стремленіемъ къ внѣшнему блеску, ибо доходовъ у нихъ было достаточно и другихъ; жалобы же древнихъ авторовъ на пагубныя соціальныя послѣдствія роста латифундій слѣдуетъ считать преувеличенными ⁴⁾. Съ особенною силою настаиваетъ на преувеличеніи значенія латифундій и рабскаго труда въ Римѣ новѣйшій изслѣдователь Сальвиоли. Онъ рѣшительно отрицаетъ правильность предположенія, будто экономической упадокъ Италіи былъ вызванъ ростомъ латифундій. Это вѣрно лишь по отношенію къ Лаціуму, вообще же латифундіи не были чрезмерно велики, и состояли онѣ главнымъ образомъ изъ земель, неудобныхъ для обработки. Сальвиоли доказываетъ существованіе и важность цѣлаго класса свободныхъ крестьянъ, землевладѣльцевъ, какъ въ республиканскій періодъ жизни Рима, такъ и въ имперіи. Далѣе Сальвиоли показываетъ, что свободный ремесленный трудъ имѣлъ значительное развитіе даже и тогда, когда рабовъ было много, и что вообще число рабовъ въ Римскомъ государствѣ было преувеличено; между свободнымъ и рабскимъ трудомъ существовало нѣкоторое равновѣсіе, при чемъ во всѣхъ ремеслахъ участвовали одновременно обѣ формы труда ⁵⁾. «Это, говоритъ Сальвиоли, даетъ намъ также объясненіе характера соціального вопроса въ древности; это не была борьба свободного

¹⁾ Guizot, Histoire de la civilisation en France, Paris, 1829, t. I, стр. 71—72.

²⁾ Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, t. III, стр. 98 и 103—106.

³⁾ Fustel de Coulanges, L'Allee et le domaine rural pendant l'epoque merovingienne, стр. 23—24 и 29—30.

⁴⁾ Bernh. Heisterbergk, Die Entstehung des Colonats, Leipzig, 1876. стр. 67 и 21.

⁵⁾ G. Salvioli, Le capitalisme dans le monde antique. Paris, 1906, стр. 84—86, 94—97, 102, 112—114, 138—144, 147, 191, 206, 209, 217, 294—298, 305—307. — Относительно аграрнаго кризиса ср. Ferrero, Grandeur et decadence de Rome, стр. 405—411.

труда и труда рабскаго, но борьба между землевладельцами и тѣми, которые земли не имѣли. Никогда не раздавался военный крикъ противъ этихъ купленныхъ полчищъ рабовъ, которыя обезцѣнивали ручной трудъ, его унижали и отнимали хлѣбъ у работниковъ; никогда плебсъ не требовалъ массоваго изгнанія рабовъ. Свободный работникъ жаловался не на недостатокъ работы, а на то, что онъ вынужденъ работать, что онъ не такъ богатъ, какъ правящіе классы, что онъ не владѣетъ земельною собственностью» ¹⁾).

Въ Средніе вѣка рабство въ тѣсномъ смыслѣ существовало долгое время вмѣстѣ съ крѣпостничествомъ и даже съ свободнымъ трудомъ въ городахъ. Въ Америкѣ также рабство сосуществовало съ свободнымъ трудомъ.

Итакъ, опредѣленной степени хозяйственнаго развитія не соответствуетъ непременно одна какая-нибудь конкретная форма классоваго подчиненія. Съ другой стороны, ложною представляется и та историческая схема, согласно которой различныя конкретныя формы гнета и эксплоатаціи являются различными фазисами одного процесса, въ которомъ каждая опредѣленная ступень соціального развитія необходимо обусловлена конкретною предыдущею фазою и необходимо же приводить къ конкретной послѣдующей фазѣ, согласно одному простому и единообразному закону эволюціи. Ошибочно было бы, напримѣръ, думать, что первая форма эксплоатаціи человѣка человѣкомъ рождается въ видѣ каннибализма, что каннибализмъ потомъ ведетъ къ истребленію плѣнныхъ, что послѣднее въ свою очередь позже смѣняется рабствомъ, что рабство въ естественномъ процессѣ своего собственнаго развитія превращается въ крѣпостничество и что крѣпостничество постепенно переходитъ въ форму собственнаго труда. Существуютъ дикія племена, которыя не знаютъ ни каннибализма, ни рабства, но въ которыхъ всѣ тяжелыя работы вваливаются на женщинъ; таковы, напримѣръ, нѣкоторыя племена краснокожихъ въ Америкѣ, которыя либо убиваютъ плѣнныхъ, либо, напротивъ того, адаптируютъ ихъ на полныхъ правахъ съ другими членами рода. Вообще не легко доказать, что каннибализмъ былъ неизбѣжною фазою развитія всѣхъ народовъ. Но тамъ, гдѣ онъ существуетъ, онъ соединяется почти всегда съ страшнымъ угнетеніемъ женщины, а иногда и съ рабствомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Съ другой стороны во многихъ варварскихъ и восточныхъ деспотіяхъ рабство было весьма незначительно, массы же коснѣли въ государственномъ крѣпостничествѣ, между тѣмъ какъ побѣжденные въ войнѣ или подчинялись и платили дань, или истреблялись, или подвергались насильственному переселенію въ другія территоріи. Свободные жители Лаконіи, Фессалии и Крита, обращенные въ крѣпостное состояніе, не прошли вовсе черезъ фазисъ рабства. Положеніе кліентовъ въ древнѣйшую эпоху античнаго міра было, вѣроятно, положеніемъ людей полу-свобод-

¹⁾ G. Salvioli, l. c., стр. 146.

ныхъ. Эд. Мейеръ находитъ, что средневѣковое крѣпостничество было возвратомъ къ крѣпостничеству глубокой древности, и что періодъ процвѣтанія рабства въ древнемъ мірѣ является лишь второю фазою цикла, повторившагося и послѣ гибели этого древняго міра, но съ тою разницею, что въ новое время вторая фаза развитія характеризуется не рабствомъ, а свободнымъ наемнымъ трудомъ ¹⁾. Съ другой стороны, свободный трудъ—наемный и арендаторскій (испольный),— а также самостоятельный крестьянскій трудъ, но обремененный задолженностью по отношенію къ крупнымъ землевладѣльцамъ, имѣлъ самое широкое распространеніе и въ Греціи, и въ Римѣ задолго до того, какъ значительное развитіе получилъ трудъ рабскій. Прикрѣпленные къ землѣ колоны были сначала лично свободные люди, но хозяйственно зависимые отъ крупныхъ землевладѣльцевъ; эти свободные люди перешли впослѣдствіи въ крѣпостное состояніе, не проходя черезъ состояніе рабства въ собственномъ смыслѣ. То же самое повторилось съ свободными крестьянами, закрѣпощенными въ эпоху Каролинговъ. Древніе германцы не имѣли рабовъ, но имѣли классъ крѣпостныхъ работниковъ, которые обрабатывали землю и обязаны были доставлять своимъ господамъ нѣкоторое количество продуктовъ.

Отсюда слѣдуетъ, что если классовый строй общества, разъ появившись, и получаетъ нѣкоторую устойчивость и постоянство, то исторія не знаетъ такого закона, согласно которому всякое общество въ своемъ развитіи необходимо проходить черезъ нѣкоторыя опредѣленные формы классоваго господства, или что конкретныя формы классоваго господства смѣняются одна другою въ опредѣленной хронологической послѣдовательности.

Между опредѣленною ступенью развитія производительныхъ силъ и опредѣленною формою классоваго господства нѣтъ, стало быть, необходимой связи. Но подобнымъ же образомъ нѣтъ необходимой связи между опредѣленною ступенью экономического развитія и опредѣленною формою политическаго устройства общества. Каннибализмъ встрѣчается и въ республиканскихъ дикихъ племенахъ Меланезіи, и въ монархическихъ племенахъ Новой Зеландіи и Новой Каледоніи, и въ варварскихъ деспотіяхъ страны Великихъ Озеръ въ восточной Африкѣ, и въ достаточно высоко цивилизованной монархической Мексикѣ (куда болѣе жестокіе нравы были, впрочемъ, введены побѣдителями-ацтеками). Истребленіе плѣнниковъ, это—печальное явленіе, которое встрѣчается и у дикихъ республиканскихъ краснокожихъ, не знающихъ каннибализма или отвыкшихъ отъ него, и въ варварскихъ и восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ рабство незначительно или напротивъ того сильно развито, и у цивилизованныхъ народовъ, независимо отъ строя республиканскаго, монархи-

¹⁾ Ed. Meyer, Die Sklaverei in Altertum, стр. 18—24 и 8.—О древнѣйшихъ кліентахъ см. Fustel de Coulanges, La cité antique, стр. 310—312.

ческаго или феодальнаго. Рабство, крѣпостничество и свободный трудъ существовали у различныхъ народовъ и въ различныхъ странахъ совершенно независимо отъ ихъ политическаго строя. Необходимое и опредѣленное соотвѣтствіе между нѣкоторою конкретною классовою структурою общества и его политическимъ строемъ существуетъ такъ же мало, какъ между конкретною классовою структурою общества и опредѣленною степенью развитія его производительныхъ силъ.

II.

Между конкретною формою классоваго и политическаго антагонизма, съ одной стороны, и опредѣленною степенью развитія производительныхъ силъ общества, съ другой стороны, необходимой связи нѣтъ. Стало быть, если классовыя и политическія отношенія внутри общества и зависятъ отъ состоянія производительныхъ силъ, то они зависятъ не только отъ него одного, но и отъ другихъ причинъ, объясняющихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указанное выше несоотвѣтствіе.

Не объясняется ли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, т. е. въ данномъ обществѣ и въ данный моментъ, существованіе данныхъ классовыхъ отношеній и даннаго политическаго строя тѣмъ, что эти классовыя отношенія и этотъ политическій строй, при данныхъ обстоятельствахъ, способствуютъ развитію производительныхъ силъ общества, въ противномъ же случаѣ смѣняются другими классовыми отношеніями и другимъ политическимъ строемъ, удовлетворяющими требованію развитія тѣхъ же производительныхъ силъ?

Если этотъ вопросъ требуетъ утвердительнаго отвѣта, то каждая сколько-нибудь устойчивая форма общественныхъ отношеній—классовыхъ и политическихъ—по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени была прогрессомъ надъ предшествующей ей соціальною ступенію, способствуя, въ большей мѣрѣ, чѣмъ послѣдняя, развитію производительныхъ силъ общества.

Прежде всего, исторія свидѣтельствуетъ не только о прогрессивной эволюціи общества, въ частности о развитіи его производительныхъ силъ, но и о регрессѣ, объ упадкѣ общества, въ частности объ упадкѣ производительныхъ силъ. Но если такъ, то, при извѣстныхъ условіяхъ, общество оказывается безсильнымъ передъ разрѣшеніемъ задачи о приведеніи общественныхъ отношеній въ такого же рода соотвѣтствіе съ состояніемъ производительныхъ силъ, которое помѣшало бы упадку этихъ производительныхъ силъ и прогрессивной эволюціи общества. Тогда позволительно заключать, что тѣ самыя причины, которыя воспрепятствовали осуществленію указаннаго соотвѣтствія въ эпохи упадка, могли дѣйствовать въ томъ же направленіи и въ эпохи видимаго прогресса, при чемъ этотъ прогрессъ въ развитіи производительныхъ силъ достигался вопреки характеру классовыхъ отношеній и политическаго

строю: при другой формѣ общественныхъ отношеній прогрессъ былъ бы гораздо больше. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ необычайный подъемъ промышленности въ послѣднія десятилѣтія совпалъ съ ростомъ политической коррупціи; значить ли это, что политическая коррупція способствуетъ развитію производительныхъ силъ сѣверо-американской республики?

Далѣе, приведеніе общественныхъ отношеній въ соотвѣтствіе съ состояніемъ производительныхъ силъ не совершается, конечно, дѣйствіемъ чуда. Оно можетъ быть только результатомъ цѣлесообразной дѣятельности людей, направленной на осуществленіе сознанныхъ ими опредѣленныхъ интересовъ. Развитие же производительныхъ силъ относится къ категоріи интересовъ матеріальныхъ. Оно входитъ въ сферу существенныхъ матеріальныхъ интересовъ каждаго отдѣльнаго общества.

Но, во-первыхъ, развитіе производительныхъ силъ, какъ и вообще соціальный прогрессъ является результатомъ не только цѣлесообразной и планомѣрной дѣятельности людей, направленной прямо или косвенно на разрѣшеніе этой задачи, но и многихъ причинъ, или вовсе не зависящихъ отъ сознательнаго дѣйствія человѣческой воли, или независимыхъ отъ воли и стремленій индивидуумовъ, составляющихъ данное общество.

Во-вторыхъ, соціальныя отношенія, господствующія внутри каждаго общества, а также и состояніе его производительныхъ силъ, могутъ быть результатомъ не состоянія даннаго общества, а внѣшнихъ или между-общественныхъ антагонизмовъ.

Въ-третьихъ, дѣятельность людей опредѣляется не только матеріальными интересами, но и другими категоріями интересовъ.

Въ-четвертыхъ, стремленіе къ умноженію производительныхъ силъ не исчерпываетъ всей сферы матеріальныхъ интересовъ людей и даже не всегда фигурируетъ въ числѣ этихъ движущихъ матеріальныхъ интересовъ.

Въ-пятыхъ, задача развитія производительныхъ силъ общества можетъ то не соотвѣтствовать самимъ интересамъ—настоящимъ или будущимъ—общества, то не соотвѣтствовать интересамъ тѣхъ или другихъ соціальныхъ группъ, входящихъ въ общество, и внутренніе соціальныя антагонизмы, при опредѣленномъ соотношеніи общественныхъ силъ, могутъ измѣняться или оставаться неизмѣнными, совершенно независимо отъ того, дѣйствуютъ ли они благопріятно на развитіе производительныхъ силъ.

Во-первыхъ, отъ чего зависитъ само развитіе производительныхъ силъ общества? Отъ чего зависитъ вообще соціальный прогрессъ? Отъ того, что, съ одной стороны, какъ это замѣтилъ Тюрго, люди умножаютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе постепенно накапливаемую сокровищницу знаній, опыта, способностей, а, съ другой стороны, умножаютъ

и возобновляютъ усилія для осуществленія полезныхъ цѣлей, усилія, приобрѣтающія все болѣе и болѣе шансовъ на одержаніе побѣды. Но, поскольку развитіе производительныхъ силъ зависитъ отъ развитія техники, а послѣдняя въ свою очередь зависитъ отъ открытій или изобрѣтеній научнаго или практическаго характера, не находящихся въ связи съ требованіями и условіями общественной экономіи и гражданскаго оборота, всегда возможно несоотвѣтствіе между возможностью развитія производительныхъ силъ и между дѣйствительными задачами общественной экономіи, какъ нормальнымъ продуктомъ данныхъ социальныхъ отношеній. Въ развитіи чистой науки главную роль игралъ теоретическій интересъ любознательности, т. е. потребность не экономическая; а прогрессъ чистой науки часто велъ къ открытіямъ, имѣвшимъ неожиданное примѣненіе въ технику. Съ другой стороны, многія техническія изобрѣтенія или являлись дѣломъ случая, или же находились внѣ всякой логической связи съ задачами и потребностями производства ¹⁾. Между развитіемъ техники и развитіемъ общественной экономіи нѣтъ никакого опредѣленнаго уравненія. Ибо развитіе техники не подчинено какому-либо опредѣленному закону, а открывшаяся возможность усовершенствовать существующую технику отнюдь еще не равносильна дѣйствительному использованию въ жизни изобрѣтенія. Такъ, водяныя мельницы, которыя такъ воспѣлъ поэтъ Антипатеръ Θεσσαλονійскій, современникъ Августа, какъ призванныя облегчить тяжелый рабскій трудъ, были извѣстны уже за столѣтіе до Р. Х.; но долгое время онѣ служили исключительно для военныхъ цѣлей, и прошло много вѣковъ, покамѣстъ онѣ не стали достояніемъ промышленности ²⁾. Далѣе, болѣе современная техника одного общества можетъ быть заимствована другимъ обществомъ съ социальными отношеніями совершенно другого типа. Если послѣ этого происходитъ измѣненіе социальныхъ отношеній внутри этого послѣдняго общества, то это измѣненіе не является результатомъ внутренней экономической эволюціи этого общества; если же послѣ того никакое измѣненіе не происходитъ, то это значитъ, что развитіе производительныхъ силъ не повліяло нисколько на структуру общества. Итакъ, производительныя силы общества могутъ развиваться безъ всякой связи съ его внутренними экономическими и политическими отношеніями, и кромѣ того возможны комбинаціи, когда прогрессъ технологіи допускаетъ дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ, но общество отказывается практически использовать новыя средства технологіи, сохраняя старыя орудія и методы производства. Каковъ же послѣ этого смыслъ принципа развитія производительныхъ силъ, какъ верховнаго закона динамики общества и общественныхъ группъ? И какъ, съ другой стороны, связать съ нимъ принципъ, который мы назовемъ принци-

¹⁾ Обо всемъ этомъ см. подробнѣе нашу книгу „Экономическій матеріализмъ и исторія науки“, въ особенности послѣднюю главу.

²⁾ L u d w. B e c k. Geschichte des Eisens, I, стр. 580—581 и 952.

помъ динамическаго соотвѣтствія, гласящій, что господство всякаго класса и соотвѣтственнаго классовою строя наступаетъ не раньше и не позже созданія для того матеріальныхъ условій, измѣняющихся вмѣстѣ съ развитіемъ производительныхъ силъ общества?

Во-вторыхъ, принципъ развитія производительныхъ силъ оказывается часто совершенно несостоятельнымъ, когда онъ оперируетъ надъ отдѣльнымъ обществомъ, совершенно изолированнымъ отъ другихъ обществъ. Схема изолированнаго и развивающагося въ силу своей собственной, внутренней динамики общества есть своеобразная робинзонада, которая можетъ вести къ заблужденіямъ въ меньшей степени, чѣмъ схема изолированнаго отъ общества человѣка. Существованіе и развитіе всякаго общества зависитъ отъ другихъ обществъ и характера ихъ къ нему отношеній. Это могутъ быть отношенія культурнаго оборота, которыя вліяютъ на уровень жизни и въ частности на состояніе производительныхъ силъ, поскольку между обществами происходитъ процессъ заимствованія и ассимиляціи. Этотъ процессъ можетъ быть результатомъ мирнаго проникновенія или же завоеванія, поскольку война не приводитъ, въ результатѣ побѣды, къ насильственному измѣненію соціальныхъ отношеній (эллинизмъ, романизация, европеизация). Часто культурная ассимиляция начинается одновременно съ заимствованиемъ новой религіи, какъ, напр., у номадовъ Центральной Азіи, послѣ принятія ими буддизма, у турокъ, послѣ обращенія ихъ въ исламъ, у венгровъ, послѣ принятія ими христіанства. Далѣе культурное общеніе можетъ вести къ экономическому соперничеству между различными обществами, которое, въ свою очередь, подобно конкуренціи между отдѣльными хозяевами, можетъ быть причиною развитія и процвѣтанія однихъ обществъ и упадка другихъ, совершенно независимо отъ внутренняго гражданскаго оборота и внутреннихъ соціальныхъ отношеній этихъ обществъ. Такъ, когда, съ распространеніемъ эллинизма въ Азіи и Египтѣ, образовалось много центровъ производства и торговли, то соперничество ихъ съ греческими городами было одною изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія и упадка Греціи; особенно пострадали Аѣины, еще ранѣе испытавшія печальныя послѣдствія потери ею морской гегемоніи и денежныхъ ресурсовъ, притекавшихъ отъ союзниковъ. Когда политическія перемѣны, происшедшія на востокѣ со второй половины XV вѣка и въ особенности въ первой четверти XVI вѣка, по покореніи Египта и еще раньше Месопотаміи султаномъ Селимомъ I, закрыли въ Индію пути, шедшіе до того черезъ Германію и сѣверную Италію (Геную и Венецію), то Египетъ пересталъ быть главнымъ этапомъ на пути въ Индію, торговому и промышленному процвѣтанію Александріи наступилъ конецъ, итальянскіе города стали падать и обѣднѣть, торговлю нѣмецкихъ городовъ постигъ кризисъ, а торговля сношенія съ Индіею перешли послѣдовательно въ руки португальцевъ, испанцевъ, голландцевъ и англичанъ. Экономическое соперничество между обществами представляетъ одинъ изъ видовъ между-обще-

ственныхъ, или внѣшнихъ антагонизмовъ. Но гораздо болѣе значительно вліяніе, оказываемое на состояніе производительныхъ силъ общества или непосредственно на социальныя отношенія, въ немъ существующія, самою острою формою внѣшнихъ антагонизмовъ, а именно войнами.

Каковы бы ни были причины, которыми вызывается войны, каждая изъ воюющихъ сторонъ вообще не ставитъ себѣ цѣлью содѣйствіе экономическому развитію своего противника. Отъ войнъ весьма часто страдаетъ не только побѣжденная, но и побѣдившая страна, по крайней мѣрѣ нѣкоторые классы ея населенія. Финикійскіе города Тиръ и Сидонъ потеряли все свое значеніе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе потерь и упадка, испытаннаго ими отъ войнъ сначала съ ассирійцами и вавилонянами, а впоследствии съ Александромъ Македонскимъ, упадка, отъ котораго они никогда уже не могли болѣе оправиться. Извѣстно, что римскіе плебеи-крестьяне разорялись тѣми самыми войнами, въ которыхъ они Риму завоевывали Италію, а классу патриціевъ — власть и богатство. Извѣстно, какія страданія испытывали низшіе классы отъ непрерывныхъ войнъ въ эпохи Меровинговъ и Каролинговъ. Тридцатилѣтняя война уменьшила населеніе Германіи на двѣ трети и довела ее до такой степени упадка и разоренія, что вліяніе ея и другихъ войнъ, которыя непрерывно велись въ Германіи съ XVI-го вѣка, сказывалось еще въ XIX-мъ вѣкѣ въ экономической отсталости Германіи, по свидѣтельству самого Маркса ¹⁾. Съ другой стороны, многія войны способствовали обогащенію или цѣлыхъ обществъ, или отдѣльныхъ классовъ общества, а это, въ свою очередь, отражалось на характерѣ социальныхъ отношеній внутри общества. Но всѣ эти перемѣны вытекаютъ не изъ естественнаго процесса развитія производительныхъ силъ общества, не изъ гражданского оборота, а изъ дѣйствія силы, изъ послѣдствія внѣшняго столкновения силъ.

Наибольшее значеніе для интересующаго насъ вопроса имѣютъ тѣ войны, которыя преслѣдуютъ либо полное искорененіе противника, либо только цѣли грабежа и опустошенія, либо превращеніе побѣжденныхъ въ угнетенную социальную группу по отношенію къ побѣдителю. Какъ примѣнить принципъ развитія производительныхъ силъ къ обществу, которое побѣдитель вырѣзываетъ или обрекаетъ на медленное вымирание? Когда Кароагенъ былъ разрушенъ, когда провансальская цивилизація была насильственно разрушена, то и въ первомъ и второмъ случаѣ пресѣкалась жизнь цѣлаго общества. Когда норманны производили избіенія, грабили и опустошали различныя страны Европы, когда испанцы истребляли въ Америкѣ индѣйцевъ, то цѣлые народы дѣлались жертвою грубой силы, совершенно независимо отъ внутренняго гражданского оборота и внутреннихъ социальныхъ отно-

¹⁾ Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 636, и т. III, стр. 493.—Энгельсъ, Происхожденіе семьи, стр. 137.

шеній. Когда, въ результатѣ войны, жители какой-нибудь страны, до того свободные, обращаются въ рабство или состояніе крѣпостничества, или становятся данниками другой націи, или вообще переводятся въ положеніе юридически подчиненное и неполноправное по отношенію къ побѣдителямъ, то мы имѣемъ передъ собою весьма частый въ исторіи случай насильственного созданія угнетеннаго класса, угнетенной націи, угнетеннаго сословія, угнетенной религіозной группы и вообще угнетенной соціальной группы. Въ видѣ примѣра мы укажемъ на образованіе класса рабовъ главнымъ образомъ изъ плѣнниковъ, взятыхъ на войнѣ или похищенныхъ пиратами и торговцами, на обращеніе въ крѣпостное состояніе ессалійцевъ беотійцами, критянь дорянами, въ силу завоеванія, и на порабощеніе, вѣроятно въ силу той же причины, илотовъ спартіатами, на угнетеніе странъ и общинъ побѣдоносными греками и римлянами, на завоеванія, совершенныя варварами и измѣнившія внезапно отношенія собственности и господства (напр., завоеваніе сѣверной Италіи лонгобардами), на религіозно-политическое подчиненіе немагометанъ въ странахъ, покоренныхъ арабами и впослѣдствіи турками, на измѣненія, происшедшія въ Англіи, послѣ покоренія ея норманнами. Внѣшнее насиліе не только часто создаетъ новые классы и новыя соціальныя группы, но часто также продолжаетъ поддерживать гнетъ, стоящій на пути всякаго развитія производительныхъ силъ угнетеннаго общества. Здѣсь не поможетъ и замѣчаніе Энгельса о томъ, что «въ огромномъ большинствѣ случаевъ» варварскій завоеватель ассимилируется покоренному имъ народу. Не поможетъ оно и въ томъ случаѣ, если его расширить въ томъ смыслѣ, что всякій завоеватель принаравливается къ требованіямъ «экономическаго развитія». Ибо можно ли говорить объ ассимиляціи рабовладельцевъ рабамъ, спартіатовъ илотамъ, восточныхъ деспотовъ угнетаемымъ ими странамъ, покореннымъ силою оружія, правовѣрныхъ мусульманъ неправовѣрнымъ подданнымъ? Рабы остаются рабами, илоты остаются илотами, сила ихъ держать въ неволѣ, и если и есть какое-нибудь экономическое развитіе, то имъ отъ этого легче не становится.

Наконецъ, какъ примирить съ фактомъ насильственного возникновенія классового господства въ результатѣ войнъ принципъ динамическаго соотвѣтствія? Если война обращаетъ свободныхъ людей въ рабовъ либо крѣпостныхъ или вообще превращаетъ одну соціальную группу въ угнетенный классъ, другую же въ господствующій классъ, то слѣдуетъ ли, на основаніи принципа динамическаго соотвѣтствія, приходить къ производительнымъ силамъ, какъ *deus ex machina*, на помощь какъ разъ въ тотъ моментъ (не раньше и не позже), когда онѣ подготовили «матеріальныя условія» для порабощенія однихъ и доставленія господства другимъ? Подобный историческій «окказіонализмъ» превратилъ бы исторію во множественное чудо, въ угоду не только любителямъ «конечныхъ цѣлей», но и апологетамъ насилія и зла.

Въ-третьихъ, развитіе общества зависитъ не только отъ стремленія къ удовлетворенію матеріальныхъ интересовъ, но и отъ стремленія къ свободѣ (либо власти) и къ удовлетворенію потребностей умственныхъ, религіозныхъ, эстетическихъ и другихъ потребностей нематеріальнаго порядка. Матеріальное производство, въ удовлетвореніи подобныхъ интересовъ, или не играетъ вовсе никакой роли, или играетъ въ нихъ лишь роль незначительную. Но развитіе производительныхъ силъ общества имѣетъ въ виду лишь цѣли производства. Развитіе производительныхъ силъ направлено лишь на удовлетвореніе одного изъ многихъ интересовъ, которыми живетъ общество. Почему же законъ развитія производительныхъ силъ долженъ быть верховнымъ закономъ всего общественнаго развитія? Какимъ образомъ часть диктуетъ нормы для цѣлаго? Далѣе, религіозные, эстетическіе и въ особенности умственные интересы часто сообщаютъ производительнымъ силамъ положительные импульсы, не находящіеся въ связи съ характеромъ гражданскаго оборота общества. Въ то же время религія и религіозный интересъ можетъ имѣть отрицательное вліяніе на развитіе производительныхъ силъ. Одна изъ причинъ, которыя удерживали египтянъ отъ мореплаванія, была та, что, согласно религіозному ихъ міровоззрѣнію, море для нихъ было стихіею нечистою, прикосновенія къ которой слѣдовало избѣгать. Напротивъ того, религія маздеизма, которую исповѣдывали персы, признавала море стихіею чистою и божественною, котораго люди не должны были загрязнять. Восточныя теократіи относились враждебно и къ внѣшней торговлѣ, и вообще къ сношеніямъ съ иностранцами. Египтяне стали допускать въ свою страну торговцевъ лишь послѣ того, какъ жрецы потеряли свое прежнее значеніе. Въ числѣ главныхъ причинъ, обусловившихъ упадокъ Западной Римской Имперіи, а впослѣдствіи и Византіи, многіе историки усматриваютъ то одностороннее направленіе, которое получили, послѣ принятія христіанства, религіозное чувство и религіозный интересъ, которыми атрофировались другіе существенные интересы. Наконецъ, религія создаетъ спеціальныя религіозныя антагонизмы и формы религіознаго гнета, никакого отношенія къ состоянію производительныхъ силъ, какъ возможному источнику или возможной движущей причинѣ, не имѣющіе. Напротивъ того, религіозная борьба, религіозныя войны и религіозныя преслѣдованія часто разрушаютъ экономическое благосостояніе и дѣйствуютъ губительно на экономическое развитіе общества. Мы уже въ другомъ мѣстѣ говорили о томъ пагубномъ вліяніи, которое имѣла на экономическое развитіе Франціи отмѣна Нантскаго эдикта. Побѣда ортодоксально-фанатической тенденціи въ мусульманствѣ не мало содѣйствовала упадку арабской цивилизаціи. Извѣстно, какую роль Бокль отводитъ духу католичества, какъ главной причинѣ упадка и вырожденія Испаніи.

Въ-четвертыхъ, умноженіе производительныхъ силъ само по себѣ не есть потребность, но служить къ удовлетворенію растущихъ потребностей. Ростъ потребностей означаетъ собою нѣкоторое

общественное движеніе. Но ничто не доказываетъ, что жизнь всѣхъ обществъ подчиняется этому закону движенія. Существуют общества, которыя неопредѣленно долгое время пребываютъ въ состояніи застоя и инерціи. Самъ Марксъ писалъ о неподвижности и неизмѣнности жизни восточныхъ обществъ съ натуралистическою хозяйственною базою. Ничто не мѣшаетъ технику общества оставаться неизмѣнно, когда его элементарныя потребности уже достаточно удовлетворены¹⁾. Тамъ, гдѣ богатая природа позволяетъ людямъ жить съ ничтожною затратою усилій на поддержаніе своего существованія, они работаютъ очень мало и вмѣсто того, чтобы думать «о развитіи производительныхъ силъ, предаются игрѣ, танцамъ и вообще праздному времяпровожденію». «Зачѣмъ работать?» — таковъ отвѣтъ обитателей нѣкоторыхъ острововъ Океаніи на вопросъ о томъ, почему они ничего не дѣлаютъ. Даже тамъ, гдѣ ростъ населенія, при ограниченности годной для обработки территории, ставитъ общество въ критическое положеніе, если техника производства остается неизмѣнною, ничто не доказываетъ, что борьба за существованіе приводитъ неизмѣнно къ росту производительныхъ силъ, а не къ естественному вымиранію либо вырожденію, или къ взаимному истребленію, или къ установленію класса привилегированнаго меньшинства, которое завоевываетъ себѣ устойчивое существованіе въ ущербъ жизненнымъ интересамъ страдающаго отъ голода большинства.

Съ другой стороны, не всѣ матеріальныя потребности удовлетворяются производствомъ. Половая потребность, которая создала семейный союзъ, тогда, когда еще не было общества въ тѣсномъ смыслѣ, является самостоятельнымъ источникомъ особыхъ формъ солидарности и антагонизма. Потребность безопасности — одна изъ главныхъ пружинъ, приводящихъ въ движеніе социальный механизмъ. Именно потребность безопасности, исканіе защиты и покровительства отъ грубой силы, а не состояніе производительныхъ силъ, способствовало, между прочимъ, въ первую половину среднихъ вѣковъ, установленію той сложной системы зависимости, которая потомъ получила названіе феодализма.

Въ-пятыхъ, законъ развитія производительныхъ силъ предполагаетъ, что общество въ цѣломъ или отдѣльные элементы общества, дѣйствуя, сознательно или безсознательно, ради того, что они считаютъ своими интересами, своею выгодною, своею пользою, рядомъ систематическихъ усилій постепенно достигаютъ того, чтобы общественное производство развивалось безпрятственно, и чтобы общественныя отношенія, стоящія на пути развитія производительныхъ силъ,

1) Ch. Andler, Conception matérialiste de l'histoire, въ *Revue de Métaphysique et de Morale*. 1897, стр. 652. Андлеръ замѣчаетъ, что никакой внутренней необходимости измѣненія общественной техники исторія не знаетъ, и что оно скорѣе было повторнымъ случаемъ. — О неподвижности состоянія низшихъ расъ ср. Леббокъ, Начало цивилизаціи, стр. 349. — См. также G. Sorel, Was man von Vico lernt, въ *Socialistische Monatshefte*, 1898, Juni, стр. 279.

преобразовывались въ соотвѣтствіи съ общественнымъ интересомъ. Иначе этотъ законъ былъ бы опять-таки провиденціалистическимъ чудомъ. Но интересъ общественнаго производства въ какой-либо моментъ не всегда совпадаетъ съ интересомъ развитія производительныхъ силъ общества, какъ агрегата, обладающаго неопредѣленно длительнымъ существованіемъ; а интересъ элементовъ, составляющихъ общество, въ особенности антагонистическихъ социальныхъ группъ, отнюдь не совпадаетъ съ интересомъ общества.

Общество не есть организмъ, еще менѣе того сознательный организмъ, который заботится не только о настоящихъ, но и о будущихъ интересахъ. Даже сознательные организмы, даже люди нерѣдко губятъ свое существованіе ради временнаго интереса или преходящаго удовольствія. Но развитіе общества обнимаетъ сложную жизнь цѣлаго ряда поколѣній. Здѣсь каждый индивидуумъ, каждая группа, каждое поколѣніе обычно думаетъ больше о себѣ, чѣмъ объ остальныхъ индивидуумахъ, другихъ группахъ, будущихъ поколѣніяхъ. Здѣсь устойчивые общественные интересы создаются лишь въ результатѣ многочисленнаго повторенія испытаній, въ результатѣ борьбы многочисленныхъ шансовъ, благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для торжества общихъ интересовъ надъ изолированными, вообще дѣйствующими безпорядочно въ индивидуалистическихъ обществахъ. Но тамъ, гдѣ борются шансы, можно говорить лишь о вѣроятностяхъ, а не о законахъ желѣзной необходимости. Поэтому не чуждо мистицизма утвержденіе Гумпловича, что «общество никогда не ошибается» ¹⁾, какъ и утвержденіе Маркса, что «человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить» ²⁾. Когда общество, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, дѣйствуетъ во вредъ своимъ производительнымъ силамъ и вообще жизненнымъ интересамъ, то можно ли говорить, что общество не ошибается или ставитъ себѣ задачу, которую оно можетъ разрѣшить? Но, главное, здѣсь дѣло не въ безошибочности цѣлей и существенности задачъ, которыя себѣ ставитъ общество, а въ томъ, что эти цѣли и задачи могутъ идти противъ возможности развитія производительныхъ силъ то въ будущемъ, то въ настоящемъ. Хищническая эксплуатація почвы, какъ она практикуется нынѣ, на примѣръ, въ Аргентинѣ, или находящихся въ нѣдрахъ земли минеральныхъ богатствъ, какъ это дѣлается нерѣдко въ культурныхъ странахъ, много облегчаетъ развитіе производительныхъ силъ для современныхъ поколѣній, но въ то же время является угрозою и возможною опасностью для интересовъ производства будущихъ поколѣній. Тѣ, которые, слѣдуя мнѣнію Плинія, допускаютъ, что «латифундіи погубили Италію», этимъ самымъ допускаютъ, что ростъ латифундій, производившихъ обезлюденіе и опустошеніе страны, былъ въ теченіе нѣкотораго времени тормозомъ и причиною упадка производительныхъ

¹⁾ Gumpłowicz, Grundriss der Soziologie, 2-e Aufl., стр. 244. И при всемъ томъ Гумпловичъ—врагъ органической теоріи общества.

²⁾ Marx, Zur Kritik, Vorwort.

силъ Италіи. Между тѣмъ эти же латифундіи, доставивъ истощенной почвѣ не только отдыхъ въ теченіе десятилѣтій и цѣлыхъ вѣковъ, но и удобреніе отъ безчисленныхъ стадъ скота, пасшихся на нихъ въ теченіе того же времени, обновили производительность земли и тѣмъ подготовили благопріятныя условія для труда и для производительныхъ силъ будущихъ поколѣній.

Но несравненно большее значеніе для интересующаго насъ вопроса имѣютъ тѣ внутренніе антагонизмы, которые могутъ стоять на пути развитія производительныхъ силъ, все равно остаются ли внутреннія соціальныя отношенія неизмѣнными, или же они измѣняются въ зависимости отъ различныхъ причинъ, въ частности отъ дѣйствія и вліянія силы. Ибо дѣйствительная исторія вовсе не знаетъ того телеологическаго закона «динамическаго соотвѣтствія», въ силу котораго каждый господствующій классъ, когда соціальная миссія его выполнена, и когда онъ изъ стимула развитія производительныхъ силъ превращается въ тормозъ для него, сходитъ, какъ сыгравшій свою роль актеръ, съ исторической сцены, чтобы уступить свое мѣсто новому классу, который какъ разъ къ этому моменту, кстати, и пріобрѣтаетъ силы и способности, необходимыя для торжества. Въ самомъ дѣлѣ, если внѣшніе конфликты могутъ разрушать производительныя силы общества и останавливать его дальнѣйшее развитіе, то почему отказывать въ возможности дѣйствовать подобнымъ же образомъ антагонизмамъ внутреннимъ? Тамъ, гдѣ существуетъ классовый или политическій гнетъ, онъ существуетъ, конечно, не вслѣдствіе того, что господствующій классъ, или господствующая политическая группа заботится объ интересахъ общества, а вслѣдствіе того, что господство выгодно этому классу или этой группѣ, а состояніе силъ и сознаній общественныхъ группъ позволяетъ поддерживать это господство. Здѣсь не идетъ въ счетъ идеализація собственныхъ интересовъ представителями господствующаго класса и правящей группы, искренно убѣжденными, что гнетъ необходимъ для блага общества. Интересы классовъ и политическихъ группъ не тождественны съ интересами общества. Если существуютъ внутренніе антагонизмы между классами и политическими группами, то антагонизмъ можетъ существовать между интересами классовъ и политическихъ группъ и интересами общества. Въ особенности тѣ, которые придерживаются теоріи классовой борьбы Маркса и въ то же время говорятъ о выгодѣ и полезности роста производительныхъ силъ для общества, не должны забывать, что этотъ ростъ производительныхъ силъ отнюдь не выгоденъ для какого-нибудь класса, если этотъ классъ долженъ быть поработенъ въ интересахъ развитія будущихъ поколѣній (а кстати также въ интересахъ настоящихъ господствующаго класса), равно какъ не выгоденъ господствующему классу, если онъ долженъ ради него потерять свое господство. Какъ же объяснить себѣ то, что будто именно интересъ развитія производительныхъ силъ всегда побѣждаетъ?

Въ дѣйствительности, исторія тутъ совершенно ни при чемъ. Когда

революція въ Спартѣ, давшая власть Набису, освободила рабовъ и илотовъ, послѣдніе нисколько не останавливались передъ соображеніемъ о томъ, что порабощеніе ихъ необходимо въ интересахъ развитія производительныхъ силъ, и что въ другихъ мѣстахъ (и даже въ самой Спартѣ) рабство будетъ потомъ существовать многіе вѣка, покамѣстъ «не созрѣютъ матеріальныя условія освобожденія» класса рабовъ. Когда восточный деспотизмъ держитъ въ теченіе многихъ вѣковъ угнетенную страну въ состояніи хроническаго разоренія, то онъ нисколько не смущается тезисомъ Энгельса, гласящимъ, что «всюду, гдѣ внутренняя государственная власть страны становится въ противорѣчіе съ ея экономическимъ развитіемъ, борьба каждый разъ оканчивается низверженіемъ политической власти»¹⁾. Владѣльцы латифундій въ Италіи не испытывали безпокойства по поводу того, что ихъ частная экономія причиняетъ упадокъ производительныхъ силъ страны, который, въ концѣ-концовъ, низвергнетъ господство ихъ класса,—которое въ дѣйствительности не прекратилось, впрочемъ, и послѣ паденія Западной Римской имперіи.

Человѣкъ пріобрѣтаетъ не только трудомъ, не только производствомъ, не только господствомъ надъ природою, но и эксплуатаціею, господствомъ надъ человѣкомъ. И тамъ, гдѣ существуетъ классовый или политическій гнетъ, господствующій классъ или правящая группа извлекаетъ для себя пользу не только изъ господства людей надъ природою, но и изъ господства людей надъ людьми. Стремленіе къ эксплуатаціи людей можетъ находиться въ противорѣчій къ стремленію усиливать свою власть надъ природою. Выгода отъ сохраненія эксплуатаціи людей можетъ превышать выгоду развитія технической производительности труда²⁾. Съ точки зрѣнія интересовъ общества, послѣднему выгодно всякое развитіе производительныхъ силъ, немедленно облегчающее трудъ работника и усиливающее власть человѣка надъ природою; но, съ точки зрѣнія интересовъ правящей группы или господствующаго класса, послѣднему выгодно лишь такое развитіе производительныхъ силъ, изъ котораго они извлекаютъ для себя больше пользы, чѣмъ изъ усиленной эксплуатаціи работниковъ на базѣ старой техники и старыхъ соціальныхъ отношеній. Если послѣднее условіе не удовлетворено, господствующие классы и правяція группы станутъ всѣми силами, конечно, поддерживать старый общественный строй и старыя формы эксплуатаціи массъ противъ требованія развитія производительныхъ силъ.

Въ капиталистическомъ строѣ машины, облегчающія человѣческій трудъ и улучшающія производство, вводятся не потому, что онѣ вы-

¹⁾ Engels, *Anti-Dühring*, стр. 156. Ср. также стр. 136—138 и 234.

²⁾ Отто Эфферцъ называетъ „рентабельностью“ выгоду, извлекаемую человѣкомъ изъ эксплуатаціи человѣка же въ противоположность „производительности“, какъ степени пользы, извлекаемой человѣкомъ изъ эксплуатаціи природы. (Otto Effertz, *Les antagonismes économiques*, Paris, 1906, *passim*).

годны обществу, а только потому и только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ выгодны предпринимателю: это бываетъ тогда, когда избытокъ экономіи въ расходахъ на заработную плату («переѣнномъ капиталѣ», по терминологіи Маркса) надъ расходомъ по введенію новой машины увеличиваетъ прибыль капиталиста. Если рабочія руки стоятъ достаточно дешево, то самыя совершенныя машины не находятъ себѣ примѣненія даже въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ трудъ рабочаго крайне утомителенъ и вреденъ въ гигиеническомъ отношеніи. Поэтому-то машинизмъ болѣе всего развивается въ странахъ, гдѣ заработная плата рабочихъ—самая высокая, какъ напр. въ Англіи, особенно же въ Сѣверной Америкѣ. Конкуренція и давленіе рабочихъ постепенно вынуждаютъ предпринимателей вводить машины повсюду. Но, поскольку въ исторіи гнетъ и эксплуатація держатся въ силѣ и не являются результатомъ движенія гражданского оборота, зиждущагося на свободной конкуренціи, переѣны въ общественныхъ отношеніяхъ—классовыхъ и политическихъ,—даже необходимыя въ интересахъ производительныхъ силъ общества, производятся или допускаются господствующими группами и классами лишь въ томъ случаѣ, когда эти переѣны соотвѣтствуютъ собственнымъ интересамъ послѣднихъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ переѣны эти могутъ быть осуществлены лишь тогда, когда силѣ противопоставляется сила. Но сила не является какъ бы чудомъ, какъ разъ именно тогда, когда этого требуетъ состояніе производительныхъ силъ общества.

Отсюда слѣдуетъ, что внутренніе социальныя антагонизмы—классовые и политическіе,—при достаточно продолжительномъ дѣйствіи гнета и эксплуатаціи, могутъ вести общество и къ застою, и къ упадку. Невѣрно, будто естественный процессъ развитія общества неизбѣжно ведетъ къ паденію однѣхъ, освобожденію и подъему другихъ социальныхъ группъ. Нѣтъ ничего нелѣпѣе и вреднѣе мнѣнія, будто въ извѣстный моментъ назрѣваютъ извѣстныя общественныя потребности, и эти назрѣвшія потребности будто во что бы то ни стало достигаютъ своего удовлетворенія. Исторія свидѣтельствуетъ совершенно противоположное.

Только догматическій гипнозъ и предвзятый оптимизмъ Каутскаго могутъ объяснять то, что онъ противопоставляетъ теорію производительныхъ силъ и соотвѣтствія каждаго классоваго строя способу производства, какъ теорію утѣшительную, «безутѣшной теоріи насилія» ¹⁾. Здѣсь насъ мало интересуеъ «теорія насилія», которая игнорируетъ или оставляетъ въ тѣни тѣ формы эксплуатаціи и гнета, которыя вытекаютъ изъ гражданского оборота внутри индивидуалистическаго общества. Но во всякомъ случаѣ она не безутѣшна хоть въ томъ отношеніи, что она не санкціонируетъ гнета и эксплуатаціи велѣніями социальнo-трансцендентальной необходимости производства, и освобожденіе социальныхъ группъ она обусловливаетъ

⁽¹⁾ Каутскій, Развитие государственнаго строя на Западѣ, стр. 4—6.

лишь требованіемъ пріобрѣтенія силы. Теорія же производительныхъ силъ пытается не только объяснять происхожденіе гнета и его эволюціи, но и доказываетъ его необходимость и неизбѣжность при опредѣленномъ состояніи производительныхъ силъ общества. Какое утѣшеніе для рабовъ, крѣпостныхъ и всѣхъ угнетенныхъ въ сознаніи того, что угнетеніе и эксплуатація ихъ необходимы для экономического развитія общества! И какая, съ другой стороны, отрада для поработителей сознавать, что они угнетаютъ и держатъ въ неволѣ людей ради тѣхъ же интересовъ развитія производительныхъ силъ общества.

Но дальше всѣхъ комментаторовъ Маркса зашелъ въ объясненіи измѣненій, происходящихъ въ отношеніяхъ собственности, правовыхъ учрежденійхъ, политическихъ учрежденійхъ, общественной психологіи, пользою и выгодною этихъ измѣненій для общества Н. Бельтовъ-Плехановъ¹⁾. Рабство было обществу выгодно, крѣпостничество было обществу выгодно, существованіе классовъ было обществу выгодно, психологія классовъ была обществу выгодна, согласіе между классами было обществу выгодно, борьба между классами была обществу выгодна... Какова діалектика! «Психологія общества всегда цѣлесообразна по отношенію къ его экономіи». Значить, фетишизмъ и вѣра въ чародѣйство, патріотизмъ кастъ у индусовъ, деморализація и сервиллизмъ римскаго общества въ періодъ имперіи, жестокіе нравы эпохи Меровинговъ, католическій фанатизмъ, воздвигшій костры инквизиціи и вызвавшій ужасы Варооломеевской ночи—всѣ эти формы психологіи были цѣлесообразны и „выгодны для общества въ его борьбѣ за существованіе“. И эта смѣсь пережитковъ реакціонной мысли, не имѣющихъ достоинства хотя бы новизны или свѣжести, идей жестоко апологетическихъ, фаталистическаго резонерства, провиденціалистическисхоластическаго мудрствованія, самыхъ яркихъ образчиковъ рабства духа, съ обрывками научной и социалистической мысли,—вся эта смѣсь выдаетъ себя за истолкованіе „самой идеалистической теоріи, которая когда-либо существовала въ исторіи человѣческой мысли“²⁾, за теорію „научнаго социализма“ или за комментарий къ этой теоріи... Бѣдная наука, бѣдный социализмъ!

III.

Теперь для насъ понятно, почему исторія знаетъ и многочисленныя случаи длительного застоя, и много примѣровъ упадка обществъ и ихъ производительныхъ силъ.

Достаточно здѣсь напомнить о паденіи восточныхъ цивилизацій, объ упадкѣ Греціи, объ упадкѣ Рима, объ упадкѣ всей культурной Европы, подверженной нашествію варваровъ, о паденіи арабской цивили-

¹⁾ Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію стр. 155, 163, 168—169 и 171—172.

²⁾ Ibid., стр. 207.

лизаціи, объ упадкѣ Испаніи, не говоря уже о множествахъ повторявшихся частныхъ цикловъ, представляющихъ чередованіе подъема и упадка отдѣльныхъ странъ и народовъ.

Регрессивная эволюція, съ сохраненіемъ устойчивости существованія развивающихся типовъ, составляетъ обычное явленіе не только въ исторіи общественной, но и въ біологіи ¹⁾.

Упадокъ обществъ, сопровождающійся пониженіемъ ихъ благосостоянія, ихъ производительныхъ силъ, уровня ихъ свободы и безопасности, ихъ умственного и моральнаго состоянія, а иногда и физическимъ разрушеніемъ ихъ, является, какъ и всякій упадокъ, результатомъ либо антагонизма, либо противорѣчія между интересами и способностями. Въ первомъ случаѣ упадокъ общества вызывается либо внѣшними и внутренними конфликтами, соперничествомъ, борьбою, войнами, междоусобіями, какъ послѣдствіями антагонизмовъ національныхъ, политическихъ, религіозныхъ, классовыхъ, либо длительнымъ внутреннимъ гнетомъ—классовымъ, политическимъ, религіознымъ, — не сопровождающимся никакою успѣшною борьбою со стороны угнетаемыхъ, либо антагонизмомъ между какимъ-либо интересомъ и совокупностью другихъ реальныхъ интересовъ общества, напр. религіознымъ фанатизмомъ, иммобилизирующимъ силы общества, разрушающимъ его энергію и противящимся удовлетворенію его насущныхъ потребностей. Во второмъ случаѣ упадокъ обществъ происходитъ отъ несоотвѣтствія между его потребностями и способностью приспособиться къ окружающей естественной или соціальной средѣ, какъ напр., въ случаѣ истощенія почвы, измѣненія природныхъ стихій и физическихъ катаклизмовъ, губительныхъ эпидемій, вымиранія многихъ дикихъ племенъ при соприкосновеніи съ европейскою культурою и пр. И въ ту и въ другую категорію входятъ случаи такъ называемаго отрицательнаго подбора.

Для насъ въ особенности важно то, что внутренніе антагонизмы—гнетъ классовый, политическій или религіозный—могутъ имѣть послѣдствіемъ упадокъ общества и его производительныхъ силъ. Упадокъ можетъ длиться неопредѣленно долгое время и расти, отнюдь не вызывая облегченіе гнета или упадка гнетущихъ силъ ²⁾; и подобный упадокъ отнюдь не ведетъ непремѣнно къ

1) Demoor, Massart et Vandervelde, *L'évolution régressive en biologie et sociologie*, Paris, 1897, стр. 17—18 и 293.

2) „Съ надежнымъ войскомъ и хорошей полиціей можно основать и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій поддерживать такіа правовыя организаціи, которыя стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ экономическими условіями... И исторія учитъ, что именно тѣ династіи достигли высшаго блеска, которыя въ теченіе столѣтій совершенствовались и расширяли свои политическія, военныя и хозяйственныя силы и средства, оставляя безъ вниманія культурныя потребности своихъ народовъ“. (Антонъ Менгеръ, *Новое ученіе о государствѣ*, Спб. 1905, стр. 304—305 и 310).

распаденію общества или къ гибели борющихся сторонъ ¹⁾).

Упадокъ Испаніи начался еще съ XVI вѣка. Страна была истощена, города опустѣли, не было рабочихъ рукъ, земля не обрабатывалась, дома не ремонтировались. Кампанелла писалъ: «Люди не вступаютъ въ бракъ и не производятъ потомства, ибо не имѣютъ средствъ для воспитанія и устроенія дѣтей». Какія были причины этого упадка въ Испаніи? Политическій и религіозный гнетъ. Съ одной стороны, гнетъ королевской власти, милитаризмъ и жажда завоеваній, непосильные налоги; съ другой стороны,—страшный католическій фанатизмъ, преслѣдованіе мавровъ, преслѣдованіе евреевъ, преслѣдованіе еретиковъ, тюрьмы, пытки, костры инквизиціи, поглощеніе жизненной энергіи страны монастырями, ростъ числа монаховъ и нищихъ. Нѣкогда Вестготское королевство, подточенное аналогичными причинами, пало при первомъ натискѣ арабовъ. Теперь политическій организмъ продолжалъ существовать, но гнетъ дѣлалъ свое дѣло, и наиболѣе живыя силы страны, которыя оставались цѣлы, эмигрировали въ Америку ²⁾). Когда въ 1619 году король Филиппъ III предложилъ Кастильскому совѣту изыскать средства противъ обезлюднѣнія, которое начало превращать страну въ пустыню, совѣтъ пришелъ къ заключенію, что главная причина зла—въ чрезмѣрныхъ налогахъ, побуждающихъ населеніе эмигрировать, а также въ чрезмѣрномъ числѣ монастырей и монаховъ. Но Испанія оставалась больна въ теченіе столѣтій, но не умерла; а система внутренняго гнета сохранилась почти неизмѣнною до политическихъ потрясеній XIX вѣка. Даже въ настоящее время Испанія не можетъ еще считаться исцѣленной отъ своего многовѣкового недуга: объ этомъ свидѣлствуютъ сотни тысячъ эмигрантовъ, оставляющихъ свою родину и ищущихъ счастья въ Южной Америкѣ.

Упадокъ Испаніи представляетъ собой примѣръ того, какъ внутренніе соціальные антагонизмы, здѣсь главнымъ образомъ политическій и религіозный гнетъ, становятся на пути развитія страны и ея производительныхъ силъ и не только не побѣждаются требованіями экономи-

¹⁾ Каутскій признаетъ возможность ненаступленія переворота, необходимаго въ интересахъ экономическаго развитія общества, но утверждаетъ, что въ подобномъ случаѣ общество распадается: „Бываютъ такіа историческія положенія, когда революція необходима для дальнѣйшаго прогресса общества, но революціонные классы слишкомъ слабы, чтобы ниспровергнуть господствующія власти. Необходимость революціи не надобно представлять себѣ въ такомъ смыслѣ, что революціонные классы всегда во-время достигаютъ и той силы, которая нужна для ея совершенія. Міръ устроенъ, къ сожалѣнію, не такъ-то цѣлесообразно. Бываютъ положенія, когда безусловно необходимо, чтобы господствующій классъ былъ замѣненъ другимъ классомъ, и все-таки первый продолжаетъ держать послѣдній въ угнетеніи. Если подобное состояніе продолжится слишкомъ долго, то все общество приходитъ въ упадокъ и распадается“. (Каутскій, *Die sociale Revolution*, русск. пер., стр. 84).—Въ другой статьѣ, помѣщенной въ „*Neue Zeit*“, Каутскій ограничиваетъ то же положеніе слѣдующимъ образомъ: если необходимая перемѣна въ социальныхъ отношеніяхъ не происходитъ, то развитіе общества приостанавливается.

²⁾ Отъ жителей Южной Америки, потомковъ испанскихъ эмигрантовъ, приходится нынѣ выслушивать пренебрежительныя замѣчанія по адресу современной Испаніи, весь цвѣтъ которой, по ихъ словамъ, нѣкогда эмигрировалъ въ Америку.

ческаго развитія, но, напротивъ того, доводятъ страну до крайняго упадка, не прекращающагося въ теченіе столѣтій и въ то же время не завершающагося распаденіемъ общества (если только «распаденіе общества» имѣетъ какой-нибудь смыслъ).

Излишне приводить примѣры упадка обществъ въ результатъ внѣшнихъ ударовъ. Случаи эти достаточно хорошо извѣстны, и кое-что объ этомъ мы уже говорили. Напомнимъ только, что упадокъ Греціи, какъ уже выше было замѣчено, произошелъ отъ внѣшнихъ столкновеній и отъ внѣшняго соперничества; въ частности упадокъ Аѳинъ объясняется потерей ими морской гегемоніи и появленіемъ, со времени македонскаго завоеванія, конкурирующихъ центровъ какъ промышленныхъ, такъ и торговыхъ, изъ которыхъ самымъ главнымъ была Александрія. Поэтому мнѣніе Энгельса (а также и Прудона), что «Аѳины погубило рабство, отвратившее свободныхъ гражданъ отъ труда» ¹⁾ должно быть признано ошибочнымъ. Ибо значеніе рабскаго труда въ Аѳинахъ преувеличено, значеніе свободнаго труда слишкомъ приуменьшено, и презрѣніе къ труду въ аѳинской демократіи въ дѣйствительности не было. И въ другихъ странахъ рабство существовало въ теченіе многихъ вѣковъ, не приводя къ упадку. Но если бы мнѣніе Энгельса было вѣрно, то это дало бы лишнее доказательство того, что классовый строй, находящійся въ противорѣчій съ требованіями экономическаго развитія общества, продолжаетъ держаться, производя экономическій упадокъ страны и оставаясь неизмѣннымъ въ теченіе періода упадка.

Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ упадка огромнаго общества, ужаснымъ по трагизму, грандіознымъ по масштабу, необычайно тяжелымъ по послѣдствіямъ для міровой исторіи, представляется кризисъ, который переживала Римская имперія въ послѣдніе вѣка своего существованія. Это былъ одновременно упадокъ матеріальный и моральный. Общество обѣднѣло, благосостояніе всѣхъ классовъ пало, куріалы были разорены и бѣжали изъ городовъ, рабочіе оставались безъ хлѣба, крестьяне забрасывали свои участки земли. Производство и торговля были въ хроническомъ упадкѣ, цѣны на продукты возростали, и потребности сокращались. Постепенно находили примѣненіе низшія формы хозяйства, постепенно замѣчался возвратъ къ отсталымъ формамъ организациі труда и эксплеатаціи земли. Небывалый регрессъ въ технику, искусствѣ, мысли. Люди чувствовали себя во всемъ ниже своихъ предковъ. Огрубѣніе характеровъ и жестокость въ нравахъ гармонировали съ душевнымъ сервилизмомъ, съ безразличіемъ ко всему, съ обезцѣненіемъ жизни, съ ростомъ мистицизма и съ распространеніемъ самыхъ дикихъ культовъ и суевѣрій. Люди потеряли вкусъ къ жизни, жили лишь по инерціи, убивали себя изъ-за мелочей, убивали дѣтей, продавали дѣтей, страдали отъ настоящихъ условій, но не имѣли стремленія или инициативы бороться за новое,

¹⁾ Энгельсъ, Происхожденіе семьи, стр. 104.

за лучшее. Италія обезлюдѣла, страна превратилась въ пустыню, браки не заключались, брачные союзы не производили дѣтей. Никогда еще исторія не представила болѣе печальнаго зрѣлища общества павшаго, деморализованнаго, вырождавшагося, несчастнаго въ страданіяхъ своей хронической агоніи, но въ то же время отказывавшагося умирать.

Каковы же были причины этого страшнаго упадка? Если оставить въ сторонѣ ничѣмъ не доказуемую біологическую гипотезу о возможности упадка и вырожденія общества въ силу чисто біологическихъ причинъ, напр. вслѣдствіе какого-нибудь завершившагося цикла наследственности, то отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ причинахъ соціальныхъ. Всѣ рѣшительно изслѣдовали объясняютъ упадокъ Римской имперіи существовавшими въ ней внутренними соціальными антагонизмами—классовыми, политическими, религіозными—и расходятся лишь въ опредѣленіи значенія того или другого фактора. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что здѣсь внутреннія соціальныя отношенія произвели упадокъ общества и его производительныхъ силъ, и что, стало быть, общество оказалось безсильнымъ разрѣшить задачу объ измѣненіи общественнаго строя, преграждавшаго возможность его экономического развитія.

Религіозные интересы занимали весьма видное мѣсто въ психологій римскаго общества, особенно во второй періодъ имперіи. Большинство историковъ признаютъ разлагающее вліяніе христіанства на судьбу Рима. Религіозная мистика изуродовала интеллектъ, религіозная мораль питала духъ пресмыкательства и убивала чувство индивидуальности и личнаго достоинства, гипертрофія религіознаго интереса направляла энергію въ сторону, далекую отъ интересовъ реальныхъ. Однимъ словомъ, религія дѣйствовала на способности индивидуумовъ въ направленіи, расходившемся съ дѣйствительными интересами общественнаго развитія. Но, конечно, было бы ошибочно приписывать религіи преувеличенное вліяніе на упадокъ системы римской общности. Моральный и интеллектуальный упадокъ римскаго общества является фактомъ еще задолго до торжества христіанства, а мистическія тенденціи эпохи были вначалѣ скорѣе симптомомъ, чѣмъ причиною народженія новой психологій. Не слѣдуетъ преувеличивать также, конечно, вліянія религіи на упадокъ производительныхъ силъ общества. Что касается религіозныхъ антагонизмовъ, то они сыграли значительную роль въ эпоху нашествія варваровъ и тогда сильно содѣйствовали какъ распаденію имперіи, такъ и особому характеру новыхъ политическихъ формаций. Вольтеръ, врагъ христіанства, въ сущности относитъ пагубное вліяніе его на судьбу имперіи къ эпохѣ нашествія варваровъ, передъ которыми, по его мнѣнію, оказалась безсильною страна, ослабленная всѣмъ духомъ новой вѣры и истерзанная борьбою и взаимною ненавистью какъ послѣдователей новой и старой религіи, такъ послѣ-

дователей различных христіанскихъ сектъ ¹⁾. Но религіозные антагонизмы не могутъ объяснить упадка, начавшагося гораздо раньше.

Не слѣдуетъ ли искать причины упадка Римской имперіи главнымъ образомъ въ классовыхъ антагонизмахъ эпохи, какъ-то въ рабскомъ трудѣ, въ ростѣ латифундій, въ экспропріаціи независимыхъ крестьянъ, въ обреченіи на вынужденную праздность свободныхъ работниковъ, вслѣдствіе конкуренціи рабскаго труда, и на презрѣніе къ свободному труду, вслѣдствіе деморализаціи, произведенной рабскимъ трудомъ? Это—весьма распространенное мнѣніе, имѣющее за собою авторитетъ свидѣтельства самихъ древнихъ. Какъ извѣстно, Тиберій Гракхъ задумалъ свои аграрныя реформы, когда онъ, путешествуя по Италіи, увидѣлъ огромныя виллы, обрабатываемыя при помощи цѣлыхъ армій рабовъ, и ужаснулся при мысли о томъ, что станетъ съ Италіею, лишенною такимъ образомъ свободныхъ гражданъ-земледѣльцевъ. Мишле видѣлъ причину гибели Рима въ рабствѣ. Прудонъ—въ рабствѣ, латифундіяхъ и ростовщичествѣ. Аналогичное мнѣніе высказываетъ и Энгельсъ: «Когда въ послѣднія времена Римской республики крупныя имѣнія, латифундіи, вытѣснили мелкихъ собственниковъ-крестьянъ и замѣнили ихъ рабами, то они въ то же время замѣнили земледѣліе скотоводствомъ и причинили, какъ это зналъ еще Плиній, разореніе Италіи ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ говоритъ: «Въ концѣ концовъ патриціанская знать возродилась въ видѣ новаго класса крупныхъ землевладѣльцевъ и денежныхъ тузовъ, которые мало по малу прибрали къ своимъ рукамъ всѣ земли крестьянъ, разоренныхъ военною службою, стали обрабатывать свои громадныя помѣстья при помощи рабовъ, обезлюдили Италію и тѣмъ способствовали не только возникновенію имперіи, но и побѣдоносному вторженію своихъ преемниковъ—германскихъ варваровъ» ³⁾. Наконецъ, говоря объ исчезновеніи рабства, Энгельсъ замѣчаетъ: «Умирая, оно оставило послѣ себя смраднѣйшій слѣдъ въ презрѣніи свободныхъ къ производительному труду. Этотъ слѣдъ отравилъ своимъ зловоніемъ общественную атмосферу и поставилъ римскій міръ въ безвыходное положеніе. Рабство было невозможно экономически, а свободный трудъ—морально. Первое перестало быть основной формой общественнаго производства, а послѣдній еще не дошелъ до этого» ⁴⁾. Каутскій повторяетъ мнѣніе Энгельса: «Въ древнемъ Римѣ крестьянское хозяйство замѣнилось рабскимъ» ⁵⁾. Говоря объ экономическихъ противорѣчіяхъ античнаго хозяйства, требовавшаго перемѣнъ для спасенія отъ упадка и для перехода въ болѣе прогрессивную форму экономіи, Каутскій замѣчаетъ: «Для этого не существовали моральныя и интеллек-

¹⁾ Voltaire, Essai sur les mœurs et l'esprit des nations; Introduction, въ Oeuvres, t. III, Paris, 1853, стр. 68.

²⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 150.

³⁾ Энгельсъ, Происхожденіе семьи, стр. 115.

⁴⁾ Ibid., стр. 135.

⁵⁾ Kautsky, Geschichte des Sozialismus, русскій пер., стр. 42.

туальныя условія, не было никакого класса, который обладалъ знаніемъ, энергіею, любовью къ труду и самоотверженностью, необходимыми для того, чтобы развить дѣйствительное усиліе для осуществленія новаго способа производства, не было даже и матеріальныхъ предпосылокъ для появленія хотя бы и самой идеи объ этомъ ¹⁾. Но что слѣдуетъ изъ всѣхъ этихъ объясненій Энгельса и Каутскаго? Что они допускаютъ возможность того, что классовый строй общества можетъ вести его къ полному упадку; что требованіе развитія общества и его производительныхъ силъ совершенно пассуетъ передъ существующимъ соотношеніемъ общественныхъ силъ и передъ наличными способностями классовъ; что угнетеніе однихъ классовъ другими и обусловливаемый ими упадокъ общества могутъ продолжаться неопредѣленно долгое время, не подготавливая матеріальныхъ условій ни для освобожденія угнетаемыхъ классовъ, ни для выполненія или миссіи обновленія идей общественной жизни; и что кризисъ общества можетъ оставаться хроническимъ, не прекращаясь до тѣхъ поръ, покамѣстъ не наступитъ какое-нибудь внѣшнее потрясеніе.

Въ дѣйствительности, мнѣніе о пагубномъ вліяніи конкуренціи рабскаго труда, о пагубномъ вліяніи латифундій, объ исчезновеніи класса свободныхъ крестьянъ и класса ремесленниковъ въ Римскомъ государствѣ должно быть признано преувеличеннымъ, какъ объ этомъ говорилось уже выше. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, иначе взялись бы въ послѣдніе вѣка Рима колонны, эти свободные мелкіе арендаторы? Откуда иначе взялись бы свободные рабочіе и ремесленники, организованные впослѣдствіи въ коллегіи? Даже въ моментъ апогея развитія рабства свободный трудъ продолжалъ занимать видное мѣсто въ общественной экономіи. Какъ говоритъ Сальвиоли, «рабство дѣйствовало, какъ умѣряющій элементъ, и непроизводительные классы могли такимъ образомъ эксплуатировать трудящееся населеніе» ²⁾. Съ другой стороны, гибельныя послѣдствія развитія рабскаго труда и роста латифундій не могутъ объяснить въ полномъ объемѣ того, что экономическій кризисъ коснулся въ такой мѣрѣ высшихъ и въ особенности среднихъ классовъ, и вовсе не могутъ объяснить моральнаго кризиса, который наступилъ гораздо раньше обостренія кризиса экономического.

Главная причина упадка римскаго общества, это—дѣйствія страшнаго гнета политическаго. Самъ по себѣ гражданскій оборотъ такого общества, какъ римское, въ которомъ соціальныи паразитизмъ стоялъ на пути экономическаго творчества, конечно, не благопріятствовалъ прогрессу, но самъ по себѣ онъ не сдавливалъ насильственно возможныхъ энергій, откуда исходила бы инициатива плодотворныхъ перемѣнъ; онъ замедлялъ бы развитіе, онъ могъ бы вести къ временному застою, но онъ не могъ бы быть причиною такого безнадежнаго упадка, вліяніе котораго чувствовалось тысячу лѣтъ и отчасти не из-

1) Kautsky, Der Ursprung des Christentums, стр. 56.

2) Salvioli. Le capitalisme dans le monde antique, стр. 133.

гладилось еще до сихъ поръ. Но политическій деспотизмъ, убивая физически или морально всѣ энергіи, парализуя общественную самодѣятельность, подчиняя всецѣло общественную жизнь своимъ интересамъ, высасывая всѣ соки страны, поработая все болѣе и болѣе общественные элементы, подавляя личность, развращая общество преклоненіемъ предъ грубою силою, истощалъ и отравлялъ общественный организмъ, который онъ поражалъ болѣзною хроническою, но вмѣстѣ съ тѣмъ неисцѣлимою, такъ какъ собственное существованіе деспотизма было преградою для всякаго лѣченія. Это—одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ противорѣчія между интересами политической власти и интересами населенія, противорѣчія, которое, при неспособности общества бороться противъ гнетущей силы, ведетъ страну къ безнадежному упадку.

Имперія была разорена огромнымъ фискальнымъ бременемъ, возложеннымъ на нее деспотическою императорскою властью, тратами на дворъ, на многочисленную бюрократію, на хищническую армію, поборами чиновниковъ, войнами между претендентами, перемѣнами въ финансовой системѣ и фальсификаціею монеты, превращеніемъ натуральныхъ повинностей въ денежные и денежныхъ въ натуральные, угнетеніемъ провинцій, угнетеніемъ городовъ, угнетеніемъ всѣхъ классовъ населенія, кромѣ тѣхъ, которые служили цѣлямъ деспотизма¹⁾. Даже такой оптимистическій историкъ, какъ Фюстель-де-Куланжъ, признаетъ, что безпорядки второй половины III вѣка, въ частности борьба между претендентами на престолъ, нанесли неизгладимый ударъ благосостоянію имперіи²⁾. Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что политическій деспотизмъ и воспитаніе поколѣній въ политическомъ рабствѣ морально изуродовали римское общество³⁾. Нѣкоторые изслѣдователи подчеркиваютъ огромное вліяніе факта истребленія всѣхъ свободолюбивыхъ элементовъ на моральное и интеллектуальное вырожденіе римскаго общества⁴⁾.

Потомъ, когда Имперія была разорена, когда всѣ классы обѣднѣли, а бремя налоговъ все росло, то тѣ, которые болѣе всѣхъ стонали отъ тяжести, взваленной на нихъ государствомъ, стали искать спасенія въ бѣгствѣ отъ своего званія и соціального положенія. Рабочіе бросали

1) Guizot, Essais sur l'histoire de France, 5-e édit., стр. 13—14, 21—22, 32, 37.—Guizot, Histoire de la civilisation en France, t. I., стр. 63—64.—Duru, Histoire des Romains, t. VI, стр. 379, t. VII, стр. 538 и 544—545.—Otto Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt, I, стр. 292—294, II, стр. 98—109, 214—29 и 327.—Ср. Loria, Le basi economiche, стр. 369; Kautsky, Der Ursprung des Christentums, стр. 64—69; Энгельсъ, Происхожденіе семьи, стр. 133.—Salvioli, Le capitalisme dans le monde antique, стр. 282—285.

2) Fustel de Coulanges, L'invasion germanique, стр. 193.

3) Sismondi, Histoire des républiques italiennes du Moyen âge, Paris, 1826, t. I, Introduction, стр. XI—XII.—Guizot, L'histoire de France racontée à mes petits-enfants, t. I, стр. 123.—Ср. Fustel de Coulanges, L'invasion germanique, стр. 217—220.

4) Otto Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt, I, стр. 270—290 и 303; II, стр. 3—13 и 336.—Otto Seeck, Kaiser Augustus, стр. 10—11, 59—60 и 119.—Ср. Lapouge, Les selections sociales, стр. 73.

свою работу. Крестьяне, страдавшие от притеснений фиска и грабежей чиновников, бросали свои участки или же уступали свою землю влиятельным и могущественным лицам, чтобы потом получить ее обратно на прекаріальных основах и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться ихъ защитой и покровительствомъ противъ всевозможныхъ хищниковъ. Куріалы, представители средняго класса, пытались всѣми силами избавиться отъ той мучительной кабалы, въ которую превращалось ихъ званіе, благодаря круговой отвѣтственности ихъ за взыскиваемые налоги. Все социальное зданіе шаталось. Деспотизмъ почувствовалъ опасность для своего фиска. Тогда онъ принялъ радикальныя мѣры, юридически преобразовавшія весь социальный строй и наглядно показывающія, что можетъ совершить съ обществомъ сила государственной власти. Тогда деспотизмъ сталъ насаждать кастовой строй. Онъ сдѣлалъ обязательною наслѣдственность профессій рабочихъ, организованныя въ обязательныя отнынѣ коллегіи. Онъ прикрѣпилъ къ землѣ свободныхъ колоновъ съ ихъ потомствомъ, превративъ ихъ въ крѣпостныхъ. Онъ сдѣлалъ наслѣдственными ненавистное званіе и ужасныя тяготы куріаловъ. Лишь бы интересы деспотизма были обезпечены, все остальное для него не имѣло значенія. И раздавленное общество, воспитанное въ рабствѣ, смиренно покорилося велѣнію силы. Лишь подавленные стоны говорили о чувствахъ страдающаго міра. Многіе ждали прихода варваровъ, какъ желаннаго освобожденія.

Какъ далеки мы отъ закона развитія производительныхъ силъ, отъ закона динамическаго соотвѣтствія, отъ закона послѣдовательной смѣны миссій классовъ, отъ подтвержденія формулировки Энгельса, что «всюду, гдѣ государственная власть становилась въ противорѣчіе съ экономическимъ развитіемъ страны, борьба оканчивалась каждый разъ низверженіемъ политической власти!» Политическій гнетъ разорилъ общество и вызвалъ даже понятное движеніе и въ отношеніи установленія извѣстныхъ формъ социального порабощенія, и въ отношеніи возврата къ натуральной экономіи. Историкъ Сальвиоли, примыкающій въ общемъ къ историческимъ воззрѣніямъ Маркса, доказывающій, въ соотвѣтствіи со взглядомъ Родбертуса и Маркса и противъ школы Моммсена, поверхностный характеръ римскаго капитализма, приходитъ въ концѣ своего изслѣдованія къ слѣдующему выводу: «Однимъ изъ послѣдствій семейнаго производства и самостоятельности дома было то, что экономическія явленія не вмѣшивались въ социальную жизнь и не имѣли той важности, которую они имѣютъ тамъ, гдѣ производство имѣетъ общественный характеръ. Вотъ почему политическая власть могла дѣйствовать на экономическія явленія такъ, какъ это болѣе не было бы возможно въ новыхъ обществахъ, гдѣ, напротивъ того, политическія дѣйствія опредѣляются экономическими явленіями. Этимъ объясняется то, что восточные деспотизмы и такія правительства, какъ аѳинское и римское, могли вести предпріятія, для которыхъ мы стали бы напрасно искать мотивовъ экономическихъ. Это намъ показываетъ, что исключи-

тельное изслѣдованіе экономическаго фактора для объясненія древней исторіи, основаннаго на примѣненіи принциповъ, которые экономическій детерминизмъ... оправдываетъ для современной эпохи, можетъ ввести въ заблужденіе» ¹⁾).

Состояніе хроническаго упадка въ Римской имперіи продолжалось цѣлые вѣка, не вызывая нисколько «распаденія общества». Такъ называемое «паденіе Западной Римской имперіи» было не смертью общественнаго организма, а лишь политическимъ расчлененіемъ его. Самое это политическое расчлененіе имперіи было результатомъ не подъема развившихся въ нѣдрахъ общества соціальныхъ энергій, а дѣйствія военной силы. Оно было произведено натискомъ внѣшнихъ и внутреннихъ варваровъ. Политическій* деспотизмъ обладалъ достаточными силами и средствами для того, чтобы держать въ повиновеніи весь внутренній римскій міръ, но сила его не была достаточна противъ самой силы. Онъ не могъ успѣшно бороться съ военной силою все плотнѣе и плотнѣе наступающихъ варварскихъ дружинъ. Онъ былъ совершенно безсиленъ противъ своей собственной военной силы, вербованной изъ варваровъ, служившей его орудіемъ и потомъ захотѣвшей работать для себя. Императоры стали брать солдатъ изъ варваровъ между прочимъ для того, чтобы обезопасить себя отъ мятежнаго духа римскихъ солдатъ, низвергавшихъ и возводившихъ на престолъ императоровъ ради военнаго могара, *donativum*. Но варвары-солдаты въ послѣдствіи стали дѣлать то же самое, чтò нѣкогда дѣлали римскіе легіоны. Ихъ требовательность увеличивалась по мѣрѣ того, какъ они убѣждались, что вся власть фактически находится въ ихъ рукахъ. Они захотѣли присвоить себѣ гражданскую власть и въ концѣ концовъ низвергли послѣдняго императора, находя его функцію бесполезною. Императорская власть упала лишь отъ удара военной силы ²⁾. Если бы не военный переворотъ, Западная Римская имперія и ея политико-соціальный строй могли бы продолжать свое существованіе, быть можетъ, много вѣковъ. О возможности этого свидѣлствуетъ исторія Византіи.

Но не было ли нашествіе варваровъ и паденіе Западной Римской имперіи исходнымъ пунктомъ новаго общественнаго развитія, прогресса культуры и соціальныхъ отношеній, прогресса производительныхъ силъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ покажетъ, что исторія не знаетъ закона неизбежнаго прогресса, и что она не подчинена логикѣ однообразнаго развитія всѣхъ сторонъ общественной жизни. Въ состояніи общества, какъ оно намъ представляется въ первую половину Среднихъ Вѣковъ,

¹⁾ Salvioli, *Le capitalisme dans le monde antique*, стр. 313. Намъ здѣсь нѣтъ, конечно, дѣла со мнѣніемъ Сальвиоли о примѣнимости «принциповъ экономическаго детерминизма» къ современной эпохѣ. Сама терминологія Сальвиоли отличается неопредѣленностью и спутанностью.

²⁾ Gast. Boissier, *L'opposition sous les Césars*, 4-e édit., стр. 18. Но прочность римскаго императорскаго режима свидѣлствуетъ, конечно, не о его удовлетворительности, какъ это выводитъ Гастонъ Буассье, а о томъ, что даже самый невозможный режимъ можетъ продержаться неопредѣленно, если онъ опирается на силу, особенно при опредѣленномъ состояніи сознаній.

мы видимъ и нѣкоторые элементы прогресса, и сохраненіе нѣкоторыхъ устойчивыхъ формъ римской жизни, и огромный регрессъ въ нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ этой жизни.

Въ отношеніи нравовъ и характера, варвары-германцы не стояли выше римлянъ эпохи послѣдняго періода имперіи ¹⁾. Они имѣли преимущество надъ послѣдними въ отношеніи сознанія своей индивидуальности, чувства свободы и независимости; но они стояли еще ниже римлянъ по своей жестокости, грубости и вообще по своей варварской натурѣ. И потому трудно, напримѣръ, указать эпоху, болѣе богатую изъ-ряду вонъ выходящими преступленіями и болѣе ужасную по своимъ нравамъ, чѣмъ эпоху Меровинговъ.

Въ культурномъ отношеніи общество той эпохи пало еще гораздо ниже сравнительно съ римскимъ обществомъ послѣднихъ вѣковъ. Цивилизація была словно сметена опустошительнымъ ураганомъ. Померкли наука, искусство, литература, и рѣдкіе памятники умственного творчества древнихъ хранились въ монастыряхъ или культивировались въ Византіи, а позже и у арабовъ, въ ожиданіи лучшихъ временъ, когда сѣмя могло пасть на подготовленную почву. Техника пришла въ упадокъ, пріемы производства были забыты, и природа какъ бы высвободилась изъ власти человѣка. Люди дичали. Европа впала въ варварство.

Римскій императорскій деспотизмъ палъ, и никакія усилія варварскихъ королей воскресить его для себя ни къ чему не привели: приближалась эпоха феодализма. вмѣстѣ съ императорскимъ деспотизмомъ пали и ненавистная фискальная система, и ненавистный муниципальный режимъ. Но отношенія собственности и классовый гнетъ пережили имперію. Осталась крупная земельная собственность, осталось рабство, остался колонатъ. У трудящагося населенія часто мѣнялись лишь властелины ²⁾. Положеніе рабовъ улучшилось, но положеніе колоновъ значительно ухудшилось, и много свободныхъ людей вновь впало въ крѣпостное состояніе.

Можно ли говорить о сравнительномъ развитіи производительныхъ силъ въ эпоху, послѣдовавшую за паденіемъ имперіи? Трудъ раба сталъ, быть можетъ, болѣе производителенъ, количественно и качественно, съ тѣхъ поръ какъ рабъ сталъ получать отъ господина особый участокъ земли, для обработки въ свою пользу, но съ обязательствомъ выплачивать опредѣленную долю продуктовъ,—вмѣсто того чтобы работать, вмѣстѣ съ другими рабами, всецѣло на своего господина. Но эта новая система эксплуатаціи рабскаго труда, которая постепенно вела къ превращенію рабства въ крѣпостничество, стала развиваться въ имперіи еще задолго до нашествія варваровъ, мало вліяя въ то же время на систему эксплуатаціи рабскаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ на старыхъ основаніяхъ. Что касается организаціи труда, натураль-

¹⁾ Gobineau, Essai sur l'inegalité des races humaines, Paris, 1884, t. I, стр. 52.—Fustel de Coulanges, L'invasion germanique, стр. 215—216 и 308—309.—Ср. Энгельсъ, Происхожденіе семьи, стр. 139—141.

²⁾ Saint-Simon, Vues sur la propriété et la législation, 1818, chap. VII.

ной формы хозяйства и ея крѣпостнической базы, то она представляет регрессъ, даже и для изслѣдователей марксистскаго направленія ¹⁾). Что обращеніе свободныхъ колонновъ въ крѣпостное состояніе, въ которомъ положеніе ихъ постепенно отождествилось съ положеніемъ рабовъ, составляетъ огромный социальный шагъ назадъ, не подлежитъ во всякомъ случаѣ сомнѣнію. Но этотъ правовой регрессъ долженъ былъ въ той же мѣрѣ способствовать упадку производства, въ какой улучшеніе положенія раба могло способствовать его развитію. Съ другой стороны, отъ непрерывныхъ войнъ, отъ хищническихъ набѣговъ, отъ репрессій варварскихъ королей трудъ и производство страдали въ первую половину Среднихъ Вѣковъ, вѣроятно, еще больше, чѣмъ нѣкогда въ имперіи отъ политическаго гнета. И въ добавокъ къ этому страшное одичаніе, страшное пониженіе культуры, страшный упадокъ техники. Въ результатъ и плюсы и минусы по отношенію къ состоянію производительныхъ силъ общества въ послѣдній періодъ имперіи, но съ превышеніемъ вторыхъ надъ первыми.

Упадокъ человѣческой культуры въ Средніе Вѣка не мало смущалъ приверженцевъ теоріи имманентнаго процесса. Такъ, оптимисты прогресса, какъ Тюрго и мадамъ Сталь, пытались ввести эпоху Среднихъ Вѣковъ въ рамки своей теоріи, доказывая, что плюсы въ одномъ отношеніи превышали минусы въ другомъ отношеніи. Но упадокъ общества въ Средніе Вѣка можетъ служить также однимъ изъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ противъ Марксовой теоріи развитія производительныхъ силъ. И къ этому примѣру дѣйствительно прибѣгла критика ²⁾).

Изъ нашего изслѣдованія вытекаетъ, что развитіе эмансипаціи социальныхъ группъ, смѣна формъ гнета, развитіе техники, развитіе организаціи труда и развитіе производительныхъ силъ общества не идутъ рядомъ и не связаны другъ съ другомъ какимъ-либо общимъ закономъ.

IV.

Разсмотримъ теперь связь, существующую между возникновеніемъ и эволюціею рабства, съ одной стороны, и развитіемъ производительныхъ силъ общества, съ другой стороны.

Выше мы уже убѣдились въ томъ, что никакой необходимой связи между опредѣленною формою общественнаго развитія и существованіемъ рабства нѣтъ, равно какъ и въ томъ, что рабство весьма часто существовало съ другими формами свободного или несвободнаго труда. Никакое развитіе общественныхъ производительныхъ силъ, стало быть,

¹⁾ Ciccotti, *Il tramonto della schiavitù*, стр. 304—305 и 312.—Salvioli, *Le capitalisme dans le monde antique*, стр. 294—303.—Но ср. Kautsky, *Der Ursprung des Christentums*, стр. 57, и Энгельсъ, *Происхожденіе семьи*, стр. 189.

²⁾ Rouanet, въ *Revue Socialiste*, 1887, t. V, стр. 412—414.

не требует ни того, чтобы рабство въ тѣсномъ смыслѣ появилось непременно и безусловно на опредѣленной стадіи развитія общества, ни того, чтобы рабскій трудъ, разъ появившись, сталъ универсальнымъ и исключалъ существованіе другихъ формъ свободнаго или несвободнаго труда.

Остановимся еще на слѣдующихъ весьма существенныхъ для интересующаго насъ вопроса пунктахъ.

Во-первыхъ, угнетеніе и эксплуатація женщины предшествовали введенію рабства. Когда еще не было рабства, всѣ домашнія и всѣ тяжелыя работы исполнялись женщинами ¹⁾. Въ тѣхъ дикихъ племенахъ, гдѣ практикуется еще каннибализмъ, гдѣ плѣнниковъ убиваютъ и ѣдятъ, какъ у австралійцевъ, въ Тасманіи, въ Папуасіи, женщины являются своего рода рабочими домашними животными ²⁾. Въ варварскихъ обществахъ, гдѣ существуетъ уже рабство, женщины часто работаютъ вмѣстѣ съ рабами и наравнѣ съ ними, и иногда положеніе женщинъ даже хуже положенія рабовъ. Наконецъ, въ краснокожихъ племенахъ Америки, не знающихъ ни каннибализма, ни рабства, гдѣ плѣнниковъ либо убиваютъ, либо адаптируютъ на равныхъ правахъ съ другими членами рода, всѣ домашнія работы опять-таки исполняются женщинами, и всякій подобный трудъ для мужчины считается унижительнымъ. По мнѣнію Летурно, раннее порабощеніе женщины является одной изъ причинъ того, что рабство въ тѣсномъ смыслѣ возникло сравнительно поздно въ общественной эволюціи ³⁾.

Во-вторыхъ, въ обществахъ съ кастовымъ строемъ, въ обществахъ теократическихъ и въ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ населеніе порабощено политическою властью, рабство въ тѣсномъ смыслѣ весьма незначительно ⁴⁾. Древній Египетъ, Перу, Китай, Индія, Тибетъ, Ассирія, Персія подтверждаютъ это правило. Въ частности, политическій гнетъ восточныхъ деспотій, державшій цѣлые народы въ порабощеніи и эксплуатаціи у стоящей надъ ними кучки властелиновъ, какъ бы истощаетъ возможную мѣру эксплуатаціи и тѣмъ какъ бы противится развитію классоваго гнета, въ специфической его формѣ рабства въ тѣсномъ смыслѣ ⁵⁾.

Въ-третьихъ, во многихъ обществахъ, не знающихъ вовсе рабства или знающихъ лишь ничтожное его примѣненіе, распространенною формою классовой эксплуатаціи является крѣпостничество, и при томъ на самыхъ различныхъ фазахъ экономическаго и вообще соціальнаго

¹⁾ Ingram, History of Slavery and Serfdom, London, 1895, стр. 1.

²⁾ Letourneau, Evolution de l'esclavage, стр. 26—27 и 35—37, также 56, 62, 74—75, 82, 181, 188—189, 194, 208, 439 и пр.—Letourneau, La condition de la femme, стр. 31—33, 56—57, 60, 61, 65.

³⁾ Letourneau, Evolution de l'esclavage, стр. 27 и 45.

⁴⁾ Ch. Renouvier, Introduction à la philosophie analytique de l'histoire, Paris, 1896, стр. 570. Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, t. I, стр. 22. Ingram, History of Slavery, стр. 2—3.—Ed. Meyer, Die Sklaverei im Altertum, стр. 26—28.

⁵⁾ Letourneau, Evolution de l'esclavage, стр. 326—327.

развитія. Крѣпостничество существовало у дикихъ жителей Новой Каледоніи, еще антропофаговъ, равно какъ и у дикихъ жителей Новой Зеландіи, практиковавшихъ еще человѣческія жертвоприношенія. Оно существовало у варварскихъ германцевъ и кельтовъ, въ Суданѣ и въ Кабилии. Оно существовало у цивилизованныхъ дорянъ въ Лаконіи, Эссалии и на островѣ Критѣ. Во многихъ случаяхъ несомнѣнно крѣпостничество возникло непосредственно, не путемъ эволюціи рабства въ высшее состояніе, а прямымъ превращеніемъ свободныхъ людей въ полусвободное состояніе.

Отсюда вытекають уже нѣкоторыя важныя для насъ заключенія.

Невѣрно, прежде всего, что рабство могло явиться только на опредѣленной стадіи экономической эволюціи и развитія производительныхъ силъ общества, ибо угнетеніе пола и превращеніе женщины въ рабыню было возможно и фактически имѣло мѣсто на самыхъ первоначальныхъ ступеняхъ развитія человѣчества, какъ въ періодъ каннибализма.

Невѣрно, будто на опредѣленной ступени экономического развитія рабство было необходимою и неизбѣжною фазою культуры, ибо многочисленныя общества почти не знали рабства, а само рабство большею частью сосуществовало съ различными другими формами труда какъ свободнаго, такъ и несвободнаго.

Невѣрно, что именно рабство было необходимою предпосылкою или необходимымъ условіемъ возможности культурнаго прогресса, ибо многія общества, съ сильно развитымъ въ нихъ рабскимъ трудомъ, не проявляли никакихъ слѣдовъ движенія впередъ.

Разсмотримъ позицію въ этомъ вопросѣ Энгельса.

Противъ «теоріи насилія» онъ выставляетъ слѣдующія возраженія: «Не всякій можетъ воспользоваться трудомъ раба. Чтобы воспользоваться таковымъ, надо имѣть въ своемъ распоряженіи, во-первыхъ, орудія и матеріалы для труда раба, а, во-вторыхъ, средства для скуднаго его пропитанія. Прежде, чѣмъ рабство становится возможнымъ, должна быть, слѣдовательно, достигнута извѣстная ступень производства и извѣстная степень неравенства въ распредѣленіи. Для того же, чтобы рабскій трудъ сдѣлался господствующимъ способомъ производства цѣлаго общества, необходимо еще болѣе высокое развитіе производства, торговли и накопленія богатствъ... Принужденіе человѣка къ подневольному труду во всѣхъ его формахъ предполагаетъ уже, что поработитель имѣетъ въ своемъ распоряженіи средства труда, при наличности которыхъ онъ только и можетъ использовать трудъ поработеннаго, при рабствѣ же онъ сверхъ того имѣетъ въ своемъ распоряженіи и средства для поддержанія существованія раба. Онъ, стало быть, предполагаетъ уже во всѣхъ случаяхъ существованіе собственности, превышающей средній размѣръ. Откуда же она взялась? Во всякомъ случаѣ ясно, что, хотя она могла быть получена грабежомъ и, стало быть, основана на насиліи, но никакой необходимости въ этомъ отнюдь нѣтъ. Собственность могла быть приобрѣтена трудомъ, воровствомъ, торговлею, обманомъ.

Она даже должна быть создана трудомъ передъ тѣмъ, какъ стать объектомъ грабежа... Производство развилось настолько, что рабочая сила человѣка могла производить больше, чѣмъ необходимо было для простого его существованія; средства для содержанія и употребленія въ дѣло увеличеннаго количества рабочей силы имѣлись на лицо; рабочая сила приобрѣла цѣнность, но ни собственная община, ни союзъ, къ которому она принадлежала, не могли доставить никакихъ свободныхъ, излишнихъ рабочихъ силъ. Война, напротивъ того, ихъ доставляла, а война была такъ же стара, какъ и одновременное существованіе другъ подлѣ друга нѣсколькихъ общественныхъ группъ. До сихъ поръ для военнопленныхъ не знали никакого употребленія, и поэтому ихъ просто убивали; еще раньше ихъ съѣдали. Но на достигнутой теперь ступени «хозяйственнаго развитія» они приобрѣли цѣнность; имъ стали оставлять жизнь и пользоваться ихъ трудомъ. Такимъ образомъ насиліе, вмѣсто того, чтобы господствовать надъ «хозяйственнымъ положеніемъ», стало, напротивъ, ему служить. Рабство было найдено» ¹⁾.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что объясненіе Энгельса нисколько не опровергаетъ того факта, что обращеніе людей въ рабство было актомъ насилія, а не естественнымъ результатомъ гражданскаго оборота ²⁾. Ибо насиліе есть средство, осуществленіе же экономическаго интереса, интереса производства, есть цѣль. Но средство, какъ таковое, не можетъ противопоставляться цѣли. Въ извѣстныхъ случаяхъ можно говорить только о несоотвѣтствіи средства цѣли. Здѣсь несомнѣнно то, что экономическая цѣль была достигнута помощью насилія. Главный источникъ рабства—война. И въ варварскихъ, и въ цивилизованныхъ античныхъ обществахъ войны даже часто предпринимались между прочимъ для добычи рабовъ, какъ предпринимались онѣ нѣкогда дикими племенами между прочимъ для добычи употреблявшагося ими въ пищу человѣческаго мяса. Человѣкъ, обращенный уже въ рабство, становился предметомъ купли-продажи, и дѣти раба унаслѣдовывали его состояніе; здѣсь сила государственной власти гарантировала своимъ аппаратомъ принужденія послѣдствія разъ совершеннаго акта насилія. Насиліе существовало и существуетъ не ради насилія, но ради интереса,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но насиліе не всегда выгодно, не всегда соотвѣтствуетъ интересу, какъ отъ существованія интереса не всегда зависитъ существованіе силы или, если надо, насилія, для осуществленія цѣлей, диктуемыхъ этимъ интересомъ. Существованіе какой-нибудь формы порабощенія возможно во всякомъ случаѣ лишь тогда, когда не только существуетъ интересъ, но и сила и средства ее поддерживать. Поэтому не имѣетъ смысла утвержденіе Энгельса, что «въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ рабство опиралось гораздо меньше на насиліе, чѣмъ на англійскую

¹⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 134, 135 и 153.—Ср. Энгельсъ, Происхожденіе семьи, стр. 145 и 147.

²⁾ Ch. A n d l e r, Les origines du socialisme d'état en Allemagne, Paris, 1897, стр. 299.

хлопчато-бумажную промышленность» ¹⁾. Известно, что когда у южных штатов не оказалось достаточно силы, чтобы одержать победу и силою отстоять рабовладельческий интерес, они вынуждены были отказаться от рабства. Самъ Энгельсъ говоритъ, что «тогда слѣдствіемъ этой отмѣны было разореніе Юга, которому не удалось замѣнить открытаго рабства негровъ замаскированнымъ рабствомъ индійскихъ и китайскихъ кули» ²⁾.

Энгельсъ считаетъ, повидимому, весьма важными и существенными приводимыя имъ экономическія предпосылки для возможности возникновенія рабства: рабство можетъ явиться лишь на той стадіи развитія производительныхъ силъ, когда, съ одной стороны, рабочая сила можетъ производить больше, чѣмъ необходимо для ея содержанія, и, съ другой стороны, неравенство въ распредѣленіи дало въ распоряженіе поработителя орудія труда и средства существованія, необходимыя для раба. Въ дѣйствительности указанія Энгельса лишены серьезнаго значенія. Степень производительности человѣческаго труда обладаетъ достаточною эластичностью уже въ самыхъ примитивныхъ фазахъ человѣческой культуры. Выражаясь экономическими терминами Маркса, абсолютная и относительная прибавочная стоимость, извлекаемая изъ рабскаго труда, а, слѣдовательно, и норма эксплоатаціи его зависятъ отъ длины рабочаго дня и интенсивности труда раба, отъ количества средствъ существованія, удѣляемыхъ рабу, отъ большей или меньшей быстроты изнашиванія рабочей силы раба. Существуетъ же порабощеніе женщинъ у самыхъ первобытныхъ и грубыхъ дикарей-каннибаловъ; но тамъ, гдѣ степень производительности труда позволяетъ угнетать и эксплоатировать полъ, та же степень производительности труда не можетъ быть препятствіемъ для возникновенія гнета и эксплоатированія раба. Не слѣдуетъ забывать, что рабство предполагается существующимъ уже у нѣкоторыхъ видовъ животныхъ. Указаніе же Энгельса на необходимость предварительнаго накопленія у поработителя опредѣленнаго богатства, въ видѣ инвентаря и жизненныхъ средствъ, представляется довольно страннымъ: вѣдь тотъ, кто овладѣлъ личностью раба, овладѣваетъ обыкновенно и его имуществомъ, необходимымъ для труда и прокормленія его. Съ другой стороны, предпосылки Энгельса, если бы и имѣли какое-нибудь значеніе, давали бы во всякомъ случаѣ лишь условія необходимыя, но не достаточныя для возникновенія рабства: достаточно высокая производительность труда сама по себѣ еще не вызываетъ необходимо введенія рабства. У момбутту, въ восточной Африкѣ, каннибализмъ сочетался съ довольно высокимъ состояніемъ промышленности: мужчины—хорошіе кузнецы и строители, женщины занима-

¹⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 135.—Относительно необходимости достаточной производительности труда для возможности возникновенія рабства Энгельсъ въ сущности повторяетъ то, что раньше объ этомъ писали Родбертусъ и Лассаль.

²⁾ Марксъ, Нищета Философіи, стр. 86, примѣчаніе Энгельса.

лись земледѣльческими и домашними работами, но рабовъ не было, а плѣнники поѣдались ¹⁾).

Рабство не было неизбежною фазою развитія обществъ. Рабскій трудъ не являлся необходимымъ основаніемъ какой-нибудь формы производства. Вѣрно лишь то, что осѣдлый и въ особенности земледѣльческій образъ жизни представляетъ болѣе благопріятную почву для развитія рабства, чѣмъ другія формы хозяйства. Но это, конечно, не значитъ, что въ осѣдлыхъ и земледѣльческихъ обществахъ непременно возникало и получало сильное развитіе рабство. Для этого необходима особая комбинація интересовъ и силъ. Необходимо, на примѣръ, чтобы вліяніе интересовъ политическихъ и религіозныхъ и дѣйствіе существующихъ уже формъ угнетенія пола, гнета политическаго и гнета религіознаго не служило препятствіемъ къ возникновенію и развитію особой формы классоваго гнета—рабства; необходимо также, чтобы междообщественные антагонизмы могли вести къ частымъ войнамъ, источнику рабства, дабы насиліе могло создавать формы эксплуатаціи, соотвѣтствовавшія интересу. Война—самая благопріятная культура для развитія всевозможныхъ формъ соціального порабощенія и политическаго гнета, и рабства въ тѣсномъ смыслѣ. Гдѣ нѣтъ войнъ, тамъ нѣтъ мѣста ни политической іерархіи, ни рабству ²⁾).

Не было ли рабство необходимо не въ смыслѣ соціального детерминизма, а въ смыслѣ соціальной цѣлесообразности? Иначе говоря, не было ли рабство необходимо, и при томъ безусловно необходимо для прогресса, для развитія культуры и производительныхъ силъ человѣчества?

Прежде всего, дѣйствительно ли было необходимо рабство, какъ высшая ступень культуры, замѣнившая каннибализмъ, закланіе плѣнниковъ въ жертву или истребленіе плѣнниковъ? Мы ужъ привели выше мнѣніе Энгельса. Но Энгельсъ, конечно, повторилъ лишь то, что давно ужъ говорилось до него, и что многіе повторяли и послѣ него ³⁾). Еще св. Августинъ производилъ латинское названіе раба *servus* отъ глагола *servare*, сохранять, что въ данномъ случаѣ должно было означать сохраненіе жизни плѣнника. На прогрессивное значеніе рабства въ этомъ отношеніи указывала школа Сень-Симона, а за нею Огюсть Контъ ⁴⁾). Изъ писателей, приводившихъ то же соображеніе въ пользу рабства послѣ Энгельса, укажемъ на Инграма и на де-Молинари ⁵⁾).

Нѣтъ надобности останавливаться на томъ обстоятельстве, что въ

¹⁾ Letourneau, *Evolution de l'esclavage*, стр. 79—81.

²⁾ Letourneau, *L'évolution politique*, стр. 49—55.—Letourneau, *La guerre*, стр. 531.

³⁾ Бельтовъ, *Монист. взгляды*, стр. 135. Этотъ авторъ копируетъ Энгельса тамъ, гдѣ онъ не комментируетъ Маркса.

⁴⁾ *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin*, t. 41, Bazard, *Doctrine Saint-Simonienne*, стр. 207.—Aug. Comte, *Cours de philosophie positive*, 4-e édit., t. V, стр. 134.

⁵⁾ Ingram, *History of Slavery*, стр. 4.—G. de Molinari, *Comment se résoudra la question sociale*, Paris, 1896, стр. 29.

тѣхъ случаяхъ, гдѣ рабство приходило на смѣну каннибализма и истребленія плѣнниковъ, оно, какъ меньшее зло, было несомнѣнно явленіемъ прогрессивнымъ и именно только какъ меньшее зло. Но ошибочно было бы думать, что исчезновеніе каннибализма или прекращеніе истребленія военноплѣнныхъ стали возможны только тамъ, гдѣ возникало рабство. Ибо, съ одной стороны, каннибализмъ часто сосуществовалъ съ рабствомъ, съ другой же стороны отсутствіе каннибализма во многихъ обществахъ, гдѣ рабство совсѣмъ не существовало, не свидѣтельствуетъ въ пользу необходимой причинной связи между обоими явленіями. На исчезновеніе каннибализма могли оказать вліяніе культурныя и религіозныя причины, не находящіяся въ связи съ какимъ-либо экономическимъ или вообще матеріальнымъ интересомъ. Не слѣдуетъ забывать, что для антропофаговъ именно употребленіе въ пищу человѣческаго мяса представляло насущный экономическій интересъ. Мы уже выше приводили мнѣніе Фрезера о вліяніи на прекращеніе каннибализма страха предъ загробною местью съѣденнаго человѣка¹⁾. Что же касается избіенія военноплѣнныхъ, то прекращеніе его далеко не всегда было связано съ обращеніемъ плѣнниковъ въ рабство, и самое избіеніе плѣнниковъ отнюдь не прекратилось съ введеніемъ рабства. На востокѣ войны не всегда вели къ избіенію плѣнниковъ: часто плѣнники сохраняли свою жизнь и становились данниками побѣдителей, часто они переселялись въ другія территоріи. Истребленіе плѣнниковъ часто практиковалось и въ эпоху античной рабской цивилизаціи, и въ эпохи, послѣдовавшія за исчезновеніемъ рабства, въ Средніе Вѣка и даже позже, когда кровожадный инстинктъ или потребность мести брали верхъ надъ всякими утилитарными соображеніями объ извлеченіи выгоды изъ продажи, выкупа или обмѣна военноплѣнныхъ. Международное право прежнихъ вѣковъ, уже забывшихъ о рабствѣ, совершенно въ этомъ отношеніи не похоже на современное международное право, но никто, конечно, не скажетъ, что послѣднее — результатъ рабства. Итакъ, заслуга, приписываемая рабству, какъ учрежденію, результатомъ котораго было исчезновеніе каннибализма и сохраненіе жизни плѣнниковъ, — заслуга эта по меньшей мѣрѣ преувеличена.

Дѣйствительно ли рабство было необходимо для того, чтобы культурный прогрессъ человѣчества сталъ возможенъ? Послушаемъ, что еще объ этомъ говоритъ Энгельсъ: «Только рабство сдѣлало возможнымъ въ большемъ масштабѣ раздѣленіе труда между земледѣліемъ и промышленностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расцвѣтъ античнаго міра, Грецію. Безъ рабства не было бы никакого греческаго государства, никакого грече-

1) Съ этимъ мнѣніемъ умѣстно сопоставить теорію Ог. Конта о существованіи параллельной связи между фетишизмомъ и истребленіемъ плѣнниковъ, политеизмомъ и рабствомъ, монотеизмомъ и крѣпостничествомъ (Aug. Comte, Cours de philosophie positive, t. V, стр. 138). Теорія эта — какъ и всякая односторонняя теорія, во многихъ случаяхъ не подтверждается.

скаго искусства или науки; безъ рабства не было бы Римскаго государства. А безъ основы Греціи и Рима не было бы также и современной Европы. Мы не должны никогда забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитіе вытекло изъ такого предварительнаго состоянія, въ которомъ рабство было столь же необходимо, столько и общепризнано. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ съ полнымъ правомъ сказать: безъ античнаго рабства не было бы вовсе современнаго социализма. Нѣтъ ничего легче, какъ, говоря о рабствѣ и т. п., отдѣлываться тривиальными фразами и изливать потоки высоко-нравственнаго гнѣва на подобныя постыдныя вещи. Къ сожалѣнію, этимъ не выражается ничего другого сверхъ того, что извѣстно всякому, а именно, что эти древнія учрежденія не соотвѣтствуютъ болѣе современному состоянію общества и нашимъ чувствамъ, обусловленнымъ этимъ состояніемъ общества. Но отсюда мы не узнаемъ ни одного слова о томъ, какъ возникли эти учрежденія, почему они продолжали существовать, и какую роль они играли въ исторіи. Но чтобы исчерпать вопросъ съ должною ясностью, мы должны сказать, какъ бы противорѣчиво и еретически ни звучали наши слова, что при тогдашнихъ условіяхъ введеніе рабства было большимъ прогрессомъ. Несомнѣнъ тотъ фактъ, что человѣчество развилось изъ звѣрскаго состоянія и потому нуждалось въ варварскихъ, почти звѣрскихъ средствахъ, чтобы выйти изъ состоянія варварства... Пока человѣческій трудъ былъ такъ мало производителенъ, что доставлялъ лишь небольшой излишекъ сверхъ необходимыхъ средствъ существованія, увеличеніе производительныхъ силъ, ростъ обмѣна, развитіе государства и права, возникновеніе искусства и науки были возможны не иначе, какъ путемъ усиленнаго раздѣленія труда, въ основу котораго должно было лечь великое раздѣленіе труда между массами, занятыми простою физическою работою, и немногими привилегированными, руководящими трудомъ и занятыми торговлею, государственными дѣлами, а позже наукою и искусствомъ. Простѣйшею и наиболѣе соотвѣтственно естественному развитію формою такого раздѣленія труда было именно рабство. При историческихъ условіяхъ древняго, въ частности греческаго міра прогрессивный переходъ къ обществу, основанному на классовыхъ противорѣчіяхъ, могъ совершиться только въ формѣ рабства. Даже для рабовъ это было прогрессомъ; военноплѣнные, изъ которыхъ вербовалась главная масса рабовъ, сохраняли теперь по крайней мѣрѣ жизнь, тогда какъ прежде они убивались, а еще раньше шли на жаркое» ¹⁾).

Энгельсъ предвидѣлъ, что его мнѣніе о цѣлесообразности древняго рабства будетъ казаться противорѣчіемъ и ересью. Но ему должно было быть извѣстно, что его апологія рабства не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. На точку зрѣнія звѣрской природы человѣка становились апо-

¹⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 153—155.—То же самое повторяетъ французскій марксистъ (впрочемъ будущій посланникъ въ Абиссиніи) Габріель Девиль (G. Deville, Principes socialistes, Paris, 1896, стр. 21—22).

логеты рабства и въ древности, и въ новое время. Уже Аристотель, доказывавшій законность рабства, приравнивалъ войну, доставляющую рабовъ, къ охотѣ на дикихъ звѣрей. Огюсть Контъ высказалъ свою солидарность съ мнѣніемъ Аристотеля о томъ, что многіе люди только и рождены для рабства. Онъ доказывалъ полезность и нормальность рабства въ прошломъ, въ противность его недопустимости въ настоящемъ. Для Ог. Конта рабство имѣло двойную миссію—способствовать свободному отправленію военныхъ функцій господъ и воспитать въ трудолюбіи самихъ рабовъ: это была кооперація, въ общемъ выгодная для обѣихъ сторонъ, мало тягостная для порабощеннаго населенія, чуждаго потребности и чувства свободы, и осуществившая раздѣленіе труда, подготовившая культурный прогрессъ человѣчества ¹⁾. Гегель, учитель Энгельса, стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что рабство въ древней Греціи было необходимо для того, чтобы въ «чудной демократіи» граждане могли свободно предаваться государственнымъ дѣламъ, упражненіямъ въ гимназіумахъ и празднествамъ ²⁾. Какъ бы для того, чтобы доказать существованіе ассоціаціи между апологіею рабства въ прошломъ и апологіею современнаго рабства, Гегель говоритъ, какъ о фактѣ вполне нормальномъ, о рабскомъ состояніи негровъ въ Америкѣ, ибо положеніе негровъ на ихъ родинѣ, въ Африкѣ, еще хуже, они лишены еще чувства свободы, для свободы надо быть зрѣлымъ ³⁾. Подобные же взгляды о необходимости и цѣлесообразности рабства встрѣчаются у Прудона, Родбертуса, Лассаля. Аналогичныя мысли мы находимъ уже въ самое послѣднее время въ произведеніяхъ писателей самыхъ различныхъ направленій: у катедеръ-соціалистовъ, либераловъ-манчестерцевъ, антропосоціологовъ. Адольфъ Вагнеръ, доказывая пользу рабства и вообще несвободнаго труда для господъ и для порабощенныхъ, для культуры и для будущихъ поколѣній для доставленія досуга правящимъ классамъ и для защиты слабыхъ, ссылается въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ, именно на Энгельса ⁴⁾. Г. де-Молинали не только настаиваетъ на необходимости, полезности, цѣлесообразности для своей эпохи рабства и крѣпостничества, но даже недвусмысленно высказываетъ мнѣніе о томъ, что освобожденіе порабощенныхъ массъ было преждевременно, ибо оно произошло тогда, когда предварительныя условія для осуществленія подобнаго акта еще не были на лицо, и рабочія массы еще не были подготовлены къ свободѣ ⁵⁾. Удивительное соединеніе апологіи индивидуализма и конкуренціи съ апологіею рабства! Представители антропосоціологической школы, для которой соціальное неравенство и выдѣленіе аристократіи является лишь

¹⁾ Auguste Comte, Cours de philosophie positive, t. V, стр. 134—137; t. VI, стр. 67—68 и 132—133.—Ср. Ingram, History of Slavery, стр. 3—5.

²⁾ Hegel, Philosophie der Geschichte, Werke. B. IX, Berlin, 1837, стр. 263—264.

³⁾ Ibid., стр. 93 и 96—97.

⁴⁾ Ad. Wagner, Grandlegung der politischen Oekonomie, 3-e Aufl., II Theil, Leipzig, 1894, стр. 55—59.

⁵⁾ G. de Molinari, Comment se resoudra la question sociale, стр. 20, 89, 96, 99 и 246.—G. de Molinari, Les problèmes du XX siècle, Paris, 1901, стр. 68—69 и 119.

естественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлесообразнымъ результатомъ подбора соперничающихъ между собою типовъ и расъ, неравныхъ по своимъ способностямъ, санкціонируютъ также, конечно, рабство, какъ необходимое состояніе людей низшей расы—совсѣмъ по-аристотелевски,—которые силою должны были быть приучены къ земледѣльческому образу жизни ¹⁾. Наконецъ, Густавъ Шмоллеръ, доказывая необходимость, въ интересахъ культуры, классоваго разслоенія общества и раздѣленія труда, ссылается опять-таки на мнѣнія Энгельса ²⁾.

Но не только философы и социологи, экономисты и историки, не только люди мысли и теории подвизались въ апологіи и изощрялись въ нахожденіи полезныхъ сторонъ рабства и въ доказательствахъ его необходимости. Подобные же аргументы приводились самими рабовладельцами и ихъ адвокатами въ борьбѣ съ аболиціонистскимъ движеніемъ. Они возставали противъ освобожденія ихъ рабовъ, ихъ негровъ, прибѣгая къ обычнымъ доказательствамъ полезности рабства, приводимымъ теоретиками, но кастрируя діалектику послѣднихъ, въ смыслѣ умалчиванія ея обычнаго припѣва: что было полезно и необходимо въ одну эпоху, стало излишне и вредно въ другую эпоху. И они это дѣлали не безъ основанія: если оправданіе учрежденія заключается въ томъ, что угнетеніе современниковъ необходимо для блага потомства, то является нелегкая задача опредѣленія момента, когда наступаетъ конецъ аду современниковъ, и открываются двери рая для потомковъ. Когда въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка злобою дня сталъ вопросъ объ освобожденіи негровъ въ французскихъ колоніяхъ, то рабовладельческія коллегіи въ колоніяхъ единогласно протестовали, доказывая, что «рабство есть благодѣяніе, что оно провиденціальное и перманентное орудіе цивилизаціи» ³⁾. Апологеты рабства утверждали, что рабство необходимо для страны и для самихъ рабовъ, что его миссія—воспитаніе рода человѣческаго, что оно извлекло дикіе народы изъ животнаго состоянія, а свободныя расы подняло съ высшей точки цивилизаціи ⁴⁾. Подобные же аргументы противъ освобожденія негровъ приводились впоследствии рабовладельцами южныхъ штатовъ Сѣверной Америки; они ссылались не только на Библію и Евангеліе, но и на данныя науки и на историческій опытъ. И надо сказать, что защита южными епископами рабства напоминаетъ отчасти Аристотеля и Гегеля, Ог. Конта и Прудона, антропосоціологовъ и де-Молинали, Адольфа Вагнера и Энгельса. «Аболиціонизмъ, писали епископы, идетъ противъ промысла Божія... Рабство справедливо, естественно и необходимо...

¹⁾ Otto Ammon, Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen, 2-e Aufl, стр. 88.—G. Vacher de Lapouge, L'Aryen, стр. 359. Cp. Otto Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt, I B., 2-e Aufl, стр. 309—318, и L. Gumplowicz, Der Rassenkampf, XXXVI.

²⁾ Gust. Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, I Theil, стр. 341 и 409—410.

³⁾ A. Tourmagne, Histoire de l'esclavage ancien et moderne, Paris, 1880, стр. 350.

⁴⁾ Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, t. I, стр. 406.

Черные должны быть рабами скорѣе, чѣмъ бѣлые, такъ какъ они способны только работать, а не управлять. Существуютъ расы, рожденныя для рабства, а другія—рожденныя для управленія. Таковы принципы міра античнаго» ¹⁾). Однимъ словомъ, рабство, основанное на наукѣ, или научное рабство!

Тѣ, которые доказываютъ необходимость и цѣлесообразность рабства въ древности, не должны забывать, что они даютъ основанія для апологій и современнаго, и возможнаго будущаго рабства.

Оправданіе рабства представляется лишь частичнымъ проявленіемъ того духа апологетизма, который отравляетъ научныя и философскія системы, пытающіяся доказать цѣлесообразность зла въ жизни, въ исторіи, въ мірѣ на томъ основаніи, что зло является неизбѣжною предпосылкою добра. Рабство было необходимо и полезно, крѣпостничество было необходимо и полезно, классовый гнетъ и социальное неравенство необходимы и полезны, деспотизмъ, милитаризмъ, войны, феодализмъ, національная вражда, религіозный фанатизмъ, подчиненіе женщины, однимъ словомъ, всѣ формы матеріальнаго и духовнаго рабства, всѣ формы матеріальнаго и духовнаго угнетенія были или даже остаются еще цѣлесообразны и необходимы, имѣя миссію воспитанія и подготовки человѣчества къ лучшей долѣ! Не былъ ли и каннибализмъ необходимъ и цѣлесообразенъ, ибо было бы несправедливо оставить его безъ социальной миссіи? Какъ отцы Церкви учили, что промыселъ Божій направлялъ исторію человѣчества къ осуществленію великой миссіи, къ воспитанію людей, организаци ихъ и подготовкѣ торжества христіанской религіи, такъ и научныя, историческія, экономическія, философскія доктрины не только обьясняютъ существованіе зла, страданій, гнета, но и оправдываютъ ихъ, какъ источники добра, какъ источники силы, ведущей человѣчество на путь совершенствованія и грядущаго обновленія. Исторія превращается въ апологію, философія—въ теодицею, и провиденціалистическій мистицизмъ воскресаешь въ творчествѣ положительной мысли. Совпаденіе отнюдь не случайное: современные, научныя и философскія доктрины, въ частности и нѣкоторыя господствующія социалистическія теоріи, проникнуты еще въ достаточной мѣрѣ пережитками мысли, особенно мысли апологетической.

«Безъ античнаго рабства не было бы и современнаго социализма». Какая смѣлая экскурсія Энгельса въ область того, что было бы, если бы не было того, что было въ дѣйствительности! Во всякомъ случаѣ социализмъ является для Энгельса тѣмъ здоровымъ общественнымъ строемъ, который наступитъ на смѣну строя, страдающаго социальными болѣзнями. Но рабство въ тѣсномъ смыслѣ представляетъ одну изъ самыхъ страшныхъ социальныхъ болѣзней. Замѣчаніе Энгельса, стало быть, сводится къ тому, что безъ болѣзни не было бы и лѣкарства. Надо было, чтобы была болѣзнь большинства для блага современнаго

¹⁾ Tourmagne, Histoire de l'esclavage ancien et moderne, стр. 391—392.

имъ меньшинства; надо было, чтобы болѣзнь и страданія постигли одни поколѣнія для блага и развитія другихъ поколѣній. Ибо страданія свободныхъ людей, обращенныхъ въ рабство, не переставали быть страданіями отъ сознанія того, что въ прежнее время ихъ убили бы или даже съѣли бы; а потомству ихъ, продолжавшему коснѣть въ рабствѣ, не становилось легче отъ той мысли, что безъ рабства оно не явилось бы, быть можетъ, на свѣтъ Божій. И они могли бы заранѣе отвѣтить будущему социалисту, апологету рабства: не надо намъ лѣкарства, но не надо намъ и болѣзни.

Или, быть можетъ, рабство, которое было «столь же необходимо, сколько и общепризнано», не могло считаться болѣзнью господами и не могло казаться тягостнымъ рабамъ, именно какъ «учрежденіе общепризнанное»?—Но развѣ свобода есть благо, значеніе котораго перестаетъ чувствоваться, когда его отняли, развѣ общественное мнѣніе считаетъ несвободу нормальнымъ явленіемъ? Описаніе страданій свободнаго, часто благороднаго грека, обращеннаго въ рабство, представляетъ излюбленный сюжетъ въ классической греческой трагедіи. Съ другой стороны, невѣрно, будто рабство въ древности было общепризнано,—утвержденіе, относящееся къ той же категоріи, какъ и пресловутое опроверженіе «теоріи насилія» Энгельсомъ на томъ основаніи, что порабощенные были-де всегда большинствомъ, и дѣйствительная сила находилась, слѣдовательно, на ихъ сторонѣ. Еще пророки іудейскіе громили тирскихъ купцовъ, занимавшихся торговлею рабами. Среди греческихъ философовъ и въ средѣ господствующихъ классовъ возникали сомнѣнія относительно моральной законности рабства. Въ особенности вопросъ этотъ былъ спорнымъ въ эпоху софистовъ, Платона и Аристотеля. Многіе отвергали тогда рабство изъ-за моральныхъ соображеній. Самая защита Аристотелемъ рабства была направлена противъ анти-рабскихъ теорій древности ¹⁾. Извѣстно, что эссениы въ Іудеѣ были и въ теоріи, и на практикѣ противъ рабства. Введеніе негритянскаго рабства въ Сѣверной Америкѣ не встрѣтило единодушнаго одобренія у тѣхъ, для которыхъ оно могло быть тамъ полезно. Пуритане, квакеры, изъ морально-религіозныхъ мотивовъ, воздерживались отъ эксплуатаціи рабскаго труда и первые стали требовать освобожденія негровъ. Что касается самихъ рабовъ въ древности, то многочисленныя возстанія ихъ въ Греціи и Римѣ показываютъ, насколько они были довольны своимъ положеніемъ и насколько они считали его нормальнымъ. Невѣрно, будто возстававшіе рабы никогда не имѣли какой-либо соціально-правовой программы искорененія рабства ²⁾. Карлъ

¹⁾ Ludw. Woltmann, System des moralischen Bewusstseins, Düsseldorf, 1898, стр. 178, 195 и 198. — Ed. Meyer, Die Sklaverei im Altertum, стр. 36.

²⁾ Nitti, Le socialisme catolique, стр. 53.—Бельтовъ, Монист. взгля., стр. 136. Г. Бельтовъ еще умозаключаетъ: „Исторія показываетъ, что любой изъ видовъ свободы является только тамъ, гдѣ онъ становится экономической необходимостью“. Дѣйствительная (а не апологетическая) исторія нисколько не доказываетъ этого положенія, страдающаго при томъ двусмысленностью. Ибо г. Бельтовъ не позаботился разъяснить, говоритъ ли онъ объ экономической необходимости для пора-

Бюхеръ, въ специальномъ изслѣдованіи о возстаніяхъ рабовъ въ древности, показываетъ, какъ рабы, возставшіе подъ предводительствомъ Эвна, стремились къ коренному преобразованію общества и къ возрожденію человѣческаго достоинства, какимъ образомъ въ возстаніяхъ рабы объединялись съ свободными пролетаріями въ одномъ стремленіи къ свободѣ, къ осуществленію права на трудъ и къ созданію новаго прочнаго строя, и какимъ образомъ вліяніе идей мессіанизма придало движенію рабовъ нѣкоторый соціалистическій оттѣнокъ ¹⁾. Но рабы были побѣждены силою. У рабовъ было достаточно развитое сознаніе, но у нихъ не оказалось достаточно силъ. Но позволительно ли говорить, что состояніе рабства казалось нормальнымъ самимъ рабамъ и что они не сознавали цѣны свободы?

Правда, долгое воспитаніе массъ въ школѣ рабства—и не только рабства въ тѣсномъ смыслѣ, но и всякаго рабства—деморализуетъ не только господъ и поработителей, но и самихъ порабощенныхъ, въ которыхъ укореняется инстинктъ рабства, духъ сервилизма, теряется всякое сознаніе своего человѣческаго достоинства, всякое чувство и пониманіе свободы атрофируется, и люди покорно и безропотно переносятъ свой рокъ, подобно домашнимъ животнымъ. Кастовый строй, рабство во всѣхъ его видахъ, политическій гнетъ деморализуютъ порабощенныхъ и могутъ на многіе вѣка и даже на цѣлыя тысячелѣтія вытравить изъ нихъ всякое стремленіе къ эмансипаціи ²⁾. Но, конечно, надо обладать большою апологетическою смѣлостью, чтобы, послѣ того какъ порабощеніе первоначально свободнаго человѣка оказало на него свое деморализующее дѣйствіе, отучило его отъ свободы, воспитало его въ рабской психологіи и продолжаетъ все болѣе и болѣе уродовать его интеллектъ и его моральныя качества, чтобы послѣ этого утверждать, что рабское состояніе представляется вполне естественнымъ и самому рабу, и что порабощеніе должно продолжаться и впредь, покамѣстъ та же школа рабства не подготовитъ его къ свободѣ.

Но, быть можетъ, если рабство и было соціальною болѣзью, то оно было лишь болѣзью острою и преходящею, болѣзью, черезъ которую человѣчество должно было пройти одинъ разъ, чтобы избавиться отъ хронической болѣзни, застоя и неподвижности, чтобы развитъ раздѣленіе труда, высшую форму производства и вмѣстѣ съ тѣмъ умственную культуру, которыя только однѣ и создали силы и сознанія, необходимые для интегральнаго освобожденія человѣчества? Вѣдь наша

ботителей или для порабощенныхъ. Г. Бельтовъ не добавилъ также, что изъ его точки зрѣнія можетъ быть выведено и обратное положеніе: любой изъ видовъ свободы исчезаетъ тамъ, гдѣ онъ перестаетъ быть экономическою необходимостью.

¹⁾ Karl Bücher, Die Aufstände der unfreien Arbeiter, Frankfurt à M. 1874, стр. 57, 61, 79—81, 108 и 116—118.

²⁾ Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, t. I, стр. 404, 432—434; t. II, стр. 423 и 437—438.—Ald. Lange, Die Arbeiterfrage, 4-e Aufl., стр. 64—65.—Letourneau, La guerre, стр. 486.—Letourneau, L'évolution politique, стр. 93, 107—108 и 378.—Letourneau, L'évolution de l'esclavage, стр. 56, 115, 185, 314—315 и 406—407.

культура—плоть отъ плоти и кость отъ кости античной культуры, которая была основана на рабствѣ.

Что мы пожинаемъ до сихъ поръ еще плоды античной культуры,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но, во-первыхъ, античная культура имѣла свои и положительныя, и отрицательныя стороны; во-вторыхъ, положительные стороны античной культуры вовсе не связаны необходимо съ существованіемъ въ древности рабства.

На чемъ основано, прежде всего, предположеніе, что безъ рабства не было бы расцвѣта древней Греціи? Рѣшительно ни на чемъ. Блестящее развитіе греческой цивилизаціи и греческаго творчества требовало, конечно, широкаго раздѣленія труда; въ частности, прогрессъ науки, философіи, искусства въ Греціи могъ зависѣть не только отъ степени матеріальнаго благосостоянія страны, но и отъ національных дарованій и способностей, отъ демократической свободы и другихъ причинъ. Но, повторяемъ, ничто не позволяетъ утверждать, что только именно рабскій трудъ былъ и что именно онъ могъ быть причиною преуспѣянія Греціи во всѣхъ областяхъ матеріальной и духовной культуры. Въ Африкѣ, Океаніи рабство продолжалось вѣка и, быть можетъ, тысячелѣтія, не выводя народовъ изъ состоянія „глубокаго варварства, въ которое они были погружены; напротивъ того, предоставивъ привилегію праздности однимъ, осудивъ на вѣчный трудъ другихъ, рабство здѣсь деморализовало и господствующій, и подчиненный классъ, укрѣпивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ неподвижности тѣ социальныя устои, изъ которыхъ общество лишь съ трудомъ могло быть выведено внѣшнимъ толчкомъ. Съ другой стороны, Египетъ, Ассирія и Вавилонъ, Индія, страны съ весьма незначительнымъ развитіемъ рабства въ тѣсномъ смыслѣ выработали весьма высокіе типы цивилизаціи, нѣкоторые элементы которыхъ усвоила и ассимилировала себѣ Греція. Правда, характерною особенностью жизни этихъ странъ является кастовый строй или чудовищный политическій деспотизмъ; но, не говоря уже о томъ, что эти формы гнета и социального неравенства ничего общаго не имѣютъ съ рабствомъ въ тѣсномъ смыслѣ, приписывать высокое состояніе цивилизаціи кастовому строю или политическому гнету можно не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ расцвѣтъ Греціи—рабству и только рабству.

Но, быть можетъ, особыя условія античной жизни требовали раздѣленія труда, основаннаго именно на рабствѣ? Если бы это было вѣрно, то необходимость и цѣлесообразность рабства могла бы вытекать лишь изъ двухъ основаній: или изъ отсутствія либо недостаточности свободнаго труда, или изъ большей полезности рабскаго труда сравнительно съ трудомъ свободнымъ.

Дѣйствительно ли свободный трудъ отсутствовалъ или былъ недостаточенъ для потребностей производства въ античномъ мірѣ? Мы ужъ не говоримъ о томъ, что обращеніе военнопленныхъ въ рабство для интересовъ производства одной страны лишало рабочихъ рукъ тѣ страны, откуда рабы были взяты. Здѣсь дѣло въ томъ, дѣйствительно ли нужны

были рабы для античнаго хозяйства по той причинѣ, что свободный трудъ отсутствовалъ или былъ недостаточенъ.

Намъ ужъ приходилось неоднократно говорить, что въ свободномъ трудѣ ни въ Греціи, ни въ Римѣ никогда недостатка не было. Вначалѣ рабство не играло большой роли въ античномъ хозяйствѣ—какъ въ Атикѣ, такъ и въ Италіи,—и свободный трудъ былъ главною основою хозяйства, передъ тѣмъ какъ войны запрудили рынокъ рабами. Въ отдѣльных греческихъ городахъ принимались уже въ болѣе древнее время законодательныя мѣры противъ ввоза рабовъ въ интересахъ труда свободного. Еще въ началѣ VI-го вѣка до Р. Х. тираннъ Періандръ запретилъ ввозъ рабовъ въ Коринѣ. Въ Фокидѣ до IV-го вѣка оставался въ силѣ древній законъ, воспрещавшій употребленіе рабовъ. Когда Муазонъ, другъ Аристотеля, приобрѣлъ тысячу рабовъ, то горожане упрекали его въ томъ, что онъ лишилъ работы такое же число согражданъ. Впослѣдствіи Атеней, рассказывая о томъ, какъ жители острова Хиоса, торговавшіе рабами, были отданы Митридатомъ во власть ихъ собственныхъ рабовъ, дѣлаетъ изъ этого слѣдующее нравоученіе: «Такъ Богъ справедливо наказалъ тѣхъ, которые стали первые пользоваться купленными рабами, тогда какъ было достаточно свободныхъ людей для надобностей хозяйства». Что распространеніе латифундій, обрабатываемыхъ рабами, часто вытѣсняло свободный крестьянскій трудъ, это—фактъ общеизвѣстный. Недатка въ свободномъ трудѣ, повторяемъ, не было. Античный міръ могъ легко двигать впередъ культуру, пользуясь свободнымъ трудомъ¹⁾. Рабство не должно было служить искупленіемъ и цѣною человѣческаго прогресса.

Но не было ли античное рабство необходимо и цѣлесообразно въ виду его большей полезности сравнительно съ свободнымъ трудомъ?

Здѣсь надо прежде всего поставить самымъ яснымъ образомъ вопросъ: *cui prodest*? Кому именно рабскій трудъ былъ болѣе выгоденъ и полезенъ, чѣмъ трудъ свободныхъ людей? Для самихъ рабовъ? Или для свободныхъ работниковъ? Или для господъ? Или для общества въ цѣломъ?

Излишне, конечно, доказывать, что рабскій трудъ не могъ быть выгоденъ ни самимъ рабамъ, которые лишались свободы, ни свободнымъ работникамъ, которые лишались труда. Рабы не могли вначалѣ имѣть даже того утѣшенія, которое могли бы имъ предложить апологеты цивилизующаго вліянія рабства: въ самомъ дѣлѣ, греки, а потомъ и римляне брали вначалѣ своихъ рабовъ изъ наиболѣе цивилизованныхъ расъ и, уже за недостаткомъ таковыхъ, только впослѣдствіи вынуждены были обратиться къ варварамъ²⁾.

Причина распространенія рабскаго труда заключается въ томъ, что

¹⁾ Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, t. I, стр. 456.—Напомнимъ, что и Лициніевы законы въ Римѣ ограничивали число рабовъ на обрабатываемыхъ господами государственныхъ земляхъ опредѣленнымъ процентомъ.

²⁾ Ibid., стр. 157 и 161—162.

онъ несомнѣнно для господъ, для рабовладѣльцевъ былъ выгоднѣе, чѣмъ трудъ свободныхъ работниковъ. Но былъ ли онъ въ то же время выгоднѣе для общества, чѣмъ свободный трудъ? Совпадалъ ли здѣсь интересъ господствующаго класса съ интересомъ общественнаго развитія? Соотвѣтствовалъ ли рабскій трудъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ трудъ свободный, требованію развитія производительныхъ силъ общества?

Если бы рабскій трудъ былъ болѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободный, то можно было еще допускать совпаденіе интересовъ господствующаго класса съ интересомъ «развитія производительныхъ силъ общества»; въ противномъ случаѣ имѣетъ мѣсто не совпаденіе, а расхожденіе того и другого интереса.

Согласно излюбленному въ школѣ Маркса діалектическому принципу, всякое учрежденіе до поры до времени полезно, а потомъ становится вредно: оно полезно, покамѣстъ содѣйствуетъ развитію производительныхъ силъ общества; оно вредно, когда оно становится на пути развившихся производительныхъ силъ, и тогда оно падаетъ. То же самое, на основаніи этой теоріи, было и съ рабствомъ: сначала содѣйствуетъ, а потомъ противодѣйствуетъ, и потому рабстникъ, который сначала былъ свободенъ, а потомъ обращенъ въ рабство, теперь снова получаетъ свободу... ¹⁾. Но эта игрушечная діалектическая формула, къ сожалѣнію, не укладывается въ рамки то фактовъ, то эпохъ, то самихъ принциповъ и объясненій «матеріалистическаго пониманія исторіи». Ибо, надо полагать, во-первыхъ, что и въ Греціи, и въ Римѣ рабство вначалѣ было благомъ, а потомъ зломъ. Но и въ Греціи, и въ Римѣ рабство вначалѣ было очень незначительно, и лишь впослѣдствіи оно стало играть крупную роль въ хозяйствѣ ²⁾. Значитъ, оно было полезно, когда не имѣло значенія; а когда оно получило общественное значеніе, оно стало зломъ. Говорить же Энгельсъ о томъ, что упадокъ и Греціи, и Рима былъ вызванъ рабскимъ хозяйствомъ. Говорить же Энгельсъ и о крупномъ землевладѣльцѣ, хозяйничавшемъ при помощи рабовъ, что «тамъ, гдѣ онъ появлялся въ древности, какъ въ Италіи, онъ не пустыри дѣлаетъ плодородными, а обращаетъ пашню, обработанную крестьянами, въ пастбище, опустошаетъ и разоряетъ цѣлыя страны» ³⁾. Это не мѣшаетъ тому же Энгельсу говорить въ другомъ мѣстѣ слѣдующее: «Всѣ высшія формы производства возникли на основѣ раздѣленія населенія на противоположные классы и, стало быть, на противоположности господствующихъ и угнетенныхъ классовъ; въ силу этого интересъ господствующаго класса былъ движущимъ элементомъ про-

¹⁾ Бельтовъ, Монист. взгля., стр. 135.

²⁾ Mommsen, Römische Geschichte, I, 8-e Aufl., стр. 188—190. Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, t. II, стр. 14.

³⁾ Engels, Anti-Dühring, стр. 150. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что утвержденіе Энгельса, въ столь категорической его формѣ, не можетъ быть признано вѣрнымъ. Въ эпоху имперіи существовали крупные предприниматели по расчисткѣ и распахкѣ пустошей (Fustel de Coulanges, L'Alleu et le domaine rural, стр. 30).

изводства, насколько оно не ограничивалось производствомъ необходимымъ лишь для поддержанія существованія угнетенныхъ»¹⁾). Второе утвержденіе Энгельса противорѣчитъ фактамъ, приведеннымъ въ первомъ утвержденіи, изъ котораго слѣдуетъ, что интересъ господствующаго класса, въ частности рабовладѣльцевъ, можетъ вести къ формамъ хозяйствованія, расходящимся съ интересомъ развитія производительныхъ силъ общества и даже ведущимъ къ упадку общества. Съ другой стороны, переменна въ характерѣ полезности и выгоды рабскаго труда не могла произойти и отъ развитія техники производства, при которой рабскій трудъ сталъ бы менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободный или полусвободный. Мы знаемъ уже, что въ моментъ упадка имперіи, когда рабскій трудъ пересталъ прогрессировать, техника сдѣлала не одинъ шагъ назадъ по сравненію съ эпохою расцвѣта рабскаго хозяйства. Переходъ къ крѣпостничеству считается многими изслѣдователями за регрессивный фазисъ общественной экономіи той эпохи, въ смыслѣ производственномъ.

Нѣтъ, навѣрно и даже глубоко ложно, что рабство было сначала благомъ, а потомъ только стало зломъ для общества и для его культурно-экономическаго развитія. Оно развилось не потому, что оно было полезно обществу, а потому, что оно было выгодно господствующему классу. Оно перестало развиваться, оно стало смягчаться, оно стало преобразовываться въ крѣпостничество опять-таки не потому, что эта переменна была полезна для общества, а потому, что эта переменна соотвѣтствовала интересамъ—либо матеріальнымъ, либо идейнымъ—и взглядамъ господствующаго класса.

Но какимъ образомъ объяснить, что рабскій трудъ, который вначалѣ былъ выгоденъ или казался выгоднымъ господствующему классу, пересталъ быть или казаться выгоднымъ впослѣдствіи?

Здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что рабскій трудъ вначалѣ былъ болѣе производителенъ, а потомъ сталъ менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободный или полу-свободный. Если бы еще былъ первоначально регрессъ въ технику при переходѣ отъ свободного труда къ рабскому и впослѣдствіи прогрессъ въ ней при переходѣ рабскаго труда къ колонату или крѣпостничеству, то подобная ассоціація могла бы еще давать основаніе искать причину переворота въ измѣненіи производительности работника вмѣстѣ съ измѣненіемъ производственной техники. Въ дѣйствительности техническія средства общества, если и эволюционировали, то скорѣе въ направленіи противоположномъ указанному. Съ другой стороны, самый характеръ труда и степень его свободы вліяетъ въ извѣстной мѣрѣ на выборъ орудій труда въ каждой отрасли производства.

Тѣ, которые объясняютъ постепенное преобразование и исчезновеніе рабства его малою производительностью, забываютъ о томъ, что

¹⁾ Engels, Der Antheil der Arbeit an der Menschwerdung des Affen, Neue Zeit, 1895—1896, XIV, стр. 553.

собственная ихъ точка зрѣнія обязываетъ ихъ объяснить то, что, не смотря на свою малую производительность, рабство все же распространилось въ античномъ мірѣ, часто вытѣсняя свободный трудъ. Передъ этимъ вопросомъ они окажутся совершенно безсильными.

Если подъ производительностью труда разумѣть трату человѣческой энергіи, опредѣляемую качественно степенью удовлетворительности продукта и количественно величиною продукта, изготовляемаго въ единицу времени, то малая производительность рабскаго труда была хорошо извѣстна въ древности. О ней говорили и поэты, и философы, и агрономы, какъ Плиній и Колумелла. Чиккоти и особенно Сальвиоли объясняютъ даже то, что рабство не стало исключительно формою труда и никогда не вытѣсняло вполнѣ труда свободного, именно малою производительностью рабскаго труда ¹⁾. Но почему въ такомъ случаѣ рабство возникло? Почему раба предпочитали свободному работнику?

Вся суть дѣла въ томъ, что выгодность рабской, какъ и вообще всякой зависимой формы труда, опредѣляется для хозяина не только ея производительностью, но и степенью власти его надъ работникомъ.

Матеріальная выгода, извлекаемая хозяиномъ изъ зависимаго работника, зависитъ прежде всего не только отъ производительности труда этого работника, но и отъ степени эксплуатаціи его. Такъ, мало производительный трудъ можетъ быть для хозяина очень выгоденъ, онъ можетъ быть для него болѣе выгоденъ, чѣмъ трудъ болѣе производительный, если онъ соединяется съ болѣе сильною эксплуатаціею работника. Отъ степени эксплуатаціи работника зависитъ его дешевизна, вопреки его малой производительности. Въ капиталистическомъ строѣ сильная эксплуатація рабочаго и крайняя дешевизна рабочихъ рукъ (напр., длинный рабочий день) могутъ препятствовать возвышенію производительности труда и введенію машинъ. Тутъ можетъ имѣть мѣсто антагонизмъ между интересами производства и интересомъ эксплуатаціи: обществу всегда полезно увеличеніе производительности труда, тогда какъ предпринимателю можетъ быть болѣе выгодно увеличеніе эксплуатаціи труда, отъ котораго общество не только не выигрываетъ, но и теряетъ ²⁾. Между интересами общества и интересами экономически господствующаго класса существуетъ здѣсь, стало быть, антагонизмъ. Отсюда видно, что теорія Brentano и его школы, согласно которой болѣе дорого оплачиваемый трудъ является въ капиталистической экономіи и болѣе выгоднымъ, ибо онъ—наиболѣе производительный трудъ, можетъ быть вѣрна лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ эксплуатаціи наем-

¹⁾ Ciccotti, *Il tramonto della schiavitù*, стр. 129, 227, и др. Salvioli, *Le capitalisme dans le monde antique*, стр. 190, 209 и 252—253.

²⁾ Это, по терминологіи Отто Эфферца,—антагонизмъ между производительностью и рентабельностью: рабство возникло не потому, что оно было болѣе производительно, а потому, что оно было болѣе рентабельно (Otto Effertz, *Les antagonismes économiques*, стр. 437).

наго труда, когда, напимѣрь, высокая заработная плата въ странѣ поддерживается организаціею рабочихъ союзовъ и не страдаетъ отъ конкуренціи значительно ниже оплачиваемаго иностраннаго или неорганизованнаго труда. И въ знаменитомъ вопросѣ о судьбѣ капитализма въ земледѣліи, о томъ, распространится ли власть капитализма на деревню, не столько въ смыслѣ концентраціи земельной собственности, сколько въ смыслѣ обработки капиталомъ крупныхъ площадей земли при помощи наемныхъ рабочихъ и машинъ,—вопросъ, въ которомъ социалдемократъ-ревизионистъ Давидъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сталъ на точку зрѣнія устойчивости крестьянскаго хозяйства, въ силу большей пригодности и большей производительности независимаго крестьянскаго труда въ земледѣліи,—большое значеніе для изслѣдованія эволюціи во взаимоотношеніи наемнаго труда и независимаго крестьянскаго труда имѣетъ также и возможная степень эксплуатаціи наемнаго труда земледѣльческаго рабочаго.

Рабство получило сильное развитіе въ античномъ мірѣ не потому, что рабскій трудъ былъ болѣе производителенъ—напротивъ того, онъ былъ менѣе производителенъ, чѣмъ свободный трудъ,—а прежде всего потому, что юридическое положеніе раба позволяло эксплуатировать его въ несравненно большей степени, чѣмъ свободного рабочаго, и потому трудъ раба, несмотря на его низкое качество и малую производительность, стоилъ дешевле свободного труда. Если Марксъ говоритъ о производствѣ, основанномъ на рабствѣ, какъ о «болѣе дорогомъ для предпринимателя», въ виду плохого качества рабскаго труда¹⁾, то оно въ общемъ не можетъ быть, во всякомъ случаѣ, болѣе дорого, чѣмъ производство, основанное на свободномъ трудѣ, ибо иначе было бы непонятно, какимъ образомъ рабскій трудъ могъ бы существовать тамъ, гдѣ есть свободные рабочіе. Выражаясь терминами Маркса, можно сказать, что, несмотря на малую производительность рабскаго труда, онъ дастъ хозяину больше прибавочной стоимости, чѣмъ свободный трудъ, вслѣдствіе огромной нормы эксплуатаціи раба. По словамъ Фюстель-де-Куланжа, «рабъ стоилъ мало господину, но и приносилъ ему мало»²⁾; но эту фразу можно перевернуть слѣдующимъ образомъ: рабъ приносилъ мало своему господину, но за то стоилъ ему мало. Эдуардъ Мейеръ видитъ именно причину развитія античнаго рабства въ томъ, что безправное положеніе раба позволяло его сильнѣе эксплуатировать, и потому онъ былъ дешевле свободного труда³⁾. Этимъ объясняется употребленіе рабовъ предпочтительно свободнымъ рабочимъ въ мастерскихъ и пользовавшаяся успѣхомъ операція отдачи въ наемъ рабовъ въ древности. «Существованіе рабскаго и свободного труда, говоритъ Сальвиоли, это—фактъ, общій всѣмъ рабовладѣльческимъ обществамъ, ибо рабство само по себѣ не есть ни причина, ни послѣдствіе определен-

1) Марксъ, Капиталъ, I, стр. 150 и 218.

2) Fustel de Coulanges, L'Alleeu et la domaine rural, стр. 49.

3) Ed. Meyer, Die Sklaverei im Altertum, стр. 32—33 и 43.

наго эконоиического строя, и оно может приспособиться ко всякому строю. Оно возникает и развивается не потому, что, какъ это говорить Беджготъ, праздность необходима обществамъ въ первоначальной фазѣ ихъ развитія, и рабство одно позволяетъ имъ существовать..., а потому, что заработная плата стоитъ высоко, трудъ свободнаго работника дорого стоитъ, и извлекать прибыль изъ наемнаго труда невозможно» ¹⁾).

Юридическое безправіе раба давало господину ту власть надъ нимъ, которая, помимо высокой нормы эксплуатаціи, дѣлала рабскій трудъ предпочтительнымъ передъ свободнымъ трудомъ и въ другихъ отношеніяхъ. Рабъ не могъ быть переманенъ сосѣдомъ ради болѣе высокой платы. Онъ не могъ быть оторванъ отъ работы для военной службы. Безотвѣтственность раба давала господину средства поступать съ нимъ по своему усмотрѣнію и исполнѣ подчинять его своей волѣ: онъ могъ его наказывать, лишать пищи, заковывать, онъ могъ стимулировать его трудъ обѣщаніемъ какой-либо милости и перспективою освобожденія. Абсолютная власть надъ человѣкомъ имѣла сама по себѣ нѣчто привлекательное для господина ²⁾). Наконецъ, обычай требовалъ, чтобы лица, принадлежація къ богатому и аристократическому классу, окружали себя, ради блеска, многочисленными рабами.

Но почему несвободный трудъ развився въ древнемъ мірѣ именно въ видѣ рабства? Почему онъ съ самаго начала не принялъ въ земледѣліи, на примѣръ, той формы, которая существовала въ Лаконіи и у древнихъ германцевъ, формы, напоминающей крѣпостничество, заключающейся въ прикрѣпленіи несвободнаго работника къ землѣ, съ обязательствомъ опредѣленныхъ платежей и повинностей? Здѣсь дѣло, конечно, не въ томъ, что вначалѣ требовался трудъ менѣе производительный, и тогда развивалось рабство, а потомъ понадобился трудъ болѣе производительный, и тогда рабство было смѣнено крѣпостничествомъ: послѣднее съ самаго начала существовало въ Лаконіи, у германцевъ, у многихъ вообще варваровъ, а съ другой стороны, послѣ нашествія варваровъ, рабство продолжало существовать въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ одновременно съ развитіемъ крѣпостничества. Врядъ ли также слѣдуетъ искать причины этого въ характерѣ древнихъ войнъ, которыя главнымъ образомъ поставляли рабовъ: со времени Марка Аврелія сотни тысячъ побѣжденныхъ варваровъ были сразу обращены не въ рабство, а въ состояніе полусвободнаго колоната. Здѣсь дѣло просто въ томъ, что и рабство и крѣпостничество—изобрѣтенія. Каждое изобрѣтеніе, вошедшее въ обиходъ жизни, сводится къ дѣйствию инициативы, нашедшей подражаніе и потомъ ставшей традиціею. Но что инициатива имѣла въ данномъ обществѣ и въ данное время

¹⁾ Salvioli, Le capitalisme dans le monde antique, стр. 145.

²⁾ Mommsen, Römische Geschichte, II B., 9-e Aufl., стр. 74—5.—Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, t. II, стр. 341.—Ed. Meyer, Die Sklaverei im Altertum, стр. 33—34.—Ciccotti, Il tramonto della schiavitù nel mondo antico, стр. 159.—Paul Guiraud, Etudes économiques sur l'antiquité, стр. 15 и 60.

тотъ, а не другой характеръ, это зависитъ отъ столкновѣнія тѣхъ индивидуальных особенностей, или параметровъ каждаго общества, которыя, именно какъ индивидуальныя, не могутъ быть объяснены соціологіею, изучающею лишь общее, какъ равно и наука не можетъ объяснить, почему въ данный моментъ явилось опредѣленное изобрѣтеніе, такое именно, а не болѣе совершенное и не менѣе совершенное. Въ античномъ мірѣ, въ большей части Греціи и въ Римскомъ государствѣ вошло въ общественный обиходъ изобрѣтеніе рабства, въ другихъ обществахъ—изобрѣтеніе крѣпостничества.

Итакъ, рабство было выгодно господствующему классу, но развитіе его было противно интересамъ общества и его экономического развитія. Общество страдало отъ упадка свободного труда, отъ неимовѣрной эксплуатаціи рабовъ, отъ разоренія, производимаго рабовладѣльческимъ хозяйствомъ, оно страдало отъ деградаціи характеровъ, отъ воспитанія массъ въ рабскихъ чувствахъ и въ деморализаціи. Валлонъ резюмируетъ вліяніе рабства на исторію народовъ въ слѣдующихъ словахъ: «Рабство было губительно для человѣчества, оно было губительно для варваровъ, какъ и для грековъ, для расъ поработенныхъ, какъ и для расъ свободныхъ... Рабство никогда не было школою воспитанія ни для какой расы. Употребленіе рабовъ никогда не было даже силою ни для одного народа» ¹⁾. Летурно замѣчаетъ, что, въ отношеніи преобладанія полусвободнаго крѣпостническаго труда, варвары, какъ кельты, германцы, иберійцы, стояли выше греко-римскаго міра, существенно рабовладѣльческаго, и что, безъ римскаго завоеванія, они, предоставленные самимъ себѣ, выработали бы, можетъ быть, болѣе совершенныя оригинальныя цивилизаціи ²⁾. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что отъ античной цивилизаціи мы унаслѣдовали, на-ряду съ здоровыми и прогрессивными элементами мысли, техники и гражданственности,—ядовитые плоды сервиллизма, продуктъ политическаго деспотизма и рабства въ тѣсномъ смыслѣ.

Рабство возникло не потому, что этого требовало экономическое развитіе общества, а потому, что это соотвѣтствовало интересамъ экономически господствующаго класса. Точно также рабство перестало развиваться, а потомъ стало клониться къ упадку не потому, что съ извѣстнаго момента этого требовало экономическое развитіе общества, а потому, что развитіе и сохраненіе рабства перестало соотвѣтствовать интересамъ и взглядамъ господствующаго класса.

Ни развитіе техники, ни требованія экономическаго развитія общества не играли никакой роли въ ростѣ и упадкѣ рабства. Исчезновеніе рабства не было также результатомъ какой-либо борьбы, тогда какъ само рабство было продуктомъ войны и вообще насилія. Въ предисловіи къ французскому переводу «Капитала» Марксъ говоритъ: «Рабство и крѣпостничество соотвѣтствовали природѣ производства. Они исчезли,

¹⁾ Wallon, l. c., t. I, стр. 457, и t. III, стр. 440.

²⁾ Letourneau, L'Evolution de l'esclavage, стр. 460.

когда степень развитія производства сдѣлала трудъ свободнаго человѣка болѣе полезнымъ, чѣмъ трудъ раба или крѣпостного» ¹⁾). Но, какъ видно, въ этомъ утвержденіи Маркса есть доля правды, но есть также и большая доля заблужденія.

Но почему рабство перестало соотвѣтствовать интересамъ экономически господствующаго класса?

Что постепенное преобразование рабства соотвѣтствовало интересамъ самихъ господъ, видно уже изъ того, что оно совершалось безъ всякой борьбы, вытекая изъ естественнаго процесса развитія самыхъ формъ хозяйствованія. Не слѣдуетъ думать, что этотъ процессъ для насъ вполне ясенъ, но нѣкоторые основные мотивы его можно намѣтить.

Прежде всего слѣдуетъ признать неудовлетворительнымъ то объясненіе, согласно которому рабство стало вымирать вслѣдствіе того, что рабы стали рѣдкіе и дорогіе. Гиббонъ впервые, повидимому, высказалъ мнѣніе объ уменьшеніи числа рабовъ вслѣдствіе прекращенія войнъ, по окончаніи завоеванія міра Римомъ ²⁾). Согласно теоріи Родбертуса, система латифундій стала невыгодна вслѣдствіе увеличенія цѣны рабовъ, и потому римская экономія перешла къ системѣ арендованія мелкихъ участковъ. Каутскій тоже придерживается мнѣнія, что рабству положилъ конецъ «недостатокъ въ матерьялѣ для рабовъ» ³⁾). Если бы это мнѣніе было вѣрно, то это свидѣтельствовало бы, во всякомъ случаѣ, о томъ, что экономическая потребность не всегда находитъ удовлетвореніе, если къ ней на помощь не приходятъ сила и насиліе.

Но въ дѣйствительности недостатка въ рабахъ не было на рынкѣ ни въ послѣдній періодъ имперіи, ни тѣмъ болѣе послѣ нашествія варваровъ. Сотни тысячъ побѣжденныхъ варваровъ были обращены въ послѣдніе вѣка имперіи въ рабство и въ колонаты. Одна побѣда Стихихона выбросила на рынокъ 200.000 рабовъ. Самое названіе раба въ европейскихъ языкахъ (*esclave, Slave, slave*) не принадлежитъ ни древности, ни эпохѣ Меровинговъ, но болѣе позднему періоду, когда масса плѣнныхъ славянъ попала на рынки Франціи и Германіи ⁴⁾). Съ другой стороны, необходимый контингентъ рабовъ могъ поддерживаться не только войнами и пиратствомъ, но и естественнымъ ихъ размноженіемъ. Мнѣніе о безбрачій и бездѣтности рабовъ слѣдуетъ считать преувеличеннымъ. Римскій историкъ Аппіанъ прямо говоритъ, что въ эпоху образова-

¹⁾ Взглядъ на смягченіе положенія рабовъ и вообще угнетенныхъ, какъ на эволюцію, разрѣшающую задачу наилучшаго удовлетворенія интересовъ господъ, не является взглядомъ исключительно марксистскимъ, но широко распространенъ въ социологической литературѣ. Между прочимъ, у г. Новикова мы находимъ слѣдующее крайне одностороннее мнѣніе: „Эволюція борьбы ведетъ къ результатамъ, все болѣе и болѣе выгоднымъ для слабаго и побѣжденнаго, но эти благоустроенія никогда не дѣлались въ его интересъ, а всегда только въ интересъ побѣдителя“. (J. Novicow, *Les luttes entre les sociétés humaines*, стр. 406 и 408).

²⁾ Гиббонъ, *Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи*, т. I, стр. 58.

³⁾ Kautsky, *Der Ursprung des Christentums*, стр. 158—159 и 440. *Geschichte des Sozialismus*, русскій перев., стр. 42.

⁴⁾ Fustel de Coulanges, *L'Alleeu et le domaine rural*, стр. 374—375.

нія литифундій «число рабовъ увеличивалось и потому, что они имѣли много дѣтей, и потому, что они были избавлены отъ воинской повинности». И Катонъ, и Варронъ, и Колумелла совѣтовали поощрять браки и дѣторожденіе рабовъ. Въ эпоху имперіи рабамъ не препятствовали вступать въ бракъ ¹⁾. Что же касается мнимой дороговизны рабовъ, то, что цѣна рабовъ не была высока ни въ Греціи, ни въ Римѣ даже въ эпоху имперіи, вынужденъ признать и Чиккотти, сторонникъ теоріи уменьшенія числа рабовъ ²⁾. Дороговизна и рѣдкость рабовъ не вяжется съ многочисленными отпущеніями рабовъ, объясняемыми Энгельсомъ тѣмъ, что они «были въ тягость своимъ господамъ» ³⁾. Въ дѣйствительности число рабовъ продолжало быть очень велико. Когда Аларихъ стоялъ передъ воротами Рима, бѣглые рыбы, пришедшіе на его зовъ, составили одни цѣлую армію. Наконецъ, если-бы рабство исчезло лишь вслѣдствіе прекращенія доставки живого товара на рынокъ, то это во всякомъ случаѣ не могло бы объяснить того, что состояніе существовавшихъ рабовъ постепенно преобразовалось въ крѣпостничество.

Что на преобразование рабства въ полу-свободный трудъ вліялъ не единообразный элементарный расчетъ матеріальной выгоды, что здѣсь дѣйствовали болѣе сложные мотивы, видно изъ того, что въ обществѣ, возникшемъ на развалинахъ Западной Римской имперіи, рабство долгое время продолжало существовать рядомъ съ крѣпостничествомъ. Въ послѣдніе вѣка имперіи вся земельная площадь имѣнія (будущаго аллода), принадлежащаго крупному землевладѣльцу, дѣлилась на двѣ части: одна изъ нихъ обрабатывалась за свой счетъ колонами, вольноотпущенными и рабами (будущими крѣпостными), получавшими мелкіе участки и платившими хозяину часть продукта, отчасти же барщиннымъ трудомъ; другая часть обрабатывалась самимъ хозяиномъ, при помощи группъ рабовъ, жившихъ вмѣстѣ и не имѣвшихъ никакого собственнаго хозяйства. Вначалѣ рабовъ послѣдней категоріи было больше, чѣмъ рабовъ, получавшихъ отъ хозяина позволеніе работать на особомъ участкѣ за свой счетъ. Въ VII-омъ вѣкѣ было еще много рабовъ первой категоріи ⁴⁾. Такимъ образомъ прошло много вѣковъ, покамѣстъ рабство окончательно не сошло со сцены, чтобы уступить мѣсто полусвободному крѣпостному труду. Но ясно, что признаніе большей выгоды полу-свободнаго труда не могло требовать подобнаго необыкновенно продолжительнаго испытанія. Тутъ, стало быть, должны были дѣйствовать и другіе мотивы.

На смягченіе положенія рабовъ стали вліять мотивы моральнаго свойства еще задолго передъ тѣмъ, какъ экономическія причины могли служить импульсомъ важныхъ перемѣнъ.

Развитіе моральной культуры и альтруистическихъ чувствъ, вліяніе философіи, дѣйствіе гуманизированной религіи, съ самаго начала новѣй

1) Gast. Boissier, *La religion romaine*, 5-e édit., t. II, стр. 342—343.

2) Ciccoitti, *Il tramonto della schiavitù*, стр. 120—123 и 285.

3) Энгельсъ, *Происхожденіе семьи*, стр. 135.

4) Fustel de Coulanges, *L'Alleu et le domaine rural*, стр. 57, 361, 366 и 375—376.

эры, вносили постепенно больше человѣчности въ отношенія господъ къ рабамъ. Гуманное законодательство періода имперіи въ отношеніи рабовъ явилось подъ вліяніемъ переворота въ общественномъ мнѣніи. Положеніе рабовъ улучшалось морально и юридически. Обращеніе съ ними стало болѣе человѣчнымъ, законъ сталъ признавать за ними нѣкоторыя права личности, власть господъ надъ ними подверглась ограниченіямъ и самый трудъ ихъ, надо думать, былъ облегченъ. Общественное мнѣніе стало поощрять отпущенія на волю, число которыхъ стало увеличиваться, особенно по завѣщанію. Дѣло дошло до того, что императорская власть, обезпеченная этимъ движеніемъ, стала ограничивать закономъ свободу отпущеній.

Подъ вліяніемъ, быть можетъ, этого гуманитарнаго движенія возникло у господъ обыкновеніе разрѣшать нѣкоторымъ изъ своихъ рабовъ жить отдѣльнымъ хозяйствомъ и обрабатывать особо отведенный имъ участокъ земли за свой счетъ, съ обязательствомъ опредѣленныхъ платежей и повинностей, вмѣсто того, чтобы заставлятъ ихъ работать вмѣстѣ съ другими рабами на господской землѣ исключительно для господина. Первый шагъ въ смыслѣ предоставленія рабу возможности вести собственное хозяйство былъ такимъ образомъ сдѣланъ. Такъ, и въ древней Греціи нѣкогда рабы стали получать отъ своихъ господъ разрѣшеніе работать и торговать за свой счетъ, платя оброкъ или нѣкоторую часть заработковъ и прибыли.

Улучшеніе правового положенія рабовъ и смягченіе ихъ эксплуатаціи должны были сдѣлать примѣненіе рабскаго труда менѣе выгоднымъ для господъ.

Въ третьемъ вѣкѣ начинается въ Римской имперіи тотъ страшный экономическій кризисъ, который не прекращался до нашествія варваровъ, и о политическихъ причинахъ котораго говорилось уже выше. Всеобщее обѣднѣніе было причиною возврата къ натуральному хозяйству и даже взысканію государственныхъ налоговъ натурою. Недостатокъ капитала былъ препятствіемъ для веденія крупныхъ предпріятій и крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ не только при помощи наемныхъ рабочихъ, но во многихъ случаяхъ и при помощи рабскаго труда. Тогда начала сильно развиваться ея арендаторская система свободного колоната. Тогда же должна была получить большее развитіе и система отведенія рабамъ отдѣльныхъ участковъ для обработки ихъ отдѣльнымъ хозяйствомъ за свой счетъ. Случаи эти стали учащаться. Новая система была во многихъ случаяхъ выгоднѣе для землевладѣльца въ томъ отношеніи, что она не требовала отъ него траты капитала, а также, быть можетъ, потому, что и эксплуатація рабскаго труда стала менѣе выгодна, чѣмъ прежде. Но что система обработки господской земли при помощи группъ рабовъ, не имѣвшихъ никакого собственного хозяйства, отнюдь не казалась мало производительною или невыгодною для землевладѣльцевъ, сравнительно съ новою системою, видно изъ того, что первая въ

теченіе вѣковъ продолжала существовать одновременно со второю и даже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ эта послѣдняя.

Въ IV вѣкѣ рабы, жившіе отдѣльнымъ хозяйствомъ, были прикрѣплены къ землѣ. Та самая императорская власть, которая, въ интересахъ своего иска, прикрѣпила къ землѣ свободныхъ колоновъ, — что было вопіющимъ нарушеніемъ интересовъ послѣднихъ, — теперь, въ интересахъ того же фиска, связала юридически съ землею жившаго на отдѣльномъ участкѣ раба, — но на этотъ разъ къ его выгодѣ. Вначалѣ чиновники стали отмѣчать рабовъ этой категоріи въ кадастральныхъ регистрахъ (*servi adscripticii*), какъ данную, имѣвшую значеніе для опредѣленія размѣровъ налогового обложенія. Потомъ, въ 327 году ограничена была закономъ свобода продажи этихъ рабовъ господами. Сорокъ лѣтъ спустя, законъ Валентіана I воспретилъ совершенно продажу этой категоріи рабовъ безъ той земли, къ которой они были прикрѣплены. Государство, такимъ образомъ, въ своихъ интересахъ создало новый классъ людей, полусвободныхъ по правовому положенію. Многіе рабы были превращены подобнымъ образомъ въ крѣпостныхъ.

Крѣпостничество сдѣлалось правовымъ институтомъ. Но, рядомъ съ крѣпостными, продолжало существовать еще большее число рабовъ, сохранявшихъ свое званіе, жившихъ вмѣстѣ у господина и продолжавшихъ группами обрабатывать его землю.

Послѣ нашествія варваровъ и паденія имперіи явились новыя причины, способствовавшія развитію крѣпостничества на счетъ рабства. Средневѣковое общество сложилось, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ троякаго рода учрежденій — римскихъ, германо-варварскихъ и христіанства. Мы ужъ видѣли, какъ въ Римѣ возникли колонаты и крѣпостничество. Дальнѣйшая судьба ихъ зависѣла, главнымъ образомъ, отъ импульса, который они могли получить отъ варварскихъ обществъ.

Но именно германо-варварскому міру было чуждо распространеніе рабства въ тѣсномъ смыслѣ. Древніе германцы знали лишь смягченную форму рабства, близко подходившую къ крѣпостничеству. Тщетно стали бы мы искать причины того, почему несвободный трудъ существовалъ у германцевъ именно въ формѣ крѣпостничества, тогда какъ въ греко-римскомъ мірѣ — именно въ формѣ рабства. Во всякомъ случаѣ не экономическое развитіе могло требовать именно крѣпостничества у германцевъ и непременно рабства въ Греціи и Римѣ. Фактъ тотъ, что жизненный укладъ германцевъ не предрасполагалъ ихъ къ заимствованію у римлянъ и дальнѣйшему развитію учрежденія рабства; напротивъ того, побѣдители проявляли тенденцію всѣ формы несвободнаго возводить или низводить до состоянія крѣпостничества. Вотъ почему при владычествѣ варваровъ улучшилось положеніе рабовъ и ухудшилось положеніе колоновъ: и тѣ, и другіе были въ глазахъ новыхъ господъ одинаково

крѣпостные¹⁾. Что же касается землевладѣльцевъ-римлянъ (или романизированныхъ галловъ), то они постепенно перенимали элементы культуры и обычаи варваровъ, а, стало быть, и отношеніе послѣднихъ къ рабскому труду. Какъ говоритъ Огюстенъ Тьерри, «галло-римская аристократія, подражая германскимъ правамъ, перевела много домашнихъ рабовъ изъ города въ деревню и отъ домашняго услуженія на земледѣльческую работу»²⁾. Но именно потому, что здѣсь дѣйствовала скорѣе склонность подражанія, чѣмъ сознательный расчетъ большей матеріальной выгоды, процессъ перехода рабства въ крѣпостничество тянулся много вѣковъ.

Наконецъ, въ сторону той же эволюціи дѣйствовало и христіанство. Самые безпристрастные изслѣдователи признаютъ значительную роль христіанства въ упраздненіи рабства. Такъ, Кондорсе, признавая эту заслугу христіанства, замѣчаетъ, что духовенство не имѣло интереса способствовать его сохраненію³⁾. Когда варвары были обращены въ христіанство, продажа рабовъ была воспрещена христіаниномъ христіанину. Капитуляріи 743 и 814 года повторяютъ то же воспрещеніе. Это не значитъ, конечно, что оно всегда строго соблюдалось, но оно во всякомъ случаѣ не способствовало дальнѣйшему росту рабства. Извѣстный историкъ Гераръ указывалъ на то, что феодальныя войны хотя и многочисленныя, но имѣвшія обыкновенно локальный характеръ, не могли увеличивать контингента рабовъ, ибо продажа военноплѣнныхъ въ чужую страну не допускалась ни каноническими, ни гражданскими законами, удержать же ихъ вблизи было невозможно, такъ какъ недалеко были ихъ родственники и сосѣди⁴⁾. Рабство вымирало и вслѣдствіе постепеннаго перехода рабовъ въ состояніе крѣпостничества, и вслѣдствіе закрытія источниковъ, его поддерживавшихъ.

Въ силу всѣхъ этихъ причинъ рабство исчезло въ христіанскомъ мірѣ во второй половинѣ Среднихъ Вѣковъ.

V.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ возникъ средневѣковый феодальный строй, и въ какой мѣрѣ его возникновеніе было обусловлено экономическимъ развитіемъ общества.

Феодальный строй характеризуется, во-первыхъ, организаціею господствующаго элемента общества на началахъ іерархической и этажеобраз-

1) Georg Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, II, B., 1-e Abth., стр. 223 и 230.—Lamprecht, Etudes sur l'état économique de la France pendant la première partie du Moyen-Age, Paris, 1889, 1-e partie, ch. III, стр. 84—99.—Guizot, Histoire de la civilisation en France, t. IV, стр. 261—263.—Fustel de Coulanges, L'Alleu et le domaine rural, стр. 361, и Recherches sur quelques problèmes d'histoire, стр. 172—174.

2) Augustin Thierry, Essai sur l'histoire du Tiers Etat, стр. 16—17.

3) Condorcet, Tableau historique, an III, стр. 146.

4) Guérard, Polyptique de l'abbé Irminon, t. I, Proléhomènes, Paris, 1844, стр. 387—389.

ной зависимости между лицами, владѣвшими земельною территоріею и одновременно имѣвшими политическую власть въ предѣлахъ своей территоріи, и, во-вторыхъ, закрѣпощеннымъ состояніемъ трудящагося класса, прикрѣпленнаго — въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, — къ землѣ и обязаннаго передъ своими господами опредѣленными налогами и повинностями.

Какимъ образомъ возникли власть и іерархическая зависимость господъ? Какимъ образомъ былъ закрѣпощенъ трудящійся классъ?

Начнемъ съ послѣдняго.

Закрѣпощенный классъ образовался изъ трехъ элементовъ—рабовъ, колоновъ и свободныхъ людей, впадшихъ въ крѣпостное состояніе.

Рабство — продуктъ вообще не гражданскаго оборота, а войны, пиратства и насилія. Когда насиліе разъ сдѣлало свое дѣло, то личность раба становится предметомъ купли-продажи, она вступаетъ въ гражданскій оборотъ, санкціонируемый государственнымъ закономъ, который признаетъ и поддерживаетъ послѣдствія этого акта насилія въ отношеніи не только къ человѣку, обращенному въ рабство, но и въ отношеніи къ его достоинству, наслѣдующему ту же тяжелую долю. Какимъ образомъ древнее рабство, подъ вліяніемъ моральныхъ и религіозныхъ мотивовъ, интересовъ самихъ рабовладѣльцевъ, интересовъ фиска и постановленій государственной власти, традиціонныхъ обыкновений побѣдителей-варваровъ и потребности подражанія римскихъ аристократовъ, постепенно преобразовалось въ крѣпостничество, было говорено уже выше.

Колонаты образовался изъ класса свободныхъ арендаторовъ, нанимавшихъ у крупныхъ землевладѣльцевъ за опредѣленную плату мелкіе участки земли, часто переходившіе отъ родителей къ дѣтямъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, изъ земледѣльцевъ, селившихся безъ всякаго контракта на пустошахъ, и изъ плѣнныхъ варваровъ, водворенныхъ на опредѣленные территоріи имперіи. Послѣдняя категорія колоновъ лишилась свободы въ результатъ войны; первыя же двѣ категоріи колоновъ были прикрѣплены къ землѣ и обращены въ полусвободное состояніе императорскимъ законодательствомъ IV вѣка въ интересахъ фиска. Прикрѣпляя къ землѣ свободныхъ людей, законъ заботился такъ же мало объ ихъ интересѣ, объ ихъ благѣ, какъ мало думалъ онъ объ интересѣ рабовъ, которыхъ онъ въ ту же эпоху прикрѣплялъ къ отведеннымъ имъ господами особымъ участкамъ¹⁾. Даже такой оптимистъ, какъ Фюстель-де-Куланжъ, развивающій старый взглядъ Ноде и Валлона о фактическомъ существованіи колоната въ жизни передъ тѣмъ, какъ онъ былъ санкціонированъ закономъ, и усматривающій выгодную для колоновъ сторону этого законодательства въ томъ, что землевладѣлецъ не могъ уже прогнать съ обрабатываемаго имъ участка земли, — даже

¹⁾ Ch. Reville, Etude sur l'histoire du colonat chez les Romains, стр. 7—8 17—18 и 60—61.

Фюстель-де-Куланжъ отзывается объ этихъ мѣрахъ, что онѣ служили «столько же къ его пользѣ, сколько и къ его вреду»¹⁾. Ибо если вѣрно то, что земля часто переходила какъ бы по наслѣдству отъ одного поколѣнія колоновъ къ другому, то не менѣе вѣрно и то, что каждое поколѣніе наслѣдовало и свободу. Колоны своей свободы были лишены жестокимъ и насильственнымъ актомъ деспотизма. Но лишеніе свободы никогда не можетъ служить къ пользѣ порабоощаемаго. Законы Константина, Валентиніана и Валента, Θεодосія, Анастасія и Юстиніана постепенно ухудшали правовое положеніе колона, все болѣе и болѣе сближая его съ положеніемъ раба. Законъ воспрещаетъ землевладѣльцу продавать землю безъ колоновъ, но онъ предоставляетъ въ его власть публичную силу для поимки бѣглаго колона, онъ даетъ ему право наказывать колона и заковывать его въ цѣпи, подобно рабу, онъ отнимаетъ у колона право давности въ приобрѣтеніи свободы. Въ нѣкоторомъ отношеніи положеніе колона было даже хуже положенія раба, ибо первый не могъ быть отпущенъ своимъ господиномъ на волю, подобно второму. Судьба римскаго колоната представляетъ яркій примѣръ того, какимъ образомъ сила государственной власти можетъ создать новый классъ безправныхъ людей чисто законодательнымъ путемъ.

Положеніе колоновъ значительно ухудшилось послѣ нашествія варваровъ. Легально проводилось еще различіе между колономъ и рабомъ, но фактически это различіе все болѣе и болѣе сглаживалось, все болѣе и болѣе теряло свое значеніе. Рабъ повышался, а колонъ спускался. Въ первой половинѣ Среднихъ Вѣковъ правовое положеніе бывшихъ рабовъ и бывшихъ колоновъ стало одинаковымъ, и обѣ эти категоріи несвободныхъ людей смѣшались въ общемъ состояніи крѣпостничества.

Третій источникъ крѣпостничества, это—добровольная вначалѣ отдача себя многихъ людей въ зависимость отъ могущественныхъ и вліятельныхъ лицъ, ищущихъ либо покровительства противъ гнета государства и алчной, испорченной администраціи, либо ради защиты и безопасности въ эпохи войнъ, междоусобій и соціальной анархіи, либо наконецъ, доставленія средствъ къ жизни хотя бы и цѣною личной свободы²⁾. Такъ, по словамъ Летурно, еще недавно въ промышленномъ Суданѣ, какъ въ послѣдніе вѣка Римской имперіи, свободные люди, чтобы найти защиту противъ мести или чтобъ избавиться отъ нужды, отказываются отъ свободы и становятся колонами³⁾. Средневѣковый классъ крѣпостныхъ обогатился также многочисленными элементами свободныхъ людей, впавшихъ добровольно въ зависимое состояніе ради указанныхъ мотивовъ въ послѣдній періодъ Римской имперіи, въ эпоху Меровинговъ и въ эпоху Каролинговъ.

¹⁾ Fustel de Coulanges, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, стр. 143—144, L'Allu et le domaine rural, стр. 71.—Ср. Ed. Cuq, Le colonat partiaire dans l'Afrique Romaine, Paris, 1897, стр. 66.

²⁾ Guérard, Polyptique de l'abbé Irminon, Prolegomènes, стр. 506—507.

³⁾ Letourneau, L'Évolution de l'Esclavage стр. 103.

Угнетеніе фиска и произволъ чиновниковъ побуждали мелкихъ собственниковъ искать покровительства у представителей того самаго класса, изъ котораго вербовались судьи и чиновники,—у аристократовъ и богатыхъ землевладѣльцевъ, которые становились ихъ патронами. Крестьяне отдавали имъ свои участки земли и получали ихъ обратно, въ качествѣ прекарія. Юридически они теряли свою землю и становились какъ бы колонами своихъ патроновъ. Благодаря императорскому законодательству о колонахъ, многіе изъ нихъ теряли и свою свободу, дѣлаясь крѣпостными. Сальвіанъ, одинъ изъ христіанскихъ писателей той эпохи, пишетъ: «Слабый отдается могущественному, для того чтобы послѣдній оказывалъ ему защиту и покровительство». Сальвіанъ описываетъ несчастное положеніе этихъ крестьянъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: «они отдаютъ себя подъ опеку и покровительство могущественныхъ людей; они становятся жертвою богатыхъ людей и переходятъ подъ ихъ власть и въ ихъ распоряженіе. Но что хуже и ненавистнѣе всего, это—то, что богачи защищаютъ бѣдныхъ, повидимому, только для того, чтобы ихъ грабить... Всѣ эти якобы защищаемые люди должны отдавать покровителямъ свое имущество, передъ тѣмъ какъ получить взамѣнъ ихъ покровительство... Помощь, которая была оказана родителямъ, превращала дѣтей въ нищихъ... Грабители овладѣли ихъ землею, а они платятъ налоги за грабителей... Они потеряли не только свое имущество, но и свое званіе и даже права свободныхъ людей... Несмотря на признанныя всѣми права свободного состоянія, они превращаются въ рабовъ».

Со времени нашествія варваровъ случаи отказа отъ личной свободы и отдачи себя въ зависимость отъ могущественныхъ людей участились. Въ эпоху Меровинговъ они приняли эпидемическій характеръ. Отъ свободы люди отказывались иногда изъ-за бѣдности и ради пропитанія, но главнымъ образомъ изъ-за покровительства и ради безопасности. Вѣчныя въ ту эпоху войны, междоусобія, беспорядки, грабежи, слабость центральной власти, продажная и хищническая администрація, угнетавшая населеніе, но не оказывавшая ему защиты, а напротивъ того вызывавшая потребность защиты противъ себя, однимъ словомъ, вся система общественной анархіи дѣлала существованіе изолированныхъ людей, не обладавшихъ ни властью, ни силою, совершенно невозможнымъ. Огромная масса свободныхъ людей тогда отдала себя подъ патронатъ аристократовъ и церкви ¹⁾. Потребность безопасности выдвинула на первый планъ вопросъ о защитѣ противъ насилія, грабежей и узурпаціи. Такимъ образомъ слабые искали опоры въ покровительствѣ тѣхъ, которые, обладая силою, могли угнетать, но могли и защищать. «Подобно тому какъ Цезарь это говорилъ уже о галлахъ, теперь люди стали отдавать себя одному изъ магнатовъ, чтобы не быть жертвою произ-

1) Guérard, Polyptique Irminon, I, стр. 506—507.—Guizot, Essais sur l'histoire de France, стр. 134—136.—Guizot, Histoire de la civilisation en France, t. I, стр. 64.—A. Tourmange, Histoire du servage, Paris, 1879, стр. 57 etc.—Imbart de Tour, Question d'histoire sociale et religieuse, Paris, 1907, стр. 139—140.

вола всѣхъ магнатовъ вмѣстѣ»¹⁾). Но это покровительство покупалось цѣною личной свободы. Они стали крѣпостными. Потомство ихъ смѣшалось съ крѣпостными, бывшими рабами, и съ крѣпостными, бывшими колонами.

Наконецъ, тотъ же процессъ превращенія свободныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ произошелъ въ эпоху войнъ, безпорядковъ, грабежей, разоренія и всеобщей анархіи при Каролингахъ. На этотъ разъ съ крестьянами-франками произошло то же самое, что нѣкогда съ крестьянами римскими и галльскими. Насиліе продолжало дѣлать свое дѣло. Одинаковыя причины привели къ одинаковымъ результатамъ. Классъ крѣпостныхъ пополнился послѣдними кадрами людей, потерявшихъ свое свободное званіе²⁾. Въ X-омъ вѣкѣ, въ эпоху развившагося феодализма, вполнѣ свободные люди почти совершенно исчезли на Западѣ Европы.

Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что средневѣковое крѣпостничество было прогрессомъ и социальнымъ подъемомъ лишь для нѣкоторой части трудящагося населенія, а именно для элементовъ, принадлежавшихъ къ классу рабовъ, для огромныхъ же массъ свободного населенія оно было регрессомъ и упадкомъ; для нихъ оно являлось страшнымъ ухудшеніемъ ихъ положенія въ моральномъ и матеріальномъ отношеніи, ибо для нихъ крѣпостничество было потерей собственности и лишеніемъ свободы.

Отсюда слѣдуетъ, во-вторыхъ, что появленіе средневѣкового крѣпостничества, служившаго базою феодализма, не обусловлено экономическимъ развитіемъ общества и лишь въ нѣкоторомъ отношеніи связано съ гражданскимъ оборотомъ его, въ главныхъ и основныхъ же линіяхъ своихъ оно было продуктомъ съ одной стороны фискальной политики государства, съ другой стороны,—интересовъ, порожденныхъ войнами, насиліемъ, узурпаціею, социальною анархіею и послѣдствіями.

1) Fustel de Coulanges, Les transformation de la royauté pendant l'époque Carolingienne, стр. 676.

2) Либерально-манчестерскій экономистъ Г. де Молинари изображаетъ крѣпостничество, какъ состояніе, которое—такъ же, какъ и рабство—соотвѣтствовало интересамъ и общества и самихъ крѣпостныхъ (G. de Molinari, Comment se résoudra la question sociale, стр. 89 и 96, и Les problèmes du XX siècle, стр. 119). Приблизительно то же самое говоритъ и марксистъ Крживицкій: „Поселянинъ смотрѣлъ на свое зависимое положеніе, какъ на взаимный обмѣнъ услугъ: феодалъ защищалъ его отъ грабежа и хищныхъ животныхъ, исполнялъ функціи полиціи, земледѣлецъ же за то отдавалъ оброкъ и продукты своего труда и воздѣлывалъ барскую пашню... И только благодаря незнанію прошлаго у защитниковъ крѣпостничества и подтасовкѣ фактовъ представителями либерализма, историки начали искать начала для крѣпостничества единственно въ насиліи... Зависимое положеніе, на сколько мы не будемъ говорить о невольникахъ и „чужеземцахъ“, находящихся внѣ племенной организаціи, возникло среди свободныхъ людей съ ихъ согласіемъ“. (Генезисъ идей, стр. 21—22). Что свободные колоны были насильственно закрѣпощены, объ этомъ у цитированнаго автора нѣтъ ни слова. Что свободные крестьяне были разоряемы войнами и грабежами, что они были вынуждаемы искать, путемъ „добровольнаго договора“, покровительства и защиты одного изъ грабителей только потому, что иначе имъ пришлось бы страдать отъ многихъ грабителей,—объ этомъ опять-таки у него нѣтъ ни слова: заключаютъ же жертвы „добровольные договоры“ и съ разбойниками. Интересъ „развитія производительныхъ силъ“ и вѣра въ „историческую миссію“ cadaго господствующаго класса до такой степени затушевываютъ у сторонника теоріи „классовой борьбы“ классовый антагонизмъ передъ относительною солидарностью классовъ, что онъ воспріимаетъ крѣпостничество въ унисонъ съ злѣйшимъ апологетомъ крѣпостничества именно изъ „представителей либерализма“.

Тѣ же войны, тѣ же безпорядки, то же состояніе соціально-политической анархіи, а также своеобразное столкновеніе нѣкоторыхъ политическихъ нравовъ Римской имперіи съ военными нравами германо-варварскаго міра были причиною іерархической организаціи самихъ феодаловъ.

Феодализмъ существовалъ далеко не только въ средневѣковой Европѣ. Онъ существовалъ нѣкогда въ Китаѣ, онъ существовалъ въ Мексикѣ, Японіи, на островѣ Мадагаскарѣ, въ Таити и другихъ странахъ, онъ теперь еще существуетъ въ Абиссиніи. Всюду это — режимъ военной аристократіи, возникающій обыкновенно тогда, когда какой-нибудь военный вождь долженъ считаться въ завоеванной странѣ съ собственными своими дружинниками, участвовавшими въ походѣ, или же когда, при покореніи страны, долженъ вступить въ компромиссъ съ ея правителями или отдѣльными вождями. Феодализмъ средневѣковой Европы — тоже существенно продуктъ войны, насилія и военныхъ отношеній ¹⁾).

Послѣ паденія Западной Римской имперіи, варварскіе короли пытались сохранить римскій централизмъ, римскую администрацію, систему римскихъ финансовъ. Но усилія ихъ были тщетны. Королевская власть была основана на военной силѣ и завоеваніи. И короли оказались безсильны противъ собственной организаціи силы.

Неудовлетворительный характеръ королевско-варварской администраціи и отсутствія безопасности въ эпоху Меровинговъ велъ къ потерѣ центральной властью своихъ прерогативъ, къ развитію отношеній патронажа и къ захвату военною бюрократіею и администраціею суверенныхъ правъ надъ своими территориями.

Бюрократическій централизмъ не могъ привиться въ средѣ варваровъ, вынесшихъ изъ Германіи совсѣмъ другія обыкновенія. Короли не обладали ни энергіею, ни способностями, необходимыми для того, чтобы дисциплинировать бывшихъ дружинниковъ, ставшихъ теперь крупными землевладѣльцами, и подчинить ихъ администраціи, продолжавшей традиціи римской бюрократіи. Сами римскіе аристократы постепенно перенимали обычаи и наклонности варваровъ. Съ одной стороны, крупные землевладѣльцы, аббатства и монастыри стремились избавиться отъ юрисдикціи королевскихъ судей и отъ административнаго хозяйничанья на ихъ территорияхъ королевскихъ чиновниковъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ потери значенія старой сенаторской аристократіи, стала возвышаться новая аристократія изъ должностныхъ лицъ, входившихъ въ составъ королевской «палаты» (*palatium*) герцоговъ, графовъ, епископовъ, которые пріобрѣтали все большую и большую самостоятельность.

Система иммунитетовъ, развивавшаяся при Меровингахъ, отняла у агентовъ центральной власти, путемъ многочисленныхъ коро-

¹⁾ Letourneau, L'évolution de la propriété, стр. 209—211, 395 и 402.—Letourneau, L'évolution politique, стр. 460.—Letourneau, La guerre, стр. 511.

левских грамотъ, право выполнять свои судебныя, фискальныя и административныя функціи въ предѣлахъ огромнаго множества свѣтскихъ и церковныхъ территорій. Владѣльцы этихъ территорій получали права феодальныхъ господъ, и для нихъ было выигрышемъ все то, что теряла корона.

Ослабленіе центральной власти въ обществѣ, отданномъ на произволъ внутреннихъ и внѣшнихъ стихій, страдавшемъ отъ неурядицъ, беспорядковъ, беззащитности слабыхъ, тиранніи сильныхъ и отсутствія безопасности для большинства, дало толчекъ развитію патронажа, знакомаго уже римскому обществу императорскаго періода, но особенно развитаго среди германцевъ.

Въ IV-омъ вѣкѣ особенно усилилось въ римскомъ обществѣ обыкновеніе отдачи себя подъ покровительство какого-нибудь могущественнаго человѣка, какъ патрона (*commendatio*). Люди слабые, не только бѣдные, но и собственники, спасались отъ притѣсненій бюрократовъ и лицъ господствующаго класса, становясь кліентами одного изъ представителей этого же класса, превращаясь какъ бы въ его вассаловъ. Покровительство могущественнаго человѣка служило не только для защиты, но часто давало въ свою очередь средства для притѣсненія людей еще болѣе слабыхъ. Римскій писатель Либаній говоритъ о патронажѣ слѣдующее: «Одни становятся кліентами, для того чтобы имѣть защитника противъ насилія; другіе же это дѣлаютъ для того, чтобы дѣлать самимъ всевозможныя насилія». Всѣ классы римскаго общества группировались въ видѣ іерархической лѣстницы взаимныхъ отношеній патроновъ и кліентовъ ¹⁾. Это напоминаетъ уже феодальную связь между сеньерами и вассалами.

Но подобная же система покровительства существовала и у древнихъ галловъ, и у древнихъ германцевъ—и въ отношеніяхъ свободныхъ членовъ рода, и въ отношеніяхъ дружинниковъ къ военному вождю. Нашествіе варваровъ слило въ одно теченіе тенденціи развитія системы покровительства, существовавшія и въ римскомъ обществѣ, и въ германоварварскомъ мірѣ ²⁾. Феодализмъ—дѣтище обѣихъ формацій.

Неурядицы, наступившія послѣ паденія Западной Римской имперіи, дали толчокъ развитію системы покровительства, которая постепенно сдѣлалась господствующимъ режимомъ. Свободные люди не могли жить, если не пользовались защитой какого-нибудь господина или сюзерена, и менѣе могущественный человѣкъ не могъ сохранить своего социаль-

1) Fustel de Coulanges, *Les origines du système féodal*, стр. 240—243 и 246—247; *L'invasion germanique*, стр. 561—567.

2) G. Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, II B., 1-е Abth., 3-е Aufl., стр. 212—253, 255—261 и 290.—E. Glasson, *Histoire du droit et des institutions de la France*, t. II, Paris, 1888, стр. 120—128. L. Garreau, *L'état social de la France au temps des croisades*, Paris, 1899, стр. 8.—Jacques Flach, *Les origines de l'ancienne France*, t. I, Paris, 1884, стр. 23—4, 79, 81—3, 117—120 и 125—132; t. II, Paris, 1893, стр. 63, 231 и 427—430; t. III, Paris, 1904, Introduction. Флакъ возстаётъ противъ мнѣнія Герара о томъ, что феодальный строй былъ основанъ на землевладѣніи, и доказываетъ, что сущность феодализма—въ системѣ покровительства.

наго ранга, если онъ не имѣлъ покровителемъ челоуѣка болѣе могущественнаго. Въ то время какъ масса свободныхъ людей низшаго ранга теряла свою свободу и впадала въ состояніе крѣпостничества, земля же ихъ становилась господскою,—лица болѣе высокаго ранга связывали себя іерархическою зависимою съ лицами болѣе могущественными, эти въ свою очередь становились вассалами людей еще болѣе сильныхъ, и такъ далѣе. Всякая земельная собственность принимала форму владѣнія, гарантируемаго подъ условіемъ выполненія опредѣленныхъ обязательствъ по отношенію къ владѣльцу высшаго ранга. Аллоды превращались въ бенефиціи, и господствующій элементъ общества сталъ группироваться въ сложную систему зависимостей между сюзеренами и вассалами различныхъ порядковъ.

На верху этой лѣстницы стояла вновь образовавшаяся въ VII вѣкѣ аристократія, состоявшая изъ высшихъ должностныхъ лицъ страны, изъ герцоговъ и графовъ. Они располагали и властью, и богатствомъ; послѣднее часто имъ давалось именно властью, приносившею домены и доходы. Это были самыя могущественныя лица въ странѣ, и они имѣли подъ своимъ началомъ и покровительствомъ больше всего вассаловъ и наиболѣе значительныхъ изъ нихъ. Сила и вліяніе ихъ были основаны главнымъ образомъ на ихъ должностяхъ. Но временный характеръ ихъ должностей, исходившихъ отъ королевской власти, дѣлалъ ихъ вліяніе и положеніе неустойчивымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неустойчивою и всю систему соціальной іерархіи. Они стали стремиться къ независимости, къ наслѣдственности своихъ функцій и къ политическому верховенству надъ своими территоріями. Короли династіи Меровинговъ были безсильны противъ этого движенія. Въ этой борьбѣ на сторону новой аристократіи стали королевскіе мажордомы. Короли, потерявшіе сначала власть фактически, потеряли ее наконецъ и номинально. Они оказались безсильны противъ военной и политической силы герцоговъ и графовъ.

Низложеніе Меровинговъ и восшествіе новой династіи Каролинговъ знаменуетъ торжество феодальной системы. Карлъ Великій санкціонировалъ новую систему, какъ феодализмъ централизованный. Но попытка его примирить феодализмъ и централизмъ потерпѣла неудачу послѣ его смерти. Феодализмъ торжествовалъ новыя побѣды. Одинъ Капитулярій 847-го года сдѣлалъ обязательнымъ для всякаго челоуѣка вступленіе въ вассальную зависимость по отношенію къ какому-нибудь сюзерену. Капитулярій, изданный Карломъ Лысымъ въ 877-омъ году, окончательно призналъ наслѣдственность бенефицій и королевскихъ оффицій. Въ собственныхъ доменахъ короля, послѣднему были сохранены лишь права верховнаго сюзеренства. Неустойчивая общественная система была вдвинута, наконецъ, въ рамки болѣе устойчиваго феодализма.

Отсюда видно, что своимъ возникновеніемъ феодальная іерархія обязана войнамъ, насилію, отсутствію безопасности и договорамъ, вызваннымъ господствомъ насилія и отсутствіемъ безопасности въ обществѣ. Значительная часть крупныхъ землевладѣльцевъ состоя изъ варваровъ,

достигшихъ богатства, вліянія и власти вслѣдствіе завоеванія. Новая аристократія образовалась изъ отправления должностей, въ качествѣ агентовъ правительственной власти, лицами, пріобрѣтавшими, благодаря своему высокому политико-административному положенію, силу и богатство или умножавшими таковыя, если они ими уже обладали. Обладая властью и военною силою, эта новая аристократія достигла самостоятельности по отношенію къ центральной власти, которая потеряла свое вліяніе. Власть господъ надъ трудящимся классомъ была основана или на непосредственномъ примѣненіи силы, или на сохраненіи отношеній, нѣкогда возникшихъ изъ примѣненія силы, или на договорахъ, къ заключенію которыхъ вынуждало повсемѣстное торжество силы и которые повергали въ неволю не только контрагентовъ, но и ихъ потомство. Что же касается отношеній іерархической зависимости между самими феодалами, то они выработались въ качествѣ равнодѣйствующей существующихъ военныхъ и политическихъ силъ.

Для насъ теперь ясно, что возникновеніе феодализма находится въ связи не съ экономическимъ развитіемъ общества, а съ процессомъ дѣйствія то слагающихся, то разлагающихся политическихъ и военныхъ силъ.

Возникновеніе феодальнаго строя даетъ намъ новое подтвержденіе того факта, что возвышеніе и пониженіе соціальныхъ группъ, улучшеніе и ухудшеніе различныхъ слоевъ общества, движеніе классовъ по пути ихъ эмансипаціи или порабощенія не находится въ необходимой связи съ экономическимъ развитіемъ общества и состояніемъ его производительныхъ силъ, но можетъ зависѣть отъ комбинаціи силъ и отъ характера интересовъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые располагаютъ силою, и при томъ, — что для насъ особенно важно — силою политическою и военною, а не только тою, которая пріобрѣтается въ результатъ гражданскаго оборота. Такимъ образомъ въ эпоху феодализма наблюдается, одновременно съ подъемомъ и улучшеніемъ положенія рабовъ, порабощеніе и ухудшеніе состоянія свободныхъ людей и колоновъ и, одновременно съ упадкомъ централизованной монархіи, политическое возвышеніе бароновъ.

Двухсторонній характеръ нѣкоторыхъ общественныхъ преобразованій, осуществленныхъ феодальнымъ строемъ, послужилъ причиною нѣкоторой идеализаціи его нѣкоторыми писателями. Мы говоримъ не о крѣпостникахъ, клерикалахъ и романтикахъ, идеализировавшихъ тѣмъ, насиліе и кулачное право, и не объ апологетахъ, готовыхъ оправдывать и доказывать полезность всякаго гнета. Но Шиллеръ уже писалъ о томъ, что кровопролитія и насилія Среднихъ Вѣковъ были необходимы для того, чтобы расчистить почву для появленія новаго свободного человечества въ замѣнъ гнилого и испорченнаго деспотизмомъ римскаго общества ¹⁾. Гизо во всѣхъ своихъ историческихъ работахъ отмѣчаетъ по-

¹⁾ Schiller, Ueber Völkerwanderung, Kreuzzüge und Mittelalter, въ *Sämmtliche Werke*, Stuttgart, 1874, B. IV, стр. 284—287.

ложительную сторону феодализма, заключающуюся въ развитіи свободной индивидуальности въ самихъ феодалахъ, примѣръ которыхъ не могъ не вызывать подражанія въ классахъ подчиненныхъ ¹⁾). Прудонъ видитъ въ феодализмѣ протестъ противъ католическаго монархизма и противъ монархической концентраціи ²⁾). Лоранъ высказывается за предпочтительность феодальнаго варварства развращенности и деспотизму въ Римской Имперіи ³⁾). Летурно видитъ хорошую сторону феодализма въ свободѣ, хотя бы ограниченной предѣлами господствующаго элемента общества: Ксерксы въ немъ невозможны ⁴⁾). Вспомнимъ также изреченіе Монтескье, что свобода родилась въ германскихъ лѣсахъ. Но свобода эта поддерживалась силою. Она исчезла, когда восторжествовала враждебная ей сила.

ГЛАВА VIII.

Смѣна господства классовъ и соціальныхъ группъ.

I.

Предыдущее изслѣдованіе привело насъ къ тому заключенію, что эволюція классовыхъ и политическихъ отношеній, равно какъ вообще соціальныхъ антагонизмовъ, не подчинена никакому закону развитія производительныхъ силъ общества. Передъ нами возникаетъ теперь слѣдующій вопросъ: подчиняется ли вообще развитіе соціальныхъ антагонизмовъ какому-нибудь постоянному закону исторической динамики?

Существованіе соціальныхъ антагонизмовъ обусловлено существованіемъ различныхъ признаковъ, интересовъ и способностей соціальныхъ группъ.

Судьба соціальныхъ антагонизмовъ, ихъ возникновеніе, развитіе, видоизмѣненіе, сохраненіе и прекращеніе зависитъ, стало быть, отъ измѣненія признаковъ, интересовъ и способностей соціальныхъ группъ.

Признаки соціальныхъ группъ могутъ быть продуктомъ біологической эволюціи (расовыя и національныя различія, различіе пола, жизненная устойчивость, вымираніе, вырожденіе), психологической эволюціи

1) Guizot, Essais sur l'histoire de France, стр. 263—272; Histoire de la civilisation en France, t. IV, leçon XI; L'Histoire de France racontée à mes petits-enfants, t. I, стр. 272—277; Histoire de la civilisation en Europe, русскій переводъ, Спб. 1864, стр. 120.

2) Proudhon. De la création de l'ordre dans l'humanité (Oeuvres complètes, t. III), стр. 335—336.

3) F. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. VII, Bruxelles, 1861, стр. 189.

4) Letourneau, L'évolution politique, стр. 460.

(возникновение и исчезновение религиозных вѣрованій), примѣненія силы и насилія (завоеваніе, покореніе, порабощеніе) и гражданского оборота (ростъ или уменьшеніе соціального неравенства). Измѣненіе признаковъ можетъ быть результатомъ либо физико-біологическихъ перемѣнъ (вымираніе, истребленіе, смѣшеніе расъ и націй, поглощеніе), либо моральныхъ перемѣнъ (ассимиляція, терпимость, иррелигіозность), либо новаго распредѣленія силъ, либо новаго характера гражданского оборота.

Измѣненіе интересовъ соціальныхъ группъ можетъ быть связано съ измѣненіемъ признака (религіозный интересъ, патріотическій интересъ), съ измѣненіемъ природы утилитарныхъ мотивовъ (предпочтеніе безопасности свободѣ, денежнаго интереса интересу властвованія) и съ вліяніемъ мотивовъ моральныхъ.

Измѣненіе способностей сводится главнымъ образомъ на измѣненіе силъ и сознаній, извѣстное состояніе которыхъ необходимо, какъ предварительное условіе защиты какого-нибудь интереса и борьбы за него.

Остановимся подробнѣе на случаяхъ гнета и эксплуатаціи одною соціальною группою другой, въ частности одного класса другимъ классомъ.

Соціальныя отношенія, основанныя на угнетеніи и эксплуатаціи одной соціальной группы другою соціальною группою, могутъ или оставаться въ продолженіе неопредѣленно долгаго времени совершенно неизмѣненными, или же подвергаться преобразованіямъ подъ вліяніемъ дѣйствія различныхъ причинъ.

Измѣненіе характера гнета, его смягченіе и его полное прекращеніе можетъ быть или результатомъ борьбы между двумя антагонистическими группами, или примѣненія силы по отношенію къ господствующей группѣ со стороны группы другого типа, или гражданского оборота, или утилитарнаго разсчета господствующей группы, или потери значенія опредѣленнаго интереса, или дѣйствія моральныхъ мотивовъ. Особо стоитъ случай прекращенія физическаго существованія угнетаемой группы вслѣдствіе истребленія и вымиранія.

Борьба угнетенной группы можетъ быть направлена либо только противъ непосредственнаго примѣненія силы и насилія со стороны господствующей группы, либо также и противъ того соціального строя, гражданскій оборотъ котораго ведетъ, помимо всякаго насилія, къ соціальному неравенству, гнету и эксплуатаціи.

Мы видимъ, что борьба между антагонистическими группами, въ частности классовая борьба, является лишь одною изъ формъ движенія, ведущаго къ освобожденію подчиненныхъ группъ отъ гнета и эксплуатаціи. Но существуетъ ли вообще неизмѣнный законъ движенія въ направленіи эмансипаціи угнетенныхъ группъ и классовъ?

Допустимъ сначала, что другія причины, которыя могли бы дѣйствовать въ смыслѣ смягченія или прекращенія гнета, совершенно отсутствуютъ. Значить ли это, что антагонизмъ ведетъ неизбѣжно къ

борьбѣ, и что борьба, если она происходитъ, неизбежно кончается побѣдою?

Исторія прежде всего даетъ категорическое опроверженіе мнѣнія, будто всякій антагонизмъ, существующій между угнетенными и угнетающими, неизбежно ведетъ къ возмущенію и борьбѣ первыхъ противъ послѣднихъ. Исторія учитъ, что угнетеніе и эксплуатація массъ можетъ длиться неопредѣленно долгое время, не вызывая никакой осязательной реакціи со стороны послѣднихъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда эксплуатація совершается не при помощи насилія, а основывается на добровольномъ самоотреченіи массъ, которыя, дѣйствуя подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій, отдають себя во власть жрецовъ, маговъ и духовенства, борьба мыслима прежде всего лишь какъ борьба критики и мысли, какъ борьба съ тѣми сознаніями, съ тою психологіею поработенныхъ, которая является основною причиною ихъ рабства. Но критическая мысль не развивается необходимымъ образомъ стихійно изъ нѣдръ народнаго сознанія. Необходимо, чтобы возникла инициатива, и чтобы она оказала воздѣйствіе. А это бываетъ далеко не всегда. Устойчивость религій, въ особенности религій самыхъ грубыхъ и суевѣрныхъ, является краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ устойчивости системы эксплуатаціи, держащейся, благодаря косности поработеннаго сознанія. Въ подобныхъ условіяхъ эксплуататорская группа можетъ расти и усиливаться, безъ всякаго насилія и даже безъ содѣйствія гражданскаго оборота. Извѣстно, что католическое духовенство накопило огромныя богатства въ Средніе Вѣка, благодаря добровольнымъ дарамъ, пожертвованіямъ и завѣщаніямъ вѣрующихъ.

Съ другой стороны, когда гнетъ и эксплуатація вытекають не изъ примѣненія насилія, а изъ стихійнаго дѣйствія гражданскаго оборота индивидуалистическаго общества, который неизбежно ведетъ къ соціальному неравенству, неизбежному въ свою очередь источнику угнетенія, въ массахъ не можетъ возникнуть сознаніе объ общественномъ злѣ и о возможности съ нимъ бороться до тѣхъ поръ, покамѣстъ индивидуалистическій строй всѣми признается какъ необходимая и единственно возможная форма общественной жизни, и всѣ связанныя съ нимъ бѣдствія разсматриваются всѣми, какъ неизбежное вообще въ человѣческой жизни зло. Появленіе идеи о возможной планомѣрной организаціи общества требуетъ инициативы, но подобная инициатива можетъ не возникать неопредѣленно долгое время.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда соціальныя антагонизмы вытекають вполне или отчасти изъ примѣненія силы и насилія, эксплуатація и гнетъ могутъ держаться неопредѣленно долго въ общественныхъ отношеніяхъ, не вызывая никакой борьбы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Для того, чтобы могла возникнуть борьба противъ силъ гнета и эксплуатаціи, необходимо, чтобы подчиненная соціальная группа обладала способностями, безъ которыхъ самая борьба не мыслима: необходимо, во-первыхъ, чтобы ей было присуще сознаніе объ антагонизмѣ,

отъ котораго она страдаетъ; необходимо, во-вторыхъ, чтобы она обладала силами,, необходимыми для вступленія въ борьбу. Въ дѣйствительности же порабощеніе соціальныхъ группъ часто соединяется съ отсутствіемъ то сознаний, то силъ, то тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Мы уже говорили неоднократно, что долговременное порабощеніе соціальной группы способно совершенно подавить сознание входящихъ въ нее индивидуумовъ, атрофировать ихъ чувство своего достоинства, заглушить всякое стремленіе къ освобожденію и выработать психологію полного удовлетворенія своею участію. Самыя чудовищныя формы кастовой іерархіи, политическаго угнетенія, классовой эксплуатаціи могутъ существовать вѣка и тысячелѣтія, не возбуждая ни малѣйшаго протеста со стороны угнетенныхъ. Традиціи и сознательная дрессировка людей ихъ господами и повелителями превращаютъ деморализацію въ обычную мораль и воспитываютъ въ порабощенныхъ массахъ нѣчто въ родѣ инстинкта рабства. Соціальныя отношенія кристаллизуются въ застывшія формы, сохраняющія устойчивое равновѣсіе, которое не нарушается никакими внутренними вспышками, никакою внутреннею работою соціальныхъ молекулярныхъ силъ, но можетъ быть поколеблено лишь какимъ-нибудь внѣшнимъ потрясеніемъ ¹⁾).

Въ варварскихъ и восточныхъ деспотіяхъ порабощенныя массы и рабы въ тѣсномъ смыслѣ покорно несутъ свое иго, нисколько не помышляя и не стремясь къ освобожденію. Индійскіе паріи никогда не думали жаловаться на свое печальное положеніе, никогда имъ и въ мысль не приходило бороться за улучшеніе своей ужасной доли. Порабощенная и эксплуатируемая женщина въ теченіе тысячелѣтій переносила терпѣливо свою участь, считала ее совершенно естественною и не боролась противъ угнетенія пола.

Далѣе, исторія знаетъ много случаевъ, когда угнетенныя соціальныя группы, вполне сознавая тяжесть испытываемаго гнета и отнюдь не чуждыя стремленія къ лучшей участи, все же пассивно переносили свои нескончаемыя страданія, чувствуя свою полную беспомощность—дѣйствительную или кажущуюся—передъ силою угнетателей. Въ подобныхъ случаяхъ или вовсе не являлась инициатива призыва къ борьбѣ и возмущенію, или же, если она и являлась, то оказывалась безрезультатной. Египетскіе феллахи никогда не возмущались. Преслѣдуемые и гонимые евреи, всегда сознававшіе ужасъ своихъ испытаній, въ теченіе болѣе полутора тысячъ лѣтъ сознавали въ то же время весь ужасъ своего безсилія, весь ужасъ безнадежности борьбы со всюду окружавшими ихъ гонителями. Когда на развалинахъ Римской республики укрѣпился тронъ цезарей, то терзаемая императорскою властью аристо-

1) Gust. Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, II th., стр. 499—500.—Gust. Schmoller, Lutte de classes et domination de classes, въ Revue Internationale de Sociologie, 1905. — Letourneau, L'évolution politique, стр. 107—108. Letourneau, L'évolution de l'Esclavage, стр. 115 и 312—315.—A. Bauer, Les classes sociales, стр. 180—182 и 192.—Ср. Ch. Malato, Les classes sociales au point de vue de l'évolution zoologique, стр. 8.

кратія, жившая еще воспоминаніями о своемъ быломъ величіи, меньше всего думала о борьбѣ съ всеильною монархіею, свободолюбивые элементы общества ограничивались лишь пассивнымъ проявленіемъ своихъ оппозиціонныхъ чувствъ, и инициативная попытка Херея возстановить республику послѣ смерти Калигулы осталась безрезультатною. Потомъ, когда римскій деспотизмъ, глубоко пустивъ корни, принялъ султанскій характеръ, онъ довелъ общество до той степени униженія и деградаціи, которая представляется нормальнымъ явленіемъ въ восточныхъ деспотіяхъ: онъ безнаказанно хозяйничалъ, тираннилъ, угнеталъ, ломалъ и коверкалъ соціальныя отношенія, разорялъ страну и толкалъ ее на гибель, не вызывая никакого серьезнаго противодѣйствія своей политикѣ со стороны угнетенныхъ общественныхъ классовъ. Снонали разоренные императорскимъ фискомъ куріалы, снонали закрѣпощенные деспотизмомъ колонны, снонали задавленные новымъ кастовымъ режимомъ городскіе рабочіе, снонали отъ бремени налоговъ и хищничества чиновниковъ крестьяне, — всѣ они снонали, но не боролись, а покорно переносили свое страшное иго.

Угнетеніе не имѣетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возникновенія борьбы угнетенныхъ противъ угнетателей, но еще менѣе того борьбы побѣдоносной. Тамъ, гдѣ благопріятныя условія позволяютъ соединеніе достаточно развитого сознанія съ достаточно организованною силою, — тамъ борьба, конечно, возможна и имѣетъ мѣсто, но тамъ борьба весьма часто ведетъ не къ побѣдѣ, а къ пораженію угнетенныхъ. Часто бываетъ, что неудачный исходъ борьбы еще болѣе усиливаетъ гнетъ побѣжденныхъ, а устрашающее дѣйствіе репрессій и деморализующее вліяніе безуспѣшной борьбы отбиваетъ всякую охоту дальнѣйшаго ея возобновленія.

Народы и страны, покоренные военною силою завоевателей, испытывали часто многовѣковой гнетъ, отъ котораго ихъ не избавляли безуспѣшныя возстанія. Стоитъ только вспомнить о завоеваніяхъ восточныхъ деспотовъ, о завоеваніяхъ Рима, завоеваніяхъ варваровъ, завоеваніяхъ нормановъ, завоеваніяхъ арабовъ, завоеваніяхъ турокъ и о многочисленныхъ завоеваніяхъ, присоединеніяхъ и раздѣлахъ, совершенныхъ въ послѣдніе вѣка. Часто случается, что борьба ведетъ къ полному истребленію или вымиранію побѣжденныхъ, какъ на примѣръ въ борьбѣ европейцевъ съ американскими краснокожими. Въ другихъ случаяхъ борьба кончается не физическимъ разрушеніемъ угнетаемой группы, а моральнымъ прекращеніемъ ея существованія и ея особаго признака въ качествѣ особой націи, когда побѣжденные ассимилируются съ побѣдителями, или въ качествѣ особаго религіознаго общества, какъ, напр., при торжествѣ, помощью силы, христіанства надъ язычествомъ въ древнемъ мірѣ или при торжествѣ въ какой-нибудь странѣ государственной религіи надъ преслѣдуемыми еретиками.

Крайне ложно и противорѣчить неподдѣльной исторіи мнѣніе,

будто тамъ, гдѣ существуетъ классовый гнетъ, онъ неизбежно опять-таки ведетъ къ борьбѣ, которая кончается побѣдою угнетеннаго класса.

Илоты, поработанный классъ древней Лаконіи, ненавидѣли изъ всей души своихъ господъ и нерѣдко противъ нихъ возставали. Но всѣ ихъ возмущенія были безплодны и кончались страшными репрессіями. Въ теченіе многихъ вѣковъ илоты должны были переносить свое тяжелое положеніе, хотя и рвались на волю. Лишь въ эпоху Ахейскаго союза тираннія Набиса и связанная съ нею потрясенія въ общественной жизни Лаконіи открыли имъ дверь къ свободѣ.

Одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ примѣровъ борьбы классовъ въ древнемъ мірѣ, это—борьба плебеевъ съ патриціями въ Римѣ, борьба, которая послѣ торжества плебеевъ въ сферѣ политическихъ домогательствъ и паденія соціально-правового неравенства, приняла характеръ борьбы пролетаріевъ противъ новой сенаторской аристократіи. Главною осью борьбы была, какъ извѣстно, долгое время аграрная платформа. Извѣстно также, что въ этомъ отношеніи демократія достигла кое-какихъ уступокъ какъ въ болѣе древній періодъ борьбы (Лициніевы законы), такъ и въ особенности со времени Гракховъ. Но эти уступки были, конечно, лишь палліативомъ въ разрѣшеніи соціально-экономическаго кризиса въ Римѣ. Между тѣмъ, съ паденіемъ республики, прекратилась совершенно и аграрная борьба въ Римѣ между обоими классами. Угнетенный классъ, одержавъ рядъ частичныхъ побѣдъ, прекратилъ всякую борьбу. Онъ достигъ юридическаго уравнинія политическихъ правъ, онъ добился нѣсколькихъ аграрныхъ реформъ, онъ получилъ бесплатную выдачу хлѣба пролетаріямъ города Рима. Но дальше этого онъ не пошелъ. Но долгое привилегированное положеніе высшаго класса и гражданскій оборотъ сдѣлали свое дѣло: все большому подъему крупныхъ землевладѣльцевъ и богатыхъ финансистовъ соотвѣтствовали упадокъ и разореніе трудового класса. Если и считать преувеличеніемъ мнѣніе о распространеніи латифундій и о полномъ вытѣсненіи свободнаго труда рабскимъ, то все не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой борьбѣ богатый классъ не остался экономически побѣжденнымъ; во всякомъ случаѣ его мѣсто осталось за нимъ и не было занято поднявшимся низшимъ классомъ¹⁾. Кровавое изнеможеніе аристократіи послѣ проскрипцій, организованныхъ вторымъ тріумвиратомъ, не дало ничего существеннаго трудящемуся населенію, но послужило лишь къ обогащенію самихъ тріумвировъ, ихъ клики и ихъ солдатчины. Нѣкоторые историки высказываютъ даже мнѣніе, что аграрная борьба въ Римѣ имѣла лишь поверхностный характеръ и служила главнымъ образомъ

¹⁾ „Борьба классовъ, напримѣръ, въ античномъ мірѣ, происходила преимущественно въ формѣ борьбы заимодавца и должника, и въ Римѣ кончается гибелью должника-плебея, который замѣняется рабомъ“. (Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 91). Марксъ не совсѣмъ точно говоритъ здѣсь о гибели плебея, ибо политически плебеи одержали побѣду, и часть болѣе состоятельнаго плебейства вошла въ составъ новой аристократіи. Вотъ почему Энгельсъ говоритъ о „побѣдѣ плебса“. (Происхожденіе семьи, стр. 152).

лишь избирательною платформою. Въ концѣ концовъ пролетаріатъ потерялъ охоту и способность бороться за болѣе человѣческое существованіе. Городской римскій пролетаріатъ предпочиталъ жить паразитомъ на счетъ государства. Извѣстно, до какой степени деморализація его, начавшаяся въ послѣдній періодъ республики, дошла въ эпоху имперіи.

Судьба рабства представляетъ другой замѣчательный—по трагизму и огромности масштаба—примѣръ того, какъ огромный классъ наиболѣе угнетаемыхъ въ обществѣ людей, съ достаточно развитымъ сознаниемъ антагонизма между ними и ихъ угнетателями, послѣ ряда многочисленныхъ безуспѣшныхъ попытокъ вооруженной борьбы, имѣвшихъ болѣе или менѣе локальный характеръ, совершенно покорился своей участи. Существованіе глухой вражды и непріязненныхъ отношеній между рабами и ихъ господами ни для кого не было секретомъ въ древнемъ мірѣ. Извѣстно характерное изреченіе: *quot servi, tot hostes* (сколько рабовъ, столько и враговъ)¹⁾. Неоднократно рабы возставали въ Греціи и Македоніи. Весьма серьезный характеръ имѣли возстанія рабовъ въ Римскомъ государствѣ. Историкъ Діонисій Галикарнасскій упоминаетъ о возстаніи рабовъ, имѣвшемъ мѣсто еще при Тарквиніяхъ и потопленномъ въ морѣ крови. Сицилійскія возстанія рабовъ и возстаніе Спартака одно время приводили въ трепетъ Римъ. Намъ уже приходилось говорить о широкихъ освободительно идеалистическихъ тенденціяхъ, проникавшихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ инсurreкціонное движеніе рабовъ. Но рабы были побѣждены организованною силою. Тутъ, конечно, ужъ совершенно непримѣнимо замѣчаніе Энгельса о «безсмысленности теоріи насилія», въ виду большей многочисленности поработченныхъ сравнительно съ ихъ господами и существованіи дѣйствительной силы на ихъ сторонѣ²⁾. Самъ Энгельсъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «Нравственное сознаніе массы, объявляющее несправедливымъ тотъ или другой экономическій фактъ, какъ это было когда-то съ рабствомъ или съ крѣпостнымъ трудомъ, доказываетъ, что данный фактъ отжилъ уже свое время, что появились новые экономическіе факты, въ силу которыхъ онъ становится невыносимымъ и долженъ рушиться»³⁾. Еще раньше Энгельса самъ Марксъ писалъ: «Теперь всякій знаетъ, что гдѣ есть революціонныя судороги, тамъ должна быть за ними какая-нибудь общественная потребность, удовлетворенію которой мѣшаютъ устарѣлыя учрежденія. Потребность эта можетъ ощущаться еще не такъ сильно, не такъ повсемѣстно, чтобы обезпечить непосредственный успѣхъ; но

1) На могилѣ одного патрона была найдена слѣдующая любопытная надпись: *nemo mortem alacrius admisit quod a servorum suorum servitute tandem liber evaderet* (никто не встрѣтилъ съ большей радостью смерти, которая, наконецъ, должна была избавить его отъ поработченія своими рабами).

2) *Anti-Dühring*, стр. 151.

3) Энгельсъ, Предисловіе къ „Нищета Философіи“ Маркса, стр. VIII. Г. де Молинари, напротивъ того, обосновываетъ свой взглядъ на выгоды рабства для самихъ рабовъ ссылкой на „рѣдкость возстаній рабовъ“ (*Comment se résoudra la question sociale*, стр. 99).

всякая попытка насильственного подавленія только будетъ дѣлать ее сильнѣе, пока она не сокрушитъ своихъ оковъ» ¹⁾. Но рабы были побѣждены силою, обезкуражены и деморализованы кровавыми репрессіями и, послѣ пораженія Спартака, отказались навсегда отъ мысли объ освобожденіи помощью борьбы. Низость, угодничество, исканіе милости и расположенія господина, часто ненавидимаго въ душѣ, стали единственными средствами, которыми рабы стремились дѣлать свое существованіе болѣе сноснымъ или даже получать въ даръ свободу. Никакая инициатива ужъ больше не явилась для пробужденія ихъ сознаний и организаціи ихъ силъ. Рабы, какъ классъ, такъ и не добились свободы или полусвободы помощью возстанія или вообще борьбы ²⁾. Послѣ послѣднихъ революціонныхъ попытокъ рабство продолжало существовать еще болѣе тысячи лѣтъ, и постепенный переходъ его въ состояніе крѣпостничества обусловленъ рядомъ сложныхъ причинъ, изложенныхъ уже выше и ничего общаго не имѣющихъ хотя бы съ какою-нибудь тѣнью борьбы.

Судьба крѣпостныхъ крестьянъ въ различныхъ странахъ представляетъ опять-таки примѣръ класса, который долгое время стонетъ подъ игомъ тяжелаго гнета, отъ времени до времени подымается съ оружіемъ въ рукахъ для своего освобожденія, испытываетъ страшныя пораженія и страшныя репрессіи, въ теченіе многихъ вѣковъ терпитъ муки, пока мѣстъ историческій процессъ не приноситъ ему облегченія или свободы, купленной при томъ дорогою цѣною. Въ III вѣкѣ возстаютъ крестьяне въ Африкѣ, при императорѣ Галіенѣ крестьяне возстаютъ въ Сициліи. Передъ вступленіемъ на престолъ Діоклетіана возстаютъ въ Галліи багауды противъ притѣсненій императорскаго фиска и помѣщиковъ. Всѣ эти возстанія были подавлены, и страданія крестьянъ еще усилились. Потомъ крестьяне были закрѣпощены, и свободныхъ людей почти не осталось въ деревнѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ крестьяне терпѣливо переносятъ всѣ ужасы, какіе только принесла эта варварская эпоха. Съ конца десятаго вѣка крестьяне начинаютъ возставать. Движеніе началось въ Нормандіи. Въ XII вѣкѣ примѣръ городскихъ коммунъ дѣйствуетъ на деревню, крестьяне начинаютъ составлять союзы, бойкотируютъ феодаловъ и вступаютъ съ ними въ открытую борьбу. Но бароны, вооруженные и организованные, легко побѣдили недисциплинированныя массы. Жакеріи XIV вѣка кончились страшнымъ избіеніемъ крестьянъ, и угнетеніе побѣжденныхъ еще усилилось. Пораженіемъ кончилось возстаніе англійскихъ крестьянъ 1381 года. Жестокимъ пораженіемъ кончились въ Германіи крестьянскія возстанія эпохи реформаціи. Во многихъ случаяхъ устрашеніе дѣйствовало обезкураживающимъ образомъ. Тѣмъ видить причину распространенія крестьян-

¹⁾ Марксъ, Революція и Контръ-Революція въ Германіи, стр. 1.

²⁾ Марксъ, Восемнадцатое Брюмера, стр. 5.—Энгельсъ, Происхожденіе семьи, стр. 141.—Ch. Malato, Les classes sociales au point de vue de l'évolution zoologique, стр. 11.

скихъ волненій начала французской революціи въ недостаточномъ примѣненіи репрессій. Подобныя волненія, говоритъ Тэнъ, начинались и при Людовикѣ XIV, и при Людовикѣ XV. «Но бунты, рѣшительно и быстро подавляемые, были лишь частичными и преходящими безпорядками. Мятежниковъ вѣшали, другихъ посылали на галеры, и тотчасъ же, убѣдившись въ своемъ безсиліи, крестьянинъ, рабочій возвращался въ свою мастерскую или къ своему плугу» ¹⁾. Для насъ въ данномъ случаѣ безразлично, что Тэнъ—врагъ великой французской революціи и судить о ней, какъ врагъ. Но этотъ историкъ вѣрно отмѣтилъ, что стихійныя вспышки народа могутъ часто повторяться и оставаться безрезультатными, когда онѣ быстро подавляются и сопровождаются достаточно внушительною и устрашающею репрессіею. Стихійное движеніе угнетенныхъ массъ отнюдь не ведетъ неизбѣжно къ побѣдоносной борьбѣ, если и ведетъ къ какой-либо борьбѣ. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ возстанія закрѣпощенныхъ и полу-закрѣпощенныхъ крестьянъ кончались прочною побѣдою, какъ, напр., въ великой французской революціи и отчасти въ австрійской революціи 1848 года,—при чемъ въ обоихъ этихъ случаяхъ революція была уже въ значительной части совершена передъ тѣмъ, какъ началось движеніе крестьянскихъ массъ. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ возстанія крестьянъ, хотя и неудачныя, побудили господъ идти на уступки, положившія начало полному или частичному освобожденію крестьянъ, какъ, напр., послѣ нѣкоторыхъ возмущеній крѣпостныхъ противъ ихъ сеньеровъ въ XII и XIII вѣкахъ и въ особенности послѣ англійской крестьянской революціи 1381 года ²⁾. Чаше всего крѣпостные получали свободу помощью выкуповъ и частныхъ соглашеній съ своими господами или же благодаря вмѣшательству государственной власти. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ процессъ эмансипаціи осуществлялся часто помощью ряда компромиссовъ.

Но, быть можетъ, тамъ, гдѣ эмансипація угнетенной соціальной группы не достигается путемъ явной борьбы, она бываетъ результатомъ борьбы скрытой?

Если бы скрытая борьба, напримѣръ, проявленіе вражды угнетенныхъ къ господствующей группѣ въ мелочахъ повседневнаго обихода, обладала чудотворнымъ дѣйствіемъ эмансипировать людей въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ явная борьба оказывается безуспѣшною, то къ чему нужна была бы въ такомъ случаѣ послѣдняя? Съ одной стороны, скрытая борьба предполагаетъ сознанный антагонизмъ; а мы уже знаемъ, что самыя страшныя формы угнетенія могутъ существовать неопредѣленно долгое время, оставаясь совершенно несознанными и не вызывая ника-

1) Taine, Les origines de la France contemporaine, La Révolution, t. I, стр. 18.—Ср. Jaurès, La Constituante, стр. 31.

2) Mignet, De la Féodalité, стр. 85.—Augustin Thierry, Histoire du Tiers Etat, стр. 36—37.—Thor. Rogers, Travail et salaires en Angleterre depuis le XIII-e siècle, стр. 238—239.—Thor. Rogers, Interprétation économique de l'histoire стр. 40—42.

кой реакціи со стороны угнетаемыхъ противъ ихъ поработителей и эксплуататоровъ. Съ другой стороны, скрытая борьба, какъ причина смягченія гнета по свободительныхъ преобразованій, была бы понятна только въ томъ случаѣ, если бы социальныя группы всегда переходили отъ формъ угнетенія, при которыхъ антагонизмъ сознается болѣе рѣзко, къ другимъ формамъ угнетенія, при которыхъ антагонизмъ сознается менѣе рѣзко. Въ дѣйствительности же исторія представляетъ многочисленные примѣры ухудшенія положенія уже подверженныхъ гнету массъ и поработенія социальныхъ группъ, до того свободныхъ. Мало того, сознаніе гнета зависитъ не отъ интенсивности этого гнета, а отъ состоянія культуры и воспріимчивости угнетенныхъ группъ, при чемъ тѣмъ свободнѣе и культурнѣе эти группы, тѣмъ острѣе сознаютъ онѣ свое угнетеніе, хотя бы по степени оно было гораздо мягче формъ, сознававшихся менѣе живо и рѣзко людьми менѣе свободными и менѣе развитыми. Тардъ сдѣлалъ не лишнее основанія замѣчаніе, что большія социальныя неравенства легче переносятся, чѣмъ маленькія; здѣсь требуется только сдѣлать поправку на состояніе культурнаго развитія и сознаній массъ. Идея «скрытой борьбы», какъ важнаго фактора эмансипаціи группъ, не подтверждается исторією и не имѣетъ сколько-нибудь серьезнаго значенія.

Столь же мало серьезное значеніе имѣетъ сужденіе, часто встрѣчающееся въ школѣ Маркса, что инсurreкціонныя движенія социальныхъ группъ не удаются тогда, когда преслѣдуемые ими цѣли не соотвѣтствуютъ «экономическому развитію общества». Все тогда рѣшается—какъ въ случаѣ успѣха, такъ и въ случаѣ неуспѣха—«экономическимъ развитіемъ»: возстаніе, напримѣръ, удалось,—значитъ, оно соотвѣтствовало экономическому развитію; оно не удалось,—значитъ, оно шло противъ экономического развитія... Такъ, съ легкой руки Лассалля, пошло сказаніе о реакціонномъ характерѣ крестьянскаго возстанія первой четверти XVI вѣка въ Германіи¹⁾. Мы ужъ не говоримъ о мистицизмѣ этого взгляда, согласно которому исходъ борьбы, зависящій въ дѣйствительности отъ взаимоотношенія силъ, заранее предопредѣленъ тѣмъ или другимъ значеніемъ его для «экономическаго развитія»; если, напримѣръ, вооруженная борьба завязалась раньше того момента, когда скрижали исторіи признали «экономическое развитіе» достигшимъ той ступени, на которой выдвигается необходимость общественнаго переустройства, то Провидѣніе ниспосы-

1) См. напр. Anti-Pannekoeck, Ethik und Sozialismes, Leipzig, 1906, стр. 26. Н. van Kol, Socialisme et liberté, стр. 79.—Мерингъ, впрочемъ, возстаетъ противъ мнѣнія Лассалля о реакціонномъ характерѣ крестьянскихъ войнъ (Mehring, Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, I, стр. 486—487).—Какъ курьезъ, интересный для уразумѣнія внутреннихъ противорѣчій марксизма, слѣдуетъ отмѣтить, что П. Кампфмейеръ, марксистъ-ревизионистъ, доказываетъ, что, съ точки зрѣнія Маркса, не классовая борьба, а развитіе производительныхъ силъ есть двигатель культурнаго прогресса (Paul Kampfmeyer, Der Klassenkampf und der Kulturfortschritt, въ Sozialistische Monatshefte, 1903, № 9, September, стр. 668—669).

лаетъ побѣду тѣмъ классамъ и социальнымъ группамъ, которымъ надлежитъ выполнять «миссію» угнетать и эксплуатировать другіе классы и социальныя группы и тѣмъ способствовать развитію производительныхъ силъ общества, а пораженіе тѣмъ классамъ и социальнымъ группамъ, «миссія» которыхъ заключается въ томъ, чтобы терпѣть гнетъ и эксплуатацію и тѣмъ способствовать опять-таки «экономическому развитію», покамѣстъ послѣднее не «разовьетъ» ихъ «миссію» въ требованіе освободить себя и само экономическое развитіе... Но почему именно «экономическое развитіе» Спарты требовало, чтобы илоты были порабощены много вѣковъ, и то же «экономическое развитіе» требовало ихъ освобожденія тогда, когда явился тираннъ Набисъ? Почему экономическое развитіе Рима допускало освобожденіе на волю многочисленныхъ рабовъ ихъ господами и требовало, чтобы были побѣждены рабы, возставшіе ради завоеванія свободы подъ предводительствомъ, напримѣръ, Спартака? Почему экономическое развитіе допускало, чтобы въ Сѣверной Италіи и Южной Франціи крѣпостные были освобождены въ XII и XIII вѣкахъ, но чтобы крестьянскія возстанія и жакеріи были побѣждены силою, чтобы въ Англіи крѣпостные стали освобождаться съ конца XIV вѣка, но чтобы нѣмецкіе крестьяне были побѣждены въ первой четверти XIV столѣтія и продолжали быть въ неволѣ еще нѣсколько вѣковъ, чтобы въ однихъ провинціяхъ Франціи крѣпостное право совершенно исчезло задолго до великой революціи, а въ другихъ провинціяхъ сохранилось до 1789 года, чтобы крѣпостничество сохранилось въ Пруссіи до начала XIX вѣка, въ Австріи до середины того же вѣка, а въ другихъ странахъ еще позже? Нѣтъ, крайне невѣрно, будто существованіе гнета неизбѣжно толкаетъ угнетенныя социальныя группы на путь борьбы, и что будто эта борьба не можетъ не кончиться побѣдоноснымъ ихъ освобожденіемъ; но еще болѣе невѣрно, еще болѣе ложно мнѣніе, будто успѣхъ борьбы, разъ она началась, зависитъ не отъ взаимоотношенія силъ борющихся сторонъ и состоянія ихъ сознаній, а отъ мета-социальныхъ причинъ, и требованій «экономическаго развитія»,—если только, конечно, борьба ведется ради цѣлей, которыя могутъ быть вообще достигнуты помощью силы.

Въ подтвержденіе воззрѣнія, согласно которому экономическое развитіе неизбѣжно выдвигаетъ господство новаго класса, вступающаго въ борьбу съ гнетущими социальными силами, стоящими на пути развитія производительныхъ силъ, и одерживающаго въ концѣ концовъ надъ ними побѣду, обыкновенно ссылаются на судьбу буржуазіи. Этого, конечно, слишкомъ мало для обоснованія закона, занимающаго центральное мѣсто въ философско-исторической теоріи. Сама эволюція буржуазіи не подчинена какому-либо однообразному и простому закону. Достиженіемъ богатства буржуазія обязана гражданскому обороту. Въ освобожденіи буржуазіи отъ гнета феодаловъ и средневѣковыхъ путей борьба буржуазіи, организованной въ городскія коммуны, играла лишь

нѣкоторую роль среди другихъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ томъ же направленіи. Чаще всего вольности уступались городамъ сеньорами либо за деньги, либо по разнообразнымъ мотивамъ, диктуемымъ интересами самихъ сеньоровъ. Главная сила, разрушившая феодализмъ во Франціи,—это была королевская власть. Но послѣдняя была для буржуазіи не только союзникомъ, но и врагомъ. Между ними существовали отношенія не только относительной солидарности, но и относительнаго антагонизма. Даже если допустить вѣрность упрощеннаго представленія о королевской власти, какъ объ органѣ, который былъ сначала орудіемъ въ рукахъ буржуазіи для борьбы съ феодалами, а потомъ былъ сокрушенъ тою же буржуазіею, когда онъ сталъ на пути ея развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ развитія всего общества, то это—схема, которая окажется примѣнимой лишь къ эволюціи общественныхъ силъ, лишь въ одну эпоху и даже главнымъ образомъ лишь въ одной странѣ—во Франціи. Вотъ что говоритъ объ этомъ Гизо: «Это—фактъ, единственный въ исторіи міра... Нигдѣ мы не видимъ появленія класса, который, зародившись очень низко, слабый, презираемый, вначалѣ почти совершенно незамѣтный, поднимается силою непрерывнаго движенія и безпрестаннаго труда, все болѣе и болѣе укрѣпляется, постепенно пріобрѣтаетъ все то, чего онъ былъ лишенъ, богатство, просвѣщеніе, вліяніе, измѣняетъ природу общества, природу правительства и становится, наконецъ, господствующимъ до такой степени, что является смѣлость провозгласить, что онъ—вся страна... Чѣмъ ближе мы будемъ присматриваться, тѣмъ болѣе будемъ мы склонны признать, что наше третье сословіе—фактъ, новый въ исторіи міра и принадлежащій исключительно цивилизаціи новой и христіанской Европы»¹⁾. Въ дѣйствительности же, какъ мы знаемъ, королевская власть во Франціи и не думала быть органомъ третьяго сословія; она возвышала буржуазію въ своихъ собственныхъ интересахъ, но не думала дѣлиться съ нею своими прерогативами. Но еще въ XIV вѣкѣ третье сословіе, въ памятномъ возстаніи Парижа подъ предводительствомъ Этьена Марселя, сдѣлало попытку къ достиженію политической власти и для этой цѣли соединилось съ дворянствомъ противъ королевской власти. Эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ, третье сословіе было побѣждено силою, послѣ чего прошло цѣлыхъ четыре вѣка, покамѣстъ новое движеніе не привело къ торжеству эволюціи. Быть можетъ, этого опять-таки требовало «экономическое развитіе»? Надо думать, въ такомъ случаѣ, что «экономическое развитіе» требовало установленія республикъ только въ сѣверной Италіи и буржуазно-аристократическаго парламентскаго строя въ Англіи, тогда какъ Франція была имъ осуждена на нѣсколько столѣтій абсолютной монархіи. Наконецъ, политическое господство принадлежитъ буржуазіи, и только буржуазіи лишь въ цензовой республикѣ. Въ монархіяхъ она во всякомъ случаѣ дѣлитъ свою власть съ династіею, а

¹⁾ Guizot, L'Histoire de France racontée à mes petits-enfants, Paris, 1873, t. II, стр. 39, 40 и 41.

иногда, какъ въ Англіи, съ наслѣдственной аристократіею. Затѣмъ, режимъ всеобщаго избирательнаго права не можетъ быть режимомъ исключительнаго политическаго господства буржуазіи. Вообще можно сказать, что достиженіе буржуазіею политическаго господства осуществилось помощью многочисленныхъ компромиссовъ направо и налево.

Что касается эволюціи современнаго пролетаріата, то, поскольку она не дошла еще до своего послѣдняго этапа, мы остаемся въ области пророчествъ и предположеній, которыя даже у Маркса и Энгельса высказываются иногда въ формѣ условной¹⁾. То, что само еще нуждается въ доказательствахъ, не можетъ быть основаніемъ для того, что требуется доказать.

II.

Итакъ, борьба представляется лишь однимъ изъ возможныхъ видовъ того возможнаго движенія, которое ведетъ къ освобожденію угнетенныхъ социальныхъ группъ, къ смѣнѣ формъ гнета и къ смѣнѣ господства классовъ и социальныхъ группъ. Стихійная эволюція антагонизмовъ не ведетъ неизбѣжно къ борьбѣ, и разъ возникшая борьба не заканчивается неизбѣжно побѣдою и освобожденіемъ угнетенной группы.

Но какъ достигается полная или частичная эмансипація социальныхъ группъ—если только она достигается—въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія не борются или не могутъ бороться успѣшно за свое освобожденіе?

Выше мы ужъ видѣли, что пути, ведущіе къ освободительнымъ преобразованіямъ, бываютъ разные.

Часто крупныя измѣненія въ социальныхъ отношеніяхъ достигаются борьбою, но борьбою не между группою угнетенною и группою угнетающею, а между послѣднею и другою социальною группою, въ силу ли самостоятельнаго антагонизма между ними, или же въ силу относительной солидарности, связывающей новую группу съ угнетенною группою. Такъ побѣда внѣшняго непріятеля или какой-нибудь одной изъ враждебныхъ партій въ греческихъ государствахъ нерѣдко вела къ освобожденію рабовъ или полу-порабощенныхъ массъ. Нашествіе варваровъ и паденіе римской императорской власти имѣли въ результатъ разрушеніе ненавистнаго муниципально-фискальнаго режима и системы кастъ и коллегій, освобожденіе куріаловъ, раскрѣпощеніе рабочихъ. Борьба французской королевской власти съ феодалами содѣйствовала возвышенію «третьяго сословія». Борьба англійскихъ бароновъ съ англійскими королями и побѣда первыхъ привела къ завоеванію политическихъ правъ не только

¹⁾ Марксъ, Ницета Философіи, стр. 147 (заключительныя слова, содержащія въ себѣ цитату изъ Жоржъ-Зандъ)—Engels, Anti-Dühring, стр. 131.

для англійской аристократіи, но и для буржуазіи, для народа и для всей страны. Борьба революціонной Франціи и Наполеона съ другими странами Европы имѣла результатомъ уничтоженіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ силою побѣдителя феодально-крѣпостническихъ учреждений. Негры южныхъ штатовъ Сѣверо-Американской республики были освобождены не собственною ихъ борьбою и возстаніемъ, а заступничествомъ и побѣдоносною борьбою сѣверянъ противъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Освобожденіе значительной части Италіи отъ австрійскаго ига послѣдовало въ результатѣ вооруженнаго вмѣшательства Франціи. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ противъ силы выступаетъ и дѣйствуетъ сила же; но эта сила, которая борется и своею побѣдою приноситъ освобожденіе угнетенной группѣ, исходитъ не отъ самихъ угнетенныхъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь отчасти отъ угнетенныхъ), а изъ другого совершенно источника. И тѣмъ не менѣе результаты подобныхъ завоеваній, достигнутые не борьбою или усиліями самихъ угнетенныхъ, часто имѣютъ весьма прочный характеръ и обратно взяты не могутъ быть легко.

Подобныя соціальныя преобразованія могутъ быть осуществлены силою особой соціальной группы безъ борьбы въ томъ случаѣ, когда это—сила государственной власти, слишкомъ великая по отношенію къ силамъ отдѣльныхъ классовъ, чтобы могла возникнуть попытка сопротивленія. При этомъ, конечно, предполагается, что государственная власть не является ни представительствомъ, ни орудіемъ той или другой изъ антагонистическихъ сторонъ. Такъ, римская императорская власть, при Каракаллѣ, дала, въ интересахъ фиска, права римскаго гражданства всему свободному населенію имперіи. Та же императорская власть прикрѣпила къ землѣ, въ интересахъ же фиска, рабовъ, получавшихъ отъ своихъ господъ для обработки отдѣльные участки, и тѣмъ превратила ихъ въ крѣпостныхъ. Крѣпостничество было отмѣнено въ сѣверной Италіи законодательствомъ городскихъ республикъ. Въ интересахъ «государства», крѣпостничество было отмѣнено сверху въ Пруссіи (а также и Россіи) монархическимъ правительствомъ. Англійская государственная власть и французская государственная власть отмѣнили рабство негровъ въ своихъ колоніяхъ. Само собою разумѣется, что во многихъ изъ подобныхъ случаевъ дѣло эмансипаціи разрѣшается въ видѣ компромиссовъ.

Гражданскій оборотъ—могучій источникъ соціального движенія, то производящаго и обостряющаго, то, напротивъ того, сглаживающаго и нивелирующаго имущественное неравенство. Поскольку имущественное неравенство лежитъ въ основѣ классовыхъ различій, обуславливающихъ, въ свою очередь, классовый гнетъ и классовую эксплуатацію, гражданскій оборотъ можетъ дѣйствовать то въ смыслѣ обостренія экономической іерархіи и всѣхъ ея послѣдствій, то наоборотъ какъ источникъ освободительныхъ преобразованій. Но гражданскій оборотъ самъ по себѣ не можетъ измѣнить отношеній, основанныхъ на силѣ, насиліи и принужденіи. Гражданскій оборотъ можетъ лишь создавать ресурсы,

которые могут въ извѣстныхъ случаяхъ идти въ борьбу съ силами гнета, но въ другихъ случаяхъ могутъ идти и на поддержку послѣднихъ. Но если гражданскій оборотъ самъ по себѣ неспособенъ измѣнять отношенія, поддерживаемыя силою и насиліемъ, какъ напр. рабство, крѣпостничество, феодальный гнетъ, политическій гнетъ, то онъ можетъ создавать условія, при которыхъ полное или частичное освобожденіе угнетенной группы можетъ быть достигнуто не путемъ борьбы, а по взаимному соглашенію между обѣими антагонистическими группами, путемъ договора, на примѣръ, за деньги. Объединеніе многихъ феодаловъ, совпавшее во вторую половину Среднихъ Вѣковъ съ экономическимъ преуспѣяніемъ «третьяго сословія», повлекло за собою заключеніе договоровъ, въ которыхъ сеньеры отказывались за деньги отъ своихъ феодальныхъ правъ, и которые, стало быть, постепенно подтачивали феодальный строй.

Утилитарный расчетъ часто руководилъ господствующими группами и классами, когда формы гнета и подчиненія смягчались по ихъ собственной инициативѣ или вслѣдствіе добровольныхъ уступокъ съ ихъ стороны. Частичная или полная эмансипація угнетенныхъ соотвѣтствовала въ подобныхъ случаяхъ собственной выгодѣ, собственному интересу господствующихъ группъ и классовъ, связанныхъ съ угнетенными относительно солидарностью въ виду именно пользы, извлекаемой первыми изъ угнетенія послѣднихъ. При этомъ можетъ случиться, что господствующія группы жертвуютъ однимъ интересомъ ради другого или интересами настоящаго ради интересовъ будущаго и даже интересовъ группъ и класса въ цѣломъ. Самый характеръ подобныхъ преобразованій, обязанныхъ доброй волѣ привилегированныхъ группъ, предполагаетъ развитіе социальныхъ отношеній существенно путемъ компромиссовъ.

Въ древнемъ мірѣ освобожденіе рабовъ часто совершалось путемъ выкупа, конечно, небезвыгоднаго для господина. Въ эпоху имперіи многочисленныя отпущенія рабовъ на волю вошли въ моду и дѣлались ради блеска. Возможно, что, если-бы не императорская политика и не нашествіе варваровъ, рабство постепенно бы вымерло въ результатъ долгаго процесса индивидуальныхъ освобожденій, не проходя вовсе черезъ крѣпостничество.

Преобразование рабства въ крѣпостничество началось въ Римской имперіи участившимся обыкновеніемъ отдавать рабу отдѣльный участокъ земли для индивидуальной обработки и съ опредѣленными обязательствами, вмѣсто того, чтобы употреблять его въ группѣ другихъ рабовъ для коллективной обработки и обслуживанія господскаго имѣнія. Это обыкновеніе, весьма выгодное для раба, соотвѣтствовало, конечно, и интересамъ господина.

Освобожденіе огромной массы крѣпостныхъ во Франціи и Англіи послѣдовало въ результатъ выкупа. Въ Англіи даже, какъ извѣстно, до сихъ поръ нѣтъ никакого положительнаго закона, который отмѣнилъ бы крѣпостничество, какъ правовой институтъ. Помѣщики давали крѣпост-

нымъ отпускныя за деньги, и при этомъ выигрывали, повидимому, обѣ стороны. Во Франціи этимъ путемъ были, впрочемъ, выкуплены далеко не всѣ повинности крестьянъ и далеко не всѣ феодальныя права помѣщиковъ, не говоря уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ крѣпостничество сохранилось почти въ чистомъ видѣ до 1789 года. Ночь 4-го августа положила конецъ всѣмъ этимъ социальнымъ пережиткамъ.

Городскія коммуны приобрѣтали свое самоуправленіе и муниципальныя вольности большею частью путемъ договоровъ, оплачивавшихся деньгами. Королевскія партіи и признаніе коммунальныхъ правъ сенъерами покупались за звонкую монету. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, городскія вольности жаловались сенъерами и бесплатно, когда, напримѣръ, при соперничествѣ двухъ феодаловъ, одна изъ борющихся сторонъ санкціонировала коммуну, чтобы привлечь городъ на свою сторону, или же когда феодальный владѣлецъ признавалъ права коммуны за городомъ въ интересахъ экономическаго развитія своей территоріи.

Французскіе феодалы потребовали въ XIV вѣкѣ признанія за ними права отчуждать свои фьефы. Король, въ качествѣ сюзерена, охотно согласился признать это право за феодалами: послѣдніе становились, благодаря этому, обыкновенными собственниками и теряли въ принципѣ свои феодально-политическія прерогативы. Англійскіе бароны потребовали замѣны своей личной военной службы, которою они были обязаны королю, какъ сюзерену, въ его отдаленныхъ кампаніяхъ, денежною повинностью; они этого достигли, но опять-таки въ ущербъ своей феодальной власти. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ феодалы принесли въ жертву интересы феодализма матеріальнымъ интересамъ даннаго поколѣнія феодаловъ.

Не только феодалы, но и короли соглашались на урѣзываніе своей власти, когда нужда въ деньгахъ и финансовыя затрудненія побуждали ихъ искать и помощи поддержки въ самомъ обществѣ. Карль I не сталъ бы созывать парламента за парламентомъ, если-бы не денежные нужды. Французскіе короли созывали генеральныя штаты потому, что только отъ нихъ они могли получать денежные средства, необходимыя имъ для веденія войнъ и другихъ предпріятій; иначе имъ пришлось бы довольствоваться, согласно принципамъ феодальнаго права, лишь доходами съ своихъ собственныхъ королевскихъ доменовъ. Но кто даетъ, тотъ обыкновенно и беретъ. Англійскій парламентъ постепенно сталъ всесилень, несмотря на множество компромиссовъ въ государственномъ устройствѣ Англіи. Французскіе генеральныя штаты пытались вліять на администрацію, контролировать финансы, требовать государственныхъ реформъ. Они пытались даже стать постояннымъ народнымъ правительствомъ. Въ эпоху величайшаго могущества абсолютной монархіи не изглаживалась память о генеральныхъ штатахъ, какъ о высшемъ органѣ сознанія и воли націи. И разстройство государственныхъ финансовъ при Людовикѣ XVI побудило снова обратиться къ націи черезъ посредство этого ея органа. — Какъ извѣстно, австрійская монархія отказалась добровольно,

послѣ длиннаго періода контръ-революціи и реакціи отъ своей абсолютной власти, изъ-за финансовыхъ затрудненій.

Въ другихъ случаяхъ монархи, дѣлая добровольныя уступки народамъ, руководятся другими интересами, помимо финансовыхъ соображеній.

Когда Пруссія нуждалась въ величайшемъ напряженіи народныхъ силъ, чтобы выйти изъ того состоянія разгрома и упадка, въ которомъ она очутилась послѣ іенской катастрофы, король не только согласился приступить къ осуществленію цѣлой программы радикальныхъ реформъ, но обѣщаль дать своему народу конституцію. Главы болѣе мелкихъ германскихъ государствъ ввели въ первой четверти XIX вѣка въ своихъ владѣніяхъ конституціонный строй, чтобы имѣть опору какъ противъ домогательствъ Австріи и Пруссіи, такъ и противъ притязанія своего феодальнаго дворянства. Бисмаркъ ввелъ въ объединенной подъ скипетромъ Прусской династіи Германіи всеобщее избирательное право съ цѣлью упрочить самое единство имперіи и верховную власть въ ней Гогенцоллерновъ.

Угнетеніе, проистекающее изъ существованія интереса, основаннаго на субъективныхъ элементахъ сознанія и по природѣ своей измѣнчиваго, можетъ терять свой острый характеръ, а потомъ и совершенно исчезнуть, безъ всякой борьбы въ тѣсномъ смыслѣ, — оставляя въ сторонѣ борьбу идей, — по мѣрѣ того, какъ въ сознаніи то угнетающихъ, то угнетенныхъ группъ, то и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ теряетъ значеніе типическій интересъ этихъ группъ, а вмѣстѣ съ интересомъ и самое основаніе антагонизма ихъ. Такъ, религіозный гнетъ и религіозныя преслѣдованія прекращаются естественно и необходимо по мѣрѣ ослабленія и утраты религіозныхъ вѣрованій либо у гонителей, либо у гонимыхъ, либо у тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Наконецъ, моральныя чувства, мотивы альтруистическіе и идейный интересъ могутъ руководить не только индивидуумами и группами, вступающими въ борьбу съ гнетомъ, отъ котораго не они страдаютъ, но и индивидуумами и группами, добровольно отказывающимися вполнѣ или отчасти отъ привилегій, даваемыхъ имъ возможностью угнетать и эксплоатировать другихъ. Подобнаго рода чувства, мотивы и интересы могутъ дѣйствовать совершенно самостоятельно или же соединяться съ мотивами и интересами утилитарнаго свойства. Такъ, на примѣръ, не малую роль играли они въ улучшеніи положенія рабовъ въ древности, въ освобожденіи крѣпостныхъ, въ освобожденіи негровъ, а также и въ постепенной эмансипаціи женщины.

III.

Освобожденіе соціальныхъ группъ не является необходимымъ продуктомъ стихійныхъ движеній или стихійныхъ процессовъ, неизбѣжно ведущихъ къ замѣнѣ однѣхъ общественныхъ формъ другими. Въ частности исторія не подтверждаетъ существованія какого-либо безуслов-

наго закона смѣны формъ классоваго господства и прогрессивнаго подъема низшихъ классовъ, становящихся на мѣсто высшихъ. Эмансипація достигается и борьбою, и внутреннею работою силъ гражданского оборота, и дѣйствіемъ интересовъ, связывающихъ соціальныя группы относительно солидарностью, и дѣйствіемъ развивающейся моральной культуры. Но соціальныя антагонизмы не всегда ведутъ къ борьбѣ, а борьба не всегда ведетъ къ побѣдѣ угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ. Столь же мало можетъ быть обезпечена непрерывность освободительнаго процесса работою другихъ возможныхъ двигателей эмансипаціи. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ инициатива и гдѣ недостаточно проявляется планомѣрная работа организованныхъ силъ и сознаний, можетъ случиться, что гнетъ и эксплуатація соціальной группы длятся неопредѣленно долгое время, совершенно не приводя къ какому-либо освободительному кризису, или что стихійная эволюція имѣетъ то прогрессивный, то регрессивный характеръ, принося съ собою то улучшеніе, то ухудшеніе, то частичное освобожденіе, то новое порабощеніе, или же что освобожденіе соціальной группы достигается путемъ тяжелыхъ компромиссовъ.

Отсюда, въ частности, видно, какъ мало соотвѣтствуетъ исторической истинѣ утвержденіе Маркса, находящееся въ началѣ «манифеста»: «Угнетатель и угнетаемый находились въ вѣчной враждѣ другъ съ другомъ, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революціоннымъ переустройствомъ всего общественнаго зданія или совмѣстною гибелью борющихся классовъ». Невѣрно, что общественные классы всегда находились въ непрерывной борьбѣ¹⁾. Невѣрно, что борьба всегда кончалась революціоннымъ переустройствомъ всего общественнаго зданія или совмѣстною гибелью борющихся классовъ. Мы привели уже достаточно примѣровъ существованія антагонизма безъ сознанія, антагонизма безъ борьбы, борьбы безъ успѣха, существованія вѣковаго и тысячелѣтнаго гнета безъ измѣненій, но и безъ гибели борющихся классовъ. Самъ Марксъ, сославшійся тутъ же, въ видѣ примѣра, на борьбу «свободнаго и раба, патриція и плебея», въ послѣдствіи писалъ о томъ, что рабы не боролись въ древнемъ мірѣ, равно какъ и о «гибели должника-плебея, который замѣняется рабомъ», при чемъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о гибели класса рабовладельцевъ.

Но подобный законъ побѣдоносной борьбы оказывается невѣрнымъ не только по отношенію къ классамъ, но и по отношенію къ другимъ соціальнымъ группамъ: племенамъ, народамъ, государствамъ, политическимъ группамъ, религіознымъ обществамъ. Преслѣдуемыя племена и цѣлыя расы истребляются, вырождаются, вымираютъ. Гибнутъ идеи.

¹⁾ Bened. Croce, *Materialisme historique et économie marxiste*, стр. 137—138. Слѣдуетъ замѣтить, что Кроче смѣшиваетъ антагонизмъ съ борьбою. Кроче возражаютъ Джентиле (G. Gentile, *La filosofia di Marx*, Pisa, 1899, стр. 94) и г. Плехановъ (Предисловіе къ «Манифесту», стр. XXIX). Джентиле допускаетъ то же смѣшеніе, что и Кроче; а г. Плехановъ призываетъ «скрытую борьбу».

Искореняются религіи. Не только классовый, но и политическій, національный, религіозный гнетъ можетъ цѣлыми вѣками душить и терзать массы, — если не возникнетъ противодействующая инициатива, если не будутъ пробуждены сознанія, если не будутъ организованы силы.

Историческое движеніе отнюдь не совершается по прямой линіи. Прямая линія не есть траекторія прогресса. Общественная эволюція имѣетъ много поворотныхъ пунктовъ и зигзаговъ. Часто движеніе принимаетъ попятный характеръ, иногда даже оно принимаетъ форму цикла. Старыя вѣрованія, старыя общественныя отношенія, старыя формы гнета, совершенно вымершія или же ослабѣвшія и близкія къ полному исчезновенію, снова оживаютъ и снова начинаютъ терзать измученное человѣчество. Такъ, браманизмъ, который, послѣ торжества буддизма, находился, повидимому, въ полномъ упадкѣ, въ моментъ своей кажущейся агоніи, развернулъ вдругъ необычайную энергію, всталъ на ноги и объявилъ беспощадную борьбу буддизму, который ему удалось искоренить во всей Индіи, кромѣ Цейлона. Такъ, католицизмъ, стоявшій, какъ всѣмъ казалось, на краю гибели въ XVI вѣкѣ, когда всѣ ожидали смерти папизма, обнаружилъ живучесть, которая позволила ему не только выдержать натискъ реформации, не только сохранить свои позиціи, но возродить себя внутреннею реакціею и пріобрѣсти новую силу и вліяніе на массы. Такъ, ортодоксія мусульманская одержала верхъ надъ расцвѣтомъ свободной мысли арабовъ. Такъ, политическій деспотизмъ воскресъ на развалинахъ античной свободы. Такъ, свободные колонны были закрѣпощены въ то самое время, когда многіе рабы получали свободу. Такъ, огромная масса свободныхъ крестьянъ потеряла свою свободу въ эпоху Меровинговъ и потомъ въ эпоху Каролинговъ. Такъ, въ концѣ XV вѣка снова были закрѣпощены въ Богеміи крестьяне черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ они избавились уже отъ своего рабства. Такъ, въ XVI вѣкѣ послѣ крестьянскихъ войнъ были закрѣпощены массы свободныхъ крестьянъ въ Германіи. Такъ, средне-вѣковыя городскія коммуны, эти маленькія муниципальныя республики, постепенно потеряли свои вольности и права. Такъ, цивилизація смѣнялась варварствомъ, движеніе — застоємъ, знаніе — тьмою, трезвая мысль — мистицизмомъ и всякими духовными пережитками.

Даже рабство исчезало и вновь появлялось въ культурномъ мірѣ не одинъ разъ. Въ то время, какъ въ Европѣ рабство почти совершенно исчезло, а въ сѣверной Италіи было упразднено и самое крѣпостничество, въ той же Италіи получило вновь развитіе рабство, съ XIII вѣка, и сохранилось тутъ долгое время, вплоть до XVI вѣка: рабы и рабыни, которыхъ покупали на Востокѣ, служили, главнымъ образомъ, не для производства, а въ качествѣ домашней прислуги ¹⁾).

¹⁾ Rodocanachi. Les esclaves en Italie du XIII-e au XVI-e siècle, въ *Revue des questions historiques*, avril 1906.

Что касается негровъ, то ихъ покупали для домашней работы, а въ особенности какъ диковинку, еще задолго передъ тѣмъ, какъ была открыта Америка. Негровъ покупали для Испаніи тогда, когда еще въ ней владычествовали мавры. Еще въ 1442 году одинъ португальскій принцъ предложилъ покупать негровъ для обращенія ихъ въ христіанство¹⁾. Потомъ негровъ стали ввозить въ Америку уже для плантаторскаго труда, совершенно подобно эксплуатаціи рабскаго труда въ античномъ мірѣ. И это новое рабство продолжалось въ цивилизованныхъ странахъ три вѣка.

Торжество новыхъ принциповъ и новыхъ учреждений, торжество дѣла эмансипаціи весьма часто являлось торжествомъ компромиссовъ. Компромиссомъ было преобразование рабства въ крѣпостничество. Компромиссами разрѣшилось превращеніе крѣпостничества въ свободный трудъ. Компромиссомъ было торжество христіанства. Компромиссомъ была реформація. Компромиссами завершилась великая французская революція. Компромиссомъ является современная конституціонная монархія. Компромиссами полна вся исторія Англіи. Компромиссами были объединеніе Италіи и объединеніе Германіи. Значеніе компромиссовъ въ исторіи важно въ томъ отношеніи, что они не только замедляютъ движеніе, но часто укрѣпляютъ пережитки тѣхъ самыхъ общественныхъ отношеній, противъ которыхъ направлено самое движеніе.

Невѣрно, что неизбежная смѣна группъ и классовъ вытекаетъ изъ необходимости удовлетворенія нарождающихся общественныхъ потребностей. Невѣрно, что общественныя потребности удовлетворяются во что бы то ни стало работою общественныхъ силъ. Невѣрно, что классы и социальныя группы выступаютъ, какъ актеры, на исторической аренѣ, чтобы выполнить опредѣленную историческую миссію, и потомъ сходятъ со сцены, когда общественное развитіе выдвигаетъ новыя задачи, новыя миссіи и новыхъ исполнителей. Классы — не организмы, социальныя группы — не организмы, и развитіе ихъ не управляется сознательною логикою или законами цѣлесообразности²⁾. Это — взгляды, проникнутые пережитками мистицизма и провиденціализма.

Историческій опытъ не даетъ основаній для безусловнаго опредѣленія характера траекторіи грядущей работы освободительныхъ силъ. Если бы безусловный прогнозъ будущаго на основаніи всей прошлой исторіи былъ законенъ, то онъ могъ бы вести къ пессимическимъ заключеніямъ. Поэтому Марксъ протестовалъ противъ всякихъ выводовъ, основанныхъ на аналогіи между древнею и современною борьбою классовъ³⁾. Каутскій старательно доказываетъ, что современному рабо-

¹⁾ Ant. Vachillery Morales, Los Negros, Barcelona, 1887, стр. 11 и 19—22.

²⁾ Теорія социального организма примѣнялась не только къ обществу, государству, церкви, человѣчеству, но и къ классу (Arth. Bauer, Les classes sociales, стр. 177). — Относительно подобныхъ же тенденцій въ марксизмъ см. G. Sorel. Saggi di critica del marxismo, стр. 144.

³⁾ Марксъ, Весемнадцатое Брюмера, предисловіе къ изданію 1869-го года, стр. 4—5.

чему движенію не грозитъ опасность вырожденія, подобнаго тому, которое нѣкогда постигло христіанство, восторжествовавшее тогда, когда оно превратилось въ свою собственную противоположность ¹⁾). Сальвиоли возстаетъ противъ того, чтобы изъ изученія эволюціи капитализма въ древности извлечь урокъ для прогноза эволюціи современнаго капитализма ²⁾). Ж. Платонъ приходитъ къ заключенію, что современное капиталистическое хозяйство представляетъ, быть можетъ, результатъ только счастливаго стеченія случайностей ³⁾). Съ другой стороны, Антонъ Менгеръ и Гильомъ де Греефъ показываютъ, что социалистическій прогнозъ Маркса, основанный на фактѣ экономической концентрации, не подтверждается вовсе данными исторіи, ибо концентрація владѣнія и производства въ древности вовсе не повела къ коллективистическому обобществленію ⁴⁾).

Апологеты и фаталисты черпали изъ исторіи доказательства постоянства гнета и его необходимости. Тутъ дѣло не всегда въ предвзятой точкѣ зрѣнія. Тутъ дѣло въ томъ, что въ огромномъ арсеналѣ историческихъ данныхъ можно найти достаточное число фактовъ для обоснованія пессимистическихъ теорій, если только игнорировать другіе факты и если допускать, что достаточная однородность исторической среды въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ позволяетъ связывать социальные отношенія различныхъ эпохъ однимъ общимъ закономъ. «Исторія прекращенія рабства и крѣпостничества, говоритъ Турманъ, учитъ необходимости вооружиться терпѣніемъ и считаться съ временемъ, безъ котораго невозможенъ никакой прочный прогрессъ» ⁵⁾). Соціологъ Летурно, симпатизирующій коллективизму, замѣчаетъ: «Вся исторія человѣческаго рода показываетъ намъ, что глубокія общественныя преобразованія осуществляются путемъ эволюціи... Да! Чисто политическія революціи могутъ импровизироваться. Но другое дѣло—внутренняя сущность строя обществъ» ⁶⁾). Замѣтимъ, что искренность обоихъ сейчасъ цитированныхъ изслѣдователей не можетъ быть подвергнута никакому сомнѣнію. Но въ особенности интересны для насъ разсужденія Лоріа, теоріи котораго, какъ извѣстно, заключаютъ въ себѣ много заимствованій и подражаній марксизму: «Законъ эволюціи, напротивъ того, неприменимо враждебенъ догмѣ государственнаго социализма... Измѣненіе экономическихъ отношеній можетъ быть порождено только этими самыми отношеніями... Возникающая форма убиваетъ ту, которая ее произвела. Отцеубійство—законъ исторіи... Новая наука возстаетъ противъ необходимости насильственной революціи, какъ средства преобразованій

¹⁾ Kautsky, Der Ursprung des Christentums, стр. 496—508

²⁾ Salvioli, Le capitalisme dans le monde antique, стр. 316—320.

³⁾ G. Platon, Le capitalisme dans le monde antique, въ Mouvement Socialiste, Mars, 1907, № 184, стр. 244.

⁴⁾ А. Менгеръ, Право на полный продуктъ труда, стр. 84.—Guillaume de Greef, La sociologie économique, Paris, 1904, стр. 120—121 и 221.

⁵⁾ A. Tournagne, Histoire du servage, Paris, 1879, стр. VII.

⁶⁾ Ch. Letourneau, L'Evolution de l'Eslavage, стр. 512.

экономическихъ отношеній, она даже отрицаетъ ея возможность, доказывая, что народное возмущеніе безсильно преобразовать общественный организмъ, являющійся необходимымъ продуктомъ опредѣленной стадіи историческаго развитія человѣчества... Древняя экономія не была разрушена возстаніемъ рабовъ, а распаденіе экономического строя Среднихъ Вѣковъ не было результатомъ возстаній крѣпостныхъ, которые, напротивъ того, послѣ аграрныхъ войнъ испытывали угнетеніе, еще большее, чѣмъ когда бы то ни было» ¹⁾. Мы знаемъ, что фаталистическихъ и апологетическихъ элементовъ не чужды также и доктрины, исповѣдываемыя въ школѣ Маркса.

Въ дѣйствительности историческій опытъ не ведетъ къ безусловнымъ заключеніямъ ни непремѣнно пессимистическимъ, ни непремѣнно оптимистическимъ. Онъ вообще не даетъ никакихъ безусловныхъ законовъ ни смѣны формъ гнета и классоваго господства въ неизбежной послѣдовательности, ни также необходимости этихъ формъ гнета и классоваго господства на опредѣленной стадіи общественнаго развитія и на протяженіи достаточно продолжительныхъ эпохъ. Историческій опытъ даетъ въ этомъ отношеніи основанія лишь для установленія условныхъ обобщеній и вѣроятностей болѣе или менѣе высокой степени.

Если физико-механическая система, находящаяся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, подвержена длительному дѣйствію внутреннихъ и внѣшнихъ силъ, то можно съ нѣкоторою вѣроятностью предсказать, что система въ концѣ концовъ будетъ выведена изъ состоянія равновѣсія, что она даже будетъ разрушена, какъ особая индивидуальность. Когда даны всѣ силы и параметры, то можно даже точно опредѣлить, когда и при какихъ обстоятельствахъ наступитъ разрушеніе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ категоричность сужденія уступаетъ мѣсто проблематичности болѣе или менѣе высокаго порядка. Такъ, хотя математически мыслимо равновѣсіе конуса, поставленнаго вертикально вершиною внизъ, но, въ виду физической трудности найти точно положеніе, въ которомъ центръ тяжести конуса и его вершина находятся на одной вертикальной линіи, и въ виду неустойчиваго его равновѣсія въ самомъ этомъ положеніи, можно съ вѣроятностью, которая граничитъ съ увѣренностью, предсказать, что конусъ въ подобномъ положеніи не устоится. Небесная механика доказала устойчивость нѣкоторыхъ элементовъ движенія небесныхъ свѣтилъ; но судьба, напримѣръ, солнечной системы, входящихъ въ нее міровъ и органической жизни на нихъ черезъ милліоны лѣтъ, въ смыслѣ предстоящаго ихъ разрушенія, можетъ быть опредѣлена лишь въ видѣ вѣроятности.

То же самое примѣнимо и къ социальнымъ системамъ, которыя подвержены дѣйствію антагонизмовъ, лишающихъ ихъ устойчивости. Со-

¹⁾ Loria, Le basi economiche della costituzione sociale, Torino, 1902, Terza edizione, стр. 415—416.

стояніе неустойчивости подобныхъ соціальныхъ системъ позволяетъ установить для нихъ вѣроятный законъ подверженности ихъ измѣненіямъ. Но, чтобы силы, нарушающія устойчивость, могли проявиться и потрясти систему, необходимо время и при томъ время неопредѣленное. Всякая вѣроятность можетъ осуществиться и превратиться въ дѣйствительность при достаточномъ числѣ испытаній въ достаточно продолжительный промежутокъ времени ¹⁾. Этимъ объясняется то, что теоріи, имѣющія мистико-телеологическій характеръ, какъ система діалектики Гегеля-Маркса-Энгельса или органическая теорія общества, могутъ находить видимую опору въ нѣкоторыхъ фактахъ исторіи. Ибо, напримѣръ, діалетическій «законъ отрицанія» или діалектическое положеніе, что изъ всякаго зла рождается добро, могутъ безъ особеннаго труда подтверждаться ссылкой на продолжительные историческіе процессы, гдѣ время въ концѣ концовъ приноситъ примѣры и утвержденія, и отрицанія, и рожденія изъ добра добра, изъ зла зла, изъ добра зла и изъ зла добра во всѣхъ комбинаціяхъ, изъ которыхъ діалектику остается только заимствовать нѣкоторыя комбинаціи, ему нужныя. Или, напримѣръ, органицистъ безъ труда будетъ доказывать, что всякое государство, подобно организму, умираетъ, если онъ будетъ брать достаточно продолжительные промежутки времени, въ теченіе которыхъ всякія измѣненія и преобразованія становятся вѣроятны, а между прочимъ и такія, которыя словесно можно опредѣлить, какъ смерть. Но пустота и практическая бесплодность подобныхъ теорій вытекаетъ не только изъ ихъ словеснаго характера, но и изъ того, что онѣ вынуждены оперировать надъ неопредѣленными промежутками времени: онѣ не въ состояніи опредѣлить, сколько имъ нужно времени для того, чтобы законъ можно было примѣнить въ каждомъ частномъ случаѣ, — десятилѣтія, вѣка или тысячелѣтія. Такъ, существованіе Римской имперіи, подтачиваемой внутренними и внѣшними антагонизмами, было весьма неустойчиво въ IV-омъ и V-омъ вѣкахъ. Пришли варвары—и Западная Римская Имперія пала. Тѣмъ не менѣе Византія послѣ этого просуществовала еще тысячу лѣтъ.

Итакъ, смѣна формъ соціальныхъ антагонизмовъ, смѣна господства группъ и классовъ, линія движенія общественной эмансипаціи могутъ быть опредѣлены въ наиболѣе общей формѣ не какъ законъ категорической необходимости, а какъ вѣроятность, принимающая тѣмъ болѣе объективный характеръ, чѣмъ на большій промежутокъ времени распространяется обобщеніе, но потому именно сама природа обобщенія представляется тѣмъ болѣе неопредѣленною.

Обобщающая формула можетъ получить конкретный характеръ, если она должна служить не общимъ закономъ развитія человѣчества и составляющихъ его соціальныхъ группъ, но лишь для примѣненія къ обществамъ и соціальнымъ группамъ опредѣленнаго типа, изученныхъ

¹⁾ См. наше изслѣдованіе „Къ вопросу о возможности историческаго прогноза“.

въ отношеніи состава опредѣляющихъ ихъ движеніе элементовъ. Въ подобныхъ случаяхъ могутъ быть установлены нѣкоторыя условія, вліяющія на ту или другую форму развитія соціальныхъ антагонизмовъ, какъ напр. при сравненіи судьбы древняго капитализма съ современнымъ капитализмомъ, римскаго пролетаріата съ современнымъ пролетаріатомъ, римскаго политическаго абсолютизма съ другими формами абсолютизма. Формула тогда принимаетъ условный характеръ: если осуществлены такіа-то условія, то антагонизмы развиваются такимъ-то образомъ. Но самыя условія никогда не могутъ быть вполнѣ установлены, когда формулы примѣняются къ предвидѣнію будущаго: ни стихійныя силы, ни сознательные элементы общественнаго процесса (роль сознательныхъ личностей и группъ, роль инициативы, роль цѣлесообразно-планомѣрной работы организованныхъ силъ) не могутъ быть никогда вполнѣ учтены, чтобы безусловное примѣненіе формулы стало возможнымъ. Формула заключаетъ всегда въ себѣ ограниченіе или подчиненіе устанавливаемой формы движенія нѣкоторымъ условіямъ.

Главныя условія, которыя опредѣляютъ траекторію освободительнаго процесса въ отношеніяхъ соціальныхъ группъ и классовъ, это—состояніе ихъ силъ и сознаній. Отъ сознанія силъ и сознаній зависитъ самая возможность борьбы, возможный исходъ борьбы и возможность преобразованія самого гражданскаго процесса.

ГЛАВА IX.

Относительный характеръ соціальныхъ антагонизмовъ.

I.

Антагонизмъ между двумя соціальными группами, изъ которыхъ одна является жертвою угнетенія и эксплуатаціи со стороны другой, можетъ, какъ мы видѣли, продолжаться неопредѣленно долгое время, не вызывая никакой борьбы первой противъ второй. Разъ возникшая борьба можетъ или совершенно оборваться, послѣ немногихъ бесплодныхъ попытокъ группы добиться своего освобожденія, или же длиться непрерывно, либо проявляться спорадически, не завершаясь вовсе побѣдою угнетенной группы. Наконецъ, амансипація можетъ быть достигнута борьбою или другими путями—въ видѣ компромисса.

Возможность борьбы, ея характеръ и исходъ зависятъ отъ взаимоотношенія способностей антагонистическихъ группъ, отъ состоянія ихъ силъ и сознаній.

Самое развитіе силъ и сознаній не подчинено какому-либо безусловному закону. Оно зависитъ отъ ряда условій. На изученіе же

этихъ условій можетъ пролить много свѣта принципъ относительнаго характера соціальныхъ антагонизмовъ.

Источникъ относительнаго характера соціальныхъ антагонизмовъ заключается, какъ нами уже выше установлено, въ сложности человѣческихъ интересовъ. Антагонизмъ можетъ существовать между интересомъ одного индивидуума и подобнымъ же интересомъ другого индивидуума; но антагонизмъ можетъ существовать и между двумя различными интересами того же самаго индивидуума. Въ отношеніи одного интереса между двумя индивидуумами можетъ существовать антагонизмъ, въ отношеніи другого интереса—между ними же солидарность. Въ одномъ отношеніи индивидуумъ можетъ угнетать другихъ индивидуумовъ, въ другомъ—самъ подвергаться угнетенію. Въ отношеніи одного и того же интереса индивидуумъ можетъ угнетать и эксплуатировать низшихъ, но самъ испытывать гнетъ и эксплуатацію со стороны высшихъ. Антагонизмъ можетъ существовать между интересами индивидуума, какъ отдѣльной единицы, и интересами той соціальной группы, къ которой онъ принадлежитъ. Наконецъ, антагонизмъ можетъ существовать между интересами настоящими и будущими, между интересами проходящими и постоянными интересами какъ индивидуумовъ, такъ и соціальныхъ группъ.

Интересы, лежащіе въ основѣ солидарности и антагонизма, могутъ быть дѣйствительные или воображаемые. Огромное значеніе въ историческомъ развитіи человѣчества имѣли антагонизмы между интересами дѣйствительными и интересами воображаемыми.

Если бы не относительный характеръ соціальныхъ антагонизмовъ, то они отличались бы крайнею ясностью и свелись бы къ раздѣленію человѣчества на опредѣленный рядъ враждебно-непримиримыхъ группъ. Но относительный антагонизмъ ассоціируется всегда съ относительною солидарностью: онъ дѣйствуетъ въ смыслѣ раздробленія силъ и сознаний, въ смыслѣ смягченія и примиренія противоположностей.

Угнетеніе женщины во всѣ времена маскировалось тою солидарностью, которая связывала ее съ угнетателемъ-мужиной, ея роль участницы въ семейной коопераціи, ея роль жены и матери. У африканскихъ негровъ, у первобытныхъ жителей Новой Зеландіи положеніе свободной женщины ничѣмъ не отличается отъ положенія рабовъ; во многихъ случаяхъ съ рабами обращаются даже лучше, чѣмъ съ свободными женщинами ¹⁾. Среди самихъ рабовъ женщина часто занимала положеніе паріи. Такъ, въ древней Іудеѣ самыя низкія и тягостныя работы, даже такія, которыя возлагались на рабовъ-мужчинъ только въ видѣ наказанія, были удѣломъ женщины-рабыни ²⁾. Но свободная женщина угнеталась, какъ членъ семейства. Восприимчивость ея къ самоосвобожденію

¹⁾ Ch. Letourneau, *La condition de la femme*, стр. 65.—Letourneau, *L'Evolution de l'Esclavage*, стр. 74—75, 97, 105 и 181.

²⁾ Tony André, *L'Esclavage chez les anciens Hébreux*, стр. 145.

подавлялась не только самою школою гнета, но и относительнымъ ея характеромъ. Современное феминистское движеніе въ значительной степени запечатлѣно двойственнымъ характеромъ положенія женщины. Если женщина принадлежитъ къ господствующему классу, то она одновременно принадлежитъ и къ группѣ угнетающей, поскольку она пользуется привилегіями своего классоваго положенія, и къ группѣ угнетаемой, поскольку она, какъ женщина, ограничена въ политически-правовомъ отношеніи. Если же женщина принадлежитъ къ классу эксплуатируемому, то она—жертва и угнетенія пола, и угнетенія классоваго. Всѣ эти условія дѣйствуютъ осложняющимъ образомъ на воспріимчивость женщинъ къ требованію эмансипаціи.

Интересъ религіозной солидарности часто парализуетъ сознаніе и остроту національных, политическихъ и классовыхъ антагонизмовъ. Самыя высшія и самыя низшія касты Индіи объединены общею для всѣхъ религіею, узаконяющею эти самыя касты; и борьба съ кастовымъ началомъ въ Индіи возможна не иначе, какъ въ видѣ борьбы съ религіею браманизма. Христіанство первыхъ вѣковъ было космополитическимъ движеніемъ, направленнымъ противъ культа націи и отечества. Христіанскіе писатели и отцы церкви, какъ Лактанцій, Юстинъ, Григорій Назіанзинскій, Іоаннъ Златоустъ, осуждаютъ патріотизмъ, какъ порокъ. Язычники не безъ основанія обвиняли христіанъ, какъ друзей и союзниковъ сѣверныхъ пришельцевъ-варваровъ. Во время религіозныхъ войнъ XVI и XVII вѣка приходилось нѣмцамъ, напримѣръ, сражаться вмѣстѣ съ чужестранцами за общую вѣру противъ соотечественниковъ. Французская католическая Лига думала одно время о возведеніи на французскій престолъ испанскаго короля Филиппа II. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ того, солидарность религіознаго интереса подавляется классовыми, политическими, національными антагонизмами. Протестантскіе и католическіе князья соединили свои силы для того, чтобы усмирить возставшихъ подъ предводительствомъ Мюнцера крестьянъ. Императоръ Карлъ V, защитникъ католичества, воевалъ съ папою, и когда войска его взяли и разграбили Римъ, то его ландскнехты-лютеране не мало надругались надъ католическими святынями ¹⁾. Политическіе интересы побудили Рিশелье соединиться съ германскими протестантами, какъ нѣкогда побудили Франциска I соединиться даже съ турецкимъ султаномъ противъ христіанъ и католиковъ.

Національный интересъ, интересъ національной солидарности можетъ, въ свою очередь, отодвигать на задній планъ или затушевывать интересы чисто политическіе, напр., интересы политической свободы или политическаго освобожденія, и интересы классовые. Извѣстно, какую службу сослужили австрійской монархіи въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за вѣнскою революціею 1848 года, распри между славянами, нѣмцами

¹⁾ Mignet, Rivalité de François I et de Charles-Quint, t. II, Paris, 1875, стр. 327 и 329.

и венграми, оберегавшими свои «національные» интересы. Когда, послѣ неаполитанской революціи 1860 года, Гарибальди, намѣревавшійся установить республиканскій строй въ территоріи «обѣихъ Сицилій», отказывался присоединить ее къ Итальянскому королевству, то единодушная почти воля народа заставила диктатора отдать страну, во имя національнаго объединенія, во власть Савойской династіи. Объединеніе Германіи подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ обратило многихъ политическихъ враговъ Бисмарка въ его поклонниковъ. Въ основу строительства желтыхъ и клерикальных синдикатовъ кладется принципъ солидарности классовъ, а этотъ принципъ по большей части амальгамируется съ требованіемъ религіозности и патріотизма. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ того, интересы политическіе и интересы классовые заглушаютъ патріотическое чувство и совершенно обезцѣниваютъ національный интересъ. Господствующіе классы и правители нерѣдко жертвовали еще въ древнемъ мірѣ національною независимостью ради своихъ интересовъ. Еще Макіавелли объясняли слабость и раздробленность Италіи эгоистическою политикою папъ, свѣтская власть которыхъ недостаточно сильна для того, чтобы подчинить себѣ всю страну, и недостаточно слаба для того, чтобы позволить это сдѣлать другимъ. Успѣхи французскихъ войскъ въ Алжирѣ при Карлѣ X менѣе всего радовали оппозицію, которая опасалась усиленія престижа реакціоннаго правительства. Одинъ изъ вождей нѣмецкой либерально-конституціонной партіи первой трети XIX-го вѣка, историкъ Роттекъ, говорилъ, что, въ случаѣ войны между конституціонною Франціею и нѣмецкими абсолютными государствами, всякій нѣмецъ-либераль долженъ принять сторону Франціи. Современное рабочее движеніе, какъ классовое, выдаетъ себя за международное, основанное на антагонизмѣ между интернаціональнымъ пролетаріатомъ, съ одной стороны, и интернаціональнымъ капиталомъ, съ другой стороны.

Политическая солидарность и классовый антагонизмъ, политическій антагонизмъ и классовая солидарность могутъ противоположаться другъ другу и до извѣстной степени нейтрализовать другъ друга. Римскіе пролетаріи и римскіе аристократы были объединены общимъ интересомъ угнетенія союзниковъ и подданныхъ. Этимъ объясняются противорѣчія и непослѣдовательность политики Гая Гракха, главнымъ образомъ въ реформѣ судовъ, въ введеніи системы откуповъ на налоги въ провинціяхъ и въ проектѣ расширенія правъ союзниковъ-италиковъ. И Гай Гракхъ, и второй Друзъ потеряли свою популярность за предложеніе расширить политическія права союзниковъ, шедшее въ разрѣзъ съ интересами и высшаго класса, и плебса: весь римскій народъ, безъ различія классовъ, за исключеніемъ политиковъ-идеологовъ, смотрѣлъ на свои политическія привилегіи, какъ на монополію, которою дѣлиться не думалъ ни съ кѣмъ. Съ другой стороны, извѣстные классы и слои населенія могутъ примиряться съ политическимъ деспотизмомъ или вообще съ любой политической системою въ томъ случаѣ, когда политическая власть обезпечиваетъ опредѣленный интересъ—классовой, групповой или профес-

сіональний. Римская городская чернь была весьма довольна императорскимъ режимомъ, этимъ аккуратнымъ поставщикомъ для нея «хлѣба и зрѣлицъ». Французская городская буржуазія мирилась съ произволомъ королевской власти, все же менѣе для нея опаснымъ, чѣмъ феодальный гнетъ, отъ котораго короли ее защищали и избавляли. Въ эпоху великой французской революціи къ консервативнымъ силамъ примыкала не только часть буржуазіи, фабриковавшая или торговавшая предметами роскоши, которые поставлялись двору и высшей аристократіи, но и часть рабочихъ, именно тѣ, которые работали на высшую часть общества, а теперь страдали отъ эмиграціи, отъ конфискаціи, отъ безработицы и упадка цѣны¹⁾. Въ періоды волненій купцы и лавочники обыкновенно проявляютъ солидарность со всякою крѣпкою властью, которая восстанавливаетъ кредитъ и торговое процвѣтаніе. Монархія во многихъ случаяхъ была обязана своею популярностію создавшемуся о ней представленію, что она стоитъ выше классовъ, и что она защищаетъ слабыхъ противъ сильныхъ и угнетенныхъ противъ угнетателей. По этой причинѣ огромное большинство дѣятелей великой французской революціи вначалѣ горячо ратовало противъ республиканскихъ идей. По этой причинѣ цезаризмъ, просвѣщенный деспотизмъ и социальная монархія часто ассоціируются съ идеею народолубія.

Если индивидуумы, принадлежащіе къ какой-нибудь социальной группѣ, не только испытываютъ гнетъ и эксплуатацію, но и сами угнетаютъ и эксплуатируютъ другихъ, не только находятся въ состояніи подчиненія, но и господствуютъ надъ другими, не только ниже стоятъ индивидуумовъ высшей группы, но и стоятъ выше индивидуумовъ низшей группы, то гнетъ, эксплуатація, подчиненіе, социальное неравенство легко представляются имъ, какъ явленія общія, естественныя, необходимыя и неизбѣжныя. Относительный характеръ антагонизмовъ въ обществѣ, составленномъ изъ группъ и слоевъ, возвышающихся пирамидально другъ надъ другомъ отъ основанія до вершины, затемняетъ сознанія, разбрасываетъ и разъединяетъ силы, затрудняетъ возможность и успѣшность борьбы. Подобную этажеобразную іерархію представляетъ собою кастовый строй Индіи; здѣсь мы видимъ лѣстницу возвышающихся одна надъ другою замкнутыхъ кастъ, подъ кастами цѣлые разряды населенія, стоящіе внѣ кастъ и ниже ихъ, а въ самихъ кастахъ градацію низшихъ и высшихъ, какъ, напр., въ кастѣ паріевъ. Античное общество было также построено на іерархическомъ началѣ классовъ и сословій. Въ Римской республикѣ общество состояло изъ патриціевъ, плебеевъ, союзниковъ и подданныхъ, вольноотпущенныхъ, рабовъ. Каждый изъ этихъ разрядовъ населенія дѣлился въ свою очередь на слои, болѣе высокіе и болѣе низкіе, смотря по богатству, политическимъ правамъ и обществен-

¹⁾ Е. В. Тарле, Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи, ч. I, Спб. 1909, стр. 226—227.—Ср. Jaugès, Organisation socialiste, въ Revue Socialiste, 1896, t. XXIII, стр. 524.

ному положенію. Богатыя плебейскія фамиліи стояли ближе къ патриціату, чѣмъ бѣдные ихъ односословники. Среди союзниковъ привилегированное положеніе занимали тѣ, которые обладали латинскимъ правомъ, за ними слѣдовали союзники италійскаго права. Въ имперіи возникла новая іерархія, спускавшаяся отъ императорской власти, какъ вершины, черезъ различныя ступени бюрократіи и черезъ высшія привилегированныя сословія арміи, сенаторовъ и впослѣдствіи духовенства, до куріаловъ и закрѣпленныхъ въ коллегіяхъ рабочихъ, а отъ нихъ къ вольноотпущеннымъ колонамъ и рабамъ.

Среди вольноотпущенныхъ и даже рабовъ была и своеобразная аристократія, которая высилась надъ среднею толпою, ниже которой стояли, въ свою очередь, паріи рабства. Вольноотпущенные императоровъ часто занимали положеніе министровъ, за рабами императоровъ ухаживали сенаторы. Но и въ республиканскую эпоху вольноотпущенные вліятельныхъ и могущественныхъ людей пользовались сами сильнымъ вліяніемъ и могуществомъ. Нѣкоторые считаютъ актомъ гражданскаго мужества со стороны Цицерона то, что онъ въ своей молодости взялъ въ свои руки защиту интересовъ нѣкоего Росція, жертву преслѣдованій Хризогона, вольноотпущеннаго самаго Суллы Плутархъ рассказываетъ, что городъ Антіохія устроилъ торжественную встрѣчу Димитрію, вольноотпущенному Помпея; Катонъ по этому поводу воскликнулъ: «несчастный городъ!» Среди рабовъ, государственные, или публичные рабы считались привилегированными. Въ римскомъ большомъ домѣ, въ римской виллѣ существовала сложная еіархія зависимостей низшихъ рабовъ отъ среднихъ и среднихъ отъ высшихъ, назначавшихся управляющими дома, виллы или отдѣльной службы. По словамъ Сальвіана, низшіе рабы трепетали передъ своими начальниками, тоже рабами, которые жестоко съ ними обходились, подвергая ихъ ударамъ и всяческимъ наказаніямъ. Рабъ-управляющій командовалъ не только рабами, но и свободными арендаторами-колонами; онъ, стало быть, въ нѣкоторомъ отношеніи подымался надъ положеніемъ подобныхъ свободныхъ крестьянъ¹⁾. Когда свободные колоны были прикрѣплены къ землѣ, то положеніе ихъ стало даже хуже сравнительно съ положеніемъ рабовъ въ томъ отношеніи, что послѣдніе могли быть отпускаемы на волю ихъ господами, тогда какъ свободные колоны не могли быть раскрѣпощены, какъ «рабы земли» (*servi glebae*).

Но рабы въ древнемъ мірѣ часто имѣли собственныхъ рабовъ. Въ Греціи рабыни-куртизанки покупали рабынь для извлеченія барышей изъ ихъ проституціи. Въ Римѣ рабы рабовъ назывались *visagii*. Это была послѣдняя ступень рабства. Надо полагать, что рабы-господа были наихудшими господами для ихъ собственныхъ рабовъ: угнетаемые часто вымещаютъ свои страданія на угнетенныхъ второго порядка. Интересно, что рабы-господа могли отпускать на волю своихъ собствен-

¹⁾ Fustel de Coulanges, *Recherches sur quelques problèmes d'histoire*, стр. 21.—Его же, *L'alleu et le domaine rural*, стр. 67.

ныхъ рабовъ, т. е. создавать свободныхъ людей, сами оставаясь въ то же время рабами¹⁾. Такимъ образомъ совокупность рабовъ одного дома могла представлять іерархію всѣхъ ступеней неравенства. «Она имѣла свой привилегированный классъ въ управляющихъ и въ самыхъ приближенныхъ къ господину служителямъ, свой средній классъ въ начальникахъ службъ и въ надсмотрщикахъ, свой рабочій классъ въ чернорабочихъ городскихъ и земледѣльческихъ и даже своихъ рабовъ въ этихъ викаріяхъ (vicarii)»²⁾.

Средневѣковый феодальный строй характеризуется тою же іерархіею зависимостей возвышающихся другъ надъ другомъ слоевъ общества, осложненною возможностью для членовъ іерархіи одновременно занимать болѣе высокое положеніе въ одномъ отношеніи и подчиненное положеніе въ другомъ отношеніи. Принципъ іерархіи проникалъ феодальное общество отъ высшихъ сюзереновъ до крѣпостныхъ и рабовъ. По словамъ историка Людена, «сеньеры сами представляли видъ крѣпостныхъ». Но могло быть и такъ, что два феодала связывались территориальными владѣніями такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ являлся сюзереномъ для другого въ отношеніи одного фьефа и вассаломъ въ отношеніи другого фьефа³⁾. Низшіе классы населенія представляли часто интересные примѣры соціальной іерархіи, особенно въ первую половину среднихъ вѣковъ. Такъ, колонны могли имѣть и имѣли своихъ собственныхъ крѣпостныхъ⁴⁾. Въ эпоху Меровинговъ бенефиціи давались королями и рабамъ, которые получали такимъ образомъ во владѣніе колонновъ и рабовъ⁵⁾. Особо привилегированнымъ положеніемъ пользовались королевскіе и церковные крѣпостные, которые часто предавались грабежамъ⁶⁾. Что касается городовъ, то извѣстно, что во второй половинѣ среднихъ вѣковъ выработалась въ нихъ іерархія патриціевъ и непривилегированныхъ горожанъ, мастеровъ, подмастерьевъ и неорганизованныхъ рабочихъ, при чемъ послѣдніе испытывали презрительное отношеніе къ себѣ со стороны аристократіи организованныхъ подмастерьевъ.

Пирамидальный характеръ гнета, эксплуатаціи и соціального неравенства является очень сильнымъ тормозомъ для эмансипаціи сознаний, объединенія силъ и вообще для освободительной работы соціальныхъ группъ. Не удивительно, что подобная система сознательно поддерживается и развивается тѣми, которые стоятъ въ вершинѣ соціальной іерархіи, въ интересахъ устойчивости своего собственнаго господства.

¹⁾ H. Erman, *Servus vicarius*, Lausanne, 1896, стр. 430 и 458—459.—Gaston Boissier, *La religion romaine*, 5-e édit., t. II, стр. 335—338.

²⁾ H. Wallon, *Histoire de l'esclavage dans l'antiquité*, t. II, стр. 249.

³⁾ Guizot, *Histoire de la civilisation en France*, t. IV, стр. 284.

⁴⁾ Guérard, *Polytique Irminon*, стр. 247.

⁵⁾ Fustel de Coulanges, *Les origines du système féodal*, стр. 156 и 168—169.

⁶⁾ Guérard, *Polytique Irminon*, стр. 519.—Fustel de Coulanges, *L'Alleu et le domaine rural*, стр. 353.—Энгельсъ замѣтилъ, что отъ королевскихъ рабовъ и вольноотпущенниковъ главнымъ образомъ происходитъ средневѣковое дворянство (Происхожденіе семьи, стр. 129).

Такова была система внутренней политики Меттерниха, которую Маркс характеризовалъ слѣдующимъ образомъ: «Для этого всѣ старые, установившіеся авторитеты поддерживались точно такъ же же, какъ и авторитетъ государства; власть помѣщика надъ мелкимъ крестьяниномъ-арендаторомъ, промышленника надъ рабочимъ, мелкаго хозяина надъ подмастерьемъ и поденщикомъ, отца надъ сыномъ всюду строго сохранялась правительствомъ, и всякое неповиновеніе наказывалось какъ нарушеніе закона съ помощью универсальнаго орудія австрійскаго правосудія—палокъ... Какое бы озлобленіе ни существовало между классами,—а существованіе этого озлобленія было для Меттерниха главнымъ условіемъ управленія, и онъ даже поощрялъ его, дѣлая высшіе классы орудіемъ всѣхъ правительственныхъ вымогательствъ и такимъ образомъ навлекая на нихъ ненависть,—какъ бы ни ненавидѣлъ народъ низшихъ чиновниковъ, въ общемъ, было мало или вовсе не было недовольства центральнымъ правительствомъ».

Неопредѣленный характеръ социальныхъ и классовыхъ группировокъ, отсутствіе рѣзкихъ границъ между ними, существованіе между ними переходныхъ степеней и возможность для одного и того же индивидуума одновременно принадлежать къ нѣсколькимъ социальнымъ группамъ, подгруппамъ и подклассамъ,—напр. въ отношеніи профессіи, въ отношеніи величины дохода и въ отношеніи размѣровъ владѣнія,—тоже усиливаетъ напряженность относительнаго элемента социальныхъ антагонизмовъ ¹⁾. А это, въ свою очередь, дѣйствуетъ на степень восприимчивости индивидуума къ задачамъ эмансипаціи.

Относительный антагонизмъ означаетъ на другомъ полюсѣ относительную солидарность. Когда двѣ антагонистическія группы составляютъ отдѣльныя части одного общественнаго цѣлаго, то антагонизмъ между угнетенными и угнетающими ослабляется солидарностью, вытекающею изъ того, что господствующая группа выполняетъ нѣкоторыя общественныя функціи, которыя могутъ имѣть общественно-полезное значеніе, если только это не исключительно функціи приведенія въ движеніе механизма гнета. Тогда, въ глазахъ массъ, часть можетъ какъ бы искупать цѣлое. Такъ, самый жестокій деспотизмъ все же выполняетъ извѣстныя административныя функціи въ обществѣ, о чемъ мы уже говорили выше. Вообще, на долю господствующихъ группъ и классовъ часто выпадаютъ нѣкоторые виды организаторской дѣятельности. Если группа или классъ обладаетъ привилегіями, которыя, въ глазахъ массъ, не могутъ быть оправданы никакими—дѣйствительными или воображаемыми—полезными функціями этой группы или этого класса, то подобныя привилегіи становятся особенно тяжкими и даже ненавистными подчиненнымъ группамъ и классамъ. Таково стало отношеніе народа во Франціи къ ари-

¹⁾ Ср. Charles Gide, *Principes d'Economie politique*, а также его рецензію на книгу Оверберга въ *Revue d'economie politique*, Juillet, 1906, стр. 597.—G. Simmel, *Über soziale Differenzierung*, Leipzig, 1890, стр. 97—98 и 104—105.

стократіи, послѣ того какъ королевская власть отняла у нея всѣ феодалныя прерогативы и судебно-административныя функціи. Токвиль этимъ именно обстоятельствомъ объясняетъ характеръ революціоннаго взрыва во Франціи ¹⁾. Но исторія и другихъ странъ даетъ примѣры эволюціи народной психологіи въ томъ же смыслѣ.

Относительный характеръ антагонизмовъ заключается еще въ томъ обстоятельстве, что всякое общественное состояніе, съ какою бы степенью гнета, эксплуатаціи и соціального неравенства оно ни было связано, представляется положительнымъ въ отношеніи къ возможному еще худшему состоянію. Тамъ, гдѣ борьба сопряжена съ рискомъ, гдѣ она требуетъ жертвъ, гдѣ побѣда не обезпечена, гдѣ пользованіе плодами побѣды, даже въ случаѣ успѣха, можно предвидѣть лишь въ менѣе близкомъ будущемъ, тогда какъ пораженіе несетъ новыя бѣды и новыя страданія въ настоящемъ,—тамъ борьба возникаетъ лишь или какъ стихійная, мало сознательная вспышка, или же какъ сознательно-идейное движеніе, вызванное къ жизни по большей части инициативными силами. Въ другихъ случаяхъ безотрадное настоящее предпочитается возможному болѣе безотрадному будущему. Отсюда необычайный подъемъ энергій въ эпохи общественнаго возбужденія, отсюда же устрашающее и деморализующее дѣйствіе репрессій въ эпохи реакціи и упадка.

Соціальныя группы и классы менѣе всего подобны сознательнымъ организмамъ, сознательнымъ личностямъ, взвѣшивающимъ свои мотивы, свои цѣли, свои дѣйствія въ отношеніи къ непосредственнымъ или отдаленнымъ ихъ послѣдствіямъ и руководящимся въ своихъ рѣшеніяхъ предпочтеніемъ интересовъ существенныхъ, прочныхъ, постоянныхъ интересамъ второстепеннымъ, преходящимъ, временнымъ. Даже мало развитые индивидуумы жертвуютъ часто своими истинными и существенными интересами ради интереса момента. Что же касается классовъ и группъ, то лишь идейный интересъ — общечеловѣческій, общественный или идейно-групповой, въ послѣднемъ случаѣ интересъ группы и класса, какъ единого цѣлаго въ настоящемъ и будущемъ, — можетъ быть для нихъ побуждающимъ мотивомъ для того, чтобы предпочесть интересъ высшій низшему, отдаленный — непосредственному, общій — частному, пользу будущихъ поколѣній интересу поколѣнія настоящаго. Во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, гдѣ идейный и идейно-групповой интересъ отсутствуетъ, интересы осязательные, непосредственные, частно-индивидуальные, равно какъ интересъ настоящаго поколѣнія, берутъ верхъ надъ всякими групповыми и классовыми интересами, чѣмъ парализуется весьма часто непримиримый характеръ соціальныхъ антагонизмовъ въ направленіи и отъ верха къ низу, и отъ низа къ верху. Такова логика относительнаго антагонизма, связаннаго съ относительною солидарностью, солидарностью, выражающеюся въ фактическомъ самоограниченіи и той и другой стороны, въ ущербъ общимъ и существеннымъ интересамъ

¹⁾ Токвиль. Старый порядокъ и революція, стр. 47 и 224.

обѣихъ сторонѣ. Въ эпоху борьбы между плебсомъ и патриціатомъ въ Римѣ, масса плебса готова была довольствоваться распредѣленіемъ земель и уменьшеніемъ долговъ и мало заботилась о завоеваніи политическихъ правъ, столь необходимыхъ для ихъ класса. Значеніе политическаго равноправія сознавалось лишь руководящимъ меньшинствомъ плебса, и потому инициаторы Лициніевыхъ законовъ ввели въ нихъ политическія требованія рядомъ съ другими требованіями, понятными и желательными народу; народъ долженъ былъ одновременно голосовать за всѣ части законопроекта, не отдѣляя ихъ одной отъ другой, и въ такомъ видѣ онъ, конечно, прошелъ цѣликомъ. Въ послѣдніе годы Римской республики, когда опасность государственнаго переворота сознавалась всѣми, аристократія, дорожившая болѣе всего своимъ спокойствіемъ, вела себя такъ беззаботно, что одинъ современникъ писалъ: «Они всѣ до того нелѣпы, что, какъ кажется, утѣшались тѣмъ, что спасутъ по крайней мѣрѣ свои рыбные садки, если даже потеряютъ политическую свободу». Когда императоры, въ интересахъ своей власти, вербовали солдатъ изъ варваровъ и воспрещали лицамъ сенаторскаго ранга служить въ арміи, то они мало заботились о создаваемой ими опасности для имперіи и для своихъ собственныхъ преемниковъ. Когда феодалыне бароны требовали признанія за ними права отчуждать свои фьефы, то они не думали объ уронѣ, который они причиняютъ своему собственному потомству, своему собственному классу. Когда короли, испытывая финансовыя затрудненія для осуществленія своихъ фантазій, обращались къ націи и тѣмъ содѣйствовали зарожденію и укрѣпленію идеи народо-властія, они не думали объ умаленіи ими принципа абсолютизма. Когда европейскіе монархи, передъ разразившеюся французскою революціею, только и заботились о томъ, чтобы поживиться въ смыслѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній, и интриговали другъ противъ друга, вмѣсто того чтобы искренно объединиться противъ «гидры революціи», угрожавшей всѣмъ старымъ правительствамъ Европы, какъ они сами объ этомъ официально заявляли въ Пильницѣ,—то они мало думали о существенныхъ интересахъ собственныхъ династій и самого монархическаго принципа. Напротивъ того, когда, во время конфликта съ народнымъ представительствомъ, прусскій король думалъ отречься отъ престола, опасаясь судьбы Карла I или Людовика XVI, то Бисмаркъ вдохновилъ въ него мужество, говоря о героизмѣ смерти «ради защиты священныхъ правъ короны»¹⁾.

Этимъ же объясняется то, что массы нерѣдко поднимаются, ропщутъ и реагируютъ противъ дѣйствій и вообще противъ причинъ, затрогивающихъ острый и осязательный для нихъ интересъ, хотя бы и интересъ частный и временный, въ родѣ случаевъ вздорожанія хлѣба или введенія чувствительнаго налога, но остаются пассивными при самыхъ чудовищныхъ посягательствахъ на ихъ права. Сколько народныхъ волненій во время великой французской революціи, сколько революціонныхъ «дней» и событій было вызвано жгучимъ вопросомъ о снабженіи насе-

¹⁾ Ch. Andler, Le prince de Bismarck, стр. 71.

ленія хлѣбомъ, но жгучимъ лишь для даннаго момента, тогда какъ такія событія, какъ отмѣна конституціею III года всеобщаго избирательнаго права и 18-ое брюмера прошли во Франціи незамѣтно и во всякомъ случаѣ не вызвали никакой явной реакціи массъ! Интересомъ момента объясняется характеръ политики общественныхъ группъ и классовъ въ очень важныхъ комбинаціяхъ, вліявшихъ потомъ на всю дальнѣйшую исторію общества. Такъ, желаніе спокойствія цѣною какихъ угодно уступокъ руководило тѣми общественными элементами, которые, послѣ военной анархіи, наступившей въ Англіи послѣ смерти Кромвелля и вслѣдъ за измѣною Монка, согласились возстановить на престолъ, безъ всякихъ условій, Карла II и династію Стюартовъ.

Въ нѣкоторыхъ группахъ тенденція преобладанія интересовъ момента надъ всякими другими интересами проявляется особенно сильно и часто. Извѣстно, напримѣръ, что въ торговомъ классѣ стремленіе къ непосредственному увеличенію барыша или страхъ передъ возможностью непосредственной потери барыша легко подавляетъ его религіозные, политическіе, національные и собственные классовые интересы. Когда Спартакъ, послѣ побѣды надъ двумя консулами, совершалъ съ своимъ войскомъ возставшихъ рабовъ кампанію по всей Италіи, то за нимъ слѣдовала толпа купцовъ, которые продавали врагу своего класса желѣзо и другіе предметы, необходимые для изготовленія мечей и вообще оружія. Отношеніе его какъ къ внѣшней, такъ и къ внутренней борьбѣ часто зависитъ отъ оцѣнки значенія ея послѣдствій для торговли и отъ отраженія самой борьбы на ходъ торговли. Онъ способенъ проявлять большой шовинизмъ по отношенію къ колоніальнымъ предпріятіямъ и къ войнамъ, открывающимъ новые горизонты для возможнаго барыша; но онъ противится войнамъ, парализующимъ торговлю на мѣстѣ. Онъ боится революціонныхъ кризисовъ и народныхъ волненій, разстраивающихъ кредитъ и нормальный ходъ торговли, запугивающихъ и кліентелу, и капиталъ; какъ уже было замѣчено, онъ готовъ броситься въ объятія какой угодно крѣпкой власти, которая могла бы возстановить нормальный ходъ торговаго оборота. Такова была психологія торговой буржуазіи послѣ февральской революціи во Франціи, послѣ вѣнской революціи 1848 года, отчасти въ періодъ кризиса дѣла Дрейфуса во Франціи же. Надо, чтобы существующій строй грозилъ очень большою опасностью для денежныхъ интересовъ торговаго класса, или чтобы идейный или идейно-религіозный энтузіазмъ достигъ большой высоты, для того чтобы торговцы и финансисты были вовлечены въ движеніе, ведущее къ революціоннымъ экспериментамъ. Подобные случаи представляютъ роль римскихъ финансистовъ въ нѣкоторыхъ комбинаціяхъ партійной борьбы, имѣвшихъ мѣсто со времени эры Гракховъ, революціонная дѣятельность богатыхъ индипендентовъ въ періодъ первой англійской революціи и противоправительственная оппозиція купцовъ, рантье и денежныхъ людей во Франціи, сильно страдавшихъ отъ произвола стараго режима и громко требовавшихъ политическаго обновленія страны. Репутація «мелкой буржуазіи»,

ея непостоянства и измѣнчивости,—проистекающихъ, согласно воззрѣнію школы Маркса, изъ промежуточнаго ея положенія между пролетариатомъ и буржуазіею,—явилась, быть можетъ, результатомъ той психологіи входящаго въ ея составъ класса мелкихъ торговцевъ, которая подавлена не только мыслью о непосредственномъ интересѣ, но и трудностью опредѣленія этого самаго непосредственнаго интереса въ болѣе сложныхъ комбинаціяхъ, вытекающею изъ недостаточнаго ея умственнаго развитія.

Перемѣнчивость интереса не мирится съ твердыми принципами и прочными связями. Относительному интересу соотвѣтствуютъ относительные принципы и относительныя связи. Вотъ почему идеологи и избранники социальныхъ группъ съ неустойчивыми интересами оказываются нерѣдко въ состояніи отчужденія отъ собственной среды. Этимъ объясняется возможность того, что, напримѣръ, у Маркса называется, «рукоплесканіемъ парламента гибели своего собственнаго господства, оставленіемъ парламента своимъ собственнымъ классомъ». Ибо самая классовая солидарность, равно какъ и классовой антагонизмъ, обладаютъ лишь относительнымъ характеромъ.

II.

Относительный характеръ социальныхъ антагонизмовъ является послѣдствіемъ множественности интересовъ, благодаря которой возникаютъ не только антагонизмы между интересами, но и антагонизмы между антагонизмами. Но всякое отрицаніе есть утвержденіе. Все, что противоплагается антагонизму, ведетъ къ относительной солидарности.

Весьма важный моментъ относительной солидарности заключается не въ реальныхъ интересахъ, которые связываютъ, напримѣръ, угнетенныхъ и угнетателей въ извѣстномъ отношеніи, а въ субъективныхъ формахъ сознанія, примиряющихъ угнетеннаго съ своимъ положеніемъ, какъ съ естественнымъ и необходимымъ. Порабощенные влекутъ тогда двойныя цѣпи—цѣпи матеріальнаго рабства и цѣпи духовнаго порабощенія. И вторыя цѣпи приковываютъ ихъ къ своему положенію и къ существующему строю связью солидарности относительнаго порядка.

Субъективная форма относительной солидарности угнетенныхъ съ господствующею группою и съ существующимъ строемъ принимаетъ сознательное выраженіе въ тѣхъ построеніяхъ мысли, которыя оправдываютъ гнетъ и эксплуатацію, въ виду предполагаемыхъ ихъ необходимости и цѣлесообразности при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ. Это—точка зрѣнія апологетизма.

О рабствѣ духа говорилось неоднократно въ примѣненіи къ порабощенію интеллекта религіозными фантазмами ¹⁾. Но о рабствѣ

¹⁾ Fr. Bastiat, *Harmonies économiques*, стр. 459.—E. Dühring, *Cursus der National-und Socialökonomie*, 2-e Aufl., стр. 348—349.—Марксъ, *Гражданская война во Франціи*, стр. 47.

духа можно съ полнымъ основаніемъ говорить во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ воспитаніе, дрессировка, долгія традиціи и, быть можетъ, наслѣдственность до такой степени освоили угнетенныхъ съ своимъ положеніемъ, что они считаютъ его вполне нормальнымъ и неизбѣжнымъ, что они не могутъ себя даже представить въ другомъ положеніи. Тогда позволительно говорить объ инстинктѣ рабства и даже о потребности рабства. Такъ, у нѣкоторыхъ дикарей женщины до такой степени свыклись съ представленіемъ о томъ, что всѣ грубыя физическія работы, это—ихъ удѣлъ, что онѣ скандализуются, когда видятъ, что бѣлые путешественники исполняютъ нѣкоторыя изъ этихъ работъ. Среди полинезійцевъ существуетъ вѣрованіе, что загробною жизнью пользуются лишь знатные и могущественные люди, обыкновенные же люди недостойны этого дара второй жизни, и ихъ душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Въ теократіяхъ и деспотіяхъ массы проявляютъ собачью покорность и теряютъ всякое чувство человѣческаго достоинства. Чѣмъ чудовищнѣе система гнета, тѣмъ легче развивается лезть и пресмыкательство, тѣмъ больше можетъ прогрессировать низость и моральное вырожденіе. Сицилійцы воздвигли статую Верресу. Въ эпоху римской имперіи не только аристократія, но и народъ, которому не за что было бояться, соперничалъ въ низости и пресмыкательствѣ съ сенатомъ. Общество живетъ и дышитъ въ атмосферѣ, отравленной деморализаціею. Потребность повиноваться, по выраженію Луи-Блана, становится для народа первою необходимостью. «Порабощенный классъ, повидимому, забываетъ всякую идею о человѣческомъ равенствѣ и впадаетъ совершенно въ состояніе какъ бы домашнихъ животныхъ, въ которомъ онъ думаетъ только объ удовлетвореніи своихъ самыхъ животныхъ потребностей» ¹⁾. Для «истиннаго соціалиста» Мозеса Гесса порабощеніе народныхъ массъ въ Средніе Вѣка не было случайнымъ, но необходимымъ состояніемъ, соотвѣтствовавшимъ вполне какъ «сочетанію внутренней духовной слабости съ низостью души» подчиненныхъ, такъ и «духовной силѣ и величію души властителя». Мнѣніе невѣрное и несправедливое, но вытекающее у Мозеса Гесса не изъ какихъ-либо апологетическихъ воззрѣній, а изъ пессимистическаго отношенія къ народнымъ способностямъ.

Отсюда слѣдуетъ, что трезвая мысль—какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ—должна тщательно воздерживаться отъ идеализаціи народныхъ массъ и соціальныхъ группъ, ихъ способностей, ихъ восприимчивости къ идеямъ эмансипаціи. Она должна быть также далеко отъ оптимизма, какъ и отъ пессимизма. Идеализація ведетъ, въ результатѣ реакціи, къ противоположной крайности—къ разочарованію и пессимизму. Случаи подобной идейной реакціи особенно часто имѣютъ мѣсто въ эпохи общественной реакціи. У Плутарха сохранилось трогательное преданіе о предсмертномъ крикѣ Гая Гракха. Оставленный въ рѣшительную минуту тѣмъ самымъ народомъ, для блага котораго онъ

¹⁾ Justo, Teoria y práctica de la historia, стр. 161.

трудился всю жизнь, великій трибунъ излилъ передъ алтаремъ богини Діаны свою горечь по поводу измѣны и неблагодарности этого народа, заслуживающаго того, чтобы вѣчно рабствовать...

Апологетизмъ, какъ оправданіе гнета, эксплуатаціи, соціального неравенства, является въ нѣкоторомъ отношеніи противоположностью идеализаціи. Апологетизмъ признаетъ необходимость зла въ общественной жизни и даже цѣлесообразность его въ виду несовершенства природы людей; напротивъ того, идеализація массъ ставитъ на пьедесталъ ихъ и ихъ способности. Тѣмъ не менѣе апологетизмъ есть своего рода идеализація, но идеализація не массъ и не угнетенныхъ или эксплуатируемыхъ соціальныхъ группъ, а историческаго процесса и общественныхъ отношеній со всѣмъ заключающимся въ нихъ зломъ. Апологетизмъ обыкновенно ассоціируется съ историческимъ фатализмомъ, съ идеею цѣлесообразности историческаго процесса и съ признаніемъ историческихъ миссій тѣхъ или другихъ соціальныхъ группъ, тѣхъ или другихъ соціальныхъ отношеній. Съ точки зрѣнія апологетическихъ теорій, извѣстныя формы общественныхъ отношеній, хотя бы и основанныхъ на гнетѣ, эксплуатаціи и соціальномъ неравенствѣ, необходимы, ибо онѣ соотвѣтствуютъ несовершенству или недостаточному развитію человѣческихъ способностей, точнѣе—способности большинства людей; онѣ цѣлесообразны, ибо онѣ—наиболѣе совершенныя при данныхъ условіяхъ, и всякія другія формы влекли бы за собою общественное зло еще въ большихъ размѣрахъ; онѣ имѣютъ, наконецъ, историческую миссію готовить общество и самыя массы, являющіяся жертвою гнета и эксплуатаціи, къ высшимъ ступенямъ соціальнаго развитія, которыя не могли бы быть достигнуты безъ прохожденія предшествующихъ фазъ, въ свою очередь невозможныхъ безъ общественнаго зла. Всякое общественное зло, съ подобной точки зрѣнія, есть лишь относительное зло, а, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ и относительное благо. Жертвы общественнаго зла должны, какъ вытекаетъ изъ подобныхъ воззрѣній, мириться съ своимъ положеніемъ, поскольку таковое неизбежно при данныхъ условіяхъ, поскольку оно является наименьшимъ зломъ при данныхъ условіяхъ, и поскольку оно готовится возможность перехода единственно возможнымъ путемъ къ меньшему злу или даже къ полному устраненію зла.

Подобно тому какъ порабощеніе духа создаетъ субъективныя условія для порожденія иллюзіи солидарности въ представленіи угнетенныхъ по отношенію къ угнетателямъ, апологетическая мысль куётъ формулы и девизы той же относительной солидарности, становящіяся субъективными нормами практической работы для всѣхъ тѣхъ, которые принимаютъ данную точку зрѣнія.

Врядъ ли найдется такое общественное зло и такая общественная неправда, которыя не нашли бы себѣ оправданія, какъ необходимыя и цѣлесообразныя, въ той или другой школѣ философовъ, историковъ, соціологовъ, юристовъ, экономистовъ. Всѣ виды духовнаго и матеріальнаго угнетенія, всѣ формы эксплуатаціи, паразитизма и соціальнаго

неравенства, всѣ формы жестокости, бѣдствій, страданій, организованнаго суевѣрія и организованнаго человѣконенавистничества, рабство, крѣпостничество, нищета, всѣ деспотизмы, всѣ узурпаціи, войны и милитаризмъ, существованіе кастъ, сословій, классовъ,—все это находило сознательныхъ или безсознательныхъ, явныхъ или скрытыхъ апологетовъ и поклонниковъ. Магическая сила факта окружала его обаяніемъ въ глазахъ изслѣдователей и дѣлала его предметомъ особаго культа. Фактъ изъ предмета изученія превращался въ предметъ почитанія. И это—лишнее основаніе для законности сближенія апологетической мысли съ рабствомъ духа. Между тѣмъ апологетизмъ часто выступалъ подъ покровомъ науки. Произведенія людей науки и многія теоріи, считающіяся научными, полны подобными пережитками мысли.

Но замѣчательнѣе всего то, что подобные пережитки мысли проникли въ доктрины, борющіяся съ духомъ апологетизма и въ своей прикладной части выдвигающія принципы и требованія всесторонней эмансипаціи человѣчества. Соціалистическія доктрины—какъ періода «утопическаго соціализма», такъ и послѣдующаго періода «научнаго соціализма», заключаютъ съ себѣ не мало апологетическихъ элементовъ. Достаточно напомнить объ экономическомъ фатализмѣ, о теоріи миссій, постепенно выполняемыхъ различными классами въ историческомъ развитіи общества, теоріи, вытекающей, въ свою очередь, изъ теоріи развитія производительныхъ силъ Маркса и связанной съ воззрѣніями школы Сэнъ-Симона. Марксъ бичевалъ апологетизмъ исторической школы права, «которая сегодня совершаемая низости оправдываетъ вчерашними, которая объявляетъ мятежомъ всякій протестъ крѣпостнаго раба противъ кнута, если только это—кнутъ старый, прирожденный, историческій». Марксъ бичевалъ апологетизмъ экономистовъ, оправдывавшихъ эксплоатацію наемнаго труда необходимостью вознагражденія хозяина за его организаторскія функціи въ производствѣ; онъ приводилъ ему въ параллель апологетизмъ рабовладѣльцевъ и защитниковъ рабства, которые доказывали права господина, основанныя на его организаторской роли въ общей для него и для рабовъ хозяйственной коопераціи ¹⁾. Но теорія Маркса и Энгельса приписываетъ историческую миссію каждой изъ доселѣ существовавшихъ общественныхъ формъ, основанныхъ на гнетѣ и эксплоатаціи массъ; она заключаетъ въ себѣ историческій апологетизмъ и рабства, и крѣпостничества, и системы капитализма на опредѣленной фазѣ общественнаго развитія. Энгельсъ опредѣлилъ рабство, какъ необходимую и наиболѣе естественную форму коопераціи и общественнаго раздѣленія труда въ начальной стадіи развитія производительныхъ силъ общества. Намъ ужъ приходилось говорить объ апологіи крѣпостничества въ школѣ Маркса. Что касается капитализма, то, съ точки зрѣнія той же доктрины, онъ долженъ развиваться и будетъ раз-

¹⁾ Марксъ, Къ критикѣ философіи права Гегеля, Литературное наслѣдство, т. I, стр. 518.—Марксъ, Капиталъ, т. I, стр. 464 и т. III, стр. 313.

виваться до тѣхъ поръ, покажѣтъ онъ не выполнить до конца своей исторической миссіи подготовленія основъ грядущаго общества. Одинъ критикъ-марксистъ замѣчаетъ, что изъ теоріи Маркса и изъ признаваемыхъ его школою фактовъ вытекаютъ законность и необходимость существованія въ настоящее время капиталистовъ, какъ класса, не выполнившего еще вполне своей миссіи и продолжающаго отправлять полезную функцію организаціи производства ¹⁾.

Но если такъ, то этимъ устанавливается въ теоріи относительная солидарность между рабомъ и рабовладѣльцемъ, крѣпостнымъ и помѣщикомъ, наемнымъ рабочимъ и капиталистомъ. Съ точки зрѣнія подобной теоріи, именно эта относительная солидарность узаконяетъ до-поры до-времени хозяйственный строй, зиждущійся на отношеніяхъ гнета и эксплуатаціи. Таково послѣдствіе сочетанія въ одной теоріи принципа классовой борьбы и принципа развитія производительныхъ силъ общества. Между интересами классовъ можетъ существовать антагонизмъ; но этому антагонизму приписывается относительный характеръ тогда, когда между интересомъ господствующаго класса и интересомъ развитія производительныхъ силъ общества предполагается солидарность.

III.

Относительный характеръ социальныхъ антагонизмовъ вліяетъ на направленіе сознаний и на распредѣленіе силъ социальныхъ группъ. Въ многочисленныхъ случаяхъ подавляется совершенно сознание существующаго антагонизма. Въ другихъ случаяхъ подавляется или ослабляется стремленіе къ борьбѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ борьба происходитъ, или гдѣ существуетъ опасность ея возникновенія, часто образуются временныя или болѣе устойчивыя комбинаціи, временныя или болѣе устойчивыя союзы социальныхъ группъ, связанныхъ—объективно или субъективно—относительною солидарностью.

Социальныя силы объединяются или разъединяются въ зависимости отъ того, беретъ ли верхъ относительная солидарность социальныхъ группъ надъ ихъ относительнымъ антагонизмомъ, или же, напротивъ того, относительный антагонизмъ ихъ беретъ верхъ надъ ихъ относительною солидарностью.

Во время борьбы въ древнемъ Римѣ плебса съ патриціатомъ, часть богатыхъ плебейскихъ семействъ сблизилась съ патриціями и солидаризировалась съ ними въ борьбѣ противъ собственнаго сословія; относительная солидарность, вытекавшая изъ одинаковости имущественнаго ранга, брала у нихъ верхъ надъ антагонизмомъ, вытекавшимъ изъ существованія сословныхъ привилегій у патриціевъ. Другая часть высшаго

¹⁾ G. Sorel, *Saggi di critica del marxismo*, стр. 322.

плебса осталась, напротивъ того, вѣрна дѣлу плебеевъ; у нихъ идейная и сословная солидарность стояла выше интересовъ ранга имущественнаго. Послѣ завоеванія Англіи норманами тѣ англо-саксы, которыми удавалось, благодаря лести и угодничеству, возвышаться до высокихъ степеней, становились союзниками враговъ своей націи, томившейся подъ игомъ побѣдителей. Напротивъ того, норманы-завоеватели и англичане-завоеватели, акклиматизировавшіеся въ Ирландіи, чувствовали себя ирландцами наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ острова и защищали вмѣстѣ съ нимъ независимость Ирландіи противъ англичанъ, которые смотрѣли на нихъ, какъ на враговъ, совершенно такихъ же, какъ и настоящіе ирландцы.

Правило «divide et impera» (разъединяй, чтобы властвовать) применялось всегда силами гнета, сознательно или безсознательно, въ цѣляхъ лучшаго обезпеченія своего господства. Смыслъ этого правила сводится къ тому, чтобы, обостряя относительный антагонизмъ подчиненныхъ группъ, парализовать возможные проявленія ихъ относительной солидарности въ отношеніи къ общему врагу. Такъ, господствующій классъ Спарты искусственно поддерживалъ вражду и распри между илотами и лаконянами, между мотаками и неодамодами, чтобы между ними не могла составиться какая-либо коалиція. Такъ, Платонъ совѣтовалъ не имѣть въ одномъ домѣ многихъ рабовъ одной и той же національности. Такъ, испанскіе конквистадоры въ Америкѣ разжигали между индѣйцами взаимную ненависть и междоусобія. Такъ, французскій абсолютизмъ до 1789 года и австрійскій абсолютизмъ до 1848 года держали различные классы населенія въ взаимномъ отчужденіи и враждѣ.

Напротивъ того, относительный антагонизмъ между господствующими группами часто содѣйствовалъ дѣлу эмансипаціи. Борьба партій и внѣшнія войны въ древнемъ мірѣ иногда влекли за собою отпущеніе на волю многочисленныхъ рабовъ. Борьба между императорскою властью и политическими силами Италіи въ XI вѣкѣ, борьба въ самой Италіи между феодалами и городами, между высшими и низшими феодалами, — вся эта сложная борьба принесла въ концѣ концовъ волю крѣпостнымъ и рабамъ. Взаимное соперничество феодаловъ часто влекло за собою дарованіе муниципальных вольностей городамъ. Борьба феодальныхъ бароновъ съ королевскою властью въ Англіи создала конституціонный строй въ этой странѣ. Реформація восторжествовала въ нѣкоторыхъ странахъ отчасти вслѣдствіе соперничества какъ между свѣтскими правителями и папою, такъ и между самими свѣтскими правителями. И первая, и вторая англійская революція не испытали осложненій отъ вмѣшательства иностранныхъ державъ, вслѣдствіе соперничества послѣднихъ. Великая французская революція не была разгромлена иностранною коалиціею, вслѣдствіе интригъ и соперничества между европейскими дворами. Династическая борьба между претендентами на престолъ была причиною введенія конституціоннаго строя въ Испаніи и Португаліи. Борьба между господствующими классами въ Англіи содѣй-

ствовала, въ числѣ другихъ причинъ, введенію рабочаго законодательства въ Англіи.

Относительная солидарность создается не только одинаковостью положенія, но и близостью и сходствомъ положеній. То это только солидарность въ чувствѣхъ и симпатіяхъ, то солидарность интересовъ и дѣйствій. Сходство въ положеніи угнетенныхъ разныхъ категорій, равно какъ и сходство въ положеніи господствующихъ группъ различнаго типа,—достаточная база для возникновенія устойчивыхъ формъ подобной солидарности.

Мишле отмѣтилъ черту большей гуманности, которую проявляли въ Римѣ по отношенію къ побѣжденнымъ генералы-плебеи. Та самая демократическая партія, которая опиралась на пролетаріатъ, требовала не только соціально-политическихъ преобразованій въ интересахъ бѣднаго класса гражданъ, но и расширенія правъ италійскихъ союзниковъ. Та же народная партія провела законъ о правѣ голосованія вольноотпущенниковъ. Римскіе пролетаріи никогда не требовали отпущенія на волю рабовъ, но они относились къ нимъ болѣе человѣчно, чѣмъ лица, принадлежавшія къ высшимъ классамъ, и вообще чувствовали себя въ моральной близости къ нимъ. Въ возстаніяхъ рабовъ часто принимали участіе свободные пролетаріи, примыкавшіе къ рабамъ; изъ нихъ многіе были впослѣдствіи обращаемы въ рабство. Когда, въ эпоху Столѣтней войны, разразилась жакерія, то городское населеніе, въ особенности бѣдный класъ горожанъ, симпатизировало возставшимъ крестьянамъ. Мало того, парижская буржуазія, съ Этьеномъ Марселемъ во главѣ, поддерживала сношенія съ жаками, чтобы согласовать военныя дѣйствія противъ общаго врага. Интересно, что въ то же самое время англійскіе бароны присоединились къ французскимъ баронамъ, съ которыми они же воевали, для совмѣстнаго истребленія бунтовщиковъ. Въ эпоху религіозныхъ преслѣдованій послѣ реформаціи гонимые выдвинули новую формулу свободы совѣсти для послѣдователей всѣхъ религіозныхъ сектъ. Даже католическая церковь, испытывая тяжесть гоненій въ протестантскихъ странахъ, извѣдавшая не мало горечи отъ анти-клерикальной политики свѣтской власти, заговорила о правахъ свободы ¹⁾. Вообще, индивидуумы, принадлежащіе къ какой-нибудь угнетенной группѣ—только такой, которая не стремится стать въ свою очередь угнетающею—часто обнаруживаютъ особую воспріимчивость къ пониманію положенія другихъ угнетенныхъ группъ и къ проявленію солидарности по отношенію къ жертвамъ гнета вообще.

Еще болѣе устойчивымъ характеромъ обладаетъ солидарность между всѣми силами гнета. Въ историческихъ судьбахъ человѣчества играла всегда огромную роль та взаимная поддержка, которую оказывали другъ

¹⁾ Еретики, преслѣдуемые официально церковью въ первые вѣка христіанства, тоже требовали религіозной свободы. Но, когда они, какъ напр. аріане, получили власть, они становились нетерпимыми по отношенію къ католикамъ и всячески ихъ преслѣдовали.

другу стихій тьмы и порабощенія. Всѣ виды деспотизма солидарны. Политическій деспотизмъ, религіозное порабощеніе духа, классовый гнетъ и всѣ мрачныя инстинкты національнаго и государственнаго шовинизма охотно подавали другъ другу руки въ общей работѣ матеріальнаго и духовнаго подчиненія человѣка ¹⁾). Личность, скованная видимыми и невидимыми цѣпями гнета, подавлялась и изуродовалась въ обширной темницѣ, которою для нея становилась искусственно созданная вокругъ нея социальная среда. И она оказывалась безпомощною и ничтожною передъ могучимъ союзомъ властныхъ силъ, которыми она была покорена.

Союзъ гнетущихъ силъ основанъ на существованіи между ними солидарности относительной. Въ извѣстныя эпохи и при извѣстныхъ обстоятельствахъ между политическимъ абсолютизмомъ, классовымъ господствомъ, національною идеею, религіознымъ вѣрованіемъ могутъ имѣть мѣсто конфликты. Но то общее, что связываетъ эти силы, какъ источники гнета хотя и различныхъ видовъ, проявляетъ тенденцію къ объединенію ихъ относительною солидарностью и къ подавленію ихъ относительнаго антагонизма.

Особенно часто на помощь социальнымъ силамъ гнета приходитъ религія. Требованіе преклоненія передъ трансцендентальнымъ существомъ на основаніи того, что оно обладаетъ силою, является само по себѣ такимъ требованіемъ, съ которымъ легко ассоціируется требованіе покорности передъ всякою господствующею общественною силою. Школа религіознаго смиренія есть наилучшая школа дрессировки духа въ рабствѣ. Тертуліанъ доказывалъ величіе и права Бога по аналогіи съ правами и величіемъ римской императорской власти ²⁾). Извѣстно, какимъ образомъ представленіе о небесной бюрократіи выработалось по аналогіи съ римскою императорскою бюрократіею. Католическая церковь, въ свою очередь, санкціонировала и обожествляла политическій деспотизмъ, она давала религіозное оправданіе всѣмъ видамъ социальнаго и классоваго неравенства. Она оправдывала даже подчиненіе и униженіе женщины, какъ виновницы грѣхопаденія. О солидарности религіи съ деспотизмомъ и вообще съ силами гнета писали Гердеръ и Кондорсе, Сень-Симонъ и Прудонъ, Бланки и Марксъ ³⁾). Связь эта особенно замѣтна въ эпохи реакціи.

¹⁾ F. Laurent, *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, t. VI, стр. 463; t. XII, стр. 55—56.—Guizot, *Histoire de la civilisation en Europe*, русск. перев., стр.—104.—E. Vandervelde, *Essais socialistes*, Paris, 1906, стр. 18—21.

²⁾ Tertulliani *Apologeticus adversus gentes*. XXIV и XXXIV.—Ср. Cournot, *Traité de l'enchaînement des idées*, t. II, стр. 452.

³⁾ Herder, *Ideen zur Philosophie der Geschichte*, XIX, II, 3.—Condorcet, *Tableau historique*, стр. 201.—Saint-Simon, *Nouveau Christianisme*.—Proudhon, *Idée générale de la Révolution au XIX-e siècle* (*Oeuvres*, t. X), стр. 261.—Marx, *Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie*.—Aug. Blanqui, *Critique sociale*, t. II, стр. 113.—Ср. Bebel, *Die Frau*, стр. 400; Van Kol, *Socialisme et liberté*, стр. 74—75; R. de la Grasserie, *Des religions comparées au point de vue sociologique*, стр. 335; Justo, *Teoria y práctica de la historia*, стр. 475—481.

Объединенію силъ на одномъ полюсѣ соотвѣтствуетъ объединеніе силъ и стремленій на противоположномъ полюсѣ. Въ эпохи борьбы за эмансипацію является тенденція расширять требованія и идеалы за предѣлы частныхъ задачъ, выставленныхъ даннымъ движеніемъ. Въ подобныя эпохи растетъ сознаніе относительной солидарности подчиненныхъ группъ.

ГЛАВА X.

Условія сознательной эмансипаціи.

I.

Эмансипація соціальной группы, если она имѣетъ мѣсто, можетъ быть достигнута въ результатѣ либо стихійнаго, либо сознательнаго процесса.

Сознательный процессъ отличается отъ стихійнаго тѣмъ, что въ первомъ участвуютъ сознательныя силы, планомерная и цѣлесообразная работа которыхъ развиваетъ энергію, необходимую для того, чтобы направить въ опредѣленную сторону движеніе, характеризующее данный процессъ.

Для того, чтобы могла возникнуть сознательная борьба за освобожденіе соціальной группы, необходимо, стало быть, чтобы явилась сознательная сила, сообщающая первоначальный сознательный импульсъ движенію, которое до того или вовсе не проявлялось, или проявлялось лишь какъ движеніе стихійное. Это—сила сознательной инициативы. Чисто стихійное движеніе чуждо вліянія сознательной инициативы.

Отношенія между соціальными группами, господствующими и подчиненными, насколько они зависятъ отъ стихійныхъ процессовъ, происходящихъ въ общественной жизни, не подчинены никакому безусловному закону эмансипаціи. Они могутъ оставаться неизмѣнными, т. е. не подверженными никакому движенію, въ теченіе неопредѣленно долгаго времени. Стихійное движеніе, разъ оно возникло, можетъ не приводить ни къ какому рѣшительному результату. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда стихійное движеніе приводитъ къ нѣкоторой формѣ эмансипаціи, то чаще всего она достигается крайне медленно, цѣною значительныхъ жертвъ со стороны подчиненной группы, цѣною компромиссовъ, часто носитъ половинчатый характеръ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ искупается появленіемъ новыхъ формъ гнета и эксплуатаціи.

Сознательныя силы эмансипаціи берутъ на себя инициативу движенія, если оно отсутствуетъ, отводятъ движеніе въ надлежащее русло, если оно уже возникло стихійно, работаютъ для усиленія движенія

въ ширь и въ-глубь и прилагають свою енергію къ наиболѣе полному рѣшенію задачи эмансипаціи и къ успѣшному достиженію цѣли, при наибольшей экономіи времени и силъ.

Въ случаѣ процесса сознательной борьбы за эмансипацію, торжество дѣла тоже не обезпечивается никакимъ безусловнымъ закономъ. Побѣда зависитъ отъ ряда условій. Эти условія относятся къ даннымъ, какъ зависящимъ отъ работы инициативныхъ силъ, такъ и отъ нихъ не зависящимъ. По мѣрѣ того, какъ жизнь удовлетворяетъ все болѣе и болѣе этимъ условіямъ, увеличивается вѣроятность успѣха. Появленіе инициативы и интенсивность ея работы входятъ тоже въ рядъ условій, отъ которыхъ зависитъ степень вѣроятности результата. Чѣмъ больше энергіи развиваетъ инициатива, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, вѣроятнѣе побѣды. Соціологическія нормы, относящіяся къ категоріи интересующихъ насъ здѣсь зависимостей, могутъ давать только вѣроятности различныхъ порядковъ. Но въ практикѣ, для участниковъ и зрителей движенія, эта вѣроятность можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ граничить съ достовѣрностью.

Условія эмансипаціи соціальной группы различаются въ зависимости отъ тѣхъ причинъ, которыми порождаются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ гнетъ, эксплуатація, соціальное неравенство.

Если причина подчиненія лежитъ исключительно въ примѣненіи господствующей группой силы, насилія и принужденія, то эмансипація подчиненной группы можетъ быть достигнута противопоставленіемъ силы силѣ. Если это—сила самой подчиненной группы, то подобная сила можетъ быть организована лишь тогда, когда имѣется на лицо достаточно развитое сознаніе. Такъ, политическое подчиненіе плебеевъ въ Римской республикѣ санкціонировалось силою государственной власти, первоначально сосредоточенной почти всецѣло въ рукахъ патриціевъ; плебеи, сознавъ свои нужды, стали дѣйствовать и бороться какъ организованная сила, которая въ концѣ концовъ одержала верхъ надъ противникомъ и завоевала политическую эмансипацію плебеевъ.

Если подчиненіе соціальной группы носитъ добровольный характеръ, и насиліе при этомъ не играетъ никакой роли, то подчиненіе—исключительно результатъ состоянія сознаній этой группы. Такъ, религіозныя вѣрованія, побуждающія людей позволять колдунамъ, жрецамъ и служителямъ культа морально и матеріально ихъ эксплуатировать, являются продуктомъ не насилія, а ихъ собственной психологіи, которая, впрочемъ, сама могла быть продуктомъ воспитанія и дрессировки. Подобныя формы подчиненія не могутъ быть, конечно, устранены силою. Онѣ сами собою отпадаютъ въ результатѣ развитія сознаній тѣхъ, которыя являются жертвами своей собственной психологіи. Роль инициативныхъ силъ здѣсь сводится къ развитію сознанія подчиненной группы, къ воздѣйствію на ея психологію. Можетъ случиться, что организованная сила господствующихъ группъ становится на пути подобной работы. Такъ, нѣкогда брамины объявили безпощадную войну буддизму, когда по-

слѣдній сталъ подрывать основы кастоваго строя; брамины, соединившись со свѣтскою властью, прибѣгли къ системѣ насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ буддистамъ, которые были побѣждены въ Индіи. Въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ мѣсто уже вмѣшательство силы. И противъ такого примѣненія силы можетъ, конечно, также бороться успѣшно сила.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда гнетъ, эксплуатація и социальное неравенство являются результатомъ только хозяйственно-гражданскаго оборота, они могутъ быть устранены лишь измѣненіемъ характера этого гражданскаго оборота. Если преобразование самаго характера гражданскаго оборота производится не стихійно дѣйствующими экономическими причинами, а сознательною и планомѣрною дѣятельностью людей, участвующихъ или долженствующихъ участвовать въ гражданскомъ оборотѣ, то необходимо, конечно, чтобы они прониклись сознаніемъ необходимости этой перемѣны, чтобы они знали основанія новой формы оборота, чтобы они обладали способностями, необходимыми для успѣшнаго функционирования новаго механизма общественныхъ отношеній, и чтобы они имѣли въ своемъ распоряженіи силы и средства, необходимыя для осуществленія новой формы общежитія. Таковы, напримѣръ, условія зарожденія и нормальной жизни коммунистическихъ общинъ, возникавшихъ и возникающихъ, на подобіе оазисовъ, въ окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ индивидуалистическихъ общественныхъ агрегатахъ. Когда рѣчь идетъ о распространеніи новаго гражданскаго оборота на все общество, какъ на политическое цѣлое, то указанный рядъ условій заключаетъ въ себѣ, конечно, также требованіе, чтобы общество могло управлять своими собственными дѣлами, чтобы государственный строй общества имѣлъ, стало быть, демократическую форму. Вообще же измѣненіе гражданскаго оборота предполагаетъ наличность извѣстныхъ способностей, силъ и сознаній.

Случаи, въ которыхъ подчиненіе социальной группы имѣетъ только добровольный характеръ, или является результатомъ только насилія, или вытекаетъ исключительно изъ хозяйственно-гражданскаго оборота, менѣе часты, чѣмъ тѣ случаи, въ которыхъ участвуетъ совмѣстное дѣйствіе двухъ или трехъ причинъ. Большое значеніе при этомъ имѣетъ относителъный характеръ социальныхъ антагонизмовъ. Но во всѣхъ случаяхъ сознательная эмансипація достижима лишь при условіи рожденія силъ и сознаній. Количество силъ и уровень сознаній, обусловливающихъ возможность эмансипаціи, зависятъ отъ характера той эмансипаціонной задачи, которая выдвигается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ однихъ комбинаціяхъ преимущественное значеніе имѣетъ уровень сознанія, въ другихъ—наличность силы. Отъ раба не требуется никакой сознательности, чтобы отпустить его на волю; для этого достаточно доброе желаніе его господина или воздѣйствіе силы на его господина. Но индусъ способенъ стряхнуть съ себя цѣпи кастоваго гнета лишь въ томъ случаѣ, когда онъ созналъ ложность поработившей его духъ браманистской

вѣры. Членъ коммунистической общины долженъ руководиться сознательнымъ убѣжденіемъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ получающимъ религіозную окраску, напр., въ религіозно-коммунистическихъ общинахъ). Съ другой стороны, ростъ сознаний и ростъ силъ могутъ быть связаны отношеніемъ взаимодѣйствія.

Итакъ, возможность эмансипаціи соціальной группы вообще зависитъ отъ трехъ условій—отъ наличности силъ, наличности сознаний и отъ появленія сознательной инициативы, способной и къ самостоятельной работѣ, и къ пробужденію силъ и сознаний, когда они еще находятся въ потенціальномъ состояніи, и къ управленію движеніемъ, когда оно уже проявилось въ стихійной формѣ.

Для сознательной инициативы, поставившей себѣ задачу освобожденія какой-нибудь подчиненной соціальной группы, различные элементы этой соціальной группы, равно какъ и другіе общественные элементы, представляются, по уровню своихъ способностей, обладающими различною степенью воспримчивости къ освободительному идеалу.

II.

Во взаимоотношеніи силъ, отъ котораго зависитъ возможность эмансипаціи подчиненной группы, наиболѣе важное значеніе имѣютъ два момента—численность и организація.

Какова, прежде всего, роль чиселъ въ борьбѣ двухъ антагонистическихъ группъ?

При прочихъ равныхъ условіяхъ, верхъ беретъ, какъ само собою понятно, группа болѣе многочисленная.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда подчиненіе соціальной группы обусловлено не однимъ только примѣненіемъ голой силы, но хоть до нѣкоторой степени связано съ состояніемъ психологіи индивидуумовъ, составляющихъ группу, эмансипація группы возможна лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы психологія группы, какъ массы, подверглась измѣненію, соотвѣтствующему природѣ освободительнаго преобразованія. Эмансипація духа, эмансипація сознаний массъ должна въ подобныхъ случаяхъ предшествовать ихъ матеріальному освобожденію. Тамъ, гдѣ требуется ломка традиціоннаго міровоззрѣнія массы, входящей въ группу, для того чтобы она поняла цѣну свободы и захотѣла своей собственной эмансипаціи, гдѣ требуется не только стремленіе избавиться отъ цѣпей настоящаго гнета, но и сознаніе новой формы общественныхъ отношеній, которая должна наступить на смѣну отрицаемаго строя, гдѣ требуется не только свобода, но и умѣніе ею пользоваться въ интересахъ той же эмансипаціи, гдѣ новый строй требуетъ не пассивнаго пользованія завоеванными благами, но и самодѣтельности и постоянной работы массъ, участвующихъ въ цѣлесообразныхъ отправленіяхъ новаго общественнаго механизма,—тамъ освобожденіе соціальной группы можетъ быть дѣломъ

только самой этой группы въ томъ смыслѣ, что группа, какъ масса, участвуетъ сознательно въ процессъ, ведущемъ къ ея собственной эмансипаціи, проявляя усиліе мысли, усиліе воли и усиліе активного дѣйствія. Въ подобныхъ случаяхъ самодѣятельность группы не можетъ быть замѣнена вмѣшательствомъ посторонней силы, равно какъ не можетъ быть замѣнена сознательною работою только части этой группы, составляющей ея меньшинство.

Отъ власти колдуновъ и жрецовъ могла спасать дикарей, настоящихъ и культурныхъ, только внутренняя эмансипація ихъ отъ суевѣрія, невѣжества и преклоненія передъ фантомами. Объ освобожденіи индусовъ-паріевъ отъ кастового гнета не могло быть и рѣчи до тѣхъ поръ, покамѣстъ они фанатически вѣрили, что преданность ихъ кастовому культу въ настоящей жизни повыситъ кастовый рангъ ихъ души въ грядущей жизни. Въ демократическомъ строѣ побѣждаютъ лишь тѣ партіи и теченія, которыя имѣютъ на своей сторонѣ активное большинство населенія. Свободныя коммунистическія общины могли возникать и преуспѣвать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда члены ихъ сознавали смыслъ и цѣнность своего идеала и неустанно работали надъ проведеніемъ его въ жизни. Переходъ индивидуалистически-буржуазнаго строя въ коллективистическую форму общественной жизни возможенъ лишь подъ условіемъ осуществленія полной демократіи и подъ условіемъ, чтобы общественныя массы сознательно стремились къ коренному преобразованію строя и способны были въ жизни проводить новыя начала. Въ подобныхъ случаяхъ никакая сила, посторонняя самой группѣ, никакое меньшинство этой самой группы не можетъ своею работою замѣнить самодѣятельность группы, не можетъ принести группѣ эмансипацію, безъ собственнаго усилія ея, какъ массы.

Напротивъ того въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ гнетъ, эксплуатація и социальное неравенство обусловлены примѣненіемъ лишь силы и насилія, эмансипація социальной группы можетъ быть достигнута не только ея собственною самодѣятельностью, но и вмѣшательствомъ посторонней силы, и борьбою противъ источника гнета лишь меньшинства социальной группы. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ извѣстная степень самодѣятельности подчиненной группы является поддержкою или стимуломъ для борющейся посторонней силы или для борющагося активного меньшинства.

Намъ неоднократно приходилось уже говорить о случаяхъ эмансипаціи социальныхъ группъ, подъ вліяніемъ дѣйствія внѣшнихъ силъ и при отсутствіи или недостаточномъ проявленіи самодѣятельности подчиненной группы. Борьба партій и общинъ иногда вела въ древнемъ мірѣ къ освобожденію поработенныхъ массъ, какъ, на примѣръ, рабовъ или илотовъ въ Лаконіи. Послѣ побѣдъ варваровъ, потерпѣли крушеніе римскій фискально-муниципальный режимъ и коллегіи, въ которыхъ была закрѣпощена, какъ особая каста, масса рабочихъ. Борьба англійскихъ бароновъ съ королевскою властью дала политическія гарантіи всей націи.

Реформація въ Германіи была спасена какъ политикою французскихъ католическихъ королей, такъ, и вмѣшательствомъ протестантскаго шведскаго короля Густава Адольфа. Крѣпостничество въ нѣкоторыхъ странахъ было упразднено силою правительственной власти. Рабство негровъ въ англійскихъ и французскихъ колоніяхъ было также отмѣнено законодательными постановленіями сверху. Освобожденіе негровъ въ южныхъ штатахъ Сѣверо-Американской республики не было результатомъ возстанія самихъ невольниковъ, но было послѣдствіемъ успѣшнаго для аболиціонистовъ исхода гражданской войны между двумя частями республики. И во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ социальныя завоеванія имѣли прочный характеръ.

Возможность эмансипаціи подчиненной группы подъ вліяніемъ вмѣшательства внѣшней социальной силы объясняется тѣмъ, что внѣшняя сила можетъ превосходить тѣ силы гнета, которымъ она противопоставляется. Но возможно ли и какимъ образомъ возможно достиженіе той же эмансипаціи силами борющагося меньшинства?

Что подчиненная группа можетъ быть освобождена силами борющагося меньшинства,—это объясняется тѣмъ, что сама господствующая группа обыкновенно представляетъ собою меньшинство по отношенію ко всему обществу или къ подчиненнымъ группамъ и классамъ, и что смѣна господства группъ часто является смѣною одного господствующаго меньшинства другимъ господствующимъ меньшинствомъ. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ угнетенная группа численно не отличается отъ господствующей группы, какъ въ случаѣ угнетенія пола, или численно ей уступаетъ, какъ въ опредѣленномъ рядѣ случаевъ національнаго и религіознаго угнетенія. Вообще же угнетенныя массы численно превышаютъ господствующую группу и большею частью образуютъ подавляющее большинство общества.

Въ деспотіяхъ правители и ихъ агенты всегда были ничтожнымъ меньшинствомъ по отношенію ко всему поработченному населенію. Римская аристократія была ничтожнымъ меньшинствомъ по отношенію къ массамъ, надъ которыми она господствовала. Илоты численно превышали во много разъ правящій классъ спартіатовъ. Рабы во много разъ превышали число рабовладѣльцевъ. Число крѣпостныхъ во много разъ превышало число ихъ господъ. Варвары-завоеватели были ничтожнымъ меньшинствомъ по отношенію къ покореннымъ народамъ Римской имперіи. Завоеватели-арабы были незначительнымъ меньшинствомъ по отношенію къ покореннымъ и поработченнымъ ими христіанамъ и язычникамъ. Норманны были незначительнымъ меньшинствомъ по отношенію къ покоренному ими населенію Англіи. Европейцы были незначительнымъ меньшинствомъ по отношенію къ побѣжденному ими краснокожему населенію Америки. Англичане всегда составляли меньшинство по отношенію къ коренному населенію Индіи, въ которой они господствовали и господствуютъ, а бѣлые, эксплуатировавшіе цвѣтное населеніе всѣхъ частей свѣта, были всюду среди этого населенія незначи-

тельнымъ меньшинствомъ. И въ настоящее время всюду, гдѣ массы страдаютъ отъ гнета политическаго и классоваго, отъ эксплуатаціи и социальнаго неравенства, поскольку даже эти формы подчиненія вытекаютъ изъ примѣненія силы и насилія, а не только изъ характера гражданскаго оборота и состоянія сознаний,—всюду эти массы составляютъ большинство, и часто огромное большинство населенія.

Въ тѣхъ социальныхъ отношеніяхъ, которыя основаны на примѣненіи силы и насилія, возможность господства меньшинства надъ большинствомъ объясняется тѣмъ, что въ подобныхъ отношеніяхъ рѣшающее значеніе имѣетъ не столько взаимоотношеніе чиселъ, сколько организація силы. Соціальная группа, хотя и немногочисленная, но обладающая организованною силою или поддерживаемая организованною силою, имѣетъ средства и возможность прочно господствовать надъ социальною группою болѣе многочисленною. На помощь къ силѣ она въ извѣстныхъ случаяхъ призываетъ дѣйствіе соотвѣтственнаго воспитанія массъ.

Что господство группъ и классовъ было обычно господствомъ организованнаго меньшинства надъ неорганизованнымъ большинствомъ, неоднократно высказывалось и въ школѣ Маркса, и другими изслѣдователями. «Господствующій классъ, писалъ Энгельсъ, всегда составлялъ лишь незначительное меньшинство въ сравненіи съ подчиненной народной массой. Такъ свергалось одно правящее меньшинство, а на его мѣсто другое меньшинство захватывало кормило власти и измѣняло государственныя учрежденія сообразно своимъ интересамъ» ¹⁾. Марксъ писалъ о силахъ гнета, что онѣ «имѣютъ всѣ преимущества организаціи, дисциплины и обычнаго авторитета», которымъ успѣшно можетъ быть противопоставлена только «достаточно крѣпкая сила» ²⁾. Гумпловичъ и Ант. Менгеръ говорятъ объ организаціяхъ господства въ исторіи, какъ объ орудіи господства меньшинства надъ большинствомъ въ интересахъ меньшинства ³⁾.

Теперь для насъ ясно, почему и какимъ образомъ возможно освобожденіе подчиненной группы силами борющагося меньшинства. Тамъ, гдѣ меньшинство господствуетъ, опираясь на организованную силу, господство его можетъ быть сломлено другимъ организованнымъ меньшинствомъ, борющимся въ интересахъ подчиненнаго большинства. Это организованное меньшинство можетъ взять верхъ надъ господствующимъ меньшинствомъ, если оно способно противопоставить послѣднему силу, количественно или качественно достаточную, для того, чтобы разрушить, парализовать или сильно разстроить механизмъ силы господствующаго меньшинства.

¹⁾ Энгельсъ, Предисловіе къ «Классовой борьбѣ во Франціи», стр. VIII, а также Происхожденіе семьи, стр. 148.

²⁾ Марксъ, Революція и Контръ-революція въ Германіи, стр. 76.

³⁾ Gumpłowicz. Der Rassenkampf, I, XXXV; и Grundriss der Soziologie, 2-е Aufl., стр. 190—193, 195 и 241—242.—Ант. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ, стр. 3.

Въ первой изъ двухъ англійскихъ революцій XVII-го вѣка борьба Долгаго Парламента съ королемъ была борьбою меньшинства противъ меньшинства. Народныя массы оставались по большей части пассивны и принимали лишь незначительное участіе въ борьбѣ. Судьба Англіи иногда зависѣла отъ сраженія, въ которомъ дрались всего нѣсколько тысячъ человѣкъ. Но побѣда меньшинства, примкнувшаго къ Парламенту, была побѣдою всей страны и вмѣстѣ съ тѣмъ и народныхъ массъ ¹⁾. Вторая англійская революція 1688-го года была дѣломъ меньшинства, принадлежавшаго къ высшимъ классамъ, но она имѣла огромное значеніе для политической эмансипаціи всего англійскаго народа ²⁾. Политическія революціи XIX-го вѣка, какъ іюльская революція 1830 года, февральская революція 1848 года, 4-ое сентября 1870 года, мартовская революція въ Берлинѣ, вѣнская революція 1848 года и революціи въ Испаніи и Италіи были дѣломъ то организованнаго, то даже неорганизованнаго меньшинства.

Въ случаѣ, если организація силы господствующаго меньшинства имѣетъ централистическій характеръ, разстройство центральныхъ функцій механизма господства легче всего ведетъ къ побѣдѣ борющагося меньшинства. Этимъ объясняется огромная роль столицъ, напримѣръ, въ политическихъ переворотахъ. Извѣстно значеніе Лондона въ обѣ англійскія революціи, извѣстно значеніе Парижа въ цѣломъ рядѣ французскихъ переворотовъ, значеніе Берлина и Вѣны въ возстаніяхъ 1848 года. Нѣкоторые перевороты были осуществлены инициативою и активнымъ выступленіемъ столицъ. Столицы—не только центры правительственныхъ механизмовъ, но и огромныя скопища людей, воспріимчивыхъ къ преобразовательнымъ идеямъ. Огюстенъ Тьерри отмѣчаетъ особую роль парижской буржуазіи и парижскаго населенія въ политическихъ движеніяхъ Франціи. «Парижъ, говоритъ онъ, былъ городомъ крупной торговли и большихъ научныхъ учрежденій, умственная дѣятельность развивалась тамъ шире, чѣмъ во всякомъ другомъ городѣ королевства» ³⁾. То же самое пишетъ Токвиль о политической роли Парижа со времени великой французской революціи: «Въ настоящее время почти всѣ, кажется, согласны, что административная централизація и всемогущество Парижа значительно способствовали паденію всѣхъ тѣхъ правительствъ, которыя на нашихъ глазахъ смѣняли другъ друга въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ. Я безъ труда покажу, что тому же обстоятельству слѣдуетъ приписать большую роль во внезапной и насильственной гибели старой монархіи, и что его необходимо отнести къ числу главнѣйшихъ причинъ этой первой революціи, носившей въ себѣ зародыши всѣхъ послѣдующихъ переворотовъ» ⁴⁾. Марксъ писалъ, что «вооружить

¹⁾ Thor. Rogers, Travail et salaires en Angleterre, стр. 379—382, и Interpretation économique de l'histoire, стр. 86.

²⁾ Guizot, Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre, стр. 137—139 и 148—150.

³⁾ August. Thierry, Histoire du Tiers-Etat, стр. 71—72 и 74.

⁴⁾ Токвиль, Старый порядокъ и Революція, стр. 93.

Парижъ значило вооружить революцію»; что «проводить централизацію» значило «подготавливать механизмъ революціи»; и что рѣшенія такого центра въ странѣ, какъ Лондонъ или Парижъ, «въ силу своего вѣса, могутъ устранить необходимость продѣлывать одну и ту же битву въ каждой отдѣльной мѣстности» ¹⁾. Но опредѣлять такъ высоко коэффициентъ вліянія столицъ въ общественныхъ переворотахъ значитъ ставить столь же высоко роль меньшинства и его борьбы въ общественныхъ движеніяхъ и производимыхъ ими преобразованіяхъ ²⁾.

Результаты, достигнутые побѣдою борющагося меньшинства, могутъ, какъ нами уже говорилось нѣсколько разъ, отличаться большою прочностью. Устойчивость формъ эмансипаціи, завоеванныхъ меньшинствомъ, зависитъ отъ тѣхъ же условій, какъ и устойчивость всякихъ завоеваній вообще. Существенное условіе этой устойчивости заключается въ томъ, чтобы благопріятное для осуществленія переворота соотношеніе силъ не переставало быть благопріятнымъ и для сохраненія, и для умноженія сдѣланныхъ завоеваній въ періодъ времени, наступающій вслѣдъ за переворотомъ. Въ противномъ случаѣ на смѣну его можетъ явиться контръ-революція и восторжествовать реакція. Опасность возврата къ старому строю отсутствуетъ лишь въ томъ случаѣ, когда организація власти отнята у господствовавшей до сихъ поръ группы и всецѣло передана группѣ эмансипированной. Опасность эта тѣмъ меньше, чѣмъ сознательнѣе массы, освобожденные побѣдою борющагося меньшинства, и чѣмъ больше сочувствія и поддержки встрѣчаетъ въ нихъ это меньшинство. Побѣда эмансипаціи тѣмъ прочнѣе, чѣмъ больше, вслѣдъ за переворотомъ, дѣлается для того, чтобы привязать массы къ новой формѣ общественной жизни, чтобы развить ихъ сознаніе и чтобы воспитать ихъ въ началахъ эмансипаціи.

III.

Воспріимчивость заключается въ способности группъ и индивидуумовъ, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ импульсовъ и причинъ, ассимилировать себѣ извѣстныя идеи и проникаться стремленіями, соотвѣтствующими природѣ этихъ идей.

Для сознательной инициативы, стремящейся къ рѣшенію задачи эмансипаціи, всѣ общественные элементы, соціальныя группы, классы, подгруппы и подклассы представляются обладающими различною степенью воспріимчивости къ дѣлу эмансипаціи. И отъ сознательной ини-

¹⁾ Марксъ, Гражданская война во Франціи, стр. 27; Классовая борьба во Франціи, стр. 93, Революція и Контръ-революція въ Германіи, стр. 8.

²⁾ Каутскій, въ своей полемикѣ противъ Бернштейна, говоритъ, что вся масса класса никогда не борется, а лишь отборная часть его, и что это достаточно свидѣтельствуетъ о зрѣлости класса (Kautsky, Le Marxisme et son critique Bernstein, стр. 359).—Французскій марксистъ Поль-Луи высказывается противъ взгляда Жореса о плодотворности только такихъ переворотовъ, которые произведены большинствомъ (Paul Louis, Les étapes du socialisme, стр. 282).

ціативы исходятъ импульсы, дѣйствующіе на сознаніе достаточно воспріимчивыхъ элементовъ и превращающіе всюду, гдѣ возможно, заключающіяся въ нихъ энергіи въ явныя силы.

Воспріимчивость къ дѣлу эмансипаціи есть воспріимчивость къ идеямъ обновленія, и при томъ только такимъ идеямъ обновленія, которыя связаны съ требованіемъ движенія впередъ по пути эмансипаціи. Эти два условія не совпадаютъ и не всегда встрѣчаются вмѣстѣ.

Воспріимчивость есть перемѣнная величина, измѣняющаяся при переходѣ отъ индивидуума къ индивидууму, отъ одного интереса къ другому, отъ одного момента и одной эпохи къ другому моменту и къ другой эпохѣ. На воспріимчивость вліяють индивидуальныя свойства людей, общія свойства категорій людей, характеризуемыхъ какимъ-либо одинаковымъ признакомъ, та или другая оцѣнка нѣкотораго интереса, факты и событія, дѣйствующіе на современниковъ.

Индивидуальная воспріимчивость людей, равно какъ индивидуальныя свойства ихъ, не можетъ, какъ и все индивидуальное, быть подведено подъ какую-либо общую норму. Она часто связана съ идейными и моральными чертами характера личности—качествами, существенно также индивидуальными.

Опредѣленіе соотношенія между воспріимчивостью общественныхъ элементовъ къ дѣлу эмансипаціи и свойствами этихъ элементовъ и ихъ положенія представляется весьма сложною задачею, требующею спеціальнаго изслѣдованія. Здѣсь мы ограничимся указаніемъ на зависимость воспріимчивости отъ степени и интенсивности гнета и подчиненія соціальной группы, отъ относительнаго положенія группы или подгруппы въ соціальной іерархіи, отъ плотности сообщенія и точекъ соприкосновенія между индивидуумами, составляющими подчиненную соціальную группу, отъ особенностей пола, отъ особенностей возраста.

Дѣйствіе степени и интенсивности гнета или эксплуатаціи на воспріимчивость подчиненной группы различно въ зависимости отъ того, остается ли состояніе этой группы стаціонарнымъ, или же испытываетъ перемѣну въ смыслѣ перехода изъ лучшаго въ худшее или же изъ худшаго въ лучшее.

Въ случаѣ стаціонарнаго состоянія гнета, степень воспріимчивости, повидимому, не опредѣляется степенью остроты гнета. Рабы не возставали въ Аѳинахъ, гдѣ съ ними обращались сравнительно мягко; они возставали въ другихъ греческихъ государствахъ, гдѣ съ ними обращались хуже. Но изъ подобныхъ фактовъ не слѣдуетъ дѣлать вывода о томъ, что воспріимчивость массъ къ освободительнымъ импульсамъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе испытываемый ими гнетъ, и обратно. Въ варварскихъ и восточныхъ деспотіяхъ самыя чудовищныя формы порабощенія не вызываютъ въ массахъ никакого стремленія къ протесту и борьбѣ. Напротивъ того, онѣ становятся традиціею, онѣ воспитываютъ въ рабскихъ чувствахъ нарождающіяся поколѣнія.

Измѣненія въ положеніи подчиненной группы—какъ такіа, которыя улучшаютъ это положеніе, такъ и такіа, которыя его ухудшаютъ,—дѣйствуютъ обыкновенно на ея воспріимчивость. Но это дѣйствіе не подчиняется какому-либо закону простого соотвѣтствія.

Ухудшеніе положенія подчиненной группы обыкновенно усиливаетъ ея воспріимчивость и ея склонность къ борьбѣ и возмущенію. Въ возстаніяхъ рабовъ въ древности наиболѣе активную роль играли не тѣ, которые родились въ рабствѣ, а обращенные въ рабство свободные военноплѣнные. Борьба плебеевъ съ патриціями приняла острый характеръ съ тѣхъ поръ, какъ страданія ихъ дошли до крайней степени, вслѣдствіе эксплуатаціи ихъ господствующимъ классомъ, которая все болѣе и болѣе разоряла плебеевъ и отдавала ихъ во власть патриціевъ. Крѣпостные крестьяне возмущались во Франціи и въ Германіи тогда, когда положеніе ихъ становилось особенно невыносимымъ, какъ, напри- мѣръ, въ періодъ Столѣтней войны, когда усугубленіе обычнаго гнета бѣдствіями отъ войны вызвало жакерію, или въ періодъ крестьянскихъ войнъ въ Германіи, когда угнетеніе сельскаго населенія дворянами усилилось, вслѣдствіе дѣлаго ряда политическихъ и экономическихъ причинъ. Возмущеніе англійскихъ рабочихъ въ первую половину XIX вѣка приняло острый характеръ, подъ вліяніемъ бѣдствій, связанныхъ съ развитіемъ капитализма въ ту эпоху.

Если примѣненіе силы, соединенное съ дѣйствіемъ привычки и воспитанія, дѣлаетъ новый уровень жизни обычнымъ и традиционнымъ, то масса подчиненной группы можетъ въ концѣ концовъ съ нимъ примириться, и ея воспріимчивость не отличается отъ той, которая соотвѣтствуетъ стаціонарному состоянію гнета.

Особенною воспріимчивостью къ возмущенію противъ гнета, эксплуатаціи и соціального неравенства отличаются элементы, по происхожденію и воспитанію принадлежащіе къ господствующимъ группамъ, но въ силу различныхъ причинъ оторванные отъ нихъ и передвинутые внизъ по соціальной іерархіи въ плоскость прикосновенія съ подчиненною группою. Эти элементы, по своему положенію, испытываютъ лично послѣдствія существующихъ соціальныхъ отношеній; по своему образованію, они обладаютъ кругозоромъ, достаточнымъ для проявленія сознательнаго къ нимъ отношенія; а, по своимъ запросамъ, они легко вовлекаются въ активную борьбу противъ формъ угнетенія. Тѣмъ приписывалъ въ исторіи великой французской революціи большую роль значенію выбитыхъ изъ своего классоваго положенія и изъ своего соціального ранга элементовъ ¹⁾. Бланки считалъ эти деклассированные элементы (*déclassés*) лучшимъ ферментомъ соціального движенія ²⁾.

¹⁾ Taine, *La Révolution*, t. I, стр. 271, и II, стр. 35.

²⁾ Blanqui, *Critique sociale*, t. I, стр. 219—220.—Ср. Ch. Malato, *Les classes sociales*, стр. 22—23 и 45.

Если положеніе подчиненной группы измѣняется къ лучшему, то это можетъ вести къ двумъ противоположнымъ результатамъ.

Или сознание антагонизма смягчается, подчиненная группа до известной степени примиряется съ своимъ положеніемъ, и борьба либо теряетъ свой острый характеръ, либо не возникаетъ вовсе, либо прекращается, если она имѣла мѣсто. Рабы не возставали болѣе въ Римской имперіи послѣ того, какъ положеніе ихъ стало смягчаться. Угнетенныя націи и религіозныя общества часто примирались съ своимъ положеніемъ, когда господствующею группою имъ дѣлались нѣкоторыя уступки. Улучшеніе положенія рабочихъ въ отдѣльныхъ странахъ, отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, отдѣльныхъ категоріяхъ квалифицированнаго труда и въ отдѣльные періоды экономическаго развитія, часто вело къ умиротворенію ихъ и къ потерѣ восприимчивости къ идеалу интегральнаго освобожденія.

Или же, напротивъ того, подъемъ соціальной группы, не вышедшей вполне изъ состоянія подчиненія, возбуждаетъ въ ней стремленіе возвыситься еще болѣе и усиливаетъ ея восприимчивость къ освободительной борьбѣ. Еще Аристотелю было извѣстно, что нѣкоторое возвышеніе матеріальнаго благосостоянія массъ, сопровождаемое нѣкоторымъ интеллектуальнымъ развитіемъ, является стимуломъ для большихъ требованій и возможною причиною возмущенія массъ. Въ новое время эта мысль была въ конкретной формѣ примѣнена Токвилемъ въ отношеніи къ состоянію общества и буржуазіи во Франціи въ эпоху, предшествовавшую великой революціи. Что повышеніе жизненнаго уровня усиливаетъ восприимчивость къ возмущенію, высказывалось послѣ того многими изслѣдователями, какъ Спенсеръ, Гумпловичъ, Лебонъ, Колаянни, Ж. Сорель. По словамъ Фюстель-де-Куланжа, низшіе классы въ Аѳинскомъ государствѣ почувствовали тягость своего положенія и вступили въ борьбу съ эвпатридами какъ разъ тогда, когда, послѣ отмѣны царской власти, ихъ положеніе дѣйствительно улучшилось. Ибо «человѣческая природа такова, что эти люди, по мѣрѣ того, какъ судьба ихъ улучшалась, съ тѣмъ большею горечью сознавали то неравенство, которое еще оставалось» ¹⁾. Возстаніе англійскихъ крестьянъ въ 1381 г. послѣдовало не за ухудшеніемъ, а за улучшеніемъ ихъ положенія, хотя возможно, что попытки сеньеровъ взять обратно силою сдѣланныя ими уступки были непосредственнымъ поводомъ къ возстанію. Въ періодъ, предшествовавшій первой англійской революціи XVII вѣка, средніе классы пользовались экономическимъ благосостояніемъ, и, по мнѣнію Огюстена Тьерри, равно какъ и Гизо, подъемъ ихъ игралъ большую роль среди причинъ, вызвавшихъ революцію. «Когда жить становится легче, мысль, менѣе ограниченная, обращаетъ свой взоръ впередъ; люди начинаютъ тогда обсуждать свое положеніе; они открываютъ въ немъ препятствія, такъ какъ желанія увеличились, и является мучительная

¹⁾ Fustel de Coulanges, La cité antique, стр. 313.

потребность въ перемѣнѣ» ¹⁾). Но съ наибольшею яркостью выяснилъ, какъ мы уже замѣтили, указанную связь по отношенію къ французской революціи Токвиль. «Одно обстоятельство,—пишетъ онъ,—поражаетъ насъ съ перваго взгляда. Революція, задача которой состояла, собственно, въ томъ, чтобы повсюду уничтожить остатки средневѣковыхъ учрежденій, вспыхнула не въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти учрежденія лучше сохранились и наиболѣе давали чувствовать народу свою стѣснительность и суровость, а, напротивъ, тамъ, гдѣ народъ всего меньше страдалъ отъ нихъ; такъ что ихъ иго казалось наиболѣе невыносимымъ тамъ, гдѣ оно, въ дѣйствительности, было наименѣе тяжкимъ» ²⁾). Токвиль показываетъ, что революціонный духъ проникъ въ тѣ мѣста Германіи, гдѣ положеніе вещей было аналогично тому, что было тогда во Франціи, и что въ самой Франціи революція встрѣтила наиболѣе ожесточенное и продолжительное сопротивленіе тамъ, гдѣ лучше всего сохранился старый порядокъ; «такимъ образомъ, можно сказать, что французы находили свое положеніе тѣмъ болѣе невыносимымъ, чѣмъ больше оно улучшалось» ³⁾). Токвиль описываетъ прогрессъ въ администраціи и картину экономическаго благоденствія Франціи въ послѣдній періодъ, предшествовавшій революціи. «Это кажется удивительнымъ, — продолжаетъ Токвиль,—но вся исторія полна примѣровъ этого рода. Не всегда приводитъ къ революціямъ переходъ отъ худого къ худшему. Чаше всего случается, что народъ, переносившій безъ жалобъ и какъ будто нечувствительно самые тягостные законы, буйно сбрасываетъ съ себя ихъ бремя, какъ только оно облегчается... Зло, которое переносилось терпѣливо, какъ нѣчто неизбежное, кажется невыносимымъ при мысли, что отъ него можно избавиться... Зло, правда, уменьшилось, но зато чувствительность возросла... Революція произошла не по причинѣ этого благополучія; но духъ, который долженъ былъ ее произвести, этотъ духъ дѣятельный, безпокойный, интеллигентный, новаторскій, честолюбивый, этотъ демократическій духъ новыхъ обществъ началъ оживать все и, прежде чѣмъ совершить моментальный переворотъ въ обществѣ, оказался достаточно сильнымъ, чтобы его возбудить и развить» ⁴⁾).

Итакъ, воспріимчивость подчиненной группы къ освободительнымъ движеніямъ можетъ усиливаться то отъ ухудшенія, то отъ улучшенія ея положенія. Переходъ отъ худшаго къ лучшему можетъ дѣйствовать то благопріятно, то неблагопріятно на ростъ этой воспріимчивости. Отсюда слѣдуетъ, что развитіе воспріимчивости зависитъ не только отъ динамики положенія подчиненной группы, но и отъ другихъ условій.

¹⁾ Augustin Thierry, Dix ans d'études historiques, стр. 56.—Guizot, Histoire de la révolution d'Angleterre, t. I, стр. 66 и 79, а также Discours.

²⁾ Токвиль, Старый порядокъ и Революція, стр. 38.

³⁾ Ibid., стр. 196, 258—259 и 324—325.

⁴⁾ Ibid., стр. 192—200, 196—197 и 325.—Jaurès, La Constituante, стр. 28 и 60.—G. Sorel, Les illusions du progrès, въ Mouvement Socialiste № 180, novembre, 1906, стр. 247—248.

Условія эти должны быть таковы, чтобы рѣзче обострять непримиримое отношеніе подчиненной группы къ данному положенію вещей. Сознаніе невыносимости существующихъ отношеній можетъ быть результатомъ непосредственныхъ страданій, которыя причиняются ущербомъ, наносимымъ ряду непосредственныхъ и насущныхъ интересовъ; но оно можетъ быть также результатомъ противорѣчія между реальною дѣйствительностью и интересомъ не столько непосредственнымъ и частнымъ, сколько общимъ и идейнымъ. Преобладаніе подобнаго интереса обыкновенно предполагаетъ существованіе нѣкоторой интеллектуальной культуры и въ извѣстныхъ случаяхъ нѣкоторой атмосферы свободы. Это — одно изъ возможныхъ условій возникновенія указаннаго противорѣчія, вліяющаго на ростъ воспріимчивости подчиненной группы къ требованію дальнѣйшей эмансипаціи, когда эмансипація уже отчасти осуществлена.

Синдикальное движеніе обыкновенно охватываетъ вначалѣ высшіе разряды рабочаго класса и болѣе квалифицированные его элементы, а потомъ уже распространяется на остальную массу пролетаріевъ, тогда какъ политическое движеніе, въ самой крайней своей формѣ, часто вербовало наиболѣе многочисленные свои кадры въ рядовой массѣ пролетаріата. Синдикальное движеніе обыкновенно растетъ въ періоды экономическаго подъема, а политическое — обыкновенно въ періоды экономическаго упадка. Усиленіе рабочихъ синдикатовъ, въ смыслѣ денежныхъ средствъ и численности организованныхъ ими рабочихъ, часто сопровождается принятіемъ ихъ синдикальной политики болѣе умѣреннаго характера, а во многихъ случаяхъ и окрашиваніемъ всего міровоззрѣнія рабочихъ въ оппортунистическій цвѣтъ. Какъ эти приближительныя обобщенія, такъ и многочисленные исключенія изъ нихъ объясняются между прочимъ преимущественнымъ вліяніемъ то дѣйствія непосредственнаго интереса, то дѣйствія болѣе общаго и идейнаго интереса, и измѣненіемъ воспріимчивости массъ, группъ, разрядовъ въ зависимости отъ соціальной обстановки. Ибо синдикальное движеніе — оставляя въ сторонѣ теченіе «революціоннаго синдикализма» — чаще преслѣдуетъ интересы непосредственные, чѣмъ интересы общіе, а политическое движеніе преслѣдуетъ то тѣ, то другіе, то и тѣ и другіе вмѣстѣ.

Уже отсюда видно, какою сложностью отличаются условія воспріимчивости къ дѣлу эмансипаціи. Всякая теорія эмансипаціи, которая опирается по существу лишь на одно конкретное условіе воспріимчивости, чужда научнаго характера. Вотъ почему интерпретація доктрины Маркса, относящейся къ динамикѣ положенія пролетаріата и къ ея вліянію на грядущее крушеніе капитализма, привела къ столькимъ фикціямъ и противорѣчіямъ. То признаніе Марксомъ и его школою обусловленности всякаго соціально-политическаго переворота экономическимъ кризисомъ, то допущеніе въ школѣ Маркса возможности или даже необходимости грядущаго переворота при условіяхъ экономиче-

скаго процвѣтанія общества; то объясненіе политическаго подъема буржуазіи ея экономическимъ подъемомъ, то выведеніе неизбежности грядущаго господства пролетаріата вслѣдствіе его экономическаго приниженія; то признаніе тенденціи компромиссовъ въ странахъ наиболѣе промышленныхъ, то приведеніе въ связь наибольшей соціалистической воспріимчивости пролетарскихъ массъ съ темномъ развитіи капиталистической промышленности; то принятіе теоріи «абсолютнаго обнищанія», то призываніе на помощь, въ виду протеста фактовъ, теоріи абсолютнаго подъема и относительнаго ухудшенія положенія рабочихъ массъ... Не условія воспріимчивости опредѣляются на основаніи изученія фактовъ, а необходимость примирить предвзятую теорію съ фактами является основой для установленія условій воспріимчивости. Но эти послѣднія не укладываются въ Прокрустово ложе предвзятой теоріи. Этого не требуютъ, съ другой стороны, ни факты, ни идеалы. Мы ужъ не говоримъ здѣсь о томъ, что, при изученіи вопроса о ростѣ сознаний, часто игнорируется вопросъ о силахъ.

Относительное положеніе группъ, подгруппъ и индивидуумовъ въ соціальной іерархіи, какъ мы уже видѣли, сильно вліяетъ на степень воспріимчивости ихъ къ дѣлу эмансипаціи. Чѣмъ слабѣе относительная солидарность между подчиненными и господствующими группами, тѣмъ рѣзче чувствуется антагонизмъ, тѣмъ сильнѣе воспріимчивость подчиненной группы. Благопріятную почву для роста воспріимчивости представляетъ соединеніе нѣсколькихъ формъ гнета, одновременно тяготящихъ надъ подчиненной группою въ ея отношеніяхъ къ господствующей группѣ. Тогда обѣ группы отдѣлены другъ отъ друга особорѣзкою гранью. Въ другихъ случаяхъ относительная солидарность можетъ парализовать или смягчать сознаніе антагонизма. Это бываетъ, напримѣръ, тогда, когда группа, подчиненная въ одномъ отношеніи или по отношенію къ высшимъ, является господствующею въ другомъ отношеніи или по отношенію къ высшимъ. Это бываетъ въ обществахъ, построенныхъ на началахъ этажеобразной іерархіи. Это бываетъ въ группахъ и подгруппахъ, гдѣ интересъ непосредственный, частный, профессиональный, цеховой, корпоративный подавляетъ интересы общіе и идейные. Поведеніе высшихъ и отборныхъ элементовъ подчиненныхъ группъ или низшихъ элементовъ промежуточныхъ группъ зависитъ отъ взаимоотношенія дѣйствій интересовъ того и другого рода: напомнимъ о роли однихъ и другихъ высшихъ элементовъ римскаго плебса въ борьбѣ его съ патриціатомъ, о роли диссидентовъ господствующихъ группъ во всѣхъ движеніяхъ, о роли тѣхъ или другихъ категорій тредъюніонизма и умственнаго пролетаріата въ новѣйшемъ рабочемъ движеніи. На слабую сравнительно степень воспріимчивости женщины къ борьбѣ за ея собственную эмансипацію вліяютъ сильно связи относительной солидарности.

Кто подвергался гнету и преслѣдованіямъ, тотъ проникается симпатіею къ другимъ угнетаемымъ и преслѣдуемымъ. Относительная соли-

дарность связывает подчиненныя группы хотя и различныхъ типовъ. Если преслѣдованія и гнетъ усиливаются, то раздоры и несогласія между подгруппами, входящими въ составъ угнетаемой группы, прекращаются, и относительная солидарность беретъ верхъ надъ относительнымъ антагонизмомъ:

Воспріимчивость соціальной группы много зависитъ отъ матеріальной легкости передачи идей между индивидуумами группы и той внутренней связи между послѣдними, которая обусловлена степенью сосредоточенія группы въ предѣлахъ опредѣленной территоріи. Чѣмъ ближе другъ къ другу живутъ люди, чѣмъ гуще населеніе, чѣмъ болѣе компактны массы, помощью которыхъ проявляется человѣческая дѣятельность, тѣмъ быстрѣе и лучше воздѣйствованіе однихъ людей на другихъ, тѣмъ сильнѣе вліяетъ коллективная психологія; и тѣмъ легче самое организованіе силъ. Поэтому городская культура всегда была болѣе благопріятна для распространенія новыхъ идей и новыхъ стремленій. Поэтому городское населеніе болѣе воспріимчиво къ духу обновленія и обладаетъ болѣе подвижнымъ темпераментомъ, чѣмъ деревенскія массы, склонныя къ консерватизму.. Въ своемъ «Introduction à la Révolution française» Барнавъ писалъ слѣдующее о крестьянинѣ: «Бѣдный, разсѣянный по деревнямъ, поработенный своими потребностями, онъ еще болѣе поработенъ зависимостью отъ природы своихъ работъ, которая отдѣляетъ его отъ другихъ людей и его изолируетъ. Только столпленіе людей въ городахъ даетъ слабымъ средство сопротивляться своимъ числомъ силѣ могущественнаго человѣка, а прогрессъ искусствъ дѣлаетъ эти столпленія многочисленными и постоянными» ¹⁾. Въ древности населеніе большихъ и въ особенности промышленныхъ городовъ считалось особо склоннымъ къ новшествамъ и волненіямъ всякаго рода. Тиранъ Пизистратъ принималъ мѣры противъ увеличенія числа горожанъ. Крестьяне упорнѣе всѣхъ держались своей старой языческой вѣры, когда христіанство торжествовало побѣды въ городахъ; отъ нихъ, какъ извѣстно, произошло даже латинское названіе язычниковъ (paganus). Возмущеніе противъ католической церкви поднялось прежде всего въ промышленныхъ странахъ и областяхъ. Англійская революція встрѣтила враговъ въ средѣ крестьянъ Корнваллиса, а французская революція—въ средѣ крестьянъ Вандейскихъ деревень. Реакція часто находила пріютъ и убѣжище въ деревнѣ. Но тутъ дѣло, конечно, не въ природной невоспріимчивости, а въ меньшей культурности крестьянъ и въ условіяхъ деревенской жизни. И потому, городскіе и промышленные рабочіе болѣе воспріимчивы къ освободительнымъ идеямъ, чѣмъ рабочіе сельско-хозяйственные. Въ прежніе вѣка ткачи проявляли больше подвижности и революціонной воспріимчивости, чѣмъ, напри- мѣръ, изолированныя и замкнутыя въ деревнѣ рудокопы.

1) J a u r è s, La Constituante, стр. 100.—Ср. Марксъ, Революція и Контрреволюція въ Германіи, стр. 8, 19 и 49; Классовая борьба во Франціи, стр. 62; Восемнадцатое Брюмера, стр. 89 и 91; Гражданская война во Франціи, стр. 16.

Восприимчивость женщины представляет нѣкоторыя особенности, сравнительно съ мужчиною, въ виду традицій подчиненій пола и его послѣдствій, въ виду положенія женщины въ семьѣ и, быть можетъ, въ виду особой природы способностей, связанныхъ съ ея поломъ. Въ общемъ, женщина не можетъ считаться менѣе восприимчивою къ освободительнымъ стремленіямъ, чѣмъ мужчина; но отъ степени культурности женщины, отчасти обусловленной указанными причинами, зависитъ, въ какую сторону направлена энергія этой восприимчивости. Въ религіозныхъ движеніяхъ женщина постоянно играла значительную роль. Восточные культы находили въ Римѣ самыхъ горячихъ адептовъ среди женщинъ всѣхъ классовъ. Страбонъ писалъ, что женщинамъ и низшимъ классамъ философія не доступна, что имъ «необходимо суевѣріе». Извѣстно, что, при появленіи христіанства, самою восприимчивою средою для распространенія новой религіи были женщины. Спустя нѣсколько вѣковъ, Магометъ нашелъ первыхъ учениковъ и послѣдователей въ женщинахъ, рабахъ, юношахъ. Съ другой стороны, энергія, проявляемая женщиною въ борьбѣ за свою собственную эмансипацію, возникла поздно и до сихъ поръ развивалась медленно. Что касается соціально-политическихъ движеній, на примѣръ новаго времени, то въ однихъ изъ нихъ роль женщины была весьма значительна, въ другихъ, какъ, напр., въ рабочемъ синдикальномъ движеніи, она довольно слаба, хотя и развивается. Но возвышеніе культуры и подъемъ духа демократіи сдѣлають, конечно, свое дѣло.

Юношескій возрастъ болѣе восприимчивъ къ идеямъ обновленія, а, слѣдовательно, и къ идеямъ эмансипаціи, чѣмъ возрастъ зрѣлый. Молодежь также болѣе склонна къ непосредственной борьбѣ за интересы эмансипаціи. Извѣстно, какую роль молодежь всѣхъ классовъ играла въ соціально-политическихъ и инсurreкціонныхъ движеніяхъ послѣдняго вѣка. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что движеніе тѣмъ прочвѣе и устойчивѣе, чѣмъ въ меньшей степени участіе въ немъ составляетъ монополію какого-либо возраста.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что степень восприимчивости къ дѣлу эмансипаціи не есть качество, неизмѣнно присущее даннымъ группамъ или классамъ, — какъ это иногда утверждается, на примѣръ, въ школѣ Маркса ¹⁾, — но что она зависитъ отъ ряда сложныхъ условій и измѣняется вмѣстѣ съ этими условіями. Одно изъ существенныхъ условій, это — степень культурности индивидуумовъ, принадлежащихъ къ данной группѣ или подгруппѣ. По этой причинѣ господствующія группы часто заботились о томъ, чтобы держать подчиненныя массы въ тѣмъ и невѣжествѣ.

Восприимчивость группъ бываетъ различна въ зависимости отъ природы интереса, лежащаго въ основѣ антагонизма. Цѣнность интереса можетъ представляться людямъ различною въ различныя эпохи. Вотъ

¹⁾ См., напр., G e r h. K r a u s e, Die Arbeiterbewegung im Lichte der materialistischen Geschichtsauffassung, Berlin, 1891, стр. 33.

почему, между прочимъ, обостряется то политическая, то религіозная, то національная, то экономическая и классовая борьба.

На динамику воспріимчивости подчиненныхъ группъ дѣйствуютъ всѣ тѣ факты и событія, которые могутъ вліять въ томъ или другомъ направленіи на состояніе обычной ксности массъ, входящихъ въ эти группы. Событія могутъ встряхнуть массу, вывести ее изъ состоянія инерціи, пробудить ея сознаніе, развить ея самодѣятельность, или же, наоборотъ, они могутъ еще болѣе сковать ея сознаніе, ея волю, ея порывы, еще болѣе поработить ея духъ, еще болѣе возвысить авторитетъ традицій, требующихъ пассивной покорности и примиренія съ своею участью.

Надъ инертнымъ сознаніемъ массы тяготѣютъ сила традиціи, сила факта и чувство своего собственнаго безсилія. И потому все то, что производитъ крушеніе традицій, что потрясаетъ видимую неподвижность, что ослабляетъ господствующую группѣ,—все это эмансипируетъ духъ подчиненной массы и освобождаетъ въ извѣстной мѣрѣ присущую ей скрытую энергію. Обратное производитъ, *въ свою очередь, результаты противоположные.*

Воспріимчивость массъ ко всякаго рода движеніямъ обостряется часто какими-либо необычными событіями, потрясеніями, катастрофами чисто матеріальнаго свойства. Болѣе глубокое вліяніе имѣютъ потрясенія моральнаго порядка.

Религіозныя потрясенія часто дѣйствовали на народную психогію, выводя ее изъ традиціоннаго русла понятій и стремленій и выдвигая радикальные идеалы соціальныхъ преобразованій. Такъ, буддизмъ, который въ началѣ былъ только религіею не отъ міра сего, сталъ потомъ подрываться подъ основы кастоваго строя. Такъ, первобытное христіанство, въ проповѣди нѣкоторыхъ отцовъ церкви и въ ученіяхъ нѣкоторыхъ еретическихъ школъ, стало выдвигать радикальныя требованія эгалитарнаго и коммунистическаго свойства. Въ VI-мъ вѣкѣ, Маздакъ, великій жрецъ религіи Зороастра, принялся за реформированіе маздеизма, сталъ проповѣдывать практическій коммунизмъ и, пріобрѣтая могущественнаго прозелита въ лицѣ царя Парсовъ, произвелъ передѣлъ всѣхъ имуществъ. Въ магометанствѣ тоже возникли секты, требовавшія не только реформированія религіи, но и преобразованія общества на началахъ соціального равенства. Религіозно-реформаціонныя броженія въ Средніе Вѣка и въ болѣе новый періодъ исторіи часто прорикались духомъ стремленія къ кореннымъ соціальнымъ преобразованіямъ. Лолларды играли большую роль въ возстаніи англійскихъ крестьянъ 1387 г. Таборитское движеніе въ Богеміи связано съ проповѣдью Гуса. Крестьянская война въ Германіи разразилась въ атмосферѣ возбужденія, охватившаго страну подъ вліяніемъ религіозной реформации, и Боссюэтъ не безъ основанія обвинялъ лютеранство въ томъ, что, «питая духъ независимости», оно породило соціальную революцію. Мюнстерское возстаніе было попыткою осуществленія коммунистическаго преобразованія

въ атмосферѣ религіознаго энтузіазма. Нивелеры явились въ періодъ религіознаго возбужденія, сопровождавшаго первую англійскую революцію.

Примѣръ освободительной борьбы какой-нибудь группы и въ какомъ-нибудь мѣстѣ часто дѣйствовалъ заразительнымъ образомъ и вызывалъ подражанія другихъ группъ и въ другихъ мѣстахъ. Культура вообще распространяется путемъ подражанія, а волны эмансипаціи распространяютъ подражаніе инициативѣ. Такъ, борьба демократіи съ господствующимъ классомъ въ Римѣ стимулировала возстаніе угнетенныхъ союзниковъ. Такъ, подъемъ городскихъ коммунъ и борьба ихъ съ феодалами въ Средніе Вѣка подѣйствовали возбуждающимъ образомъ на крѣпостныхъ крестьянъ, которые стали подыматься для завоеванія своихъ правъ. Такъ, политическая инициатива Парижа, во время внутреннихъ кризисовъ, находила подражаніе въ другихъ городахъ Франціи. Такъ, протестантскій переворотъ въ Бернѣ далъ импульсъ реформаціи въ Женевѣ. Такъ, великая французская революція послала въ другія страны волны возбужденія, которыя въ послѣдствіи стимулировали цѣлый рядъ переворотовъ, подобно тому какъ нѣкогда американская революція повліяла извѣстнымъ образомъ на подготовленіе французской революціи. Іюльская и февральская революціи дали толчокъ многочисленнымъ политическимъ движеніямъ, вспыхнувшимъ въ разныхъ странахъ Европы. Вліяніе подобныхъ событій сказывается даже тамъ, гдѣ нѣтъ инсurreкціонныхъ кризисовъ въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, іюльская революція во Франціи повліяла на мирное проведеніе избирательной реформы въ Бельгіи и во Франціи.

Восприимчивость подчиненной группы къ освободительной борьбѣ усиливается тогда, когда, въ силу какихъ-либо причинъ, господствующее меньшинство ослабѣваетъ или испытываетъ какія-нибудь временныя затрудненія, облегчающія борьбу съ нимъ. Тогда для угнетенныхъ возникаетъ лучъ надежды. Рабы и вообще порабощенные элементы населенія въ древности возставали противъ своихъ господъ во время войнъ и въ особенности послѣ поражений. Когда, во время первой реставраціи Суллы, демократы, съ Маріемъ во главѣ, призвали на помощь рабовъ, обѣщая имъ свободу, то явилось только три человѣка; но, когда нѣкоторое время спустя, этотъ призывъ былъ повторенъ Цинною, и солдаты были на его сторонѣ, то на этотъ разъ явилась масса рабовъ. Военныя пораженія и финансовыя затрудненія правительствъ часто служили сигналомъ для поднятія борьбы противъ нихъ и для вынужденія ихъ на уступки. Требовательность сословій и въ особенности парижской буржуазіи достигла крайнихъ предѣловъ въ Столѣтнюю войну послѣ страшнаго пораженія французской арміи и плѣненія короля. Уступчивость правительствъ, которая можетъ быть дѣйствительнымъ или кажущимся результатомъ ихъ слабости, часто бываетъ началомъ революціи, какъ на руку революціи часто бываетъ явная нерѣшительность и колеблющаяся политика правительствъ. Гизо писалъ, что, «когда правительства ослабѣваютъ и дѣлаютъ меньше зла, тогда именно они и подвергаются нападеніямъ, которыя

только тутъ становятся возможными, а прежде были неудобноисполнимыми» ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ вѣрно то, что революціи часто начинаются самими правительствами.

Въ эпохи революціоннаго возбужденія соединенное дѣйствіе этихъ трехъ импульсовъ электризуетъ массы и индивидуумовъ. Нормальный ходъ вещей испытываетъ потрясеніе, крушеніе терпятъ традиціи и авторитеты, новые факты выступаютъ въ обаяніи новой силы, позиціи господствовавшихъ до того силъ шатаются и колеблются, ослабленіе противника увеличиваетъ смѣлость нападающихъ, успѣхъ все болѣе и болѣе ихъ ободряетъ, и подражаніе другимъ и самимъ себѣ все болѣе и болѣе повышаетъ температуру движенія. Тогда постепенно, но прогрессивно расширяются и углубляются идеалы движенія. Является стремленіе бороться не только противъ одной формы гнета, но и противъ гнета вообще. Сразу вырастаетъ сознаніе той относительной солидарности, которая существуетъ между всѣми угнетенными противъ всѣхъ силъ гнета. Частные освободительные идеалы развиваются въ требованіе борьбы противъ всѣхъ формъ матеріальнаго и духовнаго поработенія людей. Является идеаль всеобщей эмансипаціи. Массы перевоспитываются въ немногіе годы и мѣсяцы, рабы превращаются въ свободныхъ людей, и одно поколѣніе переживаетъ въ короткій періодъ цѣлые вѣка. Въ атмосферѣ энтузіазма происходятъ чудеса: дюжинныя личности становятся героями, самые невоспріимчивые элементы массъ преисполняются сознаніемъ и энергіею, и необычная обстановка очищаетъ и облагораживаетъ тѣхъ, которые нуждаются въ моральномъ возрожденіи.

Всѣ эпохи общественнаго подъема въ большей или меньшей степени подтверждаютъ данную нами общую характеристику. Достаточно напомнить о первой англійской, но въ особенности о великой французской революціи. Послѣдняя выдвинула идеалы эмансипаціи, которые нынѣ волнуютъ человѣчество. Атмосфера революціонной эпохи породила тѣ страстные исканія всеобщей эмансипаціи, которыя въ устахъ Кондорсе стали угрозою всѣмъ тиранніямъ и требованіемъ полного освобожденія мужчинъ и женщинъ, у Бриссо—призывомъ къ освобожденію всѣхъ угнетенныхъ народовъ и всего человѣчества безъ различія цвѣта кожи, у Гюаде—протестомъ противъ «рабства суевѣрія», а у Бабефа—возмущеніемъ противъ всякаго соціального неравенства и борьбою за коммунистическій идеаль.

Совершенно противоположныя явленія имѣютъ мѣсто въ эпохи реакціи и контръ-революціи. Тогда старые авторитеты получаютъ силу новой жизни, пораженіе обезкураживаетъ остатки борющихся, и примѣры отпаденія находятъ себѣ все большее число подражателей. Тогда дружно дѣйствуютъ соединенныя силы матеріальнаго и духовнаго гнета. Тогда ужасъ репрессій соединяется съ ужасомъ разочарованія. Тогда массы погружаются въ состояніе безнадежной апатіи. Тогда блекнетъ инициатива, и въ сферѣ мысли начинаютъ задавать тонъ идейные пере-

¹⁾ Гизо, Исторія цивилизаціи въ Европѣ, стр. 199.

житки и продукты духовнаго рабства. Тогда жизнь теряет цѣну. Тогда наступаетъ деморализація. Вырождается духъ, падаетъ сознаніе, меркнетъ совѣсть. Растутъ измѣны, предательства, ренегатства. Мистицизмъ подаетъ руку апологетизму, уродливый націонализмъ сочетается съ самыми чудовищными формами человѣконенавистничества, освободительные идеалы недавняго прошлаго предаются посмѣянію, мелкіе интересы овладѣваютъ всеобщимъ вниманіемъ, лесть и пресмыкательство передъ хозяевами положенія превращаются въ обычай, и каждый думаетъ лишь о мелочныхъ интересахъ своего момента, своего узкаго круга, своей собственной личности. Дискредитируются идеалы и служившія имъ силы и теченія. Въ самомъ лагерѣ прежнихъ бойцовъ, вѣрнѣе среди ихъ остатковъ, наступаетъ идейный разбродъ и мелочная грызня, а критика замѣняется утопіями и фикціями.

Какъ ни различны понятія, нравы, интересы и характеръ борьбы въ различныя историческія эпохи, но реставраціи, контръ-революціи и вообще эпохи общественнаго упадка всегда сопровождались тѣми или другими изъ указанныхъ чертъ и проявленій деморализаціи. Эпохою измѣнъ и ренегатствъ былъ періодъ, наступившій въ Римѣ послѣ паденія Гракховъ. Чудовищный примѣръ деморализаціи представляетъ собою римское общество эпохи имперіи: отсутствіе идеаловъ здѣсь соединяется съ погоней за матеріальными наслажденіями, съ грубымъ развратомъ, съ пресмыкательствомъ передъ сильными, съ вѣчнымъ страхомъ передъ донощиками, съ распространеніемъ мистическаго суевѣрія и самыхъ дикихъ культовъ, съ обезцѣненіемъ жизни и съ многочисленными самоубійствами. Новая исторія знаетъ не мало подобныхъ періодовъ, хотя и въ меньшемъ масштабѣ. Реставрація Стюартовъ въ Англіи открыла ванханалію ренегатства, коррупціи и вообще моральной распущенности. Термидоріанская реакція, а потомъ восемнадцатое брюмера открыли эру торжества старыхъ силъ во Франціи, союза политическаго деспотизма и католической церкви, господства націонализма и милитаризма, оргіи ренегатства, компромиссовъ, коррупціи и духовныхъ пережитковъ. Пораженіе чартистовъ въ Англіи, іюньскіе дни и декабрьскій переворотъ во Франціи породили нѣкоторыя аналогичныя явленія то въ рабочей средѣ, то въ различныхъ слояхъ общества. Пораженіе влекло за собою разочарованіе и мистицизмъ. Разгромъ Коммуны 1871-го года наложилъ на много лѣтъ модерантистскій отпечатокъ на французское рабочее движеніе.

Отъ сознательной инициативы зависитъ многое для предотвращенія подобныхъ зигзаговъ или ослабленія ихъ остраго характера. Для этого она эмансипируетъ идеи отъ ошибочныхъ прогнозовъ, неосуществленіе которыхъ производитъ разочарованіе и дискредитируетъ идеалы, и воспитываетъ массы и ихъ руководителей на формулахъ и принципахъ, признающихъ условную зависимость результатовъ отъ дѣятельности и заключающихъ въ себѣ противоядіе въ виду возможнаго наступленія идейныхъ кризисовъ.

IV.

Для сознательной инициативы, эмансипация всякой подчиненной группы представляется не неизбежным фактомъ, а практической задачею, рѣшеніе которой можетъ зависѣть отъ вмѣшательства самой этой инициативы. Соціальныя группы съ ихъ способностями, сознаніями, силами, воспримчивостію представляются, для сознательной инициативы, данными этой задачи. Сознательная инициатива дѣлаетъ учетъ тѣхъ измѣненій, которыя могутъ быть произведены въ этихъ данныхъ работою стихійныхъ силъ; но она отвергаетъ всякую безусловную формулу стихійной эволюціи общественныхъ отношеній. Сознательная инициатива въ своихъ расчетахъ оперируетъ лишь надъ вѣроятностями и возможностями; иначе говоря, она подчиняетъ достиженіе эмансипаціи ряду условій, зависящихъ отъ дѣйствія силъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но сама сознательная инициатива есть сила, дѣйствіе которой входитъ, какъ переменное условіе, въ систему данныхъ, отъ которыхъ зависитъ исходъ борьбы за эмансипацію.

Сознательная инициатива есть прежде всего инициатива сознанія. Это—прежде всего инициатива творчества идеи освобожденія. Это, далѣе,—инициатива пробужденія сознаній и воспитанія подчиненной группы въ идеалъ эмансипаціи. Это, далѣе—инициатива организованія силъ и вступленія въ борьбу. Это—руководительство борьбою и подготовка массъ къ собственному руководительству. Въ извѣстныхъ случаяхъ это—достиженіе эмансипаціи собственными силами.

Однимъ словомъ, сознательная инициатива, это—источникъ импульсовъ и дѣятельности, безъ которыхъ движеніе, имѣющее цѣлью эмансипацію подчиненной группы, или вовсе не возникло бы стихійнымъ образомъ, или не привело бы ни къ какому успѣшному результату.

Сознательная инициатива есть инициатива личностей, обладающихъ извѣстными моральными и интеллектуальными качествами. Степень вліянія и воздѣйствія ихъ на общественную среду зависитъ, какъ и степень вліянія личностей вообще, отъ уровня ихъ способностей и дарованій или же отъ особо привилегированнаго положенія ихъ въ общественной организаціи, напр., политической власти или религіознаго авторитета. Роль личностей, развивающихъ сознательную инициативу въ дѣлѣ матеріальной и духовной эмансипаціи соціальныхъ группъ, есть одинъ изъ наиболѣе важныхъ случаевъ проявленія роли личности въ исторіи вообще. Здѣсь имѣется въ виду не вліяніе именно выдающихся личностей, и только выдающихся личностей, а вліяніе вообще сознательныхъ людей, инициативная дѣятельность которыхъ приноситъ тѣмъ болѣе важныя и плодотворныя послѣдствія, чѣмъ выше мѣра ихъ способностей ¹⁾. Исторія создается этими личностями въ той

¹⁾ Н. Карѣевъ, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи, Спб. 1890, особенно книга I, глава VII, и заключеніе.

мѣръ, въ какой она—продуктъ работы сознательной эмансипаціи. Въ той мѣрь, въ какой эти личности руководствуются не интересами личными, частными, узко-групповыми, а интересами общими, идейными, моральными, онѣ являются, соотвѣтственно терминологіи П. Л. Лаврова, тѣми критически мыслящими личностями, которыя вносятъ мысль, сознаніе, критику въ культуру общества, основаннаго на гнетѣ, эксплуатаціи, социальномъ неравенствѣ, и тѣмъ сознательно творять прогрессъ.

Сознательная инициатива, разъ только она возникла, начинаетъ дѣйствовать и вліять, какъ новая цѣлесообразная сила, на историческій процессъ, который безъ него оставался бы культурно-стихійнымъ. Но появленіе самой сознательной инициативы не представляется фатальнымъ и неизбѣжнымъ продуктомъ стихійнаго процесса развитія общественной жизни. Появленіе личностей, опредѣляющихъ въ данный моментъ исходъ данной исторической комбинаціи,—какъ и вообще всякое столкновеніе двухъ историческихъ рядовъ, не связанныхъ причинною связью,—есть дѣло случая. Возможность и вѣроятность появленія личностей, становящихся сознательными инициаторами дѣла эмансипаціи, зависитъ отъ общественныхъ условій. Чѣмъ болѣе удовлетворительны эти условія, тѣмъ болѣе благопріятны шансы, тѣмъ больше вѣроятность появленія сознательной инициативы. И, разъ она появилась, ея дѣйствіе перестаетъ ужъ быть случайнымъ.

Угнетеніе социальной группы само по себѣ еще не достаточно, чтобы вызвать движеніе и борьбу за эмансипацію безъ сознательной инициативы, какъ недостаточно оно для того, чтобы инициатива эта неизбѣжно возникла въ самой средѣ угнетенныхъ. Прудонъ возставалъ противъ мысли о стихійномъ творествѣ идей въ самихъ массахъ ¹⁾. «Угнетенный, говоритъ марксистъ Бебель, нуждается въ томъ, чтобы кто-нибудь его возбудилъ и ободрилъ, ибо у него нѣтъ независимости и способности инициативы» ²⁾. Анархистъ Малато протестуетъ противъ идеализаціи угнетенныхъ массъ и ихъ способностей, которую онъ считаетъ мистицизмомъ и демагогіею. «Вмѣсто того, чтобы признать, что эти революціонныя движенія свидѣтельствовали главнымъ образомъ объ инициативѣ передового меньшинства, потрясавшаго и увлекавшаго массу, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстные психологическіе моменты,—стали славословить массу, приписывая ей нѣчто въ родѣ общей души, перманентной и одаренной самопожертвованіемъ, героизмомъ и геніемъ» ³⁾.

Вотъ почему исторія знаетъ многіе случаи, когда социальныя группы оставались неопредѣленно долго въ состояніи подчиненія, не помышляя вовсе объ эмансипаціи, ибо сознательная инициатива не рождалась внутри этихъ группъ и не являлась также извнѣ.

¹⁾ P r o u d h o n, De la capacité politique de classes ouvrières, стр. 19—20, 74 и 84.

²⁾ B e b e l, Die Frau, стр. 76.

³⁾ Ch. M a l a t o, Les classes sociales, стр. 61—62.

Весьма многочисленны случаи, когда сознательная инициатива, направленная на эмансипацию подчиненной группы, приходила извне, и при томъ часто даже изъ среды господствующаго меньшинства.

Ученіе Будды имѣло вначалѣ приверженцевъ въ средѣ самого класса браминовъ. Первые и самые опасные враги католицизма вышли изъ среды католическаго же духовенства. Революціи часто имѣли во главѣ выходцевъ изъ господствующихъ группъ и классовъ. Инициативами реформъ въ пользу плебса часто являлись въ Римѣ патриціи, какъ въ послѣдствіи во главѣ демократіи въ борьбѣ ея съ аристократіею часто становились политическіе дѣятели, принадлежавшіе по своему происхожденію и общественному положенію къ привилегированному классу. Безъ агитаціи «бѣдныхъ священниковъ» врядъ-ли разразилось бы возстаніе англійскихъ крестьянъ въ 1381 году. Въ эпоху великой французской революціи инициатива демократической конституціи и всеобщаго избирательнаго права возникла не въ народной массѣ, а въ буржуазной средѣ. Инициатива борьбы за эмансипацию женщины исходила въ большей мѣрѣ отъ мужчинъ, чѣмъ отъ самихъ женщинъ. Теоретики эмансипаціи рабочаго класса и коренного преобразованія буржуазно-индивидуалистическаго строя вышли главнымъ образомъ изъ среднихъ и высшихъ классовъ. Инициатива борьбы за свободу коалицій въ Англіи исходила не отъ рабочихъ союзовъ, а отъ идеологовъ буржуазнаго лагеря¹⁾. Огромное значеніе «интеллигенціи» въ соціальныхъ и политическихъ движеніяхъ послѣдняго времени, ея участія и въ особенности ея инициативы,—общеизвѣстный фактъ.

Когда личности, принадлежащія къ господствующему или привилегированному меньшинству, берутъ на себя инициативу или примыкаютъ къ движенію, задача котораго—эмансипація подчиненныхъ массъ, то онѣ часто руководствуются мотивами, въ основѣ которыхъ лежатъ интересы идейнаго и моральнаго порядка. Тѣ же интересы толкаютъ на работу, преслѣдующую идеаль эмансипаціи, тѣ личности, которыя принадлежатъ къ подчиненнымъ группамъ, когда работа эта требуетъ жертвъ, результаты же борьбы плодотворны для интересовъ не самыхъ борцовъ, а группы, какъ цѣлаго, или же для самихъ борцовъ не окупаютъ и не могутъ окупать приносимыхъ ими жертвъ.

Сознательная инициатива стремится ассимилировать свой идеаль сознанію массъ и сдѣлать свою работу работою массъ. Отъ надлежащей постановки задачъ, отъ ея энергіи, отъ ея неустанной критики и самскритики зависитъ вѣроятность успѣха защищаемаго дѣла. При достаточно благопріятныхъ условіяхъ вѣроятность эта сильно приближается къ достовѣрности.

¹⁾ Gust. F. Steffen, Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter, B. II, Stuttgart, 1904, стр. 300.

- Лафаргъ, П. Собственность и ея происхожденіе. Ц. 50 к. Исторія соціализма во Франціи. Ц. 25 к.
- Леруа, М. Эволюція государственной власти. (Синдикаты чиновниковъ). Ц. 70 к. Изд. „Общ. Пользы“.
- Лескюръ, Ж. Общие и періодическіе промышленные кризисы. Ц. 2 р. 50 коп.
- Лоріа, А. Соціологія. Пер. съ нѣм. подъ ред. Ю. Филиппова. Ц. 60 к.
- Лоу, С. Государственный строй Англіи. Пер. съ англійскаго В. И. Браудо подъ ред. и съ предисл. проф. бар. Б. Э. Нольде. Ц. 1 р. 50 к. Изд. „Общ. Пользы“.
- Луи, Поль. Рабочее законодательство въ странахъ Старого и Нового Свѣта. Ц. 30 к. Изд. „Общ. Пользы“.
- Луи, Поль. Рабочій и государство. Сравнительная исторія законодательства и труда въ обѣихъ частяхъ Свѣта. Ц. 1 р. 50 к.
- Масловъ, П. Аграрный вопросъ въ Россіи. Т. I. Изд. 4-е. Ц. 2 р. 50 к.
- Минскій, На общественныя темы. Ц. 1 р.
- Пажитновъ, К. А. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Полянскій, Н. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Рейснеръ, М. Государство и вѣрующая личность. Ц. 2 р. 50 к.
- Скалонъ, В. По земскимъ вопросамъ. Т. I-й. Въ переходное время. Ц. 1 р. 50 к.
- Страховскій, И. Крестьянскія права и учрежденія. Ц. 1 р. 50 к.
- Сувиловъ, Н. Безработица и страхование отъ ея послѣдствій въ Западной Европѣ. Ц. 75 к.
- Шингаревъ, А. Вымирающая деревня. Ц. 1 р.
- Шиппель, М. Денежное обращеніе. Ц. 50 к.
- Шлоссъ, Д. Формы заработной платы. Ц. 1 р. 50 к.
- Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Сборникъ статей под. ред. Кастильянского. Ц. 7 р. 50 к. Изд. „Общ. Пользы“.
- Франкъ, С. Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Ц. 1 р. 50 к. Изд. Водовозовой.
- Фридманъ, М. Наша финансовая система. Ц. 50 к. Изд. „Общ. Пользы“.
- Фридманъ, М. Современные косвенные налоги на предметы потребленія. Ц. 3 р. Изд. „Общ. Пользы“.
- Хейсинъ, М. Профессиональные рабочіе союзы. Ц. 30 к.
- Хилкунтъ, М. Исторія социализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Ц. 75 к.

Складъ выполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.

Заказы исполняются налож. плат.

Каталоги по требованію бесплатно.

Цѣна 3 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Въ книжномъ магазинѣ т-ва „Общественная Польза“, Спб., Невскій
пр., д № 40, кв. 43.

